Е.Е. Неразик

СЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩЕ В ХОРЕЗМЕ (I–XIV вв.)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ
Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ТРУДЫ ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
члена-корреспондента АН СССР
С. П. ТОЛСТОВА

IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Е. Е. Неразик

СЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩЕ В ХОРЕЗМЕ (I–XIV ВВ.)

ИЗ ИСТОРИИ ЖИЛИЩА И СЕМЬИ

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

902.6
Н 54

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Т. А. ЖДАНКО

В книге рассматриваются проблемы развития сельских жилищ и поселений древнего и средневекового Хорезма, история хорезмской земледельческой общины и семьи. В основу работы положен большой, часто уникальный материал, собранный автором в многолетних экспедициях. Его описание составляет первую часть книги. Во второй части прослеживаются этапы формирования сельского жилища в Хорезме, делается попытка на этой основе реконструировать структуру хорезмской семьи.

Н $\frac{10602\text{-}122}{013(02)\text{-}76}$ 113-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование сельских поселений и жилищ занимает все более заметное место в археологических работах, ведущихся на обширных территориях древних государств Средней Азии и соседних стран Востока.

Возрастающий интерес к этой теме не требует особых разъяснений, так как понятно, что без изучения сельских поселений, сосредоточивавших значительную часть жителей страны, без представления об облике селений и жилищ, понимания взаимоотношений города и сельской округи, роли сельского ремесла и т. п. нельзя разобраться в сути самого общества, его строе, его истории.

Сельским поселениям Хорезма и посвящен данный труд, задуманный как продолжение предшествующей монографии автора «Сельские поселения афригидского Хорезма» [1966]; в процессе работы над этой книгой возникло много вопросов, касающихся путей развития сельского жилища Хорезма, типов расселения, особенностей его земледельческой общины, структуры семьи и др. Стало совершенно ясно, что их решение зависит от накопления новых материалов, далеко выходящих за хронологические рамки (VII—VIII вв.) указанной монографии. Потребовалось не только углубление в древность, но и знакомство с более поздними средневековыми поселениями в Хорезме.

Так возникла тема, предполагавшая исслеХорезмской экспедиции под руководством авИменно Хорезм предоставляет наиболее благоприятные условия для постановки такой темы, так как здесь пустыня сохранила нетронутыми остатки разновременных поселений и целых *древних земледельческих оазисов*, занимающих подчас сотни гектаров, запечатлевшие и донесшие до наших дней подробности жизненного уклада древних и средневековых земледельцев. Благодаря этому возникла возможность исследовать поселение не просто как сумму составлявших его построек, но как единый организм, включавший земельные *угодья жителей, остатки ремесленных изделий* и промыслов, ирригационных систем, восстановив при этом краткую историю оазиса (в случае его многолетнего обживания). Изучению поселений способствует и то, что к 1964 г., когда начались первые работы по интересующей нас теме, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция уже накопила большой опыт в аэрофотосъемке и дешифровке аэрофотоснимков, совершенно необходимый и широко нами использованный при составлении планов обширных заброшенных земледельческих оазисов [Толстов, Андрианов, Игонин, 1962; Игонин, 1965; Андрианов, 1969].

Весьма важно также, что к началу наших работ уже имелись интересные, хотя и немногочисленные, сведения о сельских поселениях Хорезма. Концепция С. П. Толстова о развитии социально-экономических отношений в Хорезме была построена во многом на обобщении результатов разведок и раскопок хорезмских поселений в предвоенные и первые послевоенные годы [Толстов, 1948; его же, 1962]. Эти обобщения были впоследствии конкретизированы — подробно изучены отдельные усадьбы (Дингильдже) [Воробьева, 1973] и целые оазисы (Беркут-калинский) [Неразик, 1966], проведены маршрутные работы на территории средневековых поселений Левобережного и Правобережного Хорезма [Вактурская, Вишневская, 1959; Вишневская, 1963].

Однако для работы над избранной нами темой требовался материал гораздо более широкий — количественно и хронологически.

В 1964 г. небольшой разведочный отряд хорезмской экспедиции под руководством автора *этой книги приступил к широкому обследованию* разновременных сельских поселений Хорезма, завершившемуся в 1971 г. Первые два сезона основным объектом изучения явились поселения и жилища, датируемые первыми веками нашей эры, почти не сохранившиеся в Левобережном Хорезме, но довольно многочисленные на правом берегу Амударьи.

На этих последних и сосредоточилось внимание отряда. В те годы участники экспедиции тщательно исследовали Аяз-калинский, Джанбас-калинский и Кургашин-калинский оазисы, составили их подробные планы, учитывающие данные аэрофотосъемки и внимательно дешифрованные на местности. Этот метод был положен в основу всей работы. Обследовались также окрестности Кой-Крылган-калы, Ангкакалы и Базар-калы. Было раскопано три дома в Джанбас-калинском поселении и один — близ Аяз-калы III.

В последующие годы (1966—1971) основные работы отряда проводились на левом берегу Амударьи, где в Левобережном Хорезме изучались средневековые сельские поселения и жилища. За эти годы пешеходными и машинными маршрутами была покрыта большая территория; практически не оставалось ни одного сколько-нибудь значительного поселения, которое не стало бы объектом изучения. В 1966 г. начались работы на территории поселений XIV в., расположенных вдоль большого канала, переустроенного в XIX в., когда он и получил название «Шамурат». Здесь открыто большое поселение, названное по имени близлежащей крепости Акча-Гелинским. Тогда же участники отряда сделали подробный план одновременного ему, но типологически совершенно иного поселения возле Ак-калы у возвышенности Бутен-тау, раскопали там два дома и несколько погребений. В последующие два года изучение поселений золотоордынского периода продолжалось: были завершены работы на поселении Акча-Гелин I, где произведены раскопки трех домов, составлявших одну из типичных для него групп построек; составлен план синхронного поселения у Куня-Уаза и вскрыт на его площади один из самых своеобразных домов, когда-либо раскопанных отрядом.

В 1967—1968 гг. расширение зоны работ захватило район междуречья Северного Даудана и Дарьялыка, очень своеобразный в природно-ландшафтном отношении и важный для понимания особенностей материальной культуры золотоордынской эпохи в истории Хорезма. Здесь продолжались работы, начатые О. А. Вишневской: изучалось большое поселение близ старой плотины Салак-Бент, построенной в конце XIX в. туркменами (поселение отмечено Б. В. Андриановым, составлявшим археолого-топографическую карту Левобережного Хорезма, точкой 845) (рис. 1). Уточнялась планировка поселения, выявлены весьма оригинальные в важные особенности ирригационной системы и водоснабжения этого поселения, вскрыто несколько погребений на близлежащем кладбище. Маршруты охватили и ранее «не освоенную» отрядом большую средневековую земледельческую зону (площадью примерно 20 × 20 *км*) окрестностей Шахрлика — небольшого городка или торгово-ремесленного поселения XIV в. [Вактурская, 1963, 45—53]. Была составлена схематическая карта этого района и подробные планы нескольких рассредоточенных поселений, обмеряно несколько десятков жилищ, два из них раскопаны. В 1969 г. раскопками одной из самых больших жилых построек — дома № 41 — изучение окрестностей Шахрлика завершилось.

Одновременно с раскопками поселений золотоордынской эпохи проводились широкие рекогносцировочные работы и раскопки на поселениях времени правления Великих Хорезмшахов. Они начались в 1967 г. после открытия поселения в урочище Айгельды (на канале Черменяб) и раскопок одного из его жилищ. С 1968 по 1970 г. основное внимание отряда сосредоточилось на исследовании большого оазиса, расположенного в 10 *км* к юго-западу от городища Замахшар, в урочищах Сюзанлы и Дарьялык-куль (первые сведения об этих урочищах получены в результате работ отряда О. А. Вишневской) [1963, 56—59]. Здесь был собран очень большой материал, всесторонне характеризующий культуру эпохи (украшения из стекла и бронзы, железные орудия труда и прочие предметы хозяйственного обихода, терракотовые фигурки животных, керамическая поливная и неполивная посуда). Результаты раскопок пяти жилищ в том же оазисе позволили создать очень ясное представление о типе жилищ и многих вопросах, связанных с их историей [Неразик, 1969, 417—419; ее же, 1970, 402—403].

Попутно, продвигаясь на запад вдоль канала Чермен-яб от Замахшара до Шах-Сенема, мы обследовали все новые жилые комплексы, усадьбы, замки XII—XIII вв.; закладывался прочный фундамент знаний, необходимых для разработки темы.

Собранные материалы получили новое освещение в связи с продолжением работ в Кават-калинском оазисе, предпринятых в 1970—1971 гг. Каракалпакским государственным музеем искусств при участии его директора И. В. Савицкого, археолога Ю. П. Манылова и автора этих строк. Раскопки трех домов оазиса и подробное изучение большинства сохранившихся на его территории строений, в том числе замков, во многом изменили сложившееся ранее представление о путях формирования хорезмского сельского жилища, наметив новые линии его развития и дав объяснение ранее неясным вопросам [Неразик, Савицкий, Манылов, 1974].

Одновременно продолжалось знакомство с

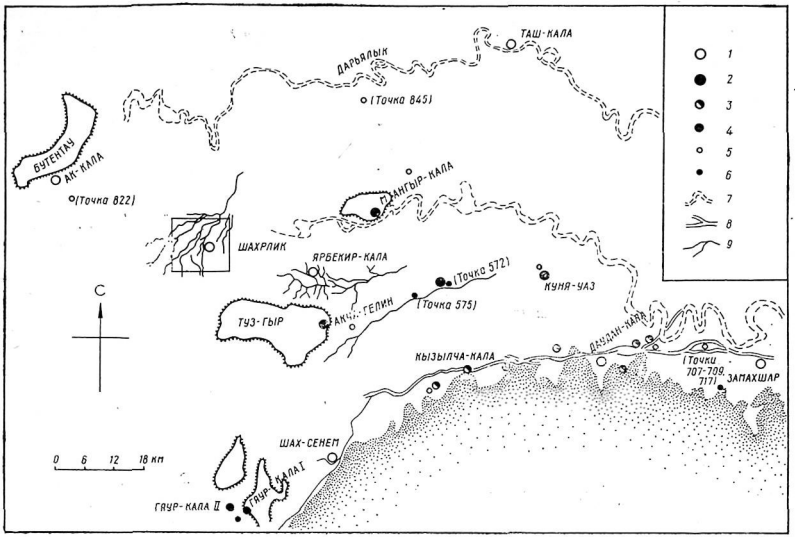


Рис. 1. Схема расположения обследованных отрядом сельских поселений в Левобережном Хорезме. Квадратом выделена зона работ отряда в районе Шахрлика:

1 — остатки средневекового города; *2* — остатки античного крупного поселения или города; *3* — средневековый замок или большой укрепленный пункт; *4* — античный укрепленный пункт, укрепленная усадьба; *5* — средневековое сельское поселение; *6* — античное сельское поселение; *7* — речное русло; *8* — крупный канал; *9* — мелкий канал. Таблицу условных обозначений ко всем остальным рисункам см. в конце книги (рис. 110).

поселениями античной и раннесредневековой эпох. Большой оазис IV—V вв. близ Турпак-калы на левом берегу, ставший местом стационарных работ в 1969—1970 гг., будучи единственным на территории Хорезма хорошо сохранившимся поселением данного периода, оказался чрезвычайно важным с точки зрения составления эволюционного ряда сельских жилищ. Были вскрыты три жилые постройки, впервые выявившие облик сельского дома IV—V вв. [Неразик, 1971, 415—416]. Попутно, на территории между Турпак-калой на востоке и Ярбекир-калой на западе, весьма оживленной во все эпохи от ранней античности до позднего средневековья, обследовались постройки VI—IV вв. до н. э., в частности проведены раскопки большого недостроенного здания IV—III вв. до н. э.

В те же годы на правом берегу, близ Аязкалы, были закончены раскопки дома № 3 (начало нашей эры), в котором неожиданно оказался слой IV—III вв. до н. э. Продолжалась фиксация поселений на обширной равнине к югу от отрогов Султан-Уиздага, причем было открыто интересное поселение виноделов с остатками многих винодавилен первых веков нашей эры.

Близ Аяз-калы изучен также большой, совершенно уникальный по планировке комплекс VII—VIII вв. [Неразик, 1971, 416].

Раскопки большой усадьбы VII—VIII вв. в 2,5 *км* к югу от Аяз-калы III пополнили представление о планах сельских построек этой эпохи новыми важными подробностями; в радиусе 2—3 *км* от этой усадьбы обмеряно и изучено еще несколько близких по облику жилищ того же времени.

В итоге обследовано несколько десятков поселений (площадь некоторых превышает 100 *га*), составлены подробные планы 24 из них; обмеряно более 350 жилых построек, 27 жилищ целиком раскопаны. Собрано много предметов из глины, стекла, бронзы, железа. Большинство этих материалов относится к эпо-

хе средневековья, что объясняется гораздо худшей сохранностью древних построек. Особенно подробно может быть охарактеризована эпоха Хорезмшахов (XII — начало XIII в.), когда страна переживала культурный и экономический подъем [см.: Неразик, 1970а; ее же, 1970б; ее же, 1972].

Нельзя не отметить, что все эти работы не могли бы быть осуществлены без поддержки и помощи постоянных сотрудников отряда М. Ф. Грошевой, И. В. Лясникова, Ю. П. Манылова, С. Абдурахмановой, В. Д. Севрюгина, Л. Л. Галкина, которым автор безмерно благодарен. Автор признателен Н. Н. Вактурской, В. Д. Берестову, В. А. Иогансен и другим товарищам, принявшим участие в работе отряда на разных ее этапах, а также всему коллективу Хорезмской экспедиции, и особенно художнику Г. М. Баеву, подготовившему иллюстрации к печати.

Автор не преследовал цели разработать столь большой материал во всех возможных его аспектах. Как уже отмечено выше, он поставил перед собой две основные задачи: установить эволюцию типов сельских жилищ Хорезма от начала нашей эры до позднего средневековья, иными словами — проследить историю сложения народного жилища населения Хорезмского оазиса; на этой основе попытаться выяснить, что представляла собой низовая ячейка общественной структуры — семья — на разных этапах указанного времени.

Решить и даже правильно поставить многие вопросы, связанные с первым из избранных направлений исследования, пользуясь только хорезмским материалом, было бы затруднительно. Потребовалось привлечение сопоставительного материала, накопленного советскими и зарубежными исследователями. Он столь обширен, что даже краткий его перечень не представляется возможным. Нужно лишь отметить, что наряду с исследованиями развалин городов на территории Средней Азии в последние годы широко, но несколько неравномерно изучаются разновременные сельские поселения, почти неизвестные по материалам Переднего Востока.

Накопился довольно значительный материал об усадьбах и замках VII—VIII вв.; гораздо меньше собрано сведений о сельских поселениях других периодов, особенно античного[1]. В последние годы они стали объектом специального изучения в Южной Туркмении, и есть основания надеяться, что его результаты отчасти восполнят этот пробел [Пилипко, 1970; его же, 1971; его же, 1972].

Интересны итоги раскопок средневековых сельских поселений в Киргизии, где в районе городища Красная речка вскрывается целый комплекс загородных усадеб [Кожемяко, 1967, 56—85; его же, 1970, 35—41]. Очень перспективны с точки зрения исследования сельских поселений работы по составлению археологических карт, уже законченные в Казахстане и ведущиеся в других республиках Средней Азии [Атагарриев, Лисицина, 1970; Ростовцев, 1973, 175—176; Сулейменов, 1973, 129—130]. Они суммируют огромный материал, важный прежде всего для исследования постановки и решения ряда проблем, связанных с историей расселения в Средней Азии; он может лечь в основу классификационных схем и типологий.

В результате работ, проведенных в последние годы, дополняется и расширяется классификация типов построек, намеченная по материалам Хорезма, Ферганы, Уструшаны, Чача, древних районов на территории Южной Туркмении и Казахстана [см.: Толстов, 1948, 32—34 и сл.; Бернштам, 1951, 17—24; Кабанов, 1950, 86—87; его же, 1956, 163—164; Негматов, 1957, 17 и сл., и др.]. Особенно интересна появившаяся сейчас возможность более дробной классификации сельских и раннесредневековых построек [см. вышеуказанные работы Пилипко; Горбунова, 1973, 133—134; Нильсен, 1966]; в основу классификации наиболее изученных раннесредневековых построек уже можно положить не только их размеры и общие черты внешнего облика, но и особенности внутренней планировки.

Вскрытие широких площадей городской застройки античного периода в Халчаяне, Дальверзин-тепе и Зар-тепе — в древней Бактрии, Гяур-кале — в Мерве и Топрак-кале — в Хорезме, в раннесредневековом Пенджикенте и средневековых Таразе, Отраре, Шехр-Исламе и Чугундоре позволяет все отчетливее выявить черты городских среднеазиатских домов, принадлежавших лицам из разных социальных слоев, появляется возможность сопоставления сельских и городских жилищ, выделения общих для обширных территорий черт планировки, намечаются локальные варианты построек, прослеживаются культурные контакты [Пугаченкова, 1973]. С накоплением этого материала архитектура жилища вошла полноправной частью в обобщающие труды по общим вопросам истории архитектуры, основывавшиеся ранее главным образом на результатах раскопок крупных зданий и монументальных памятников архитектуры. Эти труды, рассматривающие общие черты архитектуры того или иного периода применительно к широким регионам Средней Азии или других стран Востока, полезны для исследо-

[1] Этот термин использован в работе только в хронологическом смысле.

вания сельских поселений этих регионов [Лавров, 1950; Пугаченкова, 1958; ее же, 1971; Воронина, 1961; Нильсен, 1966; Pope, 1938—1939; Reuther, 1938—1939; Herzfeld, 1935; его же, 1941; Frankfort, 1954; Ghirshman, 1962; его же, 1963; Godard, 1962, и др.].

Интерес к жилищу повышается и среди зарубежных ученых, свидетельство чему — появление в трудах по архитектуре и искусству Переднего Востока и Египта специальных разделов, посвященных жилым постройкам [см., например, Badawy, 1966].

Помимо большого числа работ публикационного характера и сводных обобщающих трудов по истории архитектуры Средней Азии и сопредельных стран автор предлагаемой книги использовал этнографические описания среднеазиатских поселений и жилищ [Воронина, 1949; ее же, 1951; ее же, 1957; Сазонова, 1958; Захарова, 1959; Семенов, 1958; Писарчик, 1966; ее же, 1970, и др.]. Среди них следует особо отметить труды таджикских этнографов, тщательно зарегистрировавших особенности традиционного жилища горных и равнинных таджиков, сохранившего много черт построек глубокой древности. Однако этнографические труды, детально рассматривая жилища и поселения конца XIX — начала XX в. и современные, к сожалению, как правило, мало касаются истории их формирования, что в значительной степени объясняется недостатком археологического материала и отчасти отсутствием должного к нему внимания. Весьма перспективными в плане исследования генезиса жилища являются археологические работы на городище Отрар [Акишев, Ерзакович, 1973, 462—463; Байпаков, 1973, 186—188], где вскрываются слои XVI—XVIII вв., позволяющие, как и более ранние работы на городище Куня-Ургенч в Хорезме [Вактурская, 1958; Федоров-Давыдов, 1958], сомкнуть археологические материалы о жилище с этнографическими.

Но в целом благодаря описанному выше обследованию сельских поселений и жилищ появилась возможность создать (пока еще в общих чертах) историю сельского жилища только для Хорезма; она и предлагается в данном труде, являясь итогом одного из двух направлений исследования. Масштабы разработки указанной темы, разумеется, могли быть различными. Подробно исследуемая история жилища неизбежно должна включить вопросы, связанные с влиянием на формирование жилища таких факторов, как природно-хозяйственные условия, социально-экономическая среда, семейная структура, политическая обстановка, этнические моменты, наличные строительные материалы. Однако в наши задачи не входило написать труд, подобный, например, книге А. Рапопорта «Формы дома и культура» (Лондон, 1969), в которой на широком в хронологическом и пространственном отношении материале автор анализирует вышеперечисленные проблемы. Мы ставили целью проследить эволюцию композиционно-планировочной схемы, самой «архитектурной идеи», а указанные вопросы поднимались в связи с выяснением причин тех или иных изменений в развитии типов хорезмского жилища в виде небольших экскурсов.

Второе направление нашей работы связано с реконструкцией социальной структуры общества, общественных отношений на основе материальных, археологических остатков. Это именно тот аспект исследования жилищ и поселений, о котором несколько лет назад писал С. А. Токарев: «Каков бы ни был семейный или иной коллектив, он всегда имеет свою структуру, и эта структура непременно отражается, порой существенным образом, и на типе постройки, и на соотношении ее частей, и на распределении предметов обстановки, интерьера, на функционировании отдельных помещений» [1970, 15—16]. По мнению С. А. Токарева, исследователь может проследить разделение жилища на мужскую и женскую половины, посмотреть, отвечает ли распределение комнат социальной иерархии обитателей. Изменение же функций жилища и отдельных его частей отражает изменения форм семьи [там же]. То обстоятельство, что жилища и поселения могут служить прекрасным источником для реконструкции социальной структуры общества, в частности структуры семьи и более обширных родственных организмов, доказано еще Л. Морганом (1934) и работами целой плеяды советских этнографов [Кондауров, 1935, 101; его же, 1940; Никольская, 1947; Студенецкая, 1948; Витов, 1955; Кисляков, 1966; Робакидзе, 1964; Калоев, 1971, 150—152, и др.] Сводка литературы по этому вопросу приведена М. О. Косвеном [1963, 94—97]. Археологи также прибегают к реконструкциям социальных структур по материалам поселений и жилищ. Так, концепция С. П. Толстова о социально-экономических процессах в Хорезме, как сказано выше, построена в значительной мере на изучении эволюции типов поселений. А. Н. Бернштам и многие другие также рассматривали эти материалы в социологическом плане [Киселев, 1928; Бернштам, 1950, 73—74; его же, 1951, 17 и сл.; его же, 1952, 222, 230—232, 264—272; Рикман, 1962; В. М. Массон, 1963, 303—351; Неразик, 1966, 112—120, и др.]. Однако планировка жилища как источник для реконструкции структуры семьи пока еще недостаточно используется археологами. Эту тему подробно исследуют главным образом ученые,

занимающиеся археологическими памятниками эпохи первобытности и раннеклассовых обществ. Специальных трудов почти нет.

В трудах, касающихся городских и сельских поселений, эти проблемы если и затрагиваются, то лишь мимоходом. Остается пожалеть, что огромные площади городской застройки, вскрытой в древних месопотамских и индийских городах (см., например, работы Гопкинса о Дура-Европос 1934 г., Р. Кольдевея о Вавилоне 1935 г. или Дж. Маршалла о Таксиле 1950 г., и др.), не занимали исследователей с интересующей нас стороны. При невнимании к отдельным, подчас таким важным деталям интерьера жилищ, как очаги, использование данных материалов для изучаемой нами темы представляет большие трудности.

Последнее десятилетие в отечественной науке отмечено возросшим интересом к теоретическим проблемам в археологии, разработке ее эмпирических и концептуальных основ, системному подходу к методике анализа источников [Захарук, 1973, 15; Хеннинг, Захарук, Каменецкий, Клейн, В. М. Массон, Федоров-Давыдов, 1973, 6—10; Захарук, 1973а, 43—46], определению того, что есть предмет археологии. В связи с этим еще большее внимание археологов привлекает исследование поселений и жилищ как одного из важнейших археологических источников. Ставятся задачи изучать поселение как целостный организм (из чего следует необходимость вскрытия больших площадей), взаимосвязь поселений (или макроструктуру, если одно поселение рассматривать как микроструктуру), проследить иерархию поселений как итог их развития [см.: Реконструкция древних общественных отношений...]. Вырабатываются понятия основных археологических критериев при определении структуры поселений и жилищ [Распопова, 1973, 160—162], создаются типологические классификации. Таким образом, постепенно разрабатывается единая методика и теория исследования поселений и жилищ как археологического источника.

Археологические материалы сейчас широко используются для постановки и исследования вопросов демографии, приобретших большую популярность среди археологов. Ведутся подсчеты населения древних и средневековых городов Востока с учетом общей площади, занятой домохозяйствами и жильем, с использованием более поздних статистических данных, полученных в итоге обследования населения, жившего в сходных условиях [Frankfort, 1950, 103—104; Woolley, 1957, 247; Байпаков, 1974, 188—201; Шишкин, 1962, 105; Большаков, 1973, 256—269, и др.]. Эти материалы очень интересны для исследования структуры населения, хотя можно отметить и обратную связь — сведения о последней могли бы уточнить соответствующие демографические подсчеты.

В предпринятом нами исследовании структуры семьи Хорезма в VII—VIII вв. (1966) большую роль сыграли этнографические материалы. Еще более важными они оказались для интерпретации материалов раскопок более поздних средневековых жилищ в Хорезме, когда в его культуре уже отчетливей прослеживаются черты, традиционно существующие здесь на протяжении столетий.

Нельзя, однако, не отметить один, с нашей точки зрения, очень важный недостаток этнографических работ, посвященных жилищу. Даже в самых подробных и детальных из них в большинстве случаев отсутствуют сведения о числе обитателей дома и их распределении по комнатам, нет данных о количестве утвари, ее видах, размещении в доме. Обычно описаниям жилища и сведениям о семье отведены свои особые разделы; дом поэтому предстает перед читателем ненаселенным, что вносит определенные трудности при пользовании данными работами. Тем более ценны для нас полевые записи А. Н. Жилиной, обследовавшей в 1966 г. сельские жилища узбеков Хорезмской области, поскольку в этих материалах сведения о доме и семье оказались «совмещенными». А. Н. Жилина предоставила свои записи в распоряжение автора, за что, пользуясь случаем, мы приносим ей свою признательность.

Следует особо оговорить, что в нашей работе сделана попытка рассмотреть только один из возможных аспектов исследования семьи — ее структуру — и только в той степени, в какой это оказалось возможным по нашим археологическим материалам с привлечением отдельных письменных документов. Мы не стремились написать историю семьи в Хорезме в полном объеме, касаясь и ее функций. Да и вряд ли это можно сделать сейчас (учитывая скудость собственно хорезмских источников), даже если разобраться в накопившейся к настоящему времени огромной литературе (список вышедших с 1904 по 1964 г. работ насчитывает 12 тыс. названий) [см.: Aldous, 1967] и собрать все касающиеся семьи сведения, которые содержатся в средневековых произведениях, особенно юридических и мемуарных. Мы ограничили себя, посвящая работу жилищу Хорезма, только теми, подчас очень яркими и выразительными сведениями, которые можно извлечь, анализируя планировку жилых построек и поселений.

Следует отметить, что исследования поселений и жилищ занимают в последние два десятилетия большое место в зарубежной архео-

логии, в частности американской, являясь предметом дискуссий в связи с активизацией внимания к теоретическим и методологическим разработкам. Повышение интереса к широким социологическим реконструкциям, изучению истории человечества, сближению наук, например археологии и этнологии (этнографии), вызвали к жизни новое направление (или новую вспомогательную дисциплину, как ее квалифицируют американские ученые), названную «Settlement Archaeology» (поселенческая археология). Непосредственным толчком к возникновению этой дисциплины послужил выход в свет книги Гордона Вилли о его исследованиях поселений в одной из долин Северной Америки («Prehistoric Settlement Pattern in the Viru Valley»). За ней последовал ряд работ с изложением основных задач этого направления, состоялись дискуссии о его методологической основе, обсуждения на совещаниях, результаты которых изложены в сборниках, изданных в США и Англии («Settlement Archaeology», New York, 1968; «Man, Settlement and Urbanism», London, 1972). К. Чжан, один из теоретиков американской археологии, полагает, что исследование поселений поможет понять социальную организацию, так как «settlement» является эквивалентом «community» — общины, которую, в свою очередь, можно рассматривать в качестве первичного единства, модели культуры, ключа к пониманию общества [Chang, 1966, стр. 94—95]. Однако, как уже отмечено, эти понятия не всегда совпадают [В. М. Массон, 1974, 6].

Поэтому девизом представителей «Settlement Archaeology» является вскрытие больших площадей, поселений целиком, интерес к этнографии современного, по их представлениям, «отсталого» населения, к социальным реконструкциям. Эти задачи объединяют данное направление с «новой археологией» [Binford, Clark и др.], стоящей, однако, на другой методологической основе [см.: Binford, 1972, 5—26].

Представителей «новой археологии» отличает стремление открыть законы развития культуры, объяснить культурные изменения, создать в конечном счете теоретическую археологию, философию археологии, а для этого применить современные методы исследования, разработать их основные принципы. В основе их исследований лежит признание, что по вещественным остаткам возможно реконструировать явления и процессы социально-экономической и культурной жизни общества.

Как подчеркнул А. Л. Монгайт, одной из важнейших черт «новой археологии» является системный подход к исследованию археологических объектов, являющихся основным источником информации о «субкультурах» или «субсистемах» (в которые зарубежные ученые сводят свои представления об обществе и культуре отдельных регионов и совокупность которых составляет, по их мнению, человеческую культуру). Важнейшими из них являются субсистемы средств существования («sustaining»), технологическая (производственная деятельность человека), социальная, идеологическая, коммуникативная [Binford, 1962, 217—220; Rouse, 1972, 95; Монгайт, 1973, 61].

Мы не станем вдаваться в подробности методологических разногласий К. Чжана и Л. Бинфорда, выдвинувшего в противовес традиционному историко-сравнительному методу свой гипотезно-дедуктивный (нашедший критическую оценку у советских исследователей) [см.: В. М. Массон, 1973, 48; Клейн, 1973, 303—306]. Они сводятся в конечном итоге, как справедливо отметил Г. Вилли [1968, 209], к вопросам процедуры. Остановимся лишь на той большой роли, которая отводится американскими учеными в процессе исследований и реконструкций этнографическим материалам, давно уже оцененным по достоинству советскими археологами.

Б. Триггер, много занимающийся историей поселений, считает, что живые примеры древних обществ могут быть найдены среди так называемого примитивного населения настоящего времени; поэтому структура общества на разных этапах его истории может быть реконструирована при помощи этнологических (этнографических) фактов [Trigger, 1967, 150]. Как подчеркивает тот же Б. Триггер, исследователи пользуются методом прямого исторического сближения, что особенно перспективно в таких областях, где обнаруживается преемственность традиций с древности до настоящего времени [Trigger, 1968, 49; его же, 1968а; Chang, 1967, 229]. Однако справедливо подчеркивается и необходимость с осторожностью подходить к использованию этнографических параллелей, так как сходные материальные признаки не всегда являются свидетельством одинаковых явлений в области общественных отношений и идеологии [Trigger, 1968, 50, 58; Binford, 1968, 14].

Л. Бинфорд, ссылаясь на то, что далеко не каждая современная «культурная форма» может найти параллель в прошлом, в древней истории, предостерегает от слишком прямых сопоставлений и требует строжайшей проверки выдвинутых предположений методом дедукции. Он полагает, что, до тех пор пока мы будем настаивать, что знания о прошлом лимитированы нашими знаниями настоящего, мы ставим себя в методологический тупик [Binford, 1968, 14].

Безусловный интерес представляет отношение ряда представителей «Settlement Archaeology» к поселениям и жилищам как к возможному источнику сведений о семье и родственной структуре их обитателей [Chang, 1962, 37 и сл.], и этот аспект предполагает широкое использование данных этнографии [см. также: Tringham, 1972, 19].

Устанавливая, что планировка поселений отражает родственную и социальную структуру общества, влияние экологических факторов, занятия населения и пр., делаются разработки методики исследования поселений [Chang, 1968, 103; Trigger, 1965, 43; его же, 1968, 56—73].

Изучается также развитие поселений в зависимости от их расположения по отношению к рынкам сбыта и источникам сырья, введения новой технологии и т. д. и устанавливаются соответствующие закономерности. Сделаны, например, попытки применить теорию Кристаллера, основанную на исследовании закономерностей развития экономики современных городов в связи с их отношением к рынкам и к транспорту при анализе соответствующих материалов из древних районов, в частности р. Диялы в Месопотамии [Johnson, 1972, 770—777].

Интересны попытки (основанные на привлечении этнографических данных) решить некоторые вопросы общественной структуры посредством анализа распределения предметов внутри построек [Hill, 1968, 109—137] и произвести подсчеты населения, исходя из отношения жилой площади ко всей площади поселения, или вывести известные закономерности в соотношении площади дома и числа его обитателей [Narrol, 1962, Cook, Heizer, 1968, 88—114]. Однако указанные попытки опираются на очень скудный материал, и нельзя основываться на них в демографических исчислениях.

Развитие научных направлений в зарубежной археологии, связанное с поисками современных методов исследования, внимание к социологическим аспектам анализа планировки археологических объектов, понимание необходимости вскрытия больших площадей и целых поселений можно рассматривать как перспективное явление. Вместе с тем непонимание общих закономерностей развития общества, воздействие идеалистических и неопозитивистских философских взглядов лишает эти исследования объединяющего начала и целенаправленности, зачастую приводит к нагромождению сложных в описательном отношении, механически связанных между собой «субсистем» и «субкультур».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАЗВЕДКИ И РАСКОПКИ НА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ХОРЕЗМА

Глава 1

ПОСЕЛЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОАЗИСАХ ХОРЕЗМА АНТИЧНОЙ ЭПОХИ

В Турткульском районе Каракалпакской АССР в зоне песков у отрогов цепи Султан-Уиздаг сохранились до наших дней удивительные «заповедники» — обширные древние земледельческие оазисы, насчитывающие сотни гектаров когда-то освоенных и заселенных земель. Заброшенные в IV—V вв., они уже не возрождались и потому доносят до нас в нетронутом виде остатки тогдашних поселений. Это — развалины многочисленных крупных и мелких, укрепленных и неукрепленных усадеб и других строений, руины больших крепостей (часть последних принято считать остатками городов). Земледельческая культура, первые следы которой здесь относятся еще к эпохе бронзы, затем совершенствовалась и коренным образом видоизменялась на протяжении тысячелетий. Длительное существование античных оазисов привело к тому, что наиболее древние постройки той эпохи исчезли, а лучше всего сохранились поселения, датируемые первыми веками нашей эры. Они и составили основной объект нашего исследования. Однако мы фиксировали и более древние постройки, на описании которых остановимся в ходе повествования.

Археолого-топографическое исследование указанных территорий выявило динамику ирригационной сети [Толстов, 1948, 43—48; его же, 1958, 101—116; его же, 1962, 89—96; Гулямов, 97—113; Андрианов, 113—137], возникли предположения о системе управления оазисами и контроле за распределением воды. Обследовались различные в типологическом отношении сельские постройки, и на этом основании сделаны попытки предварительно подсчитать численность населения оазисов [Толстов, 1958, 115; его же, 1962, 95; Андрианов, 127, 133].

Вся большая зона «земель древнего орошения» в Правобережном Хорезме между Амударьей и горами Султан-Уиздаг, насчитывавшая, по очень приблизительным данным, не менее 160 тыс. *га* [Андрианов, 98], орошалась несколькими большими каналами. На аэрофотоснимках видно, что они расходятся веерообразно от нынешней культурной зоны, где в районе крепости Большой Гульдурсун их русла теряются. Это каналы, названные по имени ныне действующих Кельтеминар (или Базар-калинский канал с большим ответвлением в сторону Джанбас-калы), Тазабагьяб (иначе Кырк-кызский, или Беркут-калинский), Якке-Парсанский канал, ответвлявшийся от Кырк-кызского в районе крепости Большой Гульдурсун, и древний Гавхорэ, орошавший окрестности Топрак-калы. Указанные каналы, тянувшиеся на десятки километров, отличались большой шириной: по данным Б. В. Андрианова, расстояние между береговыми валами должно было равняться в интересующий нас кушанский период истории Хорезма (первые века нашей эры) 10—11 *м*.

Основываясь на приведенных Б. В. Андриа-

новым сведениям, можно думать, что все эти основные каналы были примерно равной мощности; древний Гавхорэ несколько выделялся среди них, так как ширина его разрушенного вала-русла местами достигает 60 *м*, а между береговыми отвалами — 20 *м* [Андрианов, 134]. Как полагает С. П. Толстов, в первые века нашей эры каналы Правобережного Хорезма уже брали начало из Амударьи [Толстов, 1962, 93] и в это время использовался для земледелия максимум освоенной за всю античную эпоху земли, пригодной для орошения; однако эта площадь составляла всего 10% возделанных здесь в настоящее время земель [Толстов, 1962, 95].

По наблюдениям исследователей, близ истоков каждого канала находился большой укрепленный пункт [Гулямов, 99; Андрианов, 125], а граница оазиса защищалась серией укреплений, воздвигнутых на отрогах Султан-Уиздага или отдельных возвышенностях: это Бурлы-кала, Аяз-Кала I, Большая Кырк-кызкала, Кургашин-кала, Джанбас-кала. По-видимому, в основном система возникла уже в раннеканюйский период (IV—III вв. до н. э.), которым датируется строительство большинства перечисленных сооружений. Тогда же в результате коренного переустройства архаической системы в общих чертах сложилась ирригационная сеть Правобережного Хорезма, поддерживавшаяся, совершенствовавшаяся и расширявшаяся в первые века нашей эры.

*Следует заметить, что сходная система обо*роны оазиса существовала в бассейне р. Диялы (Месопотамия) в сасанидский период, когда, по словам Р. Адамса, «внутренний мир и центральный контроль осуществлялись с помощью многочисленных крепостей, окружавших населенную зону для защиты от внутренних смут и внешних нашествий» [Adams, 73].

Обращаясь к краткой характеристике оазисов, располагавшихся вдоль каждого из упоминавшихся каналов Правобережного Хорезма, отметим, что в верховьях Кырк-кызского канала большую роль играла, по-видимому, Гульдурсун-кала, построенная во II—I вв. до н. э., осуществлявшая контроль центральной власти над распределением воды и обороной оазиса [Гулямов, 101—102]. Полагают, что это был большой город, у стен которого Я. Г. Гулямов в свое время зафиксировал значительное открытое поселение [Гулямов, 101]. Большой Гульдурсун превосходил размерами (35 *га*) все прочие населенные пункты в зоне Кырк-кызского канала, протянувшегося от Гульдурсуна на 70 *км* — до Кургашин-калы (86×122 *м*), замыкавшей оазис на севере. В Кургашин-кале, датирующейся первыми веками нашей эры [Толстов, 1948, 111], более ранних слоев пока не обнаружено; однако они не исключаются.

После исследования раннесредневекового оазиса, «наложившегося» в системе Кырк-кызского канала на остатки античного, выяснилось, что среди открытых сельских поселений первых веков нашей эры[1] возвышались укрепленные усадьбы размерами 40×40 *кв. м* и 75×75 *кв. м* с прямоугольными башнями, развалины которых обнаружены под замком № 9 и замком Ат-сыз (VII—VIII вв. н. э.). Под раннесредневековой Беркут-калой также скрывается укрепленное поселение площадью 200×150 *м* [Неразик, 1966, 10—11]. Я. Г. Гулямов допускает, что общая ширина населенной зоны оазисов вдоль Кырк-кызского канала могла равняться 5 *км*, однако наши материалы показывают, что она вряд ли превышала 3 *км*.

Населенные полосы вдоль остальных вышеперечисленных каналов имели, вероятно, примерно ту же ширину, и в каждой из них также выделялся размерами один укрепленный пункт. В бассейне Кельтеминара эта была Базар-кала (31,6 *га*), почти равная по площади Гульдурсуну и также считающаяся развалинами города [Толстов, 1948, 124]. Предполагается, что какое-то поселение на этом месте могло возникнуть уже в архаический период.

Возле Базар-калы существовали открытые сельские поселения, размеры и облик которых *неясны ввиду их крайней разрушенности*. Среди них выделялась большая многокомнатная усадьба, стоявшая близ Базар-калы. В 8 *км* к юго-западу от этой крепости находилось укрепление Ангка-кала (75×75 *м*) с прекрасно сохранившимся внутристенным стрелковым коридором и прямоугольными башнями [там же, 113—114, рис. 50]. Нам кажется, что размерами и укреплениями Ангка-кала подобна тем укрепленным усадьбам, которые открыты в соседнем оазисе по Кырк-кызскому каналу. Близ Ангка-калы, в 100—200 *м* к западу и северо-западу от нее, зафиксированы остатки довольно компактного небольшого открытого поселения не более чем из десятка больших неукрепленных жилищ, отстоявших друг от друга на 50—60 *м*. Южнее этого поселка, между Ангка-

[1] Основываясь на наших сугубо предварительных подсчетах населения в раннесредневековом Беркут-калинском оазисе по Кырк-кызскому каналу, Б. В. Андрианов предположил, что в первые века нашей эры в нем могло жить 4—5 тыс. человек. Нам кажется, однако, что для античной эпохи такие расчеты преждевременны, так как для них пока нет надежных критериев. Подробнее мы остановимся на этом вопросе во второй части книги.

калой, Кой-Крылган-калой и возникшей позднее Адамли-калой, сохранились следы отдельных жилищ интересующего нас времени, широко разбросанные среди полей.

В окрестностях Джанбас-калы (ее площадь — 200×170 *м*), в направлении которой шло крупное ответвление Кельтеминара, существовавшее уже в архаической период и переустроенное в последующие эпохи античности, находилось несколько небольших рассредоточенных неукрепленных сельских поселений, состоявших из 15—10 и менее жилищ. Можно заметить, что они располагались вдоль основного канала в значительном отдалении и друг от друга, и от Джанбас-калы (отделенные от нее расстоянием в 4—4,5 *км*). Правда, Я. Г. Гулямов [1957, 80] упоминает античное поселение, расположенное сразу под гыром (возвышенностью) с крепостью, но каменные основания строений, действительно имевшиеся здесь, относятся к эпохе средневековья; можно лишь предполагать, что они скрыли под собой остатки античных построек. Однако каких-либо укрепленных пунктов типа Ангка-калы в районе Джанбас-калинского ответвления не существовало.

Античные поселения, относившиеся к Яккe-Парсанскому каналу, по существу, известны лишь в его низовьях, у подножия отрогов Султан-Уиздага, где в первые века нашей эры существовало поселение вокруг большого укрепленного комплекса Аяз-кала III. От рассредоточенных поселений Джанбас-калинской округи, где жилища широко разбросаны на площади в десятки гектаров, оно отличается гораздо большей компактностью; хотя дома здесь и не образуют слитной застройки, но они соприкасаются оградами приусадебных участков.

Сложная система древнего Гавхорэ, возникшая уже в архаический период и затем длительно существовавшая, многократно перестраиваясь, оказалась доступной изучению только от крепости Думан-кала (III в. н. э.), являвшейся, как полагают, опорным пунктом оазиса на юге. Низовья же этой системы прикрывались крепостью Кзыл-кала, построенной в кушанский период [Толстов, 1948, 123; Гулямов, 102; Андрианов, 134]. Кзыл-кала защищала подступы к соседней Топрак-кале со стороны Амударьи и древней дороги через Султан-Уиздаг. Поднятое на высокий цоколь, укрепленное здание Кзыл-кала, сплошь занятое сводчатыми помещениями, действительно походит на казарму для гарнизона, чем, по предположению С. П. Толстова, и была Кзыл-кала [см.: Толстов, 1947, 198]. В качестве одного из доказательств этого предположения могут рассматриваться и особенности планировки здания, относимой к «коридорно-гребенчатому» типу, характерному для сторожевых оборонительных сооружений Средней Азии [Негматов, Хмельницкий, 111]. В этом оазисе, где в III в. н. э. был построен дворец правителей Хорезма Топрак-кала, обращает на себя внимание наличие в крепостях мощных цитаделей, поднятых на высокий цоколь (Думан-кала, башня в Джильдык-кале, наконец, дворец в Топрак-кале), отсутствовавших в крепостях охарактеризованных выше оазисов. Может быть, этот оазис возник позднее соседних (установление сравнительной шкалы датировок археологических памятников Хорезма еще требует большой работы). Я. Г. Гулямов полагает, что он возвысился в результате борьбы, приведшей к ослаблению и даже запустению соседних оазисов, например, по Якке-Парсанскому каналу [Гулямов, 109].

Древний оазис по каналу Гавхорэ малодоступен исследованию прежде всего потому, что эти земли были распаханы в XII—XIII вв., когда зона канала была густо заселена и хорошо возделана. Кое-где под наслоениями хорезмшахской эпохи проступают следы обитания в IX—X вв., есть разрозненные фрагменты керамики афригидского периода (VII—VIII вв.); жизнь в зоне Гавхорэ не прекращалась в течение многих веков. Теперь возделанные в древности земли вспухли солончаковыми буграми, поглотившими остатки древних поселений. Тем не менее оказалось возможным установить, что на непосредственных подступах к Топрак-кале с трех сторон располагались большие поля. С четвертой стороны пространство между Топрак-калой и Кзыл-калой (протяжением в 3 *км*) было частично заселено, частично же занято огромным, окруженным стеной садом или парком, возле которого прямо под стенами дворца находился большой парадный жилой комплекс с несколькими сводчатыми сооружениями в черте его ограды.

Какое-то отношение к этой сельской округе Топрак-калы, по-видимому, имела неукрепленная усадьба со сводчатым зданием внутри огороженного стеной участка, называемая Малой Топрак-калой и построенная у подножия гор в 4,5 *км* от Топрак-калы.

В районе Кават-калы от Гавхорэ ответвлялся канал, шедший к Бурлы-кале (IV в. до н. э.— IV в. н. э.) [Манылов, 1972, 7], построенной, как указывалось выше, на вершине одного из отрогов Султан-Уиздага. У его подножия вырос небольшой и довольно компактный неукрепленный поселок, в настоящее время сильно разрушенный. В 2 *км* к западу от него сохранились остатки безымянного укрепленного сводчатого здания с обходной стрел-

ковой галереей и башнями по углам. Время его существования не установлено, но скорее всего это были первые века нашей эры. К этому укреплению подходила крупная ветвь Бурлы-калинского канала. Постройка сильно разрушена; это затрудняет возможные сопоставления, но вряд ли ее можно сравнивать в типологическом (и скорее всего в функциональном) отношении с укрепленными усадьбами в оазисе Кырк-кызского канала и с Ангкакалой на Кельтеминаре, что представляет безусловный интерес для исследования типов сельских построек Хорезма. К сожалению, все эти постройки пока не изучались.

В заключение этой краткой характеристики правобережных оазисов Хорезма первых веков нашей эры следует отметить, что в 2 *км* южнее Бурлы-калинского поселения, в месте, где от основного канала отходит несколько боковых отводов, а к нему близко подходит петля какого-то естественного протока, находилось большое керамическое производство. Здесь обнаружено несколько десятков круглых гончарных печей разного диаметра, датируемых первыми веками нашей эры [Неразик, 1968, 11]. Остатки другого большого гончарного производства того же времени выявлены в 10 *км* восточнее Топрак-калы на берегах канала, отходившего от Гавхорэ в сторону Аяз-калы примерно в районе средневековых развалин Кават-калы [там же, 13].

Исследования поселений античной эпохи в Левобережном Хорезме вносят много нового в понимание ряда вопросов, связанных с рассматриваемой темой, но преимущественно для раннего периода. Древние земледельческие оазисы сохранились здесь гораздо хуже, чем в Правобережье, и применительно к ним нельзя употребить термин «заповедник». Жилые постройки зачастую сильно разрушены.

В Левобережном Хорезме — на огромной пустынной равнинной полосе, площадь которой, по некоторым данным, составляет 1 млн. *га* [Андрианов, 146],— прослеживаются системы различных русел, связанных главным образом со староречьем крупного протока Амударьи — Дауданом. В кушанский период здесь, как и в Правобережье, наблюдалось расширение и усовершенствование ирригационной сети. В частности, важные изменения произошли в бассейне Чермен-яба, на южной границе описываемого района, где отдельные локальные каналы, характерные для более раннего времени, были объединены в систему протяжением 150 *км* с запада на восток. Одни исследователи предполагают, что в первые века нашей эры истоки Чермен-яба уже были перенесены на основное русло Амударьи [Толстов, 1962, 94], другие же считают, что Чермен-яб был выведен из Даудана [Гулямов, 81; Андрианов, 118].

На этой линии в первые века нашей эры находился ряд укреплений и городов (Гяуркала, Шах-Сенем, Замахшар), крупнейшим из которых в первые века нашей эры был, по-видимому, Замахшар (впрочем, облик этих населенных пунктов в рассматриваемую эпоху малоизвестен, так как античные слои в Шах-Сенеме и Замахшаре перекрыты средневековыми).

В Левобережном Хорезме с глубокой древности прослеживается та же тенденция, что и на правом берегу,— строить укрепления на возвышенностях. Одним из них является Гяуркала I, возле которой находится оазис, возникший в IV—III вв. до н. э. и существовавший в первые века нашей эры. История оазиса устанавливается лишь в самых общих чертах по сложной, подвергавшейся переустройствам ирригации [Андрианов, 161]. Пока совершенно неясной представляется взаимосвязь в историческом и хронологическом отношениях двух расположенных здесь укреплений — Гяуркалы I и Гяур-калы II. Первое из них — квадратное сооружение с округлыми башнями, датированное ориентировочно первыми веками нашей эры (площадь — 65×65 *м*). Оно напоминает небольшой замок [см.: Толстов, 1948, 116, рис. 54] и воздвигнуто на вершине Гяургыра, окаймлявшего вместе с отрогами Таримкая оазис с севера. На склоне Гяур-гыра видны следы удлиненного, неправильно-овальной формы огражденного стенами участка, примыкавшего к Гяур-кале I и спускавшегося вниз, где на равнине находился обвалованный участок площадью 250×200 *м*. Этот последний, расчерченный арыками на разной величины прямоугольники и квадраты, был занят в прошлом, по-видимому, садово-огородными культурами (рис. 2).

Несколько восточнее, за юго-восточной оконечностью Гяур-калы I, сохранились остатки большой усадьбы IV—III вв. до н. э. Площадь дома, к которому примыкал обведенный стенами участок, сейчас почти полностью засыпанный песком, равна 25×25 *м*, высота стен достигает 1,5 *м*. План дома не читается. Невдалеке отмечены скопления керамики, тянущиеся полосой вдоль арыка. По-видимому, это остатки легких подсобных построек усадьбы. По другую сторону арыка находился виноградник или сад в виде огороженного четырехугольника площадью 100×100 *м*.

Укрепление Гяур-кала II построено на равнине с западной стороны холма, на котором высятся развалины Гяур-калы I. Значительно большее по площади (250×250 *м*), с отчетливо прослеживающимся внутристенным коридо-

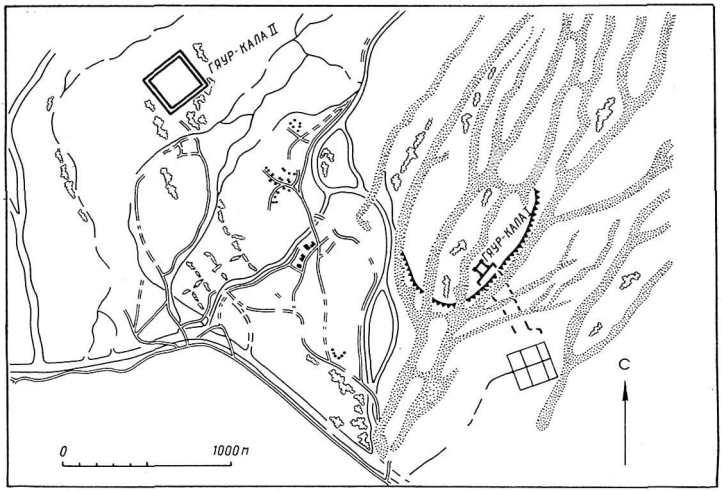


Рис. 2. Гяур-калинский оазис

ром, оно не было застроено посредине, где сейчас образовалась ровная такырная площадка. Можно предположить, что по периметру внутреннего двора располагался один или два ряда комнат.

Однако не эти сооружения, хотя и очень интересные, привлекают основное внимание в Гяур-калинском оазисе. Наибольший интерес, как нам кажется, представляет то, что во все периоды своей истории он был поселением гончаров, причем гончарное производство поражает своими масштабами, равных которым мы не знаем на территории древнего Хорезма. Само поселение гончаров разрушено, но есть основания полагать, что оно было невелико и представляло собой несколько домишек, тесно стоявших цепочкой вдоль канала. Однако обо всем этом пойдет речь в другой главе.

Отвлекаясь несколько в сторону от Черменяба, скажем, что с гончарным производством, но меньшего масштаба, связано и другое поселение, обнаруженное Б. В. Андриановым в 10 *км* юго-восточнее возвышенности Туз-гыр. Здесь на площади 2 × 2 *км* разбросано примерно два десятка домов. Бо́льшая часть жилищ расположена в одиночку вдоль канала, чаще всего почти вплотную примыкая к его руслу, некоторые стоят группами по два-три. Возле многих домов видны остатки гончарных печей (рис. 3).

Найденные здесь парфянские монеты чекана Санабара позволяют датировать поселение первыми веками нашей эры (определение сделано Б. И. Вайнберг). Среди построек выделялось несколько крупных зданий, стоявших компактной группой и теперь превратившихся в высокие бугры с пологими склонами. Они-то и получили название Туз-гыр II [Андрианов, 167]. Без раскопок затруднительно сказать что-либо определенное о планировке и назначении этих зданий. Упомянем лишь большое число хумов, занимавших значительную часть площади самого высокого и крупного бугра, а также то, что соседняя постройка явно возникла на развалинах более древней, датирующейся IV—III вв. до н. э. Это древнее сооружение скрыто под наслоениями первых веков нашей эры, сильно исказившими первоначальный рисунок строения. Однако мощность проступающих на поверхности ранних стен настолько значительнее мощности поздних, что местами линии их довольно отчетливы. Благодаря этому угадываются контуры здания площадью 40×40 *м* или 40×30 *м* с большими округлыми башнями по углам. Постройка очень напоминает Гяур-калу I и

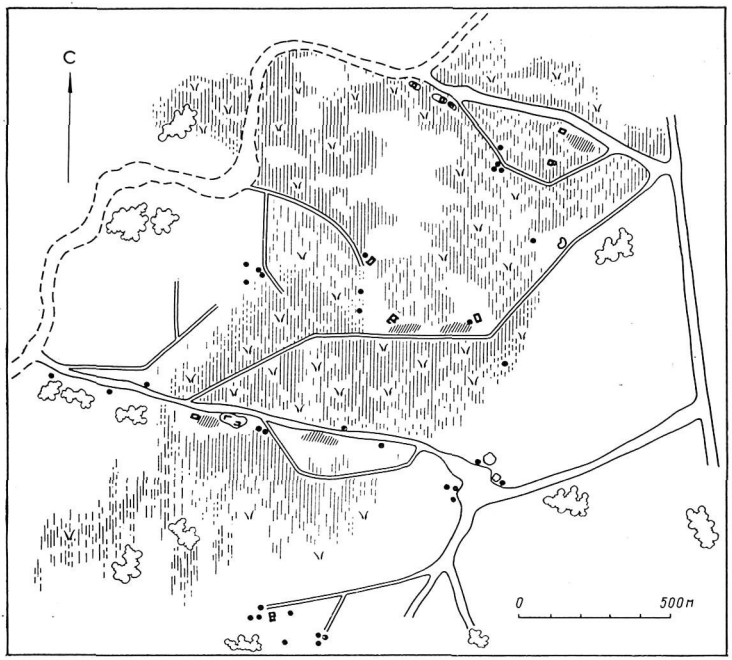


Рис. 3. Туз-гырское поселение. Косой штриховкой показаны участки, покрытые обломками керамики

укрепления возле Турпак-калы, о которых речь пойдет ниже.

Возвращаясь к системе Чермен-яба, следует сказать, что окру́га таких городов, как Шах-Сенем или Замахшар, основанных в античный период, сейчас почти недоступна изучению, *так как разрушена или перекрыта средневековыми* наслоениями. Только местами на этом обширном пространстве заброшенных в средневековье оазисов вдруг открываются нетронутые участки древних поселений в непосредственном окружении усадеб XII — начала XIII в.

Такой маленький островок античной земледельческой культуры обнаружен нами на далекой периферии Замахшара, в противоположном от Гяур-калы конце Чермен-яба. Меж средневековых пашен, возле большого укрепленного массива Кюнерли-кала (50×50 *м*) здесь уцелели остатки нескольких жилищ IV—III вв. до н. э. К сожалению, это всего только легкие всхолмления со скоплениями керамики, следами развеянного культурного слоя с фрагментами зернотерок, мелкораз*дробленными костями животных. Очертания* этих пятен позволяют лишь приближенно судить о размерах жилищ площадью 50×30 *м*, 40×25 *м* и 40×20 *м*.

Другой густонаселенной в античности зоной были оазисы больших каналов в междуречье Чермен-яба и Северного Даудана, выведенных из Северного Даудана и проложенных, как и Чермен-яб, в широтном направлении. Особенно оживленной была округа большого хорезмского кангюйско-кушанского города Куня-Уаза (304×304 *м*), простиравшая-

ся не меньше чем на 3 *км* во все стороны от крепости. Однако, судя по ряду признаков, она подвергалась, и, может быть, неоднократно, затоплению и разрушению, причем эта картина вполне соответствует сведениям о пожаре, осаде и разрушении города, полученным в итоге его раскопок в 1952 г. [Неразик, 1968, 199]. Берега каналов, особенно вблизи городища, буквально красны от мелкораздробленной и переотложенной керамики; от жилищ остались лишь груды обломков той же посуды да кое-где «кольца» врытых в землю и срезанных до половины хумов. Естественно поэтому, что сколько-нибудь отчетливых сведений о характере жилищ в этой местности получить не удалось. Нам кажется очень важным тот факт, что на всей обширной площади Куня-Уазского и соседнего Турпак-калинского оазисов не обнаружено каких-либо признаков существования таких небольших укрепленных усадеб, какие мы отмечали выше, говоря об оазисах по Кырк-кызскому древнему каналу в Правобережье. Поскольку наслоения первых веков нашей эры к востоку и юго-востоку от крепости не перекрыты более поздними, они должны были здесь хоть как-то сохраниться. Значит, их тут и не было, и в этом отношении округу Куня-Уаза можно сравнить с округой Джанбас-калы.

Гораздо лучше сохранился позднеантичный оазис IV—V вв. в окрестностях Турпак-калы, возникший на ранее не застроенной и совершенно заброшенной в более позднее время территории. Это — единственное на всей территории Левобережья поселение, уцелевшее от интереснейшей эпохи переселения народов. Как мы увидим ниже, оно создано носителями той же культуры, что характеризует и наслоения позднеантичного Куня-Уаза (IV в. н. э.). Оно расположено примерно на половине пути между Куня-Уазом и Ярбекир-калой, где на месте позднейшего средневекового города существовал какой-то городок [Вактурская, 1963, 42, 44], возникший в IV—III вв. до н. э. и по своим масштабам уступавший Куня-Уазу. Привлекают внимание остатки большого гончарного производства в его округе [Андрианов, 165].

Сельская периферия Ярбекир-калы была распахана в средневековье, но на территории между нею и Турпак-калой и вокруг последней в сложном переплетении сухих русел протоков Южного Даудана, системы археческого, так называемого Куня-Уазского канала, позднеантичной, средневековой и туркменской оросительной сети, местами «накладывавшихся» друг на друга, а местами сохранившихся до наших дней бок о бок, открыто и исследовано несколько очень интересных раннеантичных сооружений, которые следует хотя бы кратко охарактеризовать.

Часть из них расположена в зоне канала, построенного в архаический период и выделявшегося из всех остальных, зафиксированных на территории Левобережья для этого периода оросительных систем, своей длиной (почти 50 *км*) и шириной (до 70—75 *м* вместе с береговыми отвалами; 45 *м* между валами). Канал был выведен из бокового протока Южного Даудана [Андрианов, 156—157].

Против истоков канала, на останцевой возвышенности высятся развалины громадного городища Каалалы-гыр I, а ниже по течению некогда стояли четырехугольные укрепления. Одно из них находилось близ разветвления канала, там, где несколько позже возникло своеобразное круглое сооружение Турпак-кала [см.: Андрианов, 1969, 157], а два других — далее, в хвостовой части канала. Укрепления защищены толстыми кирпичными стенами и округлыми башнями по углам и все однотипны. Самое западное, помеченное археолого-топографическим отрядом точкой 572 [2], размером 82×82 *м*, застроено по периметру стен толщиной 3,5 *м*, в середине же оставался обширный двор. Рядом видны бугры разрушенных керамических печей и располагается большая, прежде обжитая, территория, покрытая шлаком, обломками посуды и расслоившихся костей. В 3 *км* восточнее находилось еще одно сходное по типу укрепление, но большее по площади (150×150 *м*), обозначенное точкой 575. Высота обвалованных стен и сейчас достигает 3—4 *м*, по углам высятся мощные, массивной кладки башни, в данный момент бесформенные, но скорее всего в прошлом округлые. Датировать это сооружение затруднительно в связи с тем, что оно было обжито в эпоху средневековья; но кое-где встречаются обкатанные и разрушенные фрагменты красноглиняной и красноангобированной посуды, позволяющие отнести возникновение укрепления во всяком случае к эпохе ранней античности. Третья однотипная постройка размером 80×80 *м* расположена, как уже говорилось, близ Турпак-калы (рис. 4). Она датирована предположительно концом арханки — началом кангюйского периода [Толстов, 1962, 104; Андрианов, 156].

Есть сведения, что севернее данных укреплений следов архаической культуры больше нет; следовательно, они замыкали зону кана-

[2] Точка 572, как и другие, упоминающиеся нами в тексте,— порядковый номер маршрутных поисков Б. В. Андрианова, работавшего над археолого-топографической картой Хорезма. Все они помещены в дневниках и схемах Б. В. Андрианова.

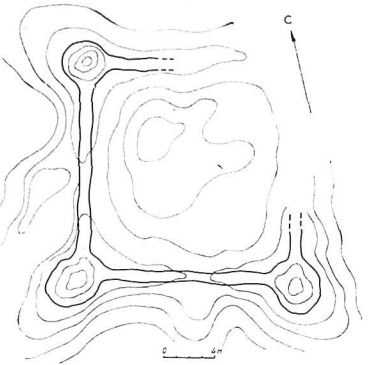


Рис. 4. Укрепление архаического времени близ Турпак-калы

ла, будучи построенными на северных границах земледельческого оазиса.

Вся описанная оросительная система вместе с расположенными в ее зоне сооружениями представляет большой интерес, и мы вернемся к ней ниже в связи с рассмотрением типов сельских построек античного Хорезма. Здесь отметим только несколько обстоятельств. Выше мы указывали, что размещение укрепленных пунктов у истоков и хвостовых частей каналов наблюдалось и в другие периоды в прочих античных оазисах Хорезма. В данном случае привлекает внимание, во-первых, то, что у истоков стоит Калалы-гыр I, строительство которого, согласно предположениям исследователей, могло быть предпринято самими Ахеменидами для упрочения своего господства над завоеванной территорией [Толстов, 1958, 123; Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, 156]. Во-вторых, укреплений, подобных стоявшим в низовьях канала, нигде больше в других районах архаической культуры Левобережного и Правобережного Хорезма не обнаружено. И, наконец, канал выделялся из прочей ирригационной сети, более примитивной, характеризующейся короткими отрезками, соединявшими естественные русла, подправлявшими их или продолжавшими [3].

[3] В свете этих данных весьма важным представляется уточнение датировки строительства громадной дамбы, защищавшей орошаемый район от разливов Южного Даудана. Если принять предположение об одновременном сооружении дамбы и канала, высокий уровень мастерства древних ирригаторов стал бы еще очевиднее.

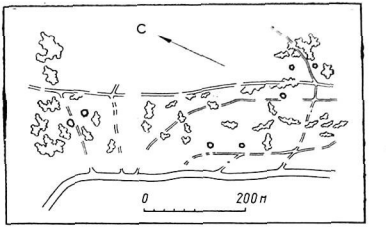


Рис. 5. Поселение архаического времени возле Турпак-калы. Кружками обозначены следы жилищ

В 6—8 *км* юго-западнее Турпак-калы, у самого берега огромного описанного выше архаического канала, обнаружен небольшой (10—12 жилищ) поселок архаической эпохи. Остатки жилищ, лишенные каких-либо наземных частей, выделяются лишь вспухшими участками, отличающимися от ровной поверхности такыра более серым цветом. На поверхности пятен собраны фрагменты очень характерной керамики VI—V вв. до н. э. Расстояние между отдельными пятнами — почти 30 *м*, но сами пятна составляют три группы, отделенные друг от друга промежутком в 250—300 *м* (рис. 5). Пробная зачистка одного из пятен показала, что это была округлая полуземлянка площадью примерно 8×10 *м*. Судя по форме пятен, здесь могли быть однокамерные и двухкамерные жилища. Общая площадь поселка равна 500×350 *м*. Вряд ли это поселение было единственным в своем роде, тем более что особенности жилищ обнаруживают несомненную преемственность по отношению к полуземлянкам предшествовавшего периода эпохи поздней бронзы — раннежелезного века, примером которых являются жилища поселения Якке-Парсан II [Итина, 1963, 107—115].

В 6—8 *км* юго-западнее Турпак-калы до наших дней сохранились памятники другой эпохи. Здесь, у русла большого канала, перекрытого поздней туркменской ирригацией, высится бугор площадью 40×40 *м* и высотой в среднем 2 *м*, названный нами Турпак-III. На его сравнительно ровной поверхности отчетливо проступают гребни стен древней постройки. Хорошо видны контуры квадратного центрального зала размерами 7×7 *м* и трех также больших прямоугольных комнат по его сторонам. В преддверии зала — широкий айван, открывавшийся во двор (рис. 6).

Разведочные раскопки и зачистка поверхности всего бугра, подтвердив в целом визуальные наблюдения, выявили и ряд важных

новых данных. Оказалось, что сохранилась только цокольная часть большого здания (не исключено также, что оно осталось в силу каких-то причин недостроенным). Цоколь составляли клетки, сделанные из крупных пахсовых блоков размерами $1{,}3(1{,}5)\times1{,}5(2)$ *м*. От несохранившегося уровня пола эти стены были надстроены сырцовыми кирпичами, местами уцелевшими на высоту одного ряда. Основание цокольных клеток выстлано слоем камыша, а сами они засыпаны песком; в одной из клеток в верхнем уровне засыпки прослеживается линза зольного слоя, вероятно образовавшаяся в период разрушения верхних слоев цоколя.

План цокольной части, глубина которой равнялась 1,14 *м*, не во всех деталях совпадал с планом здания. В частности, под центральным залом, очертания которого хорошо просматривались на поверхности бугра, оказалось две клетки, причем разграничивавшая их общая стена проходила через центр этого обширного помещения.

Рассматриваемое здание стояло внутри мощных кирпичных внешних стен, достигавших в основании пятиметровой ширины и также недостроенных. Оно было сдвинуто к северо-восточной стене таким образом, что между нею и стеной дома оставался узкий проход шириной 1,2 *м*. Значительно более широкие — шестиметровые — проходы образовались между юго-западной и юго-восточной стенами

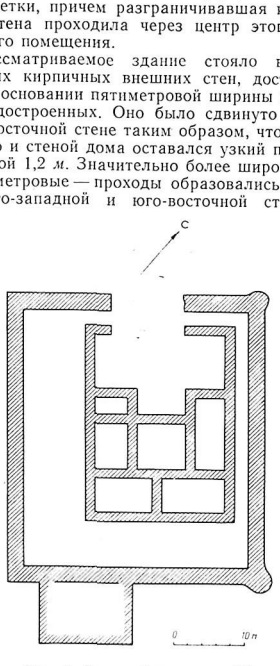


Рис. 6. Здание Турпак-кала III

внешней ограды и дома. Середину юго-восточного коридора занимала кирпичная вымостка, достигавшая, по-видимому, несколько большей высоты, чем цоколь (уровни их — соответственно 2,15 и 1,14 *м*). На поверхности ее заметны опаленные до красноты участки и круглое, заполненное золой углубление, похожее на след вкопанной в вымостку сгоревшей балки. Тут же открыты три круглые ямы диаметрами 0,7, 0,9 и 1,1 *м*. Одна из них вскрыта на глубину только 0,9 *м*, другие — на меньшую глубину. С обеих сторон к вымостке подходили отлогие пандусы, выводившие в угловые помещения на уровень 1,34 *м* и соединявшиеся с упомянутыми коридорами вдоль внешней ограды.

К юго-восточной стороне, несколько сдвинутый к южному углу внешней ограды, примыкал большой четырехугольный массив кирпичной кладки; можно предполагать, что это был цоколь своего рода цитадели. По всем признакам он превышал высотой цоколь всей постройки и сейчас достигает приблизительно 1,8 *м*. На поверхности цитадели кое-где уцелели участки, присыпанные золой и пеплом или красные, опаленные огнем; найден разбитый хум с овальным в сечении венчиком, двумя рельефными валиками на плечиках и ленточной росписью спиралями, выполненными красным ангобом.

На всей поверхности бугра прослеживаются участки опаленной глины, золы и углей, сажи. Происхождение их не вполне ясно, но скорее всего это следы костров (разводившихся, по-видимому, строителями дома) или же незначительных пожаров. Керамики очень мало, что также, по нашему мнению, может служить лишним подтверждением версии о недостроенности дома. Строительство было предпринято в IV—III вв. до н. э., так как именно для того времени характерна найденная на поверхности бугра посуда: упомянутый хум, а также горшок, тулово которого разделено прочерченными полосами на орнаментальные зоны росписи, сделанной красным ангобом в виде «запятых».

Близ остатков описанного здания, по другую сторону проходившего рядом канала видны следы маленькой (двух-трехкомнатной) постройки, стоявшей прямо на такыре. Несколько в стороне от нее замечены слабые признаки третьего строения, совершенно разрушенного и почти снивелированного до уровня окружающей поверхности, засыпанной мелкой щебенкой. Естественно, что никакого представления о его плане получить не удалось, предварительно выяснены только его размеры: 30×20 *м*.

Обе постройки производят впечатление убо-

гих подсобных строений по отношению к соседнему зданию, по тогдашним масштабам очень крупного, в отношении размеров уподобляющегося таким зданиям, как ахеменидские дворцы в Персеполе.

Этим, по существу, исчерпываются наши сведения об оазисах и сельских постройках Левобережного Хорезма, сохранившихся, как мы видели, лишь отдельными «островками» среди средневековых поселений. Совершенно исчезла сельская округа Хазараспа, входившего, по словам Я. Г. Гулямова, «в систему античных крепостей (Капарас, Топрак-кала, Джигербенд, Ак-тепе и др.), расположенных вдоль Амударьи на древней дороге, связавшей Хорезм с древней Бактрией и Мервским оазисом» [Гулямов, 83]. Мы ничего не знаем о поселениях вокруг Кандум-калы и других городов междуречья Северного Даудана и Дарьялыка, в настоящее время имеются интересные данные только о Ваянгане (Раите). По сведениям Я. Г. Гулямова, Ваянган (площадь — 350×250 *м*) состоял из собственно крепости в западной своей части и открытого поселения в восточной [Гулямов, 86].

Как следует из нашего краткого очерка, открытые поселения существовали возле ряда крупных и мелких укрепленных пунктов античного Хорезма начиная с архаического периода. В некоторых случаях они могли состоять из сравнительно легких построек (около архаических укреплений на левобережном Куня-уазском канале, а также возле кангюйской крепости Акча-Гелин).

Краткая характеристика оазисов античного Хорезма, приведенная выше, позволяет, как нам кажется, установить, что в кушанский период здесь были распространены рассредоточенные сельские поселения, в которых жили рядовые общинники. Среди этих открытых поселений выделялись прямоугольные и квадратные укрепленные пункты с башнями и внутристенными стрелковыми коридорами (Ангкакала, Гяур-кала на Чермен-ябе, античные Атсыз и усадьба № 9 на Кырк-кызском канале и др.), вероятно являвшиеся в большинстве своем жилыми усадьбами; не исключается, однако, что некоторые из них были чисто фортификационными сооружениями — убежищами и т. п. Площадь таких построек равнялась примерно 0,5 *га*. Типологически близкие сооружения существовали уже в IV—III вв. до н. э. и даже раньше. Вокруг некоторых укрепленных центров складывались компактные поселки (Аяз-кала III).

Сельская округа вырастала и возле крупных укрепленных населенных пунктов, которые принято считать остатками городов (Большой Гульдурсун, Базар-кала, Топрак-кала и др.). Площадь самых больших из них, насчитывавшихся единицами, достигала 35 *га* (Гульдурсун). До сих пор сколько-нибудь значительных раскопок еще не предпринято, поэтому возникают большие трудности при определении сущности укрепленных пунктов меньших размеров (площадью 1,5—3 *га*), чем упомянутые, т. е. таких, как Кургашин-кала, Джанбас-кала и другие описанные нами археологические памятники, часто строившиеся на возвышенностях. Совершенно ясно, что одних только размеров недостаточно для отнесения таких археологических объектов к группе городов или укрепленных поселений; требуются и другие признаки, в частности наличие или отсутствие ремесленного производства, общественного характера сооружений и т. п.

Классификация поселений античного периода, исследованных на территории Южной Туркмении (Парфиена) [Пилипко, 1971, 5—6; его же, 1972, 74—75], показывает, что там в этот период общинники жили рассредоточенными и компактными поселениями, а также в поселениях со слитной застройкой без ограждающей стены. Кроме них, как известно из надписей на остраконах парфянского архива Нисы, существовали «укрепленные селения» [И. М. Дьяконов, Лившиц, 1960, 17—22]. Укрепленные усадьбы с примыкавшими к ним постройками (одна из категорий построек в классификации В. Н. Пилипко), вероятно, соответствуют «именият» тех же остраконов.

Пока не раскопаны компактные поселения Парфиены, трудно понять, что они собой представляли, но поселений без ограждающей стены со слитной застройкой в Хорезме нет. Рассредоточенные поселения подгорной полосы Копет-Дага тоже отличались более плотной застройкой, нежели хорезмийские, которые мы относим к данной категории. Однако раскопки таких археологических объектов могут внести существенные коррективы в данную классификацию парфянских поселений, которую сам автор считает первичной. В целом же В. Н. Пилипко выделяет как отдельные элементы те же типы, которые можно найти в Хорезме в первые века нашей эры: укрепленная усадьба, крепость, отдельный дом и т. п., но в Хорезме они включены в общую систему лучше сохранившихся оазисов.

После этих кратких сведений об оазисах и сельских постройках Хорезма перейдем к подробному описанию тех сельских поселений, которые были исследованы нами в оазисах Кельтеминар (Джанбас-калинский оазис), Кырк-кызского канала (Кургашин-кала), Якке-Парсанского канала (Аяз-калинский оазис) и на левом берегу, в системе ирригации Куня-Уаза (Турпак-калинское поселение).

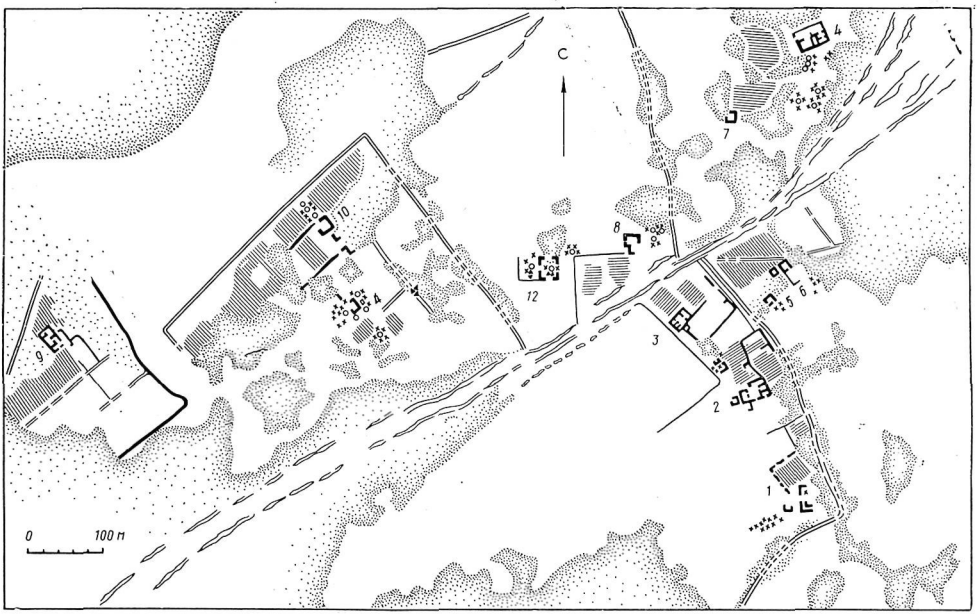


Рис. 7. Джанбас-калинское поселение. Цифрами обозначены номера домов. Здесь, как и на планах всех других поселений, дома показаны не в масштабе (крупнее)

Окрестности одной из самых живописных крепостей Хорезма — Джанбас-калы — в первых веках нашей эры были густо заселены. Следы разрушенных построек и арычной сети видны на свободных от песков участках в окрестностях плоскогорья, на краю которого стояла Джанбас-кала. Особенно изобиловала ими территория к юго-западу от него, вдоль русла основного канала, являвшегося, как указывалось, ответвлением Кельтеминара. В 4,5 *км* к юго-востоку от крепости выявлено большое поселение, отдельные дома которого были обозначены в свое время Б. В. Андриановым точками 610 и 611 [Андрианов, 128].

Весь описываемый район был сильно обводнен и заселен начиная с эпохи неолита. Повсюду здесь встречаются следы древних русел, ответвлявшихся от Суяргана, ныне вновь заполненного сбросами из современных каналов. К северу от Джанбас-калы открыто большое число стоянок времен неолита и бронзы, в том числе и широко известная Джанбас-4.

Остатки упомянутого выше исследованного нами поселения расположены в 4,5 *км* к юго-востоку от Джанбас-калы, на месте, где кончается зона тяжелых, почти сливающихся в сплошное «барханное море» песчаных гряд, окружающих эту крепость, и начинаются обширные, поросшие саксаулом такыры. На них по берегам густой арычной сети зафиксированы остатки разновременных древних жилищ, среди которых преобладают развалины кангюйского периода (IV—III вв. до н. э.). В первых веках нашей эры многие поселения продолжали существовать, однако общая заселенная площадь явно сократилась. На территории рассматриваемого поселения, занимавшего около 100 *га*, также повсеместно встречается характерная керамика IV—III вв. до н. э. и, следовательно, жизнь здесь продолжалась долго.

В 1,5—2 *км* к северу от поселения высятся бугры разрушенных гончарных печей, черные от обилия шлаков. На самом высоком из них прослеживаются очертания крупной круглой печи диаметром 2,5 *м*, всего же здесь было не менее 10 печей, синхронных поселению.

Усадьбы этого последнего разбросаны на большой площади, группируясь иногда по две-три вдоль русла основного канала или по его ответвлениям. Зафиксировано и нанесено на план 9 домов, но можно не сомневаться, что их было несколько больше. Выяснить их общее количество мешают тяжелые пески, скрывшие часть поселения. Дома выглядят небольшими бугорками, усыпанными обломками красноглиняной керамики. Почти всегда отчетливо видна планировка всей усадьбы, окруженной глинобитной оградой и занятой в прошлом огородами и виноградниками (рис. 7).

На поверхности усадеб прослеживается чередование узких (1,2—1,8 *м*) и широких (3,3—4,4 *м*) полос, характерных для планировки виноградников [см.: Андрианов, 128—129]. О заметной роли виноделия косвенно свидетельствуют также находки на двух усадьбах (№ 7 и № 9) керамических фигурок, изображающих мужчину с кистью винограда в руке — вероятно, бога — покровителя виноделия Диониса.

Обращают на себя внимание небольшие размеры построек, состоявших всего из 4—7 помещений. Площадь этих строений колеблется от 104 до 160 *кв. м* (если считать только жилую часть), общая же площадь развалин достигает 300—500 *кв. м*, так как органической частью дома был двор, ограниченный общей с помещениями стеной. Двор лишь в единичных случаях занимал центральное положение (усадьбы № 2 и № 3). Внутри усадеб, площадь которых составляла примерно 0,4—0,5 *га*, часто наблюдаются остатки хумов, стоявших либо на открытом воздухе, либо под навесом или внутри специальной однокомнатной постройки типа большого хранилища (усадьба № 7).

Большой интерес представляет то, что на большинстве развалин часто выделяется небольшой бугор (площадью 3,5×3,5 *м*), стоящий отдельно или же в системе помещений дома и сплошь засыпанный обломками квадратных керамических плиток размерами 30×30×2,5 (3) *см* и 35×35×2,5 (3) *см*. Установлено, что в усадьбах № 2 и № 3 эти бугры образовались в результате разрушения помещения, выделявшегося среди других своим несколько изолированным положением и особо парадным обликом. Их раскопки не дали существенных результатов, так как разрушение оказалось столь велико, что стены не сохранились даже в основании. Можно лишь предполагать, что керамическими плитками вымащивался пол и облицовывались, может быть не на всю высоту, стены помещения.

На усадьбе № 2 среди керамических плиток на поверхности помещения и рядом с ним собраны обломки керамического оссуария. Это обстоятельство может дать ключ к разгадке назначения данных помещений. Заметим, кстати, что обломки оссуариев и керамических плиток найдены на развалинах ряда других построек античного периода в районе

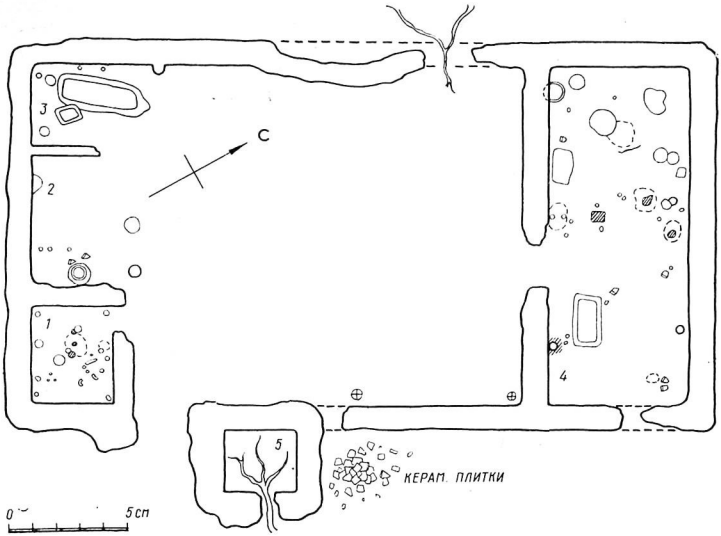


Рис. 8. Дом № 3 в Джанбас-калинском поселении. План

Кой-Крылган-калы, Ангка-калы и описываемого поселения (усадьбы № 4 и № 5). Оссуарий из усадьбы № 2 удалось собрать целиком. Это изображение сидящей на ящике-костехранилище женской фигуры, выполненной в глине. Женщина одета в широкое платье с оборкой внизу, опускающейся на узкие остроносые туфли. На шее — тяжелая гривна. Голова не сохранилась. Статуарные оссуарии, подобные описанному, уже известны: они были обнаружены Хорезмской экспедицией на развалинах Кой-Крылган-калы, где датируются первыми веками нашей эры [Рапопорт, 1967, 241—242, рис. 94].

Другой оссуарий, найденный в усадьбе № 4, представляет огромный интерес и является первой находкой подобного рода. Он сделан в виде цилиндрического башнеобразного сосуда. По мнению Ю. А. Рапопорта и М. С. Лапирова-Скобло, изучавших оссуарий специально, он воспроизводит башнеобразные укрепленные двухэтажные погребальные постройки-мавзолеи с крытой обходной галереей в верхнем этаже [Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1968, 147—156].

Перейдем к описанию раскопок в поселении близ Джанбас-калы.

Усадьба № 3. Площадь дома, занимающего юго-восточный угол усадьбы, равна 16×34 *м*. Дом состоял из шести помещений, расположенных у двух противолежащих стен прямоугольного внутреннего дворика размерами 22×16 *м* (рис. 8). В южном конце дворика находились три вытянутых в ряд помещения. Их стены, сложенные из пахсовых блоков шириной 0,7—0,8 *м*, ныне возвышаются над уровнем примыкающих к усадьбе такыров не более чем на 0,6 *м*. Все помещения заполнены довольно рыхлым аморфным завалом, перекрывавшим легкий желтоватого цвета 5—7-сантиметровый культурный слой над полом.

Почти в центре помещения № 1 (4×3,5 *м*) на полу остался след от кострища в виде опаленного до красноты участка пола площадью 0,9×0,8 *м*. В середине его образовалась неглубокая округлая ямка, заполненная пеплом. С двух сторон кострища обнаружены сдвоенные восьмеркообразные углубления, одно из которых опалено и более глубоко, чем второе; диаметр каждого равен 0,2—0,25 *м*. Рядом с

ними видна яма от врытого когда-то здесь сосуда диаметром 0,35 *м*, глубиной 0,4 *м*.

Ряд небольших сосудов стоял, по-видимому, вдоль юго-западной стены, где видны углубления от их донных частей. Местами тут же были ямки от столбиков, иногда расположенные в каком-то определенном порядке. Диаметр их — 0,12 *м*, глубина — около 0,25 *м*. На полу найден целый камень очень маленького ручного жернова диаметром не более 0,22 *м*.

Соседнее помещение № 2 (5,4×5 *м*) отличалось от описанного своим назначением. Прежде всего совсем не заметно следов северной стены. Может быть, ее и не было, в противном случае она должна была быть более легкой, каркасного типа. У юго-восточной стены обнаружена большая яма (h=0,9 *м*), в которой был установлен хум, сохранившийся на высоту около 0,8 *м*; рядом с ним найдены фрагменты тонкостенных сосудов и зернотерок из песчаника. На расстоянии 1,5 *м* от юго-восточной стены примерно в один ряд располагались три округлые ямки от стоявших здесь сосудов и две подквадратные — по-видимому, от каких-то столбиков. У северо-восточной стены была яма диаметром 0,5 *м* и той же глубины, где также, по-видимому, стоял хум. В восточном углу помещения обнаружены остатки очага, имевшего вид округлой ямы со стенками, укрепленными обломками посуды, покрытыми глиняной обмазкой, прокаленной до красноты и звонкости керамики. Очаг был заполнен пеплом и угольками. Диаметр его — 0,5 *м*, глубина — 0,3 *м*. У юго-западной стены расчищена полукруглая яма размерами 0,4×0,7 *м* и глубиной 0,1 *м*, также заполненная пеплом.

Находки свелись к весьма немногочисленным фрагментам тонкостенной красноангобированной столовой посуды.

Последнее помещение описываемого ряда (№ 3; 5×3,5 *м*) служило хранилищем. Бо́льшая часть его площади занята четырехугольной ямой размерами 4×2 *м* и глубиной 0,7—0,8 *м*. В рыхлом заполнении ямы найдены только обломки посуды и немногочисленные кости животных. В последний период обитания в усадьбе ею, вероятно, уже не пользовались и засыпали, так как в ее край оказалась врубленной другая яма, той же формы, но меньше размерами — 1,3×0,8 *м* — и той же глубины.

В южном углу помещения выявлена округлая маленькая (диаметр — 0,3 *м*, глубина — 0,1—0,15 *м*) ямка, а в северо-западной части — другая, скорее всего от столбика диаметром 0,1—0,12 *м*. На этом участке под обмазкой пола обнаружено небольшое углубление диаметром 0,2 *м*, глубиной 8—9 *см*, перекрытое сажисто-угольным слоем с легкими следами горения. Может быть, сюда складывались угли для обогрева.

В помещении № 3 найдены только обломки посуды, преимущественно лепной.

До конца невыясненным оставалось назначение помещения № 5, которое можно рассматривать в качестве отдельной постройки, так как оно располагалось изолированно, выступая за линию внешней восточной стены, у входа в дом. Пол в этом помещении на всей его площади углублен на 0,3 *м* по отношению к уровню пола в соседних комнатах. В заполнении постройки находок не было, за исключением крошек алебастра в верхних слоях. Рядом с помещением, у северной его стены, возвышался бугор в виде хаотического нагромождения обломков керамических плиток и пахсы, возникший в результате обрушения описываемой постройки.

Вся северная часть дома занята только одним помещением, равным по площади трем описанным, вместе взятым: 14,5×6 *м*. Заполнение почти все смыто, слой над полом, коегде выступавший на поверхность, не превышает 0,15—0,2 *м*. В верхнем уровне это плотные глинисто-песчаные намывы, под ними — черный сажистый слой от растительных перегнивших остатков. В восточной части помещения находились яма четырехугольной формы (2×1,2 *м*, глубина — около 0,45 *м*) и три углубленных в пол округлых очага того же типа, что и открытый в помещении № 2. Это углубления ульевидной формы с диаметром дна, равным 0,3 *м*, и диаметром устья 0,2 *м*, край которого несколько возвышался над полом. Стенки обмазаны прокалившейся от огня глиной. Возможно, два существовали одновременно, а третий — явно более ранний, перекрыт глиняной обмазкой пола. Они служили для отопления. В средней части помещения, против выхода из него во двор, располагались, по-видимому, очаги для варки пищи. Здесь на полу прослеживается несколько обгорелых участков с округлым углублением, заполненным золой и пеплом в центре. Таких участков не менее двух. Около одного из них — восьмеркообразное углубление, подобное открытому в помещении № 1. Есть и еще несколько пятен от огня. Однако они не могут считаться остатками очагов.

В западной части помещения много ям. Четыре из них, округлые, диаметрами 0,5; 0,6; 0,8 и 1,0 *м*, скорее всего следует рассматривать как следы стоявших здесь хумов, что подтверждается находкой донной части хума в одной из них. Здесь же расчищена подпрямоугольной формы яма размерами 1,4×0,8 *м* и глубиной около 0,5 *м*.

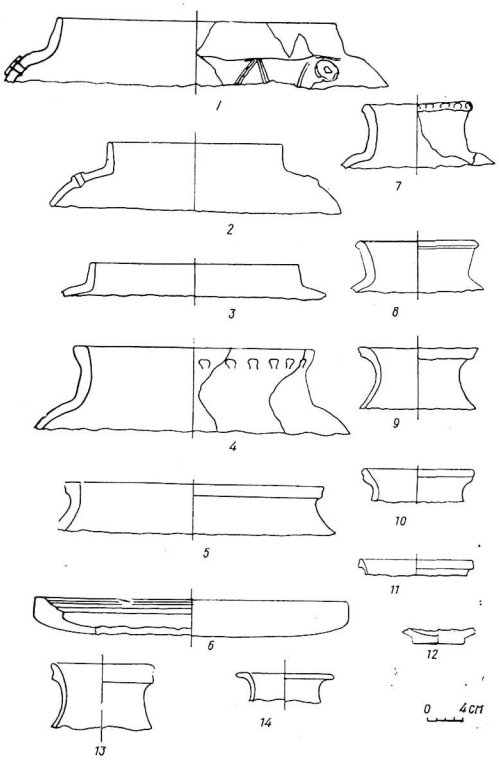


Рис. 9. Керамика из дома № 3 в Джанбас-калинском поселении: *1—4* — горшки, *5* — хумча; *6* — блюдо; *7—11, 13—14* — кувшины; *12* — чаша

Таким образом, это огромное помещение было и жилым, и хозяйственным.

Во дворе, вокруг которого группировались описанные помещения, видны остатки двух тандыров, стоявших у восточной стены на некотором расстоянии друг от друга.

Датировка усадьбы может быть установлена только на основании находок керамики (рис. 9), поэтому придется кратко ее охарактеризовать.

В усадьбе найдены фрагменты примерно 42 сосудов, среди которых несколько больше половины лепных (23 экземпляра). Лепная посуда покрыта светлым, желтоватым ангобом. В глине, приобретшей после обжига серовато-лиловатый или сиреневатый оттенок, заметны светлые включения гипса. Поверхность сосудов часто шероховата. Имеются обломки хумчей, кувшинов, горшков и чаш. Преобладают горшки (13 экземпляров). Это — сосуды с широким туловом и коротким изогнутым горлом, край которого иногда слегка утолщен и отвернут наружу. Диаметр горла — 16—18 *см*. Плечики некоторых экземпляров украшены зигзагообразным прочерченным орнаментом и дисковидными налепами

со сквозным отверстием (рис. 9, *1—4*). Особенно интересен один из таких сосудов с остатками маленькой ручки, расположенной на плечиках в поперечном положении. На крупных сосудах типа хумчей под закраиной горла видны вмятины от пальцев. Диаметр устья колеблется от 19—20 до 26 *см*. У кувшинов невысокое в виде слабого раструба горло, плавно переходящее к тулову, венчика либо нет вовсе, либо закраина сосуда чуть отогнута и утолщена. Диаметр устья равен 9—13 *см*. Ручек, по-видимому, не было (рис. 9, *7—8*). Упомянем еще сравнительно тонкостенную чашу, вероятно, полусферической формы и широкую мелкую миску с прямостоящими стенками. Вся эта посуда очень напоминает обнаруженную на Кой-Крылган-кале и собранную в основном с верхних полов помещений среднего или верхнего горизонта [Воробьева, 1967, табл. X, *6, 46, 83, 56, 130*]. Подобные же сосуды найдены в слоях усадьбы № 1 Аяз-калы, относящихся к первым векам нашей эры [Воробьева, 1959, рис. 32, *16, 21*; рис. 35, *27*], но там они еще не выделены так отчетливо из общей массы керамики, как на Кой-Крылган-кале. В последнем случае они датируются I—IV вв. н. э.

Керамика, сделанная на кругу, хорошо обожжена, черепок в изломе обычно красный, реже — светло-песочный, причем часто с сиреневатым оттенком. В глину, из которой изготовлялась тонкостенная посуда, добавлялся только песок и очень немного толченого гипса, давшего мелкие светлые включения. Груборазмолотых примесей нет.

Среди керамики, сделанной на кругу, имеются хумы, хумчи, кувшины, горшки, чаши и блюда. Хумы представлены хорошо известной по многим памятникам Хорезма формой с уплощенным венчиком-валиком, подчеркнутым полосой, проведенной пальцем. Такие сосуды в Хорезме наиболее характерны для первых веков нашей эры [Воробьева, 1959, рис. 35, *26*; ее же, 1967, табл. VIII, *12*]. У хумчей был подчетырехугольный (четырехугольный со скругленными углами) в сечении венчик, низкое горло, переходящее в покатые плечики (диаметр горла — 35 *см*, его высота — 7 *см*) (рис. 9, *5*). Эти сосуды покрывались светлым ангобом, край горла снаружи закрашивался красным ангобом. Есть фрагменты стенок со следами росписи. Такие сосуды встречаются над верхними полами помещений Кой-Крылган-калы и в слоях Куня-Уаза, где датируются первыми веками нашей эры [Воробьева, 1967, табл. IX, *17—22*]. Кувшины характеризуются подтреугольным в сечении венчиком и четко выделенным невысоким горлом. Диаметр горла — 13—15 *см*, высота его — 5—7 *см*. Сосуды покрыты снаружи красным ангобом, им же закрашен край горла изнутри (рис. 9, *9—11, 13—14*). Встречены обломки кувшина с желобком-бороздкой посредине венчика (рис. 9, *9—11*). Подобные сосуды также известны в слоях Куня-Уаза, датирующихся первыми веками нашей эры [Воробьева, 1959, рис. 32, 2—4], и в других археологических памятниках Средней Азии того же времени [Кабанов, 1969, рис. 14, 7]. Чаши на дисковидном поддоне являются широко известной в античных среднеазиатских керамических коллекциях формой [М. М. Дьяконов, 1953, рис. 20; Кабанов, 1969, рис. 12, *24*; рис. 13, *12*; рис. 14, *1*; Пугаченкова, 1966, рис. 15, 33, 60, 64 и сл.]. Несколько экземпляров таких чаш найдено и в описываемом доме, но от них сохранились только поддоны, что затрудняет уточнение их даты (рис. 9, *12*). Вместе с тем технологические особенности позволяют отнести чаши в Хорезме скорее к первым векам нашей эры, чем к концу античного периода. То же самое можно сказать и о широких блюдах с профилированным бережком (рис. 9, *6*).

Отмеченные аналогии позволяют датировать усадьбу I—III вв. н. э.

Усадьба № 4. Эта усадьба находится недалеко от только что описанной, у самого русла основного канала. Перед началом раскопок жилище выглядело низким плоским бугром с хорошо просматривавшимися, несколько выступавшими над его поверхностью стенами комнат. Последние занимали угол четырехугольного участка, ограниченного пахсовой стеной. Остальная его площадь приходилась на Г-образный двор (рис. 10).

Дом состоял из трех помещений. Одно из них (№ 3) больше других (7,5×5,2 *м*) и сплошь занято очагами и закромами, напоминая комнату № 4 в усадьбе № 3. Только здесь оно включено в общую систему планировки, а не расположено изолированно.

В помещении № 3 множество следов интенсивной хозяйственной деятельности человека. У восточной стены хорошо сохранился закром с кирпичными стенами; рядом, возможно, судя по слабым контурам перегородок на полу, мог быть второй. Тут же стояли хум и хумча, от которых в ямах остались только донные части. В северо-западном углу также находилось сооружение типа закрома с глиняными стенками, внутри которого в полу расчищены ямки (скорее всего от колышков диаметром 0,1—0,15 *м*), и пятно от огня на участке 0,85××0,55 *м*. В центре помещения, а также примерно близ середины южной стены пол обожжен от разводившихся здесь кострищ. В одном из них отчетливо видны две слабо углубленные ямки, заполненные золой и пеплом, в дру-

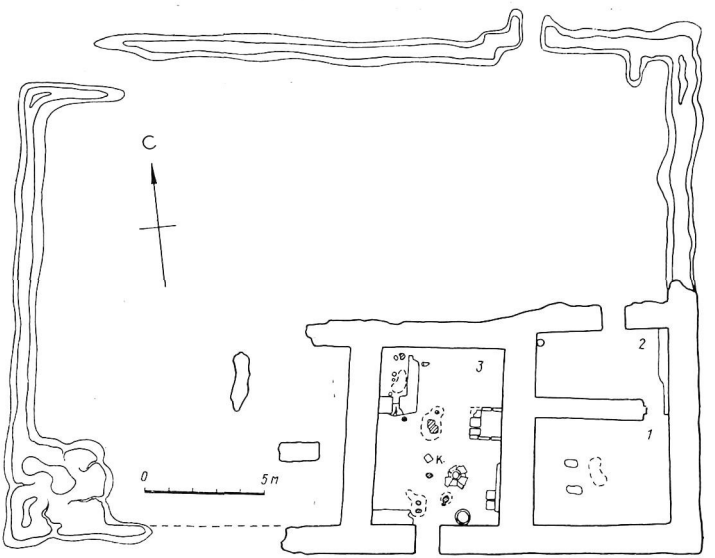


Рис. 10. Дом № 4 в Джанбас-калинском поселении. План

гом всю середину этого обожженного участка занимает пепел и зола. Этот последний находится близ низкой кирпичной суфы, занимавшей юго-западный угол помещения. Толщина заполнявшего комнату слоя не превышает 0,25 *м*. Это либо плотный слой разрушенной перемытой пахсы, либо песчаные наносы с комками пахсы. Наличие ее неудивительно, так как данная усадьба, как и вышеописанная, построена из пахсы.

Два соседних помещения — № 1 и № 2 — сообщались между собой и с двором проходами. В первом помещении (6×4,5 *м*) в центре имеется пятно от кострища и рядом с ним две четырехугольные ямки. В северо-западном углу помещения № 2 открыт углубленный очаг диаметром около 0,3 *м*, почти врубленный в стену. Глубина его также равна 0,3 *м*. Стенки очага обмазаны глиной, приобретшей цвет и звонкость терракоты.

Стены помещения № 1 сохранились в высоту почти на 0,6 *м*, а в двух других, описанных нами, они гораздо ниже. В восточной части двора были какие-то постройки: заметны остатки стены, почти примыкавшей к помещению № 3. Вероятно, это были хозяйственные пристройки. В месте, где поверхность пола разрушена, зачищены края углубления, на которых совершенно отчетливо заметны следы рубящих орудий типа кетменя. Яма заполнена сероватой супесью. Подобная же супесь выступает на поверхность в помещении № 3 там, где разрушен пол. Возможно, что мы здесь сталкиваемся с особым приемом сооружения под постройку котлована, заполненного песком. Такие случаи в древнехорезмском зодчестве уже известны.

Посуда из усадьбы № 4 сделана на кругу, не отличается от найденной в усадьбе № 3, но представлена в значительно меньшем числе — фрагментами 28—30 экземпляров. Среди них несколько разновидностей хумов и хумчей с венчиком в виде уплощенного валика, очень характерных для первых веков нашей эры в Хорезме (рис. 11, *6, 9, 12—14*), и хумчи с овальным в сечении венчиком и невысокой шейкой [см.: Воробьева, 1959, рис. 32, *23, 29*]. Последние представляют собой вариант формы хумчей с подчетырехугольным в сечении венчиком из усадьбы № 3. Эти сосуды светло-

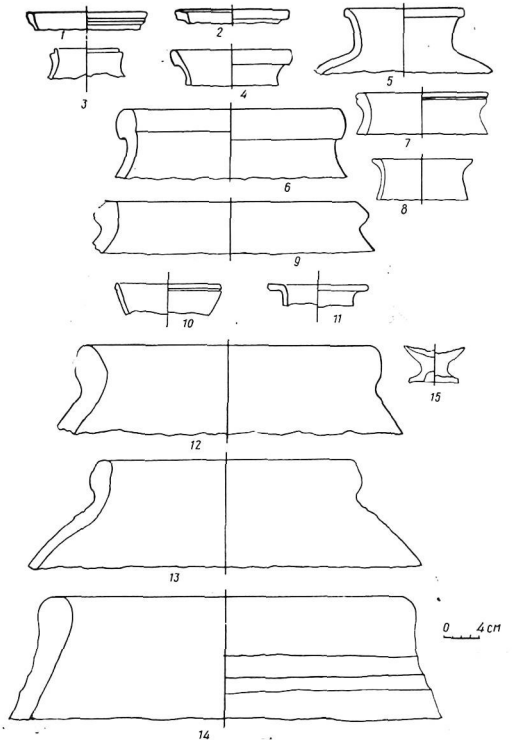


Рис. 11. Керамика из дома № 4 в Джанбас-калинском поселении:
1—8, 11 — кувшины; 6, 9 — кумчи; 12—14 — кумы; 10 — чаша; 15 — бокал

ангобированы, на некоторых заметны потеки *буро-коричневого ангоба по шейке.*

Среди прочих сосудов отметим сходные с найденными в усадьбе № 3 кувшины с удлиненным плоским венчиком-валиком, близким в сечении к подтреугольному, иногда с бороздкой посредине (рис. 11, *4, 7*), и кувшины с выступающей полочковидной закраиной-венчиком, *широко распространенные в Хорезме* в первые века нашей эры (рис. 11, *2, 8, 11*). Встречаются в слоях Кой-Крылган-калы [Воробьева, 1967, табл. IX, *3, 4*], Куня-Уаза [Воробьева, *1959*, рис. *32, 5*] и в аяз-калинских усадьбах. Близкие к кувшинам с венчиком-валиком формы есть в слое Беграма, датирующемся первыми веками нашей эры (до середины III в. н. э.) [см.: Ghirshman, 1948, табл. XLII, *20, 30*]. Покрыты, как правило, красным ангобом. Характерная черта чаш из усадьбы № 4 — наличие прочерченных полуциркульных линий, опоясывающих сосуды снаружи, чуть *отступая от края* (рис. 11, *10*). Сходный прием наблюдается на чашах первых веков нашей эры, найденных в Айртаме [Вязьмитина, табл. IV, рис. *35—38*], но край айртамских чаш наклонен внутрь в отличие от широко

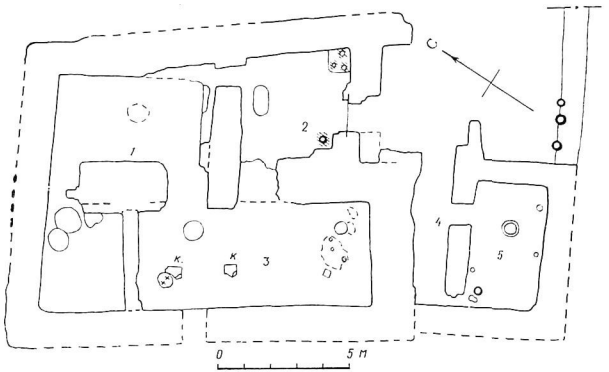


Рис. 12. Дом № 9 в Джанбас-калинском поселении. План

расходящихся краев описываемых хорезмских чаш. Последние с обеих сторон покрыты красным ангобом.

Заслуживает внимания обломок кубка, найденный на поверхности развалин дома. Отсутствие верхней части мешает его датировке; сосуд относится к длительно существующему виду керамики античной Средней Азии (рис. 11, *15*). По форме ножки, уже довольно *низкой и широкой, кубок следует сблизить с* аналогичными сосудами из Дальверзин-тепе, где они датированы II—III вв. н. э. [Альбаум, 1966, рис. 5], и из слоев Айртама времени кушан [Жуков, 1945, 97, рис. 21], Беграма II [Ghirshman, 1948, табл. XLIV, *98, 99* и др.], отнесенного ко II — началу III в. н. э., и из Бактр (датируются там I в. до н. э.— началом III в. н. э.) [см.: Gardin, 25, табл. IV, *22—23*]. Лепной посуды в этой усадьбе оказалось мало, в основном это фрагменты стенок, которые не дают полного представления об их форме, но по характерным технологическим признакам не отличаются от желтоангобированной керамики из усадьбы № 3. Следует подчеркнуть отсутствие в усадьбе № 4 горшков с прочерченным орнаментом на плечиках.

Таким образом, сходство керамики из усадеб № 3 и № 4 дает, как нам кажется, основание предполагать их одновременность.

Усадьба № 9. Эта усадьба отделена от описанных обширным такыром и находится близ большого ответвления от основного Джанбас-калинского канала. Она отличается неправильностью планировки, так как хозяйственные помещения выступают углом за линию внешних стен. Площадь жилой части равна 140 *кв. м*, вся же постройка занимает площадь 328,2 *кв. м*. Дом стоит в углу огороженного пахсовой стенкой приусадебного участка (55×77,5 *м*); специфическая «полосатая» поверхность участка с несомненностью свидетельствует о том, что здесь был виноградник. Именно на этой усадьбе, как уже упоминалось, найдена терракотовая фигурка *бога виноделия Диониса*.

Дом состоит из трех помещений (рис. 12). Западную его часть занимает одно большое помещение № 3 размерами 4×8 *м*, восточную — два поменьше (№ 1 и № 2). По обе стороны неширокого прохода из помещения № 3 наружу обнаружены два больших камня, лежавших на линии центральной оси помещения. Они служили, вероятно, основанием деревянных столбов, поддерживавших кровлю и оформлявших вход. В южной части помещения на полу видны следы разжигавшегося здесь кострища и ямка от днища вкопанного в пол сосуда. Северная часть помещения отделена от остальной его площади тонкой пахсовой перегородкой. Судя по мощному зеленовато-желтому слою над полом и нескольким большим округлым ямам, отгороженная часть служила хранилищем.

Двумя проходами помещение соединялось с соседним. Около одного из дверных проемов расчищена округлая яма, вероятно от хума, диаметром около 0,5 *м* и глубиной около 0,4 *м*.

В помещении были обнаружены два пола, отделенных друг от друга слоем плотной гли-

ны толщиной от 0,3 до 0,4 *м*. На нижнем полу в южной части помещения открыты следы большого кострища, а в слое над ним найдено много обломков тонкостенной краснoангобированной посуды. Меньше ее на верхнем полу. Много и костей животных. Интересно, что по нижнему полу западная стена дома несколько выступает внутрь за линию стены, относившейся к верхнему полу. Этот факт дает основание предположить, что дом перестраивался. Как мы увидим ниже, другие данные подтверждают это предположение.

Помещение № 1 (площадь — 3×5 *м*) занимает северо-восточный угол дома. Оно совершенно пусто, в нем нет и ям, только посреди на полу видны следы кострища размерами 0,5×0,6 *м*. Следы такие слабые, что заставляют думать скорее о жаровне, ставившейся здесь на пол, чем об огне, разводившемся прямо на поверхности пола. Возле опаленного участка пол слегка присыпан золой. За исключением мелких фрагментов керамики и немногочисленных костей животных, других находок нет. В дверном проеме, который вел в отгороженную часть помещения № 3, двумя круглыми ямами от столбов и отпечатком лежавшей на полу балки порога обозначается основание дверной рамы.

Помещение № 2 было проходным. Два прохода связывали его с помещениями № 1 и № 3, а один выводил за пределы дома. В юго-восточном углу открыта низкая квадратная кирпичная выкладка, на которую, по-видимому, ставили нечто вроде трехногой жаровни, так как на поверхности этой выкладки расчищены три слабо опаленных углубления (каждое диаметром около 0,15 *м*), как будто продавленные в глине тяжелым предметом. В противоположном, юго-западном углу помещения обнаружено углубление от дна сосуда, также слегка опаленное. В этой, по-видимому, жилой комнате раскопана также овальная яма длиной около 1 *м* и глубиной 0,5 *м*, заполненная рыхлым грунтом.

Перед проходом шириной 1 *м*, выводившим из помещения № 2 за пределы дома, выступают торцы стен дома, образуя нечто вроде опоры для навеса. Если это так, то, вероятно, перед входом был небольшой айван.

К югу от дома расчищены постройки, отделенные от него проходом наподобие узкого коридора (№ 4) шириной 1 *м*. Эти постройки очень заметно отличаются от описанных выше; по отношению к последним они располагаются под углом. Стены их значительно тоньше. Если толщина пахсовых стен дома, особенно средней, очень велика (1,8—2 *м*), то толщина стен построек, о которых идет речь,— только 0,7—0,8 *м*.

Целиком расчищено всего одно помещение — № 5 — и сохранившаяся часть соседнего. В помещении № 5 обнаружен хум, вкопанный по венчик в землю, а в юго-восточном углу — очаг в виде округлого углубления диаметром 0,3 *м* и глубиной 0,2 *м*, сходный с отопительными очагами в усадьбах № 3 и № 4.

В соседнем с ним помещении вдоль южной стены, являвшейся также внешней стеной всей постройки, расчищено несколько аналогичных очажков-ямок. Общая толщина слоя в этой части постройки очень мала — до 0,25 *м*, однако его последовательная расчистка выявила, как и в помещении № 1, два жилых уровня. Нижний, весь изъеденный промоинами, «связывается» с развалинами пахсовой стены, продолжавшей линии старой стены, обнаруженной в помещении № 1 и перекрытой на этом участке остатком кладки из сырцовых кирпичей размерами 40×40×10 *см*.

Следовательно, помещения пристройки были одновременны комнатам № 1—3. Это заключение подтверждает и облик врытого в пол помещения № 5 хума, по всем признакам относящегося к верхнему слою.

Однако помещения № 4 и № 5 скорее всего входили в постройки двора (причем, судя по наличию отопительных очагов, несли не только хозяйственные функции), так как мощность пахсовых стен помещений № 1—3 выделяет их в самостоятельное целое с явно намеченным входом. В восточной части двора вскрыта часть большой ямы, контур которой на поверхности очерчивался наиболее густо росшей по ее краю растительностью. Глубина ямы на вскрытом участке равнялась 1 *м*. Она заполнена рыхлым, окрашенным в коричнево-зеленоватый цвет слоем с обильными включениями керамики, костей животных, угольков. Заполнение слоистое; в нем отчетливо выделяется зеленая глиняная прослойка. Дно ямы на данном участке на 0,74 *м* ниже уровня примыкающих к дому такыров.

Находки в этой усадьбе, как и в вышеописанных, состоят исключительно из керамики и костей животных. Над нижними полами найдено немного обломков посуды; в основном вся она извлечена из слоя над полом в помещении № 1 и не отличается от посуды с верхних полов.

В усадьбе № 9 найдены фрагменты 79 сосудов, преимущественно гончарных (52 экземпляра). Поскольку набор этой посуды повторяет уже описанный в связи с раскопками усадеб № 3 и № 4, отметим лишь особенности данной керамической коллекции. В ней преобладают кувшины (34 сосуда), а среди них кувшины с венчиком в виде выступающей полочковидной закраины; наблюдается большое

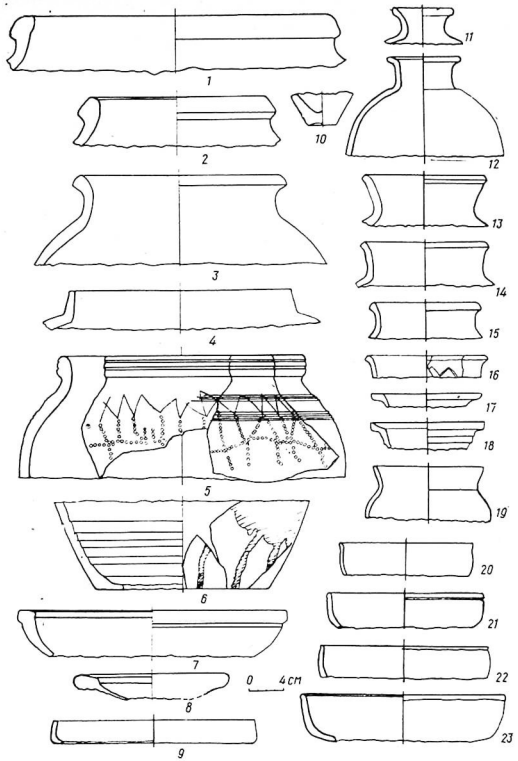


Рис. 13. Керамика из дома № 9 в Джанбас-калинском поселении:
1 — хум; *2* — хумча; *3—4* — крупные горшки; *5* — хумча; *6, 11, 13—18* — кувшины; *7—8—9, 23* — миски; *10* — кубок; *12* — фляга; *20—22* — чаши; *19* — горшковидный сосуд

разнообразие вариантов формы венчика. Диаметр горла — 9—10 *см*, высота его — не менее 3—4 *см* (рис. 13, *17, 18*). Близки некоторым из них по оформлению горла кувшины из Айртама времени кушанов [Шишкин, 1945, 125, рис. 27, *9*].

Описываемые хорезмские кувшины, как правило, покрыты красным ангобом, иногда им закрашивался и край горла изнутри. Были найдены также какие-то крупные сосуды, вероятнее всего кувшины, покрытые светлым ангобом и буро-красной росписью потеками. Среди нескольких хумчей особенно интересна одна. Ее венчик профилирован несколькими прочерченными линиями, плечики украшены несколькими полуциркульными линиями, зигзагами и пунсонным орнаментом (рис. 13, *5*). Как и большая часть гончарных сосудов из усадьбы, она покрыта красным ангобом. Диаметр устья — 25 *см*, высота горла — 3 *см*, диаметр тулова — 35 *см*. Таких хумчей нет среди керамики из усадеб № 3 и № 4, но их фрагменты встречаются в развалинах других построек оазиса. Сходные по форме сосуды име-

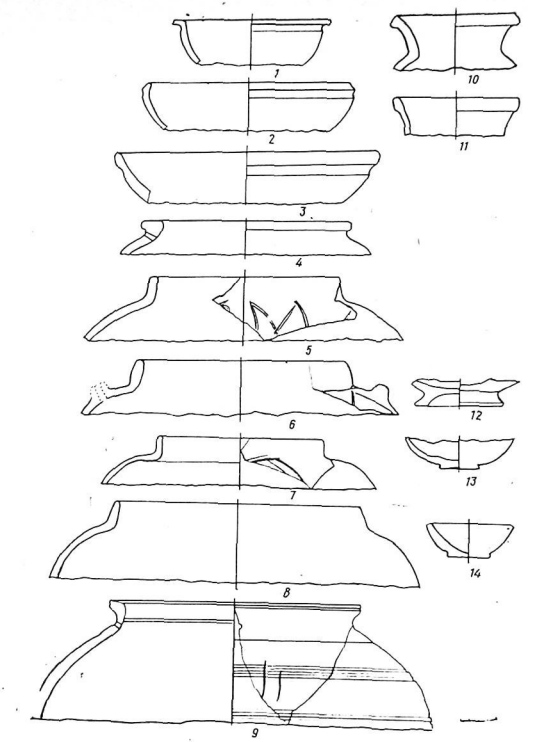


Рис. 14. Керамика из усадеб № 1, № 5, № 7, № 8 в Джанбас-калинском поселении:
1—3 — миски; *4—8* — горшки; *9* — хумча; *10—11* — кувшины; *12* — бокал; *13—14* — чашечки

ются в коллекции из дворца Топрак-калы (III в. н. э.), в слоях Китаба, где они датируются II в. до н. э.— I в. н. э. [Кабанов, 1962, рис. 2, *3*], во II слое Беграма (просуществовали до середины III в. н. э.) [Ghirshman, 1948, табл. XLIII, *45*]. Сходным образом профилированные венчики имели широкогорлые сосуды и кувшины Айртама в первые века нашей эры [Вязьмитина, табл. I; табл. IV, *18—21, 24—25*; Жуков, 1945, *96*, рис. 20].

Среди лепной посуды из усадьбы имеются мелкие широкие миски (рис. 13, *9*) (диаметр — 25—26 *см*), кувшины с невысоким горлом в виде легкого раструба и со слегка утолщенным, отвернутым наружу венчиком (рис. 13, *13—14*) (диаметр устья — 6—7 *см*, высота горла — 4 *см*), много горшков с широким раздутым туловом и изогнутой шейкой, близких по форме горшкам из усадьбы № 3 и также часто покрытых светлым желтоватым ангобом (рис. 13, *4*). Но в большинстве случаев они отличаются от указанных горшков цветом черепка, имевшего красновато-сиреневатый оттенок.

Следует добавить, что в одном из помещений усадьбы найдена небольшая лепная фляга, покрытая желтоватым ангобом и буро-красной росписью (рис. 13, *12*). На осно-

вании приведенных сопоставлений керамика может быть, как нам кажется, отнесена к тому же времени, что и посуда из усадеб № 3 и № 4, т. е. к первым векам нашей эры. Эта датировка подкрепляется тем, что большинство форм керамики из Джанбас-калинского поселения встречается также на поселении Туз-гыр в Левобережном Хорезме, где вместе с нею найдены две монеты парфянского правителя Маргианы Санабара (последняя треть I в. н. э.) [В. М. Массон, 1957, 34]. Как полагает Б. И. Вайнберг, в Хорезме они могли обращаться и дольше (II в.— первая половина III в.), так как среди ранней хорезмской меди есть явные перечеканы по парфянской меди.

В заключение следует хотя бы кратко рассмотреть керамику, найденную в других усадьбах поселения (№ 1, № 2, № 5, № 7, № 8), из которых особенно интересна усадьба № 2.

В ней прежде всего расчищено помещение с керамическими плитками и найден оссуарий в виде фигуры сидящей женщины. К тому же она находится рядом с усадьбой № 3, поэтому важно установить ее дату и относительную хронологию усадеб. Сопоставление посуды из обеих усадеб показывает, что она состоит из многих одинаковых форм, причем в усадьбе № 2 больше хорошей столовой керамики, сделанной на кругу. Здесь найдено несколько разновидностей хумчей с профилированным венчиком и венчиком-валиком, овальным в сечении, кувшины с бороздкой по венчику и легким пояском на шейке, кувшины с уплощенным подчетырехугольным в сечении венчиком с небольшим «кармашком» изнутри (рис. 14). Единичен горшок с шаровидным туловом, покрытый снаружи темным ангобом с лощением, аналогичный распространенным в керамике из аяз-калинских усадеб (рис. 14, *8*). Прочая круговая посуда имеет аналогии в керамике из других хорезмских памятников первых веков нашей эры (Кой-Крылган-кала, Куня-Уаз) [Воробьева, 1959, рис. 32, *1, 26*; рис. 35, *21, 28*; ее же, 1967, табл. IX, *20, 21, 39, 40, 64, 81*]. Посуда, сходная с серией лепной желтоангобированной из верхних слоев Кой-Крылган-калы, здесь также представлена, но в меньшем числе, чем в усадьбе № 3. Керамика из усадеб № 7 и № 8 отличается от вышеописанных тем, что в ней наиболее широко представлена лепная желтоангобированная посуда в виде кувшинов, мисок и горшков с прочерченным зигзагообразным орнаментом на тулове (рис. 14, *5—7*). Набор видов круговых столовых сосудов таков же, как и во всех перечисленных усадьбах поселения (рис. 14, *1—3, 12—14*).

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что усадьбы поселения синхронны; общая дата для них — I—III вв. н. э. Однако, основываясь на стратиграфических данных, трудно предположить, что усадьбы существовали так долго, поэтому следовало бы ограничить датировку более узким отрезком времени. К сожалению, более точную дату указать пока невозможно; разработанная в настоящий момент хронологическая шкала античной хорезмской керамики еще не имеет такой узкой периодизации.

Ниже мы постараемся показать, сопоставляя посуду из Джанбас-калинского поселения с керамикой из соседнего Аяз-калинского, что при ограничении верхней даты первого из них речь может идти скорее о начале III в. н. э., чем о его конце. Но прежде следует сказать несколько слов об оазисе близ Кургашин-калы, осваивавшемся в те же хронологические периоды, что и территория близ Джанбас-калы, и представляющем тем больший интерес, что открытые там более древние постройки обнаруживают ближайшие параллели только что описанным жилищам первых веков нашей эры в Джанбас-калинском поселении.

ПОСЕЛЕНИЕ У КУРГАШИН-КАЛЫ

Поселение расположено в долине, с севера и востока охваченной полукольцом горных отрогов Султан-Уиздага, у хвостовой части Кырк-кызского канала. На северном горном останце, сложенном коренными породами, возвышается Кургашин-кала. Это четырехугольное укрепление размерами 90×150 *м* с прямоугольными башнями по углам и вдоль каждой его стороны, датирующееся первыми веками нашей эры. Горный останец с крепостью огибает большой Кырк-кызский канал, русло которого хорошо прослеживается вдоль восточного гыра. Теперь прямо по ложу канала проложена грунтовая дорога во внутренние Кзылкумы. Площадь всего оазиса составляет 67 *га*, но поселение занимало не всю эту территорию, располагаясь лишь на двух несмыкавшихся участках к юго-востоку и западу от Кургашин-калы. Всего нами зафиксировано здесь 13 бугров — развалин построек, однако далеко не каждую можно считать остатками жилища (рис. 15).

У подножия Кургашин-калы хорошо видны гряды обширного садово-виноградного, по мнению обследовавшего его Б. В. Андрианова [1969, 133], участка размерами 200×300 *м*. Сетью арыков весь комплекс делился на правильные четырехугольники, в свою очередь

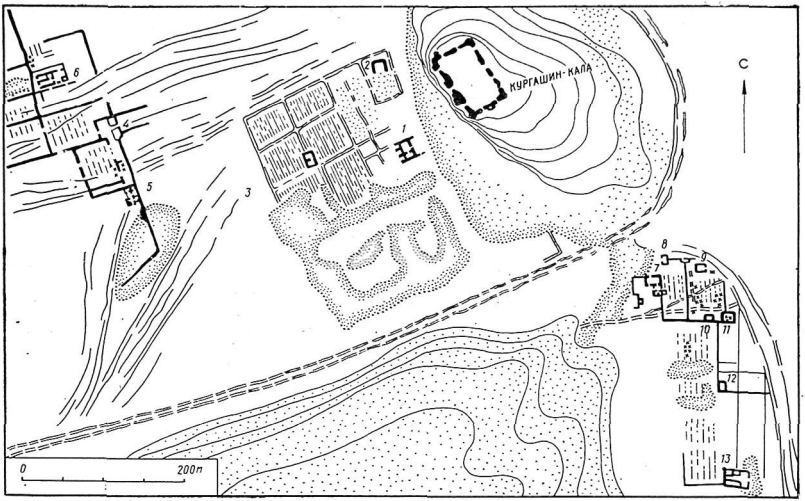


Рис. 15. Кургашин-калинское поселение

занятые еще более мелкими арыками, проведенными между грядами шириной 3—4 *м*. На территории комплекса существовали три постройки, причем все они не производят впечатления постоянных сельских жилищ; скорее это были летние усадьбы или служебные строения.

Одна из них, обозначенная номером 1, состояла из двух помещений, сплошь вымощенных сырцовым кирпичом. Широкие кирпичные *выкладки, напоминающие суфы, примыкали к* постройке снаружи, позволяя думать о существовании в прошлом айванов. В целом, так как кирпичные стены строения разрушились и снивелировались почти до уровня пола, остатки его смотрятся в виде сплошной вымостки из сырцового кирпича.

Две другие постройки (№ 2 и № 3) имеют вид небольших бугров площадью 145—250 *кв. м*. На поверхности первой керамики нет, вторая, судя по обилию обломков хумов, являлась хранилищем.

В 200—250 *м* западнее виноградника видна целая система смыкавшихся глинобитных дувалов и кое-где — развалины построек. Две из них — № 5 и № 6 — безусловно можно считать остатками жилищ, в которых относительно хорошо прослеживается планировка. Дом № 6 состоял из двух небольших помещений и третьего, равного по площади первым двум. Общая площадь дома равна 188 *кв. м* (12××14 *м*), вместе с примыкавшим к нему двором — 540 *кв. м*. Дом № 5 сложнее: четыре вытянутых в один ряд помещения занимали сторону длинного узкого прямоугольного двора, западный край которого был выгорожен стеной в какое-то самостоятельное помещение. *К юго-восточному углу двора примыкала двух*камерная постройка, выступавшая за пределы прямоугольного застроенного участка в виде пристройки. Таким образом, двор был обстроен почти со всех сторон. Общая площадь постройки вместе с двором равна 387 *кв. м* (18×21,5 *м*).

Обвалованных усадебных участков, занятых грядами, больше, чем обнаруженных домов. Их размеры равны 50×90 *м*, 60×70 *м*, 90×80 *м*. Все они, по-видимому, были целиком заняты огородами или виноградниками. На поверхности участков и построек встречаются обломки песчаника, который, по всей вероятности, использовался при строительстве жилищ.

В юго-восточной части оазиса находится

еще ряд бугров, но только в двух случаях читается планировка (домов № 7 и № 13).

Дом № 7 представлял собой сложное строение: всю его северную часть занимало одно огромное помещение с толстыми стенами, площадью 20×10 *м*. Против него, несколько сдвинуто по отношению к центральной оси, находилось еще три небольших помещения; между ними оставался сравнительно узкий внутренний вытянутый проход. К дому примыкали два обвалованных участка, на которых имеются развалины нескольких однокомнатных строений, судя по их расположению — хозяйственных. Меньший по площади участок, окруженный оградой в виде ломаной линии, можно считать двором. Больший прямоугольный участок (40×75 *м*) был занят грядами огорода или виноградника. К усадьбе дома № 7 вплотную примыкала другая, на территории которой вдоль трех ее сторон находились три разных размеров постройки; одна из них (№ 11) могла быть жилой, впрочем, все они так разрушены, что назначение их до раскопок не поддается точному определению.

Дом № 13, располагавшийся несколько в отдалении, выглядит четырехугольным участком (43×30 *м*), обстроенным с трех сторон. Его северо-западный угол занимала постройка, превратившаяся в низкий плоский бугор, на поверхности которого планировки не было заметно. Размеры ее — 23×15 *м*. К ней вплотную примыкают остатки каких-то строений, вытянувшихся вдоль южной и северной сторон огороженного двора. Они ниже основного бугра и, видимо, являлись хозяйственными пристройками. Свободное от застройки пространство образует неправильных очертаний огороженный двор.

Топографические особенности этого поселка, компактность двух его частей позволяют видеть в нем сходство с Аяз-калинским поселением (см. ниже). Центром его можно было бы считать Кургашин-калу, по площади меньшую, чем Аяз-кала III: если размеры первой равны 150×90 *м*, то второй — 150×260 *м*. Однако, в то время как на поселении всюду встречаются обломки посуды, характерной для IV—II вв. до н. э.,— хумы с валиком на плечах, бокалы и др., покрытые ленточной росписью или красным ангобом,— Кургашин-кала датируется первыми веками нашей эры. Шурф, заложенный на площади укрепления в 1968 г. Б. И. Вайнберг, вскрыл участок плотной застройки и подтвердил установленную ранее дату, не выявив более ранних слоев[4]. Можно лишь подозревать наличие их на других участках Кургашин-калы. Следует сказать, что описанное нами древнее поселение у подножия гыра осваивалось и в первые века нашей эры — судя по наличию всюду желтоангобированной лепной посуды, не отличающейся от найденной в верхних слоях Кой-Крылган-калы и в Джанбас-калинском поселении. Не исключается, что садово-виноградный комплекс возник именно в это время, так как он явно был угодьями населения, жившего в Кургашин-кале.

АЯЗ-КАЛИНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

У подножия отрогов Султан-Уиздага (на вершинах которых до сих пор высятся великолепно сохранившиеся развалины крепостей Аяз-кала I и Аяз-кала II) простираются обширные такыры, кое-где пересыпанные барханами или закрытые поросшими песчаными грядами, изборожденные руслами естественных протоков, искусственных каналов и арыков. Местами эти русла выявляются лишь цветом почвы и особой интенсивностью растительности, местами же — отмечены бугорками береговых отвалов и возвышениями разрушенных валов ложа каналов. Полоса густой зелени покрывает большое, хорошо заметное и при наземных маршрутах и особенно с воздуха меридиональное русло, прослеживающееся в 1,5 *км* к югу от комплекса крепостей Аяз.

Обследование выявило здесь, на, казалось бы, очень плоской и безжизненной равнине, следы поселений нескольких эпох, «наложившиеся» друг на друга и потому доступные изучению лишь участками. Поселения в этой местности, в древности изобильной водными источниками и удобной для существования, возникли еще в эпоху первобытности и строились, вероятно с перерывами, до IX—X вв.; особенного расцвета жизнь здесь достигла в античный период. Как указывалось выше, поселения IV в. до н. э.— IV в. н. э. тяготели к крупному Якке-Парсанскому каналу, ответвлявшемуся от Кырк-кызского канала в районе крепости Гульдурсун и подходившему к отрогам Султан-Уиздага с юго-востока. Общая ширина ложа этого канала, существовавшего до VIII в., достигала 40—50 *м* и 9—10 *м* между береговыми отвалами. В районе Аязкалы ширина ложа не превышала 28 *м*.

Другой канал, подведенный к Аяз-кале II с северо-запада, был несколько меньших размеров: ширина ложа приближалась к 30 *м* (между береговыми отвалами — 6 *м*) [Андрианов, 134]. Он брал начало от системы Гавхорэ

[4] По устному сообщению Б. И. Вайнберг.

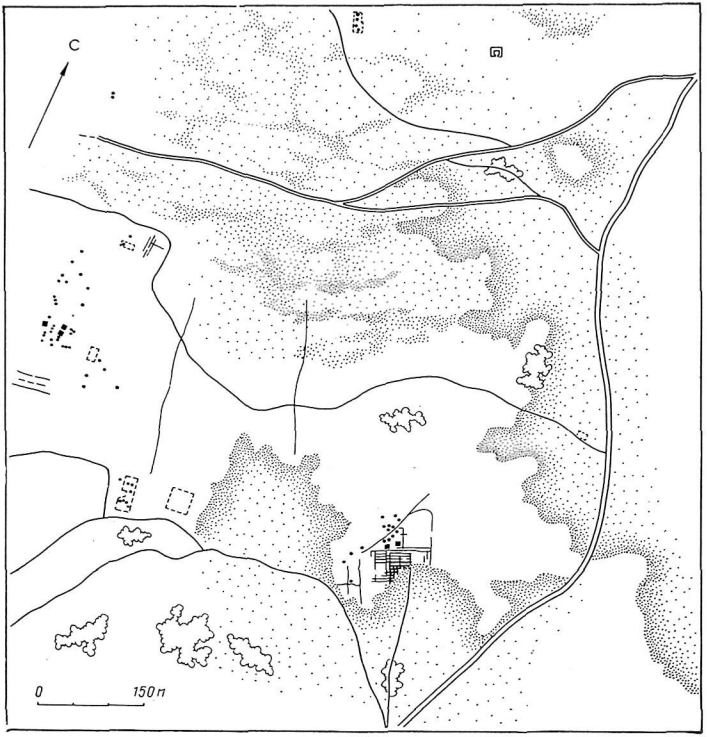


Рис. 16. Поселение в 2,5 *км* южнее Аяз-калы III.
Жирными точками обозначены хумы, жирными квадратами — винодельни

в окрестностях Кават-калы и функционировал какое-то время, во всяком случае в V—VIII вв., одновременно с Якке-Парсанским. Хронологические рамки его использования, в частности время его строительства, остаются для нас не вполне ясными, хотя Б. В. Андрианов относит его к эпохе античности.

Вдоль этого канала в V—VIII вв. существовал оазис со свободно разбросанными (иногда в значительном отдалении друг от друга) большими усадьбами. Земельные угодья оазиса местами скрыли интересовавшие нас поселения первых веков нашей эры. Так, раннесредневековые земледельцы распахали северо-западную часть античного поселения, сложившегося у самого подножия Султан-Уиздага вокруг большой укрепленной усадьбы Аяз-кала III.

Еще более печальная участь постигла другое поселение первых веков нашей эры, начинавшееся примерно в 0,5 *км* к югу от упомянутого выше меридионального русла и располагавшееся в 2 *км* от Аяз-калы III, где юго-восточный канал делал крутую петлю. В этой местности в радиусе 1—2 *км* существовало несколько больших раннесредневеко-

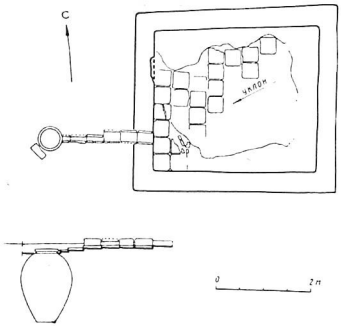


Рис. 17. Винодавильня. План и разрез

вых построек со значительными по площади земельными угодьями. Возникновение оазиса в V—VIII вв. повлекло за собой уничтожение более ранних жилищ. Последние уцелели лишь за пределами раннесредневековых участков, которые, по-видимому, не составляли единой непрерывной возделанной площади, и поэтому жилища афригидской эпохи можно увидеть рядом с остатками построек первых веков нашей эры.

Разновременность наслоений мешает целостности представления об этом раннем поселении, которое по ряду признаков представляет большой интерес. Дело в том, что здесь в первые века нашей эры существовало несколько винодельческих хозяйств (рис. 16). Дома, как правило, разрушены настолько, что угадываются лишь по легким всхолмлениям такырной корки, усыпанной обломками мрамора, песчаниковых зернотерок и прочих предметов хозяйственного обихода, керамики и костей. Лишь в одном случае можно было ориентировочно определить площадь дома, равную примерно 50×25 *м*. Вся восточная часть этой постройки была занята в прошлом хумами (зафиксированы донные части 7—8 сосудов). Нет никакого сомнения, что именно к этому дому относились винодельни, следы которых обнаружены в 150—200 *м* к востоку от него. На поверхности ровного такыра здесь выступают очертания не менее 20 вкопанных в землю и разрушенных хумов, стоявших вокруг трех винодавилен. Раскопки одной из них показали, что сок выжимали на чуть приподнятой над уровнем такыра вымощенной обожженными плитками площадке размерами 5×4 *м*, ограниченной пахсовой стенкой толщиной 0,5 *м*. Осталось неясным, была ли площадка перекрыта, но наличие над ней навеса, во всяком случае, предполагать можно. По узкому, с наклонным дном желобу, сделанному из таких же плиток, положенных плашмя и скрепленных алебастровым раствором, сок должен был стекать в огромный хум, врытый в землю по край венчика и сохранившийся целиком (рис. 17).

Другое, не менее значительное по масштабам винодельческое хозяйство находилось в 400—500 *м* к востоку от описанного. Помимо остатков 15—20 хумов и трех винодавилен здесь можно проследить сложную систему самих угодий, частично поглощенную песками, а частично проявляющуюся на плотной поверхности такыра в виде выраженных более темным цветом русел арыков, последние расчерчивают ее на квадраты и длинные прямоугольники бывших виноградников. Сам дом не сохранился.

Значительно больше сведений получено в результате работ на синхронном поселении вокруг Аяз-калы III, занимавшем площадь около 80 *га*.

В центральной части этого поселения отчетливо видны очертания полей и приусадебных участков, окруженных вместе с домом глинобитной изгородью-дувалом, сейчас превратившейся в низкие расплывшиеся всхолмления. Судя по их расположению, усадьбы тесно примыкали друг к другу, образуя в целом компактный поселок во главе с Аяз-калой III (рис. 18), сильно укрепленной мощной стеной с многочисленными башнями. На окраинах поселения, за меридиональным руслом, немногочисленные усадьбы были разбросаны широко — через 0,5—1 *км* друг от друга. Дома сильно разрушены и в большинстве случаев выглядят скоплением керамики, обломков песчаника, зернотерок и т. п. Поэтому с достоверностью определить число домов не представляется возможным; можно полагать, что их было не менее 14—15 (рис. 19).

Среди прочих жилищ помимо Аяз-калы III своими масштабами выделялись еще две постройки, в южной и западной частях поселения, но в отличие от первой неукрепленные. Одна из них, северо-западная, была известна давно, со времен первых довоенных работ в Хорезме [Толстов, 1948, 104; Лавров, 25]; южная обнаружена только в последние несколько лет. Их описание будет дано ниже. Возле упоминавшегося меридионального русла небольшие скопления обгоревших обломков стенок скрывают остатки нескольких гончарных печек. В результате первых раскопок в описываемом районе сложилось впечатление о единовременности всего комплекса, включая основные крепости Аяз-кала I, Аяз-кала II

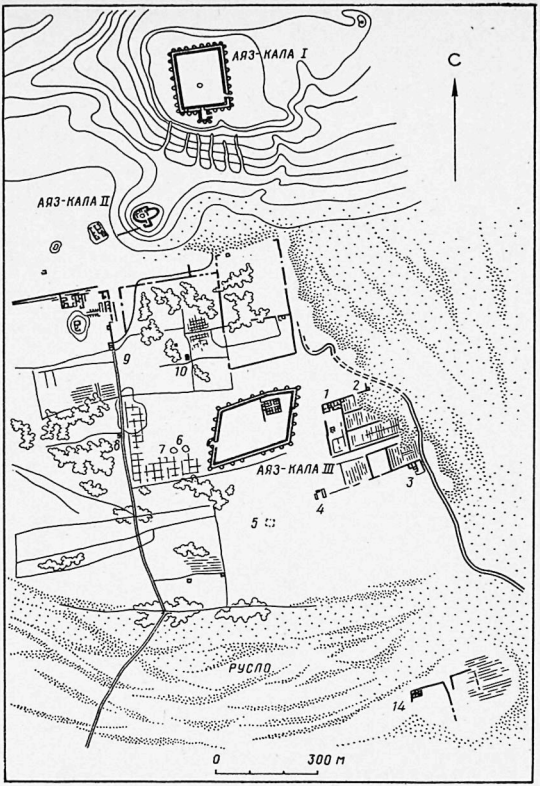


Рис. 18. Аяз-калинское поселение

и Аяз-кала III, датированного первыми веками нашей эры [Толстов, 1948, 103—104; его же, 1949, 159]. Исследования последних лет поколебали это представление, заставив усомниться в целостности комплекса, выявив разновременные его части и довольно сложную историю всего района. Причем, если некоторые из этих новых сведений еще требуют дальнейшего уточнения, то другие кажутся несомненными. К числу этих последних относятся данные о существовании поселения здесь, у подножия Султан-Уиздага, уже в IV—III вв. до н. э. Специфическая, характерная для этого времени керамика встречается на всей описанной территории, концентрируясь часто в смывах и осыпях запесоченных низких бугров, которые легко принять за заросшие барханы. Часть из них и была барханами, но остальные, безусловно, остатки древних построек. В выдуве одного такого «бархана» обнаружен небольшой фрагмент прекрасной красноангобированной фляги с рельефным изображением

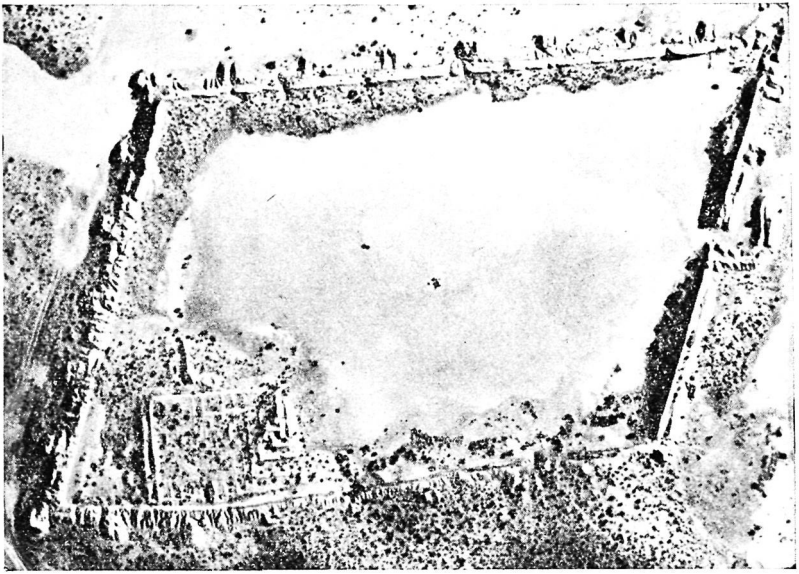


Рис. 19. Аяз-кала III. Аэрофото

птицы; к другому подходят глинобитные стены усадьбы, в которой также найдены осколки сосудов IV—III вв. до н. э.

Раскопки усадьбы № 3, о которых мы подробно скажем ниже, вскрыли в ней два слоя; ранний может быть твердо датирован IV—III вв. до н. э. Часть печей в русле относилась именно к этому периоду. Размеры раннего поселения установить затруднительно, но вряд ли оно было меньше позднейшего; наибольшая интенсивность жизни связывается с юго-восточной частью территории, примыкавшей вплотную к большому каналу.

Приведенные сведения легко увязываются с датировкой возникновения юго-восточного канала (кангюйский период). В свете этих обстоятельств не покажется столь невероятной датировка Аяз-калы I не первыми веками нашей эры, как считалось раньше, а IV—III вв. до н. э., выдвигаемая изучившими ее Ю. П. Маныловым [1972, 11] и А. В. Гудковой (рукопись). Представляют большой интерес детали обследования, приведшего упомянутых ученых к выводу, что крепость осталась недостроенной в силу пока еще неясных причин и, значит, была необитаемой в первые века нашей эры и в последующее время.

В замке Аяз-кала II, где Ю. П. Манылов произвел разведочные зачистки и раскопки, пока не обнаружено никаких признаков обитания в первые века нашей эры. Можно полагать поэтому, что Аяз-кала II не перестраивалась и не модернизировалась в VII—VIII вв. н. э., как предполагалось ранее [Толстов, 1949, 159], а была воздвигнута именно в это время [Манылов, 1972, 11]. Подтверждают такой вывод и наши исследования. Дело в том, что Аяз-кала II входит в большой комплекс, частью которого являлась северо-западная усадьба, упоминавшаяся выше. Именно к этому комплексу, который керамика надежно датирует концом VII — началом VIII в., и подходит второй большой канал, начинавшийся от системы Гавхорэ (о нем говорилось выше). Весь район, орошавшийся этим каналом, занимавший северо-западную

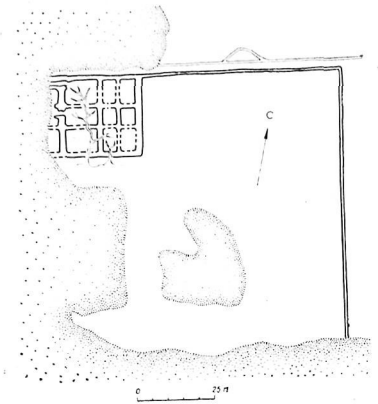


Рис. 20. Дом № 14 в Аяз-калинском поселении

часть Аяз-калинского поселения, активно распахивался в VII—VIII вв. К комплексу построек времени Афригидов примыкали обширные огороженные глинобитными оградами участки, занятые виноградниками и садами. Существовавшие здесь дома первых веков нашей эры были распаханы, и осколки содержавшейся в них керамики этого времени оказались *разбросанными на значительной площади*. Вода из обоих больших каналов сбрасывалась к подножию Султан-Уиздага, теперь закрытому сплошными песчаными грядами.

Таким образом, интересующие нас постройки первых веков нашей эры доступны исследованию лишь в южной и юго-восточной частях поселения. Дома в южной части разрушены, и планировка их с трудом читается по скоплениям керамики и остаткам врытых в землю разрушенных хумов. Здесь находились, следуя нашей нумерации, дома № 4 и № 5, а за руслом — № 14, № 15 и № 16.

Дом № 5, по-видимому, представлял собой каре построек с внутренним двориком. Одна из этих построек, по площади значительно превышавшая остальные, вероятно, и была жилищем, остальные могли иметь хозяйственное назначение. Расчистка такой постройки, меньшей по площади, в соседнем, вероятно аналогичном по плану, доме № 4 в какой-то мере подтвердила наше предположение: она оказалась однокомнатной и сплошь занятой хумами и другой посудой. Поэтому ее можно рассматривать как кладовую.

Дом № 14, расположенный в отдалении, за руслом канала, в плане прямоугольный (25×35 *м*), построен из крупного сырцового кирпича и разделен четырьмя стенами на три последовательных ряда помещений, по три в каждом ряду; наибольшие по площади находились у входа в дом (рис. 20). Примерно в 1 *км* к юго-востоку от этого дома, в месте, где большой юго-восточный канал, орошавший поселение, делал крутую петлю, располагались еще две постройки, усадьбы которых смыкались. Одна из этих построек очень велика — площадью не менее 40×40 *м*. В ней было много комнат. Она крайне разрушена, однако по проступающим на поверхности линиям кирпичных стен можно установить, что ее план напоминал только что описанный, но в большем масштабе: это все та же сетка больших и малых помещений. Остатки песчаниковых четырехугольных плит позволяют предположить наличие в прошлом внутри помещений колонн.

Зачистка поверхности показала, что культурный слой полностью размыт, а от стен сохранился лишь нижний ряд кирпичей основания, да и то далеко не везде. Проследить направление стен не удалось, частично окантурены лишь границы нескольких больших помещений, одно из них было сплошь занято хумами (уцелели только их донные части, врытые в землю). Массив кирпичной кладки вдоль северной внешней стены дома может быть остатками суфы и айвана. Рядом с ним просматриваются очертания большого разрушенного тандыра.

На поверхности дома найден фрагмент руки глиняной статуи; можно предполагать, что в нем было помещение, где стояли статуарные оссуарии. Как отмечалось при описании Джанбас-калинского поселения, такие помещения или отдельные постройки в черте усадьбы были характерны для хорезмских жилищ Правобережья в первые века нашей эры.

Меньший дом наполовину закрыт барханом. Ориентировочно можно считать, что его площадь не превышает 15×16 *м*, а план не отличается от плана дома № 14.

В юго-восточной части поселения находились усадьбы № 1, № 2, № 3 и несколько других, скрытых песками; от них оказалась свободной только площадь самих усадеб, расчерченная полосами грядок размерами 4—5××25 *м*, и мелких арыков. Скорее всего это остатки виноградников. Размеры усадеб равны 120×120 *м*, 90×90 *м*, 50×150 *м* (№ 1) и 150×110 *м* (№ 3). Дом в усадьбе № 1 состоял из 10—15 комнат и занимал площадь 60×30 *м* в торце усадьбы во всю его ширину. Примерно посредине участка видны остатки небольшого, включавшего четыре помещения

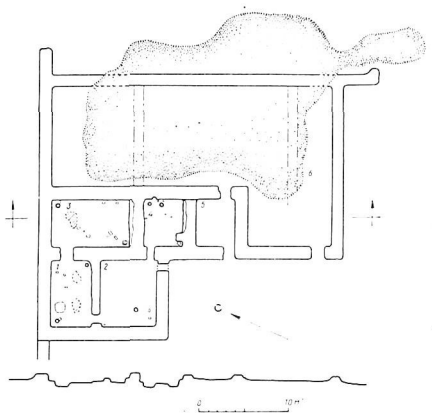


Рис. 21. Дом № 3 в Аяз-калинском поселении. План по верхнему горизонту

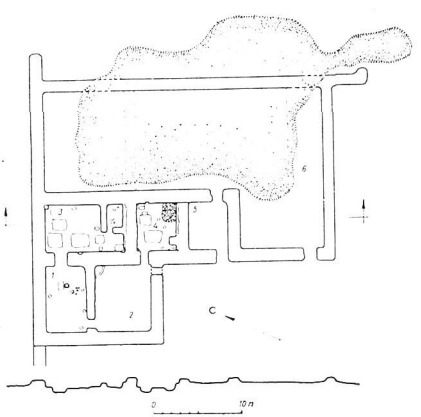


Рис. 22. Дом № 3 в Аяз-калинском поселении. План по нижнему горизонту

домика на фундаменте, сложенном из плит песчаника. Вдоль ограды много скоплений мелкораздробленной керамики, что позволяет думать о существовании здесь каких-то, по-видимому легких, построек типа навесов. Поверхность внутри усадьбы представляет собой ровный такыр, и лишь в южном ее конце видны следы грядок. Площадь усадеб в подавляющем большинстве была, вероятно, занята огородами или виноградниками, и только в усадьбе № 1 и в самой Аяз-кале III это были обширные дворы.

Аяз-кала III, безусловно, необычная постройка. У нее странный контур крепостных стен — в виде ромба; прямая линия одной из ее сторон ломается в месте примыкания к ней большого дома. Последний привлекает внимание очень правильной планировкой. Он делится крестообразно пересекавшимися в его центре коридорами на четыре во многом единообразные части. На переднем плане этого огромного сорокакомнатного здания возвышаются развалины могучего сооружения с несколькими параллельными рядами стен, ограничивавшими его центральную часть. Перед ним простирался огромный, совершенно пустой двор.

В северной части поселения, вокруг Аяз-калы III зафиксировано два-три однокомнатных домика, возможно стоявших на небольшом цоколе. Создается впечатление, что это нежилые, служебные постройки. Они стоят изолированно среди угодий Аяз-калы III, на берегу канала; возможно, их строительство связано с надзором за ирригационной системой.

Раскопки двух наиболее сохранившихся домов — в усадьбах № 1 и № 3 — уточнили представление об облике жилища этого поселения.

В усадьбе № 1 раскопана примерно $^1/_6$ часть дома, включавшая шесть помещений. Три из них (№ 2, № 3 и № 5), судя по наличию больших и малых ям разных очертаний и врытых в землю сосудов, были хранилищами. Из трех прочих одно — помещение № 4 — отличалось от предыдущих отсутствием ям, глубокой, оформленной пилястрами нишей в одной из стен и сравнительной чистотой. Посредине имеются следы небольшого открытого очага. Помещение № 1, по мнению С. П. Толстова,— «бытовое»: в нем имелась низкая широкая суфа у юго-восточной стены, сохранились следы костра в центре [1948, 108].

В большинстве комнат открыты остатки врубленных в пол, а кое-где — в стену, ульевидных очагов, покрытых изнутри слоем глиняной, докрасна прокаленной обмазки и по краю укрепленных осколками керамики. Они справедливо считаются отопительными. Дом построен из крупных квадратных сырцовых кирпичей размерами 40×40×10 *см*. Поверхность полов (имеющих несколько уровней) состоит из глиняных обмазок.

Помимо костей животных и керамики в

доме найдены мелкие стеклянные, а также шаровидные сердоликовые и восьмеркообразные халцедоновые бусы, датирующиеся I—III вв. н. э. В помещениях № 1 и № 2 на верхнем полу и на дне ванны-закрома обнаружены две медные монеты Каницки [там же].

Дом в усадьбе № 3 (размеры — 18×34 *м*) был вскрыт почти целиком, за исключением маленького проходного помещения. Описываемая постройка из пяти помещений (размеры — 17×20 *м*) занимала северо-западную часть усадьбы, выделяясь неправильностью очертаний: юго-западный ее угол выступал за линию стен, оконтуривавших четырехугольник дома, образуя как бы пристройку к нему (рис. 21).

Все помещения различались по величине незначительно, как можно увидеть из приводимых размеров: № 1 — 7,5×4,5 *м*; № 2 — 7,5×7,5 *м*; № 3 — 9×6 *м*; № 4 — 5×5,75 *м*. Заложенные через напластования двора траншеи (одна — поперек восточной его части, другая — в южной) помогли установить назначение этой части усадьбы, служившей двором. Ниже мы остановимся на этом подробнее.

Помещения забиты плотным спрессованным песком, лежавшим прямо на полу; какой-либо завал отсутствовал. Стены возвышаются над уровнем пола не более чем на 0,20—0,25 *м*. Такой же высоты был и слой песка (местами до 0,30 *м*). Вполне понятно поэтому, что обмазки полов очень испорчены въевшимся в них песком, а основания стен сильно повреждены. Обмазка полов подновлялась, ремонтировалась; различаются два уровня пола, относящихся к одному периоду обитания в доме.

Назначение помещений ввиду отсутствия каких-либо характерных деталей внутренней планировки трудно определить. Кроме того, оно менялось после ремонта полов и появления новых обмазок. Лишь одно помещение — № 3, занимающее на плане северный угол дома и единственное непроходное, на протяжении всего периода обитания в доме сохраняло свой облик неизменным. Оно превосходит прочие величиной, хотя большие размеры вообще являются отличительной чертой всех составных частей дома. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в нем больше, чем в других помещениях, различных ямок и ям, пятен золы, фрагментов керамики. Среди ям преобладают небольшие, округлой формы, диаметром 0,1—0,15 *м*, глубиной от 0,11 до 0,2 *м*, являющиеся, по-видимому, остатками каких-то конструкций, может быть служивших опорой подставок или полок; одна из полок находилась возле северо-восточной стены, а другая — невдалеке от входа в соседнее помещение № 1. Близ южного угла рассматриваемого помещения обнаружена большая округлая яма диаметром 0,5 *м* и глубиной 0,55 *м*. Будучи первоначально более мелкой, яма затем переуглублялась. Заполнение ее состояло из рыхлой гумусной массы, подстеленной тонким песчаным слоем. Среди прочих именно это помещение носит следы наиболее активной хозяйственной деятельности. В частности, в нем открыт разрушенный круглый очаг диаметром около 0,3 *м*, устроенный в низкой пахсовой выкладке в северном углу комнаты. Размеры выкладки — 0,9×0,9 *м*, высота — 0,1—0,15 *м*. На таком очаге, единственном из всех открытых в доме, было удобно приготовить пищу.

В соседнем помещении — № 1, представлявшем собой, видимо, жилую комнату, первоначально был округлый, углубленный в пол на 0,15 *м* очаг диаметром около 0,3 *м*, напоминающий отопительные очаги в доме № 1. В последний период жизни в доме его закрыли новыми глиняными обмазками второго пола. Другой, более крупный и слабо углубленный в пол очаг диаметром 0,5 *м* находился в восточном углу комнаты. Высота его неизвестна; стенки обожжены до красноты. Возле него, у юго-восточной стены, заметны остатки разрушенного пахсового возвышения размерами 1,2×2 *м*.

Пол в середине комнаты закопчен, покрыт слоем сажи и зелени (последнее, вероятно, след гниения каких-то растительных остатков). После ремонта обмазки нового пола перекрыли и этот очаг, а возле северо-западного угла была вырыта четырехугольная яма размерами 1×1 *м* и глубиной 0,6 *м*. В северо-восточной части комнаты расчищено несколько округлых ямок диаметром 0,15—0,2 *м* и глубиной 0,1 *м*. Посредине, по линии центральной оси комнаты, пол на двух участках слегка опален и покрыт сажей. Горение было относительно слабое; похоже на то, что пол опален стоявшей здесь жаровней с углями.

Соседнее, сообщавшееся с описанным помещение № 2 — большое, прямоугольное, чистое, без каких-либо пятен или следов сажи, с круглым, слабо углубленным в пол (не более чем на 7—8 *см*) очагом диаметром 0,5 *м*, ограниченным низким глиняным бортиком. После ремонта пола новая обмазка закрыла очаг, а рядом были сделаны две небольшие ямки, куда накладывали горячие угли для обогревания.

Из помещения № 2 можно попасть в соседнее проходное № 4, в котором первоначально был большой круглый очаг диаметром около 0,5 *м*, по виду аналогичный очагу в помещении № 1. Против него, у самой стены, имелись два округлых углубления диаметром

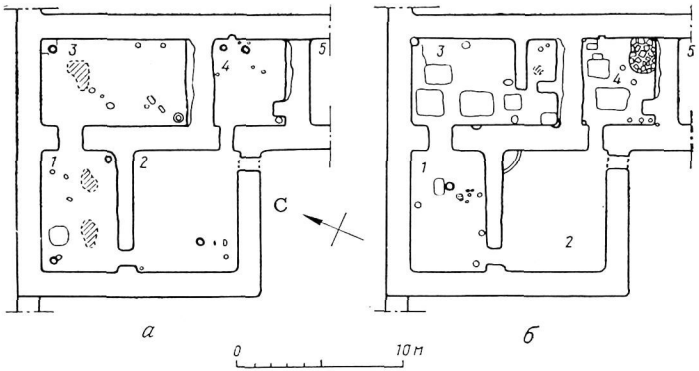


Рис. 21—21а, б. Дом № 3 в Аяз-калинском поселении. Жилая часть.
а — план по верхнему горизонту; б — план по нижнему горизонту

0,1 *м*. После ремонта пола очаг был замазан глиной, а рядом появился другой, по-видимому отопительный, тоже круглой формы, но меньшего диаметра — 0,3 *м* и углубленный в пол.

Помещение № 5, соединявшееся с только что описанным, было проходным и пока не раскопано.

Во дворе № 6 заложены две траншеи шириной 1 *м*, прорезавшие его восточную и южную части. Они углубились в более чем метровую толщу песка, подстилавшегося слоем плотной глины, кое-где носившей слабые следы культурного слоя, но не походившей на обмазки пола.

При зачистке прямоугольной глубокой ямы в помещении № 3 обнаружилось, что ниже вторых полов имелся еще жилой уровень, над которым лежал рыхлый зеленовато-желтоватый слой. Установив этот факт и учитывая то, что уровни полов дома превышают на 0,4 *м* уровень окружающих такыров, можно было *предположить многослойность дома. Действительно*, оказалось, что дом без заметных изменений общей планировки, осваивался дважды, причем нижний уровень полов отделен от верхнего почти полуметровым слоем глинисто-песчаных намывов, лежавших непосредственно на нижнем полу. Последнее красноречиво свидетельствует в пользу того, что между обои*ми периодами обитания лежал, может быть*, значительный период, когда дом был заброшен и разрушался. Как мы увидим ниже, материалы раскопок подтверждают такое предположение.

Стены в период запустения были сильно испорчены и обмыты, но, вероятно, стояли еще достаточно высоко, потому что новые обитатели сочли постройку пригодной для жизни. Они слегка *поправили, выровняли* стены глиной и положили новые глиняные обмазки полов поверх накопившихся в доме наносов.

Помещения в первоначальный период обитания в доме имели несколько другой вид, чем тот, который они приобрели позднее. Восточный угол основного по значению помещения № 3 *был выгорожен стенами значительно* меньшей толщины, чем прочие стены дома, так, что образовалась небольшая комнатушка. Пол в ней покрыт тонким слоем сажи и присыпан золой от разводившегося здесь костра, место которого отмечено прокаленным участком пола размерами 0,45×0,45 *м*. В центре участка от прокала образовалось углубление, *заполненное золой. Рядом с ним расчищены* еще две ямки диаметром 0,32 и 0,12 *м*, вероятно, от некогда стоявших здесь и слегка врытых в пол сосудов. В слое над полом собрано много обломков красноангобированной ремесленной и лепной посуды (рис. 23).

Остальная площадь помещения занята четырьмя четырехугольными ямами размерами 1,7×1,6 *м*, 2,1×1,4 *м*, 1,6×1,2 *м* и 0,87××1,16 *м*, глубиной около 0,6 *м*. Ямы были заполнены слоем золы, выбрасывавшейся сюда,

видимо, из трех ульевидных, врубленных в стены и заглубленных в пол очагов; их обмазанные глиной стенки прокалились докрасна. Диаметр очагов неясен ввиду плохой сохранности стенок, но вряд ли он был меньше 0,4 *м*, ибо таков диаметр врубленной в стену части одного из очагов.

Расположенное рядом с описанным и соединенное с ним проходом помещение № 1 свободно от ям. Посреди находился очаг в виде округлого опаленного углубления, вокруг которого участок пола размерами 0,6×0,6 *м* прокален докрасна. С очагом была как-то связана расчищенная рядом небольшая яма с полого поднимавшимся к прокаленному пятну краем. Тут же рядом обнаружена округлой формы ямка диаметром 0,3 *м* — след стоявшего здесь сосуда, возле которой найден фрагмент зернотерки. Невдалеке открыта еще одна маленькая ямка от какого-то столбика (диаметром 0,16 *м*), а возле самого прохода — две круглые ямы размерами 0,4×0,4 *м* и 0,3× ×0,3 *м* и глубиной около 0,3 *м*, заполненные зольным выбросом из костра.

Следующее помещение, № 2, совершенно пусто, лишено ям и очагов. Оно было проходным, соединявшим первые две комнаты с помещением № 4 в северо-восточном углу дома. В помещении № 4, как и в соседнем, изолированном от него глухой стеной помещении № 3, площадь пола сплошь занята ямами разной глубины — от 0,3 до 0,7 *м* — и разных размеров. Наиболее крупные — 2,3× × 1,5 *м*, 2 × 1,45 *м*. Дно одной из них, овальное (форма — «ванна»), вымощено крупными сырцовыми кирпичами. В рыхлом заполнении ям найдены только немногочисленные обломки посуды.

Особый интерес представляют округлые ямки от столбов диаметром 0,25—0,3 *м*. Столбы были врублены во все четыре угла помещения и служили, надо полагать, для лучшего скрепления стен и дополнительной опоры кровли. Не исключено, что они поставлены в поздний период обитания, когда прочность этого старого дома внушала опасения его новым обитателям.

Если сопоставить раннюю и позднюю планировку, то можно заметить сохранение одних и тех же черт. Так, несмотря на разрыв в несколько столетий, основное хозяйственное помещение *в жилище начала нашей эры по*прежнему расположено в его северном углу; и в том и в другом случаях намечается деление на более хозяйственно-жилую часть дома, располагавшуюся в глубине, и «чистую» — на переднем его плане. Деление это более отчетливо выражено, как нам кажется, в раннем доме.

Обратимся теперь к датировке поселения. Проанализировав материал из раскопок усадьбы № 1, С. П. Толстов датировал ее, как и все поселение, II в. н. э., самое позднее III в. [1948, 108]. Для подтверждения даты он привлек монеты Каништки, который, по мнению С. П. Толстова, правил во II в. н. э. Однако хорошо известны расхождения в определении этой даты, колеблющиеся в пределах I—III вв. н. э. [Земаль, 134—135], что, впрочем, так или иначе ограничивает дату усадьбы рамками этих столетий. Следует учитывать, что степень изученности хорезмской керамики первых веков нашей эры пока не дает возможности указать более точную дату.

При раскопках дома в усадьбе № 3 был получен керамический материал, относящийся к двум хронологическим периодам, что и отразилось в стратиграфии постройки. Ранний материал, собранный на нижних полах, представлен следующими видами посуды.

Хумы с венчиком в виде округлого в сечении валика и двумя рельефными валиками, опоясывающими плечи. Черепок красно-розового цвета без груборазмолотых примесей, обжиг хороший, снаружи — ленточная роспись красным ангобом.

Горшок с округлым в сечении венчиком; тулово разделено двумя рельефными полосами на зоны, орнаментированные мазками буро-красного ангоба в виде «запятых».

Кубки усеченно-конической формы, снаружи покрытые красным плотным ангобом.

Сравнив эту посуду с найденной в нижнем слое Кой-Крылган-калы [Воробьева, 1967, табл. I, *5, 23*; табл. III, *68*], можно легко убедиться в тождественности форм и одинаковом их наборе, что дает основания датировать нижний слой усадьбы № 3 IV—III вв. до н. э.

Керамика с верхних полов постройки, как и во всех других случаях, сильно фрагментированная, подразделяется на две группы. В первую входят сосуды ремесленного изготовления; вторая объединяет лепную посуду. Всего найдено по меньшей мере 34 сосуда, не более 10 из них лепные.

К гончарным изделиям первой группы относятся:

Хумы и хумчи с венчиком в виде уплощенного, овального в сечении валика, приближающегося к подтреугольному с выступающим *нижним краем* (*рис. 23, 8—10*). *Диаметр горла* достигает 25 *см*, черепок в изломе красный. Снаружи заметны следы красного ангоба. На некоторых фрагментах толстостенных светлоангобированных сосудов видны мазки красно-коричневого ангоба. Края горла некоторых мелких экземпляров заметно расходятся кнаружи, образуя легкий раструб.

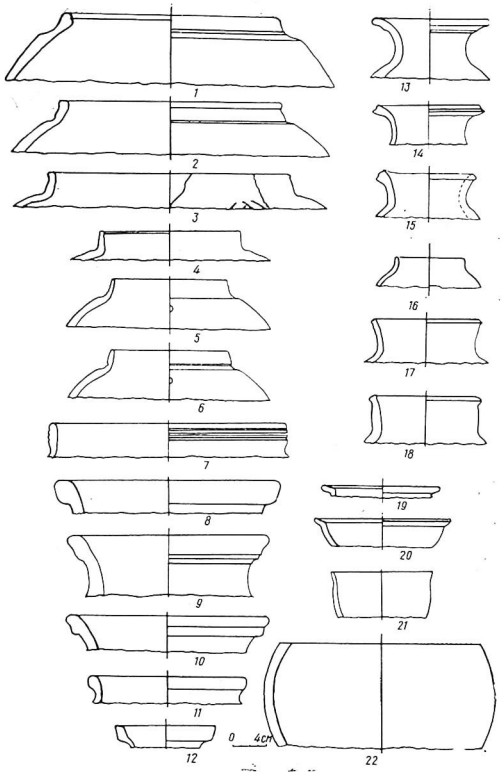


Рис. 23. Керамика из Аяз-калинского поселения:
1—3 — крупные горшки; *4—6* — горшки; *8—9* — хумы; *7, 10* — хумчи; *12—19* — кувшины; *20* — миска; *21—22* — чаши

Кувшины с подтреугольным вогнутым в сечении венчиком (рис. 23, *11—15*). Благодаря вогнутой середине нижний край венчика выступает в виде клюва. Шейка горла выделена, диаметр устья — 12—14 *см*, высота горла — 4—6 *см*. Тулово не сохранилось. Разновидность этих сосудов — кувшины с выступающей полочковидной закраиной (рис. 23, *19*). Кувшины тонкостенные, черепок в изломе красный; покрыты красным ангобом, которым закрашивалось и горло изнутри. Они хорошо известны в Хорезме по материалам из дворца Топрак-кала, верхних позднекушанских слоев Куня-Уаза [Воробьева, 1959, рис. 35, *24*], Мудин-тепе [Кабанов, 1950, 101, табл. IV] и Айртама [Вязьмитина, табл. IV, *11*].

Горшки почти без шейки с чуть утолщенным скругленным венчиком и шаровидно-уплощенным туловом. Диаметр устья — 16—18 *см*, диаметр тулова — 28—30 *см*. Сосуды тонкостенны, некоторые из подобных горшков, происходящих из верхних слоев Куня-Уаза [Воробьева, 1959, рис. 35, *31*], покрывались сетчатым и полосчатым лощением. Фрагменты

таким же образом лощеных стенок обнаружены и в данной усадьбе; возможно, они относятся к аналогичным лощеным горшкам (рис. 23, *4—6*).

Чаши с наклоненным внутрь краем, тонкостенные, покрытые с обеих сторон красным ангобом. Донные части отсутствуют. Диаметр устья — 22 *см* (рис. 23, *22*).

Форма лепной посуды из этой усадьбы, отнесенной ко второй группе, часто неясна ввиду сильной ее фрагментированности. В большинстве случаев сохранились лишь обломки днищ больших кувшинов, покрытых желтоватым ангобом. В глине, приобретшей от обжига сиреневый оттенок, много включений гипса. В общем, по очень характерным технологическим признакам эта посуда не отличается от найденной в джанбас-калинских усадьбах, на Кой-Крылган-кале и других памятниках. Более полно она представлена в сборах с соседних усадеб оазиса (№ 1, № 2). Как можно заключить после исследования собранной там посуды, это были широкогорлые кувшины без венчика или со слегка отогнутой и утолщенной закраиной (диаметр горла — 11—13 *см*), напоминающие найденные в джанбас-калинских усадьбах и в верхних слоях Кой-Крылган-калы.

Судя по обломкам нескольких лепных горшков, найденных в усадьбе № 3, они также были сходны с джанбас-калинскими, но горшков с прочерченным зигзагообразным орнаментом на плечиках здесь нет. В то же время отдельные экземпляры этих сосудов встречаются в усадьбе № 1. Помимо них из аязкалинских усадеб происходят те же формы керамики, что и полученные из раскопок усадьбы № 3, причем наиболее распространены кувшины с подтреугольным в сечении венчиком с выступающим («клювовидным») нижним краем (рис. 23, *14—15*). Широко встречаются также кувшины с бороздкой посредине венчика, хумчи с профилированным венчиком, подобные найденной в усадьбе № 9 Джанбас-калинского оазиса, и др. (рис. 23, 7).

Совокупность посуды из аяз-калинских усадеб и отмеченные выше аналогии позволяют считать, что Аяз-калинское поселение принадлежит той же эпохе, что и Джанбас-калинское (I—III вв. н. э.). В то же время широкое распространение в нем таких форм, как кувшины с «клювовидным» венчиком, характерно более для второй половины III — начала IV в., чем для первых веков нашей эры (позднекушанские слои Куня-Уаза, дворец Топрак-кала, Айртам).

Отсутствие среди посуды из Аяз-калинского поселения чаш на дисковидном поддоне, бокалов на полой низкой ножке и широких блюд с профилированным краем, редко встречающихся или совершенно исчезающих в Хорезме в IV—V вв. н. э., дают, может быть, некоторое основание считать, что усадьбы Аяз-калы «моложе» джанбас-калинских. Во всяком случае, не исключено, что некоторые усадьбы Аяз-калинского поселения могли существовать более длительное время, чем усадьбы № 1 — № 3, по-видимому синхронные джанбас-калинским. Речь идет об усадьбах № 7, № 8, № 10, откуда происходят такие виды керамики, которые не встречались в Джанбаскалинском поселении,— очень распространенные на этих усадьбах крупные горшки с крутым уступом при переходе к плечикам (рис. 23, *1—3*). Они довольно толстостенны и покрыты зеленоватым ангобом. В глине есть гипс. Тулово одного из таких горшков опоясывают прочерченные циркульные линии. Тут же найдены хумы, форма которых переходна от хумов с уплощенным валиком-венчиком к хумам без венчика с коротким, в виде раструба, горлом, уже характерным для следующего периода — IV—V вв. н. э.

ТУРПАК-КАЛИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

В полутора километрах к юго-востоку от Турпак-калы в Левобережном Хорезме, там, где густо переплетаются разновременные древние каналы, перекрытые позднетуркменской ирригационной сетью начала XX в., на широких, поросших кустарником белых такырах высятся бугры развалившихся построек (рис. 24). Их здесь более пятнадцати. Поселение названо нами Турпак-кала I. Занимая площадь 3×2 *км*, оно пересекается разрушенным ложем большого канала, тянущегося в направлении юго-восток — северо-запад. Находки вдоль его берегов керамики кюзелигырского типа не оставляют сомнений во времени его возникновения. Выше, а также в книге Б. В. Андрианова [1969, 156—157] этому архаическому каналу было уделено много места. На территории описываемого поселения он близко подходит к огромному руслу Южного Даудана, ограничивающему поселение с юга. Почти параллельно этому сильно меандрировавшему руслу тянется ложе другого, значительно меньшего канала, выраженного более темным цветом почвы и поросшего кустарником. Это и был основной канал, питавший водами поселение. От него ответвлялась мелкая оросительная сеть, очень близко подходившая к руслу архаического канала, но

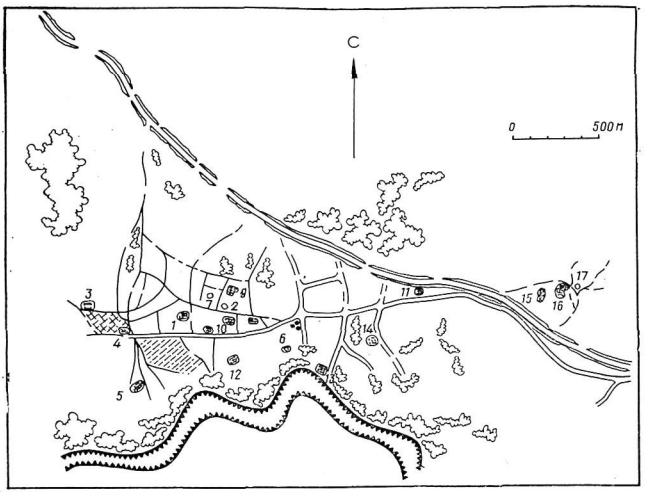


Рис. 24. Турпак-калинское поселение

нигде его не пересекавшая. Не исключено, что этот старый канал мог использоваться и в более позднее время. Но если это трудноказуемо, то кажется несомненным, что в упомянутом естественном протоке Южного Даудана вода хотя бы временами была, так как на берегу его найдены целые россыпи керамики того же облика, что и на буграх.

Туркменская оросительная сеть резко отличается от древней отчетливо выраженными берегами каналов и большой их глубиной, кое-где превышающей 1,5 *м*. Развалины глинобитных домиков туркменских поселков близко подступают к буграм древних построек, но нигде не вклиниваются на территорию древнего поселения. Впрочем, мы не знаем, какие древности были поглощены поселками туркмен (и были ли?). На окраине поселения вблизи упомянутого естественного русла высятся развалины гончарных печей, засыпанные кусками шлаков.

Дома были неукрепленными и отличались большими размерами — в среднем 450—500 *кв. м*, наиболее крупные по площади достигали 900—1000 *кв. м*. Бугры расположены на расстоянии 150—300 *м* и более друг от друга. Вокруг них не видно никаких следов хозяйственных пристроек, дворов, оград и пр. Нет также и столь обязательных для многих сельских хорезмских поселений садовых или виноградных участков. Следы полей прослеживаются на юго-западных окраинах поселения, выделяясь в виде длинных полос шириной 3 *м* или четырехугольников размерами 30×30 *м*, 30×50 *м*. В двух случаях оказалось возможным установить площадь полей, равную 200×150 *м* и 300×200 *м*. Полевые участки заметны благодаря полоскам арыков, более светлым, чем поверхность такыров. В целом же колорит поселения составляют обширные, светлые и малопоросшие такыры, на которых высятся издали заметные бугры развалин домов. Керамика концентрируется только на домах и вокруг них в небольшом радиусе смыва, на такырах между домами ее нет. Дома разрушены, однако на поверхности некоторых прослеживаются участки стен, позволяющие составить общее представление об их плане. Это многокомнатные постройки, как правило состоявшие более чем из десятка комнат. Главное, что их определяет, — отсутствие какого-либо композиционного центра планировки: помещения расположены без видимой системы. В некоторых случаях в массиве дома просматриваются узкие проходы-коридоры, но их положение в системе застрой-

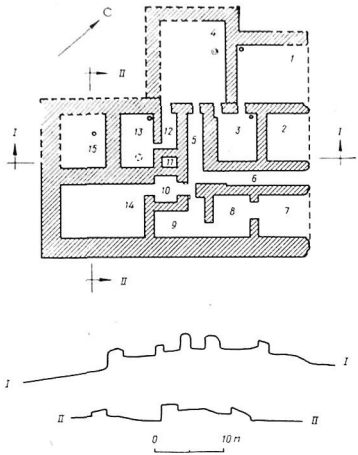


Рис. 25. Дом № 9 в Турпак-калинском поселении

ки нисколько не напоминает известные нам хорезмские жилые сельские постройки с коридором. На площади, занятой развалинами одного из самых крупных домов поселения, возвышенные участки планировки перемежаются с гораздо более низкими, на которых самые линии стен пропадают; создается впечатление, что помещения должны были чередоваться с обширными неперекрытыми дворами. Одной из характерных особенностей ряда домов является неправильность очертаний всей постройки. Единичное явление в оазисе — сравнительно небольшие дома с правильной планировкой, представляющей собой чередование прямоугольных или квадратных комнат, расположенных в два ряда. Такие дома строились в Хорезме начиная по крайней мере с рубежа эр.

В поселении раскопаны два дома: № 9 и № 5, типичные для оазиса по планировке.

Дом № 9 имеет площадь 40×36 *м*. Высота его в самых высоких местах превышает 1 *м*, снижаясь к краям бугра до полуметра. На поверхности до раскопок кое-где проступали кладка кирпичных стен и участки обгорелой глины на месте очагов. Весь бугор был засыпан керамикой, главным образом фрагментами толстостенных хумов. Благодаря раскопкам выяснилось, что дом состоял из пятнадцати помещений. Верхние полы перекрыты тонким слоем наносов и поэтому оказались почти на поверхности. Уровень их по отношению к близлежащим такырам составляет от 0,81 до 1 *м*. Выяснилось, что дом построен на развалинах более ранней постройки, дата которой не установлена. Полы этой более ранней постройки лежат в уровнях 0,26—0,28 *м*. Некоторые из наиболее хорошо сохранившихся ее стен были использованы при перестройке, чем и объясняется большая толщина внешних стен дома, достигавшая 3 *м*, и основных внутренних. Этот раскопанный нами дом также ремонтировался, стены перестраивались, иногда меняя направление, в некоторых случаях менялись размеры и очертания комнат. Соответственно открыты и два уровня полов. Уровень верхних полов колеблется от 0,62 до 0,77 *м*.

Перейдем к описанию помещений. В северо-западной части дома, ориентированного углами по сторонам света, находятся два обширных помещения: № 1 и № 4, составлявшие как бы пристройку к основной части дома (рис. 25). Помещение № 4 очень велико — его размеры равны 12×5 *м*. У северо-восточной стены сохранились остатки вкопанного в землю хума. Назначение помещения определить трудно из-за того, что культурный слой оказался полностью смытым и лишь у северного угла сохранились слабые слои камыша. Стены тоже размыты, и от северо-западной и юго-восточной стен нет и следа. Соседнее помещение № 1 также сохранилось не полностью; северо-восточная стена размыта, культурный слой разрушен. В западном углу имеются следы слабо углубленного очага круглой формы диаметром 0,54 *м* с керамическими стенками высотой 0,14—0,15 *м*. В основании стенки очага имеется округлое отверстие для тяги. Внутри очага и вокруг на полу рассыпаны зола и угольки. Таким образом, скорее всего это был тандыр, а само помещение следует рассматривать в качестве хозяйственного дворика. Керамики в помещении собрано немного, вероятно за счет смыва культурного слоя. Возле одного из его углов также прослеживался слой камыша.

С обоими из описанных помещений (или двориков) сообщалось помещение № 3. Оно меньше описанных и находилось в основном массиве дома. В его северном углу, так же как и в помещении № 1, находился круглый керамический очаг диаметром 0,5 *м*, относившийся к нижнему полу. Таким образом, в последний период жизни в доме, тогда, когда в помещении № 1 существовал большой очаг-тандыр, здесь очага не было.

В заполнении между полами, не превы-

шавшем 0,2—0,3 *м*, прослеживались остатки камышовой подстилки.

Помещение № 2, расположенное севернее описанного, почти полностью смыто. Вероятнее всего, оно имело отдельный выход, не сообщаясь с соседними.

Помещения № 2 и № 3 от других, расположенных в южной и юго-восточной частях дома, отделял узкий, поворачивавший под прямым углом коридор (№ 5 — № 6), выход из которого вел в помещение № 4. К западу от него (до поворота) находились помещения № 10, № 11, № 12, № 13, № 14 и № 15. Крайнее, угловое помещение, № 15, как и помещение № 2 в противоположном углу дома, не сообщаясь с соседними, имело, по-видимому, отдельный выход из дома. Оно также разрушено, и, по существу, сохранился только его северо-восточный угол. Именно здесь и был открыт участок более раннего дома с покрытыми плотной глиняной обмазкой стенами и ровным полом, уровень которого превышал уровень поверхности окружающих такыров всего на 20 *см*. В северном углу, отделенный от описанного помещения глухой стеной помещения № 13, находился круглый керамический очаг диаметром 0,5 *м*, пол вокруг которого обожжен, покрыт золой, угольками и обломками керамики, в том числе законченной. Вся северо-восточная часть помещения была выгорожена кирпичными стенками, образовавшими нечто вроде больших закромов, напоминавших открытые в Якке-Парсане [Неразик, 1963, 23]. Так же как и там, в некоторых случаях один из них был проходным. Вероятно, описанное помещение было основным хозяйственным в доме. Помещения, расположенные вдоль юго-восточной стены дома, с только что описанной северо-западной его частью непосредственно не сообщались. Для их связи служил только коридор (№ 5 — № 6). Южный угол дома занимало одно обширное помещение № 14 (4,5×6,5 *м*). Как и всюду в доме, в нем оказалось два пола. На верхнем, подстилавшемся одним рядом сырцовых кирпичей, сохранились следы алебастровой обмазки, покрывавшей также и стены.

В помещении было собрано значительное количество керамики, в основном тонкостенной — обломки чаш, кружек, кувшинов. Найдена также шаровидная стеклянная бусина и несколько «альчиков» (астрагалов барана) — игральных костей. Соседнее, сообщавшееся с описанным помещение № 10 имело совсем иной вид. Оно было самым маленьким в доме, почти квадратным, проходным. На верхнем его полу собраны остатки стоявшего здесь хума, в центре нижнего пола расчищено пятно от кострища.

Связанное дверными проемами с самыми парадными помещениями, оно вряд ли было только проходным и, несомненно, должно было играть какую-то важную роль в системе планирования дома. Она подчеркивается, как нам кажется, особым расположением этого помещения, являвшегося композиционным центром постройки, и приближающимися к квадрату его очертаниями, позволяющими предположить купол в виде перекрытия.

Три прочих помещения дома: № 7, № 8, № 9 — входят в анфиладу, подводившую к двум только что описанным. Последнее из перечисленных — № 9 — выделяется большим предвходным тамбуром, а также тем, что в его заполнении у северо-восточной стены найдены мелкие обломки алебастровой штукатурки с многоцветной росписью. Помещение № 8 — проходное, с двумя широкими, смещенными с одной оси проемами. Соседнее (№ 7), как и все помещения в этом крайнем северном ряду дома, сильно разрушено, северо-восточная стена его не сохранилась.

Из сказанного ясно, что в доме можно выделить две половины — «чистую», парадную, с обширным залом, стены и пол которого покрыты алебастровой штукатуркой, и с несколькими парадными помещениями, также украшенными богаче других, и гораздо более скромную, жилую, с круглыми керамическими очагами, камышовыми подстилками на полах. Комнаты с очагами сообщались только с примыкавшими к дому хозяйственными помещениями или дворами (№ 4 и № 1), но не были непосредственно связанными ни друг с другом, ни с парадной половиной дома.

Стены помещений повсюду не превышают по высоте 0,15—0,25 *м* над уровнем пола. Они сложены из квадратных или слегка отклоняющихся от квадрата сырцовых кирпичей размерами 39×39×7 [8] *см*, 42×39×10 *см*. Основания стен ставились на камышовые подстилки. Собранная в помещениях дома керамика (фрагменты 47 сосудов) четко делится на две группы: ремесленную и лепную.

Первая группа явно преобладает. К ней относятся следующие сосуды.

Шаровидные горшки без венчика со слегка утолщенной округленной закраиной и выступом на плечиках. Экземпляры сильно варьируют по величине. Диаметр устья колеблется от 15 до 11 *см*, диаметр тулова — 23—19 *см* (рис. 26, *18—19*). Черенок в изломе красный или песочный с сиреневым оттенком, в глине — небольшая примесь толченого гипса. Обжиг хороший, на плечах — часто дисковидный налет с круглым сквозным отверстием. Многие экземпляры покрыты снаружи красным ангобом с полосчатым лощением.

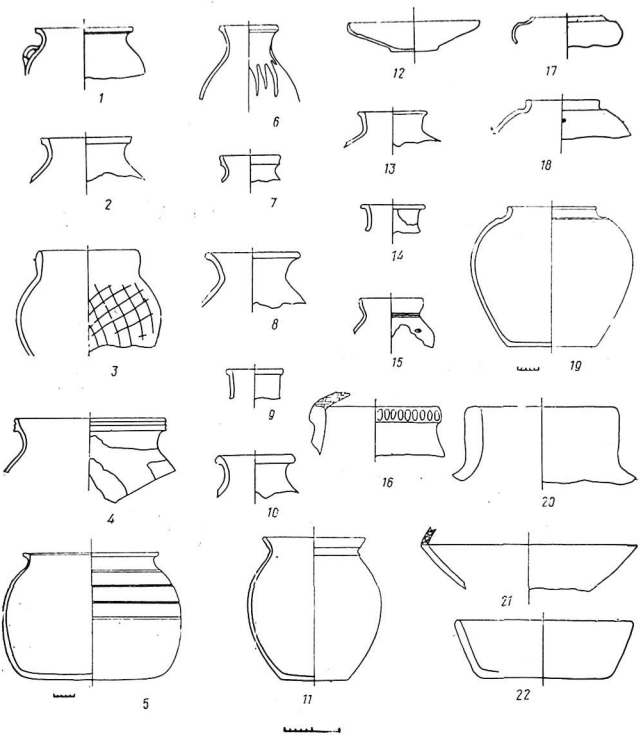


Рис 26. Керамика из домов Турпак-калинского поселения:
1, 11, 17—19 — горшки; *2, 6—10, 13—14* — кувшины; *3—5* — хумчи; *12* — чаша; *15* — сосуд с рифлением на горле; *16, 20* — хумы; *21* — крупная миска; *22* — миска. В обоих масштабах одно мелкое деление равно 1 *см*.

Кувшины с широким, слабо суживающимся ко дну туловом и хорошо выделенной шейкой. Венчики чаще всего подчетырехугольные в сечении; есть также плоские подтреугольные с вогнутой серединой. Диаметр горла — 10—14 *см*, высота его — 2,5—3 *см*. На многих экземплярах снаружи — темный ангоб или светлый с ленточной красно-бурой росписью на тулове (рис. 26, *2, 6—9, 13*). Горло в последнем случае бывает закрашено снаружи и изнутри. Черепок в изломе красный или красный с сиреневым оттенком. В глине — многочисленные светлые включения.

Чаша с вертикально поставленным краем, на дисковидном поддоне. Покрыта с обеих сторон красным ангобом с полосчатым лощением, тонкостенна, хорошо обожжена (рис. 26, *12*).

Особо выделяется сосуд с прочерченными циркульными полосками на шейке, имитирующими рифление. На плечиках — сосковидные налепы. Покрыт красным ангобом. Диаметр горла — 11 *см*, тулова — 15 *см* (рис. 26, *15*).

Хумчи — очень распространенный в поселении вид посуды. У них округлое широкое тулово, невысокое, хорошо выделенное горло, венчик как у кувшинов; некоторые экземпля-

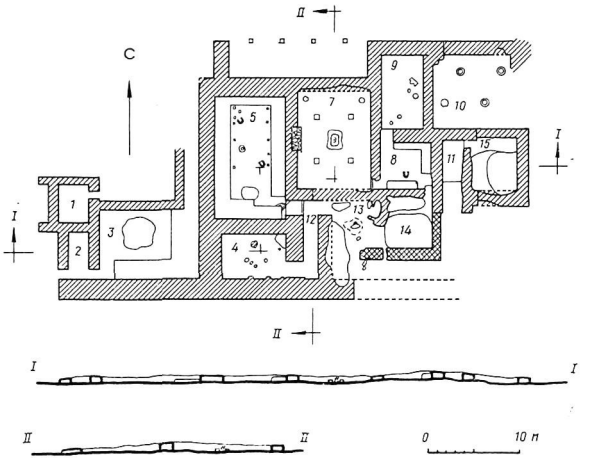


Рис. 27. Дом № 5 в Турпак-калинском поселении. Перекрещивающейся штриховкой показана стена XII — начала XIII в

ры на плечиках имеют две маленькие ушковидные ручки. Черепок в изломе красный, в глине — включения гипса (рис. 26, *5*).

Вторая группа — лепная посуда — представлена главным образом обломками крупных сосудов.

Хумы с удлиненным горлом в виде раструба без венчика. В глине много дресвы и гипса. Покрыты желтоватым ангобом. Черепок красный. Диаметр горла — 22—24 *см* (рис. 26, *20*).

Кувшины с овальным в сечении венчиком-валиком, высоким горлом и широким туловом (рис. 26, *8, 10*). Диаметр устья — 13,2 *см*. В глине — дресва и гипс. Ручек, вероятно, не было.

Вся столовая посуда, за исключением сосуда с налепами, тождественна найденной на Куня-Уазе в слое с серебряными монетами Шапура I и медными хорезмскими с крестообразной тамгой [Воробьева, 1959, рис. 35, *1—8, 10, 11, 13, 17, 19, 28, 31*]. Лепная посуда, подобная описанной, также встречается на городище Куня-Уаз. Считалось, что она происходит из следующего разрушенного слоя, датированного IV—V вв. [Неразик, 1958, 392—393]. Однако не исключено, что такая посуда появляется уже в предшествующий период. Указанные параллели (если учесть при этом, что часть монет Шапура I пробита) дают возможность полагать, что нижний рубеж существования дома № 9 не может относиться к периоду более раннему, чем конец III в. н. э., а верхний — к более позднему, чем V в. н. э.; постройка скорее всего может быть датирована IV в. н. э. Сосуд с налепами, подобный описанному, нетипичен для хорезмской античной посуды и находит ближайшие аналогии среди керамики из Малого дома Джеты-асара № 3, датированной IV—VII вв. н. э. [Л. М. Левина, 1966, рис. 14, *16*].

Дом № 5, расположенный на краю поселения, почти у самого русла протока, представлял собой длинный бугор, центр которого значительно возвышался над краями, а возвышенные участки перемежались с понижениями, поверхность которых едва превышала уровень примыкающих к дому такыров. Это давало возможность предполагать наличие значительных по площади дворов или залов, что и подтвердилось раскопками.

Размеры дома — 50×25 *м*. Он состоял из 15 помещений (рис. 27). В центральной его части — два располагавшихся рядом, но несообщавшихся больших зала, один (№ 7) размерами 10,5×8,25 *м*, другой (№ 5) — 13,4××8 *м*.

Зал № 7 выделялся своим парадным обликом благодаря четырем колоннам, поддерживавшим кровлю, центральной кирпичной четырехугольной выкладке для возжигания огня

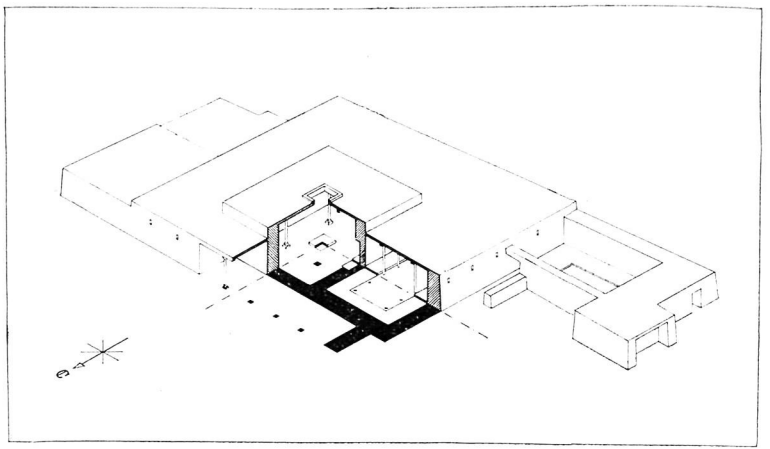


Рис. 28. Дом № 5 в Турпак-калинском поселении. Реконструкция

и обширной нише против нее в западной стене. На существование в прошлом колонн указывают четырехугольные выемки в полу размерами 0,74 (0,73) × 0,74 (0,7) *м*, симметрично расположенные относительно центральной выкладки. Базы колонн не сохранились. Поверхность очажной выкладки (размерами 1,95 × × 1,4 *м* и высотой 0,15 *м*) опалена до красноты, в центре очерчивается заполненное пеплом небольшое углубление. Дно ниши, имеющей глубину 0,75 *м* и длину 2,52 *м*, вымощено обломками стенок хума и приподнято по отношению к полу. Пол в зале представляет собой плотную ровную глиняную обмазку, неоднократно подновлявшуюся. Оказалось, что верхний ее слой положен на слой предшествовавший, весь опаленный, усыпанный золой и прикрытый сажей. Выяснилось также, что и стены зала носят следы пожара и последовавшего за ним ремонта. Местами разрушенная, обгоревшая поверхность стен укреплена обломками сырцовых кирпичей и покрыта новой обмазкой. Видимо, тогда же была отремонтирована и опаленная поверхность пола. Над последней обмазкой пола лежал толстый слой камыша, его не было только в центре, вокруг очажной выкладки. Можно полагать, что этот камыш — остаток плоского перекрытия, а отсутствие его в центре может указывать на наличие здесь, как раз над очагом, светового отверстия в крыше.

Находок на полу почти нет, что лишний раз свидетельствует о парадном характере зала. В северной его части, у стены, близ углов открыты два округлых углубления, скорее всего от стоявших здесь сосудов диаметром 0,4 *м*.

В заключение следует сказать, что расчистка выемок от баз колонн открыла сырцовые кирпичи, подстилавшие обмазку пола. Мы видели, что таким же образом вымащивался пол и в большом «алебастровом» зале дома № 9. Такая же однослойная кирпичная вымостка подстилала глиняные обмазки полов в зале № 12 дворца в Калалы-гыр I (рубеж V—IV вв. до н. э.) [Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, 146]. Важно отметить и совпадение расстояний между колоннами в этом зале и в зале турпак-калинского дома: центральные колонны разделялись промежутком 4—4,1 *м*, а крайние отстояли от стен на 3—3,3 *м*. Совпадают и размеры баз колонн, судя по величине выемок от оснований колонн в рассматриваемом зале № 7. Основываясь на этом совпадении и известном соотношении диаметра колонны и ее высоты [ВИА, 1944, 146], можно предполагать и близкую высоту колонн, которая в турпак-калинском доме, вероятно, была более 4 *м*. В таком случае высота зала, по-видимому, превышала высоту кладовых и других подсобно-хозяйственных помещений в вос-

точной, южной и западной частях дома (см. вариант реконструкции, рис. 28).

Описываемый зал соединялся дверным проемом, в котором хорошо прослеживается конструкция дверной коробки, также сгоревшей, с двумя взаимно сообщавшимися помещениями — № 8 и № 9, составлявшими единый с ним комплекс и являвшимися по отношению к нему подсобными. Если помещение № 7 можно рассматривать как зал, предназначенный для торжественных случаев (или ритуальных церемоний?), то помещения № 8 и № 9 носили более интимный характер. Первое из них, небольшое (5,5×5 *м*), с кирпичными суфами высотой 0,5 *м* вдоль трех стен и керамическим очагом подковообразной формы (диаметр — 0,45 *м*) на полу, так же как и зал, вымощено крупными сырцовыми кирпичами. Уровень его несколько выше, чем в соседних комнатах. Над полом лежал слой сгоревших деревянных балок и камыша от плоского перекрытия. Поверхность стен и суф тоже носит следы огня. В сгоревшем слое найдены обломки кубков и другой столовой посуды.

Помещение № 9 — большое, прямоугольных очертаний с прокаленным пятном на полу от стоявшей здесь жаровни. Каких-либо других следов жизни, кроме двух ямок в полу от небольших столбиков, не замечено. Находок, за исключением немногочисленных фрагментов керамики, тоже не было.

Большой зал № 5 размерами не уступает залу № 7, даже превосходит его. В последний период обитания в доме, когда ремонтировали стены и пол в зале № 7, в нем вдоль стен были сделаны двухметровой ширины кирпичные суфы: сначала две — у западной и южной стен, затем одна — у восточной стены. Первоначально, когда суф еще не было, вдоль восточной и западной стен, отступя от них на ширину суф, шел ряд стоек: в полу остались четырехугольные отверстия (0,2×0,2 *м*) от их оснований (рис. 27). На нынешней стадии разрушения дома можно только догадываться о назначении стоек. Это могли быть опоры огибавших стены деревянных помостов, которые затем сменились кирпичными суфами. Но не исключен и другой вариант: стойки поддерживали кровлю периметральной галереи, оставлявшей посредине открытый дворик. Эта версия, однако, покажется менее вероятной, если учесть наличие по соседству летнего дворика с навесами и глубокого айвана на северном фасаде зала.

Таким образом, это помещение, как и зал № 7, во все периоды своего существования также имело парадный вид, но в отличие от упомянутого зала было более (если судить по таким деталям, как ямы от хумов и для хранения припасов в полу) связано с хозяйственной деятельностью обитателей дома. Скорее всего этот зал можно считать центром женской половины дома. Об этом, как нам кажется, косвенно свидетельствует стеклянная, многоцветная, полосатая, круглая в сечении, сильно вытянутая бусина, найденная на одной из суф.

Первоначально зал № 5 был совершенно изолированным, так как прохода в юго-восточном углу не было, и единственный выход должен был выводить наружу. Он намечен в северной стене. Снаружи северный фасад обоих залов оформлен глубоким — до 4 *м* — айваном под навесом, покоившимся на четырех столбах. Открыты четырехугольные (04×0,4 *м*) выемки от их оснований. Айван не выступал за линию внешних стен дома, так как для него было предусмотрено специальное углубление, с тем чтобы столбы навеса оказались на одной линии с внешней стеной дома. В последний период обитания в доме этот зал непосредственно, а зал № 7 — через помещение № 8 были связаны с помещениями № 12, № 13, № 14 и № 4, занимавшими южную половину дома. Три первых из перечисленных помещений сильно испорчены при строительстве в XII—XIII вв. землянки в полé бугра, в который превратился к этому времени описываемый дом. При этом был нарушен весь его юго-восточный угол и почти совершенно уничтожены стены комнат. Судить об их направлении можно только по бесформенным остаткам кирпичной кладки. Следы очагов в помещениях № 4 и № 13, явно отличавшихся по устройству от тех, которые обнаружены в северной половине дома, позволяют предположить, что помещения южной его половины предназначались для хозяйственно-бытовых целей. В них готовили пищу и хранили в сосудах и ямах запасы продуктов.

Помещение № 4, занимавшее крайнее юго-западное положение в центральной части дома, пострадало значительно меньше, чем остальные. В нем находился очаг, конструкция которого неизвестна из-за крайне плохой сохранности; ясно, однако, что для его устройства делали углубление размерами 0,6×0,5 *м*, теперь имеющее рваные, неровные края. Рядом с ним обнаружено еще несколько ям округлой фомы для установки больших сосудов — хумов или хумчей. Южная стена оформлена рядом коротких пахсовых выступов, следующих через 1,15 *м* и образующих нечто вроде закромов-кормушек. Будь помещение другого вида и иначе расположено в общей системе планировки дома, в них можно было бы видеть остатки разрушенных стойл, но в данном случае это были скорее всего закрома.

Именно здесь собрано больше всего костей и довольно много обломков посуды, в том числе ленной кухонной.

Таково центральное ядро дома.

Особняком стоят помещения № 10, № 11 и № 15 в его восточном конце. Прежде всего они не сообщались с соседними и занимали не всю ширину дома, придавая ему, таким образом, неправильную угловатую конфигурацию. Все эти помещения, за исключением узкого коридора № 11, являлись кладовыми: в помещении № 10 найдено три разрушенных хума, из коих один был врыт в землю по самый венчик, а два других — до середины тулова. Помещение № 15 являлось своего рода холодной кладовой, неглубоким погребком, так как всю ее площадь занимает яма, дно которой ниже уровня современных такыров на 30—35 *см*.

Перестройки и ремонт стен, обнаруженные в процессе раскопок этой части дома, наводят на мысль о том, не являлись ли описанные помещения хозяйственной пристройкой к дому. Особенно красноречива в этом смысле выявленная подрубка северо-восточного внешнего угла помещения № 9 и явные следы пристройки к нему северной стены соседнего помещения № 10, продолжающей линию стены дома. Этой подрубкой можно объяснить разную толщину стены, отделяющей центральное ядро дома от его описываемой восточной части. Следы пристройки и ремонта носит и стена между помещениями № 10 и № 15. Вместо юго-восточного угла дома, разрушенного средневековой землянкой, ее строителями была заново возведена стена, отличавшаяся совсем другой кладкой; в ее основание положены обломки хумов. Может быть, из-за этого позднейшего строительства не найдены ранние помещения в описываемом углу дома. С другой стороны, аналогичная угловатая конфигурация западного края дома, где помещения также не занимали всю ширину дома, отделяясь от центрального ядра узким проходом, аналогичным коридору № 11 в восточном конце, заставляет предположить, что вся система планировки была задумана строителями дома сразу. В таком случае восточную стену помещений № 8, № 9 и № 14, как бы составленную из отдельных отрезков прямой и более тонкую, чем другие внешние обводы центрального ядра дома, можно рассматривать как внутреннюю стену дома.

В западной части дома находились обширное помещение № 3 и два меньших — № 1 и № 2. Весь комплекс изолирован от остальной постройки широкой глухой стеной. В помещении № 3 размерами 10×5,6 *м* вдоль восточной и южной сторон расположены широкие и низкие кирпичные суфы (высотой над полом не более 0,30—0,35 *м*). Ширина восточной достигает 3 *м*. Поверхность суф сильно оббита, края очень полого спускаются к полу. К середине помещения пол понижается на 0,25—0,30 *м*, образуя здесь углубление диаметром около 3 *м* с пологими краями. Это углубление было заполнено рыхлыми глинистыми натечными слоями, в то время как над суфами залегал плотный завал из крепко спаявшихся сырцовых кирпичей. Разница в структуре завала и характер поверхности посреди помещения дают основания полагать, что середина его была открытой, а над суфами могли быть навесы. Только крайнее разрушение поверхности пола в этом помещении (которое, таким образом, можно рассматривать как двор) помешало нам обнаружить следы опор для перекрытий.

Что же касается понижения в середине двора, оно появилось, по-видимому, в результате разрушения поверхности неперекрытой части двора. Однако его округлые очертания позволяют предположить и другое — здесь мог быть очень неглубокий водоем. Поверхность двора замусорена, найдено много костей; создается впечатление, что их выбрасывали из дома.

С западной стороны двор ограничен двумя помещениями с айванами перед ними. В одном из них (№ 2) некогда стояло несколько врытых в пол кувшинов: в углублениях сохранились днища сосудов, а в завале над полом — многочисленные обломки стенок. Другое пусто.

Таким образом, специфическая планировка западной части постройки с обширным, частично открытым двором, возможно водоемом, а также отсутствие очагов определяют ее назначение — это была летняя половина дома. Можно также предположить, что она возникла после пожара в доме (или, возможно, он ее не задел), так как никаких следов огня здесь не обнаружено. Следует добавить, что за северной стеной двора, между ним, коридором и помещением № 1, на замусоренной территории с пятнами огня, засыпанной тонким слоем золы и угольков, найдены обломки железных шлаков.

Заканчивая описание дома, нужно сказать, что он выстроен из квадратных сырцовых кирпичей со стороной от 35 до 40 *см*. Преобладают кирпичи размерм 35×35×9 *см* и 37×37×9 (10) *см*. При кладке стен кирпичи положили вперевязку с очень толстым слоем раствора, равным толщине кирпичей. Стены сохранились в высоту от 0,5 до 1 *м* в центральной части и несколько ниже в восточном конце дома. Заполнение дома всюду представ-

ляло собой аморфный кирпичный плотный завал. При раскопках средневековой землянки найдено несколько почти целых дигирей, серых водоносных кувшинов и мисок и обломки прочей неполивной посуды.

Как уже упоминалось, в доме помимо стеклянной бусины (сама по себе она очень интересна и тождественна бусам, обнаруженным в сгоревшем слое Куня-Уаза вместе со многими другими предметами и монетами конца III — начала IV в. н. э.) найдены только керамика и кости.

Керамика многочисленна и представлена выразительными формами ремесленной столовой и лепной посуды (найдены фрагменты 61 сосуда, треть которых составляет лепная керамика) (рис. 26). Большая часть этих форм встретилась уже при раскопках дома № 9: это кувшины с подчетырехугольным в сечении или сильно выступающим полочковидным венчиком, чаши с вертикально поставленным краем, хумы с удлиненным без венчика горлом, шаровидные горшки. Наряду с ними среди посуды из дома № 5 имеются:

Горшок, по форме подобный шаровидным горшкам, но маленький, очень низкий и широкий, с уступом на плечиках. Диаметр горла — 13,6 *см*, тулова по плечикам — 21 *см*. Покрыт красным ангобом снаружи и изнутри по горлу (рис. 26, *17*).

Очень распространены хумчи с профилированным венчиком, низкой шейкой, округлым туловом. Диаметр горла — от 19 до 27,2 *см*, диаметр тулова — 30 *см*, дна — 21 *см*. На некоторых экземплярах видна роспись бурокрасным ангобом по тулову. Черепок в изломе красный, обжиг хороший (рис. 26, *4*).

Из лепной посуды наряду с теми же формами, которые перечислялись при описании находок дома № 9, имеются: хум с округлым венчиком-валиком, украшенным вдавлениями узкой стороной пальца. Покрыт зеленовато-желтоватым ангобом, в глине — дресва и гипс (рис. 26, *16*); миски с выступающим бортиком, горизонтальная плоскость которого украшена ромбической сеткой-насечками; много мисок с невысоким прямым бортиком высотой 5,5—9 *см*. Их диаметры — 40, 32 и 23 *см*. Покрыты, как и вся лепная посуда, зеленовато-желтоватым ангобом; в глине — гипс и дресва, обжиг достаточный, черепок в изломе красный (рис. 26, *22*).

Керамика из сборов с развалин других построек поселения однотипна с керамикой, найденной при раскопках домов № 5 и № 9; следовательно, можно полагать, что все постройки поселения синхронны. Сопоставление посуды из данного поселения и из описанных выше Джанбас-калинского и Аяз-калинского показывает, что на всех встречается сходный комплекс гончарной посуды (хумы с уплощенным венчиком-валиком и полосой от пальца под ним, хумчи с профилированным венчиком, горшки с шаровидно-уплощенным туловом и некоторые другие), характерный для кушанского периода истории Хорезма. В то же время в Турпак-калинском поселении появляется лепная посуда, отсутствующая в обоих вышеназванных, но зато распространенная на других археологических памятниках Хорезма, относящихся к IV—V вв. н. э. (верхние слои Думан-калы, Эрес-калы, замка Дингильдже, городищ Топрак-калы и Куня-Уаз [см.: Неразик, 1959, 225—232]).

В верхних слоях городища Топрак-кала вместе с данной лепной посудой встречаются мелкие медные хорезмские монеты, чеканенные в послевазамаровский период — в IV—V вв. (по определению Б. И. Вайнберг). Именно к этому времени, причем скорее к IV в. н. э., и следует относить, по нашему мнению, Турпак-калинское поселение.

Глава 2

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ (VII—VIII вв.)

Четыре последующих столетия (V—VIII) в истории Хорезма и всей Средней Азии были едва ли не одним из самых «смутных» периодов, временем, насыщенным событиями: походы хионитов, эфталитов и тюрков, сменявшиеся государственные объединения, борьба с Сасанидами, арабское завоевание и антиарабские движения, совпавшие с внутренним кризисом и становлением феодальных отношений в стране. Ничтожное количество письменных сведений о Хорезме породило ряд подчас взаимоисключающих гипотез о его внешнеполитическом положении и внутренней жизни в рассматриваемое время [Толстов, 1947, 70, 75—77 и сл.; его же, 1949, 213—215; Хеннинг, 169—170; Гумилев, 1959, 130—140; Маршак, 1971, 58—67, и др.]. Подробный разбор этих гипотез не входит в нашу задачу. Следует лишь отметить, что Хорезм до завоевания его арабами в 712 г. вряд ли оставался в стороне от событий, развертывавшихся на территории Средней Азии, хотя его роль в них не может считаться до конца установленной. Ситуация осложнялась окраинным положением страны и тесным соседством с не всегда мирной кочевой и полукочевой периферией, пришедшей в движение в эпоху великого переселения народов (IV—V вв.) и, по-видимому, продолжавшей активно воздействовать на жизнь земледельческих оазисов Хорезма в VI—VIII вв. н. э. К тому же есть основания считать, что в этот период становления феодальных отношений, сопутствуемый развитием феодальных междоусобиц в стране, усилилась децентрализация [Гулямов, 117; Неразик, 1966, 128], особенно ясно обнаруживаемая при исследовании нумизматических материалов [Вайнберг (в печати)].

Совершенно новые во многом черты материальной культуры Хорезма в VII—VIII вв., новый облик поселений с их укрепленными усадьбами и замками, иной вид посуды и украшений, особые архитектурные формы — все это не может не быть отражением больших перемен в жизни хорезмского общества.

Причины перемен лежат не только в области внутренних социально-экономических преобразований; это — результат и упомянутых контактов с соседним населением, способствовавших возникновению в Хорезме так называемой афригидской культуры, обнаруживающей мало сходства с культурой предшествовавшего периода [Толстов, 1949, 200—202; его же, 1962, 236, 252; Неразик, 1966, 121—129].

Большие внутренние сдвиги запечатлелись также в динамике ирригационной сети и «земель древнего орошения». Археологические и археолого-топографические исследования неопровержимо доказывают сокращение в рассматриваемый период площади, освоенной в первые века нашей эры [Толстов, 1949, 202—203; его же, 1962, 233; Гулямов, 117, 123; Андрианов, 137—138]. В Правобережье оказываются заброшенными оазисы Джанбас-калы и Базар-калы, т. е. фактически превращается в пустыню вся зона Кельтеминара, за исключением верховьев, где продолжает существовать оазис Дингильдже. Приходят в упадок земли по Кырк-кызскому и Якке-Парсанскому каналам, а хвостовые части их отмирают. Перестает функционировать система античных пограничных укреплений на отрогах Султан-Уиздага. Как полагает Я. Г. Гулямов, культурная жизнь в этот период сосредоточилась в западной части Правобережья, где в

IV—V вв. на канале в округе Кята стояли Саркоп-кала, Сим-ата Большая, Сим-ата Малая и Караколь-кала [Гулямов, 110]. Упадок античных оазисов наблюдается и на левом берегу, где, как предполагается, из-за опустошительных хионито-сасанидских войн [Толстов, 1948, 165] оазисы так и не смогли оправиться и в дальнейшем, в VII—VIII вв. Так, в бассейне всей многокилометровой системы Чермен-яба существовали, по-видимому, лишь редкие отдельные пункты. В IV—V вв. жизнь теплилась в земледельческой округе Куня-Уаза, Мангыр-калы и Турнак-калы (см. описание Турнак-калинского поселения, гл. 1).

В VI—VIII вв. на исследованных экспедицией землях Правобережья наблюдается некоторое оживление, но к концу этого времени начинается новый упадок в связи с нашествием арабов. Установлено, что в VI—VIII вв. происходит дальнейшее усовершенствование ирригационной сети; она становится более рациональной и экономной в расходовании воды и освоении земель [Толстов, 1958, 111; Андрианов, 139].

На Якке-Парсанском канале возникает ряд новых построек, в том числе крупнейший в Хорезме феодальный замок Якке-Парсан. Оживают оазисы на соседнем канале, проложенном мимо крупного укрепленного поселения Кум-кала. Можно предположить, что существовали какие-то поселения в районе позднейшего Кават-калинского оазиса (XII—начало XIII в.), но вряд ли многочисленные и густонаселенные. Самым многолюдным был так называемый Беркут-калинский оазис в зоне Кырк-кызского канала. Изучение оазиса дало возможность проследить динамику орошенных площадей и типов построек, а также выявить характерные черты хорезмского сельского поселения VII—VIII вв. [Толстов, 1948, 129—138; Неразик, 1966, 12—15 и 43—49]. Доказано, что большинство жилищ оазиса в начале VIII в. было укреплено, в усадьбах появились воздвигнутые на цоколе башни, использовавшиеся в мирное время в качестве хранилищ и получившие название «донжон» (крупные жилые башни замков феодалов). Жилища располагались группами, доминирующее положение в которых занимал замок феодала, воздвигнутый у истоков канала, питавшего земли каждой такой группы. У подножия крупнейшего замка оазиса Беркут-кала начал складываться небольшой городок. Поселения Беркут-калинского оазиса, как и выше описанные хорезмские поселения первых веков нашей эры, были рассредоточены. Они, однако, отличались от древних поселений обликом и размерами построек, особенностями расположения [Неразик, 1966, 15—22, 43—49], свидетельствующими, как предположил С. П. Толстов, об иерархических начатках в структуре сельского общества [1948, 135].

Исследованию оазиса посвящена специальная работа [Неразик, 1966], поэтому мы не будем останавливаться на его описании, сосредоточив внимание на результатах работ последних лет в Якке-Парсанском оазисе и в зоне соседнего канала, ответвлявшегося от Гавхорэ в сторону комплексов Аяз-калы (назовем его Аяз-калинский канал). Полосы орошенной земли вдоль этих каналов были заселены значительно менее плотно, нежели оазисы вдоль Кырк-кызского канала, и состояли из отдельных, редко расположенных построек, возникших в V—VIII вв. н. э. Особенно пустынной выглядела зона по каналу, идущему к Аяз-кале II и, кажется, специально проведенному к комплексу, возникшему в этот период у подножия Султан-Уиздага. В VII—VIII вв. здесь находилась огромная усадьба, подобной которой в Беркут-калинском оазисе и вообще на территории раннесредневекового Хорезма пока не выявлено. Обычно хорезмские жилища VII—VIII вв. представляли собой не усадьбу, а, по существу, единый плотно застроенный дом-массив, обведенный мощными пахсовыми стенами с башнями или без них. В данном случае это была именно усадьба с земельными угодьями, окруженными глинобитной оградой. На одном из самых больших участков стояло несколько строений, среди которых выделялся многокомнатный комплекс со сложной планировкой, занимавший площадь 50×75 *м*. В целом этот комплекс кажется единым массивом помещений (которых было не меньше 50), группировавшихся вокруг одного или нескольких больших дворов. Однако внимательное изучение позволяет различить в нем три составные взаимосвязанные части: большой дом с широким центральным коридором с восточной стороны; многочисленные одно- или двухкамерные сообщавшиеся секции в центре и крестообразное сооружение с западной стороны (рис. 29). Последнее сооружение представляет большой интерес, так как крестообразный план, образованный четырьмя попарно противолежавшими айванами, имеет широкие параллели в архитектуре древнего Востока — не только в жилых постройках, но и в общественных (об этом см. ниже). Сочетание в данном случае крестообразной планировки здания, окруженного симметричными коридорообразными помещениями, с упомянутыми секциями типа худжр, наличие коридора шириной 7,5 *м*, подводившего к крестообразному зданию и далеко выходившего за пределы внешних стен комплекса, позволяет предположить, что это

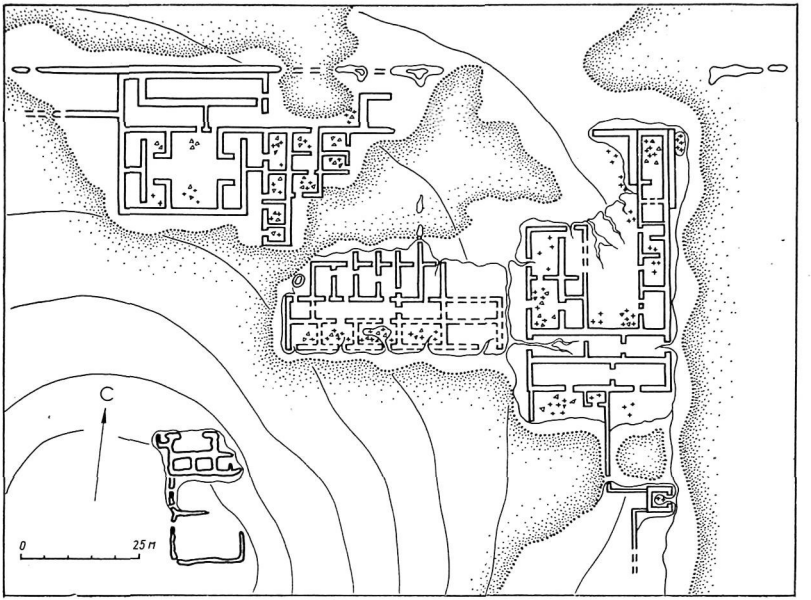


Рис. 29 Комплекс VII—VIII вв. близ Аяз-калы II

здание — остаток какого-то важного общественного центра раннесредневекового Хорезма, может быть храмового хозяйства.

Вокруг него, на земельных угодьях, где большое место занимали виноградники, прослеживаются развалины двух-трех построек типа небольших беркут-калинских замков с донжоном и примыкавшей к нему плотной застройкой площадью 30×40 *м* и 28×28 *м*, видимо являвшихся военными форпостами. Сложная система валов, сейчас разрозненная и малопонятная, соединяла комплекс и замок Аяз-кала II, возвышавшийся на холме, в единую цепь, в которой главным оборонительным звеном служил замок. Как выяснилось в результате раскопок Ю. П. Манылова, замок был поднят на высокий цоколь из сырцовых кирпичей, выровнявший поверхность холма [Манылов, 1972, 10—11].

Аяз-кала II отличалась по планировке от синхронных замков Беркут-калинского оазиса в связи с сугубо оборонительными функциями здания. Все постройки усадьбы, за исключением замков, разрушились до уровня цокольной части (высотой примерно 1 *м*) и засыпаны песком, на котором пахсовые гребни стен образуют своеобразный и довольно отчетливый «чертеж» здания.

В 2—2,5 *км* к югу от описанной усадьбы в зоне того же канала сохранились еще три постройки, относящиеся к рассматриваемому периоду и названные нами усадьбами «а», «b» и «с».

Усадьба «b» представляет собой хорошо известный по исследованиям в Беркут-калинском оазисе тип постройки с четко спланированной жилой частью, имевшей центральный коридор и два-три разновеликих помещения с каждой его стороны (например, усадьба № 136 в Беркут-калинском оазисе) [Неразик, 1966, 25, рис. 8]. Коридор открывался во внутренний двор, торец которого занимало одно длинное

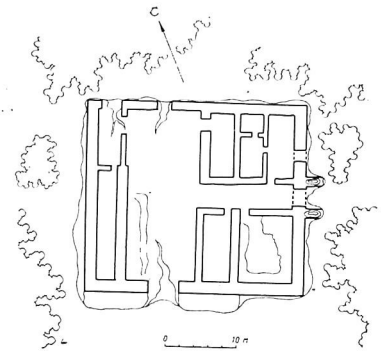


Рис. 30. Усадьба «b» близ Аяз-калы II

и узкое коридорообразное помещение (рис. 30). По ряду признаков — отсутствию донжона и укреплений — мы в свое время заключили, что подобные постройки не дожили до VIII в., будучи характерными для более раннего времени [Неразик, 1966, 25, 30—32]. Собранная с поверхности усадьбы «b» керамика подтверждает эту дату, будучи сходной с комплексом посуды из других хорезмских археологических памятников, датированных нами VI в. [Неразик, 1959, 232—234].

Две другие усадьбы — «а» и «с» — в типологическом ряду жилых построек Хорезма афригидской эпохи стоят несколько особняком. Половину площади усадьбы «а» (36×36 *м*), подвергшейся раскопкам, занимает слитный комплекс помещений (рис. 31). Часть из них мы вскрыли, в других оконтурены стены; таким образом, план постройки ясен целиком. Она несколько асимметрична — вдоль северной и восточной сторон шел ряд длинных коридорообразных помещений, отсутствующих у западной стороны. Тем не менее соответствующей корректировкой размеров других комнат строители сумели достигнуть правильной центрической композиции всей постройки. В северном помещении, вытянутом вдоль всей внешней стены, двумя стенками с дверными проемами, расположенными на одной оси, точно посредине выгорожена маленькая трехметровая комната, лишенная южной стены и широко открывавшаяся в большой, почти квадратный зал, занимавший центр описываемой постройки. Эта маленькая комната — не что иное, как глубокий айван; вдоль всех его стен устроены кирпичные суфы разной высоты. Самая высокая помещалась у северной стены. Пол в айване, как, впрочем, и в других помещениях, был вымощен сырцовыми кирпичами. Центральный зал, к сожалению, не раскопан. Учитывая его размеры — 10×11 *м*,— легко предположить наличие дополнительных опор кровли в виде колонн. Совершенно необычно большое помещение, граничившее с залом с восточной стороны и сообщавшееся с ним посредством прохода с остатками деревянной дверной конструкции. Посредине этого помещения лежал большой обработанный обломок песчаника размерами 0,68×0,65 *м* и высотой около 0,6 *м*. На его верхней плоскости выбиты две небольшие полусферические ямки, а боковые грани носят следы сколов, причем обработка, по-видимому, не была закончена.

Вдоль всех стен помещения, так же как и вдоль всей южной границы помещений северного ряда, обнаружены приставные кирпичные стенки, высота которых неизвестна (они сохранились до уровня останцов стен постройки, т. е. на высоту 0,55—0,90 *м*), а ширина равна 0,85 *м*. По-видимому, они были поставлены вскоре после строительства основных

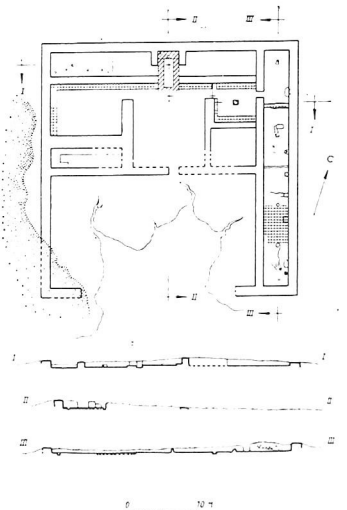


Рис. 31. Усадьба «а» близ Аяз-калы II Штриховкой обозначена суфа

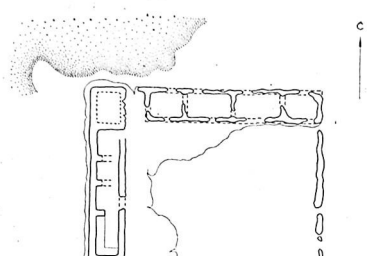


Рис. 32. Усадьба «с» близ Аяз-калы II

стен дома с непонятной на данном этапе исследований целью.

Несколько необычен и вид комнат у восточной стены: казалось, что здесь, как и у северной стены, располагалось только одно очень длинное помещение, в котором затем перегородками толщиной всего в один ряд сырцового кирпича были выделены три отдельные комнаты. Пока трудно объяснить возникновение таких тонких стенок в постройке с мощными стенами (метровой и полутораметровой толщины).

Весь описываемый ряд помещений разрушен до сырцовой вымостки полов. Местами сохранились опаленные участки пола со следами разводимых здесь костров, углубления столбовых ямок, днища вкопанных в пол хумчей. Можно предположить, что у данной стены размещались жилые комнаты.

Южная часть усадьбы разрушена и покрыта сплошь слоем раздробленной в мелкую щебенку керамики, стекла и т. п. Дело в том, что усадьба обживалась заново в IX—X вв., когда были приспособлены для жилья описанные коридорообразные комнаты у северной и восточной стен, где поселились прямо на завалах, выровняв их поверхность. Разница в уровнях между северной и южной половиной усадьбы, полное отсутствие всяких признаков планировки в южной, характер стратиграфических разрезов, показавших отсутствие здесь культурного слоя VII—VIII вв., свидетельствуют, что на этом месте был двор.

Огромный зал с большим айваном в центре застроенной части усадьбы, кирпичные вымостки полов, необычность облика коридорообразных комнат и помещения с камином — все выделяет усадьбу «а» из числа прочих, позволяя догадываться об ином ее назначении. Говорить о нем с уверенностью можно будет только после завершения раскопок.

Последняя из рассматриваемых трех усадеб, усадьба «с», имела совсем другой облик: это четырехугольная ограда, две стороны которой обстроены одним рядом узких небольших помещений (рис. 32). Остальная площадь, по-видимому, представляла собой двор. Особенности найденной на усадьбе керамики, сближающие ее с посудой из усадьбы «b», позволяют датировать ее VI — началом VII в.

Якке-Парсанский оазис и Якке-Парсанский канал, орошавший раннесредневековое поселение с центром в виде крупного замка Якке-Парсан, по имени которого теперь назвали канал, прослежен Хорезмской экспедицией от Наринджана (XI—XII вв.) до Аяз-калы. Как уже указывалось выше, канал прорыт в античную эпоху, по-видимому в IV—III вв. до н. э., и функционировал длительное время. Его подновляли и переуглубляли. Предполагается, что в XI — XII вв. орошаемые в античный и афригидский периоды районы были заброшены и вода доходила только до Наринджана. Какие-то поселения здесь и несколько ниже существовали; как-то осваивались (может быть, в качестве сторожевого поста) и развалины Аяз-калы II, где в это время произвели ремонтные работы [Манылов, 1972, 522]. Русло канала выражено наиболее отчетливо у Аяз-калы II, где ясно видна широкая, приподнятая над плоскостью такыров полоса шириной около 20 *м*. Местами ложе канала углублено между двумя валами или отдельными буграми береговых отвалов. У самого Якке-Парсана оно, наоборот, почти не выражено в рельефе и хорошо видно только с воздуха. Территорию возле Наринджана переплела густая мелкая средневековая арычная сеть.

Местность, где прослеживается сейчас ложе канала, меняется с севера на юг. Если от Аяз-калы до Якке-Парсана и несколько южнее его тянется широкая полоса такыров, окаймленная на западе цепью Султан-Уиздага, а на востоке — полями совхоза Кыркқыз-абад, то в 4—5 *км* к югу от Якке-Парсана начинаются барханные пески, на некоторых участках превращаясь в почти сплошные барханные гряды. У Наринджана пески вновь рассеиваются, барханы встречаются реже, такыры усыпаны обломками тонких стеклянных средневековых сосудов, бронзовых предметов, поливной и неполивной керамики.

В связи с усиленным освоением в наше время равнины у комплекса Аяз-кала и у Як-

ке-Парсана на территории древних оазисов много сбросовых озер. Одно из них — обширное — образовалось у подножия отрогов Султан-Уиздага, на которых воздвигнуты Аяз-кала I и Аяз-кала II, другое — невдалеке от Якке-Парсана. Поля совхоза и современная арычная сеть кончаются почти в 1,5 *км* от Якке-Парсана.

В VII—VIII вв. плотность населения в оазисе была очень небольшой; она не может идти ни в какое сравнение ни с густотой населения здесь в начале нашей эры, ни с интенсивностью жизни в VII—VIII вв. в соседнем Беркут-калинском оазисе. Так, на всем протяжении оазиса от Аяз-калы II до Нариджана (не менее 28 *км*) усадеб этого времени насчитывается не более 10—11, и вряд ли какие-либо из них были так разрушены, что следы их нельзя отыскать. Район в этом отношении хорошо обследован, и нужно полагать, что незамеченных построек VII—VIII вв. нет. Лишь возле Нариджана сколько-то усадеб могло быть уничтожено в XI—XII вв. при освоении древних земель.

Значительно интенсивнее жизнь была на землях, орошаемых боковым ответвлением Якке-Парсанского канала, отведенным от него где-то в районе Большого Гульдурсуна, но эти земли сейчас распаханы, и проследить древнюю арычную сеть не удалось. Вдоль ответвления открыто 7 усадеб афригидского периода во главе с Кум-калой — самой крупной из них. Ее можно назвать небольшим поселением. К сожалению, Кум-кала специальному исследованию не подвергалась. В центре внимания были раскопки Якке-Парсана [см.: Неразик, 1963]; попутно обследовались усадьбы вокруг него вдоль центрального канала. На их описании мы сейчас и остановимся, следуя с севера на юг.

Усадьба № 1. Хорошо сохранилась только внешняя ограда в виде толстых пахсовых стен, возвышающихся на 3—4 *м* над окружающей поверхностью. Вход, расположенный в южной стене, ограничен двумя выступающими перед ним на 3 *м* стенами, образующими нечто вроде айвана. Площадь ограниченного таким образом участка — 35×45 *м*. Характер застройки внутри без раскопок выявить не удалось. Встречаются обломки хумов, которые по технологическим особенностям могут быть отнесены к IV в.; вероятно, и усадьба возникла в период строительства раннего замка Якке-Парсан (IV—V вв.) [Неразик, 1963, 17].

Усадьба № 2 — сильно разрушенное строение, состоящее из нескольких сводчатых помещений. В одном из них частично сохранилось сводчатое перекрытие. Высота здания

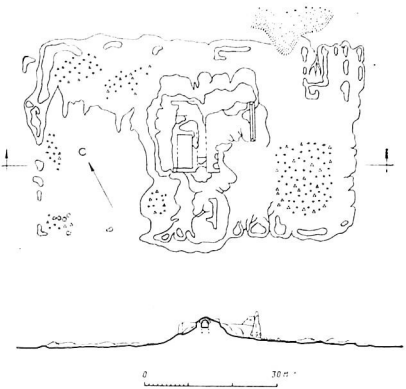


Рис. 33. Усадьба № 2 в Якке-Парсанском оазисе

кое-где достигает 4—5 *м* (рис. 33). Вокруг него заметны следы слитной застройки, занимавшей площадь около 60×35 *м* и вплотную примыкавшей к упомянутому зданию; она была огорожена толстой пахсовой стеной. Теперь и стена, и постройки почти сравнялись с уровнем такыров. На их поверхности много обломков керамики и необработанных камней, скорее всего султан-уиздагского гранита.

Находки камней, никогда в таком количестве не встречавшиеся на развалинах построек афригидского периода, позволяют предполагать, что здесь некогда существовало производство, связанное с их обработкой. Возможно также, что некоторое их количество попало сюда из расклинок сводчатых перекрытий помещений. В этом случае усадьба займет особое место среди архитектурных памятников афригидской эпохи, для которых не типично применение расклинок при возведении сводов, выкладывавшихся из специальных клиновидных кирпичей. Прочие строительно-планировочные особенности усадьбы (наличие сводчатого здания посредине слитной застройки) ставят ее в один ряд с такими постройками, как усадьба № 37 в Беркут-калинском оазисе [Неразик, 1966, 31, рис. 13]. Типологически они близки к зданиям первых веков нашей эры типа Малой Топрак-калы и, видимо, восходят к этим более ранним образцам хорезмского зодчества.

Усадьбы № 1 и № 2 расположены в промежутке между близко подходящими друг к другу в этом месте Якке-Парсанским и Аяз-

калинским каналам (ветка на Аяз-калу II, о которой говорилось выше), причем ближе к последнему. Но, поскольку от Якке-Парсана их отделяет всего 2 *км*, в то время как ближайшие жилые постройки в зоне Аяз-калинского канала отстоят от них не менее чем на 6 *км*, можно полагать, что усадьбы № 1 и № 2 принадлежали к оазису замка Якке-Парсан.

Усадьба № 3 — одиноко стоящая башня-донжон высотой более 5 *м*. Сложена из пахсовых блоков. Размеры — 11×12 *м*. Планировка здания не устанавливается, можно предполагать, что внутри него располагались сводчатые помещения. Подъемного материала нет.

Усадьба № 4 представляет собой в плане квадрат (55×55 *м*), ограниченный пахсовой стеной, высота которой достигает на отдельных участках 4—5 *м*. Башен нет. Посредине восточной стены находился вход, защищенный коленчато-изогнутой стенкой с узкими щелевидными бойницами. Внутри она вся засыпана песком, поэтому планировка не зафиксирована, подъемного материала тоже мало (рис. 34). На расстоянии 15 *м* от стены, ограждающей усадьбу, видны остатки второй стены, настолько разрушенной, что она почти не возвышается над землей. В стене был сделан ряд часто расположенных (через каждые 0,5 *м*) бойниц, от которых сохранились только основания. Можно предполагать, что эта стена синхронна внутренней и была предстенным

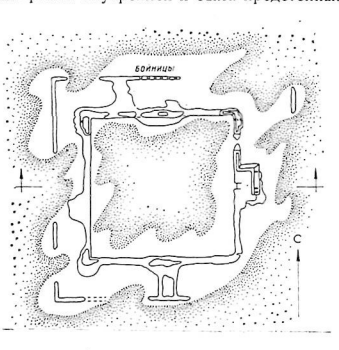


Рис. 34. Усадьба № 4 в Якке-Парсанском оазисе

барьером, усиливавшим оборону усадьбы. Наличие барьера и бойниц в нем компенсировало отсутствие башен и бойниц во второй стене.

Айр-кала. Имела примерно те же размеры, что и усадьба № 4. Она меньше засыпана песками; удалось установить, что вдоль ее стен располагался ряд комнат с двумя общими стенами — одна из них являлась крепостной, а вторая — ей параллельная — ограничивала этот ряд комнат от остальной застройки усадьбы. В остальном планировка неразличима. По-видимому, постройки разрушены сильно, так как уровень поверхности внутри усадьбы очень мало превышает уровень близлежащих такыров. Местами внутри усадьбы на поверхности видны массивы кирпичной кладки — слишком обширные, чтобы быть стенами, и скорее вызывающие мысль о мощенных кирпичами полах, обширных суфах или закладке. В середине южной стены находился донжон, состоявший из двух сводчатых помещений на цоколе. Перекрытие их обрушено, высота стен, считая от внешних такыров, достигала 10 *м*, от поверхности же внутреннего заполнения — около 5 *м*. В стенах имелись узкие щелевидные бойницы. На расстоянии 10 *м* от наружных стен видны остатки параллельной им ограды, почти не возвышающейся над такыром. По-видимому, это такой же предстенный барьер, что и в замке № 4.

Особенностью архитектуры Айр-калы является декор внешней ограды. У углов стены усилены приставными пахсовыми блоками, как бы имитирующими башенный выступ, разделенный слабо выступающими пилястрами, создающими впечатление гофрированной стены. Этот прием напоминает архитектурный декор Буран-калы и Наиб-калы, памятников более позднего времени (IX—X вв.) [Толстов, 1948, 154—155, рис. 89—91]. Следует, правда, отметить, что в Айр-кале наряду с керамикой, относящейся к афригидской эпохе, найдены и фрагменты посуды более позднего периода — серой, неполивной, с примесью дресвы, а вокруг собрано много осколков стекла, бронзовых предметов. Поэтому не исключено, что жизнь в Айр-кале не замерла с концом афригидской эпохи, а продолжалась и позднее. Однако без раскопок выяснить это с достоверностью невозможно.

Усадьба № 5 представляет значительный интерес. Она отличается от вышеописанных прежде всего отсутствием донжона и значительно более крупными размерами (90××90 *м*); в основу ее плана положен квадрат (рис. 35). Рядом с ней, почти вплотную (почему она и не имеет собственного номера), расположена другая усадьба, прямоугольных

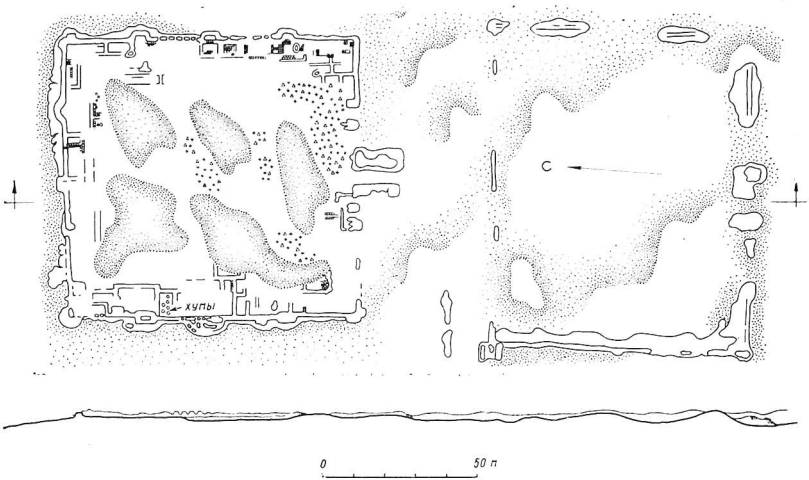


Рис. 35. Усадьба № 5 в Якке-Парсанском оазисе

очертаний, размерами 65×110 *м*. Эта вторая усадьба также лишена донжона и настолько засыпана песком, что никакого представления о ее застройке получить не удалось. Зато усадьба № 5 оказалась более доступной для изучения. Выяснено, что она была сплошь застроена помещениями с кирпичными стенами. Во многих случаях кирпичная кладка выявляет очертания то более, то менее обширных помещений. Иногда видно, что вдоль двора или трех стен помещения тянулась кирпичная суфа шириной более 1 *м*, а подчас и много шире. Каждая стена снабжена пятью (считая и угловые) башнями весьма своеобразной формы. Если в усадьбах Беркут-калинского оазиса, датируемых VI—VIII вв., они всегда овальные и закрытого типа, то здесь они открытого типа, четырехугольные, слабо выступающие за линию стен.

Сходные башни зафиксированы в усадьбе № 32 в Беркут-калинском оазисе, возникшей в V в. Но еще ближе к ним башни значительно более раннего памятника — Баланды I, расположенной в низовьях Сырдарьи (VI—IV вв. до н. э.) [Толстов, 1962, 173, рис. 98]. Таким образом, открытые башни-«козырьки» имеют, вероятно, древние традиции в фортификационном искусстве античного Хорезма и соседних с ним областей. Размеры башен — 5×2 *м*. В настоящее время они не возвышаются над стенами, так как и те и другие разрушены, вследствие чего памятник имеет вид плоской площадки, поднимающейся над уровнем такыров на 3—3,5 *м*. В стенах прослеживаются ложа бойниц, форма которых не восстанавливается. В середине южной стены был вход, ограниченный далеко выступающими за линию стен пахсовыми выступами.

В целом описываемая усадьба очень напоминает усадьбу № 32 в Беркут-калинском оазисе [см.: Неразик, 1966, 23, рис. 7], да и возникла она, судя по особенностям найденной в ее развалинах керамики, примерно тогда же — в V в., может быть, в начале VI в. Находки бронзовых и серебряных монет хорезмшахов Чегана и Шаушафара (середина VIII в.) позволяют утверждать, что усадьба № 5 продолжала существовать в более поздние времена, вплоть до VII—VIII вв.

К тому же времени относится посуда, хорошо известная также по многим памятникам Беркут-калинского оазиса: это хумы с овальным в сечении венчиком, украшенным вдавлениями от пальцев понизу венчика; хумы с венчиком в виде двух валиков, иногда с гофрированной пальцами налепной полоской между ними; хумы горшкообразной или кувшинообразной формы с тем же венчиком,

кружки, лепные одноручные горшки, водоносные кувшины с подтреугольным в сечении венчиком и т. д. [см.: Неразик, 1966, 35, 38, рис. 18—21].

Усадьба № 5 — самый южный из памятников афригидской эпохи в Якке-Парсанском оазисе. Далее, вплоть до Нариндзана, они отсутствуют.

Таким образом, можно увидеть, что исследование оазисов вдоль Якке-Парсанского и соседнего Аяз-калинского каналов подтверждает ряд закономерностей, выявленных ранее в Беркут-калинском оазисе, и вносит некоторые новые сведения. В каждом из этих двух оазисов выделяется один крупный центр: таким был могучий замок Якке-Парсан и большой комплекс у подножия Аяз-кала II. Прочие немногочисленные постройки в зоне каждого канала представляли собой рассредоточенное поселение, которое можно сравнить с одной из многочисленных групп Беркут-калинского оазиса, например с Беркут-калой и тяготевшими к ней двадцатью пятью замками и усадьбами. Типологически большинство из построек обеих описанных населенных зон находит параллели среди построек Беркут-калинского оазиса: это крупные дома-массивы с донжонами или без них. Как и в Беркут-калинском оазисе, в хвостовой части каналов находились возникшие до VIII в. (может быть, в VI в.) постройки еще без укреплений и донжонов, часть которых не дожила, по-видимому, до VIII в., когда в Беркут-калинском оазисе произошла коренная перестройка и когда возник замок Якке-Парсан.

Большой интерес представляет выявление особого района у отрогов Султан-Уиздага, замыкавшего зону канала, может быть специально подведенного к нему от системы раннесредневекового Гавхорэ. Здесь традиционно, на протяжении нескольких столетий, существовали какие-то крупные общественные или жилые центры с обширными земледельческими угодьями, причем раннесредневековый комплекс был защищен системой отдельных укреплений с башнями-донжонами, сильнейшим из которых был замок Аяз-кала II.

Глава 3

ПОСЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ ВЕЛИКИХ ХОРЕЗМШАХОВ (XII — начало XIII в.)

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОАЗИСАХ

Археологические памятники Хорезма, относящиеся к IX—XI вв., к сожалению, почти неизвестны. Данная лакуна покажется особенно обидной, если учесть, что указанные столетия являются интереснейшим периодом в истории Хорезма, временем огузско-сельджукских походов, распространения в стране ислама, периодом, когда можно подозревать сложение своеобразных форм культуры. Поселения IX—XI вв. скрыты под напластованиями последующих эпох, и лишь отдельные сведения о них содержатся в трудах современников (ал-Истахри, ал-Масуди). Перечень городов, товаров, ввозимых и вывозимых из страны, создает картину расцвета экономики и городов [Толстов, 1949, 231—242]. Масштабы развития Хорезма легко недооценить в связи с малым количеством соответствующих сведений, касающихся предшествующей эпохи VII—VIII вв., но сам факт экономического подъема в стране в IX—XI вв. неопровержимо доказывается возрождением ряда заброшенных в афригидский период поселений и городов (Гульдурсун, Кават-кала, Наринджан, Шах-Сенем, Замахшар, Бограхан), ростом некоторых старых (Садвар, Хайван) и возникновением новых центров (Мончаклы и Пулжай в левобережной дельте Амударьи), а также появлением в IX—X вв. чигирей и поливной посуды.

Единичные сельские усадьбы (Наиб-кала, Буран-кала) (см.: [Толстов, 1948, 154—155]) и отдельные упоминания средневековых историков не дают достаточных оснований для представления об облике сельских поселений IX—XI вв. В этом плане нам кажутся интересными комментарии Я. Г. Гулямова к широко известному сообщению ал-Макдиси об округе г. Миздахкана, где было 12 тыс. замков [МИТТ, т. I, 75].

Основываясь на сообщении ал-Макдиси, исследователи полагают, что в этот период жилища еще были укрепленными [Якубовский, 1930, 555; Тереножкин, 1940, 73; Толстов, 1948, 154; Гулямов, 157], а «замками» названы просто небольшие укрепленные усадьбы хуторского типа. Впрочем, отмечая, что и замки феодалов, и курганча — жилища рядовых земледельцев — ал-Макдиси обозначает одним термином, Я. Г. Гулямов полагает, что, может быть, эти сведения относятся только к окраинным рустакам (таким, например, как Миздахкан), тесно соприкасавшимся с кочевниками-гузами, что и вызывало необходимость укреплений [Гулямов, 157].

Подъем экономики и культуры в IX—XI вв. в какой-то мере подготовил расцвет ее в XII — начале XIII в., когда Хорезм становится центром обширной империи Хорезмшахов. Уровень благосостояния жителей страны, собиравшей прибыль с подчиненных ею огромных территорий и обогатившейся в результате грабежей [Большаков, 1973, 176], резко повысился, что ясно запечатлели археологические памятники того времени.

В Ургенч, многолюдную столицу государства, где пересекались тогда многие важнейшие торговые пути, стекались со всех сторон товары, съезжались купцы, ремесленники, велось большое строительство. Великолепные мавзолеи Ургенча с их поливными разноцветными плитками, прекрасная резьба по ганчу

и глине, украшавшая не только общественные постройки, но и жилые дома, искусно сделанная поливная посуда, разнообразные стеклянные изделия, в том числе многоцветные бусы, кулоны, подвески, посуда, украшения и орудия труда из бронзы, железа и камня — все это составные элементы той богатой культуры, которая расцвела в стране в рассматриваемое время. Достигнув гораздо более высокого уровня, чем в период раннего средневековья, она вобрала в себя старые традиции, «переплавив» многие инородные элементы и влияния.

Подъем экономики и культуры в эпоху Хорезмшахов нельзя, конечно, считать только отражением выгодного в политическом отношении положения страны в результате блестящих воинских успехов новой династии. В значительной мере он связан с развитием феодальных отношений.

Естественно, что все это могло отразиться на сельских поселениях, на их росте, вызвало в них заметные изменения. Они характеризуются теперь не огромными укрепленными усадьбами и грозными замками феодалов, превращенными чуть ли не в настоящие фортификационные сооружения, а мирным пейзажем неукрепленных крестьянских жилищ и декоративизмом «разоружившихся» замков.

Установлено, что в XII — начале XIII в. в стране развернулось значительное ирригационное строительство; хорезмшахский период определяется как время «коренного переустройства старых оросительных систем и дальнейшего развития средневековой ирригационной техники» [Андрианов, 141].

Весьма совершенные, по мнению исследователей, оросительные системы XII — начала XIII в. характеризуются появлением «сложноветвистых планировок», большей глубиной и меньшей шириной, чем более ранние [там же, 145]. Продолжалось использование чигирных установок.

По сравнению с ранним средневековьем плотность населения в оазисах возрастает. Она удивляла уже современников. Слова Якута, проехавшего дорогами Хорезма накануне монгольского нашествия: «Я не видел области более обитаемой, чем она... в ней непрерывная возделанная полоса, с селениями, расположенными близко друг к другу» [МИТТ, т. I, 419] — наиболее отвечают картине, встающей перед глазами исследователя остатков сельских поселений Хорезма XII — начала XIII в.

Такой густонаселенной, сплошь возделанной полосой был Кават-калинский оазис на правом берегу Амударьи в зоне Гавхорэ. Сопоставление его с синхронными оазисами Левобережья показывает, что он отличался обилием кантар-хан[1], замков и совершенством жилых построек. Можно только предполагать, что именно так должны были выглядеть поселения в центральных районах страны, занимавшие приамударьинскую береговую полосу вблизи размещавшихся там крупных городов и скрытые современной культурной зоной.

Вместе с тем в Правобережье зона вдоль длительно функционировавшего канала Гавхорэ была единственным средневековым живым оазисом среди заброшенных в первые века нашей эры или в раннем средневековье, засыпанных песками «земель древнего орошения», так и не возродившихся в XII — начале XIII в. В древнем Кельтеминарском оазисе вода доходила только до Эрес-калы. Беркут-калинский оазис превратился в пустыню, и только вокруг Гульдурсуна в рассматриваемый период существовали поселения. Напротив, вся доступная исследованиям обширная зона Левобережного Хорезма была освоена (конечно, в разной степени), и центр тяжести экономической жизни страны, безусловно, находился именно здесь, а не в Правобережье, причем, как правильно отметил О. Г. Большаков, Левобережный Хорезм превосходил Правобережный числом городов и размерами возделанной площади уже в X в. [Большаков, 1973, 176].

Приамударьинские оазисы Левобережья, орошавшиеся каналами Вадак и Буве, окрестности Хивы и Хазараспа исчезли под современной культурной зоной, но вся остальная огромная территория — от окраин этой зоны до Бутен-тау и Сарыкамыша на западе — доступна исследованиям. По плотности заселения в ней выделяется несколько районов. Наиболее заселенными были окрестности крупных городов, особенно тех из них, которые стояли по течению крупнейшего канала Левобережья — Чермен-яба и соответственно вдоль трассы Шахристанского торгового пути, проходившего здесь и связывавшего Хорезм с Хорасаном. Ближайшая округа таких центров, как Шах-Сенем (Субурна), особенно территория между Даудан-калой и Замахшаром, представляла в XII—XIII вв. сплошную зону оазисов, сливавшихся в одну густонаселенную полосу. Ныне это скопление разнообразных бугров, разбросанных по занесенным песком

[1] Кантар-хана (местное название, обозначающее «голубятня») — чаще всего прямоугольное двухэтажное сооружение, стены которого покрыты многочисленными небольшими нишками. Принято считать, опираясь на сведения ибн-Батуты, что хорезмские кантар-ханы, пышно украшенные снаружи полуколоннами и резным орнаментом, служили парадными приемными помещениями наподобие гостиных (михман-хан) в позднейших узбекских домах (см.: [Толстов, 1948, 159—162]).

такырам, с отчетливо выраженными руслами мелких арыков и крупных каналов и следами полей, усыпанных обломками поливной и неполивной посуды, дигирей, бронзовых и железных предметов, стеклянных сосудов, бусин и т. п.

В силу такой плотности тогдашнего населения площадь сельскохозяйственной округи средневековых городов или отдельных поселений удается установить лишь с трудом и чисто ориентировочно. Так, земледельческая зона, тяготевшая к Шах-Сенему, тянулась вдоль канала с юго-запада на северо-восток примерно на 4 *км* при ширине 2 *км* (800 *га*) [Рапопорт, 1958, 399]. Площадь некоторых поселений в 10 *км* юго-западнее Замахшара (ближайшие подступы к которому уже поглощены современными полями) исчисляется 500 *га* (2×2,5 *км* — урочище Дарьялык-куль и Сюзанлы) [см. ниже, а также: Вишневская, 1963, 56] и 50 *га* (1×0,5 *км* — Айгельды, см. ниже).

Обращаясь к системе расположения крупных укрепленных населенных пунктов в бассейне средневекового Чермен-яба, можно заметить, что они размещались вдоль ложа канала (и, вероятно, трассы торгового караванного пути в Шахристан) в определенном порядке. Если считать по прямой, это были интервалы, примерно равные дневному переходу каравана (30—35 *км*). С юго-запада на северо-восток располагались Шах-Сенем, Кызылча-кала, Даудан-кала и Замахшар, которые принято считать городами или зародышами городов (Кызылча-кала). Они иллюстрируют разные пути сложения хорезмских средневековых городских центров (на месте старых античных городов или возле крупного замка) [см.: Толстов, 1949, 238, 240; Большаков, 1973, 175]. Развалины Шах-Сенема отождествлены с г. Субурна [Толстов, 1941, 181], Замахшар упоминается ал-Макдиси в числе средневековых хорезмских городов [МИТТ, т. I, 187; см. также: Большаков, 1973, 172, 175].

Даудан-кала, по мнению С. П. Толстова, является типичным примером небольшого средневекового хорезмского города с его неправильной планировкой [Толстов, 1962, 240]. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на сходство этого памятника с Кават-калой в Правобережье, отличающейся той же ломаной линией внешних очертаний и теми же особенностями внутренней планировки — сочетанием слитной застройки и незастроенных участков — и близкими размерами (2,98 *га* — Кават-кала, 2,89 *га* — Даудан-кала). Кават-кала, как установлено теперь, была крупным замком — резиденцией главы большого поселения

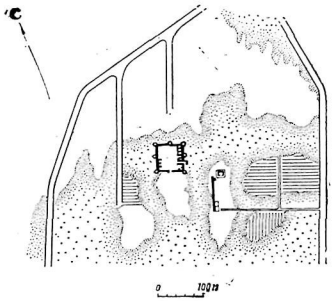


Рис. 36. Безымянный замок в 7,5 *км* к северо-востоку от Даудан-калы. План

[Вактурская, 1958, 161]. Вероятно, так же следует квалифицировать и Даудан-калу.

В *то же время сельскохозяйственная* округа Даудан-калы отличалась от Кават-калинского оазиса протяженностью и обликом построек. Ближайшие ее окрестности в радиусе 2—3 *км* изобилуют руинами крупных многокомнатных построек из пахсы, сырцовых и обожженных кирпичей. Самые распространенные здесь дома — с периметральной застройкой, причем помещения располагались вдоль стен в два-три ряда. Площадь таких построек обычно составляла 25×20 *м*.

Возможно, в зону подчинения Даудан-калы входили и два замка, один из которых, Безымянный, находится в 7,5 *км* северо-восточнее Даудан-калы, а другой, Каз-кала,— в 3,5 *км* от Безымянного. Это — квадратные постройки (60×60 *м* и 62,5×63 *м*) с мощными пахсовыми стенами и гранеными башнями по углам и в середине сторон, вероятно двухэтажными (рис. 36). Напоминая архитектурными особенностями замки в правобережном Кават-калинском оазисе, *они отличаются от последних* внутренней планировкой, представляющей периметральную застройку с открытым двором посредине [Неразик, 1970, 68; Вишневская, 1963, 62, рис. 5а] (рис. 37).

В поселении близ Безымянного замка обнаружено несколько двухэтажных или со сплошным высоким пахсовым цоколем башенок, мало отличающихся от позднейших туркменских дингов (о них см. ниже). Таких башен нет в Кават-калинском оазисе, но зато в округе Даудан-калы и замков отсутствуют кантар-ханы, столь характерные для поселения вокруг Кават-калы.

К тому же типу памятников, что и описанные замки, относится Кызылча-кала — одно из

самых красивых архитектурных сооружений средневекового Левобережного Хорезма. Замок стоит на низком, с пологими краями, небольшом по площади гыре.

В архитектурно-планировочном отношении он близок вышеописанным замкам в синхронном Кават-калинском оазисе: те же граненные по внешнему фасаду, овальные в плане башни, построенные по углам замка так, что их диагональ составляет продолжение диагонали замка, то же их число (по три с каждой стороны), те же общие пропорции всей квадратной постройки (75×75 *м*). Только оформление входа другое: вместо прямоугольного предвратного сооружения с арками на поперечных осях линии стены в месте разрыва скошены одна — внутрь, другая — наружу, образуя узкую щель входа. Внутри замка не осталось никаких следов планировки, хотя высокий уровень поверхности позволяет предполагать довольно плотную его застройку в прошлом (рис. 38).

У подножия замка, на равнине выявлен целый комплекс разнообразных памятников. Это прежде всего небольшое (300×130 *м*) компактное поселение, поверхность которого сплошь усыпана обломками поливной и неполивной посуды, стекла, бронзовых предметов. Встречаются крупные бронзовые монеты чекана Хорезмшахов. Много обломков прекрасной люстровой посуды. Но особенно поражает огромное количество фрагментированной стеклянной посуды высокого качества с рельефным орнаментом часто из разноцветного стекла. Тут же много шлаков, свидетельствующих о местном изготовлении стеклянных предметов. Следовательно, можно думать, что рядом с замком феодала сложилось ремесленное поселение, появление которого стимулировалось тем, что поблизости должна была проходить крупная торговая трасса из Хорезма в Хорасан.

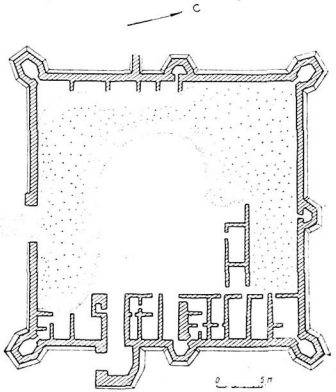


Рис. 37. Безымянный замок в 7,5 *км* к северо-востоку от Даудан-калы

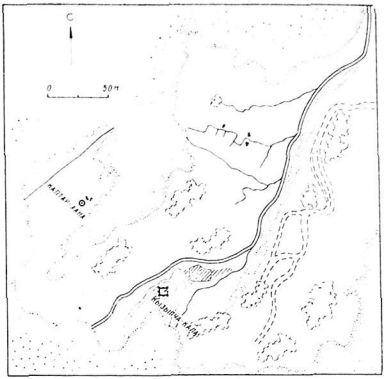


Рис. 38. Кызылча-кала и ее окрестности. Штриховкой показана территория поселения

Несколько специфичным нам кажется другой местный комплекс с прекрасно сохранившейся круглой каптар-ханой, о которой говорилось выше (рис. 38). Возле нее уцелели остатки трех домов: один из них был всего из четырех-пяти комнат, зато два других — большие, площадью 20×14 *м* и 40×30 *м*; один из этих последних разделен коридором на две части, комнаты в которых расположены симметрично. Такая правильная планировка с одинаковыми по виду и размеру комнатами дает основание видеть в этом строении небольшой постоялый двор, очень уместный здесь — рядом с торговым путем и ремесленным поселком. К северо-востоку от этого комплекса среди полей были широко разбросаны отдельные дома и группы жилищ. Среди них выделяется интересная группа построек в виде двух маленьких однокомнатных домов (5×5 *м*) с айваном перед каждым из них и длинного строения, разделенного пополам глухой стеной. В одной его половине располагался ряд изолированных больших помещений, в другой — мелкие клетушки с одной открытой стороной. Все три строения стояли вокруг одного общего огороженного двора. Возможно,

что они также были связаны с какими-то общественными целями.

В зоне между Кызылча-калой и Дауданкалой встречаются развалины зданий с мощными пахсовыми стенами, еще и сейчас возвышающимися местами до 4—5 *м*. Внутренний их план определить не удалось из-за сильного разрушения, но важно отметить следы гончарного производства, зафиксированные возле одного из них.

Прочие оазисы XII — начала XIII в. в Левобережном Хорезме сохранились значительно хуже, будучи освоенными, в отличие от районов системы Чермен-яба, в эпоху Золотой Орды, и потому менее изучены. Можно лишь догадываться, что в рассматриваемый период очень оживленной была сельская местность вокруг Ярбекир-калы, близкой по размерам Шах-Сенему — Субурие (*4,8 га*) и также возникшей в границах былого античного городка[2]. Однако в дальнейшем средневековый город перешагнул границы древнего, разросшись вширь. Важность этого растущего городского центра подчеркивается предпринятым здесь, у самых стен крепости, строительством гигантского по тогдашним масштабам караван-сарая [Вишневская, 1963, 68—72], которое было прервано, по-видимому, угрозой монгольского нашествия. Однако поселения у Ярбекир-калы перекрыты позднейшим золотоордынским слоем и доступны для изучения лишь участками.

Заброшеннее и пустыннее выглядели окрестности Куня-Уаза, где жизнь прекратилась в IV—V вв., лишь на короткий срок и далеко не в полном объеме возродившись в IX в. На большей части площади вокруг городища, широко освоенной в первые века нашей эры, русла больших каналов оставались сухими, а постройки лежали в развалинах, исключая восточную и юго-восточную часть этого огромного былого оазиса, где существовали небольшие рассредоточенные поселения XII — начала XIII в. Вероятно, это объясняется отсутствием здесь в ту эпоху крупных городских центров и торговых путей.

Дальше на запад поселения XII — начала XIII в. на большой площади от Ярбекир-калы до Бутен-тау на западе и Дарьялыка на севере исследованы мало — главным образом потому, что в значительной части недоступны изучению. В эпоху Золотой Орды здесь возник большой оживленный район вокруг городка Шахрлик [Вактурская, 1963, 45—54]; земледельцы в то время распахали или застроили ранее освоенные площади, границы которых поэтому трудно восстановить. Можно лишь утверждать, что плотность населения в XII—XIII вв. здесь была гораздо ниже, чем в середине XIV в., а поселений было меньше. Такие большие, целиком занятые полями и поселениями площади, как в низовьях Чермен-яба или возле Замахшара, здесь в то время отсутствовали.

Важную роль в экономическом развитии этого района, формировании облика поселений, в сложении занятий их жителей и сыграли, по-видимому, природные условия, в частности такие факторы, как своеобразные источники ирригации, каковыми являлись Северный Даудан и Дарьялык. Их водный режим отличался большей неустойчивостью, чем у речных систем, снабжавших водой южные и восточные приамударьинские средневековые оазисы. Можно думать, что вся эта зона характеризовалась большей засушливостью.

Еще в большей степени эти обстоятельства сказались на облике поселений близ Дарьялыка и в междуречье Дарьялыка и Северного Даудана. Здесь гораздо чаще, чем в других местах в это время, встречаются остатки чигирных установок, заброшенных пересохших хаузов. Весь колорит местности совершенно другой. Есть некоторые основания предполагать, что в занятиях населения данного района значительно большее место, чем на Чермен-ябе, должно было занимать скотоводство. Мы увидим ниже, что все эти особенности хозяйственно-географических условий не могли не отразиться на облике поселений и жилищ, придав им ряд специфических черт. К тому же следует учесть, что этот район возник неподалеку от столицы Хорезма — Ургенча и, как мы постараемся показать ниже, нам кажется не исключенным, что его возникновение могло быть связано с выходцами из полукочевой среды, на которую опиралась одна из правящих группировок. Есть основания считать, что наряду с рассредоточенными поселениями и замками, которые мы видели по Чермен-ябу, здесь уже существовали большие поселения со слитной застройкой, типичные для этих мест в последующий период (XIII—XIV вв.). Одно такое поселение, очень разрушенное позднейшими — туркменскими — каналами, обнаружено нами в нескольких километрах от Мангыр-Чардаре.

Вся эта обширная населенная полоса — по существу, большой новый район — возникла неподалеку от столицы Хорезма — Ургенча, в

[2] О. Г. Большаков прав, когда он отмечает, что в Хорезме, как и в других районах Средней Азии, этот путь развития средневековых городов был весьма распространенным [Большаков, 1973, 176]. Однако он, как нам кажется, недооценивает важность для Хорезма другого пути сложения городов — близ замков или других укрепленных, часто пограничных пунктов, прослеживающегося в различные периоды истории Хорезма (см. также: [Толстов, 1949, 240]).

эпоху Хорезмшахов поражавшего приезжих своим богатством и протяженностью. Я. Г. Гулямов пишет, что «в IX—XIII вв. громадная полоса против развалин Куня-Ургенча на левой стороне Дарьялыка представляла собой продолжение этого города: она раскинулась более чем на 10 *км* и была покрыта почти сплошь следами строений, фрагментами кирпича, битой керамики и т. д.» [Гулямов, 134]. Согласно существующим подсчетам, город мог занимать 1 тыс. *га* [Большаков, 1973, 176].

КАВАТ-КАЛИНСКИЙ ОАЗИС

Кават-калинский оазис, как ни один другой из известных нам в районах «земель древнего орошения», кажется оставленным жителями совсем недавно — так живы следы деятельности человека, которые хранит здесь земля.

Всюду в этой обширной, в прошлом земледельческой зоне, протянувшейся на 15 *км* при ширине 2—3 *км* вдоль русел мертвого канала Гавхорэ, видны останцы разрушенных усадебных оград, валы каналов, причудливые силуэты каптар-хан с яркой игрой светотени в многочисленных нишках, руины жилых построек, подчас возвышающиеся над такырами на 2—3 *м*. Уходящие барханные пески, быстро рассасывающиеся благодаря близости больших сбросовых озер, подступающих к оазису с северо-запада, открывают вдруг глинобитную постройку, где можно ходить из комнаты в комнату через целые дверные проемы с арочным завершением. Кажется, что это жилище еще недавно было обитаемым.

Четыре замка, разбросанных на сравнительно небольшой площади центральной части оазиса, замыкавшейся Кават-калой, огромной укрепленной резиденцией его владетеля, как будто совсем не тронуты временем — пахсовые грани углов, гофры башен и даже резные панели стен почти не стерты. Еще недавно кругом все нестрело яркими блестками разноцветных поливных обломков посуды, стекла, бронзы. Фрагменты неполивных черно-серых хумов, хумчей, кувшинов, горшков, мисок так густо усеивают поверхность заброшенных полей, что возникает мысль: не выбрасывали ли их сюда специально?

Особенно разителен контраст этого, как будто еще вчера живого селения и безмолвия барханных песков, местами открывающих совершенно чистые от всяких обломков прошлого плотные поверхности такыров, окружающих оазис с северо-востока. За ними, после почти сплошного «моря» чистых, развеваемых ветром песков, начинаются укрепленные усадьбы раннесредневекового Якке-Парсанского оазиса, так живо передающие колорит совсем другой эпохи. А на севере, в 2—3 *км* от Кават-калы, оазис окаймляют бугры солончаков, протянувшиеся до Топрак-калы и поглотившие остатки земледельческой культуры и жилых построек. Именно здесь особенно хорошо ощущается, как «накладывались» друг на друга наслоения разных эпох на этой обитаемой с глубокой древности земле. Границы разновременных оазисов не совпадали. Поэтому среди солончаков вдруг попадается то разбитый красноглиняный хум архаического периода, то лепная посуда IX—XI вв. с обильным налепным и прочерченным орнаментом. В эти века оазис, по-видимому, был густо населен; однако на остатки интереснейшей эпохи сельджукско-огузских походов сейчас можно наткнуться лишь случайно.

В XII — начале XIII в. оазис, особенно в центральной своей части, близ Кават-калы, на площади 8 *кв. км*, был очень плотно заселен: здесь отмечено 90 усадеб. Исследователи оазиса усматривают в их расположении тяготевшие к каналам большие группы, подчиненные в каждом случае определенному замку [Андрианов, 143; Толстов, 1948, рис. 94].

Говоря о топографии оазиса, нужно прежде всего отметить хорошо выделяющиеся зоны вокруг замков, занятых большими, не застроенными в прошлом площадями, сохранившими следы пашен. Можно полагать, что здесь были угодья самих владетелей замков; в некоторых случаях даже удалось установить их немалые размеры. Так, площадь земельных угодий замка II равнялась по меньшей мере 800×500 *м*.

Отчетливо вырисовывается общественный центр оазиса — Кават-кала и сооружения в ее ближайших окрестностях. Раскопки показали, что большая и несколько отличавшаяся особенностями своей планировки от других построек оазиса усадьба № 16 на самом деле была ханакой — странноприимным домом для религиозных подвижников — дервишей, шейхов,— построенной при мазаре [Вактурская, Вишневская, 167]. Рядом с Кават-калой прослеживается кладбище с разрушенными надгробиями из обожженных кирпичей. К западу от них, в развилке нескольких каналов, переплетавшихся и образовавших замысловатые петли, угадываются очертания большого участка, сейчас окруженного почти снивелировавшейся до уровня такыров оградой с ок-

руглыми башнями по углам. Площадь этого участка, названного «1б», достигала 200×150 *м*. Башни, судя по сравнительно хорошо сохранившейся юго-восточной, вряд ли имели серьезное военное назначение, скорее всего это были декоративные сооружения. Сам же участок, как нам кажется, был занят садом или парком, безусловно имевшим отношение к рассматриваемому центру оазиса, прежде всего к самой Кават-кале. Где-то здесь, вероятно, стояла мечеть, может быть и не одна, но пока их местоположение сколько-нибудь достоверно определить не удалось. Перспективны в этом отношении раскопки «дома № 25» — однокомнатной постройки, выделяющейся необычностью очертаний.

Поселение в целом носит ярко выраженный земледельческий характер. Слабые следы гончарного производства зафиксированы только на его восточных окраинах, где находилось не более 4—5 круглых печей небольшого диаметра. Трудно предположить, что их продукция могла обслужить такую огромную населенную зону. В то же время у нас пока отсутствуют сведения о других остатках гончарных печей в оазисе.

Описываемая центральная часть оазиса представляла собой, в сущности, очень компактный поселок, среди которого тем более должны были выделяться несколько замков — своей архитектурой, монолитностью пахсовых стен, обширностью незастроенных зеленых угодий. В компактной застройке наличие отдельных групп (уже упоминавшихся выше) определяется с трудом. Они образовали близко расположенные «гнезда» усадеб, смыкавшихся оградами. В черте каждой, как правило, стояли жилой дом и каптар-хана, причем последняя в большинстве случаев занимала часть садового участка поблизости от канала или арыка и значительно реже входила как одно из помещений в состав дома. Иногда внутри усадьбы была и другая жилая постройка, а в крупных — даже несколько, но таких усадеб немного. Как правило, они встречаются на окраинах оазиса, свободно располагаясь среди полей в отличие от компактных «гнезд» центральной его части. Размеры таких крупных окраинных усадеб составляли 132×172 *м* (№ 79), 150×80 *м* (№ 19), 200×170 *м* (№ 76), в центральной части поселения они занимали несколько меньшую площадь — 80×50 *м*, 100×57 *м*, 80×42 *м* и т. д. (Подробнее о крупных усадьбах в оазисе рассказывается ниже, при описании раскопок усадьбы № 43.)

Несколько слов о постройках данного поселения.

Согласно обмерам 32 домов центральной части оазиса площадь 15 из них составляла от 250 до 400 *кв. м*, 13 — от 100 до 200 *кв. м* и 4 — до 100 *кв. м*. Таким образом, площадь 50% обмеренных построек превышала 200 кв. м. Есть основания полагать, что эти цифры отражают соотношения размеров жилищ и на остальных участках оазиса.

Тщательное обследование всех сохранившихся построек центральной части оазиса (планировку можно было определить только в 36 случаях) показало, что большинство из них столь единообразно, как если бы в основу строительства был положен один и тот же «типовой проект». Несмотря на заметную подчас разницу в размерах, в них повторяется одна и та же схема. В простейших случаях это центральный коридор и четыре комнаты (попарно с каждой его стороны), в более сложных — коридор имел входной тамбур, а каждая половина дома состояла из большого числа разных по площади и очертаниям комнат. В некоторых, главным образом крупных, домах этого типа имелось два входных тамбура в противоположных концах коридора. Такие дома близко напоминают жилые постройки с центральным квадратным или прямоугольным помещением, также распространенные в оазисе.

Для раскопок были выбраны три постройки: дома № 60, № 41 и № 43. Исследование дома № 60 близ Кават-калы позволило познакомиться с небольшими домами оазиса, составлявшими большой процент построек непосредственной периферии Кават-калы. Дома № 41 и № 43 — образцы больших жилых построек. К тому же дом № 43 стоял внутри значительной по площади усадьбы, где имелись еще какие-то примыкавшие к нему строения, по-видимому хозяйственные постройки. Обследование этого комплекса позволило нам уточнить облик больших усадеб оазиса, о которых говорилось выше.

Все эти постройки относятся к периоду расцвета оазиса (XII — начало XIII в.), и одна лишь усадьба № 43 пережила монгольское нашествие.

Кават-калинский оазис в отличие от описанных выше поселений первых веков нашей эры исследовался ранее, широко известен специалистам, и датировка его установлена [Толстов, 1948, 155—164; его же, 1949, 277—280; Вактурская, Вишневская, 150—167; Вактурская, 1964, 107]; поэтому мы не станем подробно описывать находки, надеясь в свое время посвятить исследованию материальной культуры Хорезма в XII — начале XIII в. специальный труд. Поэтому ниже в связи с описанием помещений будут лишь кратко перечислены находки, сделанные при их раскоп-

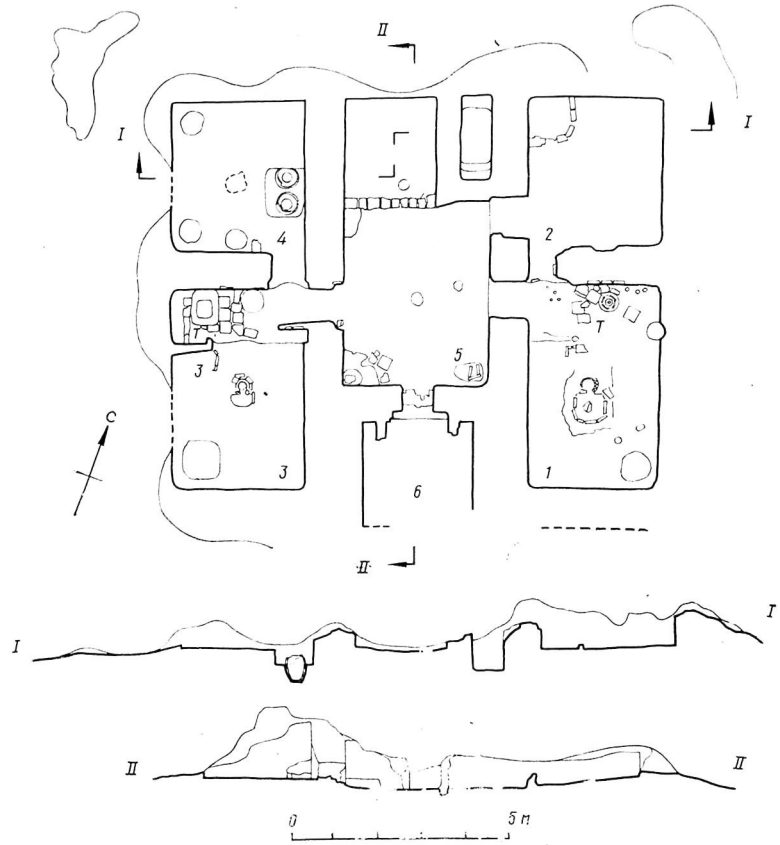


Рис. 39. Дом № 60 в Кават-калинском оазисе

ках. Среди них к тому же преобладает керамика, несколько расширяющая представление о наборе посуды в XII — начале XIII в. (см.: [Вактурская, 1959, 300—328]), но принципиально не меняющая установленных ранее датировок.

Дом № 60, сохранившийся в виде невысокого бугра, был построен из пахсы, имел размеры 10×12 *м* и двумя параллельными степами делился на три примерно равные части. Обе части, расположенные по краям, в свою очередь, делились поперечной стенкой на два помещения; посредине предполагался коридор, потому что никаких перегородок здесь до раскопок видно не было (рис. 39). Помещения были освобождены от заполнявшего их довольно плотного слоя (мощностью не более 0,7—0,8 *м*) мелко- и крупнораздроб-

ленных обломков пахсы. Помещения восточной и западной частей оказались очень симметрично расположенными относительно среднего. Восточный ряд состоит из помещений, получивших номера 1 и 2. Первое, № 1, размерами 5,4×3,4 *м*, прямоугольных очертаний, соединенное дверными проемами с помещением № 2 и центральной частью дома, по-видимому, можно считать жилой комнатой. В ее середине находился очаг в виде вмазанного в пол талькового котла, перед которым было сделано квадратное углубление (1,3×1,3 *м*) со стенками, облицованными обожженными кирпичами. В полу, слегка вытоптанном и присыпанном золой, обнаружены две ямки от столбиков диаметрами 15 и 13 *см*. В юго-восточном углу комнаты раскопана большая округлая яма диаметром 1,3 *м* и глубиной около 0,5 *м*, заполненная рыхлым грунтом. Северная часть комнаты сильно разрушена из-за того, что здесь находился водосток — ташна, причем сточная яма покрывалась каменной плитой, сделанной из серого мрамора. Ее верхняя плоскость орнаментирована рельефным узором в виде шестиугольной звезды с различными дополнениями. В центре плиты имеется небольшое округлое отверстие. Из весьма немногочисленных находок в комнате следует отметить несколько фрагментов двух маленьких бронзовых зеркал, причем на одном из них сохранился остаток острия, насаживавшегося на ручку. Обратная сторона этого зеркала была орнаментирована, но характер орнамента из-за плохой сохранности предмета непонятен.

Соседнее помещение № 2, занимавшее северо-восточный угол дома, было меньше описанной комнаты (6×6,8 *м*). В его северо-западном углу обнаружен полукруглый закром, сделанный из половинок сырцовых кирпичей. Высота его стенок — 0,3 *м*, в заполнении находок не было. Пол помещения очень ровный, плотный, со следами слабой опаленности в центре; возможно, здесь когда-то стояла жаровня с горячими углями. В числе находок отметим небольшой фрагмент бронзового светильника с фигурно вырезанным краем. Форму его можно представить по более крупным обломкам этих предметов, найденных в других домах оазиса, о которых речь пойдет дальше.

Западная часть дома, как уже говорилось, также состояла из двух помещений. Одно из них, № 3, расположенное против помещения № 1 и также являвшееся жилым, повторяет его облик: посредине находился круглый очаг, сходный с открытым в помещении № 1, но несколько меньший, а в северной части — ташна, покрытие которой не сохранилось; ясно лишь, что это была квадратная плитка размерами 0,6×0,6 *м*. Пол вокруг ташны выстлан обожженными кирпичами. Здесь же, рядом с ташной, зачищена округлая яма диаметром 0,45 *м* и глубиной 0,4 *м*, вероятно для установки хума или большого кувшина для воды. Эта часть комнаты с ташной и сосудом (может быть, предназначенная для умывания) была отгорожена деревянной перемычкой, свидетельством чему является след от ее нижнего бревна, торец которого заглублен в восточную стену комнаты. Ширина бревна — около 0,25 *м*. От прохода в восточной стене внутрь комнаты шла тонкая глиняная стенка высотой 0,75 *м*, продолжавшая линию деревянной перегородки.

В юго-западном углу этой комнаты находилась большая четырехугольная яма (размеры — 0,68×0,84 *м*, глубина — 0,52 *м*), заполненная рыхлым грунтом.

Если теперь, учитывая отмеченные детали планировки помещения № 3, обратиться еще раз к планировке помещения № 1, то становится совершенно очевидным, что его северная часть, где, как мы отмечали, пол разрушен и вытоптан, также в свое время была вымощена обожженными кирпичами и, видимо, отделена перегородкой от остальной части комнаты. Таким образом, помещения № 1 и № 3 оказываются совершенно однотипными по плану. Второе из помещений западной части дома, сообщаясь с только что описанной жилой комнатой (№ 3) и с центральным коридором, занимало северо-западный угол дома. Здесь много округлых ям примерно равного диаметра — 0,45—0,5 *м*. Две из них находились в юго-западном и северо-западном углах, а две — в большой яме четырехугольных очертаний, где стояли два кувшина (в ямах сохранились их донные части). На полу посреди помещения виден опаленный след, вероятно от жаровни. В этом помещении собраны обломки неполивной керамики и сосудов со светлой серебристой, а также зеленой и бирюзовой поливой, хорошо датирующиеся XII — серединой XIII в. Кроме них найдены крупные фрагменты каменных лощил, плоского тонкого жернова и глиняного сосуда с бронзовыми скрепками.

Центральная часть дома занята, как говорилось, коридором (№ 5 на плане). В южной его части близ входа в дом находились очаги, настолько разрушившиеся, что конструкция их полностью не восстанавливается. Ясно лишь, что они были разными: один из них сделан из сосуда, другой — из обожженных кирпичей в виде буквы П. Существует предположение, что вырытые в земле П-образные очаги, открытые в средневековых построй-

ках Южной Туркмении, использовались для кипячения чая [Атагаррыев, 1971, 154].

Северная часть коридора была отгорожена тонкой перемычкой из сырцовых кирпичей, образуя нечто вроде большого закрома размерами 2×2,5 *м*. Поскольку перемычка оказалась очень тонкой (0,25 *м*) и с многочисленными отверстиями, похожими на продухи понизу, вряд ли она могла быть высокой. Скорее всего отгороженная часть коридора служила закромом, но утверждать что-либо определенное трудно, так как в завале никаких остатков ее заполнения не сохранилось. Весьма интересна восточная стена «закрома»: это, по существу, единый широкий пахсовый массив с узким коридором внутри. Ширина всего массива — 2,25 *м*, ширина внутреннего коридора — 0,75 *м*. Находок в коридоре не было, на кладовую он не похож; в южном его торце имеется нечто похожее на уступы-ступени. Быть может, это лестница для подъема на крышу? Толщина стен в указанной части коридора вполне допускает существование второго этажа. Раскопки других домов оазиса подтвердили наше предположение.

Не менее интересна южная часть центральной секции дома, где находился вход. Он имеет вид прямоугольного небольшого помещения с массивными стенами, своей шириной (1,85 *м*) более чем в два раза превосходящими остальные стены дома. Южной стороной помещения, вероятно, являлись ворота; во всяком случае, никаких следов глинобитной стены тут не сохранилось.

Узкий дверной проем шириной 0,75 *м* соединял входную часть дома с коридором. Можно думать, что описанная входная часть дома была перекрыта, а толщина стен является, как нам кажется, свидетельством в пользу существования над ней второго этажа. Вероятно, крыша использовалась обитателями дома, как это делалось во все времена на Востоке.

Из приведенного описания нетрудно определить назначение помещений дома № 60. Ниже станет ясно, что детали планировки, присущие обоим помещениям близ входа в дом, типичны для жилых комнат средневековых жилищ Хорезма, в свою очередь легко, в отличие от жилищ первых веков нашей эры, сопоставимых с внутренней организацией жилых построек Хорезма, известных по данным этнографии. Так, открытые очаги в виде площадки с углублением или просто углубления в полу являются прообразами хивинских тандырча — отопительных очагов-площадок, на которые клались горячие угли и вокруг которых грелись обитатели дома. Согласно сведениям некоторых исследователей (например, М. И. Иванина [Иванин, 112]) и записям А. Н. Жилиной (сделаны в колхозе имени XXII партсъезда 16 мая 1966 г.), в хивинских домах посредине жилых комнат находилась яма для огня, а в потолке над ней делалось отверстие для выхода дыма. Есть некоторое сходство между нашим очагом и таджикским чахлак: это яма в полу диаметром 0,6—0,8 *м*, глубиной 0,5—0,6 *м* в форме усеченного конуса, она использовалась для обогрева помещения [Писарчик, 1972, 39—40].

Одна из таких комнат могла служить михман-ханой — комнатой для гостей, как правило помещавшейся в Хорезме в XIX — начале XX в. возле входа в дом. Этнографические материалы показывают, что очаги для приготовления пищи находились в коридоре (дализе) современных домов сельского населения Хорезма, близких, как мы увидим, к описываемым.

Можно предположить и сходные функции коридора № 5, служившего одновременно хранилищем. Торец дома занимали, вероятно, хозяйственные помещения № 2 и № 4. Над входом, во втором этаже, могла помещаться кладовая.

Раскопки дома № 60 позволили понять некоторые детали плана дома № 2, раскопанного в довоенные годы [Толстов, 1948, 161, рис. 98]. Сравнение показывает, что обе постройки сходны почти до малейших деталей. Поэтому теперь можно не сомневаться, что центральную часть дома № 2 следует также рассматривать как коридор с отгороженным в его торце большим закромом и лестничной клеткой — подъемом наверх. Очень вероятно, далее, что стены входа в дом № 2, утолщенные сравнительно с другими стенами дома, служили опорами для навеса и второго этажа над ним.

Большой интерес представляют своеобразные лестничные клетки, с которыми мы впервые столкнулись при раскопках описанного дома и назначение которых было далеко не сразу понятно. Впоследствии оказалось, что в некоторых постройках оазиса они уцелели почти на всю прежнюю высоту, храня на стенах следы гнезд от деревянных перекладин лестницы. Такая хорошая сохранность легко объясняется мощностью стен, внутри которых устраивалась лестничная клетка.

Дом № 41 в числе двух-трех других жилых строений стоял в развилке нескольких больших каналов возле упоминавшегося выше парка или сада близ Кават-калы, окруженного оградой с округлыми башнями по углам. Ограды усадеб, примыкая друг к другу, «расчерчивали» здесь поверхность на несколько четырехугольников, вдоль сторон которых про-

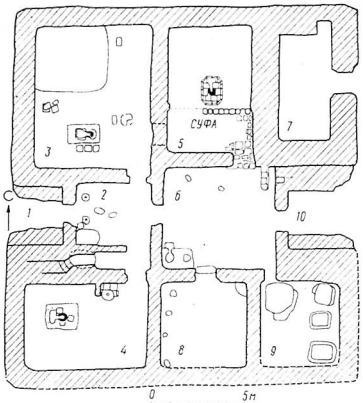


Рис. 40. Дом № 41 в Кават-калинском оазисе

слеживаются русла окаймлявших участки арыков.

Описываемый дом представлял собой квадрат со стороной 17 *м* и состоял из 9 помещений, расположенных в три ряда. Центральный ряд на две трети своей общей площади был занят входными вестибюлями (рис. 40 и 41). Восточный вестибюль отличался очень массивными стенами, по толщине в два раза превосходившими стены прочих комнат дома (1,2 *м* против 0,6 *м*). В западном вестибюле внутри массивной западной стены была сделана лестничная клетка шириной 0,7 *м*. Основания этих утолщенных стен (вся нынешняя высота дома едва превышает 0,8—1 *м* в самой сохранной его части) носят отчетливые следы приставных блоков, и, в общем, весь массив стен вестибюлей выкладывался, видимо, в несколько приемов. Между западным вестибюлем и центральным помещением находилось маленькое проходное помещение № 2. Характерная деталь его внутреннего оформления — два небольших жернова диаметром 0,3 *м*, лежавших по обе стороны дверного проема, ведшего в вестибюль. Жернова явно не использовались по назначению, возможно, это были подпятники. Тут же обнаружены фрагменты бирюзовой и желтой поливных чаш и бронзовое колечко, перевязанное ниточками.

В обоих крайних помещениях (№ 3 и № 4) западной стороны дома находились очаги одинаковой конструкции: круглые, углубленные в пол на 0,3—0,35 *м*, диаметром около 0,3 *м* с четырехугольной предочажной ямой перед топкой. Очаги располагались в четырехугольной выкладке из сырцовых кирпичей, почти не возвышавшихся над поверхностью пола, и обращены устьями на запад. Один из очагов был сделан из старого сосуда, а другой вырезан в земле и обмазан глиной.

Северная часть довольно просторного помещения № 3 в свое время была отгорожена легкой перегородкой и занята большой ямой размерами 3×3,6 *м* и глубиной 1,5 *м*, в заполнении которой найдено много обломков посуды, в основном серой, неполивной. В восточной части этой, видимо, жилой комнаты по обе стороны очага примерно на одной линии выявлены остатки двух выкладок 0,4×0,4 *м* из сырца и обломков кирпичей, уложенных в два ряда по высоте, равной 0,2 *м* (рис. 40). Скорее всего они служили основаниями для столбов, поддерживавших кровлю.

В противолежащем помещении № 4 помимо уже упомянутого очага у северной стены уцелели остатки тонкой глиняной перегородки, ограничивавшей низенькую кирпичную выкладку под жернов, найденный in situ.

Описанный ряд помещений в западной части дома можно считать сугубо хозяйственным, связанным, видимо, в большей степени с женской половиной дома, чем следующие два ряда, включая центральный. Наиболее парадным из всех помещений дома было обозначенное нами № 5, среднее в северном ряду. Треть его площади занимала невысокая суфа, облицованная обожженными кирпичами, сейчас кладка нарушена и уцелела не на всей поверхности суфы. Вплотную к ней примыкала четырехугольная низкая очажная вымостка также из обожженных кирпичей с округлым очагом посредине. Диаметр очага — 0,2 *м*, глубина — 0,3 *м*, ширина топки — 0,15 *м*, размеры выкладки — 1,4×1 *м*, ее высота — 0,1 *м*. Следовательно, это был такой же очаг, как и в комнатах № 3 и № 4, но парадно оформленный. Находок здесь почти не было.

В помещении № 6 (центральном) у северной стены на полу видны полукруглые удлиненные углубления размерами 0,2×0,3 *м* со слегка опаленными огнем краями и следами золы. Вероятно, это ямки, куда складывались горячие угли для обогрева. Угли брали из очага, находившегося тут же, в юго-западном углу. Очаг — круглое отверстие диаметром 0,3 *м*, глубиной 0,4 *м*; сделано в глинобитной выкладке размерами 1,5×0,85 *м* и высотой 0,4 *м*. Ширина топочного устья очага равна 0,25 *м*. Это — единственный из всех существовавших в доме очагов, на котором было удобно готовить еду. Он почти не отличается от широко распространенных в недавнем прошлом и встречающихся еще и сейчас средне-

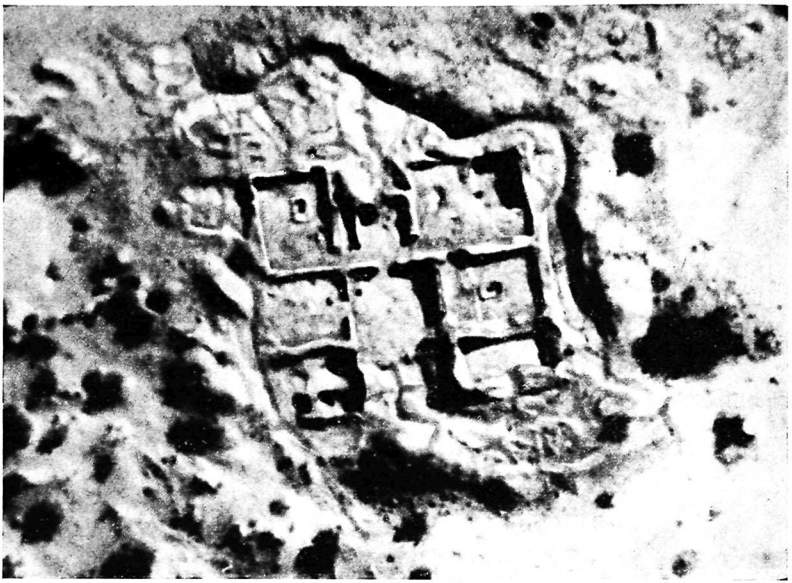


Рис. 41. Дом № 41 в Кават-калинском оазисе. Аэрофото

азиатских очагов для приготовления пищи [см.: Жданко, 1958, 748, рис. 19; Писарчик, 1972, 41]. Юго-восточный угол дома занимали помещения № 8 и № 9, сообщавшиеся с центральным посредством дверных проемов в южной стене последнего. Примерно равные по величине, они ничем не напоминали друг друга. Однако, если назначение одного из них, № 9, не вызывает сомнений, так как вся площадь пола занята разных размеров ямами для хранения продуктов, то другое, № 8, пусто, и лишь вдоль его западной стены обнаружено несколько круглых маленьких ямок диаметром 0,2 *м* и глубиной — 0,1—0,15 *м*, оставшихся, наверное, от какой-то столбовой конструкции неясного назначения.

Несколько слов о помещении № 7 в северо-восточном углу дома, не связанном с прочими. Его пол, покрытый очень плотными, хорошего качества глиняными обмазками, несколько приподнят по отношению к общему уровню полов в доме. Стены много толще обычных; они достигают 1,1 *м* ширины, что наводит на мысль, что помещение было двухэтажным или, во всяком случае, большей высоты, чем другие в доме. О его назначении можно только догадываться. Скорее всего это было сооружение типа каптар-ханы, но лишенное нишек. Такие каптар-ханы существовали в оазисе; кроме того, не исключено, что комната с нишами могла занимать второй этаж. Это помещение, как и соседнее с ним № 5, могло служить михман-ханой.

Возле дома, у ограды усадьбы, стояла еще какая-то небольшая постройка из одного-двух помещений, очень разрушившаяся, но по ряду признаков почти уверенно можно сказать, что она была нежилой.

С другой стороны дома, у его северного угла, раскопан большой тандыр, рядом с которым найден нижний камень большого жернова типа харас (приводившегося в движение силой животного).

Монет в доме не найдено, но весь набор

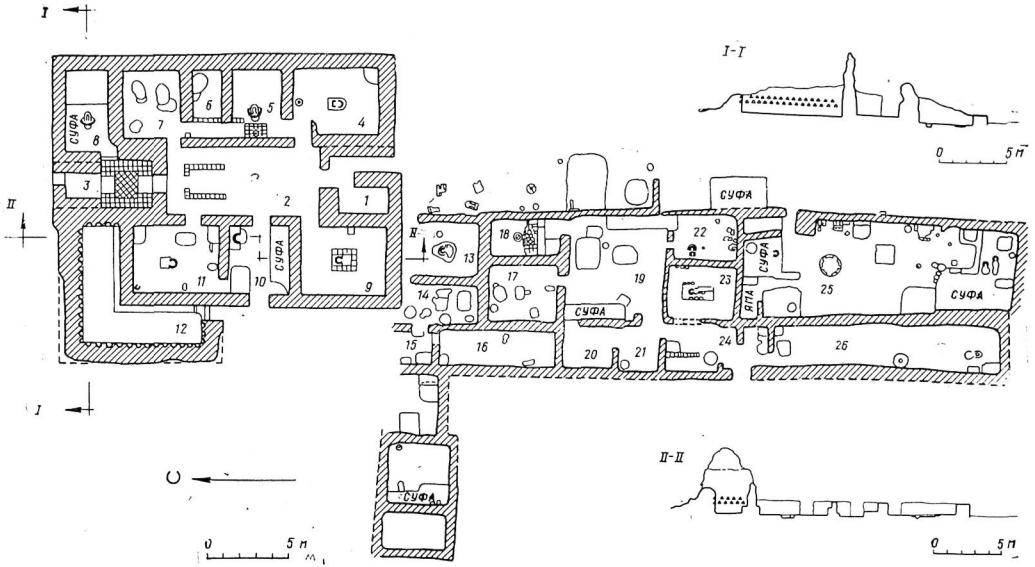


Рис. 42. Дом № 43 в Кават-калинском оазисе. План и разрез. В помещении № 3 показана кирпичная вымостка пола

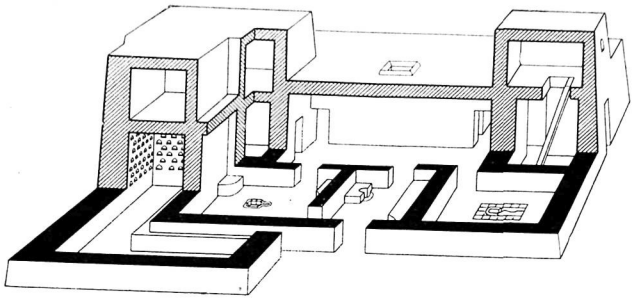


Рис. 43. Дом № 43 в Кават-калинском оазисе. Реконструкция

посуды (хумы, хумчи, водоносные кувшины с высоко поднятым над горлом основанием круглой в сечении ручки, поливные бирюзовые с черным рисунком миски на дисковидном поддоне и др.) вполне укладывается в рамки XII—XIII вв.

Открытие в центральном помещении очага, сделанного в специальном очажном возвышении, прислоненном к стене, и отличавшегося, таким образом, от открытых центральных очагов-углублений в полу или низкой площадке, подтверждает предположения, высказанные при описании дома № 60. Это позволяет с уверенностью полагать, что в доме № 41 были две жилые комнаты (№ 3 и № 4), парадное помещение № 5, помещение № 6, где готовили пищу и могли также жить в зимнее время, и несколько хозяйственных, в том числе кладовая № 9. Кладовые могут помещаться также в верхнем этаже.

Дом № 43 стоял в северо-восточном углу сравнительно большой усадьбы (73×53 *м*), на территории которой помимо него угадываются и другие постройки, принятые нами за стоявшие порознь хозяйственные строения. На примере этой усадьбы предполагалось выяснить планировку хозяйственных построек, их назначение и взаимосвязь с жилыми строениями, уточнить их расположение на площади приусадебного участка. Как мы увидим ниже, раскопки привели к неожиданным результатам.

Дом, занимавший площадь 21×15 *м*, оказался правильным прямоугольником с очень четкой планировкой (рис. 42). Посредине проходил четырехметровой ширины коридор с двумя вестибюлями-выходами на противоположных концах — северном и южном (рис. 43). Южный вестибюль, по существу, был не более как узким коридорчиком, так как основную его площадь занимала лестничная клетка в виде удлиненного прямоугольного помещения размерами 1×2 *м*, ограниченного мощными пахсовыми стенами толщиной 1,3 *м*. Пол этого помещения был вымощен обожженными кирпичами, причем в центре кладка испорчена позднейшими ямами.

Противоположный, северный вестибюль являлся, безусловно, парадным входом, однако первоначальный его облик во всех деталях не восстанавливается — его ремонтировали и переустраивали в эпоху Золотой Орды, когда дом осваивали новые обитатели. Можно предполагать, что вначале это было квадратное помещение 2,7×2,7 *м*, ограниченное толстыми пахсовыми стенами (1,3 *м* шириной) с западной и восточной сторон. Стены были покрыты алебастром с росписью в виде орнаментальной полосы, выполненной в основном яркой синей краской; кроме нее использовались также красная и черная. Уцелевшие маленькие фрагменты росписи позволяют перечислить только некоторые элементы орнамента — розетки, кружки с точкой посредине, переплетение полос; к сожалению, нельзя представить орнамент в целом. По-видимому, это была ярко-синяя панель, окаймленная бордюром.

Пол в вестибюле был вымощен обожженными кирпичами так, что посредине получалась имитация коврика. Перед каждым из двух противолежащих проходов лежала мраморная плита. Одна — из красивого серо-голубого мрамора (размерами 0,9×0,8 *м*) — сохранилась. Место, где была вторая, очерчивается в кирпичной вымостке пола правильным четырехугольным углублением размерами 0,9× ×0,7 *м*. У южного дверного проема (заложенного) на полу найдена крупная бронзовая

монета чекана Хорезмшахов, датирующая время постройки дома.

Северная часть вестибюля выглядит как бы приставленным к описанному маленьким помещением с земляным неровным полом и пахсовыми стенами. Последние пристроены к ранее существовавшим таким образом, что закрыли их алебастровую расписную поверхность. Можно предположить, что в хорезмшахский период дом не имел тех правильных очертаний, какие приобрел впоследствии, так как за линию его внешних стен выступала каптар-хана в форме буквы Г, огибавшая северо-западный угол дома. Вдоль южной и восточной стен этого помещения сделана скамейка или, скорее, полочка из одного ряда сырцовых кирпичей по ширине, высотой 0,5 *м* от уровня пола, на которой при помощи перегородок из поставленных на ребро сырцовых кирпичей устроено нечто вроде маленьких ячеек.

Все стены каптар-ханы покрыты хорошо сохранившимися пишками сегментовидной формы, размерами 0,2 (0,3)×0,25 *м*, начинавшимися на высоте 0,6 *м* от пола и расположенными рядами. На высоте 3,2 *м* пахсовая кладка стены сменяется кирпичной. Видимо, здесь начинался верхний этаж, стены которого имели скорее всего гладкую поверхность. Уровни полов верхнего этажа могли быть на разной высоте. Так, в отличие от каптар-ханы в вестибюле гнезда от межэтажного перекрытия зафиксированы на высоте 2,5 *м* от уровня пола.

Нам казалось очень важным в свете продолжающейся дискуссии о назначении построек типа каптар-ханы определить, как использовалось столь парадно оформленное помещение. К сожалению, разобраться в этом не представилось возможным, так как каптар-хана, как и другие хорошо сохранившиеся помещения, обживалась второй раз после монгольского нашествия и назначение ее в этот период обитания в доме, надо полагать, изменилось. Так, например, слои навоза, перемежавшиеся глинисто-песчаными намывами, которые залегали под полом в середине постройки и спускались полого со стен, относятся к раннему времени. Скорее всего они накопились тогда, когда крыша была повреждена. Слои навоза перекрыли две округлые ямы в полу (диаметром 0,5×0,3 *м*), свидетельствующие о том, что здесь когда-то стояли хумы или большие кувшины. К первоначальному периоду существования постройки можно отнести обломки найденного в завале и, видимо, упавшего с верхнего этажа желтоглиняного кувшина с шаровидным расширением у края высокого узкого горла и низким уплощенно-шаровидным туловом. Подобные кувшины, подражающие в глине металлу или стеклянным изделиям, встречаются и на развалинах других усадеб оазиса, входя в набор столовой парадной посуды состоятельной части населения оазиса.

Каптар-хана не сообщалась непосредственно с прочими помещениями дома. В нее вел узкий коридорчик, тянувшийся вдоль всей западной стены дома и связывавший каптар-хану с постройками вне его.

Помещение № 8, возникшее при перестройке северной части дома, занимало северо-восточный угол последнего, сообщаясь только с вестибюлем. Не исключено, что его появление вызвано необходимостью выровнять линию внешней северной стены, сделав ее из ломаной прямой, а дом превратить в правильное прямоугольное строение. Неправильная форма дверного проема помещения № 8 выделяет его из других в доме, построенных гораздо тщательнее. В середине помещения № 8 находился подковообразный очаг с глиняными стенками диаметром 0,35 *м*, сделанный вместо какого-то первоначального, имевшего округлое углубление. Особенности этой замены (а в такой же последовательности менялся очаг и в помещении № 5, явно входившем органической частью в первоначальный массив дома) как будто противоречат только что высказанному суждению о появлении помещения № 8 в период вторичного обживания дома. Однако, как нам кажется, одно не исключает другого — переделка очагов могла быть произведена в самые последние сроки существования всей постройки.

Все прочие помещения восточного ряда, за исключением описанного, сообщались друг с другом посредством «скользящих» дверных проемов в южных стенах, расположенных по одной оси таким образом, что вдоль общей для всего ряда северной стены получался узкий проход.

Помещения № 6 и № 7 восточного ряда были хранилищами. Во втором значительную часть площади занимали две большие овальные ямы глубиной 0,9 *м*. В северо-западном углу, по-видимому, стоял врытый в землю хум. В большой яме найдены обломки бирюзовой поливной чаши и сердоликовая бипирамидальная бусина.

Судя по картине разорения, открывавшейся в результате раскопок, соседнее помещение № 6 в последний период жизни в доме было необитаемым: к южной его стене были прислонены стопкой крупные обожженные кирпичи, вероятно снятые из вымостки пола; близ восточной стены обнаружена развороченная ташна.

Зато следующее в описываемом ряду помещение — № 5 — использовалось в качестве жилого во все времена существования дома. Первоначально здесь располагался круглый керамический очаг диаметром 0,5 *м*, позднее его переделали в подковообразный шириной 0,2 *м*. Прямо в проходе, ведшем в комнату, в пол вмонтирована выложенная из обожженных кирпичей выкладка ташны размерами 1,3×0,9 *м* с отверстием для стока воды, оформленным в виде восьмиугольной звезды.

Самое большое помещение, № 4, занимавшее юго-восточный угол дома, производит впечатление наиболее обжитой комнаты. В центре находился очаг в виде округлого углубления диаметром 20 *см* с четырехугольной предочажной ямой, ограниченной поставленными на ребро обожженными кирпичами. Поверхность пола вокруг этого очага выложена сырцовыми кирпичами, образующими четырехугольную вымостку размерами 1×0,75 *м*, почти не возвышавшуюся над полом. У северной стены помещения находилась ташна в виде поставленной над ямой горлом вниз старой хумчи без дна, закрытой сверху обожженным кирпичом с круглым отверстием посредине.

В комнате найдено много обломков различной посуды, что дополнительно подчеркивает ее жилой облик. В числе прочих находок особо интересен круглый мраморный предмет с рельефным изображением креста на одной из плоских сторон.

Пользуясь двумя проходами в западной стене, из восточного ряда помещений можно было попасть в центральный коридор, вскрытый только по верхнему уровню, соответствующему последнему периоду жизни в доме. Тогда, судя по целому ряду признаков, назначение центральной секции дома, занятой вестибюлями и коридором, изменилось.

Проем в северной стене коридора был заложен плотным слоем пахсы, и, следовательно, северный вестибюль уже не использовался как парадный вход в дом, а коридор был превращен в непроходное помещение, в северном торце которого возвели П-образное сооружение со стенками из одного ряда сырцовых кирпичей высотой 1,2 *м*. В середине северной его стены остался узкий проем, а вокруг сооружения с трех сторон образовались узкие проходы, в какой-то момент специально забитые плотной глиной. Полы их вымощены обожженными кирпичами, возможно сохранившимися здесь от более ранней общей вымостки всей площади пола этого помещения. Не исключено, что П-образное сооружение можно рассматривать как своего рода «почетное место» хозяина дома. Совершенно такое же сооружение открыто в парадном помещении здания XIV—XV вв. в Киргизии, которое рассматривается как дворцовое [Заурова, 1970, 32—34].

В западном ряду помещений среднее (№ 10) было проходным и единственным в доме, имевшим выход непосредственно наружу. Всю его южную часть занимала глинобитная суфа шириной 1,1 *м* и высотой 0,4 *м*. Против нее, в северо-восточном углу, открыта сложенная из обожженных кирпичей выкладка высотой 0,40 *м* с круглым очажным углублением диаметром 0,35 *м*, стенки которого укреплены обломками обожженных кирпичей и затем обмазаны глиной. Всю западную часть площади пола занимала четырехугольная яма длиной 2 *м*, шириной 1,4 *м* (ее глубина не установлена).

Данное помещение сообщалось с соседним — № 11, а последнее, по первоначальному замыслу,— также и с центральным коридором; впоследствии проем, который вел в коридор, был заложен.

Вся северная часть помещения № 11 была устлана слоем растительных подстилок и камышовых циновок, оставлявших открытым только очаг — круглое углубление в полу диаметром 0,35 *м*. Его устье выходило в четырехугольную предочажную яму, ограниченную поставленными на ребро обожженными кирпичами. Рядом с этим очагом на поверхности пола видны очертания другого очага, такой же формы, использовавшегося, видимо, *несколько раньше, а потом разрушенного и за*крытого слоем глины, а в разных местах — еще несколько опаленных ямок, куда, должно быть, складывались горячие угли для обогрева. Планировку помещения дополняли две кирпичные вымостки, поставленные друг против друга и достигавшие высоты 0,6 *м*. Эта явно жилая комната сохранилась лучше других, особенно ее северная стена, общая с каптар-ханой и возвышающаяся сейчас более чем на 5 *м*. Поверхность ее узкими надрезами разграничена на пахсовые блоки размерами 40×50 *см*, 50×60 *см* и 60×60 *см*. Среди находок в комнате, основную массу которых составляли обломки сероглиняных сосудов, следует выделить фрагменты оконного стекла круглой формы с ободком по краю и зооморфную ножку бронзового светильника, форма которого была восстановлена позже, в результате других находок в оазисе. Выяснилось, что эти светильники имели высокий ствол, крепившийся на слегка вогнутой подставке-чашечке, опиравшейся на три зооморфные ножки. И ствол, и подставка богато украшались прочерченным орнаментом. Подобные светильники имели, по-видимому, распростра-

нение в средневековой Средней Азии [Атагарриев, 973, 66, рис. 21; Сенигова, 1972, 163; ее же, 1968, 210—213, рис. 2].

Последнее помещение, № 9, сообщалось только с коридором, занимая юго-западный угол дома. Оно отличалось от жилой комнаты (№ 4), лежавшей по другую сторону вестибюля, только деталями. Здесь в центре также находилась четырехугольная вымостка из сырцовых кирпичей, почти не возвышавшаяся над полом, с круглым очажным углублением (диаметр устья — 0,30 *м*; расширялось к середине до 0,45 *м*, затем снова суживалось ко дну) и предочажной ямой. Против очага, у восточной стены, угадывается разрушенный закром, ограниченный с двух сторон поставленными на ребро сырцовыми кирпичами. Участок пола у северной стены разрушен. Создается впечатление, что здесь стоял какой-то четырехугольный большой предмет.

Таким был этот дом, в целом производивший впечатление парадного, особенно если учесть, что его отделка, остатки которой сохранились лишь местами, пострадала в какой-то период, вероятно в связи с монгольским нашествием, и не была восстановлена после. Это впечатление усиливается при сравнении дома с остальными помещениями усадьбы, составной частью которой он был.

Выше указывалось, что до начала раскопок на площади усадьбы помимо описанного дома угадывалось еще несколько разрозненных строений, первоначально принятых за хозяйственные. На деле же оказалось, что они составляли единый комплекс помещений, при этом главным образом жилых. Дом занимал северную часть комплекса и был несколько сдвинут за линию его восточной внешней стены. Площадь всей застроенной усадьбы к югу от дома равнялась 35,5×9 *м* и была занята четырнадцатью помещениями. В расположении их нельзя усмотреть строгой системы или увидеть в основе композиции единый центр. Единственной закономерностью, пожалуй, является расположение кладовых вдоль западной стены постройки, хотя тут наряду с ними были и жилые комнаты. Есть некоторое основание предполагать, что не вся постройка возникла одновременно. Смещение отрезков западной внешней стены по отношению друг к другу и разная их толщина позволяют думать о разных этапах строительства. К тому же южный конец комплекса уже северного.

Среди упомянутых четырнадцати помещений три (№ 13, № 22 и № 23) были устроены единообразно: единственной деталью их внутренней планировки был очаг, во всех трех случаях одинаковый. Разница только в том, что в помещении № 13 он был выложен из обломков обожженных кирпичей, в то время как два других — в виде круглого керамического сосуда со специально оформленным устьем. Диаметр очагов равен 30 *см*, их форма — ульевидная, ширина топочного устья — 18—20 *см*. Подчеркнем, что строители дома не стремились к тому, чтобы эти и аналогичные им очаги во всем жилище были обращены в одну и ту же сторону. Вероятно, ориентация устья топки не играла никакой роли.

Помещения № 14, № 15, № 16, № 19 и № 26 были кладовыми. Некоторые из них (например, № 14) сплошь заняты ямами разных очертаний и глубины, в других (№ 16, № 26) ямы не занимали всей площади пола, но гумусный слой над ним, образовавшийся в результате гниения растительных остатков, может быть запасов продуктов, не оставляет сомнений в назначении этих помещений-хранилищ. В заполнении ям много обломков посуды, жерновов, есть фрагменты оконного стекла, грузил.

Среди перечисленных помещений выделяется одно — № 19, может быть первоначально составлявшее единое целое с соседними (№ 20, № 21), так как разделявшая их стена кажется построенной не сразу, а поставленной на ранее существовавшую суфу. Последняя занимала весь северо-западный угол получавшегося таким образом обширного помещения (возможно, двора). Узкая пахсовая выкладка шла и вдоль восточной стены. К ней почти вплотную примыкали две ямы: одна круглая диаметром 1,1 *м* и глубиной почти 1 *м*, другая — неправильная четырехугольная (1××0,85 *м*) с несколькими ступеньками-спусками в нее. Заполнение ям составляли плотные гумусные слои зелено-коричневого цвета. Такой же слой толщиной 0,15—0,2 *м* залегал почти над всей поверхностью неровного земляного пола. Следует подчеркнуть, что это едва ли не единственное помещение во всем описываемом комплексе с обилием костей животных в слое над полом.

Из всех прочих помещений особого внимания заслуживают два, обозначенные номерами 18 и 25.

Первое отличается от остальных четырехугольным углублением в южной своей части шириной 0,7 *м* и длиной во всю ширину комнаты. Углубление вымощено обожженными кирпичами, поставленными на ребро и образующими его стенки. В кладке дна сделан сток в виде восьмиугольной звезды. Возможно, это была неглубокая (0,25 *м*) ванна; рядом стоял сохранившийся, но весь растрескавшийся от перегрева тальковый котел со следами огня на полу под ним, в котором могла согреваться вода.

Второе из упомянутых помещений прежде всего поражает своими размерами: это скорее огромный зал, вытянутый в длину на 16 *м* при ширине 5 *м*. Перекрытие такого пространства требовало, конечно, дополнительных опор. И действительно, примерно в центре зала в полу обнаружена каменная ступенчатая база колонны. Возможно, другая колонна опиралась на круглое основание из обожженных кирпичей, положенное на угол суфы в южном конце помещения. Совершенно необычным является круглое полое незамкнутое сооружение из обожженных кирпичей, скрепленных алебастровым раствором, стоявшее посреди зала. Его диаметр поверху равен 1 *м*, понизу — 0,6 *м*, толщина стенок — всего 0,12—0,15 *м*, высота — 0,6 *м*. На покрытой алебастром внутренней поверхности и дне сооружения заметны следы тлена малинового и желтого цвета, свидетельствующие скорее всего о гниении растительных остатков. Как использовалось данное сооружение — не вполне ясно, но скорее всего это подставка под жернов. Нечто подобное мы увидим ниже, при описании несколько более позднего жилого дома в поселении близ городища Куня-Уаз в Левобережном Хорезме.

Рядом с этим сооружением, по другую сторону от упоминавшейся базы колонны возвышалась на полметра над полом почти квадратная пахсовая выкладка — своего рода «пахсовый стол».

Всю северную часть помещения занимала суфа высотой 0,3 *м*, сделанная из комьев глины и покрытая сверху плотной обмазкой, с вмазанным в ее край округлым очагом диаметром 0,26 *м*. Бортиком из положенных плашмя в один ряд обожженных кирпичей суфа отделялась от большой четырехугольной ямы размером 2,25×1,85 *м*, стенки которой в свое время были выложены обожженными кирпичами, ныне уцелевшими лишь частично. На дне этой ямы, оказавшейся на всю глубину (равную 1,2 *м*) забитой спрессовавшимся песком, выявлено округлое углубление диаметром 0,7 *м* от врытого здесь и несохранившегося сосуда.

Другая глинобитная суфа, бóльшая по площади, занимала противоположный конец помещения. Возвышаясь над полом на 0,3 *м*, она также, по-видимому, была ограничена по краю бортиком из одного ряда сырцовых кирпичей. Вся ее поверхность в средней части буквально перерыта углублениями. Здесь обнаружено рядом два очажка: один сделан из талькового котла, другой — удлиненно-овальная ямка шириной 0,2 *м*. Возле нее расположена еще одна ямка, уже неопаленная. Тут же имеется квадратное углубление размером 0,85×0,85 *м* и глубиной 0,8 *м*, а далее — еще одно, чуть меньших размеров. Возле него выявлены остатки врубленной в стену очажной ниши, забитой золой и пеплом. Несколько других ям открыто на остальной площади суфы. Самая большая яма находилась возле суфы, у западной стены комнаты. Близ единственного прохода, выводившего из комнаты наружу, сохранились остатки еще одной суфы, облицованной поверху обожженными кирпичами.

Помещение № 25 кажется средоточием всей жизни комплекса, так оно насыщено очагами, ямами, выкладками. Общее впечатление усиливается обилием обломков посуды и костей животных в 15—20-сантиметровом рыхлом слое над полом. Его перекрывал плотный пахсовый слой.

Вдоль восточной стены описываемого комплекса вскрыт участок двора площадью примерно 30×15 *м*, также запечатлевший следы интенсивной хозяйственной деятельности. Тут было несколько П-образных очажков, сделанных из поставленных на ребро обожженных кирпичей и уже встречавшихся при описании дома № 40, несколько врытых в землю сосудов, лежали обломки жернова. В нескольких метрах от стены шел ряд больших ям, только оконтуренных нами, но не раскапывавшихся.

Ряд каких-то помещений, видимо сугубо хозяйственных, со слоем навоза над полом, примыкал к дому в месте его стыка с только что описанным комплексом. Полностью выявить их облик и назначение не представилось возможным — этот участок усадьбы сильно разрушен.

В большинстве помещений, за исключением помещения № 26, открыт один уровень пола; он датируется очень характерной поливной и неполивной посудой и большой бронзовой монетой чекана Хорезмшахов (найдена на полу в комнате № 22) XII — начала XIII в.

Итак, протянувшаяся более чем на 50 *м* жилая застройка усадьбы состояла из нескольких частей. Дом с центральным коридором можно рассматривать как жилище самого хозяина усадьбы, своего рода парадную половину, состоявшую преимущественно из жилых комнат (№ 4, № 5, № 8, № 9, № 11), кухни (№ 10), парадной михман-ханы (№ 12) и нескольких хранилищ (№ 6 и № 7). Можно предположить, учитывая наличие «почетного места» в центре дома, что здесь жило какое-то должностное лицо. Примыкавший же к дому комплекс мог служить местом обитания родственников, челяди и в то же время являться основным хозяйственным центром — женской половиной дома.

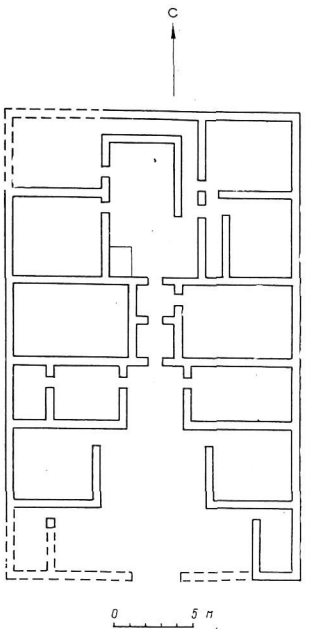


Рис. 44. Безымянный дом в 4,5 км от Джильдык-калы

По планировке усадьба, безусловно, не являлась исключением. При обследовании оазиса в ряде случаев нами замечено, что к дому примыкали какие-то постройки, почти полностью разрушившиеся. Столь разная сохранность близлежавших построек получила объяснение при раскопках только что описанной усадьбы. Оказалось, что стены парадного дома толще стен примыкавшего к нему комплекса и гораздо тщательней сложены, к тому же из пахсы лучшего качества.

Приведем примеры планировки усадеб с одной или несколькими постройками на их территории.

На юго-восточной окраине оазиса обследован большой (30,5×18,7 *м*) многокомнатный дом, стоявший в углу обширной (80×80 *м*) усадьбы, окруженной глинобитной оградой, достигавшей, а местами превышавшей высоту человеческого роста. Дом привлекает внимание ясно выраженным делением на две части — южную и северную, сообщавшиеся посредством двух небольших проходных комнаток-тамбуров. В одной из них сохранились остатки кирпичной лестницы — подъем наверх. Центральную часть южной половины дома занимали обширные дворы. В северной воспроизведена с некоторыми отклонениями та же схема, что и положенная в основу планировки дома № 60. Большое удлиненное центральное помещение здесь окружают узкие коридоры, вероятно для лестничных подъемов наверх (рис. 44).

Усадьба занесена песком, поэтому неясно, были ли там другие постройки. Зато они хорошо сохранились в усадьбе № 79, располагавшейся на крупном ответвлении Гавхорэ близ замка IV.

На участке (площадью 132×172 *м*), огражденном хорошо прослеживающейся стеной с округлыми столбами-упорами типа позднейших узбекских гюльдаста по углам, находилось несколько построек, сосредоточенных у южной стороны ограды. Прямоугольная двухэтажная кантар-хана занимала юго-восточный угол усадьбы; многокомнатный дом с центральным коридором, несколькими лестничными клетками — подъемами наверх — стоял у противоположного ее угла, а между ними прослеживаются вытянутые в один ряд комнаты, окружавшие в виде буквы П обширный двор. В них легко угадывается хозяйственная часть усадебной застройки (рис. 45).

До сих пор речь шла о жилищах рядовых или состоятельных земледельцев оазиса, известных в прошлом крайне недостаточно, благодаря раскопкам всего лишь одной усадьбы № 1. Представление о жилищах феодалов — замках — казалось более отчетливым и широко вошло в литературу, а сами замки стали рассматриваться в качестве эталона такого рода зданий.

Это представление сводилось, по словам В. А. Лаврова, к следующему: «Жилой замок — это открытый двор в уровне земли, окруженный стенами с жилыми постройками вдоль внутренних стен» [Лавров, 82]. В то же время особенности микрорельефа поверхности внутри замков позволяли предположить плотную его застройку, давая повод усомниться в правильности существовавшего представления. Особенно противоречило ему наличие каких-то развалин посредине наиболее хорошо сохранившихся замков II и III, где, согласно укоренившемуся мнению, должен был находиться двор. С другой стороны, без раскопок нельзя было с уверенностью судить о происхождении этих всхолмлений — они могли быть и результатом обвала стен соседних с двором

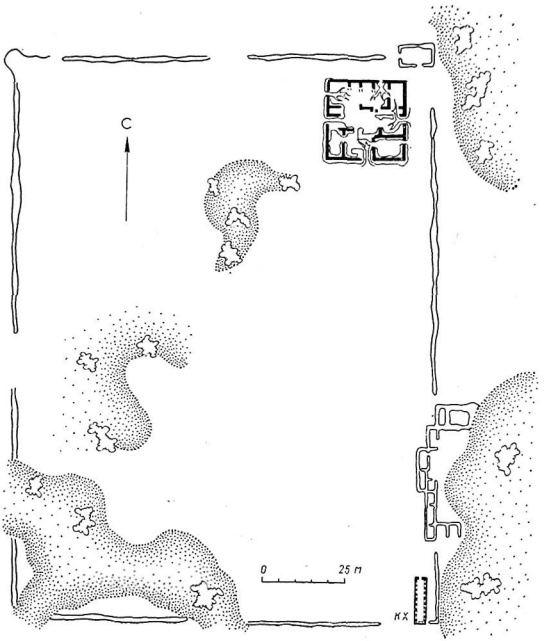


Рис. 45. Усадьба № 79 в Кават-калинском оазисе

построек. Поэтому в замке II была заложена траншея, прошедшая от входа через центр, и сделан ряд зачисток. В итоге оказалось, что через середину замка проходили две параллельные стены, образуя широкий коридор, начинавшийся от входа в замок, где до сих пор возвышается останец одной из этих стен. Таким образом, исключалась всякая возможность существования в центре замка какого-либо открытого пространства типа двора или большого зала.

Что же в таком случае представляет собой Кават-калинский замок? Поскольку при возведении внутренних стен их торцы врезались в фасад внешних стен замка, то, несмотря на сильное разрушение постройки, дополнительные зачистки в ее центре позволили восстановить ее облик в общих чертах. Небольшая площадь замка (33×33 *м*), ненамного превышавшая размеры крупных домов оазиса, об*легчила решение этой задачи.* В итоге выяснилось, что замок был таким же домом с центральным коридором, как и дом № 43, но с большим числом комнат и более сложный. Сложнее, в частности, оформлен вход; можно предположить также, что большую площадь занимал верхний этаж, располагавшийся, повидимому, не только над частью коридора, но и над другими комнатами замка. Одна из лестничных клеток сохранилась возле северо-восточного угла замка II. Весь его юго-восточный угол занимало большое помещение с мелкими полукруглыми нишками в стенах. Такие же мелкие нишки украшали стены юго-восточной башни. Таким образом, каптар-ханы в данном случае оказались в системе плотной застройки замка (рис. 46). То же явление можно проследить в замке III.

Расположение гнезд от балок межэтажного перекрытия показывает, что высота нижнего

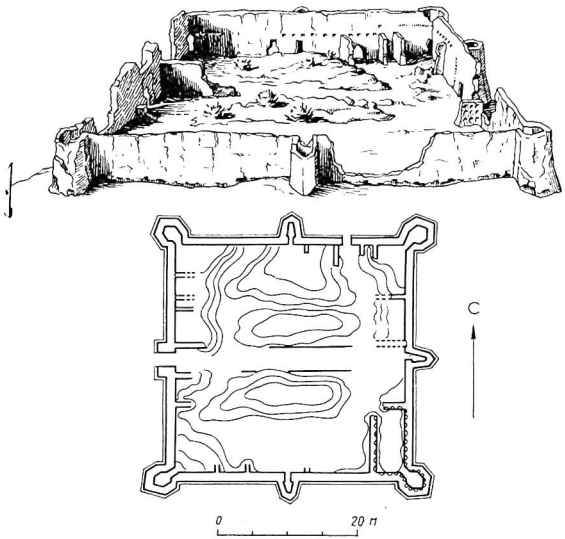


Рис. 46. Замок II в Кават-калинском оазисе. Вид сверху и план

этажа построек, располагавшихся вдоль разных стен замка, была различной: если у южной стены она примерно равнялась 3,5 *м*, то у восточной — не менее 3,7—4 *м*.

Не отличались внутренние покои замков и особой монументальностью: толщина пахсовых и кирпичных стен помещений не превышала обычную для домов оазиса (0,5—0,6 *м*), и лишь внешние стены были более массивны, достигая 1,5—2 *м* толщины. Зато внешнее оформление замков, и особенно замка III (по ряду признаков также плотно застроенного, без центрального открытого пространства),— граненые башни с гофрами-полуколоннами на фасадах, резные панели стен, нарядный портал — вход со стрельчатыми арками на осях в замке III — все это при удивительной четкости пропорций замков и ярко выраженном индивидуальном облике каждого выделяло их из массы домов рядовых земледельцев оазиса, подчеркивая богатство и более высокий социальный ранг их владельцев.

В заключение описания оазиса необходимо коснуться вопроса о назначении построек типа каптар-хан, столь распространенных в оазисе и считающихся парадными приемными помещениями. Обследование аналогичных сооружений средневекового Мерва выявило ряд интересных подробностей. Сотрудники ЮТАКЭ, изучив несколько мервских каптар-хан, пришли к выводу, что они использовались в качестве складов, а также помещений производственного назначения, где сушились дыни и, может быть, изготовлялась патока [Асилов, Лунина, 1969, 214]. Эти выводы, кажущиеся нам убедительными, аргументированы такими существенными доводами, как находки своеобразных сосудов без дна, может быть служивших для хранения и перевозок фруктов, деревянных балочек для подвешивания и сушки фруктов и устоев для них, остатков фруктовых семян и косточек, и специфическим слоем гниения органических остатков, обнаруженных над полом. Т. Асилов и С. Б. Лунина предполагают, что вопрос об аналогичном использовании каптар-ханы может быть поставлен в какой-то мере и для Хорезма, хотя они и не исключают, что в разных областях Средней Азии постройки такого типа могли использоваться различно [там же, 215].

В частности, эти исследователи не считают возможным проводить полные аналогии между мервскими и хорезмскими каптар-ханами хотя бы потому, что в Хорезме «это неотъемлемая деталь сельских построек», в Мерве же они имелись и в городе, и даже в цитадели [там же].

Отметим, прежде всего, что в Хорезме каптар-ханы вовсе не являлись такой уж «неотъемлемой» чертой сельских построек, как это представляется Т. Асилову и С. Б. Луниной, так как на огромной площади левобережных средневековых оазисов XII—XIII вв. их очень мало. Их наличие может служить, по-видимому, признаком состоятельности хозяев усадьбы. Далее, аналогичные помещения с ячейками в стенах существовали и в городских постройках, в частности, в Хиве в начале XIX в., например во дворце крупного хивинского сановника Авез-Макрама [см.: Неразик, 1972, 51], причем в последнем случае это было не отдельное сооружение, а одно или несколько помещений в двухэтажном здании типа раннехорезмских кёшков.

Единообразие внутренней организации каптар-хан, характеризующейся такой специфической чертой, как ячеистость поверхностей стен (причем расположение ячеек, их размеры и форма в мервских каптар-ханах в общих чертах совпадают), скорее всего должно быть признаком единообразия и в использовании самих построек.

В то же время раскопки двух каптар-хан в Кават-калинском оазисе не дали сколько-нибудь надежных доказательств в пользу какой-либо из выдвинутых версий. Наличие растительных остатков, косточек фруктов и т. п. на полу каптар-ханы в усадьбе № 1, само расположение комнаты с ячеистыми стенами чаще всего в нижнем этаже хорезмских построек как будто подтверждают гипотезу о том, что хорезмские каптар-ханы могли быть кладовыми, как и мервские. С другой стороны, часто вычурная, изысканная форма хорезмских каптар-хан, их пышная декорировка полуколоннами-гофрами, резьбой по глине, казалось бы, излишние для обычной кладовой, вполне уместны для парадной гостиной.

Однако очень неудобна для парадных приемов сама форма некоторых каптар-хан, например в Левобережном Хорезме, близ Кызылчи,— круглой в плане, с мощным столбом посредине. Этот столб занимает почти все помещение, организуя его пространство в виде узкого обводного коридора шириной не более 1,5 *м* [см.: Лавров, 90, рис. 189].

Нам кажется, что вопрос о назначении хорезмских каптар-хан остается не до конца выясненным до появления новых материалов.

Пока можно лишь предположить, что постройки описываемого типа и в самом средневековом Хорезме использовались различно.

ПОСЕЛЕНИЯ ПО КАНАЛУ ЧЕРМЕН-ЯБ. УРОЧИЩЕ АЙГЕЛЬДЫ

Поселение Айгельды расположено в 1,5 *км* к юго-востоку от замка Каз-кала и занимает площадь 1×0,5 *км*, на которой насчитывается 19 домов. В центре поселения возвышаются мощные пахсовые останцы стен двухкомнатной постройки (на плане № 12), хотя и небольшой, но, судя по ее сохранности, сооруженной гораздо основательнее, чем прочие. Остальные расположены подле этих останцов довольно компактно, образуя как бы единый глиняный массив, на котором трудно рассмотреть границы отдельных построек и их план (рис. 47). Площадь половины из обмеренных нами 16 построек колеблется от 80 до 140 *кв. м*, *пяти других* — *от* 140 *до* 200 *кв. м*, а трех самых крупных — 400, 448 и 560 *кв. м*. Планировка крупных жилищ характеризуется расположением помещений в два или три ряда, мелких — наличием центрального коридора. Один из таких небольших домов (№ 2 на плане) и был нами раскопан.

В северной части поселения развалины домов отстоят друг от друга дальше, поля подступали к ним ближе. Поля хорошо видны сейчас на северо-востоке, начинаясь сразу за крайними в этом направлении домами. Один участок огорожен глинобитным дувалом. Его площадь — 80×80 *м*, внутри имеется перегородка, отделяющая небольшую часть без признаков полей. К югу от останцов дома № 12, примерно в центре поселения, находится кладбище, занимающее площадь 160×80 *м*. На его территории выделяются всхолмления из обломков обожженных кирпичей, образующие три отдельные группы. Вокруг одной из них проступают следы ограды. Раскопанный *нами дом № 2 находится на южном краю* поселка; поблизости от него зафиксированы остатки двух обжигательных печей, скорее всего гончарных. Размеры дома — 11,5×9 *м*; в нем четыре помещения и коридор посредине (рис. 48). Стены сделаны из пахсы, в настоящее время высота их — 0,5—0,6 *м*. Разрез через наслоения в доме выявил, что, вскоре

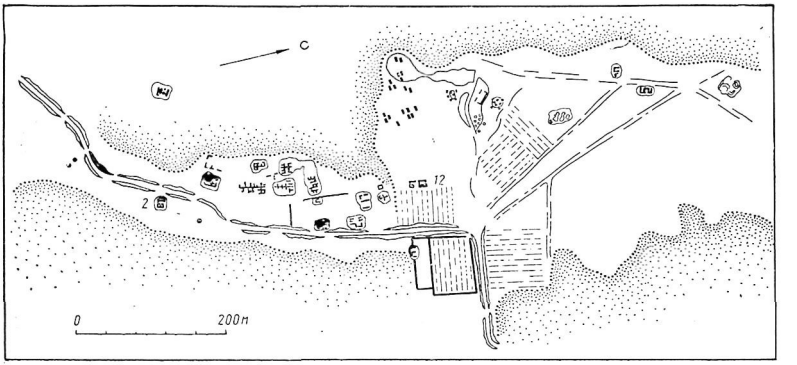


Рис. 47. Поселение Айгельды

после того как он был заброшен, в помещениях стоял скот, поэтому очаги были раздавлены и затоптаны, а поверх слоя над полом залегли утоптанные навозные прослойки, что сильно затруднило установление первоначального назначения помещений.

Помещение № 1 в северо-западной части дома, с двумя очагами, было явно жилой комнатой. Один из очагов — вырезанное в полу округлое углубление диаметром 0,4 *м* — расположен в углу комнаты. Другой был сделан из старого сосуда с диаметром устья 0,32 *м* и глубиной 0,2 *м*, вкопанного в пол в середине помещения. Устье топки, шириной 0,2 *м*, открывалось в предочажную яму размерами 0,5×0,65 *м*. При ремонте в комнате его перекрыли слоем глиняной обмазки, а вместо него сделали другой подобный же очаг, сильно разрушившийся при вторичном освоении дома. Пол вдоль одной из стен дома слегка приподнят, полого спускаясь к центру. Вероятно, здесь была очень низкая глинобитная суфа шириной 0,8 *м*.

В соседнем помещении — № 2 — пол также ремонтировался, причем верхняя обмазка, лишенная каких-либо следов огня, ям и т. п., перекрыла нижнюю, в которой расчищены две ямы. Одна, круглая, диаметром 0,85 *м* и глубиной 0,45 *м*, находилась в западном углу. Она была заполнена рыхлым слоем, в котором обнаружены фрагмент бронзовой чаши с орнаментом и надписью, вкомпонованной в этот орнамент, горло небольшого тонкостенного бронзового сосуда, а также обломок каменного жернова. Другая яма, узкая и длинная, является следом бревна, лежавшего в полу поперек комнаты и, может быть, служившего опорой перегородки. Не совсем понятно назначение этой перегородки при общей небольшой площади помещения.

В лучше всего сохранившемся восточном углу этого дома, где стены наиболее высоки (до 1 *м*), расположено помещение № 3. Вдоль двух сторон его северного угла шла глинобитная суфа шириной 0,9 *м* и высотой 0,1 *м*, на которой стоял узкий прямоугольный очаг шириной 0,2 *м* и высотой 0,3 *м* (устье топки — 0,17 *м*). Посредине помещения первоначально находился врытый в землю большой керамический очаг боченковидной формы (высота — 0,4 *м*, диаметр устья — 0,52 *м*, диаметр дна — 0,5 *м*, ширина тулова — 0,55 *м*). В последний период обитания в доме очаг перекрыли новой обмазкой пола и в западном углу устроили такой же, теперь разрушившийся до основания.

В соседнем помещении — № 4, сообщавшемся с описанным проходом, посредине был очаг, сделанный из широкой горшковидной хумчи высотой 45 *см* со сложнопрофилированным венчиком. Сосуд пышно украшен налепами в виде гирлянд и сталактитов, сочетавшимися с прочерченными узорами. Хумча на две трети высоты вкопана в пол и заполнена пеплом. Перед ней устроено углубление размерами 65×40 *см* для выгребания золы и углей.

В северо-восточной части дома был вход, оформленный двумя выходящими за линию фасада выступами, образовывавшими глубо-

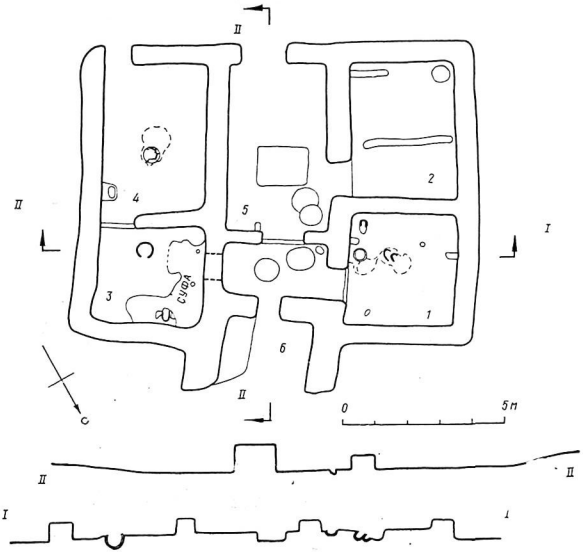


Рис. 48. Дом № 2 в поселении Айгельды

кий айван № 6 с суфой у восточной стены. Все стены айвана утолщены, что дает основание предполагать наличие над ним второго этажа. Через проход в торцовой стене айвана попадали не сразу в коридор, а в тамбур, отделенный от коридора тонкой глинобитной перегородкой с широким дверным проемом посредине. И в тамбуре, и в коридоре в полу были вырыты ямы, по-видимому, для установки сосудов. Посреди коридора находится четырехугольная яма размерами 1,50×1,15 *м* и глубиной 0,75 *м*, заполненная рыхлым грунтом.

В заключение — о некоторых перестройках, замеченных в доме. Уже говорилось о ремонте полов и в связи с этим — о переменах. Кроме того, установлено, что из помещения № 3 первоначально был проход (впоследствии заложенный) в коридор. В связи с этим, по-видимому, сделан проход в другой его стене, что согласуется с замыслом строителей: максимально сохранить тепло. Этим объясняется, очевидно, и устройство тамбура. Но закладка прохода из помещения № 3 в коридор изолировала юго-восточную половину дома от остальных помещений. Может быть, она была вызвана тем, что эта часть дома незадолго до того была заброшена его обитателями. Возможны и какие-то другие причины.

Сравнивая описанную постройку с домом № 60 в Кават-калинском оазисе, можно отметить некоторое сходство плана, хотя в целом дом № 2 гораздо скромнее по убранству и кажется искаженным воспроизведением более правильной и законченно-пропорциональной схемы, положенной в основу кават-калинского жилища. Так же как и в этом последнем, по обе стороны выхода в дом № 2 находились жилые комнаты с несколькими (в отличие от дома № 60) очагами. Одно из двух других помещений (№ 4), так же как и в привлеченном для сопоставления кават-калинском жилище, могло служить кладовой. Зато по-иному выглядит коридор, сплошь занятый ямами и полностью превращенный в хранилище, лишенный очага и лестничных клеток. Увеличено число жилых комнат в доме, к числу которых принадлежит помещение № 4. Труднее установить, где находился кухонный очаг. Вероятно, основным кухонно-хозяйственным центром

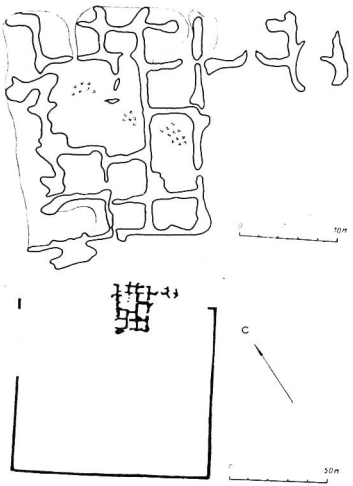


Рис. 49. Усадьба № 2 близ Айгельды

дома было помещение № 3, одновременно служившее и жильем. Здесь найдены обломки двух кухонных тальковых котлов, частично разбросанные также в коридоре. Керамики в доме мало: это несколько типичных для XII — начала XIII в. водоносных серых кувшинов с высокими ручками, хумов и серых мисок [см. подобные: Вактурская, 1959, рис. 19, *1*; рис. 36, *23, 33, 43*].

В заключение следует упомянуть, что на поселении найдено 36 бусин, в том числе 7 каширинных, покрытых бирюзовой поливой, так называемой зонной формы, 1 плоская из гагата, остальные стеклянные. Среди последних преобладают низкие биконические, преимущественно голубые. Несколько меньше черных эллипсоидных и уплощенно-шаровидных. Единичны мозаичные и полосатые бусины.

В 2—3 *км* к юго-востоку от урочища Айгельды начиналось другое обширное поселение, тянувшееся вдоль двух параллельных каналов. Нами обследованы там две усадьбы. В каждом случае это дом с прилегающим к нему обширным огороженным участком земли.

Площадь усадьбы № 1 равна 180×100 *м*, дома — 25×20 *м*. Посредине дома проходил коридор, с каждой его стороны видны по три помещения. В торце дома на поверхности очерчиваются контуры обширного помещения, может быть двора, а рядом — двух других, небольших. К обеим половинам дома, по-видимому, примыкали айваны, так как стены помещений продолжаются за пределы внешней стены, причем не замыкаясь там.

Площадь второй усадьбы (рис. 49) равна 93×97 *м*, дома — 25×18 *м*. Дом выглядит несколько иначе, чем только что описанный. Его композиционным центром был небольшой квадратный двор или зал площадью 10×10 *м*, вокруг которого располагалось 10 помещений разных размеров. К дому примыкали какие-то пристройки. Здесь тоже, по-видимому, были айваны. Внутри усадебной ограды видны борозды полей с арыками через каждые 3 *м*.

Далее к востоку на расстоянии 1,5—2 *км* от описанных усадеб расположено поселение из 10—15 домов, разделенных интервалами в 200—500 *м*. Постройки состояли из четырех, шести и девяти помещений, причем в самом большом в центре был дворик. Дома усеяны обломками поливной керамики и обожженных кирпичей.

Еще дальше к востоку тянется почти непрерывная полоса поселений, состоявших из групп по две-три постройки или отдельных домов, разделенных расстоянием в 200 *м* и более. Один из домов в каждой группе, как правило больше других, имел площадь примерно 24×15 *м*. Участок этой населенной полосы, расположенный в 6—10 *км* юго-западнее Замахшара и называемый местным населением «урочище Дарьялык-куль», мы тщательно обследовали.

ПОСЕЛЕНИЕ В УРОЧИЩЕ ДАРЬЯЛЫК-КУЛЬ (ТОЧКИ 707—709)

Обследованное нами поселение, обозначенное на нашей схеме (рис. 1) точками 707—709, занимает приблизительно 2×2,5 *км*. Удалось хорошо проследить его восточную границу, поскольку в древности там находились, по-видимому, сбросовые озера; теперь на их месте лежат обширные, слегка углубленные чашевидные такыры, берега которых запечатлели постепенное понижение уровня воды. На севере, юге и особенно на западе поселение тесно соседствовало с другими, однако во всех случаях можно проследить пограничную незастроенную полоску шириной не более километра. Лишь на западе оно почти слива-

лось с соседним (точка 717); именно поэтому О. А. Вишневская считала, что это было одно очень большое поселение площадью 7×2,5 *км* [1963, 56].

Местность, где оно располагалось в прошлом, изобилует следами высокоразвитой земледельческой культуры: всюду видны остатки полей, хорошо сохранившие до наших дней свои очертания, поэтому легко различаются участки для разных культур, русла арыков и каналов. Само размещение растительности тоже дает возможность сделать некоторые выводы относительно землеустройства в те времена. Возле домов наблюдаются обычно несколько пониженные участки, покрытые мелким слоем песка и поросшие кустами. Можно предположить, что они образовались на месте приусадебных огородов или садов — в общем, на самых увлажненных площадях (рис. 50). Ведь не случайно растительность особенно густа по руслам древних каналов. Рельеф местности таков, что при составлении подробного плана поселения с использованием аэрофотосъемки оказалось возможным разобраться в системе землеустройства и наметить места, занятые в прошлом пустошами. Хорошо выделяются обвалованные участки, обычно примыкавшие к одному или нескольким домам и очерчивавшие, таким образом, единое домохозяйство, но расположенные иногда на первый взгляд бессистемно, вне каких-либо построек.

Эти участки в прошлом, вероятно, предназначались для садово-виноградных культур. Правда, есть и другие суждения. О. А. Вишневская полагала [963, 156], что там выращивались бахчевые культуры, однако, судя по данным этнографии, бахчевые участки обычно не огораживались, а садово-виноградные (особенно виноградники) — огораживались всегда.

Можно даже попытаться предварительно наметить средние размеры индивидуального участка, принадлежавшего одному домохозяйству: они равнялись 115 (100)×35 *м*. Если в системе ограды участка было несколько домов, то площадь его была, как правило, в два раза больше.

Полевые участки, очерченные мелкой ирригационной сетью, часто имели правильную, даже прямоугольную форму, однако установить для них эталон площади пока невозможно. Ширина их часто равнялась 100 *м*, зато длина была самой различной. На площади поселения зафиксировано более 50 построек, разбросанных среди полей широко, но, как правило, группами. Выделить эти группы оказалось сравнительно просто в южной части поселения, где постройки одного домохозяйства примыкали к одной общей ограде обваленного участка или находились в его зоне. Как увидим ниже, такое подразделение нашло подтверждение в материалах раскопок. В северной части поселения дома не составляли таких небольших — в 2—4 постройки — компактных групп; они размещались либо вдоль основного канала через равные примерно интервалы, либо довольно бессистемно — среди полей.

В поселении было как бы три «центра», три усадьбы, помеченные в свое время на археолого-топографической карте Б. В. Андрианова точками 707, 708 и 709. На территории каждой высятся останцы каптар-ханы, силуэты которых заметны издали. В первой усадьбе (точка 707) размерами 65×55 *м* каптар-хана была в плане крестообразна и помещалась в северо-восточном углу участка. Развалины большого дома у западной стены (21,5××21,5 *м*) сплошь покрыты обломками поливной и неполивной посуды, обожженных кирпичей, стекла и пр. Обилие обожженных кирпичей позволяет думать, что дом был построен из них. О. А. Вишневская отмечает, что он был окружен айваном, пол которого выложен поставленными на ребро обожженными кирпичами [1963, 56]. К тому времени, когда поселение обследовали мы, следов айвана уже не было видно.

Вторая усадьба (точка 709) занимает самое крайнее северо-западное положение на территории поселения. Хорошо сохранились основание пахсовой ограды усадьбы и прямоугольная каптар-хана в северо-западном ее углу. Внутри усадьбы (ее размеры — 130××100 *м*) отчетливо видны выраженные более темным цветом на поверхности такыра «грядки» виноградника.

Возле усадьбы с южной ее стороны видны развалины двух домов (№ 50 и № 51), которые, вероятно, входили в одно с ней хозяйство.

В третьей усадьбе (точка 708) все постройки сосредоточены вдоль западной ее стороны. Это прежде всего большой дом; о богатстве его отделки можно было судить уже до предпринятых нами раскопок. О. А. Вишневская отметила облицовку стен алебастром и использование в отделке обожженных кирпичей [1963, 56]. В юго-западном углу возвышаются развалины другого здания, очертания и величина которого непонятны из-за крайней степени разрушения (на нем ныне поставлена тригонометрическая вышка), но угол останца сохранился на высоту около 6 *м* в виде восьмигранной башни с высоким пахсовым цоколем. Внутренняя поверхность ее стен сплошь покрыта небольшими округлыми нишками. Между этими сооружениями вдоль всей за-

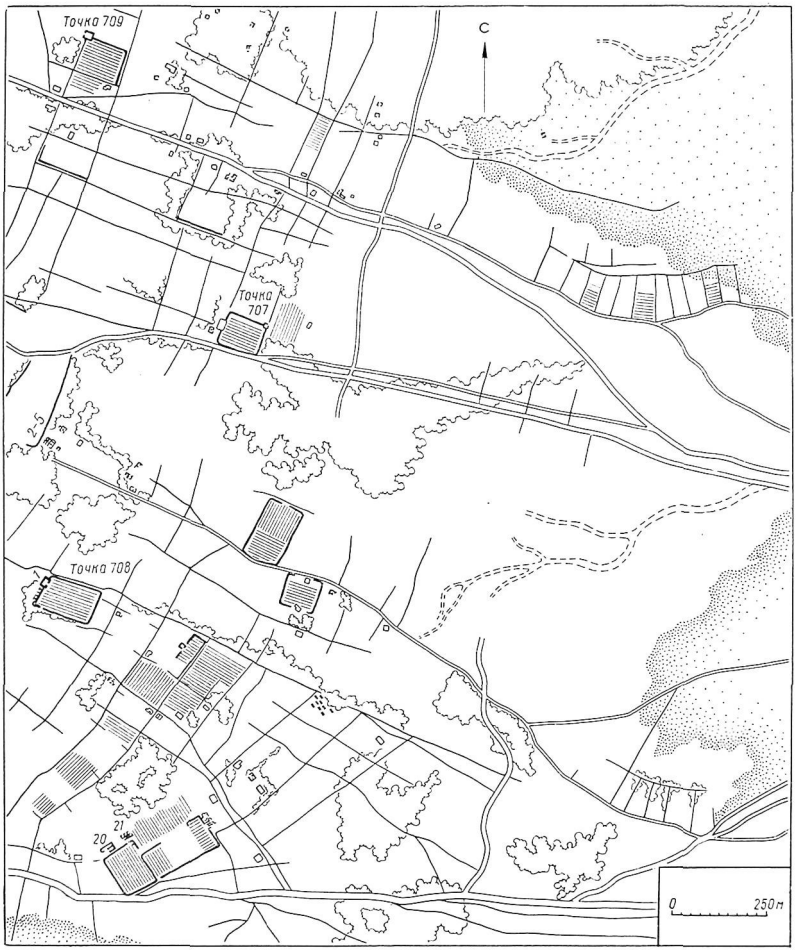


Рис. 50. Поселение в урочище Дарьялык-куль близ Замахшара (точки 707—709)

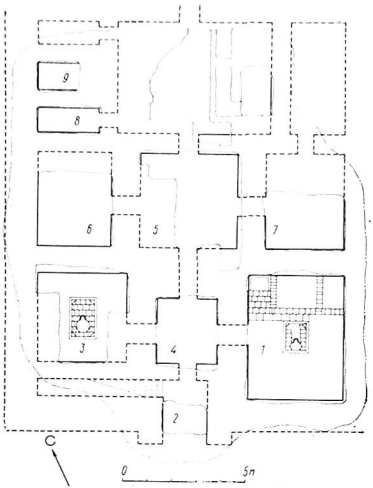


Рис. 51. Дом № 1 в поселении в урочище Дарьялык-куль. Штрих-пунктиром обозначен бугор, тонкой линией — границы раскопанных участков

падной стороны усадьбы тянется цепочкой ряд комнат, построенных из пахсы и кажущихся гораздо более скромными жилищами.

Площадь всей усадьбы — 137×87 *м*. Внутри, на поверхности такыра, видны полосы грядок виноградника, не занимавших, однако, всей ее площади: в северном и южном концах оставалось место для каких-то других культур.

В поселении было обмерено 38 жилищ. Семнадцать из них имели площадь, не превышавшую 100 *кв. м*, 13—200, 4—200—300, последние 4 — превышавшую 300 *кв. м*. Самыми большими были дома в черте трех вышеупомянутых усадеб поселения и дом № 2, подвергшийся раскопкам.

Постройки поселения кажутся расплывшимися бугорками, сплошь усыпанными осколками керамики, преимущественно неполивной, сероглиняной, и обломками железных и бронзовых предметов. В некоторых случаях удалось проследить планировку жилища. В итоге наблюдений сложилось впечатление, что в поселении встречается несколько разновидностей жилищ: с центральным коридором и четырьмя помещениями, попарно с каждой его стороны (наподобие раскопанных в Кават-калинском оазисе и Айгельды); более многокомнатные (№ 9, № 20, № 21, № 34); в виде стоящих в один ряд нескольких помещений (№ 8, № 18) и иногда несообщавшихся, с выходами в противоположные стороны; дома менее правильного плана. Раскопки уточнили это представление. Целиком вскрыты постройки двух групп (№ 2, № 3, № 4, и № 19, № 20, № 21); частично раскопан дом № 1 в усадьбе, помеченной точкой 709.

Дом № 1 (рис. 51) имел центрический план: помещения группировались вокруг большого квадратного зала № 5; все стены зала и, судя по характеру завала, потолок были украшены резным алебастром с изображением растительных сюжетов и орнаментальными геометрическими полосами. Зал раскопан не полностью.

Из входа в дом, находившегося в его юго-западной стороне, в зал можно было попасть через небольшое проходное прямоугольное помещение № 4. Пол в нем имел слегка наклонную поверхность, понижавшуюся ко входному айвану (№ 2). Основания стен помещения облицованы обожженными кирпичами, а в айване — покрыты резьбой по глине, раскрашенной красной и желтой красками. Проход в западной стене айвана вел в какое-то теперь совершенно разрушившееся помещение. Скорее всего здесь находилась лестничная клетка для подъема наверх.

Помещение № 1 в южном углу дома выглядело весьма парадным; его стены хранят следы алебастра, а пол в северном торце был вымощен обожженными кирпичами размерами 22×22×4 *см*, положенными плашмя или поставленными в два ряда на торец. В северном углу дома в эту кладку была вмонтирована ташна, перекрытие которой слегка просело в сточную яму. Вплотную к вымостке, которую можно считать низкой суфой, примыкает очаг уже знакомой по раскопкам в Кават-калинском оазисе конструкции. Это прямоугольная выкладка высотой 0,1 *м* и размерами 1,5×1,05 *м*, ограниченная поставленными на ребро кирпичами, с очажным углублением диаметром 0,3 *м* и разрушенной предочажной ямой. Вымостка, также сделанная из обожженных кирпичей, почти не возвышается над полом.

Очень разрушенное помещение № 3, занимавшее противоположный угол дома по другую сторону от коридора, было похоже на описанное тем, что в центре его также находилась очажная вымостка из кирпичей. Пол помещения неоднократно подновлялся и подмазывался; он присыпан тонким слоем пепла.

Прочие раскопанные в доме помещения (№ 6 и № 7) лишены выразительных находок,

свидетельствовавших бы об их назначении; никакой «мебели», как и очагов, в них также нет. Стены помещения № 7 покрыты алебастром и раскрашенной резной глиной. Отметим, что оно находится в той же половине дома, что и михман-хана.

Северная часть дома осталась нераскопанной. Частично вскрыты лишь какие-то небольшие прямоугольные клетушки (№ 8, № 9) типа закромов, но стенки их покрыты алебастром.

Дом построен из пахсовых блоков шириной 60 *см*. Основанием стен первоначально являлись два ряда обожженных кирпичей. При ремонте, зафиксированном в ряде помещений, стены утолщались слоем пахсы или ставились новые, но уже в деревянной обкладке. При этом полы не перестилались и уровень их не изменялся. Других находок, за исключением нескольких фрагментов очень тонкостенного чернолощеного сосудика и железного ножа, в помещениях нет. Таким образом, ввиду незавершенности работ полного представления о распределении комнат в доме пока не получено, но общая схема плана ясна, и в ней отмечается уже знакомая по ранее описанным домам черта: расположение у входа однотипных жилых комнат, одна из коих могла служить михман-ханой — гостиной.

К дому № 1 примыкал ряд помещений совсем другого облика. Судя по одному из них, раскопанному, там не было ни алебастра и росписи на стенах, ни очажных вымосток из обожженных кирпичей, ни широких суф. Гладь ничем не украшенных глиняных стен, очажная яма, небрежно обложенная по краю обломками обожженных кирпичей,— вот и все его убранство.

Облик этих помещений не оставляет никакого сомнения в том, что здесь жила челядь, слуги обитателей богатого дома.

Дома № 19, № 20 и № 21, без сомнения, входили в одно общее домохозяйство, но владельцы их принадлежали к другой социальной категории, значительно более скромной по достатку.

Дом № 20, размерами 15×19 *м*, состоял из восьми помещений (рис. 52). Стены его сохранились на высоту около 0,4—0,5 *м*. Композиционной осью плана являлась центральная секция (помещения № 8 и № 5), в одном из торцов которой находился выход наружу. По обе стороны этого ряда располагались еще пять помещений. В доме очень отчетливо выражено деление на две половины — не только в планировочном отношении, но и функционально. Северо-восточная половина дома и центральная его часть заняты хранилищами. В помещениях № 2, № 3, № 4 и № 5 нет очагов, всюду закрома и ямы, в которых, по-видимому, стояли хумы. Внутренняя организация двух больших помещений (№ 6 и № 7), расположенных у юго-западной стены дома, однотипна — с той разницей, что отделка первого из них была более тщательной. Северная часть помещения № 6 вымощена квадратными сырцовыми кирпичами размерами 22×22×4 *см*; на краю вымостки выделяется полоса из двух кирпичей, являвшаяся, может быть, следом перегородки, отделявшей эту часть помещения. У края вымостки близ ее середины находился углубленный в пол округлый очаг диаметром 30 *см* с большой четырехугольной округлой ямой перед ним. Пол у очага укреплен положенными плашмя сырцовыми кирпичами, образовавшими четырехугольную вымостку. В северо-западной стене имелась неглубокая, но широкая ниша.

Интерьер соседнего помещения — № 7 — отличается от описанного только деталями. В северной, может быть, также отгороженной его части пол не был вымощен; и здесь, и в южной части помещения, где находился очаг, стояли (судя по наличию нескольких ям) хумы или другие крупные сосуды. Очаг, вначале круглый, диаметром 40 *см*, в последний период жизни в доме, когда в нем производили ремонт, был переделан в прямоугольный (40×25 *см*).

Легко заметить, что помещения № 6 и № 7 сходны по плану с жилыми комнатами в доме № 1, но значительно скромнее отделаны, вероятно соответственно уровню состоятельности хозяев дома.

Все описанные помещения дома № 20 соединялись проходами с центральным коридорообразным помещением № 8, первоначально почти сплошь занятым ямами. Близ входа в помещение № 3 существовал какой-то очаг, впоследствии совершенно разрушившийся. В последний период жизни в доме новая обмазка пола перекрыла все ямы, а возле южного угла был сделан очаг, просевший в яму и поэтому тоже разрушенный.

Помещение № 1 занимало весь северо-западный торец дома. Оно абсолютно пусто, без очагов и суф, без закромов и ям; поверхность пола неровная, вытоптанная. Назначение его не совсем ясно; возможно, здесь помещался на зиму скот.

Дом целиком выстроен из пахсы. Обожженный кирпич в строительстве не нашел применения, суфы и очажные вымостки делались из сырцового кирпича. Заполнение — сплошь размытая пахса, в хозяйственной половине дома над полом — слой перегнивших органических остатков зеленоватого цвета, что является еще одним доказательством использо-

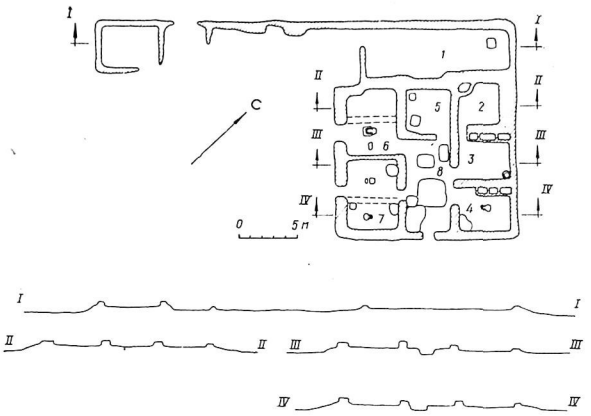


Рис. 52. Дом № 20 в поселении в урочище Дарьялык-куль

вания этой части дома в качестве хранилища. Такой же слой заполнял коридор и некоторые ямы в полу.

Из весьма немногочисленных предметов, найденных в помещениях, упомянем несколько голубых, зонной формы пастовых бусин и две кашинные цилиндрические, также с бирюзовой поливой, обломок железного ножа, фрагменты сероглиняных водоносных кувшинов, горшка и мисок, покрытых бирюзовой поливой и светло-зеленой росписью по краю.

Таким образом, северо-восточная часть дома занята кладовыми, юго-западная — двумя жилыми комнатами. В какой-то момент для жилья было приспособлено и помещение № 4 в восточном углу постройки. Кухонный очаг находился, вероятно, в углу центрального помещения, близ входа, как это мы видели в кават-калинских жилищах. Анализ распределения керамики в помещениях дома подтвердил наше предположение: из 37 экземпляров сосудов (найденных во фрагментах) 18, в том числе тальковый котел, использовавшийся для приготовления пищи,— из этого помещения.

Планировка соседнего дома — № 21 (размеры — 15×9,5 *м*) — отличается от вышеописанного. Его центр — прямоугольное небольшое помещение № 4, сообщавшееся с внешним миром посредством двух очень узких, шириной 1 *м*, коридоров. Выходы из них находились в двух противолежавших сторонах жилища — северо-западной и юго-восточной. Стены коридора очень толсты — 1,7 *м*, в то время как ширина стен остальных помещений не превышает 0,7 *м*.

Таким образом, две трети площади центрального ряда комнат занимают два массива кирпичной кладки с узким коридором посредине. Это обстоятельство, как нам кажется, указывает на то, что в прошлом над ними находился второй этаж (рис. 53). В одном из углов центрального помещения был сделан отопительный очажок прямоугольной формы длиной 50 *см* и шириной 30 *см*, обложенный по краю обломками обожженного кирпича.

Дом был распланирован так, что три помещения сообщались только через центральное — № 4. Северо-восточная половина дома, как это мы видели и в других случаях, четко отличалась по назначению от юго-западной. Ее площадь занимают помещения № 5 и № 6. В первом из них открыт очаг в виде округлой ямы диаметром 35 *см* и глубиной около 30 *см*. Вокруг него на полу зафиксированы пятна сажи, угольки, обожженные участки, обломки серой неполивной посуды. Стенки ямы были обмазаны глиной и сильно прокалились.

В соседнем помещении — № 6 — близ юго-восточной стены в пол был врыт керамический очаг с плоскими, прочерченными зигзагообразным орнаментом закраинами. Диаметр очага — 40 *см*, глубина — 30 *см*; устье топки шириной 25 *см* выходит в большую четырехугольную предочажную яму. В отличие от вышеописанных домов следов кирпичной вымостки здесь нет. В углу обнаружена круглая

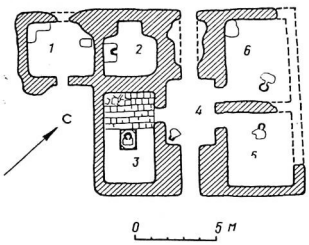


Рис. 53. Дом № 21 в поселении в урочище Дарьялык-куль

яма диаметром 50 *см*, выложенная по краю обломками обожженного кирпича. Скорее всего это ташна.

Юго-западная половина дома состоит из трех помещений: два из них, № 1 и № 2, подняты на полуметровом цоколе. Помещение № 2 никак не связано с остальным пространством дома, так как прохода из него не найдено. Можно лишь предположить, что туда опускались с крыши по приставной лесенке. Здесь у юго-западной стены был устроен очаг в виде прямоугольного углубления в пахсовой выкладке, высоту которой точно установить не удалось, но, вероятно, она равнялась 30—40 см. Как мы старались показать выше, он должен был использоваться для приготовления пищи.

Помещение № 1 почти смыто, несмотря на наличие цоколя. Из внутренних конструкций сохранился лишь обрывок пахсовой «скамейки» в одном из углов. В тонком слое пыли и размытой пахсы над полом найден большой бронзовый колокольчик (целый), стеклянная подвеска с разноцветными прожилками, стеклянная вставка для кольца, крышка тонкого керамического сосуда, покрытая бесцветной поливой поверх светлой подгрунтовки с коричневой росписью, фрагменты чаши с бесцветной поливой по светлой, зеленоватой подгрунтовке с гравированным рисунком в виде завитков и прямых линий.

Самым парадным оказалось помещение № 3, повторившее уже знакомую нам по раскопкам дома № 1 планировку: треть его площади вымощена обожженными кирпичами, в центре находилась прямоугольная вымостка — очаг размерами 1,2×1 *м*,— сделанная из обожженных кирпичей, положенных плашмя и ограниченных по краю кирпичами, поставленными на ребро. В западном углу устроена ташна. В этом помещении найдены обломки серого неполивного кувшина, а также оконного стекла, встречавшегося и в помещении № 4.

Обращает на себя внимание отсутствие в этом доме ям и закромов. Вероятно, хранилища находились в верхнем этаже, располагавшемся если не над всей площадью нижнего, то, во всяком случае, над его частью. Как и в доме № 20, стоявшем рядом в черте общей ограды, жилые комнаты были сосредоточены в северо-восточной части дома. Центральное помещение дома № 4 играло роль холла-распределителя. В юго-западной половине дома находились михман-хана и, вероятно, теплое зимнее кухонное помещение № 2. Подтверждают такой вывод наличие в нем очага для приготовления пищи, а также распределение находок в доме. Тальковый котел был найден именно в этом помещении, в то время как большинство мисок и чаш — в жилых комнатах (№ 5 и № 6), где пищу могли только подогревать и где кипятили воду, греясь возле открытых очагов. Помещение № 1, лишенное очагов и, по-видимому, соединявшееся с айваном, можно считать летней комнатой.

В группе построек домов № 2, № 3 и № 4 самая крупная — дом № 2. Его площадь — 27×27 *м*; дом ориентирован углами по странам света (рис. 54). До раскопок стены кое-где хорошо просматривались на поверхности, и складывалось впечатление, что постройка напоминает типичные южноузбекские хаули с их осевыми даланом и дализом, продолжающим далан в жилой части дома. Скажем сразу, что раскопки не подтвердили этого предположения.

Дом, по-видимому, состоял не менее чем из 25 помещений, но его северный угол разрушен, и потому удалось расчистить только 23. Глухой стеной дом делился на две практически несообщавшиеся половины, так как единственный проход, имевшийся в этой стене, связывал юго-западную половину дома только с одной секцией северо-восточной половины, к тому же изолированной от всех остальных помещений этой второй половины.

Юго-западную часть постройки можно считать жилой. Она состояла из четырех не связанных между собой секций, в каждую из которых входило по два помещения, и более крупной, также изолированной жилой ячейки. Перед секциями, видимо, находились айваны (за исключением, быть может, крайней, западной). Именно она и сообщалась, как выше указано, с северо-восточной частью дома. Две из трех других секций единообразны по функциональному составу. В каждой из них была кладовая (№ 6 и № 8) с ямами для установки крупных сосудов или хранения продуктов и

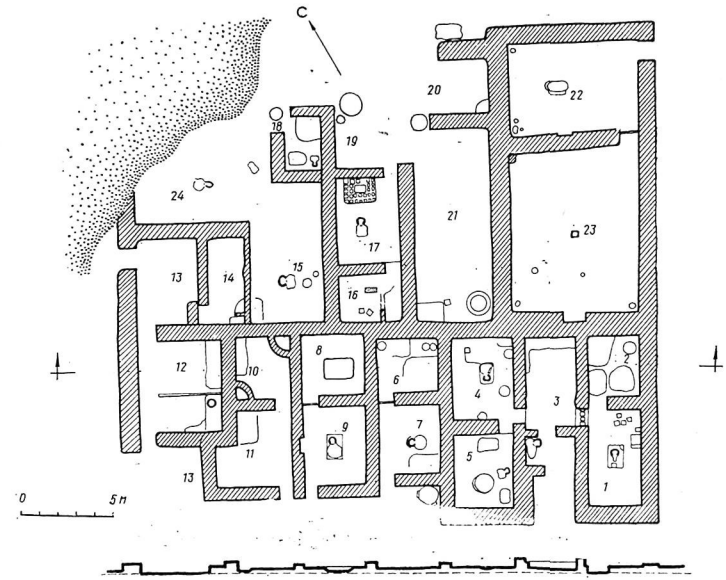


Рис. 54. Дом № 2 в поселении в урочище Дарьялык-куль

помещение с очагом (№ 7 и № 9). Очаги различались по устройству: в помещении № 9 это было четырехугольное неглубокое углубление с округлой очажной ямой внутри, в помещении № 7 — врытый в землю округлый керамический очаг с большой предочажной ямой. В одном из помещений третьей секции (№ 10) открыты угловые полукруглые закрома с глиняными стенками, отличительной особенностью другого (№ 11) являлась большая ниша в северо-западной стене. Очага здесь не было.

Южный угол описываемой половины дома занят жилой ячейкой с коридором посредине и четырьмя помещениями, попарно расположенными по обе его стороны. Если обратиться к сравнениям, то легко увидеть, что эта ячейка аналогична небольшим домам в Кават-калинском оазисе и дому в Айгельды, но только в данном случае дом включен органической частью в более крупную жилую постройку. Назначение его комнат определяется, как нам кажется, с большой отчетливостью. Так, в северо-восточном углу дома располагалась кладовая № 2, сплошь занятая вырытыми в полу ямами. Здесь подобраны обломки серого водоносного кувшина и чаши, покрытой бирюзовой поливой. Рядом находилась жилая комната (№ 1), соединенная с кладовой проходом. В ней открыт очаг-сосуд, вмазанный в выкладку, сделанную из обожженных кирпичей. Диаметр очага — 40 *см*. Рядом с ним была ташна, а вся северная часть комнаты, по-видимому, была вымощена обожженными кирпичами. Проход с порогом, сложенным также из обожженных кирпичей, вел из этих двух помещений в коридор, в котором двумя параллельными поперечными стенками с проходом посредине выделен небольшой тамбур, отделявший входную часть, над которой, судя по толщине стен, мог быть второй этаж. В тамбуре находился большой, вырытый в земле округлый очаг, слегка возвышавшийся над полом. Остальная площадь дома (по другую сторону от коридора) занята помещениями № 4 и № 5, которые, как мы считаем, были жилой комнатой и кладовой. Посредине пер-

вой находился открытый отопительный очаг-вымостка, а у стен расчистились ямы от стоявших здесь сосудов. В этом помещении сделано больше всего находок: обломки нескольких глиняных поливных чаш — бирюзовых с синей росписью и гравированным рисунком, с коричнево-зеленой росписью точками и гравированным рисунком в виде завитков, облицованных прозрачной поливой; маленький целый стеклянный сосудик и обломки железных ножей. В соседнем помещении (№ 5), куда вели три стертые пахсовые ступени, уровень пола много ниже, чем всюду в доме (примерно на 0,47 *м*). По-видимому, от гниения органических остатков пол приобрел здесь интенсивную зеленовато-желтую окраску. Все это, как нам кажется, с несомненностью доказывает, что помещение № 5 служило кладовой, но в отличие от других хранилищ дома было холодным полуподвалом.

Северо-восточная половина дома отличалась совсем иными чертами, и сходство с юго-западной наблюдается только в секционном расположении помещений, при этом секции также не сообщались непосредственно, а были отделены глухими стенами.

Самым важным в этой половине нам представляется помещение № 23 площадью 8××6,5 *м*, являвшееся, как нам кажется, большим залом или летним айваном со своего рода «почетным местом» — нишей метровой ширины и полуметровой глубины в середине южной стены. Возможно, что с оформлением этой стороны зала были как-то связаны стоявшие, судя по сохранившимся ямкам, в ее углах столбики диаметром около 20 *см*. Кровлю в центре зала поддерживала некогда колонна, основание которой оставило здесь след в виде четырехугольной выемки в полу.

Зал соединялся дверным проемом с очень чистым и пустым помещением № 22, игравшим, по-видимому, по отношению к нему вспомогательную роль. Близ северного и западного углов последнего также открыты ямки от столбиков того же диаметра, что и в зале. Эта повторяющаяся в данной секции деталь, вероятно, могла бы сыграть важную роль в разгадке назначения помещения, но пока она, к сожалению, непонятна.

Соседняя секция необычна тем, что располагавшийся в наружном конце дворик (№ 19) с айваном (№ 20) соединял в одно целое три (№ 16, № 17 и № 21) вытянутых в два параллельных ряда помещения, в то время как обычная в доме секция включала только один ряд. Самое обширное в этой секции помещение, № 21, было нежилым, стерильностью слоя над полом напоминая только что описанное помещение № 22 в соседней секции. Оно совершенно пусто, лишь у юго-западной его стены когда-то стоял врытый в землю хум (сохранились только донные части сосуда в большой округлой яме), а рядом с ним оконтурился четырехугольный отпечаток какого-то предмета.

Помещения № 16 и особенно № 17 выделялись из других более широким использованием при их отделке обожженных кирпичей.

Интерьер первого лишен каких-либо явных признаков, указывающих на его назначение. В нем обнаружены обломки обогревательного очага типа переносной жаровни с углями, у северной стены открыта прямоугольная неглубокая яма размерами 2×0,5 *м*, а над полом найдены фрагменты железных ножей, бронзовые маленькие чашечки весов и колокольчик.

В сообщавшемся с ним помещении № 17 посредине располагался керамический округлый очаг диаметром 0,3 *м* с четырехугольной предочажной ямой, а у северо-восточной стены — четырехугольная вымостка из одного ряда плашмя положенных обожженных кирпичей, в центре которой сделано прямоугольное углубление для водостока. Размеры вымостки — 1×1,5 *м*. Несколько более парадный, чем у обычных жилых комнат дома, раскрытых в его юго-западной половине, облик комнаты подчеркивает находка в слое над полом прекрасного качества люстрового сосуда, к сожалению фрагментированного, с изображением вереницы животных, напоминающих леопардов (рис. 55).

Замыкавшее секцию с севера помещение № 19 (уже упоминавшееся выше) мы считаем двориком, так как, по существу, оно имело только две стены, не будучи ограниченным с северо-востока. Кроме того, восточная стена секции, разграничивавшая помещения № 21 и № 23, далеко выдается на север, делая линию северо-восточной стороны дома зигзагообразной. Восточную часть дворика № 19 занимал большой айван. Возле него у северо-западного угла двора, судя по расчищенным там двум округлой формы ямам, стояли большие хумы, до нашего времени не сохранившиеся.

План северного угла дома неясен полностью из-за того, что стены здесь оказались разрушенными огромным закрывшим его барханом. По-видимому, весь угол занимало одно большое помещение (или двор?) № 24 с углубленным в пол керамическим овальным в плане очагом диаметром 25 *см*, топочное устье которого открывалось на запад, в небольшую предочажную яму. Очень широким проемом без дверей оно сообщалось с помещением № 15, где открыт очаг той же конструкции,

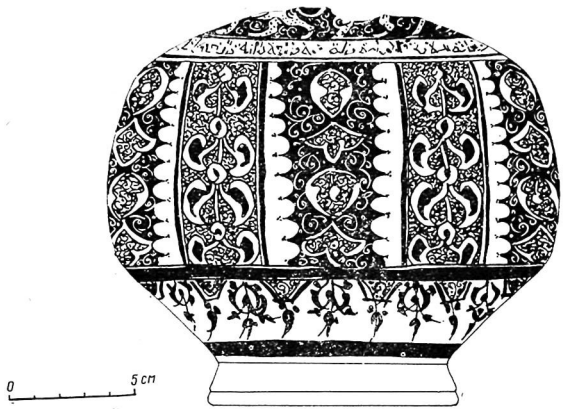


Рис. 55. Люстровый сосуд из дома № 2

но несколько большего диаметра (38 *см*) и обращенный устьем в противоположную сторону, на восток. Тут же оказалось несколько округлых ямок от несохранившихся сосудов, врытых в пол.

Помещения № 12, № 13, № 13а и № 14 по расположению в общей системе планировки дома составляют особый комплекс, поскольку он объединяет два помещения северо-восточной половины дома с двумя — юго-западной. Помещение № 12 и было, по-видимому, в нем основным по значению. Оно квадратное, перегороженное в прошлом деревянной стойкой на две части. Вдоль двух стен устроена глинобитная выкладка шириной немногим больше 1 *м* с вмазанным в нее старым хумом серого обжига. Высота хума — 0,51 *м*, диаметр устья — 0,4 *м*, в нижней придонной части заметно поддувало в виде отверстия шириной в 0,15 *м*. Хум вмазан вертикально и, вероятно, служил в качестве тандыра. Таким образом, здесь было большое помещение или частично перекрытый дворик, где пекли лепешки. В самом маленьком помещении (№ 14) этого комплекса пол присыпан золой, а близ южного угла обнаружены остатки очажной вымостки, возле которой лежали обломки талькового котла. В основании дверного проема лежал узкий пахсовый блок, образующий высокий порог. В соседнем помещении — № 13 — была сделана одна из самых интересных находок в доме — мастерски выполненная керамическая фигурка горбатого быка-зебу.

В заключение описания планировки укажем, что расчистка внешних стен дома укрепила нас в предположении, что он не имел правильных очертаний, так как линия северо-восточной и юго-западной стен приближалась к ломаной с несколькими заметными уступами за счет выступавших торцов отдельных помещений. Можно полагать, что она должна была выравниваться рядом опор для навесов айванов, располагавшихся по-видимому, вдоль всего почти юго-западного фасада дома (перед жилыми секциями) и части северо-восточного.

Стены помещений сложены из пахсы и в основном сохранились в высоту на 0,25—0,35 *м*; лишь один участок центральной, основной стены дома, делившей его на две части, возвышается почти на 1 *м*. Лучшая ее сохранность здесь объясняется тем, что стена утолщена (достигает ширины 1,3 *м*). Несколько толще обычных и стены зала № 23 — они достигают метровой толщины, в то время как ширина стен прочих комнат равна 0,6 *м*. Это обстоятельство позволяет предположить и большую высоту стен зала.

Итак, в доме четко различаются юго-западная половина, жилая, и северо-восточная, где значительную часть площади занимали обширные помещения (приемные? летние?) и парадная секция с богаче других отделанным помещением № 17 и большой летней комнатой с айваном перед нею (помещения № 19, № 20 и № 21). К западной стене дома при-

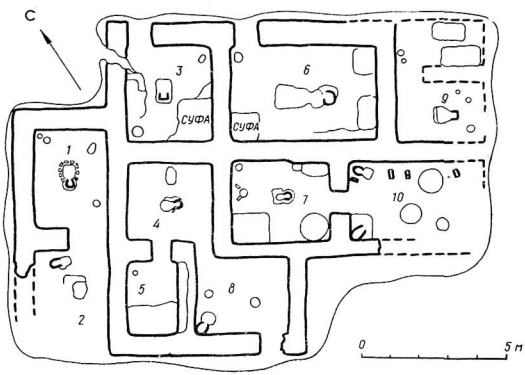


Рис. 56. Дом № 3 в поселении в урочище Дарьялык-куль

мыкал хозяйственный комплекс, где выпекали лепешки и, по-видимому, готовили пищу. Таким хозяйственным центром в юго-западной, жилой, половине дома была ячейка из четырех помещений с центральным коридором, на которую приходится половина из 70 экземпляров посуды, найденной в доме, в том числе обломки семи тальковых котлов разных размеров.

Следующий дом, раскопанный нами в этой группе построек,— № 3 — находился на расстоянии не более 0,3 *м* от описанного и был гораздо меньше его (17,04×11,17 *м*) (рис. 56).

Дом состоял из десяти помещений, образовавших шесть изолированных секций: две однокомнатные, три двухкомнатные и одну трехкомнатную. В каждой из них выявлено по одному или даже несколько очагов, при этом обязательно — хорошо известный нам керамический круглый с предочажной ямой, располагавшийся посреди комнаты. Интересно, что все они оказались одинакового диаметра — 0,25 *м*.

В однокомнатных секциях кроме этого очага имелось глинобитное возвышение типа суфы у одной из стен (помещения № 3 и № 6) и несколько ям от сосудов и для хранения продовольственных припасов. В помещении № 6 возле предочажной ямы устроено четырехугольное пахсовое возвышение, своего рода «глиняный стол»; близ юго-восточной стены — две большие четырехугольные ямы-«ванны» размерами 1,1×1,1 *м* одна и чуть меньше другая. Таким образом, однокомнатные секции представляли собой жилые помещения, входившие в состав всех описанных выше средневековых жилищ Хорезма. Подобные комнаты являлись частью двухкомнатных и трехкомнатной секций дома (№ 1, № 4, № 7, № 9). В другом помещении этих секций также был очаг или очаги, помещавшиеся уже не посредине, а в одном из углов, в вымостке (№ 10) или просто вырытые в земле, подпрямоугольной формы. Особенно много очагов в помещении № 10, где остальную, свободную от них площадь занимали врытые в пол и ныне не сохранившиеся хумы.

В доме сделано немного находок, все они сводятся к обломкам неполивной, главным образом сероглиняной посуды. Есть несколько целых кувшинчиков. Отметим также находку в одном из очагов кашинной поливной бирюзовой бусины зонной формы.

Таким образом, этот небольшой, но очень плотно населенный дом состоял как бы из нескольких, выражаясь современным языком, «квартир» с собственными кладовыми, жилыми и хозяйственными помещениями.

Совсем другого типа оказались две другие постройки этой группы. Первая из них, дом № 4 (рис. 57), не являлась жилищем, а служила, судя по всему, кладовой, почти вплотную примыкавшей к дому № 2. Их разделяло только два метра, причем и этот узкий проход тоже мог быть перекрытым. Это — двухкомнатная постройка размерами 8,3×4 *м*. В помещениях, не сообщавшихся друг с другом, очагов нет, в углах обнаружены остатки полукруглых закромов с глиняными стенками, в полу одного помещения расчищена круглая

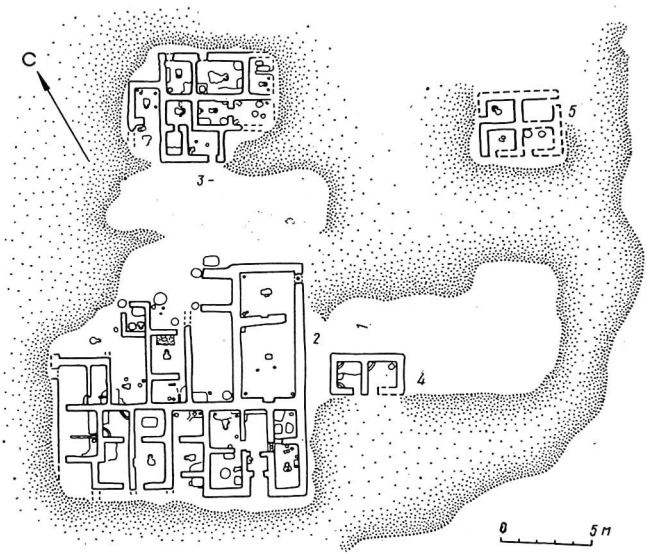


Рис. 57. Группа домов (№ 2, № 3, № 4, № 5) в поселении в урочище Дарьялык-куль

яма от сосуда, в соседнем — четырехугольная, размерами 0,8×0,1 *м*. Возможно, что рядом с этим домом стояли другие постройки, составлявшие его продолжение, но они если и были, то являлись очень легкими и совершенно разрушились, оставив на поверхности земли неясные оплывы и мелкораздробленную неполивную керамику. Сам же «дом» № 4, безусловно, служил кладовой.

Дом № 5 (рис. 57) отделен от предыдущего расстоянием в 20 *м*, а от дома № 2 — 12—15 *м*. До раскопок он выглядел небольшим скоплением обломков сероглиняной неполивной посуды и обожженных кирпичей. Культурный слой оказался почти полностью смытым, стены — разрушенными до основания. Но все-таки удалось выяснить, что дом состоял из трех-четырех помещений, два занимали его западную половину и одно или два — восточную. В одном из этих помещений открыт керамический очаг и рядом с ним — другой, более ранний и сильно разрушенный. В предочажной яме найдены фрагменты большого сероглиняного сосуда, сероглиняной тонкостенной кружки на маленьком дисковидном поддоне с кольцевидной ручкой и бирюзовая кашинная поливная бусина. В южной части комнаты расчищены две большие овальной формы ямы глубиной 0,30—0,35 *м* с рыхлым заполнением, без находок. В других помещениях постройки слой смыт совсем, находок не было. На поверхности пола в них зафиксированы красные опаленные участки, где разводился огонь.

Итак, исследованная теперь нами полностью группа построек включала три жилых дома, весьма тесно связанных местоположением и общими, надо полагать, угодьями, но в каждом случае с собственными кладовыми и с явным разграничением в области потребления. В доме № 2, выделявшемся размерами, родственники, обслуживавшие хозяйство этого сложностью планировки, разнообразием находок, богатством поливной посуды, жил, вероятно, хозяин хутора, от семьи которого могли отпочковаться дочерние семьи, расселившиеся в отдельных жилищах, причем в одном из них, № 3, жило несколько семей. Не исключено, однако, что в этом доме жила челядь, го дома — самого большого в поселении. Хлевов не обнаружено, скот, вероятно, содержал-

ся в легких постройках или под навесами, примыкавшими к дому и не сохранившимися.

На территории поселения собрано много целых и фрагментированных предметов из металла, стекла, кости, глины. Это — украшения, орудия труда, керамика, подробный анализ которых мог бы очень полно и разносторонне охарактеризовать многие стороны материальной и духовной культуры сельского населения хорезмшахского Хорезма. Однако, как сказано выше, это не входит в задачи данной монографии, поэтому мы только кратко перечислим упомянутые предметы, чтобы полнее представить описанное поселение.

Значительную часть собранной коллекции составляют украшения. В их числе 547 бусин, из них около 300 сделаны из стекла и стеклянной пасты, 192 — кашинные и 65 — каменные. Среди каменных преобладают бусины из сердолика. Все они, за исключением нескольких экземпляров шаровидных, относятся к граненым: это битрапециедальные (рис. 58, *1*), бипирамидальные (рис. 58, *2*), призматические (рис. 58, *3*), четырнадцатигранные (рис. 58, *4*), усеченно-бипирамидальные (рис. 58, *5*). Сходные с нашими сердоликовые бусины довольно часто встречаются в средневековых слоях среднеазиатских памятников. Не претендуя на исчерпывающий обзор этих находок, укажем, что близкие по форме призматические бусины имеются в слоях XII—XIII вв. городища Шехр-Ислам в Южной Туркмении [Атагаррыев, 1973, 118, рис. 25, *3*], в сборах из Ахсыкета [сборы Н. И. Веселовского, коллекция Государственного Эрмитажа, СА-12309, СА-12310 и СА-12303], в Афрасиабе [коллекции Государственного Эрмитажа], в могильниках Западной Ферганы [Литвинский, 1973, табл. 15, *20*], в Мерве [Дресвянская, 63, рис. 1], в слоях XII в. в городище Карабулак [Брыкина, 1974, 93, рис. 63, *7*]. Почти во всех перечисленных археологических памятниках есть и близкие к нашим бипирамидальные бусины, найденные также в слоях XII — начала XIII в. на городище Чугундор [Атагаррыев, 1970, 118, рис. 42, *2*], в курганах VII—VIII вв. на Тянь-Шане [Бернштам, 1952, 86, рис. 47, *14*] и в других местах.

Битрапециедальные бусы также относятся к очень распространенным на среднеазиатских средневековых памятниках формам граненых бус. Однако в Хорезме нам известны только битрапециедальные бусины с центральным пояском, встречающиеся также в сборах на Афрасиабе и Ахсыкете, тогда как аналогичные бусины из Мунчак-тепе и Шехр-Ислама отличаются отсутствием такого пояска.

Ниже мы увидим, что эта форма повторяется также среди стеклянных бусин из нашей коллекции, по-видимому являясь наиболее популярным в средневековом Хорезме вариантом данных битрапецеидальных бусин.

Гораздо меньше на поселении найдено бусин и подвесок из хрусталя и халцедона (рис. 58, *6, 8, 9—10, 12*). Они повторяют форму сердоликовых бусин с тою разницей, что среди хрустальных и халцедоновых больше шаровидных. Усеченно-конические бусины из гагата (рис. 58, *20*) подобны опубликованным Е. Атагаррыевым [1970, 118, рис. 42, 7] среди находок из слоев XII—XIII вв. городища Чугундор; есть они и в сборах из Афрасиаба [коллекция Государственного Эрмитажа].

Стеклянные бусины исключительно разнообразны по форме и размерам: эллипсоидные (рис. 58, *31*), уплощенно-шаровидные (или зонные) (рис. 58, *30*), кольцевидные (рис. 58, *44*), цилиндрические (рис. 58, *38*), ребристые (рис. 58, *25*), многочастные (рис. 58, *35, 39*), биконические (рис. 58, *41*), битрапециедальные (рис. 58, *34*), бисер, колоколовидные (рис. 58, *23*) и пр. Подавляющее их большинство — одноцветные, черные или голубые, реже — зеленые, желтые и другого цвета. Мозаичные, глазчатые и полосатые бусины составляют всего 7,5% общего числа. Наибольшее число аналогий можно найти эллипсоидным и шаровидным одноцветным бусинам. Они имеются в коллекциях из Мунчак-тепе (XII—XIII вв.) и Афрасиаба (фонды Государственного Эрмитажа), в золотоордынских городах Поволжья [Бусятская, 1973, 218—219], в Саркеле (X—XII вв.) [Львова, рис. 5, *4*], в Херсонесе [Бусятская, 1973а, 15], в Мерве [Дресвянская, 72—73, рис. 2А]. Там же найдены и шаровидные бусины. Встречаются подобные нашим ребристые бусины в Шехр-Исламе [Атагаррыев, 1973, 81, рис. 25, *17*]; многочастные — в Аште и Афрасиабе [коллекции Государственного Эрмитажа], в могильнике Алмалуу в Киргизии [фонды Института истории и археологии Академии наук Киргизской ССР]; цилиндрические и призматические — в могильниках Западной Ферганы [Литвинский, 1973, табл. 11, *5* и *17*], в Шехр-Исламе (Атагаррыев, 1973, рис. 25, *16*], в Мерве [Дресвянская, 73, рис. 2А], в золотоордынских городах Поволжья [Бусятская, 1973а, 18], в Карабулаке XII в. [Брыкина, 1974, 93]. В Мунчак-тепе [коллекции Государственного Эрмитажа, СА-12360]: биконические — в Мерве [Дресвянская, 73, рис. 2А], в могильниках Западной Ферганы [Литвинский, 1973, табл. 11, *7*; 114], колоколовидные — в Мерве [Дресвянская, 73, рис. 2А]. Шаровидные, зонные и эллипсоидные многоцветные бусины украшены спирально-винтовым орнаментом белого, желтого, зеленого и голубого

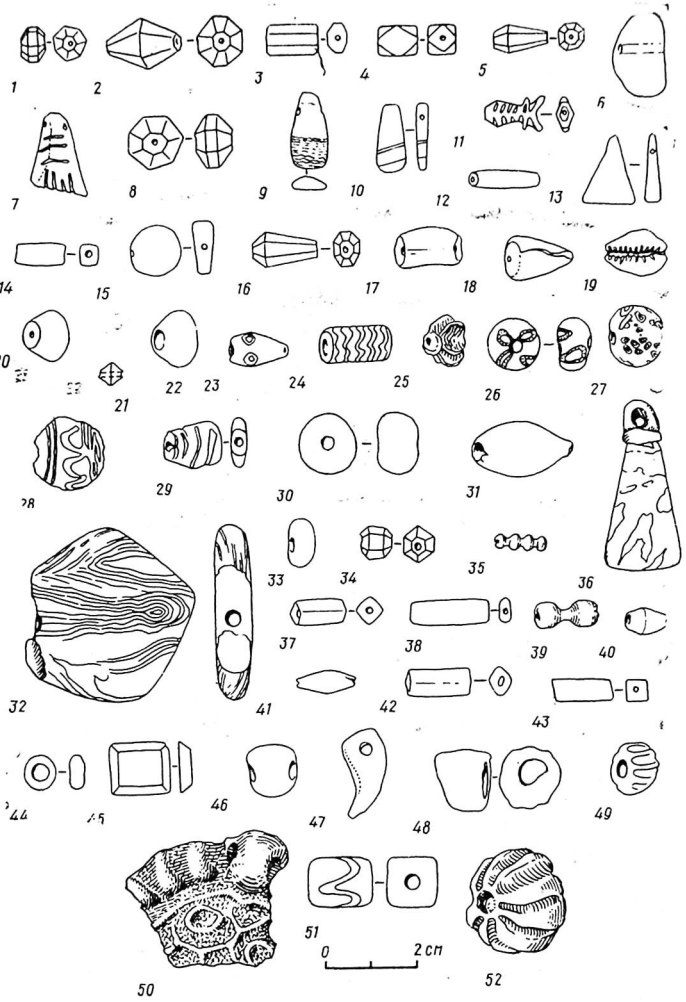


Рис. 58. Бусы, подвески из поселения в урочище Дарьялык-куль:

1—5 — сердолик; *6, 8* — хрусталь; *7* — кварцит; *9, 10, 12* — халцедон; *11, 13* — лазурит; *14, 15* — белый камень (кость?); *16* — яшма; *17* — коралл; *18, 19* — раковины; *20, 22* — гагат; *21, 23—45, 51* — стекло; *46—50, 52* — кашин

цвета или маленькими красными глазками в широком белом, желтом и голубом ободке или желтыми — в красном ободке. Орнамент выполнен инкрустацией, как правило не рельефной, и поверхность бусин гладкая. Они находят аналогии среди многоцветных бусин из золотоордынских городов Поволжья и кочевнических курганов Восточной Европы [Бусятская, 1973а, 24], Саркела [Львова, 328, рис. 6, *4, 5, 13*], слоев Новгорода, где датируются XII—XIV вв. [Щапова, 177, табл. II, *14*]. Многоцветные бусины, близкие нашим, были, очевидно, насколько можно судить по коллекциям, хранящимся в фондах Государственного Эрмитажа, распространены в средневековых слоях Мунчак-тепе и Афрасиаба. Однако там встречаются бусины с рельефными глазками, отсутствующие в наших сборах и, как мы полагаем, нехарактерные для украшений в средневековом Хорезме — во всяком случае, на исследованной нами территории.

Таким образом, предварительно можно сказать, что примерно одинаковый комплекс каменных и стеклянных бус дают слои XI—XIII вв. в городищах Южной Туркмении — Мерве, Чугундоре и Шехр-Исламе. Оттуда же происходят кашинные бусины (рис. 58, *46, 48, 49, 52*), подвески-клычки (рис. 58, *47*) и подвески с рельефным орнаментом, покрытые бирюзовой поливой (рис. 58, *50*) [Дресвянская, рис. 2А, 80, рис. 3; Атагаррыев, 1973, 63]. Аналогии им встречаются также в средневековых слоях Мунчак-тепе и Афрасиаба [коллекции Государственного Эрмитажа]. Близок к описанному и набор бус из золотоордынских городов Поволжья.

Большую группу составляют фрагменты стеклянных и каменных подвесок и кулонов (почти 100 штук). Большинство кулонов многоцветны (рис. 58, *41*). Стеклянные подвески — синего или черного цвета с белыми полосками-прожилками (рис. 58, *36*). Из каменных подвесок наиболее распространены кварцитовые с голубой глазурью, «кулачки» (рис. 58, *7*) (см. также находки в слоях XI — начала XIII в. из Чугундор-тепе) [Атагаррыев, 1970, 118, рис. 42, *12*], треугольные подвески из лазурита, каплевидные плоские — из халцедона, найденные также в слоях Сарыга X—XII вв. [Бернштам, 1950, табл. XIII] и в Афрасиабе [сборы Н. И. Веселовского, коллекции Государственного Эрмитажа СА-14698]. Треугольные подвески из лазурита находят в курганах кочевников Восточной Европы IX—XII вв. и Западной Сибири [Плетнева, 1958, 171; Макарова, 1962; 127—129], в захоронениях Белой Вежи-Саркела X—XII вв. [Артамонов, 1958, 81; рис. 60], у тюрков Семиречья в VII—VIII в. [Бернштам, 1950, 78], в верхних слоях Куюк-Кескен-калы в низовьях Сырдарьи (IX—X вв.) [3]. Близкие к нашим треугольные подвески из лазурита обнаружены в Ток-кале, население которой, по-видимому, этнически родственно обитателям Куюк-Кескен-калы. На Ток-кале эти подвески датируются VII—IX вв. [Гудкова, 1973, 130]. Есть предположение, что синие треугольные и ромбические подвески, распространенные в XI—XII вв. в южнорусских степях,— предмет, «характерный только для кочевников» [Плетнева, 1958, 171]. Т. И. Макарова, специально изучавшая подвески из лазурита, пришла к выводу, что они являлись амулетами кочевников-берендеев X—XI вв. [1962, 127].

Разнообразны и украшения из бронзы. Мы нашли несколько больших литых и штампованных фигурных подвесок с гравированным рисунком, изображавшим птиц — утку (или павлина) и пару обращенных друг к другу голубей, а также растительные мотивы (рис. 59, *1—4*). Есть несколько экземпляров серег в виде колечка с обмоткой из тонкой проволочки, на которую были нанизаны теперь утраченные бусинки, или с одной крупной бусиной (рис. 60, *12—15, 17*).

Несколькими вариантами представлены перстни с плоскими напаянными или литыми щитками, с четырехугольным щитком-выступом. На некоторых щитках видны какие-то гравированные знаки или тамги, на одном — рисунок из концентрических кругов (рис. 60, *1—6, 10*).

Близкие к нашим перстни с плоскими неорнаментированными щитками найдены на городищах Чугундор и Шехр-Ислам (Южная Туркмения) в слоях XII—XIII и XIV вв. [Атагаррыев, 1970, 118, рис. 42, *24—25*; его же, 1973, 73—74].

Основную массу находок из бронзы составляют детали поясных наборов (наконечники, бляшки, пряжки) (рис. 61, 62). Формы наконечников единообразны: они удлиненной формы с заостренным фестончатым краем и со шпеньками для крепления к ремню на внутренней стороне.

Очень разнообразны бляшки: сердцевидные, круглые, четырехугольные или неправильной формы, иногда напоминающей изображения какого-то животного или птицы. Некоторые наконечники и пряжки украшены прочерченным или рельефным растительным орнаментом, однако более широко были распространены гладкие. Большинство этих предметов — из сборов на территории поселения, где есть также небольшое количество поливной посуды «замахшарского типа» (X—XI вв.),

[3] Об этом любезно сообщила Л. М. Левина.

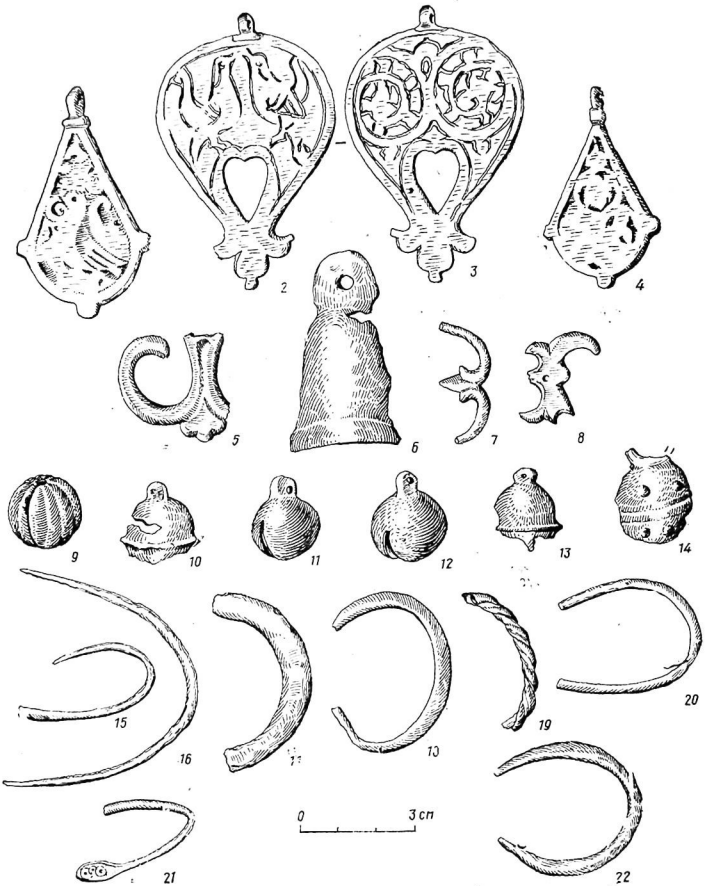


Рис. 59. Изделия из бронзы:
1—5, 7—8 — подвески и обломки подвесок; *6* — обломок колокольчика; *9—14* — бубенчики; *15—22* — браслеты и обломки браслетов

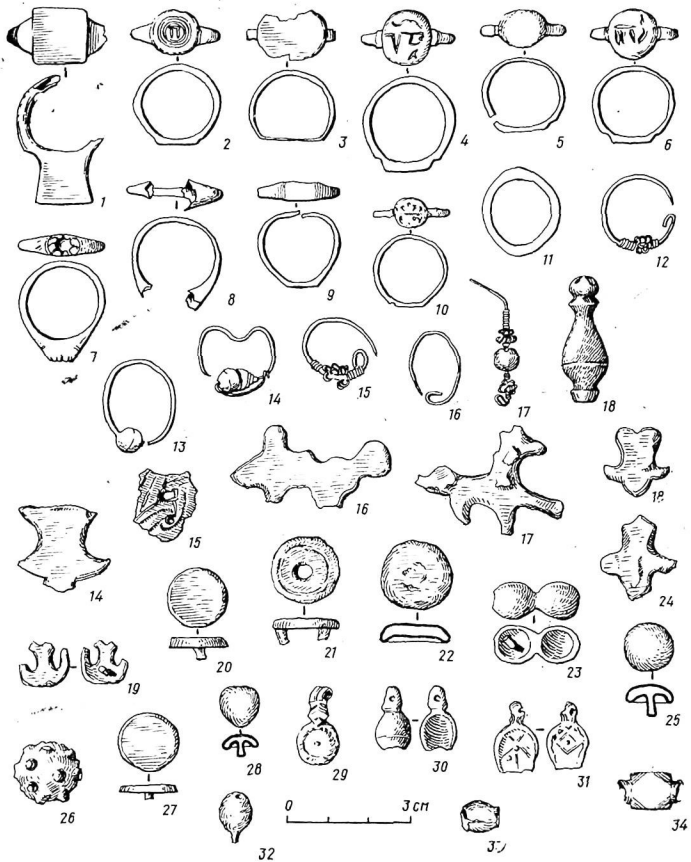


Рис. 60. Изделия из бронзы:
1—11 — кольца, перстни. *12—17* — серьги; *18—34* — подвески, блямбы и прочие предметы

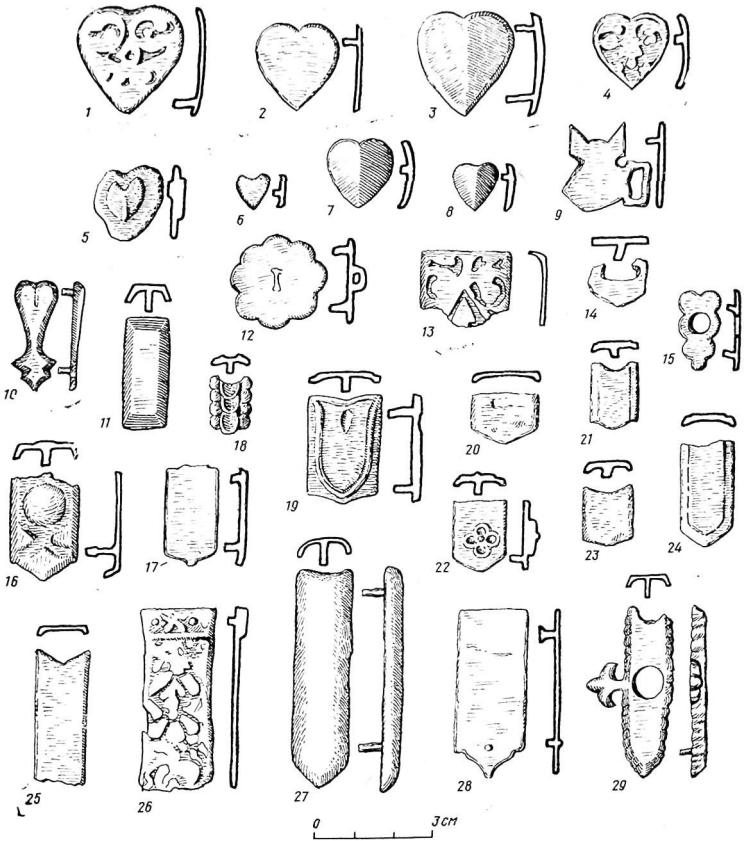


Рис. 61. Бронзовые детали наборных поясов:
1—10, 12, 14, 15, 18 — бляшки; *11, 13, 16—29* — наконечники

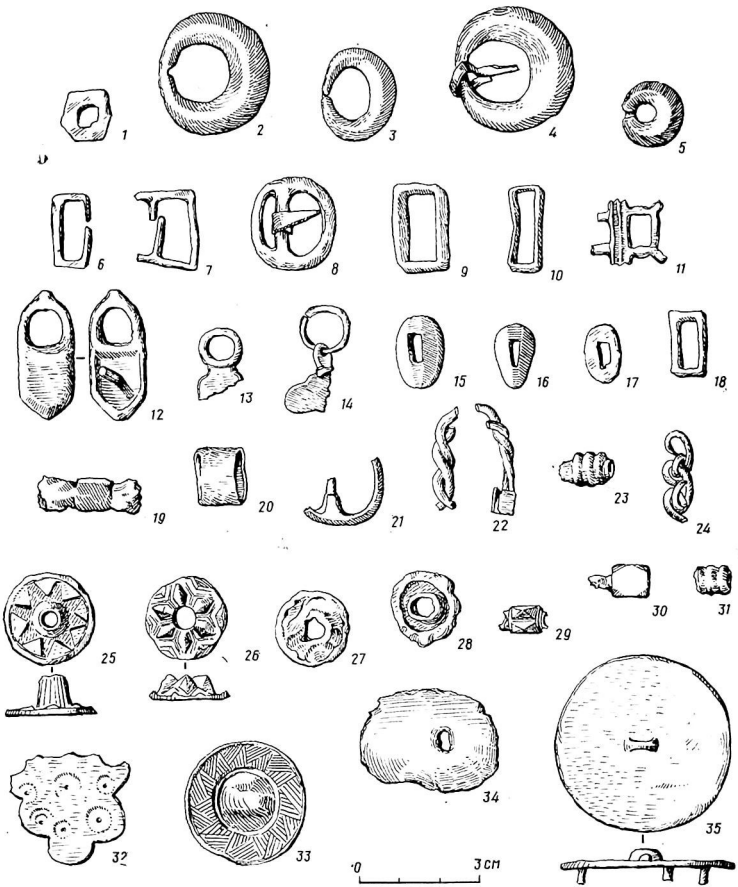


Рис. 62. Изделия из металла:
1—24, 29—35 — предметы из бронзы; *25—28* — изделия из олова

поэтому часть из них может восходить к указанному периоду. Находки таких же вещей в раскопанных домах делают несомненным их существование в XII—XIII вв.

Обращение к указанной категории предметов вызывает широкий круг ассоциаций. Известно, что наборные пояса, являясь характерным атрибутом воина-кочевника, в эпоху раннего средневековья (VI—IX вв.) широко распространились на огромной территории [Распопова, 1965; Ковалевская, 1972, и др.], встречаясь (в частности, в Средней Азии и сопредельных казахских и восточноевропейских степях) и в более позднее время. Однако точного подобия нашим находкам среди известных нам пряжек, бляшек и наконечников [Арсланова, 1972, табл. 1, *1—8*; Плетнева, 1967, 162, рис. 44, 45; Шишкин, 1963, 45, рис. 9; Федоров-Давыдов, 1966, рис. 8, ГIIIб, ГVIа, ЕIV; рис. 9, IAI, IAII и IAIII; Киселев, 1949, 359, табл. LXI; Кызласов, 1959, 216, рис. 45; Агзамходжаев, 1964, 90—95; Ковалевская, 1972, 98—101, и др.] мы не нашли. Ближе всего к ним предметы поясного набора из Ак-Бешима и погребений кочевников, исследованных Г. А. Федоровым-Давыдовым.

В коллекции из описываемого поселения в урочище Дарьялык-куль много обломков бронзовых гладких и витых браслетов, колокольчиков, бубенчиков (есть и 11 целых экземпляров), пуговиц, подвесок (рис. 59, *6, 9—14, 15—22*; рис. 60, *25, 28, 29—31*). Особо следует отметить находку в двух домах бронзовых чашечек весов и нескольких экземпляров гирек разной величины. Из орудий труда наиболее часто встречались железные ножи: однолезвийные, с черешком для прикрепления к рукояти и с прямой спинкой, или кривые, серповидные (рис. 63 и 64). Они найдены почти в каждом доме. Много обломков массивных гвоздей, крючков (рис. 65), есть целый маленький топорик (длина — 12 *см*, ширина рабочего края — 7 *см*) (см. рис. 82, *1*), а также фрагменты каких-то орудий труда типа скобелей (рис. 66, *12*). Примерно в том же наборе эти предметы найдены при раскопках городища Карабулак (XII в.) [Брыкина, 1974, 87, рис. 58; 88, рис. 59] и Саркел в слоях X—XII вв. и более ранних — хазарского периода [Сорокин, 143, рис. 4, *4*; 155, рис. 9, *7, 10*; 161, рис. 13, *9*; 163, рис. 14, *3—6*; рис. 26, *23—30*].

Многочисленные железные изделия хозяйственного обихода VII—VIII вв. из Пенджикента [Бентович, 1973, 74—76, рис. 43; 78—79, рис. 47] и XI—XII вв. из Александровского городища [Берштам, 1950, табл. LXXXVIII] также представляют близкие типы предметов. Найденные на нашем поселении железные наконечники (рис. 66) стрел сильно коррозированы и фрагментарны, что не позволяет выяснить ряд важных в хронологическом отношении деталей. Однако не подлежит сомнению, что они относятся к типу широко распространенных в X—XIV вв. черешковых наконечников с плоской боевой частью ромбической или неправильно-ромбической формы. Последние особенно характерны для XIII—XIV вв. и широко известны в погребениях Центрального Казахстана и в других местах [Брыкина, 1974, 89, рис. 60—185, *6—8*; Сорокин, рис. 29, *1, 7, 15, 21*; Кызласов, 222, рис. 49, *8*; Киселев, 1949, табл. LXI; Маргулан, 251, рис. 5, *2*; Берштам, 1950, табл. XCV, 259; Максимова, 1965, 85—91; Ерзакович, 1968, 91, рис. 4, *10*; М. Е. Массон, 1965, 83; Вайнштейн, табл. XIII, *1—2*]. Однако подобные наконечники-срезни появились до монголов, уже в VI—VIII вв., например в Южной Сибири (см. «Древнемонгольские города», М., 1965, стр. 196).

Столь же часто, как и бронзовые поделки, на поселении встречаются глиняные фигурки животных — быка, лошади, иногда верблюда. Фигурки быков были особенно популярны (рис. 67). В их числе — горбатый бык-зебу в упряжи с большой круглой орнаментированной бляхой на груди.

Эти фигурки, так же как и раковины-каури, клыки-амулеты, изображения птиц на бронзовых бляхах, вводят нас в мир хорезмских верований. Изображения утки и голубей перекликаются с зооморфными сюжетами в орнаментации синхронной поселению керамики из Мерва, среди которых, как отмечает С. Б. Лунина, «на первом месте — утки, фазаны, голуби, павлины» [1960, 85—87; ее же, 1962, 311]. Утка и голубь играли определенную роль в хорезмской символике, будучи, как и павлин, посвящены Анахите и постоянно сопровождая ее изображения [Рапопорт, 1962, 58]. Голубь прочно связывается с представлением о чистой душе умершего [Брагинский, 59; Рапопорт, 1962, 75—76]. Раковины-каури, клыки животных (вспомним глиняные клыки из нашей коллекции), пестрые бусы до недавнего времени почитались местным населением амулетами-оберегами, помогавшими от сглаза [Масанов, 54; Пещерева, 80; Снесарев, 1969, 38—39; Баялиева, 131]. Мы лишены возможности из-за отсутствия места рассмотреть всю большую литературу, посвященную изображению быка — древнейшего тотема иранского населения Средней Азии. Затронем только один вопрос, разработка которого кажется нам перспективной с точки зрения широкого круга проблем, связанных с этнической историей населения Хорезма и, как следствие этого, историей жилищ и поселений. Аналогичные нашим фигурки быков являлись,

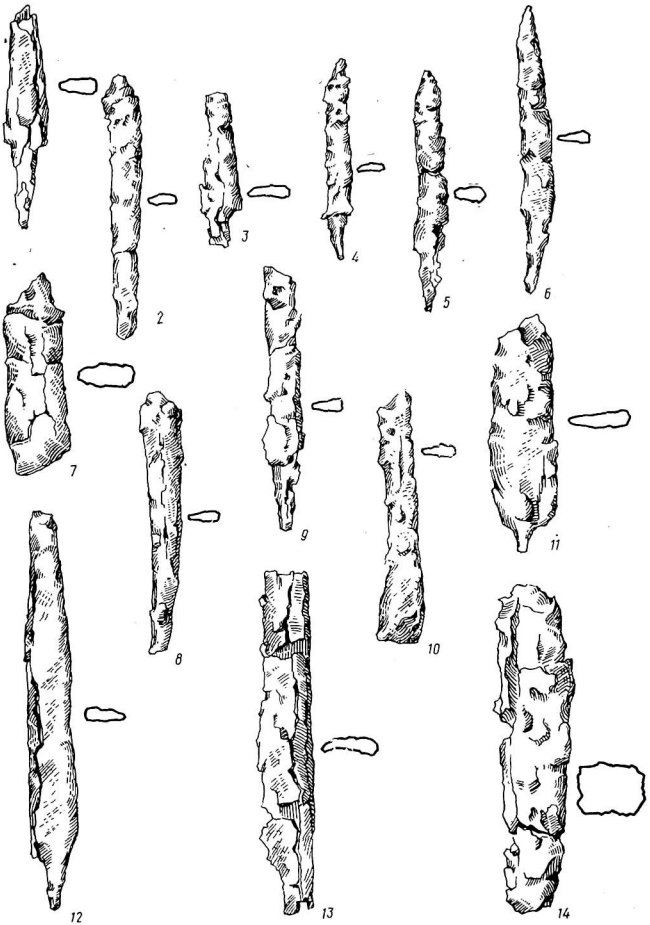


Рис. 63. Железные ножи

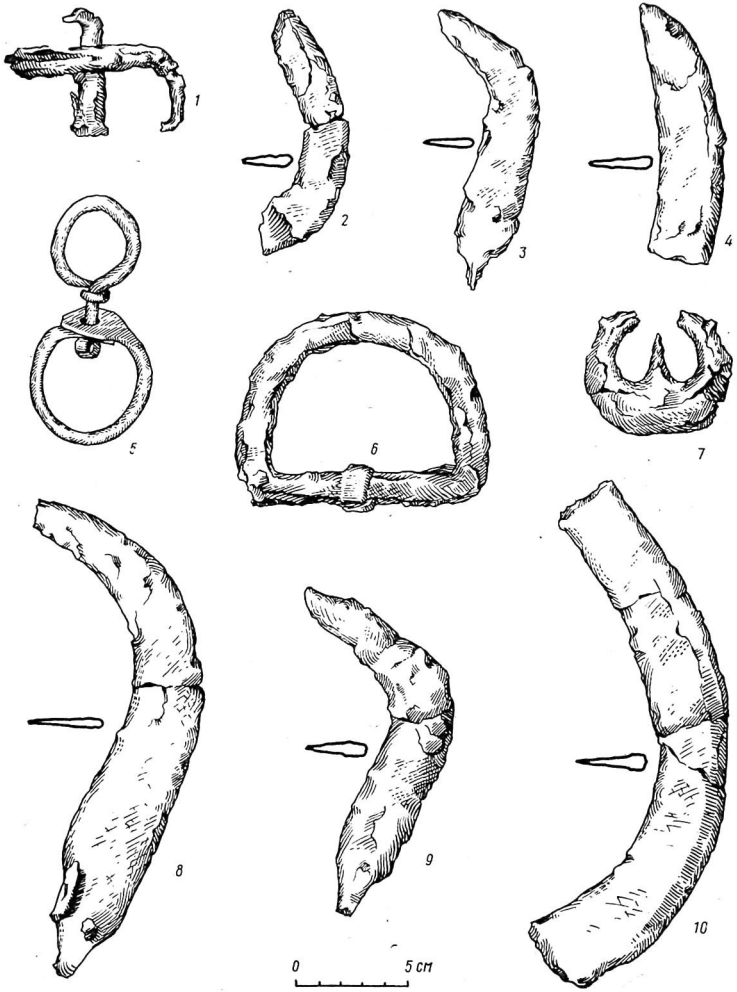


Рис. 64. Железные изделия:
2—4, 8—10 — ножи; *6, 7* — пряжки; *1, 5* — обломки различных предметов

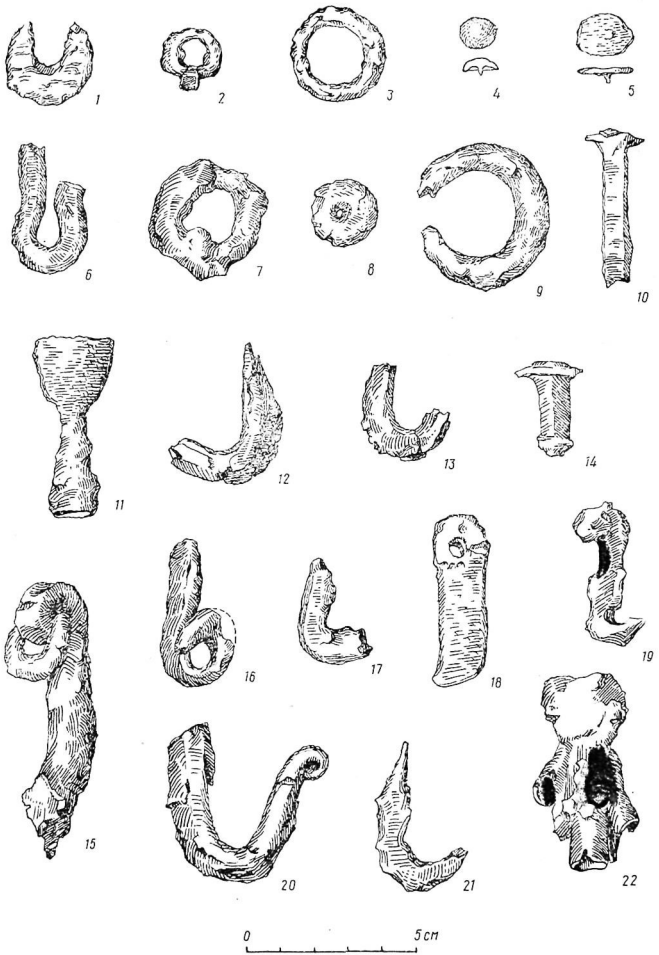


Рис. 65. Железные изделия. Обломки крючков, гвоздей и прочих предметов

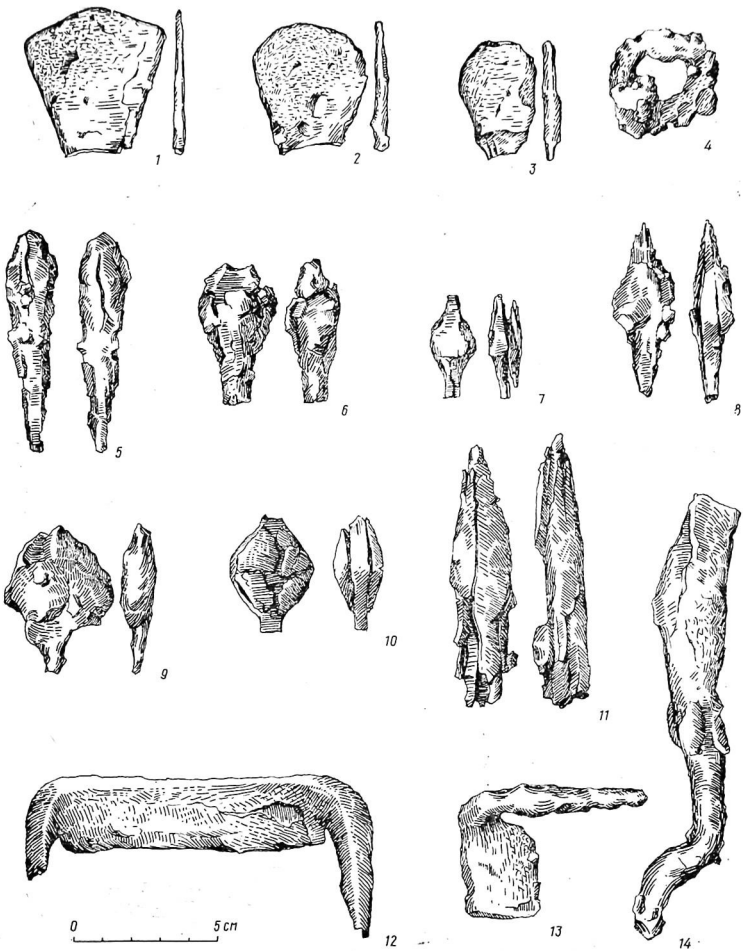


Рис. 66. Наконечники стрел и другие изделия из железа

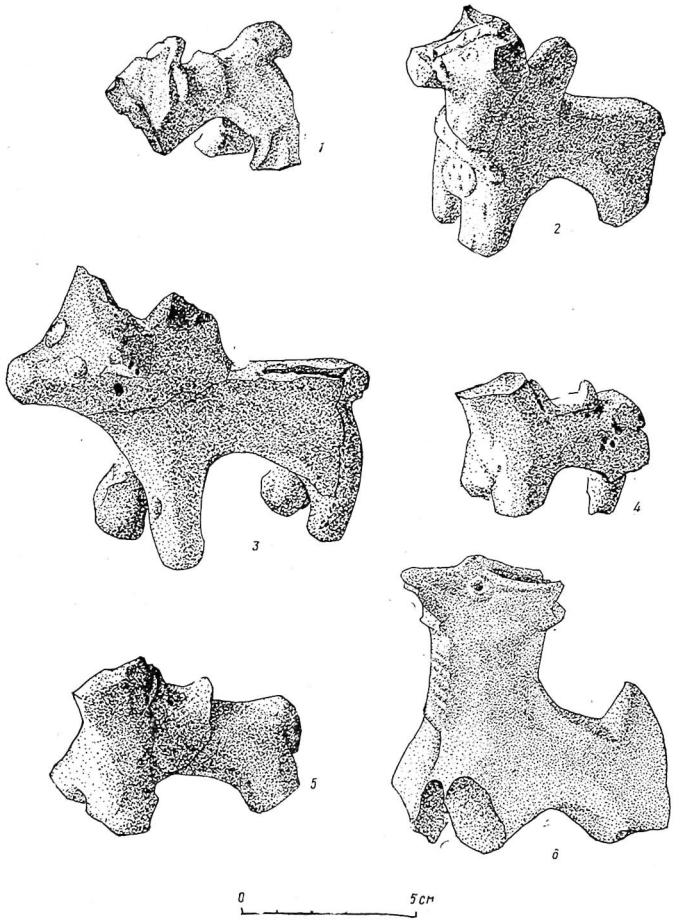


Рис 67. Зооморфные фигурки

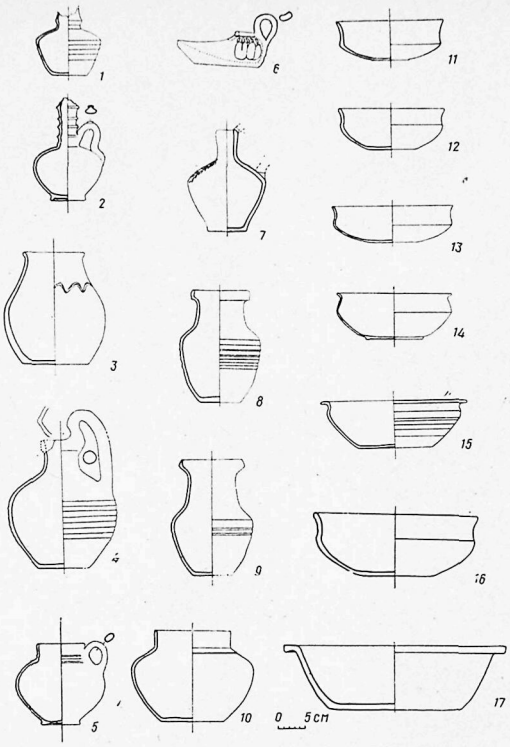


Рис. 68. Керамика из поселения в урочище Дарьялык-куль и дома № 60 в Кават-калинском оазисе:

2, 15, 17 — из дома № 60 в Кават-калинском оазисе. Остальные — из поселения в урочище Дарьялык-куль; *1—4, 7—9* — кувшины; *5, 10* — горшки; *6* — светильник; *11—16* — чаши, миски; *17* — таз

вероятно, распространенным предметом в поселениях системы Чермен-яба.

В то же время в Кават-калинском оазисе на правом берегу Амударьи фигурки быков среди глиняных зооморфных изображений (фонды Каракалпакского государственного музея искусств) единичны; преобладают бараны и лошади. Указывает ли это на какую-то разницу в культуре и верованиях населения оазисов? Вероятно. Именно так поставили вопрос исследователи сырдарьинских городищ (Шаушукум-тобе, поздние слои Ак-тобе I), отметившие, что здесь в IV—V вв. на смену подставкам для вертелов и котлов в виде головы быка приходят подставки в виде барана [Максимова, Мерщиев, Вайнберг, Левина, 25][4]. Напомним, что бык являлся тотемом

[4] Д. Г. Зильпер объясняет эту смену иначе — развитием ирригационного хозяйства каунчинцев, что опосредственно нашло отражение в распространении культовых поверий, связанных с быком — покровителем вод [Зильпер, 39].

огузов, основных предков туркмен [Бернштам, 1951, 200—201; Толстов, 1935, 3—41], и в качестве тотемного названия встречается среди родовых наименований на северо-западе Хорезмского оазиса у йомудов и ата [Снесарев, 1969, 313].

Может быть, отмеченная выше разница в наборе глиняных фигурок животных в Левобережном Хорезме отразила разную роль огузов в этнических процессах, развертывавшихся в XII — начале XIII в. на разных берегах Амударьи? Так или иначе, нам еще придется вернуться к огузскому пласту в этногенезе населения Хорезмского оазиса в связи с вопросами сложения туркменского народного жилища. А сейчас обратимся к керамике, собранной на поселении.

В коллекции преобладают кувшины, составляющие от 35 до 50% всей посуды из раскопанных жилищ и найденной на поселении. Среди них можно выделить несколько разновидностей: тонкостенные темно-серые с лощеной поверхностью, узким горлом (один экземпляр со штампованным рисунком на плечиках); водоносные кувшины с округлыми в сечении ручками, высоко поднимающимися над горлом, выпуклыми плечиками и рифленой поверхностью тулова, на закраине горла у некоторых кувшинов выделен небольшой слив; большие кувшины без ручки с налепным, дугообразным орнаментом на плечиках, венчик в сечении подтреугольный; маленькие кувшины с широким горлом, выпуклыми плечиками и суживающимся ко дну туловом; кувшины желтого цвета с богатым штампованным орнаментом на плечиках (рис. 68, *2, 4, 7—9*). Все они хорошо известны по раскопкам хорезмских памятников эпохи Великих Хорезмшахов (Кават-кала, Шах-Сенем, слои XII — начала XIII в. в Нариндже) [см.: Вактурская, 1959, рис. 44, *66, 74, 75, 76*].

Несколько менее распространенным видом посуды в поселении были миски и чаши серого обжига (рис. 68, *13, 14, 16*), наряду с которыми имеются тазы, хумчи, украшенные прочерченным орнаментом, хумы и другая неполивная посуда, также широко встречающаяся на хорезмских поселениях и городищах XII — начала XIII в. [см.: Вактурская, 1959, рис. 44]. Кроме того, на поселении найдены очень тонкостенные кружки, темно-серые, с лощеной поверхностью, низким и широким, четко выделенным горлом и кольцевидной ручкой, слабо выраженным поддоном и рельефным валиком на плечиках. В коллекциях экспедиции из раскопок средневековых памятников такие сосуды (рис. 68, *5, 10*) ранее отсутствовали. Неполивная керамика отличается от аналогичной посуды из Кават-калинского оазиса отсутствием многих богато орнаментированных форм, обильно представленных в коллекциях из усадеб этого оазиса.

Наиболее распространенными видами поливной посуды из поселения являются упоминавшиеся в тексте чаши, покрытые бирюзовой поливой, гравированным рисунком и черной росписью по краю (см. рис. 85, *8, 9*), аналогичные опубликованным Н. Н. Вактурской [1959, 320, 319, рис. 31]. Другие чаши, облицованные прозрачной поливой с гравированным рисунком на светло-желтом фоне, сочетающимся с точечным, сделанным зеленой и коричневой поливой, найдены в Замахшаре и Нариндже в слоях XII—XIII вв. (рис. 69) [Вактурская, 1959, рис. 27].

Наряду с ними встречаются обломки привозной посуды, украшенной цветными эмалями, чаши с ажурным орнаментом и голубой поливой, сосуды, покрытые росписью, выполненной люстром, кашинные чаши с орнаментом в виде синих веерообразно расходящихся к краям сосуда полос на белом фоне, подобные хорасанским сосудам, датированным XII—XIII вв. (рис. 70) [Godard 1957, табл. 177].

Таким образом, весь набор посуды, как видно из приведенных аналогий, характерен для хорезмских памятников XII — начала XIII в., к которым и следует отнести поселение в точках 707—709.

РАЙОН ДАРЬЯЛЫКА

В этом плотно освоенном в рассматриваемый *период районе на территории, свободной* от позднейших туркменских поселений и густой ирригационной сети нового времени, разбросаны, казалось бы, свободно, без какой-либо системы развалины домов XII — начала XIII в. Выяснилось, однако, что это далеко не так. Именно здесь мы столкнулись с бо́льшим разнообразием в расселении, чем во всех остальных обследованных нами районах. Выявлено *два типа поселений*.

Рассредоточенные, из отдельных групп построек, широко разбросанных между полей. Вариант — расположение домов вдоль отдельных каналов цепочкой в 4—5 построек.

Компактные, возникшие вокруг какого-то определенного центра.

Поскольку отправной точкой наших мар-

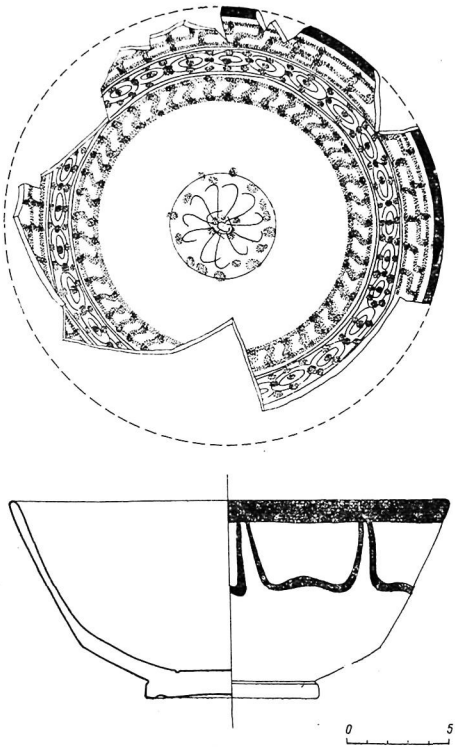


Рис. 69. Сосуд из поселения в урочище Дарьялык-куль

шрутов с целью изучения всего района являлось большое, известное ранее поселение XIII—XIV вв., обозначенное условно на приведенной нами схеме точкой 845. При описании местоположения поселений мы будем ориентироваться на него (см. точку 845 на рис. 1).

Поселения первого типа были самыми распространенными. Вся зона в радиусе 4—5 *км* к югу от Дарьялыка и вокруг того центра, где в XIV в. возникло большое золотоордынское поселение, условно помеченное точкой 845, усеяна рассредоточенными группами бугров. Большое поселение такого типа находится в 2,5 *км* восточнее точки 845 (рис. 71). Оно протянулось на 4—5 *км* узкой полосой вдоль канала. Лишенная сколько-нибудь значительных скоплений песка и растительности, эта местность сохранила следы средневековых оросительных систем, даже мелкой арычной сети, полей, оград. Поэтому удалось определить, хотя и не всегда точно, границы угодий этого поселения, тем более что оно отделялось обширными пустошами от соседней населенной территории. Оказалось, что освоенная средневековыми земледельцами полоса не превышала 1 *км* в обе стороны от канала. На этой

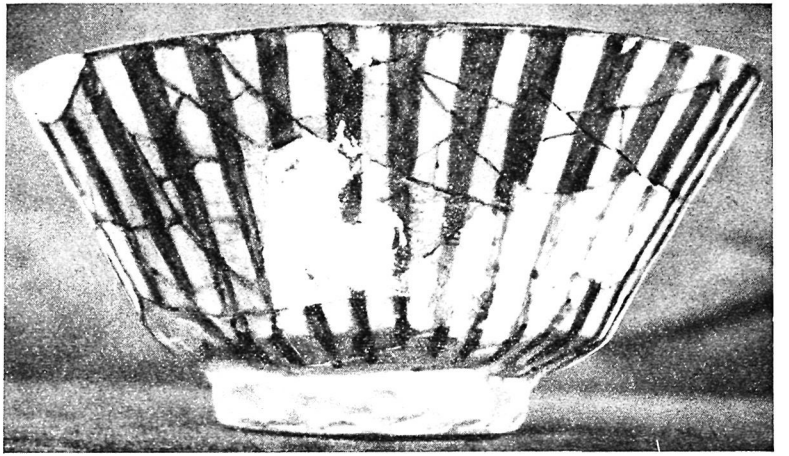


Рис. 70. Чаша из поселения в урочище Дарьялык-куль

площади находилось более 60 построек, в большинстве случаев жилых, хотя без раскопок далеко не всегда это можно было установить достаточно уверенно. Постройки образовали 23 группы, как правило лепившиеся к самому руслу канала, и лишь в редких случаях такую группу можно увидеть в отдалении от него, на боковых его ответвлениях.

В сочетании домов по их величине легко заметить одну закономерность: почти во всех группах одна постройка всегда крупнее других, иногда очень заметно. Площадь половины построек меньше 100 *кв. м* (от 50 до 70 *кв. м*), площадь 19 домов колеблется от 120 до 150 *кв. м* и 10 — от 200 до 400 *кв. м*. Таким образом, площадь 73% всех строений не превышала 200 *кв. м*.

Разрушаясь, постройки превратились в бугры разной высоты, причем высокие и низкие встречаются рядом, в одной и той же группе. Есть основания предполагать, что дома были построены на цоколях, как это мы увидим ниже, при описании поселений золотоордынского периода в районе Дарьялыка и у возвышенности Бутен-тау. Несмотря на кажущуюся сохранность строений, планировку жилищ на поверхности их развалин проследить, за редким исключением, не удалось. По-видимому, это объясняется очень плохим качеством пахсы, использовавшейся здесь для строительства. Лишь в одном случае можно было установить, что центром дома являлся двор или большое помещение.

Поселение вряд ли было богатым. В отличие от поселения в урочище Дарьялык-куль на поверхности развалин здесь очень мало металлических предметов, стекла и бусин. Даже поливной керамики немного. Основными находками были фрагменты неполивных сероглиняных кувшинов с высокой округлой в сечении ручкой и прочей посуды. Редко встречались обломки котлов из талька. Посуда не отличается от найденной на поселениях в точках 707—709 и других, относящихся к XII—XIII вв.

Следов виноградников с их характерной «полосатой» планировкой не обнаружено. Лишь в нескольких случаях найдены обваловванные участки, в которых, как сказано выше, можно видеть остатки садов и огородов. Канал, вдоль которого тянулось поселение, оканчивался сложным водоразборным сооружением.

Поселение, на первый взгляд очень похожее на только что описанное, обнаружено в 10 *км* юго-восточнее точки 845.

Все поселение занимало площадь 1,5× ×0,65 *км*, на которой насчитывается около 20 построек. Они выглядели расплывшимися, бесформенными буграми, возвышающимися над поверхностью такыров на 0,7—1 *м*.

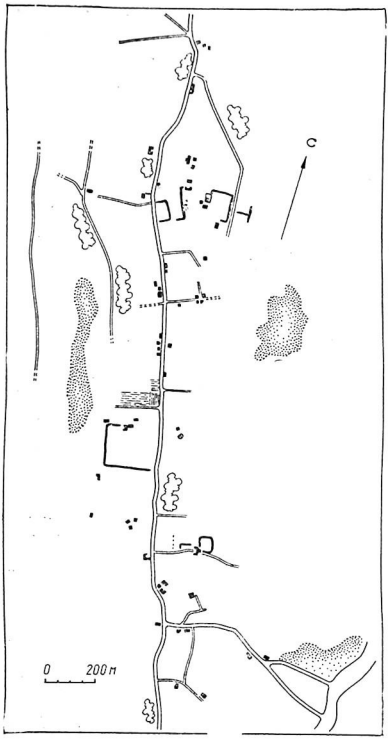


Рис. 71. Поселение в зоне Дарьялыка. Тип I

По их расположению на местности выделяются три группы из пяти-шести развалин и одна — из трех. Бугры размещены вдоль каналов, вытянувшись цепочкой по самому краю русла. Следов обвалованных участков виноградников здесь нет (рис. 72).

В качестве особенности сочетания бугров отметим стоявшую возле некоторых развалин домов однокомнатную небольшую постройку, почти вплотную к ним примыкавшую. Вероятно, ее надо рассматривать как хозяйственную. В нескольких случаях два явно жилых дома поставлены рядом, они соприкасаются углами или объединяются общим двором с оградой.

Все постройки, за исключением нескольких сделанных из сырцовых кирпичей, пахсовые. Обожженные кирпичи, судя по небольшому количеству обломков на руинах, в строительстве использовались мало.

Описываемое поселение представляется нам весьма важным для изучения жилищ всего этого большого района; только здесь оказалось возможным определить планировку домов, довольно отчетливо проступающую на поверхности многих бугров. Выяснилось, что в двух постройках повторяется план уже известного нам дома с центральным коридором в самом простом из его вариантов: по две комнаты с каждой стороны. В одном из них в коридоре двумя перегородками с противолежащими проходами выделен тамбур.

Однако статистика показывает, что такая планировка не была типичной, во всяком случае для жилищ данного поселения. Преобладали дома, в планировке которых трудно усмотреть какой-либо композиционный центр: это сочетание очень крупных помещений и мелких клетушек, причем те и другие обычно занимают разные части дома (рис. 73). Очень часто крупные помещения изолированы как будто глухой стеной, но без раскопок это нельзя утверждать с уверенностью. В целом же планы домов, как хорошо видно из прилагаемой таблицы, очень просты, индивидуальны, без какой-либо выработавшейся единой схемы в основе.

Наконец, важна и еще одна особенность: бугры, как правило, не различаются так отчетливо по величине, как в только что описанном поселении, хотя, конечно, есть и крупные, и более мелкие (их размеры колеблются от 24×14 *м*, 24×18 *м* до 16×14 *м*, 13×12 *м*).

На поселении кое-где встречаются осколки люстровых сосудов очень хорошего качества, стекла, пастовые черные цилиндрической формы бусины с инкрустацией белой пастой в виде зигзагов, найден фрагмент сфероконуса, покрытого бирюзовой поливой и прочерченным орнаментом, а на одном из бугров — крупный бронзовый колокольчик с железным язычком. Из поливной керамики наиболее распространенной, по-видимому, была зеленая и покрытая бесцветной поливой со светлой подгрунтовкой, гравированным рисунком и точечной росписью, сделанной зеленой, коричневой и красной красками. Больше всего встречается неполивной лепной посуды серого обжига с большим количеством дресвы в глине. Эти находки датируют поселение XII—XIII вв.

Второй тип поселений значительно отличается от первого. Одно из таких поселений находилось в 1 *км* от поселения I типа, описание которого приведено выше, на стр. 118—

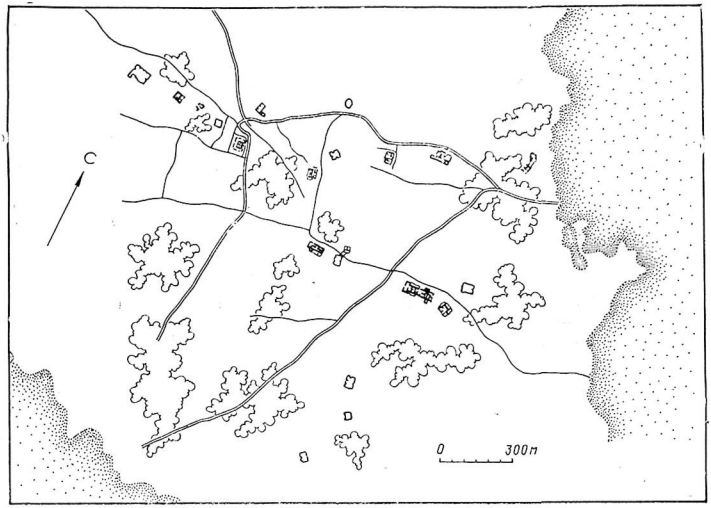


Рис. 72. Поселение в зоне Дарьялыка. Тип I (в 10 *км* юго-восточнее поселения в точке 845)

119. Оно компактно и состояло из 14—16 построек. Многие из них входили в черту огороженных садовых участков, составлявших основу всего комплекса (рис. 74). Среди поселения, расположенного близ большого канала, возвышаются развалины квадратного замка (60×60 *м*) с оплывшими, превратившимися в валы стенами и бесформенными сейчас, но в прошлом, вероятно, округлыми башнями по углам. В середине восточной стены высятся развалины дома размерами 10×8 *м*, выступавшего за линию внешней стены замка. Вдоль нее, внутри ограды, были еще какие-то постройки. Рядом с замком, почти вплотную к нему располагалась еще более крупная четырехугольная постройка (104×42,5 *м*), но неукрепленная, более низкая и разрушенная. Вдоль всех ее сторон, за исключением северной, несохранившейся или несуществовавшей, видны возвышения с плоской снивелировавшейся поверхностью, обильно усеянной обломками неполивной посуды и, что особенно интересно, гончарных шлаков. В юго-восточном углу стоял дом размерами 30×15 *м*. В этом, как и во всех других случаях, планировку построек различить не удалось.

В середине описываемой ограды пусто. Возле этих двух сооружений обнаружены следы большого водоема — хауза. Неподалеку от него, 150 *м* южнее, начинается большая усадьба (150×73 *м*) или садовый участок с развалинами дома площадью 342,25 *кв. км* (18,5 × ×18,5 *м*) внутри него близ одной из стен.

В 300 *м* севернее замка зафиксированы остатки маленького кладбища с разрушенными могильными надгробиями из обожженных кирпичей и развалинами небольшого мазара. Невдалеке от него по другую сторону канала существовала еще одна большая усадьба с несколькими постройками в черте ограды.

Судя по работе О. А. Вишневской, такое поселение в описываемом районе не являлось исключением. Она исследовала подобный, но еще более крупный и богатый комплекс, центром которого являлась феодальная усадьба с несколькими зданиями, построенными из обожженных кирпичей [Вишневская, 1963, 63]. На развалинах одного из них обнаружены фрагменты штукатурки с многоцветной росписью по алебастру, остатки рельефных, также ганчевых украшений и карнизов. Целая система садовых и парковых участков, окружавшая усадьбу, сохранила разбивку на гряды, квадраты со стороной 50 *м* и т. п.

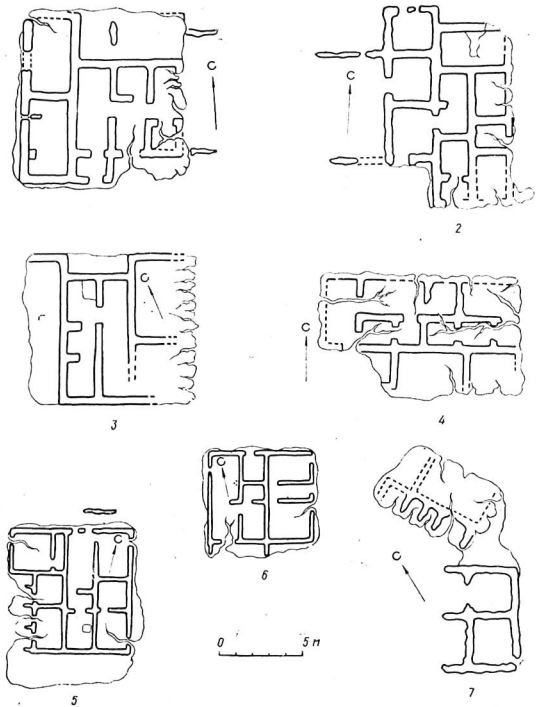


Рис. 73. Поселение. Тип I. Планы домов

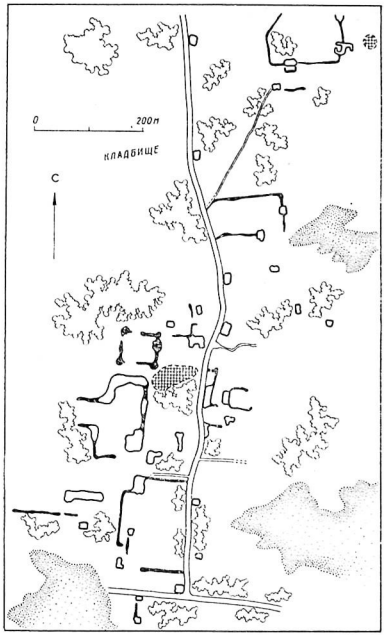


Рис. 74. Поселение в зоне Дарьялыка. Тип II

Глава 4

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Общеизвестно, какое страшное разрушение постигло Хорезм в 1219—1221 гг., когда его правителю Мухаммеду II пришлось столкнуться со стремительно продвигавшимися на запад грозными полчищами Чингисхана. Страна была разорена, столица опустошена и затоплена, многие города и селения погибли в огне, ирригационная система выведена из строя [Гулямов, 165—166; Толстов, 1962, 261; Вактурская, 1964, 110—111].

Однако последствия этого бедствия все еще не до конца оценены наукой. Проявляется тенденция считать, что в Хорезме уже к концу XIII в. «запустевшие земли начинают широко осваиваться» [Андрианов, 1969, 175] и что «во второй половине XIII в. ирригационная система Хорезма в большей части уже была восстановлена» [Вактурская, 1964, 111]. В то же время широкое обследование поселений не дает оснований для подобных выводов. Страна действительно начала возрождаться уже в конце XIII в., однако далеко не на всей территории. В Правобережье в системе Гавхорэ, в Кават-калинском оазисе жизнь после монгольского завоевания чуть теплилась. Работы последних лет добавляют новые выразительные подробности к уже сложившемуся представлению о судьбе этого большого и богатого оазиса в XIII—XIV вв. Выяснилось, что монголы разорили не только саму Кават-калу — резиденцию какого-то крупного феодала. Может быть, еще более печальная участь постигла замок IV, стены и башни которого до наших дней сохранили следы осады и битвы, а внутри него вместо остатков помещений совершенно неожиданно для исследователя предстали «полосатые» планировки виноградника или бахчи. Таким образом, наиболее упорно сопротивлявшийся врагам замок был уничтожен, постройки распаханы, и он был превращен в садово-огородный участок какого-то представителя новой власти, поселившегося неподалеку. Развалины его жилища в виде большой постройки с характерной для XIII—XIV вв. посудой сохранились. На всей же площади оазиса только в редких случаях можно зафиксировать следы обитания после нашествия монголов. Иногда для этой цели приспосабливались наиболее хорошо сохранившиеся старые дома, как, например, описанный выше дом № 43.

По существу, после монгольского нашествия запустела вся ныне доступная исследованиям территория «земель древнего орошения» в Правобережье, сильно сократившаяся в X—XII вв., может быть, за счет расширения освоенных площадей в Левобережье в связи с выдвижением на первое место Ургенча — новой столицы страны [1].

На левом берегу запустела огромная зона, по-видимому, выбывшего из строя канала Чермен-яб. Фактически оказался заброшенным весь большой район от Замахшара на востоке до линии Туз-гыр — Ярбекир (по системе средневекового канала, получившего в конце XIX в. название «Шамурат») на западе. На всей этой площади существовали лишь отдельные поселения (например, у городища Куня-Уаз, а также к северу от Турпак-калы), базировавшиеся на локальных водных системах, питавшихся водами Северного Даудана.

Разрушение ирригационных систем привело к прорыву вод Амударьи в Сарыкамыш-

[1] В. В. Бартольд писал по этому поводу: «Торжество Гурганджа над Китом было, по всем признакам, торжеством созданного исламом Хорезма торговцев и промышленников над Хорезмом земледельцев» [1965, 170].

скую впадину и затоплению больших, прежде освоенных территорий Левобережья. Б. В. Андрианов отмечает, что «преобладающая часть всей области по Даудану к западу от Ярбекир-калы сохраняет следы средневекового затопления, на что указывают также характер почвенно-растительного покрова и широкое распространение засоленных площадей» [Андрианов, 176]. В результате осады и взятия Ургенча огромный город был затоплен и разрушен, хотя, вероятно, не полностью [Бартольд, 1965, 172; Гулямов, 165—166].

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении факты не дают основания утверждать, что ирригационная система Хорезма во второй половине XIII в. уже в большей своей части была восстановлена. Зато в середине XIV в. действительно наблюдается новый расцвет экономической жизни [см.: Вактурская, 1964, 115], хотя тоже далеко не на всей освоенной в период Хорезмшахов территории, а главным образом на северо-западе страны, в областях, отошедших после монгольского завоевания к улусу Джучи.

В этот период в междуречье Дарьялыка и Северного Даудана, а также на выведенной из них оросительной системе возникает оживленный, плотно застроенный район. Здесь вырастают новые ремесленные центры (городища Шахрлик, Ангырт близ Текке-Сенгира) и ряд больших, приближавшихся к ним по величине и компактности поселений, строится ряд новых каналов, возрождаются некоторые из старых.

Известно, что Ургенч, лежавший на пересечении караванных путей, связывавших его с городами Нижнего Поволжья и Центральной Азии, являлся одним из самых крупных торгово-ремесленных центров Золотой Орды. Накопление новых материалов не поколебало выдвинутый еще в 1931 г. тезис А. Ю. Якубовского о том, что древние культурные традиции и высокое мастерство ремесленников, в частности искусство гончаров, сыграли видную роль в формировании культуры Золотой Орды [Якубовский, 1931].

Расширение сведений об археологических памятниках средневекового Северо-Западного Хорезма показывает, что включение страны в состав Золотой Орды способствовало укреплению культурно-этнических связей ее населения с населением присырдарьинских районов. Эти связи ярко проявлялись, как мы видели, и в предшествовавшие периоды средневековой истории Хорезма. Особый интерес представила бы в связи с этим история возвышения тюркско-монгольского племени кунграт, из которого, как полагают, вышла независимая от Золотой Орды местная хорезмская династия Кунгратских Суфи [Федоров-Давыдов, 1958, 93—99; Вайнберг, 1960, 104—114]. История этой династии и страны под ее управлением пока малоизвестна, но указанные политические перемены в жизни страны во второй половине XIV в. не могли, как нам кажется, не сказаться на этническом составе населения.

О природных условиях этого района нам уже приходилось говорить выше, в главе, посвященной поселениям времени Хорезмшахов. Специфические их черты еще отчетливее проступают в рассматриваемый период, сочетаясь с весьма своеобразными традициями населения, может быть в значительной степени привнесенными извне. Они проявляются в некоторых особенностях расселения, не имеющих корней в местной среде, в облике жилищ и, наконец, в некоторых ирригационно-земледельческих навыках.

Неустойчивость водного режима района определяется такими признаками, как обилие чигирных установок, большое количество хаузов, следы плотин. Помимо искусственных ирригационных каналов широко практиковалось использование естественных русел, искусственно подправленных и удлиненных. В черте большого поселения (точка 845), возникшего в середине XIV в. в 4—5 *км* к югу от того места на Дарьялыке, где в XIX в. была построена туркменами плотина Салак-бент, обнаружена своеобразная система хаузов, связанных с параллельными каналами,— прием, весьма отличный от известных нам в предшествовавший период на юге Хорезма и очень близкий к особенностям поздней туркменской ирригации и оросительных систем Сырдарьи. Эти последние описаны Б. В. Андриановым, и ввиду большого интереса, который представляет для нас данное описание, приведем его полностью: «Характеризуя туркменскую ирригацию в бассейне Дарьялыка, необходимо отметить своеобразие гидротехнических приемов, начиная от грандиозных водоподъемных плотин, головных сооружений с полуплотинами, головных сооружений с двумя и тремя разветвлениями (топографически включенными в общую оборону сенгиров) и кончая используемой для подъема уровня воды остроумной системой резервных водоемов... Система состояла из двух параллельных, соединенных между собой каналов, на одном из которых устроены три больших сообщающихся водоема. Они соединены со вторым каналом системой арыков с плотинами...

В водоемах вода поднималась на высокие отметки и затем по мере надобности пускалась самотеком на поля» [Андрианов, 182].

Археолого-топографические исследования

бассейнов Инкардарьи и средней Жаныдарьи показали, что обитатели этих мест также соединяли соседние протоки каналами, попеременно используя для поддержания высокого уровня воды то один из них, то другой, а также применяли систему углубленных участков старых русел и стариц в качестве бассейнов-водохранилищ, что позволяло им поддерживать нужный уровень воды [там же, 200].

Установленная общность приемов на указанных территориях, включая и бассейн Дарьялыка в середине XIV в. позволяет поставить вопрос: не вызвана ли она была помимо сходства природно-хозяйственных условий еще и общими этническими традициями населения? Характер расселения крупными компактными поселками, выявленный в описываемой области и нарушающий древние традиции хорезмийцев, как будто дает новое обоснование подобной постановки вопроса. Наконец, сама планировка жилищ подводит нас к тем же мыслям. Однако обратимся к изложению материала.

ПОСЕЛЕНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДИЩА КУНЯ-УАЗ

Окрестности городища Куня-Уаз были покрыты густой оросительной сетью: они буквально изборождены руслами крупных каналов и мелкой переплетавшейся арычной сетью разных времен, в том числе и золотоордынского периода. Однако поселений этого времени сохранилось немного. Два из них, названные нами Куня-Уаз I и Куня-Уаз II, находятся в песках примерно в 1,5 *км* к северу и северо-западу от упомянутого городища. Их разделяет не более 0,5 *км*, и, по существу, они должны рассматриваться как части одного поселения.

Территория, занятая обоими поселениями, составляет не более 1 *км* в длину. Они расположены по берегам двух параллельных каналов, влившихся в более мощный, огибавший оба поселка с юга и востока. Этот основной канал шел в направлении запад — восток, а затем резко поворачивал на север, проходя невдалеке от городища.

Поселение Куня-Уаз I компактно и занимает очень небольшую площадь (200×100 *м*), располагаясь у подножия здания с массивными пахсовыми стенами, и сейчас возвышающимися более чем на 2 *м*. Поверхность внутри здания сильно приподнята по отношению к уровню окрестных такыров, но его планировка не просматривается, хотя останцы отдельных стен вполне различимы. Есть основания предполагать, что это сооружение представляет собой массив сплошной застройки (рис. 75).

Рядом с этим зданием находилось кладбище. Глинобитные надгробия типа современных сагана, ориентированные на северо-запад, почти вплотную лепятся друг к другу.

Дома на поселении сильно разрушены: всюду на поверхности проступают обмазки полов, превратившиеся в такырную корку, стены расплылись низкими бесформенными валиками-бугорками, планировка в большинстве случаев малопонятна. Однако можно полагать, что это были небольшие одно-двухкомнатные постройки размерами 5,7×5,4 *м*, 6,1×5 *м* и близкими к ним, не более 100 *кв. м* в целом. Посреди одной из однокомнатных построек обнаружено каменное ступенчатое основание базы колонны. Большинство домов имело дворики, частью ограниченные пахсовым дувалом; удалось установить, что ограды эти смыкались, связывая все постройки в единый комплекс. В некоторых случаях можно заметить, что несколько построек объединялись вокруг общего двора. В этом поселке было не более 10 домов.

Поселение Куня-Уаз II занимает почти 250×150 *м*. На этом пространстве мы насчитали 9 домов. Учитывая, что часть построек могла быть скрыта под барханами, можно думать, что некогда их было больше, хотя едва ли общее число превышало 12—15. Таким образом, поселок оказался очень небольшим и компактным: дома стояли на расстоянии 10—30 *м* друг от друга.

Сразу за крайними домиками начинаются борозды пахотных участков. С восточной стороны к поселку примыкает небольшое кладбище, в котором насчитывается не более 25—27 могил, выделяющихся на поверхности сырцовыми кирпичными надгробиями высотой 0,2—0,35 *м*. В 150 *м* к западу от поселка обнаружен обширный четырехугольный участок (100×125 *м*), окруженный глинобитной стеной. Внутри на поверхности ровного гладкого такыра видны следы арыков, образующих систему чередующихся «грядок» шириной 2 и 3 *м*, длиной 35 *м*.

Еще более обширный огороженный участок расположен рядом с поселением Куня-Уаз I. Вся его площадь, равная 200×150 *м*, двумя параллельными арыками разбита на три части, занятые «грядками» трехметровой ширины.

Постройки в поселке небольших размеров. Площадь строений колеблется в пределах от

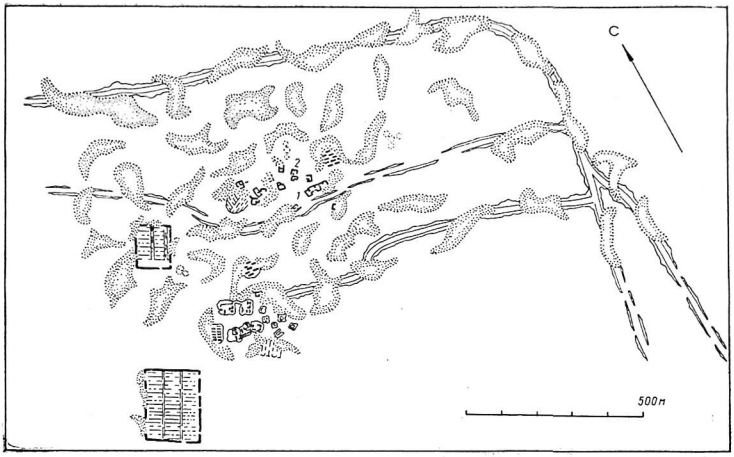


Рис. 75. Поселения Куня-Уаз I и Куня-Уаз II

16—20 до 60 *кв. м*; дома редко располагаются поодиночке, как правило, они стоят по два, по три, причем почти впритык. Особняком расположен дом № 1, превышавший своими размерами прочие. Его площадь — 144 *кв. м*. Он состоит из поставленных в один ряд помещений, внешние стены которых образуют ломаную линию. В этом случае, как и во всех остальных, когда дом не скрыт под барханами, планировку построек удавалось зафиксировать и без предварительных раскопок. Видны иногда и детали интерьера, например остатки закромов в трех помещениях дома № 1.

Прочие дома поселка двухкамерны и почти всегда неправильной конфигурации: трапециевидные, со скругленными углами, с помещениями, поставленными под углом друг к другу. К некоторым примыкают остатки каких-то округлой формы строений, как будто рядом с домом стояла юрта. Надо сказать, что следы юрт, выраженные не в рельефе, а более темным или светлым цветом такыра, обнаружены также рядом с поселком и садом. Всего их не более десятка. К сожалению, на данном этапе разрушения датировка юрт не может быть установлена с достоверностью. Следует учесть, что на территории поселения и в его окрестностях нет никаких признаков обитания в более позднее время. Возможно, к домам примыкали дворы, но оград не зафиксировано, а близость домов предполагает общее использование территории поселения. Вся площадь между домами занята ямами различной формы, скоплениями мелкораздробленных костей *животных, обломками керамики*. Складывается впечатление, что жизнь обитателей поселка значительную часть времени протекала под открытым небом; может быть под легкими навесами, а также вокруг юрт, служивших летними жилищами. Возле домов стояло много сосудов, врытых в землю, здесь же, по-видимому, были летние очаги, так как на поверхности нами отмечены следы кострищ.

Во многих случаях, как указывалось выше, при обмерах построек зафиксированы очаги и другие детали интерьера. Поэтому перед раскопками были основания полагать, что дома разрушены до оснований стен и на поверхность выступает полуразвеянный культурный слой. Однако первые дни раскопок дома № 2 сразу поколебали эти предположения. Выяснилось, что этот дом глубок: стены помещений достигают высоты 1,5—1,67 *м*. В дальнейшем оказалось, что дом углублен в такыр, так как уровень полов ниже поверхности окружающих такыров примерно на 1 *м*. Правда, можно было бы думать, что за время, прошедшее с момента, когда поселение было заброшено, уровень такыров поднялся, но тогда вряд ли на их поверхности видны были бы очертания ям,

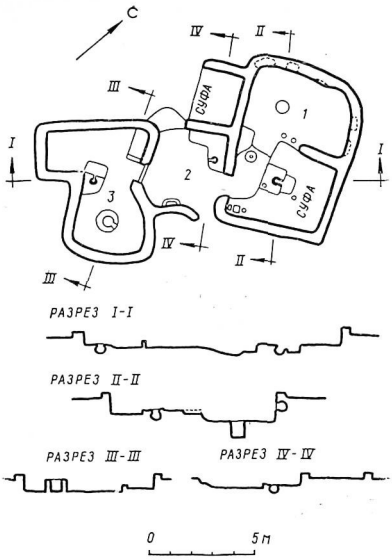


Рис. 76. Дом № 2 в поселении Куня-Уаз II

юрт и т. п. Кроме того, при расчистке фасадов стен заметна разница в структуре их оснований, явно вырубленных в земле, и наземной части, сделанной из пахсовых блоков.

Дом № 2 (рис. 76), как и большинство других домов в поселении, состоял из двух соединенных промежуточными стенами двухкамерных ячеек. Их размеры — 14×9 *м* и 9×5,5 *м*. Внешние стены ячеек не составляют одной линии. Первая ячейка низкой перегородкой той же толщины, что и внешние стены (0,5 *м*), делилась на примерно равные по площади половины, хотя в целом кажется одним большим помещением.

Две трети его юго-восточной части — это низкая (0,25 *м* высоты), покрытая плотной глиняной обмазкой, глинобитная суфа, край которой укреплен рядом положенных плашмя сырцовых кирпичей. На суфе, у ее края, сделана очажная выкладка 1,25×1 *м*, высотой 0,1 *м* с вмазанным в нее керамическим очагом в виде сосуда диаметром 0,32 *м*, глубиной 0,35 *м*. Устье топки, шириной 0,17 *м*, обращено в предочажную яму размерами 0,9×0,75 *м* и глубиной 0,32 *м*. Яма была заполнена золой и углями, стенки очага прокалены до ярко-красного цвета. Углы топки и края очажной ямы укреплены обломками сырцовых кирпичей. На очажной выкладке и рядом с очажной ямой расчищены ямки от столбиков. На суфе, в углу помещения, были положены друг на друга два сырцовых кирпича, а рядом — обожженный кирпич, на котором лежал обломок зернотерки. Против очага, в узком проходе между стеной помещения и суфой, обнаружена ташна, закрытая каменной плитой с маленьким круглым отверстием посредине. На нем лежал небольшой круглый камень. Около ташны выявлены остатки невысокой выкладки шириной 0,6 *м*. Ее края, как и края суфы, укреплены обломками сырцовых кирпичей.

Другая половина ячейки, северо-западная, глубже первой на 0,25—0,3 *м*. В ее неровный, хорошо утоптанный пол ближе к юго-западной стене был, видимо, вкопан сосуд, о чем свидетельствует округлая яма диаметром 0,7 *м* и глубиной 0,75 *м*. В стенах этой половины дома оказалось пять ниш, расположенных на высоте 0,6 *м* от пола через каждые 0,5 *м*. Очертания ниш различны: полусферические, в виде овала, четырехугольные с арочным перекрытием. Их глубина во всех случаях одинакова — 0,6—0,7 *м*. Все ниши аккуратно вырублены в толще стены, покрыты глиняной обмазкой и немного заглублены, как кармашек, вниз, к полу. В одной из них, четырехугольной, сделано «плечико», на котором стоял лепной горшок. По обе стороны другой ниши — сферической формы — обнаружены две маленькие, подтреугольной формы ниши с основанием 0,25 *м*, углубленные в стену тоже на 0,25 *м*.

Находки в этой части дома сводятся к немногочисленным фрагментам поливной и неполивной посуды, небольшому числу костей животных, найдена только рабочая часть железного топора, лежавшая возле ташны.

Вторая ячейка дома имела форму буквы Г и состояла из одного помещения. В его меньшей части вдоль невысокой стены располагалась глинобитная суфа, похожая на скамейку шириной 0,75 *м* и высотой 0,2 *м*. Торец скамейки, выходящий к проходу в помещение, ограничен рядом положенных на ее поверхность сырцовых кирпичей размерами 0,22× ×0,22×0,05 *м*. В эту узкую часть помещения обращено устье очага, устроенного в глинобитной выкладке размерами 0,9×1 *м*, высотой 0,15 *м*. Высота очага — 0,45 *м*, диаметр — 0,25 *м*, ширина устья топки — 0,2 *м*. К венчику вертикальные стенки очага переходят в горизонтальную площадку — круг для установки сосуда. Устье топки открывается в предочажную яму размерами 1×0,65 *м*. Очаг и яма

были заполнены слежавшейся золой и пеплом. Возле найдены мелкие обломки керамики и костей животных.

В смежной части ячейки, в плане приближающейся к неправильному овалу, посредине обнаружены остатки полого сооружения цилиндрической формы, сложенного из сырцовых кирпичей размерами 0,22×0,22×0,05 *м*. Его высота — 0,6 *м*, диаметр — 0,5 *м*. Одна из его сторон разомкнута, образуя щель шириной 0,35 *м*. Сооружение снаружи и внутри тщательно покрыто плотной глиняной обмазкой. Его заполнение состояло из рыхлой однородной глиняной массы. Назначение цилиндра не совсем понятно, но можно допустить, что это была подставка для жернова, подобная открытой в доме № 43 Кават-калинского оазиса.

Проходы из обеих ячеек дома № 2 расположены почти друг против друга и выходят в неправильных очертаний помещение № 3, образовавшееся, как нам кажется, в результате пристройки одной ячейки к другой и, может быть, не сразу после сооружения первой. Северо-восточный угол этого помещения занят суфой с вырезанным в ней углублением-очагом диаметром 0,32 *м* и глубиной 0,35 *м*. Стенки его опалены до красноты и звонкости. В противоположном углу помещения был маленький закром высотой 0,45 *м* и глубиной 0,25 *м*. Два прохода из этого холла-распределителя выводят наружу, причем в одном из них пол образует довольно крутой пандус: уровень его снаружи, у прохода, выше, чем внутри помещения, на 0,75 м. Перед выходом из дома был, по-видимому, навес, который поддерживали два незамкнутых поперечной стеной глинобитных выступа; вдоль одного из них шла низкая глинобитная суфа.

Дом был заполнен наносным крупнозернистым желтым песком. Завала над полом почти не было, если не считать тонких натечных глиняных прослоек. Следов перекрытия, которое было, несомненно, деревянным, плоским, не обнаружено. Находок, как мы указывали, очень мало, зато их гораздо больше в культурном слое разрушенных домов и возле них.

В культурном слое поселения собрано 117 целых и фрагментированных бусин, среди которых преобладают ребристые уплощенно-шаровидной формы из глухого темно-голубого или бирюзового стекла (38% общего числа) и кашинные неправильно-цилиндрические формы, покрытые бирюзовой поливой (23%). В числе прочих бус — стеклянные мелкие биконические и шаровидные (полосатые, мозаичные и глазчатые) и немногочисленные каменные (сердоликовые — мелкие, шаровидные). Найдены бронзовые предметы: бубенчик, несколько наременных пряжек, в том числе сердечковидная, серьга в виде сомкнутого колечка с перламутровой плоской бусинкой, фрагменты зеркала с орнаментированной рельефными узорами плоскостью и две фрагментированные серьги в виде вопросительного знака. Последние являются довольно частой находкой в слоях XIII—XIV вв. широкого круга памятников [Смирнов, 1952, 216; Плетнева, 1958, 180; Федоров-Давыдов, 1964, 267 и сл.; его же, 1966, 40—41, рис. 6; Арсланова, 1968, рис. 140, 147, 148; ее же, 1970, 58; Вактурская, 1968, 249, 252; Ерзакович, 1970, 66—67; Кадырбаев, Бурнашева, 53]. Наиболее характерны они для кочевнических погребений, связываемых с кипчаками. Поэтому некоторые исследователи и называют их кипчакскими.

В сборах с поселений богато представлены фрагменты глиняной поливной посуды с многоцветной росписью под бесцветной поливой, а также кашинной с бело-зеленым рисунком на точечном сером фоне, характерные для золотоордынских слоев хорезмских памятников [см.: Вактурская, 1959, рис. 29, 30, 32, 34]. Есть фрагменты привозной посуды из селадона. Находки бронзовых монет, чеканенных в Хорезме в XIV в., уточняют время существования описанных поселений, которое с несомненностью определяется и по облику перечисленных предметов.

ПОСЕЛЕНИЯ В РАЙОНЕ КРЕПОСТИ АКЧА-ГЕЛИН

Остатки больших поселений середины XIV в. обнаружены в зоне древнего канала (получившего в позднем средневековье название «Шамурат»), начиная от возвышенности Тайгыр почти до окрестностей Турпак-калы. Наиболее детально они обследованы у подножия восточных склонов Туз-гыра, где возвышаются развалины крепости Акча-Гелин. Было установлено, что поселения с небольшими интервалами тянутся вдоль канала на всем указанном выше отрезке, и подчас разграничить одно поселение от другого очень трудно. Эта сложность усугубляется еще и тем, что поселения состоят из крупных групп домов (будем условно называть их хуторами), расположенных иногда довольно близко друг к другу, а иногда на значительном расстоянии, тяготея и к отдельным ответвлениям основного канала, и к самому его руслу. В районе Туз-гыра мы выделили (до известной степени

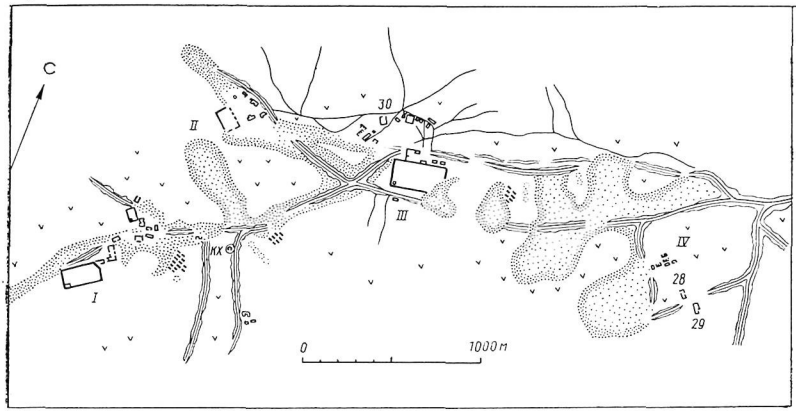


Рис. 77. Поселение Акча-Гелин I. Римскими цифрами обозначены комплексы домов, арабскими — номера домов

условно) два поселения, названные Акча-Гелин I и Акча-Гелин II.

Поселение Акча-Гелин I вытянулось примерно на 5 *км* по руслу Шамурата, от которого на этом участке отходит крупное ответвление, образующее с основным руслом петлю. История самого Шамурата изучена далеко не достаточно. Б. В. Андрианов отмечает, что его ирригационная система характеризуется сложным переплетением древних, средневековых и, наконец, туркменских каналов XIX в. Шамурат брал начало, как полагает указанный автор, на Дарьялыке, к северо-востоку от канала Кандум-калы [Андрианов, 175], и переустраивался как в средние века, так и в XIX в. Около Турпак-калы, например, ложе канала имеет двойной профиль, что говорит о его переуглублении.

В районе Акча-Гелин I прослеживаются два, а то и три русла канала. Кое-где ширина этого тройного ложа достигает 50 *м*, на всем же протяжении канала она менее 30 *м*. Поселение засыпано песком, аккумулирующимся вокруг развалин построек и валов канала, вздымаясь высокими барханами и перемежаясь с обширными чистыми такырами. В западной его части возвышаются обвалившиеся стены небольшой кантар-ханы, стоявшей на берегу канала в отдалении от построек, но вблизи двух кладбищ. Могилы выделяются на поверхности глиняными надгробиями типа позднейших хорезмских сагана и несколькими скоплениями обломков обожженных кирпичей, образовавшимися на месте прежних мазаров или богатых надгробий (рис. 77).

Кое-где на такырах видны следы юрт, выраженные не в рельефе, а лишь цветом почвы и заметные только при определенном освещении. Отсутствие на территории поселения какого-либо другого археологического материала, кроме относящегося к эпохе Золотой Орды, дает основание думать об одновременности поселения и юрт, хотя этот вопрос и требует дополнительного исследования.

Поселение носит отчетливо выраженный рассредоточенный характер. Сорок насчитывающихся в нем построек располагаются более или менее компактными «гнездами», отделяясь расстоянием от 0,5 до 1,5 *км*. Всего таких «гнезд» четыре (обозначим их римскими цифрами I—IV), но внутри некоторых отчетливо выделяются более мелкие «дочерние» группы (две или три). Отличительный признак каждой из них — обширный, огражденный глинобитной стенкой участок с подходившими к нему арыками (рис. 78, 79). Такие участки, как это уже отмечалось нами при описании более ранних поселений, были заняты виноградниками, садово-огородными культурами или бахчами. В данном случае, ввиду отсутствия каких-либо признаков характерной для виноградников или бахчей «полосатой»

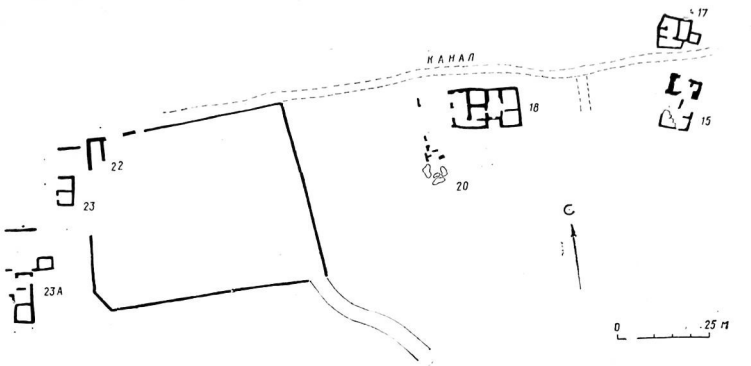


Рис. 78. Комплекс III в поселении Акча-Гелин I

планировки, следует полагать, что это были садово-огородные участки. В углу каждого из них находился останец цокольного сооружения типа небольшой однокомнатной башенки.

Размеры участков различны: самый крупный (300×150 *м*) относится к хутору III, занимавшему центральную часть поселения, размеры других — 85×60,15 *м* (I), 120×85 *м* (II), 200×100 *м* (I) и др. Оформление ограды отдельных участков, например той, что окружала самый крупный из них и сохранилась на 1,5 *м* в высоту, напоминает современные с упорами-столбами по углам и вдоль стен.

Большинство построек было засыпано песком, может быть, вскоре после того, как поселение забросили, поэтому стены многих домов уцелели почти на всю прежнюю высоту (1,75—2 *м*); оказалось возможным выяснить их размеры и планировку.

Установлено, что 50% построек имело площадь в пределах 100 *кв. м*, немногим менее половины — 200 *кв. м* и лишь в шести случаях площадь построек превышала 200 *кв. м*. Один из домов внутри каждого «гнезда» или группы, входящей в его состав, как правило, выделялся своими более крупными размерами. Выяснено также, что в каждом хуторе повторяются строения со сходной планировкой: например, дом с центральным коридором (№ 2, № 4, № 9, № 18, № 25), поставленные в один ряд два-четыре помещения (№ 6, № 5, № 10, № 11, № 19, № 20 и др.). Часть построек (№ 8, № 17, № 23, № 26 и др.) отличается менее правильным планом, лишенным какого-либо композиционного центра. Особенность одного из хуторов, крайнего в западном направлении и обозначенного цифрой IV,— отсутствие садово-огородного участка (хотя стена его могла разрушиться, как и в хуторе III), крупные размеры домов и наличие железных шлаков на их развалинах.

В самых больших домах (№ 28 и № 29) помещения расположены в два ряда. В доме № 28 их одиннадцать; они составляют отдельные, несообщающиеся секции, что выделяет дом из остальных построек поселения. Его общая площадь — 30×8,8 *м*. План дома № 29 менее отчетлив. Более мелкие постройки (№ 30—№ 32) — двух- и трехкомнатные; они располагаются несколько поодаль. Вероятно, в этом хуторе жил ремесленник.

Для уточнения сведений о планировке и назначении построек, а также выяснения социальной природы населения каждого хутора и отдельной группы была раскопана одна из групп, входившая в центральный хутор III (№ 17, № 18, № 19). Все дома этой группы стоят на небольшом ответвлении магистрального канала, подходившем к садовому участку вблизи данной группы и объединявшем ее со следующей, обозначенной на плане номером 30. Четыре дома группы располагаются попарно, причем в каждую пару входит постройка (№ 19 и № 20) в виде поставленных в один ряд помещений. Обе пары разделены расстоянием в 25—30 *м* (рис. 78).

Дом № 17 площадью 8,3×7,8 *м* состоял из трех помещений и возвышался над уровнем такыра примерно на 0,7—0,8 *м*. С западной стороны к нему примыкал двор, вероятно неогороженный (рис. 80).

Помещение № 1 (2,1×5,4 *м*) было вытяну-

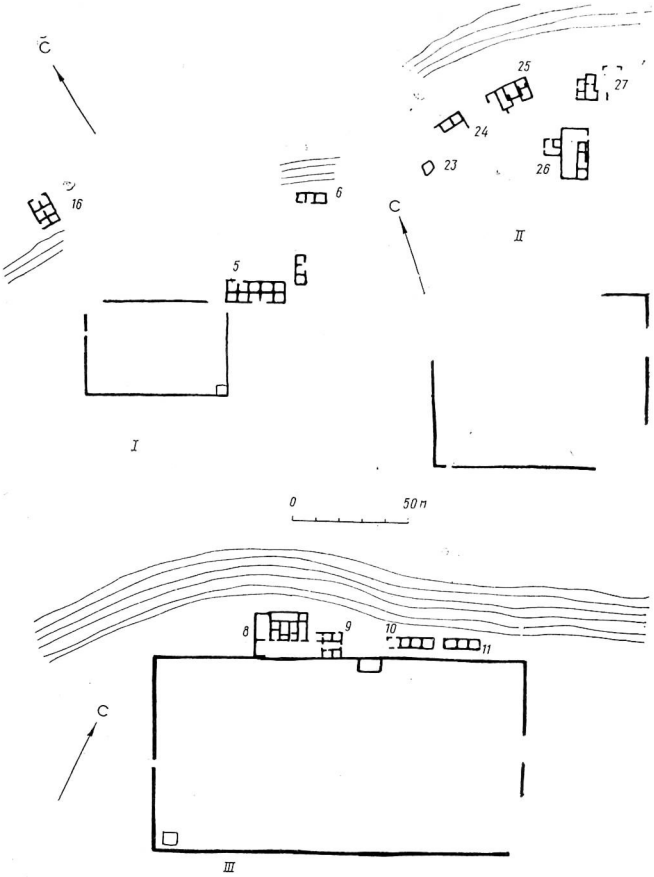


Рис. 79. Комплексы домов в поселении Акча-Гелин I

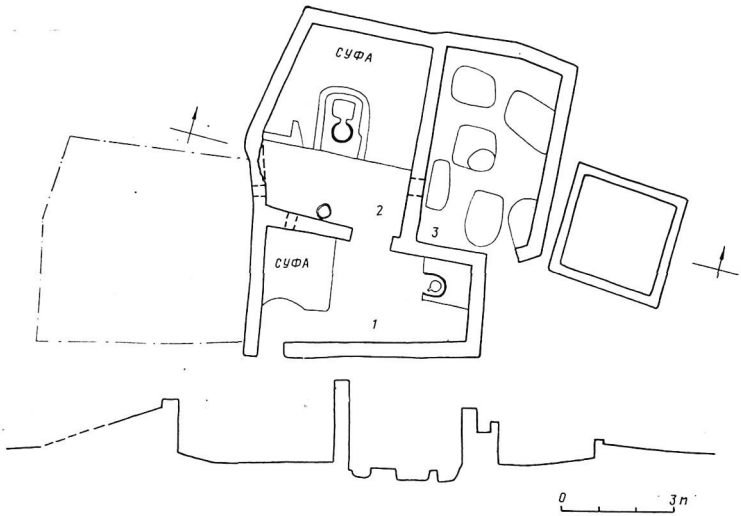


Рис. 80. Дом № 17 в поселении Ахча-Гелин I

то по ширине дома, соприкасаясь с торцами двух других комнат. Посредством одного дверного проема оно сообщалось с помещением № 2, другой же выводил из дома наружу. В восточной части помещения № 1 сделано глинобитное возвышение размером 1,2×1,1 *м* с круглым очажным углублением, керамические стенки которого орнаментированы прочерченными полосами. Диаметр очага — 0,4 *м*, глубина — 0,2 *м*, ширина топочного отверстия — 0,15 *м*. Внутри очага найден серый неполивной кувшин; у него узкое горло со сливом, широкое тулово и одна, почти не поднимающаяся над горлом, круглая в сечении ручка.

Вдоль западной стены этого помещения шла низкая глинобитная суфа шириной 1,7 *м*, край которой был выложен сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. В слое над полом найдены фрагменты поливной керамики с коричневой и зеленой подглазурной росписью по желтому фону, а также обломки серого неполивного кувшина с круглой в сечении ручкой и рифленым туловом.

Большая часть площади пола следующего помещения, № 2, приподнята по отношению к поверхности небольшого привходного участка и образует подобие низкой обширной суфы высотой 0,2 *м*. На суфе был сделан открытый очаг в виде четырехугольного углубления, ограниченного поставленными на ребро сырцовыми кирпичами с помещенным внутрь круглым керамическим очагом диаметром 35 *см*. В отличие от сходных с ним и описанных выше отопительных очагов в средневековых домах Хорезма, этот последний несколько возвышался над полом. У прохода в помещение № 1 расчищена круглая яма диаметром 0,5 *м* и глубиной 0,7 *м*. В комнате найдены две бронзовые монеты (на одной из них читается 628 г. хиджры), а также большой железный серп, два железных однолезвийных ножа с черешковой рукояткой, несколько бирюзовых ребристых пастовых бусин и осколки поливной и неполивной посуды. Среди поливной керамики следует отметить чашу на кольцевидном поддоне с рисунком зеленой и коричневой красками на желтом фоне под бесцветной поливой.

Последнее помещение, № 3, лишено очага и каких-либо глиняных конструкций. Над полом вырублено отверстие размером 0,4×0,3 *м*, вероятно служившее для вентиляции. Площадь пола занята ямами, неровна. В одной из ям, слегка опаленной, найдены угольки, а в

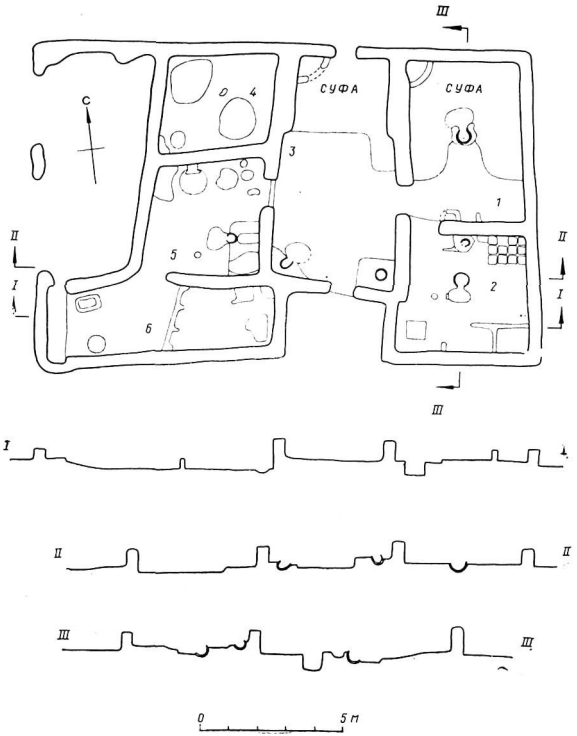


Рис. 81. Дом № 18 в поселении Акча-Гелин I

слое над полом — многочисленные кости животных. Керамики здесь гораздо меньше, и она не отличается от найденной в других помещениях этого дома.

Вплотную к восточной стене дома примыкало квадратное углубление (2,7×2,7 *м*), ограниченное тонким пахсовым бортиком высотой 0,25 *м* и заполненное рыхлым намывным слоем без находок.

Итак, дом № 17 состоял из кухни (помещение № 1), жилой комнаты (№ 2) и хранилища (№ 3).

Столь же отчетливым представляется нам и назначение помещений соседнего дома — № 18. Этот дом (размеры — 10,5×13 *м*) состоял из пяти помещений и коридора, разделявшего его на две части. Западная была занята преимущественно хранилищами, а восточная — жилыми комнатами (рис. 81).

В одной из них (№ 1), занимавшей северо-восточный угол дома, повторялась планировочная схема, знакомая по многим из раскопанных нами средневековых домов. Площадь пола большей части комнаты была чуть приподнята и образовывала как бы низкую глинобитную суфу с вмазанным в нее очагом из старой хумчи и четырехугольным углублением перед ним. Диаметр очага, несколько возвышавшегося над полом,— 0,4 *м*, размеры предочажной ямы — 0,4×0,5 *м*. Суфа возле очага

была так истоптана, что вокруг него образовалась П-образная выемка. На суфе, в северо-западном углу комнаты, устроен полукруглый закром с глиняными стенками, сохранившийся на высоту 0,4 *м*. Находок в нем не обнаружено. В небольшом четырехугольном закроме у южной стены найдена разбитая поливная чаша на кольцевом поддоне. Полива бесцветная, на дне — изображение вихревой розетки, сделанное коричневой краской на желтом фоне; той же краской обведен ободок чаши. Недалеко от этого закрома в полу комнаты имелась четырехугольная яма (размеры — 0,6×1 *м*, глубина — 0,6 *м*); ее край обведен валиком из глины толщиной 0,15 *м*, а в заполнении оказались кости животных, черепки поливной и сероглиняной неполивной посуды.

Помещение № 2 отличалось от предыдущего, хотя в его центре также располагался очаг, сходный по конструкции и размерам с только что описанным. Суфы здесь не было, а у северной стены был второй очаг, в виде углубления в глинобитной выкладке. Диаметр очажного углубления — 0,3 *м*, высота — 0,4 *м*. Рядом с ним на полу была устроена ташна с перекрытием из обожженных кирпичей. Пространство у южной стены занимали клетушки закромов с глиняными стенками и четырехугольная яма размером 0,7×0,7 *м* и глубиной 0,5 *м*. В ее заполнении найдены кости животных и керамика.

Западная часть дома состояла из трех помещений (№ 4, № 5 и № 6). Помещение № 4 было сплошь занято ямами. Три из них — округлых очертаний, диаметром 1,45, 0,75 и 0,50 *м*, глубиной соответственно 0,25, 0,20 и 0,15 *м*. По-видимому, здесь стояли хумы. Четвертая яма у северной стены имела неправильные очертания. Дверь в помещение не найдена, возможно, сюда спускались по лестнице. В соседнем помещении — № 5 — у северной стены расчищены две округлые ямы диаметрами 0,4 и 0,3 *м*, по-видимому, от стоявших здесь сосудов, а также несколько небольших ямок. У восточной стены находилась глинобитная вымостка шириной 0,9 *м* и высотой 0,2 *м* с остатками двух очагов, располагавшихся в разных уровнях. Один из них представлял собой углубление в вымостке с диаметром устья 0,25 *м*, несколько расширявшимся к середине тулова, перед которым сделана яма, заполненная золой. Другой очаг, совершенно разрушенный, стоял на вымостке; от него остался лишь опаленный след, по очертаниям которого можно догадаться, что он был больше соседнего. По-видимому, это было основное хозяйственное помещение в доме.

Соседнее помещение — № 6 — служило первоначально хранилищем, так как вся его восточная часть являлась большим закромом, внутри которого лежал толстый перегнойный слой желто-зеленого цвета. В последний период обитания в доме поверх этого слоя положили плотную пахсу, границей которой послужила пахсовая стенка закрома; так образовалась суфа. В западной части комнаты также открыта узкая суфа и две ямы. Одна из этих ям, диаметром 1 *м*, глубиной 0,55 *м*, была округлых очертаний, другая — неправильных подпрямоугольных очертаний.

Большинство описанных помещений соединялось проходами с центральным проходным коридором (№ 7). В его южном торце поперечной стенкой с дверью посредине выгорожен неглубокий входной айван. По обе стороны входа, в углах коридора, помещались очаги: один (округлый, диаметр — 0,35 *м*, глубина — 0,3 *м*) сделан в низком глинобитном возвышении, другой — в пахсовой вымостке (ее размеры — 1,1×1,1 *м*, высота — 0,4 *м*), в которую вмазана хумча. Очаг очень разрушен, ширину поддувала и диаметр сосуда определить не удалось, однако нет сомнений в том, что это был тандыр. Последний соорудили над ямой, засыпанной и утрамбованной при его постройке. В пахсе, из которой сделана выкладка, обнаружена рабочая часть железной лопаты со скругленными краями и двумя дырочками для ушек в верхней части. По своей форме она чрезвычайно близка к современным узбекским капча (рис. 82, *8*).

Коридор к южному своему концу расширялся и потому приобрел неправильные трапециевидные очертания. Северная его часть была, по всей вероятности, несколько выше остальных помещений дома; возможно также, что над ней был второй этаж, так как стены коридора на этом его участке утолщены: если обычная толщина стен дома равнялась 0,4—0,5 *м*, то здесь она достигала 0,75 *м*. Пол в северном конце коридора приподнят по сравнению с южным концом, образуя низкую суфу. Здесь, у северного выхода из дома, найдена массивная железная пряжка от конской упряжи.

В западной части дома угадывается какое-то обширное, теперь разрушенное помещение, куда вел проход из помещения № 6. Можно предполагать, что это был айван, так как одной его стены нет и, судя по завершению ограничивающих его участков стен, никогда и не было. К сожалению, он остался нераскопанным.

В доме № 18 найдено 35 сосудов во фрагментарном состоянии, среди них преобладают водоносные кувшины и поливные чаши указанных выше типов. Больше половины этой

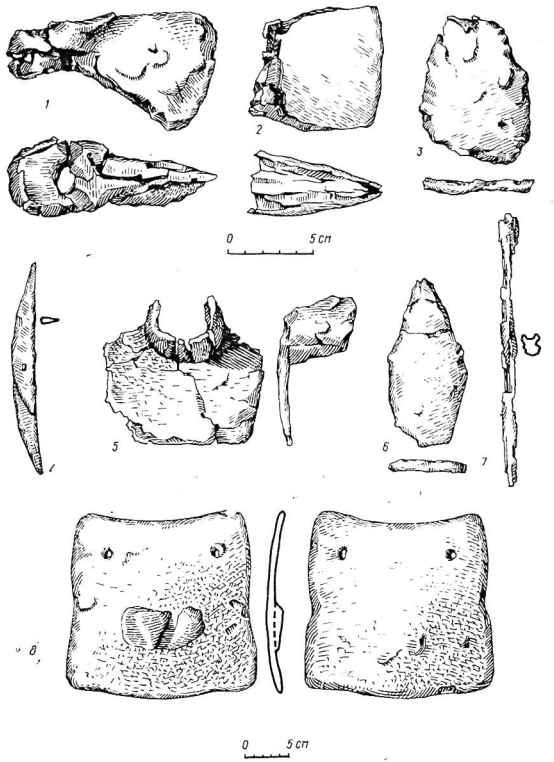


Рис. 82. Железные изделия из средневековых поселений:
1—5 — из поселения в урочище Дарылык-куль; *6—7* — из поселения Куня-Уаз 11; *8* — из дома № 18 в поселении Акча-Гелин 1; *1—3* — топоры; *5* — кетмень; *8* — лопата; *4, 6, 7* — предметы неясного назначения

посуды извлечено при раскопках жилых комнат в восточной части дома. Обломки талковых котлов обнаружены в помещениях № 5 и № 2, что вносит дополнительный штрих в их характеристику, помогая, в частности, выяснить назначение помещения № 5, определяемого в соответствии с особенностями планировки в качестве хозяйственного, с кухонными очагами.

В доме № 18 имелось, следовательно, два складских помещения (№ 4 и № 6), два жилых (№ 1 и № 2), из коих помещение № 2 могло использоваться и для хозяйственных целей. В качестве такового мы рассматриваем и коридор с очагами для отопления, выпечки лепешек.

Соседний дом — № 19 (рис. 83) — состоит из трех поставленных в один ряд помещений. Два из них раскопаны, среднее крайне разрушено, и там на поверхность выходят основания стен. Площадь дома равна 119 *кв. м* (14×8,5 *м*).

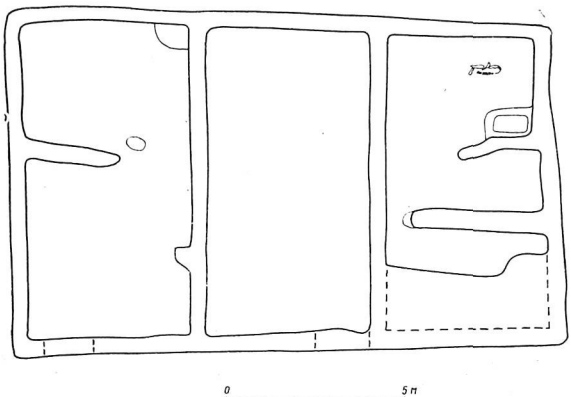


Рис. 83. Дом № 19 в поселении Акча-Гелин I

Оба раскопанных помещения лишены очагов, суф и вообще каких-либо элементов внутреннего убранства. Никаких признаков культурного слоя нет, полы, представляющие собой просто утоптанную поверхность земли, очень неровны, испорчены норами; находок, за исключением костей животных и одного разбитого неполивного сероглиняного кувшина для воды, нет. Следует сказать, однако, что костей здесь найдено много, а в одном из помещений (№ 1) обнаружено скопление их, в том числе три черепа животных, там же расчищены закром-кормушка и три отсека, образованные параллельно поставленными глинобитными стенками и похожие на стойла. Остатки такого же закрома открыты и в помещении № 2, разделенном внутренней перегородкой на две неравные по площади части.

Все это дает основание думать, что перед нами не жилье, а хозяйственная постройка (может быть, сарай), и, таким образом, какая-то часть аналогичных по плану строений в поселении Акча-Гелин I могла быть нежилой. С другой стороны, мы допускаем, что в числе подобных построек были жилища беднейшей части населения, как это и подтвердилось раскопками в соседнем районе городища Шахрлик.

На территории поселения кроме упомянутых выше предметов собрано не менее 150 бусин, основную массу которых (58%) составляли *ребристые бусины уплощенно-шаровидной* или зонной формы из голубой стеклянной пасты. Значительно меньше найдено голубых кашинных бус неправильно-цилиндрической формы (20%), встречаются также стеклянные, бирюзового цвета и спирально-винтовой формы, шаровидные и зонные глазчатые, имеющие аналогии среди бусин из золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Новгорода [Бусятская, 1973а, 23; Щапова, 177, табл. II, рис. 13, 14, 16], и полосчатые, встречающиеся в золотоордынских городах Нижнего Поволжья [Бусятская, 1973а, 24]. Среди найденных металлических предметов упомянем фрагменты бронзового зеркала, нескольких небольших наременных бляшек, бубенчики, вопросовидную серьгу (см. ниже, рис. 97, 98).

Эта коллекция позволяет утверждать, что жители поселения пользовались очень разнообразной по рисунку многоцветной поливной глиняной посудой (в основном чаши). Рисунок наносился красно-коричневой, коричневой, зеленой, желтой, реже — черной и белой красками на желтоватую или зеленоватую подгрунтовку и покрывался бесцветной поливой. Есть и кашинная поливная посуда с бело-зе-

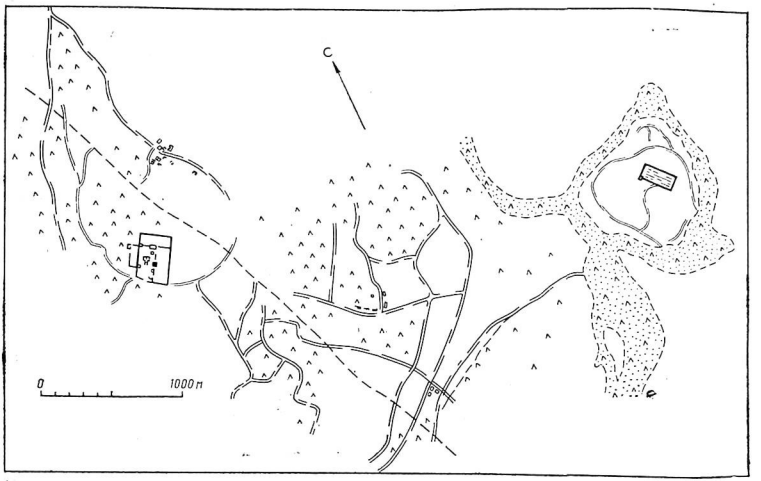


Рис. 84. Поселение Акча-Гелин II. Черным квадратом обозначена печь для обжига кирпичей

леным рисунком на сером точечном фоне, но ее меньше. Встречаются миски, чаши и светильники — чираги, облицованные глухой зеленой поливой. На развалинах домов найдено также много обломков серой неполивной посуды.

ПОСЕЛЕНИЕ АКЧА-ГЕЛИН II

Как уже упоминалось выше, вдоль древнего Шамурата детально обследована зона протяжением почти 10 *км*. Южную ее часть занимает поселение Акча-Гелин I, северную — другое поселение, названное нами Акча-Гелин II. В центре этой зоны расположена обширная усадьба, которая находится как бы на острове, окруженном широким руслом речного протока. Шамурат пересекает это русло, и не исключено, что время от времени оно могло заполняться водой. Таким образом, усадьба расположена весьма выгодно, будучи труднодоступной для врага, хотя вопросы обороны мало, по-видимому, волновали жителей описываемых поселений, как правило неукрепленных (рис. 84).

Усадьба удалена от хуторов; до ближайшего жилья не менее 1,5—2 *км*. Она представляет собой прямоугольный участок (250××100 *м*), окруженный глинобитной стеной, сохранившейся на высоту до 0,8 *м* — 1 *м*. В западном углу усадьбы видны остатки большого дома размерами около 25×15 *м*. Планировка его непонятна, однако центрального коридора, вероятно, не было. С поверхности дома собраны осколки сероглиняной неполивной и поливной посуды золотоордынского периода, а также бронзовая монета. Множество мелких обломков посуды отмечается на территории усадьбы в осыпи северной стены. Возможно, тут были легкие постройки или навесы. На поверхности такыра внутри усадьбы видны следы арыков, чередование которых образует систему участков размерами 25×5 *м*, занимавших часть площади усадьбы.

Примерно в 1,5—2 *км* к северу от усадьбы мы зафиксировали три хутора, два из которых разделены расстоянием в 0,5 *км*, а третий находится примерно в 1 *км* от них. Первый хутор состоит из шести-семи построек плохой сохранности, что мешает определить их назначение, хотя можно с достаточной долей уверенности предполагать наличие среди них нескольких жилищ, одно из которых выделяется значительными размерами (25×15 *м*). Несколько лучше поддается расшифровке со-

став следующего хутора, названного «домом кирпичного мастера». Все его постройки — а их не менее семи — располагаются внутри общей ограды, к которой примыкают два огороженных участка. Внутри одного из них видны борозды полей; можно полагать, что здесь были сад и огород. Развалины трех больших жилых домов усыпаны обломками обожженных кирпичей и керамики, в том числе поливной хорошего качества. В углу одного из них возвышается небольшой бугор, сплошь покрытый осколками обожженных кирпичей, на поверхности другой четко прослеживаются центральный коридор и шесть-семь помещений по обе его стороны. Невдалеке от руин этого строения высится небольшой бугор из обломков обожженных кирпичей. За домами видны остатки печи в виде разрушенной прямоугольной камеры для обжига кирпичей с прокаленными до красноты и звонкости стенками и округлыми опаленными продухами. Кроме описанных построек в усадьбе сохранились развалины трех или четырех однокамерных сооружений и следы окруженного низкой глинобитной оградой загона для скота.

В третьем хуторе было четыре-пять построек, в том числе не менее двух жилых, причем одна, как это мы подчеркивали во многих случаях, превышала остальные размерами. На развалинах подобрано несколько серых и желтых неполивных кувшинов с носиком (рис. 85, *1*).

Имеющиеся аналогии показывают [Атагаррыев, 1970, 114, рис. 41, *2*], что такие сосуды попадаются уже в слоях XII—XIII вв.

Описанные хутора расположены несколько в стороне от русла Шамурата, а вдоль него с бо́льшими или меньшими интервалами тянутся отдельно расположенные группы построек, образующие хутора в два-четыре дома, иногда больше. В некоторых случаях на развалинах встречается белая с синим рисунком поливная посуда, которую можно отнести к концу эпохи Золотой Орды. Такой посуды нет в поселении Акча-Гелин I, и, по-видимому, жизнь на землях в хвостовых районах канала прекратилась раньше, чем в его верховьях. Добавим, что такие же хутора, как в поселениях Акча-Гелин, существовали и в пригороде Ярбекир-калы.

ПОСЕЛЕНИЯ В РАЙОНЕ ШАХРЛИКА

Городище Шахрлик было открыто в 1961 г. археолого-топографическим отрядом Б. В. Андрианова и исследовано Н. Н. Вактурской, посвятившей ему статью [1963, 45—53]. Площадь Шахрлика — около 15 *га*, оно выглядит скоплением бугров разной высоты и размеров, плотно группирующихся в центре городища и расположенных рассредоточенно на его окраинах. Н. Н. Вактурская особо отмечает, что крепостных стен город не имел. На его развалинах открыты следы гончарного, стекольного, меднолитейного и железоплавильного производства. Как упоминает исследовательница, «все окрестности Шахрлика, до самой Аккалы... на северо-западе и до Ярбекир-калы на юго-востоке, усеяны развалинами средневековых сельских поселений и пересечены мелкой оросительной сетью со следами старых полей вдоль нее. Находимые там повсюду вещи — керамика, предметы украшений, монеты — позволяют датировать этот обширный культурный оазис хорезмшахским и золотоордынским временем» [Вактурская, 1963, 45].

В непосредственной близости от Шахрлика Б. В. Андриановым были обследованы две четырехугольные ограды: одна квадратная (160×160 *м*), другая менее правильных очертаний (110×80×100×80 *м*). Углы большей укреплены глиняными монолитными столбами. Внутри планировки не заметно. Видимо, это были садово-огородные участки, удобно расположенные поблизости от русла протока Северного Даудана и крупного канала. Говоря об оросительной сети района, Б. В. Андрианов отмечает, что в хорезмшахский период здесь существовало самотечное орошение, но к концу XIV в. население, возможно, испытывало большие затруднения с водой, и потому широкое распространение получили чигирные установки. Кроме того, по его мнению, поля и остатки поселений этого района несут следы сильных наводнений, которые прикрыли «аллювиальным плащом» культурные горизонты. На затопление указывает также характер растительно-почвенного покрова и широкое распространение засоленных площадей. Этот же исследователь, описывая большой гидротехнический узел невдалеке от мазаров у Ярбекир-калы, упоминает развалины деревни золотоордынского периода, состоящей из далеко отстоящих друг от друга бугров — остатков небольших, двух-трехкомнатных домов [Андрианов, 176—177].

Подробное исследование всего района в зоне 20×20 *км* позволило нам прийти к заключению, что поселения хорезмшахского периода здесь перекрыты наслоениями золотоордынской эпохи, когда возникло большое число поселений.

В районе Шахрлика поселения располага-

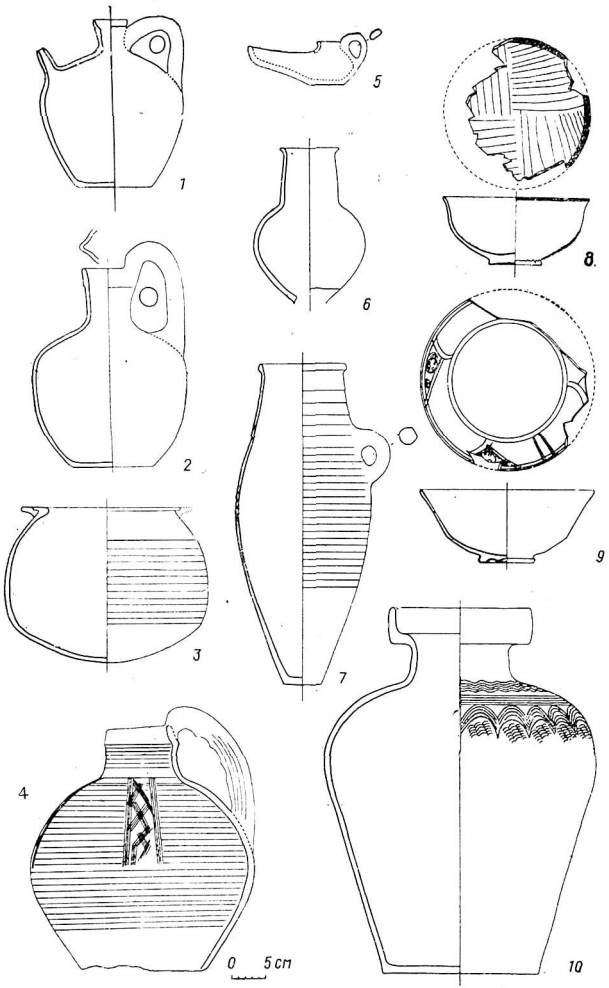


Рис. 85. Керамика из средневековых поселений:
1 — из поселения Акча Гедик II; *2–7* — из поселения Акча Гедик I; *8–10* — из поселения в урочище Дарьялык кулы: *1–2, 4, 6, 10* — кувшины; *3* — тальковый котел; *5* — светильник; *7* — дигирь; *8–9* — чаши

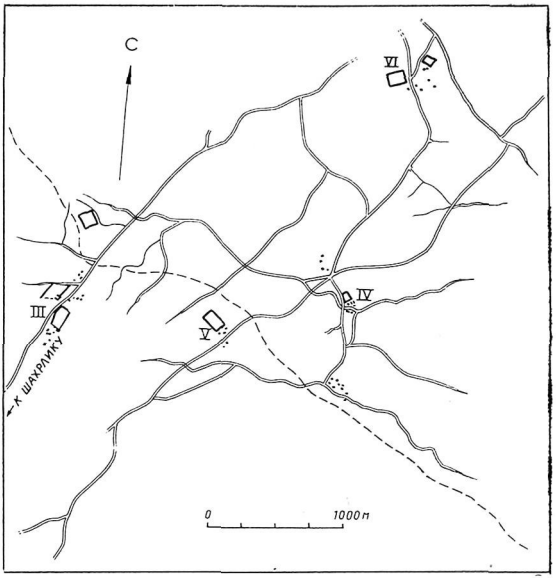


Рис. 86. Схема расположения поселений в ближайших окрестностях Шахрлика

лись вдоль основных каналов, близко к их руслу, и лишь в некоторых случаях дома чуть отступали от него, сосредоточиваясь вдоль более мелкой оросительной сети. Поскольку каналы были вытянуты в направлении север — юг с небольшими отклонениями к западу или востоку, то и поселения представляли собой сравнительно узкие возделанные полоски земли, тянувшиеся вдоль каналов. Границы поселений по одному каналу определить трудно, но складывается впечатление, что подчас одно и то же поселение тянулось на 6—10 *км*. Зато между освоенными землями вдоль разных большей частью параллельных каналов бывали значительные пустоши; поэтому границы возделанных площадей выделяются четко (рис. 86).

Обычно здесь же, в зонах между каналами, концентрируются и основные массивы песков, поросших и неподвижных. Такыров в этой зоне, включая и территорию самих поселений, по существу, тоже нет — они прикрыты слоем поросшего песка. Пятна этого песка, перекрывающего русла каналов, хвостовые их части или, чаще, места смыкания каналов, кажутся застывшими в виде легкого песчаного наноса разливами, иногда занимающими значительную территорию. Густо поросшие разнообразным перепутанным травостоем, эти земли отличаются по колориту от окрестностей Акча-Гелина или Куня-Уаза. Глядя на них, легко согласиться с Б. В. Андриановым, что когда-то окрестности Шахрлика подверглись затоплению, и, может быть, не однажды [Андрианов, 176].

В зоне Шахрлика в целом обследовано 6 поселений [I—VI], частично нанесенных на схематический план этого района [см. рис. 86]. Составлены также подробные планы трех из них (I—III).

Поселения I и II, находившиеся на периферии данной зоны, отличаются от расположенных в ближайших окрестностях Шахрлика поселений отсутствием садово-огородных участков, меньшими размерами построек, значительно меньшим количеством найденных на их развалинах обожженных кирпичей и поливной керамики. Последняя относится к хо-

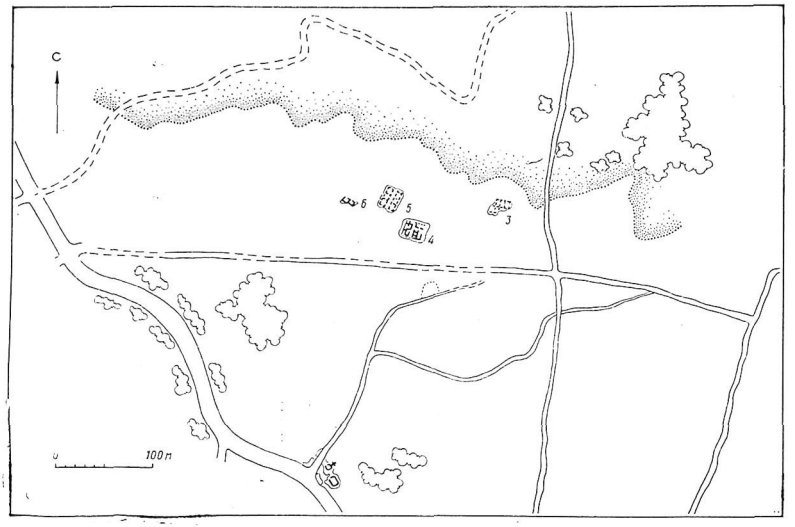


Рис. 87. Участок поселения I близ Шахрлика

рошо известной в Хорезме посуде, датирующейся эпохой Золотой Орды. В поселении I, протянувшемся вдоль канала узкой полосой длиной в 3 *км*, насчитывается 12 построек (рис. 87), в поселении II протяженностью более 5 *км* — два десятка (рис. 88). Среди развалин жилищ поселения I выделяется своими размерами дом № 1, площадь которого достигает 658 *кв. м*. Центром поселения II являлась большая усадьба [170×225 *м*], огражденная глинобитной стеной. Перекрещивавшимися посредине участка каналами она делилась на четыре части. К южной стороне усадьбы примыкало несколько построек, составлявших две группы. В каждую входили многокомнатный жилой дом и постройка в виде поставленных в один ряд помещений, вероятно хозяйственная. В планировке самого крупного дома отчетливо виден центральный коридор. Рядом с постройками обнаружены остатки большого водоема, по берегам которого зафиксированы развалины печей производственного характера (рис. 89).

Поселения близ Шахрлика, по существу, представляли собой своего рода «хутор» — группу построек, тяготевших к одному или нескольким садово-огородным участкам, огороженным стеной (например, поселение III — рис. 90). В поселениях III и IV обнаружены развалины небольших построек, состоявших всего только из одного помещения и украшенных синими поливными плитками с белым и черным рисунком. Одна из них была сложена из обожженных кирпичей. Вероятно, это были мазары.

Всего в окрестностях Шахрлика было исследовано 44 постройки, 86% которых размерами не превышало 200 *кв. м*. Эти постройки выглядят невысокими расплывшимися бугрaми, поскольку дома были построены из пахсы плохого качества. На поверхности бугров в большинстве случаев читается планировка, поэтому можно было установить, что среди строений преобладали жилища в виде поставленных в один ряд помещений часто с изолированными выходами, реже — под углом. Много однокомнатных домишек площадью 6×7 *м*, 7,5×7 *кв. м*; в каждом поселении встречаются дома с центральным коридором, в котором перемычкой выделен предвходной тамбур, на-

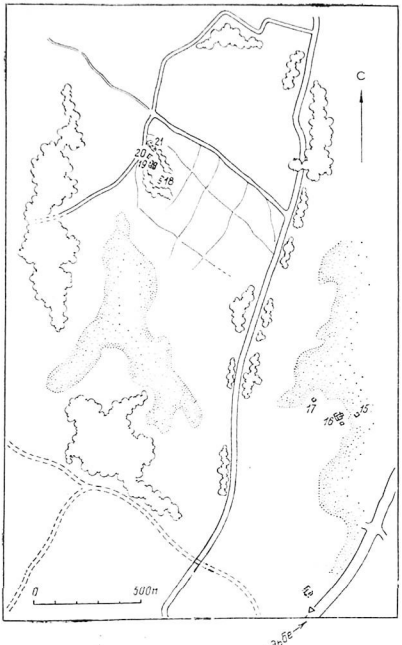


Рис. 88. Участок поселения II близ Шахрлика

поминающие аналогичные постройки в Айгельды или Кават-калинском оазисе, но менее правильной композиции. Особенностью многих построек являются большие помещения (или дворы?), либо занимавшие часть дома, либо пристроенные к нему. Крупнейшие дома № 1 и № 34 в поселениях I и III, достигавшие в длину 30—40 *м*, объединяются общей для них чертой: они состояли из однотипных по плану, но разного размера звеньев, примыкавших друг к другу уступами (рис. 91). Дом таким образом вытягивался в длину. Наиболее крупные дома рассматриваемой зоны сосредоточены в поселении IV, где раскопкам подверглся дом № 41. Два других раскопанных дома (№ 4 и № 6) находятся в поселении I.

Дом № 4 — это многокомнатная постройка размером 25×16,14 *м* (рис. 92). Ширина центрального коридора — 2,3 *м*; он слегка расширяется в южной части дома. Обе половины дома примерно равны по ширине и состоят из двух рядов помещений. Часть из них была соединена только с коридором и изолирована от других глухими стенами, часть — не связана с коридором и сообщалась только с соседними помещениями.

В восточную часть дома входило шесть помещений. Примыкая к внешней стене постройки, они имели явно хозяйственные функции; в одном из них (№ 1), очень большом, вдоль всей стены устроена узкая кормушка, ограниченная пахсовой стенкой. Пол неровный, вытоптанный, без культурных остатков, покрыт слоем навоза. Проход почти в три раза шире обычного. Все это, как нам кажется, признаки того, что здесь находился скот. Соседнее помещение (№ 2) сплошь изрыто ямами округлой и удлиненно-овальной формы. Диаметры двух округлых ям равны 1,2 и 1,4 *м*, заполнение в верхних слоях перегнойно-навозное. Размеры третьей ямы — 2,9×10 *м*. По-видимому, ямы использовались для хранения продовольственных запасов.

Четыре помещения внутреннего ряда восточной половины дома отличались иными чертами. Два из них, в южном конце дома (№ 3 и № 4), соединялись проходом, имевшим низкий порог. В каждом помещении посредине располагался открытый очаг с прямоугольным очажным углублением (0,3/0,2×0,4 *м*) и приочажной ямой, ограниченной по краю мелкими сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро.

Два следующих помещения описываемого ряда, № 5 и № 6, сообщались только с коридором. Первое отличалось от предшествовавших только тем, что очажное углубление имело округлые очертания диаметром 0,5 *м*, приочажная яма ограничивалась обожженными кирпичами, а возле северной стены, по-видимому, были закрома с глиняными стенками. Во втором помещении очаг в центре представлял собой длинное узкое углубление (1,1×0,35 *м*), а южную часть помещения занимали угловые полукруглые ячейки закромов.

В западной половине дома два крайних помещения внутреннего ряда, № 10 и № 8, также соединялись только с коридором. Первое было жилым, с очагом в центре. Очаг аналогичен открытым в помещениях № 3 и № 5, во втором очага нет; вдоль западной стены остались следы какой-то непонятной конструкции: на расстоянии 0,35 *м* от нее в полу зачистилась узкая канавка, напоминающая след от лежавшего там бревна. Примерно в ее центре находится круглое углубление диаметром 0,75 *м* и глубиной 0,55 *м*, может

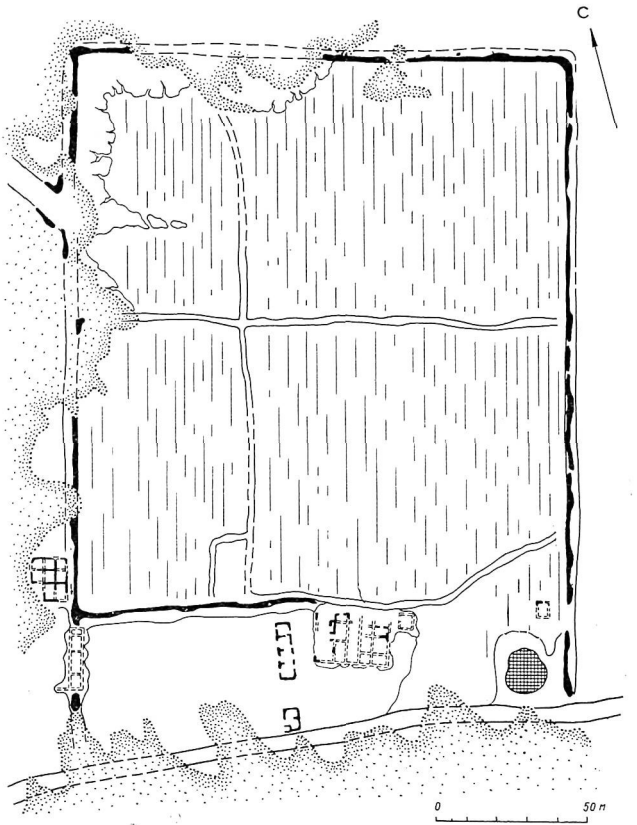


Рис. 89. Усадьба в поселении II близ Шахрлика

быть, от врытого позднее хума. Оба конца канавки перекрыты пахсовыми блоками равной толщины и ширины. Создается впечатление, что в стене была ниша, закрытая какой-то деревянной конструкцией.

Три из остальных четырех помещений дома, № 9, № 12 и № 13, соединены проходами в единый комплекс. Осталось невыясненным, к сожалению, как в них попадали, но скорее всего из коридора в помещение № 9. В этом последнем, одном из самых больших в доме, сохранились следы очага, отличающегося от остальных,— открытого, не круглого или прямоугольного, а расположенного прямо на полу, с двумя поставленными на ребро сырцовыми кирпичами и пятном от открытого огня. Рядом расчищено округлое обугленное углубление — может быть, от складывавшихся сюда углей или от сгоревшего столбика. В юго-западном углу соседнего обширного помещения — № 12—

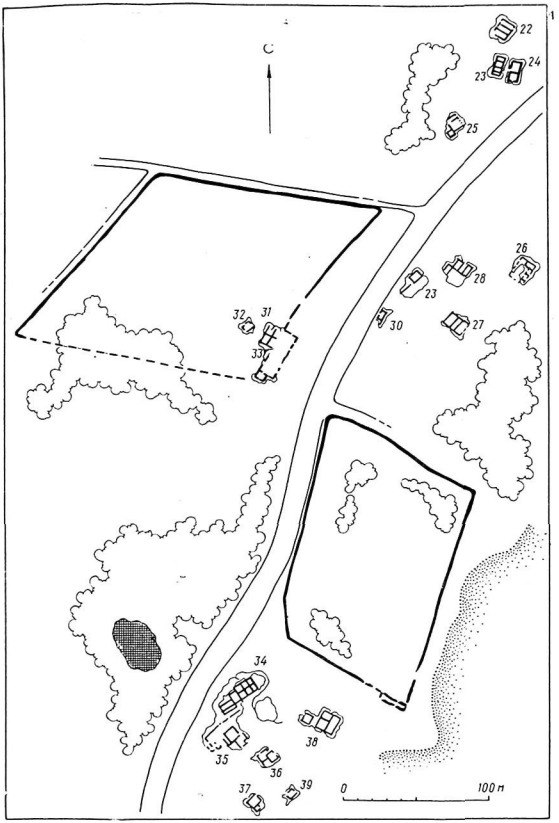


Рис. 90. Поселение III близ Шахрлика

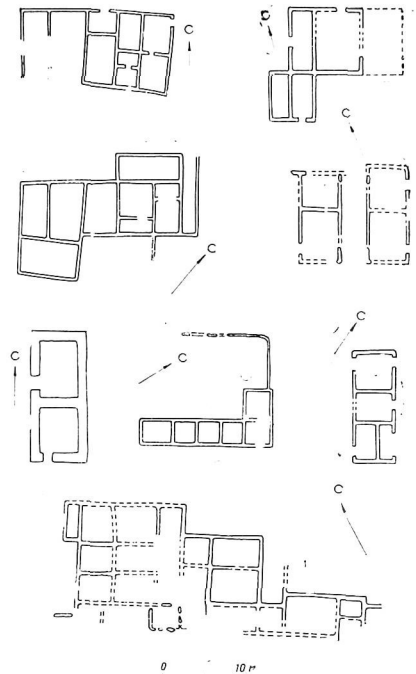


Рис. 91. Планы домов в поселениях близ Шахрлика: первый ряд сверху: дома № 11 и № 9 в поселении I; второй ряд: дома № 9 и поселении I и № 19 в поселении II; третий ряд: дома № 21 и № 26 в поселении III и № 8 в поселении II; четвертый ряд: дом № 1 в поселении I

сделан большой закром, внутри которого, судя по округлой яме диаметром 0, 35 *м*, стоял крупный сосуд. В северной части комнаты, у западной стены находился прямоугольный, углубленный в землю очаг уже знакомой нам конструкции (ширина — 0,2 *м*, длина — 0,4 *м*). Маленький отопительный очажок обнаружен и близ закрома. Помещение № 13, сообщавшееся с предыдущим, пусто, в нем не было ни очагов, ни закромов. Только над полом, недалеко от прохода, зафиксирован тонкий слой гари, вероятно объясняющийся близостью очага в соседнем помещении. Наконец, в помещении № 11 в противоположном углу дома посредине было небольшое очажное углубление, не отличавшееся от обычных в этом доме, а у южной стены открыто разрушенное *глинобитное возвышение* размерами 0,7×0,7 *м* с очажным углублением диаметром 0,3 *м*.

Центральным элементом планировки всего дома был коридор № 7. В юго-западном его углу расчищен обычный очаг — прямоугольное углубление шириной 0,2 *м* и той же длины с предочажной ямой размерами 0,65×0,5 *м*. Рядом с ним на полу видна округлая ямка, куда, по-видимому, складывались горячие угли, выгребавшиеся из очага. Близ прохода в помещение № 8, примерно посредине коридора, открыт другой очаг в виде трех расположенных в один ряд продолговатых, опаленных и заполненных золой ямок размерами 0,47××0,12 *м*, 0,30×0,12 *м* и 0,35×0,20 *м*. Этот очаг, как легко увидеть, весьма напоминает зафиксированный в соседнем помещении — № 9. В этой части коридора, как раз там, где обнаружены следы кострища, на полу и в 15—20 *см* над ним прослеживается слой конопли. Рядом с очагом, вероятно, стоял хум, так как здесь обнаружена яма диаметром 0,65 и глубиной 0,4 *м* для его установки.

Дом построен целиком из пахсы. Мелкие сырцовые кирпичи применялись только для внутренних отделочных работ, кроме того, из них делались закрома. Обожженные кирпичи также использовались для этих целей, но очень мало: осколками их обложен край предочажной ямы в одном из очагов. Встретилось всего лишь несколько обломков оконного стекла; оконных отверстий в доме вряд ли было много. Полами служила хорошо утоптанная поверхность земли без дополнительных обмазок. Во многих случаях удалось уловить, что пол подстелен песчаным слоем толщиной 0,2 *м*, вероятнее всего насыпным, предохранявшим дом от засолонения и проникновения влаги. Этой же цели служил камыш, проложенный под основание одной из стен помещения № 1. Стены дома сохранились на высоту 0,2—0,65 *м*. Заполнение помещений — результат разрушения этих стен, поэтому, как правило, разрушенная пахса заполняла их почти до самого пола. В некоторых случаях над полом прослеживался слой навоза (помещения № 1, № 4, № 7), лишь в помещении № 1 он лежал на всей площади и был довольно мощным, в остальных — навоз встречался лишь местами и на незначительных участках пола. Эта особенность заполнения помещения № 1 является, как нам кажется, лишним доказательством его использования в качестве скотного двора.

Находки в доме представлены лишь немногочисленными фрагментами керамики, в том

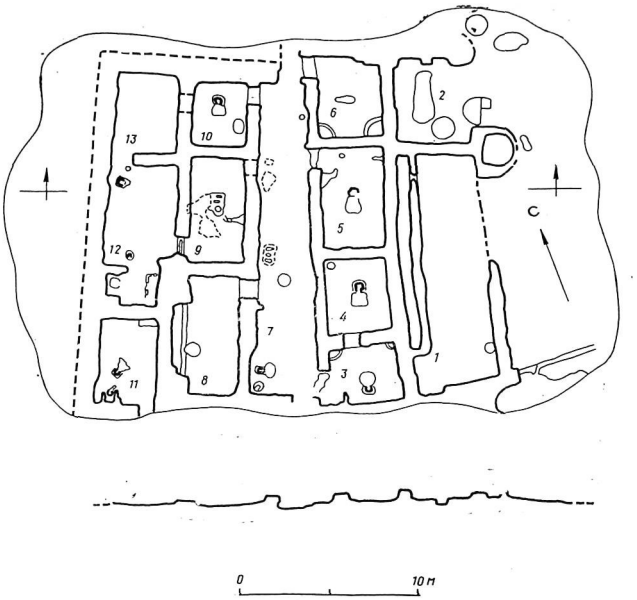


Рис. 92. Дом № 4 в поселении I близ Шахрлика

числе поливной, и костями животных. В одном из помещений обнаружен осколок бронзовой монеты, скорее всего золотоордынского периода, и голубая кашинная бусина.

Сопоставление дома № 4 с уже известными нам жилищами из поселений Акча-Гелин I, в урочище Дарьялык-куль и в Кават-калинском оазисе показывает, что он сильно отличался от них. Его особенность — обилие помещений с центральным отопительным очагом, в которых можно узнать традиционные жилые комнаты средневекового сельского хорезмского дома, но в них отсутствуют суфы, кирпичные очажные выкладки и ташна, столь характерные для упомянутых поселений. Обращают на себя внимание также очаги-кострища с ямками или подставками для подвешивания или установки сосуда, выявленные только в описанном доме № 4. Эти очаги, как и обширное помещение для скота, могут свидетельствовать о пастушеско-скотоводческих традициях обитателей дома в отличие от прочных традиций оседло-земледельческого населения Кават-калинского оазиса или урочища Дарьялык-куль близ Замахшара.

В поселении I была раскопана также постройка № 6, отделявшаяся от описанного дома всего 10—15 *м*. Это строение состояло из двух несообщавшихся помещений с выходами в разные стороны. Вероятно, оно было приспособлено для жилья, так как в одном из помещений обнаружены два очага в виде ямок с углями.

Последний из раскопанных нами домов, № 41, в поселении IV, относится к числу самых крупных в рассматриваемом районе. В результате раскопок выяснилось, что дом № 41 состоял из 11 помещений и примыкавших к нему с двух сторон хозяйственных построек (рис. 93). Стены дома сохранились в высоту до 1 *м*, а уровень полов лишь на несколько сантиметров превышает поверхность окружающих такыров. Стены сделаны из пахсы довольно хорошего качества, их по-

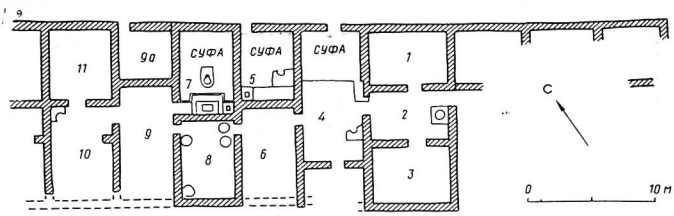


Рис. 93. Дом № 41 в поселении IV близ Шахрлика

верхность плотная, со слаборазличимыми следами камыша. Из 11 помещений целиком вскрыто только 5, остальные лишь частично. Однако общий характер планировки дома удалось выявить. Следует сказать сразу, что похожие по плану постройки встречаются на всей обширной территории от Ярбекира до Бутен-тау. В их числе большой дом возле Ярбекира и дом № 1 в поселении I близ Шахрлика, хотя полного сходства в них нет. В доме отсутствует композиционный центр, трудно определить и какие-либо закономерности в расположении помещений. Можно лишь заметить, что дом, ориентированный углами по странам света, делился параллельными стенами на ряд равновеликих по ширине секций из двух помещений (исключая крайнюю, куда входили три помещения). Вместе с тем такое деление чисто условно, так как секции объединены проходами, и почти все помещения дома входили в единую систему, за исключением двух (№ 5 и № 9а), выход из которых вел только наружу.

К восточному углу дома примыкали три сообщавшихся помещения (№ 1, № 2, № 3), причем среднее (№ 2) было проходным и имело четыре дверных проема. У его юго-восточной стены, около дверного проема, выводившего наружу, был расположен большой керамический очаг типа тандыра, вмазанный в глинобитную выкладку размерами 1,2×1,2 *м*, высотой 0,6 *м*. Диаметр очага — 0,7 *м*, высота — 0,4—0,6 *м*, у самого дна имеется поддувало в виде круглого отверстия диаметром 0,2 *м*. Очаг заполнен золой и угольками, сверху засыпанными рыхлой землей. Во всех трех помещениях открыты два пола, разделенных рыхлой прослойкой земли толщиной не более 0,15—0,2 *м*. Верхний пол — скорее всего поверхность накопившегося над основным полом слоя разрушения. Над ним во всех случаях лежит слой из травяных подстилок, камыша, навоза. В помещении № 3 толщина навозного слоя достигает 0,35 *м*. В восточной части дома найдено много обломков керамики, главным образом неполивной: серых мисок, таза, хумов с полочковидным венчиком, а в помещении № 2 — фрагменты облицовочной плитки, покрытой синей поливой, и кашинной посуды с двусторонней ярко-синей и голубой поливой. Керамика происходит в основном из слоя над нижним полом.

Помещение № 4 по длине равно трем первым, вместе взятым. Перегородкой с проходом выделена его юго-западная часть. Треть всей площади помещения занимала глинобитная суфа высотой около 0,3 *м*. Край суфы был стоптан. Поверхность пола постепенно понижалась к проходу в южной стене. У прохода в юго-восточной стене, соединявшего помещение с соседним — № 2, открыта очажная вымостка тех же размеров, что и в помещении № 2, с разрушенным очагом сходной конструкции, но меньшего диаметра (0,4 *м*). Нижние слои заполнявшего помещение завала представляют собой остатки травяных подстилок, хвороста, верблюжьего помета. Они перекрывали край суфы, спускаясь на пол. Это еще раз доказывает, что слои навоза относятся к периоду вторичного обживания дома, после того как он был заброшен и, как многие хорошо сохранившиеся развалины, использовался пастухами в качестве временного убежища. На суфе в северном углу помещения найден обломок резного алебастра, украшенного штампованным зигзагообразным орнаментом. Из двух помещений, № 5 и № 6, примыкавших к описанному с северо-западной стороны, вскрыто только первое. Три четверти его площади занимала глинобитная суфа высотой 0,25 *м*, на которой возвышалась низкая глинобитная выкладка с округлым очажным углублением диаметром 0,35 *м* и глубиной около 0,3 *м*. В одном из углов помещения возле суфы была устроена тапка, покрытая обломками резных алебастровых плиток. На стенах комнаты кое-где сохранились следы алебастровой обмазки. Таким образом, это по-

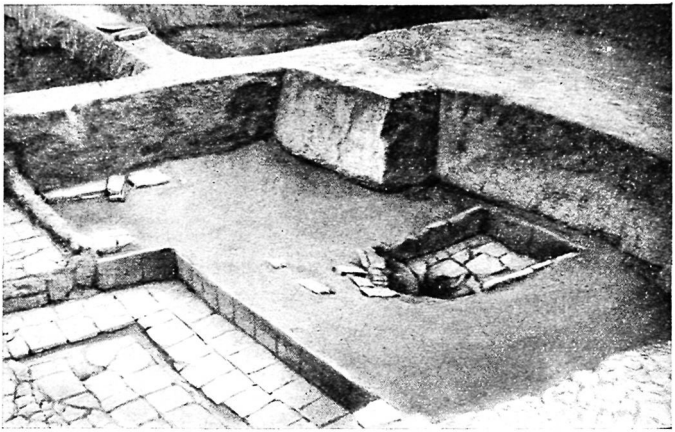


Рис. 94. Помещение № 7 в доме № 41

Рис. 95. Очаг в одном из помещений дома № 41

мещение, представлявшее собой жилую комнату, было, по-видимому, богато отделано.

Однако еще пышнее было убранство соседнего помещения — № 7, три четверти площади которого также занимала глинобитная суфа. Пространство между нею и стеной помещения сплошь вымощено обожженными кирпичами, причем образуются как бы две поставленные встык разной величины ташны (рис. 94). Размеры одной — 0,9×0,9 *м*; оформляющие ее стенки суфы и комнаты облицованы обожженными кирпичами. Сток воды оформлен в виде восьмиконечной звезды. Другая ташна, размерами 1,4×1,05 *м*, с одной стороны ограничена невысокой ступенькой шириной в два кирпича (0,50 *м*) и высотой 0,04 *м*. Поверхность вымостки ташны имеет легкий наклон к центру, где сделано небольшое отверстие для стока воды. Все кирпичи вымостки, облицовка суфы и стен в месте примыкания к ним вымосток скреплены известковым раствором. Поверхность пола в проходе, выводившем в соседнее помещение — № 9, также вымощена обожженными кирпичами и отделена от ступеньки большой ташны невысоким бортиком, сделанным из пахсы. На суфе хорошо сохранился четырехугольный очаг размерами 1,2×0,8 *м*, облицованный обожженными кирпичами и углубленный в суфу на высоту одного кирпича (0,22 *м*). В кирпичную вымостку дна очага вмазан круглый сосуд, заполненный пеплом и золой. Этот очаг сходен с уже известными нам по раскопкам домов в Кават-калинском и Замахшарском оазисах. Вокруг найдено небольшое количество фрагментов неполивной керамики серого и желтого цвета, дигирей и поливной кашинной посуды с белым рисунком на сероватом точечном фоне.

В заключение следует добавить, что стены этого помещения были покрыты алебастровой обмазкой, сохранившейся лишь в отдельных местах.

Помещение № 7 сообщалось проходом с помещением № 9, о котором пока ничего определенного сказать нельзя, большая часть его пока не вскрыта. Оно велико по площади.

Мало определена и северо-западная секция дома, хотя она целиком раскопана. Как и во всех секциях, северо-восточное помещение значительно меньше юго-западного. В этом последнем, № 10, в северном углу находится очаг в виде глиняного сосуда, вмазанного в пахсовую выкладку (рис. 95). Его диаметр — 0,5 *м*, высота — 0,75 *м*. В соседнем помещении — № 11 — посредине зачистилось пятно от кострища размерами 0,65×0,65 *м*. В нем, как и в юго-восточной секции, открыты два уровня пола, отделенных слоем двадцатисантиметровой толщины. На нижнем полу найден железный нож.

Хозяйственные постройки в виде помещений, поставленных в один ряд, не раскапывались.

Подводя итоги, мы прежде всего должны еще раз отметить, что описанная постройка представляет собой единый жилой массив, несмотря на свое секционное деление, обычно предполагающее изоляцию отдельных жилых ячеек. Отметим, что помещения, примыкавшие к северо-восточной стене дома, непосредственно друг с другом не сообщались и разделены глухими стенами. Как правило, они являются жилыми, с традиционной для этого времени планировкой: бо́льшую часть площади занимала суфа. Надо полагать, что они были богато отделаны алебастром и поливными плитками. Небольшое количество найденных нами деталей этой внутренней отделки объясняется, как выяснилось, тем, что дом обживался вторично и именно тогда были выброшены, растоптаны и разрушены остатки его декоративного убранства. Обращает на себя внимание помещение № 7 с двумя кирпичными резервуарами для воды. Можно предположить, что это ванна, сходная с аналогичным помещением в доме № 43 Кават-калинского оазиса. Любопытно, что в доме, где открыто всего пять очагов, три из них одинаковы и напоминают тандыры. Так, безусловно, тандыром являлся очаг в помещении № 10. Вообще, большое число тандыров является спецификой дома № 41. Может быть, это связано с почитанием расположенного рядом мазара святого и необходимостью выпекать большое число лепешек для паломников.

Хотя юго-западный ряд раскопан мало, все же по некоторым данным можно предположить, что они имели преимущественно хозяйственное назначение, являясь, например, кладовыми. Так, всю площадь раскрытых нами в разных концах помещения № 8 участков занимали разной конфигурации ямы, в том числе от стоявших здесь некогда хумов.

Помещение № 4 с выделенным перегородкой предвходным тамбуром было, вероятно, входным. Это помещение типа проходного коридора знакомо нам по раскопкам и домов золотоордынской эпохи, и более ранних, но оно занимает здесь необычное положение, не являясь центральным, а будучи сдвинутым в юго-восточную часть дома.

Общими очертаниями этой растянутой вширь постройки, включением в нее ячейки с центральным проходным коридорообразным помещением (№ 2) дом № 41 сближается с домом № 2 в поселении XII — начала XIII в. близ Замахшара. Вместе с тем замахшарский

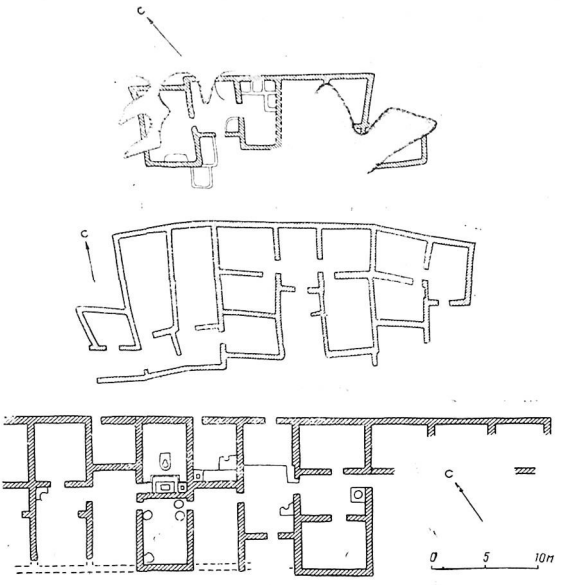


Рис. 96. Планы домов:
верхний — в поселении Куня-Уаз, средний — в предместье Ярбекир-калы, нижний — № 41 близ Шахрлика

дом разделен на две половины единой глухой стеной. В шахрликском доме такое деление можно наметить только условно: оно нарушалось помещением № 4, вытянутым от северной стены дома почти до противоположной, южной. Ближе к шахрликскому дому № 41 схема постройки, обнаруженной нами в предместье золотоордынского Ярбекира; в целом же все они представляют, как нам кажется, разные варианты общей исходной идеи (рис. 96).

В доме найдены фрагменты нескольких хумов красноватого обжига с полочковидным венчиком, покрытые коричневым ангобом, серых водоносных кувшинов с округлой в сечении, почти не поднимающейся над устьем ручкой, серых мисок и чаш из кашина с серосине-зеленой росписью на светлом фоне, аналогичных посуде из домов поселения Акча-Гелин I и из других поселений вблизи Шахрлика. Находки на поселениях — это главным образом поливная и неполивная керамика; украшений и других вещей немного, что отчасти объясняется трудностями сбора подъемного материала в условиях густо поросшей растительностью местности. Они сводятся к трем десяткам бусин и нескольким металлическим предметам, из которых следует упомянуть две бронзовые «вопросовидные» серьги, обломок бронзового зеркала с рельефным орнаментом, расположенным поясами, несколько железных ножей и бронзовых наременных пряжек, железный напере́сток. Набор бусин несколько отличается от акча-гелинского, так как здесь больше многоцветных — полосатых и глазчатых бусин, но виды этих последних те же (рис. 97, 98).

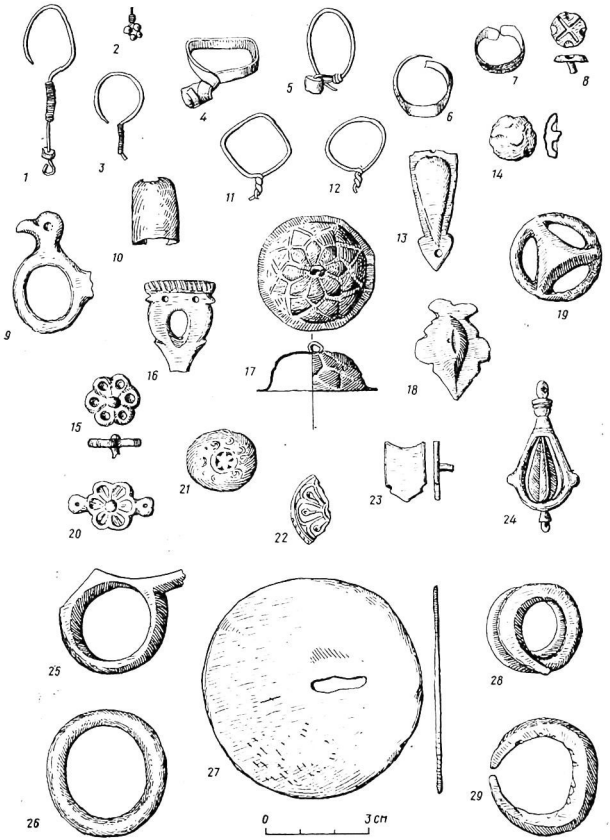


Рис. 97. Металлические изделия из поселений эпохи Золотой Орды:
1, 14, 17–20, 26, 28, 29 — из поселения Акча-Гелин I; *2, 3, 5–7, 13, 15* — из поселения Куня-Уаз II; *9, 10, 21, 25–27* — из поселений близ Шахрлика; *4, 8, 11, 12, 16, 22–24* — из поселения в точке 845

Рис. 98. Бусы из поселений эпохи Золотой Орды:

1, 3, 6, 8, 9—16, 18, 19, 21, 23, 24, 26—29, 36, 41, 43, 45 — из поселений Куня-Уаз I и Куня-Уаз II; *11, 17, 20, 22, 32, 38, 42* — из поселения Акча-Голик 1; *2, 7, 37* — из поселения в точке 815; *25, 31, 33, 35, 39, 44* — из Шахрлика; *30* — из поселения близ Ак-калы

Поселение к юго-востоку от Ак-калы (точка 822)

Вся округа Ак-калы, близ которой расположено поселение, помеченное на археолого-топографической карте, составленной Б. В. Андриановым, точкой 822, изобилует остатками полей, садов, окруженных низкими глинобитными оградами четырехугольной формы, следами мелких и крупных каналов.

В XIV в. эта территория была, по-видимому, хорошо обводненной, причем водными артериями наряду с каналами служили и естественные протоки, подправленные человеком. Густое переплетение их русел создает впечатление избытка влаги, может быть эпизодически связанного с сильным обводнением вследствие политической катастрофы, постигшей Хорезм в эпоху нашествия монголов. Это впечатление подтвердилось при раскопках на поселении в точке 822. Оказалось, что дома этого поселения, расположенного в 4—5 *км* к юго-востоку от Ак-калы, воздвигнуты на пахсовых цоколях высотой от 0,8 до 1,5 *м*, отчего и выглядят высокими буграми, хотя стены их разрушены до самого основания.

Поселение располагалось на ответвлениях проходившего к западу от него меридионального русла и занимало около 31 *га*. На этой территории размещалось более 60 построек. В целом это компактное поселение, хотя дома и не образовывали сплошной застройки; нет в его планировке и какой-либо системы, не прослеживаются улицы, лишь в некоторых случаях как будто наблюдаются определенные группы построек, хотя они и могут быть выделены только условно из-за общей компактности поселения. В таких группах дома объединены неогороженным двором, выраженным слегка повышенным в рельефе участком. Постройки сделаны из пахсы плохого качества, в результате ее разрушения их очертания стали расплывчатыми, бесформенными (рис. 99).

Центром поселения был большой дом с усадьбой, окруженной глинобитной оградой с небольшими выступами типа контрфорсов. Рядом с ним сохранились остатки других, также больших домов, причем на одном из них еще видны следы белой штукатурки. Эти центральные постройки поселения расположены как бы на островах — их окружает густая ярко-зеленая растительность, резко контрастирующая с высохшим, пожухлым покровом приустюртских равнин. По-видимому, в понижениях между домами весной долго стояла вода, высыхавшая только к середине лета, когда вместо нее появлялась корка растрескавшегося такыра. Можно представить, как временами была заболочена эта местность в XIV в., когда вместо сухих степей здесь были реки и каналы.

В черте жилой застройки, рядом с тремя центральными домами, обнаружено небольшое кладбище из двух-трех десятков могил в виде прямоугольных ям, ориентированных запад — восток. Над некоторыми могилами возвышаются холмики из обломков обожженных кирпичей — остатков надгробий или мазаров[2].

На окраинах поселения застройка была менее компактна и сменялась усадебными участками, огороженными глинобитными дувалами. К ним подходили русла каналов, берега которых усыпаны обломками дигирей. В ряде случаев зафиксированы высохшие водоемы, соединявшиеся со спаренными каналами. Выше уже сказано об этой особенности местной ирригации.

Дома поселения, как правило, невелики; лишь 9 из 34 составляли постройки, площадь которых превышала 100 *кв. м*, размеры прочих — 7×4 *м*, 4×4,3 *м*, 7,7×8,4 *м* и т. д., иначе говоря, площадь их колебалась от 60 до 86—87 *кв. м*. Обычный план дома — два-три помещения, расположенных в один ряд (будем называть его условно «однорядным» или «однолинейным» домом). Много однокомнатных построек. К постройкам часто примыкали неогороженные дворы.

Два дома были раскопаны; один из них находился в северной части поселения (№ 1), другой — в южной (№ 41). Дом № 1 (размеры — 5,7×12,2 *м*) состоял из трех помещений, вытянутых в один ряд (рис. 100). Он разрушен настолько, что его пахсовые стены возвышаются над полом только на 0,1—0,15 *м* и лишь северо-восточная стена — на 0,3—0,4 *м*. Полом являлась просто утоптанная поверхность без обмазки. В двух смежных помещениях — № 1 и № 2 — бо́льшую часть площади занимала низкая глинобитная суфа. В первом из помещений на поверхности суфы были расположены два очага в виде вырезанного углубления с предочажной ямой, обложенной обломками обожженных кирпичей. Вероятно,

[2] Другое кладбище, неизмеримо большее по площади, начинается сразу же за северными окраинами поселения и тянется более чем на полкилометра. На его территории обнаружена четырехугольная ограда из пахсы, внутри которой находится несколько могил с пахсовым надгробием, причем одно превышает остальные размерами. Тут же, внутри ограды, найден фрагмент поливной синей плитки. Территория кладбища за отсутствием времени полностью не обследована, но, надо полагать, такая ограда не была единственной.

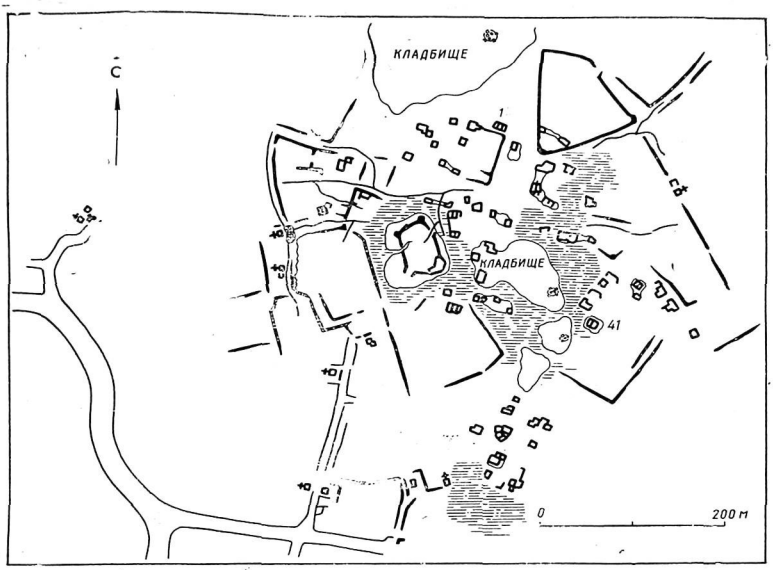


Рис. 99. Поселение близ Ак-калы (точка 822)

такой же очаг, теперь сильно разрушенный, находился в другой комнате. В одном из углов помещения № 3, совершенно пустого, был заложен шурф, позволивший выяснить, что дом построен на пахсовом цоколе, лежащем на наносах серого песка.

Находок в доме мало. В основном это мелкие фрагменты керамики из кашина с белым рисунком на сером фоне. В помещении № 3 на полу найдена мелкая серебряная монета, чеканенная, по определению Г. А. Федорова-Давыдова, в середине XIV в. Следует также упомянуть, что в осыпи стен с северной стороны дома обнаружен осколок зеленого оконного стекла с умбоном (выступом) посредине. Подобные осколки в изобилии встречаются на развалинах Шах-Сенем и других средневековых хорезмских археологических памятников.

Другой раскопанный нами дом, № 41 (рис. 101), также состоял из трех помещений, однако уверенности в этом нет, так как он разрушен еще больше первого и расчищать приходилось скорее отпечатки стен, чем сами стены. Не исключено поэтому, что к южной стене дома примыкали еще какие-то постройки. Были ли это айваны, хозяйственные постройки или жилые комнаты — на данной стадии разрушения установить уже трудно. В одном из трех помещений никакой глинобитной «мебели» *не было*.

Всю северную половину другого занимала глинобитная суфа, почти полностью разрушенная. Возле обнаружен очаг округлой формы с керамическими стенками диаметром 0,35 *м* и такой же глубины. Так же распланировано и соседнее помещение — № 3.

Восточную часть постройки занимал дворик. Здесь расчищен очаг диаметром 0,5 *м*, глубиной 0,45 *м*, сделанный из сосуда и укрепленный по краю обломками обожженных кирпичей. Скорее всего это был тандыр. В очаге и вокруг много золы, а рядом с очагом обнаружены две ямы с обломками жернова.

В отличие от дома № 1, где все помещения были изолированными, в данном случае два из трех соединены проходами. Помещение № 3 имело только один выход — наружу, оно же было и наиболее парадным, так как основания

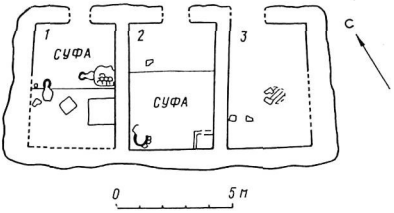


Рис. 100. Дом № 1 в поселении близ Ак-калы

стен и поверхность пола у прохода выложены обожженными кирпичами.

В помещениях найдены обломки поливной и неполивной посуды. Среди последней преобладают кашинные чаши на кольцевидном поддоне, покрытые бирюзовой поливой с черной росписью, и глиняные чаши с коричнево-зелено-белым рисунком под свинцовой поливой. Из неполивной керамики упомянем два почти целых серых кувшина с круглой в сечении ручкой, известных по находкам на других *поселениях золотоордынской эпохи*. На поселении и в его окрестностях найдены 92 хорезмские монеты, в том числе 10 серебряных. Основная их масса относится к середине XIV в., часть чеканена от имени золотоордынских ханов, преимущественно Джанибека, часть же анонимна (выпущена в 30—80-е годы XIV в.); 17 монет относятся к периоду правления хорезмшаха Текеша, но поскольку они найдены на территории полей, окружавших поселение, то могут указывать лишь на возможность существования здесь построек в хорезмшахский период.

Упомянем также 23 бусины, больше половины которых относятся к многоцветным, неправильно-цилиндрической (зонной) формы, полосатым и глазчатым.

Поселение в точке 845

Это поселение расположено в зоне ирригации, выводившейся из Дарьялыка, и является одним из самых крупных не только в этом районе, но и на всей территории Хорезма в рассматриваемый период. Оно возникло на месте какого-то *хорезмшахского поселения*, границы которого нам неизвестны, но по ряду признаков не менее крупного, чем исследованное нами позднейшее.

Мощная ирригационная система в виде крупных каналов, огибавших поселение с севера и юга, и развитой арычной сети, изборождившей всю площадь вокруг, свидетельствует о таком большом земледельческом хозяйстве, которое могло вестись только обширным и многолюдным коллективом. В золотоордынскую эпоху эта сеть была переустроена, из Дарьялыка вывели новые, более узкие каналы, пересекшие более ранние — широкие золотоордынские. Поселение занимало 30 *га* (рис. 102).

Центральная часть его была плотно застроена и выглядит сейчас скоплением близко стоящих и подчас почти сливающихся в единый массив бугров разной величины и высоты. Усадеб тут нет, сколько-нибудь значительных незастроенных площадей — тоже. Безуспешно было бы разыскивать среди этой полосы всхолмлений правильные артерии улиц — их, по-видимому, не существовало; проезды и улочки, безусловно существовавшие в прошлом, сейчас заплыли размытой пахсой разрушившихся построек и почти сровнялись по уровню с их поверхностью. Вероятно, как и в нынешних среднеазиатских поселках, вдоль них тянулись русла арыков и более крупных каналов, и сейчас кое-где прослеживающихся между развалинами. Постройки из обожженного кирпича являлись, судя по всему, редкостью. Таким было сравнительно большое (25×10 *м*) однокомнатное здание в северо-восточной части поселения, замеченное О. А. Вишневской во время ее маршрута [1963, 64]. С большой долей основания О. А. Вишневская считает его мечетью. Прочие кирпичные постройки не выделяются размерами, за исключением, быть может, одной, в северной части поселения, близ водоема, и не составляют какого-либо выраженного квартала или группы, будучи разбросанными по всей застроенной площади.

Периферия поселения имела совсем другой *вид: здесь развалины домов стоят внутри обвалованных участков усадеб*, тесно примыкавших друг к друг оградами. На участке, как правило, помимо самого дома была еще ка-

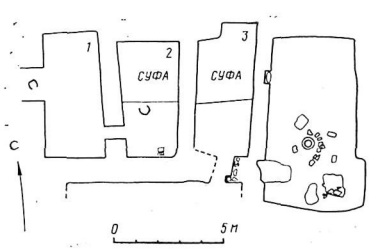


Рис. 101. Дом № 41 в поселении близ Ак-калы

Рис. 102. Поселение в зоне Дарьялыка (точка 845)

кая-то постройка в виде однокомнатной башенки на пахсовом цоколе. То же явление отров'— развалин жилищ объясняется не сохранном описываемому поселении I у Акча-Гелина. И конструктивно, и функционально это постройки одного плана.

Планировку домов, несмотря на кажущуюся хорошую их сохранность, установить не удалось. Оказалось, что большая высота бугров-развалин жилищ объясняется не сохранностью строений, а наличием высоких цоколей, которые только и остались от дома. Стены и культурный слой, как правило, полностью разрушены. Поэтому только в двух случаях — а зачистки производились на нескольких развалинах — можно было составить самое общее впечатление о плане дома.

В первом случае дом состоял из двух поставленных в один ряд помещений с примыкавшим к ним огороженным участком — то ли загоном для скота, то ли небольшим двориком. При обследовании северных окраин поселения удалось установить, что один из домов был разделен на несообщавшиеся половины из двух ячеек; не исключено, однако, что план выглядел иначе: двухкомнатная ячейка и примыкавшее к ней одно большое помещение или огороженный двор.

В некоторых случаях дома группировались вокруг двора в виде каре.

Весьма специфической чертой поселения является цепь водоемов, связанная со спаренными арыками в оригинальную систему водоснабжения. Она зафиксирована на северной окраине территории; выше мы подробно ее охарактеризовали. Самый большой водоем находился в южной части поселения; всего их было не менее пяти-шести.

Поселение носит ярко выраженный земледельческий характер, однако есть признаки того, что население занималось и ремеслами. Так, на развалинах нескольких построек в юго-западной части застройки обнаружены гончарные шлаки, фрагменты бракованных керамических изделий и остатки самих печей. Однако масштабы ремесленного производства не были сколько-нибудь значительными, хотя нужды жителей поселения в посуде они, вероятно, удовлетворяли.

На западных окраинах поселения находилось большое кладбище. Погребения выделяются на поверхности такыра скоплениями обожженных кирпичей от разрушившихся надгробий. В ряде случаев можно подозревать существование в прошлом небольших мавзолеев.

В заключение следует упомянуть о сделанных на поселении находках. Это — керамика, предметы из стекла и металла. Керамика не отличается от найденной нами на Акча-Гелин-

ском, шахрликских и Куня-Уазском поселениях с той разницей, что здесь больше кашинной, причем встречаются обломки привозной посуды, так называемого селадона.

Основная масса найденных нами бусин изготовлена из стеклянной пасты — черной и голубой. Преобладают голубые ребристые, круглые в сечении бусины. В меньшей степени распространены шаровидные черные бусины, гладкие или многоцветные — глазчатые и полосатые. Встречаются бусины из кашина с бирюзовой поливой. Находки стеклянных подвесок единичны.

Найдены бронзовая вопросовидная серьга с утолщением в виде бусины на конце и другая — в виде несомкнутого колечка с бронзовой бусиной, обломки небольшого бронзового зеркала с остатками рельефного орнамента, нескольких бронзовых браслетов из гладкой округло-уплощенной в сечении проволоки и другие фрагменты.

Необычна плоская керамическая плитка серого цвета, часть плоскости которой расчерчена сеткой; в квадратах последней штампом нанесены изображения в виде концентрических кругов. По-видимому, эта плитка связана с какой-то игрой. На поселении найдено более 70 монет (в том числе одна золотая), чеканенных в основном в середине XIV в. [Вишневская, 1963, 87].

В типологическом отношении поселение в точке 845 сходно с описанным нами поселением в точке 822 близ Ак-калы, городищем Шахрлик и укрепленным поселением близ Теке-Сенгира, известным под названием Ангырт или Шехр-Базданг.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ХОРЕЗМСКОГО СЕЛЬСКОГО ЖИЛИЩА

Рассмотренный в первой части книги материал раскопок позволяет в общих чертах проследить эволюцию хорезмского сельского жилища. В его развитии можно выделить два основных этапа — античность и средневековье, разделенные периодом раннего средневековья — V—VIII вв. Следовательно, изучение интересовавшей нас стороны материальной культуры еще раз показывает правильность общей классификации хорезмских археологических культур, созданной С. П. Толстовым. Сопоставление совокупности сведений привело его к выводу, что античный и средневековый Хорезм — во многом различные миры [Толстов, 1962, 246—252]. Глубокие изменения в материальной и духовной культуре населения произошли на рубеже античности и средневековья, в V—VIII вв. Они коснулись, как показывают и наши материалы, также сельского жилища.

Действительно, мы не наблюдаем непосредственной связи между жилищами, датируемыми началом нашей эры и эпохой развитого средневековья; этот разрыв заметен уже в V—VIII вв., когда жилище рядовых общинников утрачивает какое-либо сходство с таковым в предшествовавший период. Между тем на протяжении более чем тысячелетия в древнем Хорезме (во всяком случае, на правом берегу Амударьи) среди прочих устойчиво держится один и тот же тип жилищ, выявленный в поселениях у Кургашин-калы и Джанбас-калы и сложившийся к IV—III вв. до н. э. К этому времени хорезмское зодчество уже прошло большой путь от полуземлянок и еще примитивных наземных жилищ первобытности до сложных архитектурно-фортификационных и храмовых сооружений типа Джанбас-калы, Кой-Крылган-калы и др. Уже в VI в. до н. э. хорезмийцы создали из сырца и пахсы оборонительные стены, культовые здания и жилища Кюзели-гыра, и этот большой скачок в развитии материальной культуры отражал важные сдвиги в социальной структуре общества. Эти нововведения станут еще контрастнее, если вспомнить, что жилища рядового населения в ту пору (по классификации С. П. Толстова — архаический период) еще очень близки к полуземлянкам позднебронзового века — амирабадской культуры,— наряду с которыми строились однорядные наземные постройки из одной-трех комнат [Воробьева, 1973, 77, 78], представлявшие собой наиболее примитивный вид жилья. Эти домики в виде расположенных по одной линии помещений широко распространены во времени и пространстве. Построенные из различных материалов в зависимости от географических условий той или иной местности, они всегда характеризуют жилье беднейших слоев общества. Ниже нам еще придется говорить о них подробнее.

Возросшие навыки домостроительства вместе с общим прогрессом культуры в следующий, раннекангюйский период истории Хорезма (IV—III вв. до н. э.) привели к дальнейшему совершенствованию жилища, хотя по-прежнему существовал однорядный дом, но включенный уже в более сложную систему с двором и другими помещениями. Наряду с ними строились крупные дома-массивы типа Кюнерли-калы, в которых, возможно, жила значительная часть населения. Планировка некоторых крупных домов выявляет ряд важных особенностей, вызывающих определенные,

подчас древние параллели, позволяющие наметить линии культурных связей. Однако следует сначала кратко охарактеризовать основные типы домов в первые века нашей эры, с которых, по существу, и начинается наше исследование.

ЖИЛИЩЕ В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Для характеристики жилища в первые века нашей эры мы не располагаем таким массовым материалом, как для эпохи средневековья. Кроме того, облик домов в первые века нашей эры в различных поселениях очень индивидуален. Поэтому выделение типов сельских жилищ для того времени в значительной мере дело будущего. Сейчас можно предложить только предварительную классификацию, в которой сам термин «тип» используется условно.

Типы жилищ

1. Трехкомнатный дом, половину которого занимало одно большое помещение. В нем были сосредоточены очаги, закрома и прочие детали хозяйственно-бытовой деятельности, поэтому можно полагать, что оно было основным хозяйственным помещением в доме. Вероятно, именно здесь концентрировалась жизнь обитателей дома в зимнее время, но вообще оно, безусловно, было связано с деятельностью женщин. Две другие комнаты могут быть отнесены к чистой, приемной части дома.

Дом занимал только часть участка, обведенного общей с ним стеной, остальная его территория являлась двором, игравшим важную роль в жизни обитателей дома бо́льшую часть года (поселение Джанбас-кала, дома № 4 и № 9). Площадь дома составляла от 104 до 140 *кв. м* (без двора).

2. Жилище, помещения которого занимали две противолежащие стороны двора. Вдоль одной из них расположено большое помещение с несколькими очагами, закромами и хозяйственными ямами. Как уже сказано, такие помещения составляли характерную черту домов первого типа. Вторая постройка состояла из трех помещений: кладовой, сплошь занятой ямами, помещения с очагом, чистого, может быть приемного, и другого, назначение которого менее определенно. Возможно, что оно предназначалось для хранения каких-то вещей и для отдыха (оазис Джанбас-кала, дом № 3). Площадь жилья — 104 *кв. м*, с двором — 272 *кв. м*.

Одно из помещений домов первого и второго типов, принимавшее в некоторых случаях вид отдельно стоящей постройки, тщательно украшалось керамическими плитками. Судя по находкам на его поверхности статуарных оссуариев, оно предназначалось для свершения обрядов, связанных, быть может, с культом предков.

Включение небольшого культового помещения в состав жилища известно по материалам раскопок древних городов Ближнего Востока и Египта [Woolley, 1931, 362; Badawy, 1966, 88], а широкое распространение культа предков в Хорезме установлено исследователями, что делает наше предположение вероятным [Раппопорт, 1971, 112—114; Снесарев, 1969, 117—120 и сл.].

3. Жилище представляет собой каре построек, располагавшихся вокруг двора. Дом такого типа не раскапывался, ясно лишь, что в его составе имелось обширное складское строение в виде одного помещения, сплошь занятого хумами и прочими сосудами, преимущественно крупными. Ввиду того что постройки сильно разрушены, представление о них может быть неточным. В частности, неслошным могло оказаться периметральное расположение составлявших постройку отдельных строений; площадь — около 300 *кв. м* (оазис Аяз-кала, дом № 4 и, может быть, № 5).

4. В планировке дома чередуются крупные и мелкие помещения, расположенные в несколько рядов. Общие очертания этих жилищ в одних случаях составляют правильный четырехугольник, в других правильность нарушается тем, что один ряд комнат длиннее другого и выступает углом (дома № 3 и № 14 Аязкалинского оазиса). В самых крупных домах такого типа имелись один или несколько «колонных» залов, а также большие помещения с нишей в одной из стен (дом № 1 Аязкалинского поселения); площадь — 1200 *кв. м*.

5. К предыдущему типу примыкают неправильные по очертаниям дома Турпак-калинского поселения. Они лишены единого композиционного центра, очень велики, с обширными помещениями, индивидуальны по плану. Общими для них являются перечисленные особенности, а также наличие в системе планировки узких коридоров, больших парадных залов, украшенных росписью или имевших вид четырехколонного зала с открытой очажной центральной выкладкой и нишей в стене против нее (дома № 5 и № 9); площадь дома — 500—700 *кв. м* (рис. 103).

6. Дома с композиционным ядром в виде

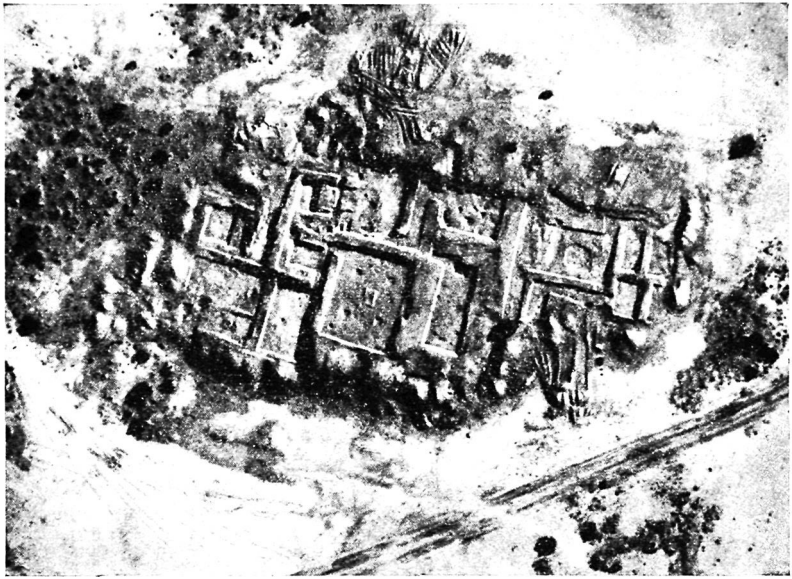


Рис. 103. Дом № 5 в Турпак-калинском поселении. Аэрофото

двух смежных помещений; одно из них — вестибюль. Длинная ось помещений параллельна фасаду. В систему дома включены большие помещения с колоннами и небольшие дворики (Туз-гырское поселение); площадь дома — 300—500 *кв. м* (рис. 104).

7. Однорядные небольшие дома из одного-трех помещений, вытянутых цепочкой (урочище Дингильдже). Предполагается, что это был распространенный тип [Воробьева, 1970, 79; ее же, 1973, 213—215], но, вероятно, такие дома были непрочны и легко разрушались, так как нам встречались редко, площадь дома — 30—50 *кв. м*.

8. Помимо перечисленных типов жилищ, датируемых первыми веками нашей эры, встречаются усадьбы со зданием из сводчатых помещений и примыкавших к нему менее фундаментальных построек, видимо, хозяйственного назначения. Все эти постройки занимали часть открытого, обведенного пахсовой оградой двора. Такие усадьбы пока не раскапывались (например, Малая Топрак-кала), поэтому трудно сказать, было ли сводчатое здание жилым и можно ли данную постройку сравнивать с укрепленными усадьбами, скрытыми под раннесредневековыми замками Беркут-калинского оазиса. Последние, вероятно, ближе напоминали Ангка-калу, где подобное здание отсутствует. Если все эти постройки были жилыми, их следует считать жилищами земледельческой знати. Дома, выделенные в тип 4 и тип 5, безусловно, являлись жилищами состоятельных земледельцев, прочие (за исключением однорядных жилищ) — домами рядовых земледельцев.

Как ясно из первой части книги, все вышеперечисленные дома относятся к периоду, хронологические рамки которого ограничиваются I—IV, возможно началом V в. н. э; самым концом этого периода датируются жилища, выделенные в тип 5 (например, Турпак-калинское поселение). Остальные семь типов могли сосуществовать или незначительно различать-

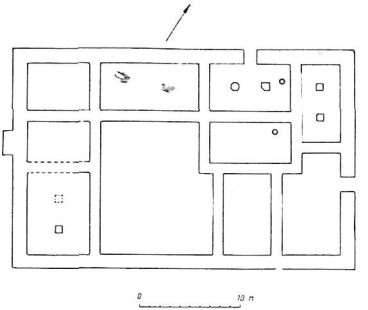


Рис. 104. Дом в Туз-гырском поселении

ся во времени. Из описаний оазисов следует, что дома Джанбас-калинского оазиса непохожи на жилища Аяз-калинского поселения, представляя иные (1—2) типы. Сейчас трудно сказать, чем это объясняется: тем ли, что Аяз-калинский оазис может быть несколько моложе Джанбас-калинского, или же иными причинами. Бросается в глаза также, что таких помещений, отделанных керамическими плитками, какие открыты в окрестностях Джанбас-калы, у подножия Аяз-калы нет, как редки там и находки оссуариев. Тем не менее есть основания полагать, что эти помещения-часовенки не были узколокальным явлением, а встречались и в окрестностях Кой-Крылган-калы, Ангка-калы и в других районах Правобережья [Рапопорт, 1971, 43, 67, 86]. Следует отметить, что именно джанбас-калинские дома показывают полнейшую преемственность по отношению к более ранним жилищам IV—III вв. до н. э., открытым также в Правобережье, у подножия Кургашин-калы.

Однако это относится только к домам, выделенным выше в типы 1 и 2, т. е., по существу, воплотившим в разных вариантах одну планировочную схему. Прочие типы жилищ повторяются лишь в тех поселениях, где они были обнаружены. Дома в виде каре построек вокруг двора (тип 3) были, видимо, единичными.

Таким образом, наши материалы показывают, что в первые века нашей эры не существовало, выражаясь современным языком, каких-либо «единых типовых проектов» сельского жилья и поэтому, как сказано выше, термин «тип» в применении к вышеперечисленным разновидностям сельских построек использован нами условно. Тем более преждевременно сопоставлять в этом отношении оазисы Левобережного и Правобережного Хорезма. Можно лишь констатировать, что в самом конце античного периода во всем Хорезме существовали жилища, сходные по абрису и ряду особенностей планировки. Имеются в виду крупные дома Аяз-калинского и Турпак-калинского оазисов, включавшие парадные залы с колоннами (или без них), «почетным местом» — нишей в одной из стен — и центральной очажной вымосткой.

Внутренний облик жилищ и некоторые черты строительной техники

Сельские постройки первых веков нашей эры, за исключением крупных, таких, как Аяз-кала III или турпак-калинские дома, строились из пахсы. Внешние стены делались той же толщины, что и внутренние, причем в некоторых случаях, например в Джанбас-калинском поселении, они достигали 2,2 *м*. Большая толщина стен находит объяснение в необходимости сохранять в доме прохладу летом и укрываться от жгучих ветров и холода зимой. При отсутствии окон и небольших проемах дверей толстые стены способствовали выполнению этих требований [см.: Rapoport, 1969, 89, 92 и сл.; Кошеленко, 17]. Ту же цель преследовало вынесение летней кухни за пределы дома и даже, как полагают, сама компактность постройки, уменьшавшая пространство, открытое для солнца и способствовавшее сохранению тени [Rapoport, 1969, 92; Badawy, 1966, 215].

Световые люки могли находиться в кровле дома, как это установлено в итоге раскопок ряда среднеазиатских сооружений, в первую очередь дворца Топрак-калы [Воронина, 1960, 186].

Благодаря раскопкам большой усадьбы Дингильдже (V в. до н. э.) получены сведения о дымовыводящих люках (которые одновременно могли использоваться и как световые) в кровле помещений. Доказательством существования таких люков являются, по мнению исследовавшей усадьбу М. Г. Воробьевой, ямки от столбов, располагавшихся по четырем углам очага и, вероятно, служивших опорой опалубки люка. Определены и возможные размеры люка — 1,5×0,8 *м* [Воробьева, 1973, 104]. Как мы стремились обосновать в первой части книги, подобный световой люк мог быть в крыше четырехколонного зала № 5 дома № 5 в Турпак-калинском поселении.

В целом же о кровле раскопанных нами жилищ, относящихся к первым векам нашей эры, можно судить лишь предположительно, так как сохранились, как правило, только основания стен, высота которых, за редким иск-

лючением, не превышала 1 *м*. По-видимому, кровля была плоской: обнаружены каменные и кирпичные основания и ямки от поддерживавших ее столбов, хотя никаких деревянных частей крыши не уцелело. Ширина помещений, в среднем составлявшая 3,5—3,6 *м*, лишь в редких случаях превышала 4 *м*. Этот пролет, как показывают исследования современных жилищ, мог быть перекрыт без дополнительных опор путем укрепления концов балок в противолежащие стены. В помещениях, ширина которых превышала нормальный для перекрытия пролет, равный 4,6 *м* [Воронина, 1964, 80; Воробьева, 1973, 101], ставились дополнительные столбы. Ямки от них сохранились в углах помещений (например, в углах комнаты № 4 дома № 3 в Аяз-калинском поселении) и по сторонам. В больших по площади помещениях джанбас-калинских жилищ кровлю поддерживали столбы, ставившиеся посредине (помещение № 3 в доме № 9; помещение № 3 в доме № 4). О конструкции кровли можно только догадываться, но, вероятно, она возводилась из балок, жердей, камыша и земли тем же способом, какой применяется еще и сейчас строителями среднеазиатского народного жилища [1].

В первой части книги, при описании домов Турпак-калинского оазиса, мы старались обосновать утверждение, что кровля помещений в крупных жилищах могла быть на разной высоте, а крыша парадных залов возвышалась над кровлей соседних помещений. Задолго до *рассматриваемого времени такой строительный* прием был известен зодчим древних Египта и Месопотамии [ВИА, т. I, 1944, 105, 143; Badawy, 1966, 26]. Есть основания полагать, что с ним были знакомы и строители хорезмской архаической усадьбы Дингильдже. М. Г. Воробьева допускает, что зал с колоннами в летней, восточной половине этой постройки мог возвышаться над прочими ее помещениями [1973, 106]. Есть также основания предполагать, что кровля помещений в некоторых домах могла быть сводчатой. По крайней мере, к таким выводам в отношении раскапывавшегося им дома № 1 в Аяз-калинском поселении пришел С. П. Толстов [1948, 108], зафиксировавший в помещениях этого дома завал кирпичей высоких эллиптических сводов. Остатки разрушившихся сводов сохранились в усадьбе близ горной цепи Султан-Уиздаг, именуемой Малая Топрак-кала. Однако, по-видимому, сводчатые перекрытия в сельских постройках встречались редко и пока отмечены только в крупных усадьбах.

Какой-либо цокольной части в изученных нами рядовых сельских постройках не существовало. Основания стен были ниже уровня полов не более чем на 0,15—0,2 *м*. Напротив, под крупные постройки подводилась цокольная часть, причем большую роль в ее конструкции, как показал С. П. Толстов [1948, 105], играл песок. Раскопки большого дома IV—III вв. до н. э. близ Турпак-калы обнаружили конструкцию цоколя, очень сходную с описанной С. П. Толстовым для Аяз-калы III [там же, 105—106]. В обоих случаях зафиксированы клетки (пахсовые или кирпичные), заполненные песком. Этот строительный прием (с известными вариантами) восходит к глубокой древности. Так, основанием «овального храма» в Хафайе (Месопотамия IV тысячелетия до н. э.) служила искусственная терраса следующей конструкции: над котлованом, заполненным песком, были воздвигнуты клетки оснований стен высотой 1,2—1,4 *м*, затем забитые плотной глиной, поверх которых поставлены стены храма из крупных сырцовых кирпичей [Delugaz, 17—18]. Близка также и толщина стен сопоставляемых зданий: в Хафайе — 1,5 *м* внутренние, 3—4 *м* внешние, в Турпак-калинском здании — соответственно 1,5—2 *м* и 4—5 *м*. Очень распространенным в Хорезме конструктивным приемом, предохранявшим стены от проникновения солей, является прокладка камыша под их основания, отмеченная, например, в доме № 9 Турпак-калинского поселения. Полы в помещениях образованы одним или несколькими слоями обмазок из глины с добавлением самана. Поверх них стелились камышовые подстилки, на которых могли лежать, в зависимости от состоятельности хозяев, кошмы или ковры.

Перейдя, таким образом, к характеристике интерьера рядового дома, следует сказать, что он прост и невыразителен. Монотонная гладь пахсовых стен не нарушалась углублениями ниш. Ниши были мало распространены, чаще встречаясь в рассматриваемое время в крупных постройках. Утварь хранилась просто на полу, причем крупные сосуды вкапывались в него до середины высоты или даже по горлышко. Многочисленные ямки от небольших столбиков показывают широкое применение деревянных, возможно, переносных конструкций, приспосабливавшихся для легких полок или для подвешивания различных предметов. Продовольственные припасы сохранялись в сосудах или ямах, дно и стенки которых иногда тщательно облицовывались сырцовыми кир-

[1] При реконструкции плоской кровли в хорезмских древних жилищах можно воспользоваться этнографическими наблюдениями, согласно которым поверх балок и камыша кровли насыпался земляной слой толщиной 15—20 *см* [Писарчик, 1970, 34]. Те же цифры приводит В. И. Курылев при описании современного туркменского жилища [Курылев, 1969, 239].

пичами и покрывались плотными глиняными обмазками. Ямы делались как в помещениях (причем для них выделялись кладовые, сплошь ими занятые), так и вне дома. По сведениям этнографов, у населения Средней Азии такой способ хранения зерна известен вплоть до недавнего времени [Хамиджанова, 46; Давыдов, 1973, 63—64].

Комнаты отапливались по-черному (без дымоходов или каминов с вытяжными трубами) кострами или при помощи ульевидных очагов, врубавшихся в стены и пол. Ульевидные очаги открыты и в помещениях нижних и верхних горизонтов Кой-Крылган-калы. Они сделаны из фрагментов керамики, скрепленных глиной [«Кой-Крылган-кала», 79]. У основания имелось небольшое отверстие — поддувало. Вероятно, это были отопительные очаги, в которых могли печь лепешки, *используя их как тандыры. Интересны зафиксированные* на Кой-Крылгане и неизвестные пока на других памятниках прямоугольные, несколько заглубленные в пол очаги, края которых обложены поставленными на ребро сырцовыми кирпичами. Размеры их равны 1×0,7; 1×0,9 и 1×0,4 *м*. В некоторых случаях стенки их возвышались на 15—20 *см* над полом. В исследованных нами сельских домах *таких очагов нет.*

По-видимому, отопительными очагами в домах античного Хорезма могли служить четырехугольные кирпичные площадки, известные здесь со времен Кюзели-гыра (VI—V вв. до н. э.) и Дингильдже (V в. до н. э.) [Неразик, 1966, 75; Воробьева, 1973, 111]. Однако в раскопанных нами сельских жилищах очаги-площадки встретились только однажды, в доме № 5 Турпак-калинского поселения, где такой очаг, расположенный в торжественном зале, вряд ли служил просто для отопления. Открыты они в синхронных этому дому помещениях городских слоев Топрак-калы и в доме № 1 Аяз-калинского поселения [Толстов, 1948, 106].

Назначение очагов в жилищах античного Хорезма труднее поддается определению, нежели в жилищах средневековых, когда культура местного населения обнаруживает уже много сходства с культурой Хорезмского оазиса в недавнем прошлом и когда на помощь приходят этнографические материалы. К тому же высказано мнение [Воронина, 1960, 190], что каждый очаг в древних жилищах ввиду необходимости экономить топливо мог использоваться в разных целях; впрочем, следует учитывать, что для отопительных очагов могли служить угли, выгребавшиеся из кухонного очага. Не нужно забывать также и большую роль летнего очага, помещавшегося во дворе. Мы, однако, думаем, что наиболее удобными для приготовления пищи следует считать очаги — углубления в специальных очажных возвышениях, бытовавшие в Средней Азии длительное время и уже появившиеся в Хорезме в первые века нашей эры.

В целом рядовые сельские дома Хорезма отличались еще очень простой организацией, нерасчлененностью функций ряда помещений, живо напоминающих этой своей особенностью древние прототипы. Имеются в виду, в частности, большие помещения со многими очагами, ямами и сосудами, упоминавшиеся при описании джанбас-калинских домов и являвшиеся средоточием всей хозяйственной жизни дома. В их планировке чувствуются глубокие традиции, восходящие еще к эпохе первобытности — к жилищам типа Якке-Парсан II. Эта живучесть различных архаичных элементов в организации жилья прежде всего объясняется сохранением родовых связей, особенностями внутренней организации семьи, обитавшей в таких постройках. Та же причина лежит в основе ассоциаций, которые вызывает у нас далекое от рассматриваемых хорезмских поселений и во времени, и в пространстве Чатал-Гююкское поселение в Малой Азии, относящееся к эпохе энеолита [Mellaart, 47, 59 и сл.]. *Каждый дом в этом поселении состоял* из одной обширной комнаты и двух поменьше, использовавшихся для хранения продуктов и других домашних целей. В большом же помещении сосредоточивалась вся жизнь обитателей дома: здесь готовили пищу, занимались прочими хозяйственными работами, здесь же спали. Глинобитными платформами или лавками-суфами она разделялась на соответ*ствующие части. Нет надобности* доказывать, сколь напоминают эти комнаты и эти дома джанбас-калинские, только в Чатал-Гююке из-за суф план несколько более усложнен.

Можно привести и гораздо более близкие территориально, но более поздние параллели. Достаточно вспомнить помещения с несколькими очагами и суфами в раннесредневековых усадьбах Хорезма и в доме № 43 в Кават-калинском оазисе, которые в какой-то степени можно, как нам кажется, сопоставлять с зимними помещениями ягнобцев. В быту последних, как известно, сохранились до наших дней черты глубокой архаики, многие пережитки родовых институтов. Почти вся площадь ягнобского зимнего помещения — mŭr — занята широкими суфами, разделенными перегородками на ряд отсеков для брачных пар. Тут же находился inqir — очаг для приготовления пищи. В этой комнате проводила холодное время вся семья [Кондауров, 1940, 84—85; А. С. Давыдов, 1973, 65—74 и сл.].

В то же время нам представляется возможным говорить о выделении даже в небольших хорезмских сельских домах, которые преимущественно и являются предметом нашего изучения, мужской и женской половин, иногда изолированных друг от друга, как, например, в доме № 3 Джанбас-калинского поселения, но в большинстве случаев связанных в едином организме дома и различимых только функционально. Гораздо отчетливей такое деление проявляется в планировке крупных домов. Мы подчеркивали это обстоятельство, описывая дома № 5 и № 9 в Турпак-калинском поселении. Здесь уже нельзя говорить о той нерасчлененности функций ряда помещений, которая характеризует мелкие жилища. В больших домах, принадлежавших представителям иного социального слоя, наблюдается бóльшая дробность в планировке, значительно бóльшая специализация помещений, выявляемая по гораздо более многочисленным деталям внутреннего облика. В этом отношении крупные античные жилища стояли уже близко к средневековому периоду, когда даже в небольших домах по тем или иным выразительным деталям легко установить назначение каждой комнаты.

Часть площади домов, подобных турпак-калинскому дому № 5, отводилась под кладовые, среди которых имелось нечто вроде погребка с углубленным полом, а часть дома занята помещениями для слуг и для приготовления пищи. Парадные покои хозяина составляли целый комплекс, причем приемный зал не был связан непосредственно с хозяйственной частью дома, зато с ними тесно соприкасался другой зал — для женской половины обитателей дома.

Отдельные элементы этого жилища можно увидеть уже в неоднократно упоминавшейся архаической усадьбе Дингильдже, относящейся к V в. до н. э. Там открыты и большой колонный зал (но не четырехстолпный, а в духе времени — с шестью колоннами в два ряда) с центральной очажной вымосткой, на которой во время праздников или ритуальных церемоний возжигался огонь, и несколько кладовых, и подвальное помещение; выделена также летняя и зимняя части дома. Но взаимосвязь этих элементов в общей системе планировки совершенно иная.

Можно думать, что в Хорезме в течение первых веков нашей эры, хотя и не повсеместно, вырабатываются определенные черты интерьера жилой комнаты, повторяющиеся и в скромных домах рядовых сельских поселений, каким являлась в это время Кой-Крылган-кала, и в богатых сельских жилищах типа дома № 1 в Аяз-калинском поселении или несколько более позднего дома № 5 Турпак-калинского поселения. В одной из стен такой комнаты устраивалась ниша, в середине — очаг в виде четырехугольной кирпичной выкладки. В некоторых случаях вдоль одной или нескольких стен шли неширокие глинобитные суфы. Те же детали плана — ниша и центральный очаг — сохраняются и в парадных помещениях, например в парадном зале турпак-калинского дома № 5, торжественность которого подчеркивается четырьмя колоннами, поддерживавшими кровлю. Вероятно, крупные дома сельской знати подражали городскому жилищу состоятельного слоя населения, сближаясь с ним включением в состав дома ряда общих элементов, отделкой интерьера и некоторыми другими признаками. Так, например, в верхних слоях Куня-Уаза, относящихся к тому же времени, что и Турпак-калинское поселение, открыты парадные помещения, сходные с большим залом в доме № 5 — с одной или несколькими нишами и кирпичной очажной выкладкой в центре помещения. Таков парадный зал, раскопанный в центральной части городища, богато декорированный росписью и глиняными раскрашенными статуями, стоявшими в нишах. Следов колонн в нем не обнаружено, но большая площадь помещения (10,1×9,5 *м*) позволяет допустить возможность их существования.

Во дворце Топрак-калы (III в. н. э.) также были помещения и залы с нишей в одной из стен. Особенно выделялся парадностью так называемый Зал царей с нишей типа айвана, достигавшей глубины 10 *м* (в ней и по ее сторонам стояли статуи правителей Хорезма). Этот айван открывался в обширный зал. Еще более грандиозным был второй зал (или двор?) с огромным айваном, являвшийся центром композиции всего массива дворца и лежавшим на пересечении его центральных осей. Айван с нишей, покрытый росписью, безусловно, может рассматриваться как «царское место», в то время как «Зал царей» был культовым помещением.

На фоне этих грандиозных, пышно украшенных многокрасочной росписью и скульптурой и барельефами залов Топрак-калы с их огромными арками глубоких ниш парадные помещения Куня-Уаза выглядят куда менее выразительным, провинциальным «камерным» вариантом, а залы турпак-калинских домов — бедными и примитивными. Тем не менее они все выражают одну и ту же планировочную идею, повторяющуюся на разных уровнях масштабности и выразительных средств и получившую в литературе название «дворово-айванной» [см.: Негматов, Хмельницкий, 83].

Нет необходимости приводить длинный

список сооружений, в которых воплощен этот прием, рассчитанный на выражение архитектурно-художественными средствами величия правителя и эмоциональное воздействие на толпу подданных великолепием айвана, оформлявшего трон владыки. Это и могучие арки сасанидских дворцов, и сооружения уструшанского Шахристана, и дворец бухар-худатов, и скромные помещения раннесредневековых среднеазиатских кёшков, в которых вместо обширного открытого двора — замкнутое пространство комнаты или зала, а вместо арочного айвана — более или менее глубокая ниша. При этом следует обратить внимание на трехчленность арки центрального зала Топрак-калы или фасада парадного зала на Куня-Уазе, где центральная глубокая ниша оформлена с обеих сторон мелкими. Такой прием применен уже в Ашурском дворце (I в. н. э.), где каждый из четырех фасадов огромного центрального зала образован тремя арочными проемами. Центральные высокие и глубокие противолежащие айваны придают двору крестообразность [Andrae, Lenzen, 25—54 и табл. 9—14; Porada, 185].

Залы с колоннами в Хорезме, по-видимому, являлись неотъемлемой частью жилищ земельной аристократии как в городе, так и в деревне. Они упоминались выше при описании Аяз-калинского оазиса, поселений возле Турпак-калы и Туз-гыра. Залы с колоннами открыты в Қалалы-гыре [Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, 145—150], в Гяур-кале (Султан-Уиздаг) [Рапопорт, Трудновская, 359—362], на городище Топрак-кала [Неразик, 1972, 27]. Однако пока нельзя сказать, что эти залы композиционно являлись центральным элементом планировки городских хорезмских домов, поскольку еще не выявлены границы отдельных городских жилищ.

Эпизодическим элементом интерьера сельских жилищ первых веков нашей эры являются суфы, особенно П-образная,— излюбленная деталь планировки жилых и парадных комнат среднеазиатского раннего средневековья. Как позволяют заключить собранные нами материалы, этот способ организации интерьера появляется не ранее конца II в. Такое помещение было в усадьбе № 1 у Аяз-калы и в верхних слоях Кой-Крылган-калы, хотя там П-образная суфа зафиксирована только в одном случае и выглядит узкой скамейкой. Впрочем, Кой-Крылган-кала в этом отношении не является очень выразительным объектом исследования. Суфы в ее помещениях чаще имеют вид слабого повышения пола с пологими краями, чем специально сделанной конструкции из глины и кирпичей. Во многих случаях для них приспосабливались выступавшие над полом поверхности срезанных при перестройках старых стен. При этом не исключено, что в период существования комнат часть суф и не выглядела возвышением и только со временем, когда завал из разрушившихся стен и потолков, упавший на пол, продавил более мягкие его участки, жесткие кирпичные нижние конструкции выступили через слабые обмазки полов, проявившись на поверхности возвышением. Эта просадка пола могла произойти во время обитания в комнатах по мере вытаптывания наиболее слабых его участков. В некоторых комнатах, однако, суфы делались специально, но всюду неширокими и невысокими. Все это приводит к предположению, что П-образные суфы становятся важной деталью интерьера жилых комнат рядового дома только в конце античного периода, а в домах состоятельных слоев сельского общества они могли появиться несколько раньше. П-образная суфа и центральная очажная вымостка открыты также в святилище Джанбас-калы, дожившем до начала нашей эры [Толстов, 1948, 96—97].

Жилища в Хорезме в первые века нашей эры и домостроительство на Древнем Востоке

Ряд особенностей интерьера, так же как и выделение функционально различных помещений, жилой и парадной части, наблюдаемое в крупных жилищах сельского Хорезма (и в городских домах), находит соответствие, как мы увидим ниже, в синхронных и более древних постройках сопредельных стран Востока. Нельзя сказать того же о самих типах исследованных нами домов, планировка которых отлична от широко распространенной на Востоке схемы дома, складывавшегося вокруг центрального двора или большого зала.

Следует сразу же оговорить, что речь пойдет преимущественно о городском доме, потому что сельские постройки в указанных районах еще почти совсем не изучены.

За время многолетних работ на территории древних городов Месопотамии установлено, что распространенные там жилые дома с глубокой древности вплоть до близкой к рассматриваемой нами эпохе (последние века до нашей эры — первые века нашей эры) при ряде отличий в деталях имели и несомненное сходство, заключавшееся в том, что организующим элементом плана везде был двор, вокруг которого и группировались разной величины помещения [Woolley, 1931, 362; его же, 1938, 115—120; Woolley, 1955, 177—190, табл. 23; Contenau, 34—39 сл.; Frankfort, 1954, 55; Koldewey, 258, и др.]. Постепенно выяснилось, что двор становится центральным элементом

планировки начиная по крайней мере с эпохи III династии Ура (конец III тысячелетия до н. э.) и в эмбриональном состоянии известен там на тысячу лет раньше [Mallowan, 92; Badawy, 88]. Исследования эллинистических городов Месопотамии — Дура-Европос и Селевкии — также открыли там дома с центральным двором [Cumont, 20; Hopkins, 41, 49, 53; Rostovtzeff, 212, и др.]. Прослеживая влияние древнемесопотамского дома на планировку жилищ этих городов, первоначально воспроизводивших черты греческого дома IV в. до н. э., исследователи констатируют, что «двор как центральный организующий компонент всего жилого комплекса является особенностью не только греческого, но и месопотамского жилого строительства» [Кошеленко, 130]. В связи с этим нельзя не привести еще одну цитату, в которой заключена мысль, кажущаяся нам совершенно справедливой: «Эгейская архитектура имела с их архитектурой (Индии, Двуречья, Египта) некоторые общие черты, объяснение которым следует видеть в общем для этих стран жарком климате, в общих культурно-бытовых условиях периода становления классового общества, а также в сходных строительных материалах. Поэтому, например, расположение дворцовых помещений вокруг замкнутых дворов в Мари, в эгейских памятниках и у хеттов не следует объяснять непременно заимствованием, так как в условиях жаркого климата эта планировка была естественной, как естественна плоская кровля из глины, характерная для архитектуры всех этих стран» [ВИА, 1944, 169].

Именно это обстоятельство делает закономерными и объяснимыми такие далеко идущие параллели, как возможность сопоставления жилых домов Греции и Рима с узбекскими, проведенного В. Л. Ворониной. В Узбекистане она находит полные аналогии и греческому перистилю, и мегарону, и экседре, и колоннадам второго этажа в римском доме. Хивинский дом с высоким айваном может быть сопоставлен, по ее мнению, с домами древней Греции, причем «улу-айван и сарай отвечают простаде и главному залу (который не что иное, как пережиточная форма древнего мегарона)» [Воронина, 1951, 52].

В зависимость от климата ставят распространение описываемых построек и другие авторы, полагающие, что центральный двор — лучшая защита от чрезвычайной жары, солнечного лета и сильных ветров с востока и юга [Badawy, 116]. Впрочем, как справедливо отмечено [Rapoport, 20—21], в каждом климатическом поясе существует несколько (а иногда и много) типов жилых построек; поэтому во всех случаях их появление вряд ли стоит объяснять только требованиями климата. Тем не менее это, конечно, одна из основных причин, формирующих тип дома в доиндустриальных обществах.

Признавая, что климат, социально-бытовые условия, этнические особенности и т. п. могли приводить к конвергентному возникновению однотипных архитектурных схем, нельзя исключать возможности заимствований и влияний, особенно в отдельные периоды, связанные с существованием обширных империй, их экспансией, включением в зону их воздействия менее развитых в культурном отношении областей и т. п.

Что же собой представляли жилища древней Месопотамии? В первых веках нашей эры в Селевкии на южную сторону двора выходил большой айван. Иногда против него располагался другой. Вдоль двух или трех сторон двора тянулись суфы. Предполагается, что они появились в месопотамской архитектуре не раньше I—II вв. н. э., причем в I в. представляли собой еще эпизодическое явление [Кошеленко, 125]. Близки к этим домам синхронные жилища Ашура [Andrae, Lenzen, 8—9 и сл., табл. 7—8]. В Дура-Европос главное помещение — «диван» — занимало южную сторону двора, три или четыре его стены огибали низкие (0,2 *м*), но широкие суфы [Brown, 1944, 101—107, 114, 117]. Сюда же открывались двери из других помещений, расположенных вокруг. В одном из углов двора находился вход на кухню и лестница, ведущая на второй этаж или, чаще, на плоскую крышу, летом игравшую роль спальни [Hopkins, 1934, 155, рис. 74]. Вокруг двора размещались стойла и кладовые. В богатых домах парадная половина отделялась от жилой [Воронина, 1970, 320]. Отсутствие в домах Дура-Европос айвана дало основание выделить два типа месопотамских построек рассматриваемого периода: «диванный» в Дура-Европос и «айванный» — в Селевкии. Следовательно, один из них характерен для Северной Месопотамии, другой — для Южной [Кошеленко, 125, 126 и др.]. О деталях внутренней планировки этих домов известно очень мало. Можно считать, что в Ашуре самыми обычными были прямоугольные очаги, располагавшиеся посреди комнаты. В стенах иногда устраивались ниши [там же, 129].

Айван вдвое или даже втрое превосходил высотой прочие части дома. Уровень пола в нем также был выше, чем в остальных помещениях этого дома, как подчеркнул М. Ростовцев [Rostovtzeff, 1935, 212], очень близкого к жилищам, открытым Л. Вулли в древнем Уре. В последних вокруг внутреннего откры-

того дворика, к которому вел изогнутый Г-образный коридор, располагались различные помещения; среди них были кладовые, жилища слуг, кухня, в углу двора — уборная и лестница во второй этаж и на крышу. В торце дома находилось большое помещение для гостей с отгороженными секциями — ванной и кладовой, а сзади него — домашняя часовня с алтарем и комната-библиотека. Конечно, таким был дом состоятельного горожанина, но и более скромные, значительно меньшие по масштабам дома повторяют ту же композиционную идею [Woolley, 1931, 360, 362 и сл.]. Полагают, что в домах Месопотамии нововавилонского периода различается деление на приемную и жилую часть [Badawy, 89]. Та же особенность наблюдается и в жилищах древнего Египта, где уже в жилых постройках Нового царства, в том числе небольших, исследователь видит трехчастную схему, включающую приемную, центральное, парадно оформленное помещение с кирпичными скамьями вдоль стен, а на заднем плане — жилые покои [там же, 26].

В Таксиле, в архитектуре наиболее сложных построек которой Д. Маршалл усматривает переднеазиатское влияние, жилой дом во все времена, начиная от слоев древнейшего города, располагавшегося на холме Бхир Моунд, и кончая слоями Сиркапа и Сирсуха — более поздних городов, доживших до IV—V вв. н. э. и последовательно основывавшихся на соседних территориях, был распланирован по одному принципу. Жилые комнаты группировались вокруг дворов, не составлявших, впрочем, центрального элемента композиции. Д. Маршалл отмечает, что площадь дворов часто не превышала площади комнат [Marshall, 1951, 93—94, 96, 98, 123 и сл.]. Дома зажиточных горожан состояли из нескольких десятков помещений разных размеров и были двухэтажны. Дворов могло быть несколько. В некоторых случаях в составе дома упоминается многоколонный зал. Однако их было, по-видимому, не много. Возможно, поэтому В. Л. Воронина, сопоставляя черты городской застройки Пенджикента и Таксилы, пишет, что в последней «парадных залов не заметно» [Воронина, 1964, 64]. Иногда стороны двора окружала веранда. Д. Маршалл полагает, что часть дворов отводилась женскому населению дома, часть — слугам, остальные использовались для общественных приемов [там же, 199]. Кухня выделялась в самостоятельное помещение. О каких-либо деталях, характеризовавших внутренний облик построек, автор не упоминает, ясно лишь, что в каждом дворе имелись поглотительные колодцы различного устройства.

Раскопки в других городах древней Индии (Бхита, Косамби) показали, что дом с центральным двором, часто двухэтажный, был распространен и там [Marshall, 1911, 128—138; Sharma, 39—40; Schlingloff, 24, 138, рис. 21, 22; Auboyer, 173—176]. Результаты археологических работ дополняются в итоге исследования памятников изобразительного искусства и письменных источников («Артхашастра», «Кама-сутра»), содержащих описания различных жилищ (см.: [Majumbar, 74, 76, 85, 86; Schlingloff, 25, 26; Rau, 33, 60]). Согласно всем имеющимся сведениям, выделение внешней, официальной, и внутренней, женской, половин дома, располагавшихся на разных сторонах усадьбы, являлось характерной чертой рядовых и крупных жилищ индийских городов и деревень первых веков нашей эры.

В верхнем слое города Беграм, относящемся к III—IV вв., Р. Гиршман раскрыл совершенно иную планировку: вокруг двора группировались трехкомнатные секции, причем осталось неясным, можно ли их относить к отдельным домам или следует считать одним большим комплексом, заселенным родственными семьями. Каждая трехкомнатная секция включала жилое помещение с двумя суфами, неглубокой сводчатой нишей в одной из стен и несколькими ячейками закромов. Имелся также входной коридор или вестибюль [Ghirshman, 1948, 32—35]. Обращаясь к древнему Ирану, следует отметить, что если грандиозные руины царских дворцов и храмов начиная с эпохи Ахеменидов исследованы довольно хорошо и представлены в многочисленных чертежах и фотографиях, то того же, к сожалению, нельзя сказать о жилых домах, тем более сельских.

Некоторые исследователи полагают, что повторяющиеся в дворцовых комплексах Персеполя (или, согласно принятому среди исследователей выражению — «в единстве Персеполя») ячейки, состоявшие из двух закрытых по фасаду помещений с портиком между ними и большого зала на заднем плане, воспроизводят тип жилого, реально существовавшего жилого дома. Согласно их точке зрения, тот же тип жилища представлен среди наскальных погребений и восприят от мидян [Herzfeld, 1935, 30; Godard, 116—118; Ghirshman, 1963, 222]. Сходную жилую ячейку можно найти также в более поздних сасанидских комплексах Имарат-и-Хосров, Каср-и-Ширин. Более крупные жилые постройки этого периода имели центральный двор с двумя или четырьмя противолежащими айванами — как бы составленные из нескольких однотипных ячеек с центральным айваном [Reuther, 549]. В многообразии вариантов позднесредневеко-

вых сельских жилищ Ирана в отличие от древних, уже хорошо известных исследователям, действительно есть постройки, являющиеся развитием сходной идеи жилища с центральным айваном, и, по выражению А. Попа, «маленький Так-и-Хосров может быть обнаружен в различных частях страны» [Pope, 1939, 1220].

Из этого краткого обзора следует, как нам кажется, что хорезмское сельское рядовое жилище первых веков нашей эры не находит прямых параллелей среди жилых построек Двуречья и Ирана, представляя собой совсем иные типы.

Теперь следует обратиться к среднеазиатским памятникам, которых мы до сего времени не рассматривали — прежде всего потому, что сельские дома изучаемой эпохи очень мало исследованы. Тем не менее даже очень немногочисленные данные о них, которыми мы располагаем, оказываются весьма важными, так как от них протягиваются ниточки связей к одному из наиболее традиционных для Правобережного Хорезма типу жилищ — первому. Мы имеем в виду дом, выявленный ЮТАКЭ в поселении парфянского периода у станции Коушут в Южной Туркмении [Кошеленко, 1966, 17]. К сожалению, дом не раскопан и детали его внутреннего облика остаются пока неизвестными. Однако общие принципы его плана те же, что и в указанных хорезмских домах,— одна большая комната занимает половину площади трехкомнатного дома. Важно отметить также, что в домах Джин-тепе парфянского периода (Маргиана), как и в рассматриваемых хорезмских сельских жилищах, внутренних дворов не было [Кошеленко, 81].

Вместе с тем результаты раскопок последних лет показывают, что жилое строительство в античной Средней Азии, как и на Ближнем Востоке, развивает идею дома с центральным элементом композиции в виде открытого двора или большого зала. Такие постройки вскрыты в Северной Бактрии на городище Саксан-Охур (дворец II в. до н. э.— II—III вв. н. э.) [Литвинский, 1967, 316; Литвинский, Мухитдинов, 160—177], на Дальверзинтепе (жилой дом I в. до н. э.— I в. н. э.) [Пугаченкова, 1970, 408—409; Пугаченкова, Тургуев, 1974, 59, рис. 1, 50—61], на городище Кухна-кала [Литвинский, 1956, 68—71], в Бухарском оазисе (Кзыл-кыр, I в. н. э.) [Пугаченкова, 1970, 356], в Северной Парфии (Гарры-Кяриз, II—I вв. до н. э.) [Пилипко, 1970, 77—78, рис. 25; его же, 1971, 7], в Мерве первых веков нашей эры [Филанович, 1974, 20]. Правда, как и в вышеприведенных случаях, речь идет преимущественно о городском доме или же о крупной постройке в сельской местности. Установлено (как, впрочем, и при исследовании городской архитектуры некоторых других древневосточных районов [Rapoport, 1969, 11; Lampl, 22]), что один и тот же принцип может быть положен в основу как крупных дворцовых сооружений и общественных построек типа храмов, так и более скромных жилых домов. Факт воспроизведения в святилище Джанбас-калы той же схемы, что и в жилых помещениях с П-образной суфой, является еще одним подтверждением этого тезиса. Для Бактрии и Восточной Парфии, по-видимому, может быть намечена типология зданий с центральным залом или двором (с выделением нескольких близких вариантов) [Пугаченкова, 1973].

Выше уже отмечено, что дворы и залы как элемент планировки наличествуют и в хорезмских сельских домах, но, как правило, не могут считаться там организующим композицию началом. Исключением является только жилище, отнесенное нами к типу 4 (каре построек вокруг двора), но, поскольку такие жилища были единичны (зафиксированы только одно или два в Аяз-калинском оазисе), данный тип до произведения раскопок выделен условно. В связи с этим и дом № 3 в Джанбас-калинском оазисе (тип 2) привлекает внимание двумя строениями, лежавшими друг против друга по двум сторонам двора. Одно из них легко сопоставляется с андаруном — женской половиной дома в иранских постройках.

Не исключено, как мы видели, что среднее помещение противолежавшей андаруну трехкомнатной постройки не имело одной стены, открываясь широким проемом во двор. В этом случае дом аналогичен тому реконструируемому исследователями древнему иранскому жилищу с айваном между двумя помещениями с глухими торцами по фасаду, о котором говорилось выше. Однако и джанбас-калинский дом № 3 не определяет, как мы видели, общего направления в жилом строительстве античного Хорезма. К тому же отсутствие сведений о некоторых деталях планировки дома из-за его плохой сохранности делает отмеченные параллели в значительной мере условными. Может быть, несходство хорезмских домов с сопоставлявшимися с ними постройками сопредельных областей объясняется возможными различиями между городским и сельским домом, крупным или мелким сельским.

Мы избрали в качестве главного объекта изучения рядовой сельский дом, так как именно он является, по нашему мнению, типом жилища, отражающим сложившиеся этнические традиции. Как правильно отметил А. Поп, изучение скромной жилой архитектуры важно

потому, что древние традиции чаще всего сохраняются именно в ней, в других же случаях могут быть отклонения от общего курса развития, например из-за специфики здания — дворца или религиозного сооружения [Pope, 1939, 1220; Rapoport, 1969, 2 и сл.].

Моды и вкусы эпохи, несомненно, легче усваивались состоятельными людьми в городе и сельской местности и быстрее распространялись в этой среде, накладывая отпечаток на архитектуру жилищ. Поэтому именно крупные жилища должны обнаруживать больше общих черт с жилыми постройками сопредельных стран Востока (в том числе Двуречья и Ирана), нежели скромное жилье рядового общинника.

Городские дома античного Хорезма, как выше уже упоминалось, вскрыты не полностью, и поэтому при сравнении их с городскими постройками других областей можно сопоставлять только отдельные элементы плана и детали интерьера. По предварительным данным раскопок слоев городища Топрак-калы, относящихся к IV в. н. э., дворы и крупные залы в застройке были, но пока нельзя сказать, являлись ли они центральным, организующим элементом жилищ. Что же касается крупных сельских построек, то в нашем распоряжении имеются некоторые материалы, представляющиеся весьма важными в свете рассматриваемой проблемы взаимосвязей архитектуры Хорезма и соседних областей.

Аяз-кала III и Турпак-кала III

Интереснейший комплекс Аяз-кала III до сих пор не привлек к себе должного внимания, видимо, потому, что его подробные описания еще не опубликованы. В книге В. А. Лаврова он сопоставлен с парфянским дворцом в Ашуре. Автор увидел в крестообразном пересечении двух коридоров Аяз-калы III отображение той же идеи, что и в планировке центрального четырехайванного двора ашурского дворца [Лавров, 1950, 29], с чем трудно согласиться. Нам кажется, что между этими зданиями нет никакого сходства. В планировке зала ашурского дворца воплощена широко известная, главным образом по более поздним, в частности иранским, сооружениям, «крестово-айванная» композиция. Сопоставляемая с ним часть комплекса Аяз-калы III состоит из четырех крупных единообразных массивов помещений, образованных пересечением двух коридоров. Единственное сравнение, которое можно было бы сделать, пользуясь хорезмским материалом, — это с огромным комплексом XII — начала XIII в. близ Ярбекира, с его крестообразным членением двумя пересекавшимися в центре коридорами [Вишневская, 1963, 68, рис. 8]. Однако на том сходство и кончается. Назначение обоих сопоставляемых зданий пока неясно, но, по-видимому, они являлись общественными сооружениями, и отмеченная сходная черта планировки вряд ли случайна.

Раскопки Ай-Ханум в Южной Бактрии приблизили нас к пониманию особенностей планировки Аяз-калы III и ее возможного назначения. Материал для реконструкции облика этой хорезмской постройки дали раскопки дворцово-административного здания или квартала III—II вв. до н. э. в Ай-Ханум, состоявшего из двух частей с разной композиционно-планировочной схемой. Центром комплекса, помещенного на переднем плане этого сооружения, являлся большой зал с айваном перед ним, окруженный системой различных по очертаниям помещений. Комплекс помещений, располагавшийся за ним, рассечен на четыре части двумя крестообразно пересекавшимися коридорами и обведен с трех сторон узким коридором [Bernard, 1968, 211 и сл., рис. 23; его же, 1970, 301, рис. 1, 2]. Эти общие, основные черты схемы крестообразной части здания на Ай-Ханум близки к крестообразно пересеченному комплексу на заднем плане Аяз-калы III. Такое сходство заставляет нас обратить самое пристальное внимание на монументальное сооружение, занимавшее ее передний план. Его планировка до раскопок недостаточно ясна, хотя по ряду признаков можно подозревать здесь большое помещение или зал в качестве центрального компонента.

На основе всего сказанного о планировке построек античного Хорезма это предположение может показаться маловероятным. Действительно, центрические постройки в позднеантичном Хорезме — явление, как мы видели, редкое. Однако следует помнить, что мы располагаем неполными сведениями, так как исследованиям доступны фактически периферийные памятники древнего Хорезма (поскольку центральные скрыты современной культурной зоной). Вместе с тем, как показывают наши исследования, в раннеантичном Хорезме подобные постройки существовали. Мы имеем в виду большой укрепленный дом, названный нами Турпак-кала III. Этот дом легко сопоставляется с упомянутыми выше Гарры-Кяризом, жилыми постройками на Дальверзин-тепе и Ай-Ханум, в меньшей степени — с Кзыл-кыром, «квадратным залом» Нисы и другими постройками с центральным залом [Пугаченкова, 1973]. Еще больше сходства между Турпак-калой III и «Большим домом» Бабишмуллы [Толстов, 1962, 160, рис. 89].

Ни в коей мере не претендуя на решение вопроса об истоках данной схемы, выразившейся в нескольких близких вариантах бактрийского, парфянского и хорезмского зодчества, нельзя не заметить, что ту же идею воплощают более ранние дворцы Ахеменидов в Персеполе [Schmidt, 1939, 219, 230, 233, рис. 90, 95, 97; его же, 1953, Ghirshman, 1963, 147—290, 272, рис. 445]. Это направление связей для нас представляет несомненный интерес, поэтому остановимся на нем несколько подробнее.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что на правом берегу в собственно Хорезме среди памятников, синхронных Турпак-кале III, нет зданий подобного облика.

Можно было бы предположить, что там они просто не сохранились. Однако вряд ли это правомерно, поскольку на обширной территории заброшенных в первые века нашей эры земледельческих оазисов до наших дней дошли даже остатки мелких крестьянских построек; тем более должны были сохраниться руины таких крупных, фундаментальных зданий, как Турпак-кала III, если бы последние там когда-нибудь существовали. Нельзя не вспомнить при этом те четырехугольные укрепления с округлыми башнями по углам, стоявшие в низовьях большого архаического канала, у истоков которого было предпринято строительство огромной крепости Калалы-гыр. Таких укреплений, возникших в период, когда Хорезм входил в XVI сатрапию Ахеменидов, будучи включенным в их обширную империю, на правом берегу тоже до сих пор не обнаружено. Можно считать доказанным, что дворец и крепость Калалы-гыр сооружались Ираном накануне падения власти Ахеменидов [Толстов, 1958, 167; Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, 156].

Небезынтересно отметить, что Ахемениды на завоеванных ими территориях занимались ирригационными работами, возведением фортификационных сооружений и жилым строительством [М. М. Дьяконов, 1961, 109]. Подробный разбор их политики не входит в нашу задачу, напомним лишь кажущиеся нам интересными в связи с рассматриваемым вопросом сведения о некоторых чертах этой политики в отношении завоеванных стран, нашедшие отражение в рассказе Геродота о р. Акес [Геродот, 175]. Эти сведения носят легендарный характер, но вне зависимости от того или иного из высказанных учеными соображений о локализации долины этой реки [И. М. Дьяконов, 1971, 135, 151, сн. 53] они, несомненно, явились отзвуками каких-то реальных фактов, отражавших заботу Ахеменидов о контроле над ирригационными системами и распределением воды в завоеванных странах. Как известно, эти меры были одним из важнейших средств держать в подчинении их население. Геродот рассказывает, что персы построили на р. Акес шлюзы и открывали их только по приказу царя, взимавшего за это большую плату [Геродот, 175].

Может быть, сходную ситуацию отражает сам выбор места для строительства Калалы-I, предполагаемой резиденции Ахеменидов, на территории новой сатрапии — у истоков самого большого канала в обширном районе Левобережного Хорезма, и трех укрепленных пунктов в низовьях того же канала? Есть сведения, что укрепления, подобные этим пунктам, существовали и в древнем Иране, однако археологически они, к сожалению, не изучены. Так, на некоторых листах аэрофотосъемки, опубликованных Э. Шмидтом, под позднейшими наслоениями современной культурной зоны отчетливо проступают стены четырехугольных укреплений с округлыми башнями по углам [Schmidt, 1940, табл. 8, 9]. Мы имеем в виду прежде всего ближайшие окрестности Суз — древней столицы Ахеменидов. Не являются ли они остатками тех опорных военных пунктов, которые строились, как полагает А. Ольмстед (основываясь на данных Поликлета), во времена походов Александра Македонского для сбора налогов с местного населения [Olmstead, 48]? А. Ольмстед предположил, что Ахемениды строили аналогичные опорные пункты, в частности, и на своих далеких сырдарьинских границах [там же], однако эти предположения лишены надежных обоснований и пока представляются гипотетическими, хотя и очень заманчивыми построениями. Тем не менее можно с известной долей уверенности предполагать, что рассматриваемые хорезмские укрепления относятся к тому виду фортификационных сооружений, который был принят и в древности (имеются в виду общие черты планировки) и почти без изменений прошел через столетия. Такими были и арабские рабаты, сходные с ними функционально, и любой укрепленный пункт для сбора налогов, содержания гарнизона, защиты поселения от внезапных набегов врага [Гаврюшенко, 172—191].

Учитывая все это, в поисках причин появления в Левобережном Хорезме здания Турпак-калы III можно предполагать контакты с Ираном (и присоединиться при этом к проф. В. Хеннингу, когда он говорит об их недооценке) [Henning, 169]. Может быть, исходя из политической обстановки, создавшейся в Хорезме в связи с завоеванием страны Ахеменидами и с непосредственным воздействием Ирана на ее культуру в рассматриваемую и несколько более позднюю эпохи, и следует оце-

нивать появление на территории Хорезма здания Турпак-калы III?

С другой стороны, учитывая, что примерно в тот же период в хорасанском и бактрийском зодчестве, как уже упоминалось, прослеживаются сходные направления, есть опасность переоценить влияние Ирана и следует иметь в виду возможность конвергентной разработки близких схем на обширной территории.

Секционная планировка и ее истоки

В заключение мы должны остановиться на еще одной небольшой, но важной проблеме. В первые века нашей эры на некоторых археологических памятниках Хорезма зафиксирована однородная керамика, связываемая ее исследователями с этническими группами нехорезмского происхождения. Так, в верхних слоях Кой-Крылган-калы впервые выявлена обнаруженная затем и на других памятниках группа лепной желтоангобированной керамики с очень стабильными, уже хорошо выработанными формами, датированная I—IV вв. н. э. [Воробьева, 1967, 119—127].

Исследовавшая эту посуду М. Г. Воробьева связывает с ее носителями появление в Хорезме домов «секционной» планировки, затем широко распространившихся в раннесредневековом Хорезме [Воробьева, 1970, 79—80]. Следует сказать, что в наших маршрутах такие античные дома нам не встречались, а здание, открытое археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции в 1953 г. в верховьях Кельтеминара, на планировке которого во многом строится данное предположение, теперь уже не существует[2]. Судя же по его площади, превышавшей 4 тыс. *кв. м*, оно, конечно, не могло быть рядовой сельской постройкой, а его четкая, весьма правильная планировка с равнозначными по виду секциями, симметричными относительно центрального коридора, скорее говорит об его общественном назначении.

Другим примером построек с «секционной» планировкой является, по мнению М. Г. Воробьевой, поселение вокруг центрального здания Кой-Крылган-калы («нижнее кольцо») [там же, 79]. Действительно, там прослеживаются секции, но прежде всего это не обычный сельский дом, а небольшое поселение, сами границы которого, уже существовавшие к началу нашей эры, обусловили и характер его застройки. Кроме того, любое поселение, городское или сельское, состоявшее из отдельных домохозяйств, вне зависимости от того, принадлежали ли они крупным или малым семьям, всегда будет выглядеть сочетанием групп помещений (или комплексов, секций), изолированных друг от друга или взаимосвязанных в крупные дома-массивы в зависимости от социально-родственной структуры жившего здесь населения и ряда других причин. Но во всех случаях это будет «секционная» планировка. Дома же, распространенные в афригидский период истории Хорезма (а именно их имеет в виду М. Г. Воробьева), очень специфичны; их нельзя сравнивать с застройкой Кой-Крылган-калы или с упомянутым зданием в низовьях Кельтеминара. Подробнее о них будет сказано в следующем разделе данной главы.

Итак, если дома с центральным коридором и существовали в Хорезме в первые века нашей эры, то они были чрезвычайно редкими. Что же касается взаимосвязи носителей особой группы светлоангобированной нехорезмской лепной керамики и домов с «секционной» планировкой, то она не устанавливается, так как во всех исследованных нами домах Джанбас-калинского поселения такая керамика также изобилует, но сами дома, как мы видели выше, представляют собой совсем другой вид жилищ.

Что же в первую очередь определяет жилое строительство Хорезма первых веков нашей эры?

Множественность типов жилищ, разный облик домов в подчас соседних и синхронных или близких по времени поселениях (например, в Аяз-калинском и Джанбас-калинском) показывают, что эта индивидуальность облика объясняется, по-видимому, отсутствием в ту эпоху какой-либо господствовавшей, уже сложившейся к этому времени схемы сельского жилого дома.

В то же время некоторые (единичные) типы жилищ оказались устойчивыми, сложившись в более раннее время и существуя в Правобережном Хорезме с IV в. до н. э. на протяжении столетий.

Рядовое сельское жилище, безусловно, самобытно, и лишь отдельные его типы позволяют думать, что Хорезм соприкасался с широким ареалом сложения некоторых типов древневосточного жилища. В значительно большей степени это относится к крупным домам, планировка которых оказалась более подверженной влияниям и переменам в духе времени. Может быть, именно поэтому в них и наблюдается больше признаков, общих для жилой архитектуры широкого круга стран Востока.

[2] Сохранилась только зарисовка в полевом дневнике Б. В. Андрианова.

Типы жилищ

Сельским постройкам Хорезма VII—VIII вв. мы посвятили специальную работу [Неразик, 1966], поэтому ограничимся здесь общей их характеристикой, лишь несколько расширяя ее в связи с новыми материалами, полученными в последние годы.

Жилища, датированные V—VI вв., на территории Хорезма сохранились лишь в единичных случаях; раскопки их еще не предприняты, и потому сведения о них малочисленны и крайне суммарны. Есть, однако, основания полагать, что уже в тот период появились и, может быть, даже преобладали черты, которые определяли затем хорезмское жилище в VII—VIII вв.: его крупные размеры, основные схемы планировки. Новые материалы (исследования усадеб в районе Аяз-калы и в Левобережном Хорезме) подтверждают высказанную ранее мысль [там же, 48], что, во всяком случае, часть жилищ в V—VI вв. была неукрепленной. В крупных укреплениях и даже в планировке более мелких построек прослеживаются старые традиции фортификации античного Хорезма; сохраняется обходная стрелковая галерея (или ее рудименты), впоследствии почти совершенно исчезающая (см. описание усадьбы «а» в районе Аяз-калы). В дальнейшем, на протяжении VII—VIII вв., эти новые типы жилищ, несходные с сельскими постройками античного Хорезма, развиваются и совершенствуются. К ним относятся:

1. Обширные многокомнатные дома-массивы с одним или несколькими внутренними дворами. Если это рядовое крестьянское жилище, то застройка выглядит довольно хаотичным соединением разных по величине помещений, среди которых, однако, можно различить взаимосвязанные или изолированные комплексы из двух-четырех помещений. В известных нам случаях комплексы сходны по составу и облику помещений. Они располагаются вокруг коридора, чаще всего неправильной формы, делящего застройку на две части (например, усадьба № 19 Беркут-калинского оазиса) площадью 900 *кв. м*.

2. Постройки, примерно треть которых занимает открытый или крытый двор, соединенный с коридором, проходящим в центре жилой части. Представляют собой вариант первого типа построек. Планировка их жилой части очень правильна и производит впечатление давно сложившейся, устойчивой, хорошо отработанной схемы. Как указывалось, есть основания полагать, что такие постройки появились уже в V в. н. э. и существовали до конца этого столетия. Однако вначале они еще не укреплены. Их стены достаточно массивны и превосходят в этом отношении стены большинства известных нам жилищ античного Хорезма. Однако они не идут ни в какое сравнение с жилищами-массивами центральной части Беркут-калинского оазиса начала VIII в. н. э., например с входящей в эту же типологическую группу усадьбой № 28 (усадьбы в районе Аяз-калы, усадьбы № 28 и № 142 в Беркут-калинском оазисе). Добавим, что в некоторых случаях, в частности в усадьбе № 28, существовал и второй этаж, однако, по-видимому, расположенный не над всей площадью первого, очень низкий и служивший, вероятно, для хозяйственных целей. Площадь построек — от 400 до 650 *кв. м*.

3. Большие дома-массивы, подобные жилищам, выделенным в первый тип, но с открытым двором в центре. К ним типологически примыкают также обширные постройки, одна или несколько сторон которых обстроены помещениями, составлявшими только один ряд и оставлявшими в центре большой незастроенный двор (усадьбы в районе Аяз-калы, усадьбы № 32, № 68, № 71, № 77 в Беркут-калинском оазисе, № 5 в Якке-Парсанском оазисе). Материалы Беркут-калинского оазиса показывают, что такие жилища возникали до начала VII в. н. э. и, по-видимому, наиболее характерны для раннего периода — V—VI вв. Площадь самых крупных из них достигает 1,5 *га*, небольших — 360—400 *кв. м*.

4. Усадьбы-замки феодалов, отличавшиеся от вышеперечисленных сооружений значительной укрепленностью, часто, но не всегда бóльшими размерами и, главное, наличием многокомнатного жилого донжона с высоким пахсовым или кирпичным цоколем усеченно-пирамидальной формы. Фасад донжонов крупных замков оформлен полуколоннами-гофрами. В системе укреплений использовались перекидные мостики с донжона на стоявшую рядом оборонительную башню, потайные ходы в цоколе, боевые валганги крепостных стен и т. п. [Неразик, 1966, 50—66]. Такие замки возникают в Хорезме не раньше VIII в. н. э., когда большинство усадеб оазиса подвергалось перестройке.

Как можно судить по раскопкам Якке-Парсана (и есть основание полагать, что он — типичный пример этого рода построек), территория предполагавшегося двора внутри крепостных стен была так плотно застроена, что открытого пространства, по существу, не оста-

валось. Такого рода застройка в Тешик-кале и Якке-Парсане делилась на несообщавшиеся комплексы-секции из 2—3 помещений. Площадь крупных замков достигала 1 *га*, остальных — различна, чаще 0,1—0,2 *га*, но редко меньше 0,08—0,09 *га*.

В начале VIII в. в крестьянских усадьбах также возникают донжоны (в мирное время — нежилые) часто однокомнатные в виде сторожевых башен, функции которых они и исполняли, совмещая их с функциями хранилищ. Постройки в Беркут-калинском оазисе в этот период приобретают внешнее единообразие. Типологически наиболее ранними из построек с донжонами следует признать большие дома со сводчатыми помещениями и примыкавшим к ним массивом слитной застройки (№ 34, № 37). Они напоминают усадьбы античного времени типа Малой Топрак-калы, являя редкий для данной эпохи случай преемственности в жилом строительстве.

Говоря о характерных чертах жилищ в рассматриваемый период, следует прежде всего отметить, что, как бы ни различались между собой перечисленные типы жилых построек, их объединяло одно — все они занимали большую площадь и были многокомнатными. Однако самое важное заключалось в наличии повторявшихся в составе одной постройки сходных по виду и назначению комнат или целых жилых секций. Это позволяет определить такие постройки как «многоквартирные». Они коренным образом отличаются от жилищ античного периода, являвшихся (будь то крупные или мелкие дома) единой жилой ячейкой, приспособленной для существования только одной семьи.

Типологически жилища первых двух типов не имеют корней в античности, если не считать дома V в. до н. э. в урочище Дингильдже. Однако в последующие эпохи античности эта традиция продолжения не имела, да и наличие центрального коридора в сравниваемых постройках, по нашему мнению,— лишь чисто формальный признак сходства, так как в основе планировки Дингильдже и раннесредневековых хорезмских жилищ с центральным коридором лежат совершенно различные схемы.

Некоторые из жилищ, отнесенных к третьему типу, больше всего напоминают дома осевших скотоводов или, во всяком случае, населения, в хозяйстве которого скотоводство играло немаловажную роль. Это относится к постройкам, вдоль двух сторон которых тянется ряд помещений, остальное же пространство не застроено. Их можно сравнить со средневековыми жилищами в районе Шахрлика, усадьбами хорезмских туркмен и туркменского населения юга республики или же с так называемыми турткулями более раннего времени, известными, например, на территории Семиречья. Так, исследования турткуля Жаксылык (X—XII вв.) в Илийском районе Алмаатинской области показали, что это — укрепление размерами 75×75 *м* с башнями по углам и в середине стен, в котором выявлено шесть периодов обитания, разделенных слоями запустения. Сама планировка этого укрепления — двор посредине и застройка по периметру — повторяется в рассматриваемых хорезмских постройках [Байпаков, Ерзакович, 1968, 325; их же, 1970, 38]. Однако безусловно, что их жители вели гораздо более оседлую жизнь, нежели обитатели вышеописанного семиреченского городища. Особенности окружавшей их местности не оставляют в этом сомнения: всюду следы каналов, арыков, пашен.

Продолжая сопоставления, можно было бы вновь вспомнить четырехугольные укрепления на архаическом канале в Левобережье, но такое сравнение носит, конечно, чисто формалистический характер, так как данная планировка предполагает дальнейшее сравнение со средневековыми караван-сараями, медресе, рабатами арабов и т. п. Хорезмские усадьбы гораздо более примитивны, менее организованы, безусловно, жилые, и поэтому первые сопоставления с туркменскими жилищами гораздо правомернее.

Внутренний облик жилища VII—VIII вв. Черты строительной техники

Большинство крестьянских домов и усадеб VII—VIII вв. были окружены толстыми пахсовыми или кирпичными внешними стенами и изредка укреплялись башнями по углам, а в некоторых случаях — и в середине сторон. Вход фланкировался массивными пилонами, башнями или имел форму прямоугольного строения и несколько выступал за линию внешних стен.

Стены помещений, детали внутренней планировки делались из квадратных сырцовых кирпичей со стороной от 0,35 до 0,38—0,39 *м*, причем в начале периода преобладали более крупные кирпичи, в конце же периода наиболее употребителен стал стандарт кирпичей со стороной 0,35—0,36 или 0,37 *м*. В некоторых случаях наблюдалось чередование невысоких слоев пахсы и одного-двух рядов кирпичей. Своды выкладывались методом поперечных отрезков из трапециевидных кирпичей (с большой примесью самана в глине), так точно подогнанных, что не требовалось применения расклинок. Преобладающая форма кривых — эллипсовидная трехцентровая. Полы делались

глинобитные, а их обмазка — из хорошо промешанной глины с примесью самана. Такой же обмазкой покрывались стены и поверхность суф. Суфы возвышались над полом не более чем на 0,2—0,3 *м* и лишь в парадных комнатах достигали высоты 0,4—0,5 *м*. Обычно край суфы ограничивался рядом поставленных на ребро кирпичей, а остальная ее площадь забивалась пахсой. Комнаты отапливали при помощи очагов в виде открытых глинобитных площадок, на которые клали угли. Иногда огонь разводили прямо на полу.

Пищу готовили на таких же площадках, обведенных бортиком, или же в четырехугольных углубленных очагах, тоже ограниченных по краю низкой глиняной стенкой, либо просто на кострах, причем на пол ставилось нечто вроде треножника. Иногда сосуд подвешивали на двух или трех опорах.

Существовали и другие очаги — старую хумчу или другой толстостенный горшковидный сосуд вмазывали в глинобитное возвышение. Вероятно, это был тандыр, устанавливавшийся вертикально.

Никакой другой глинобитной «мебели», кроме суф, не было. Исключение составляли открытые в Якке-Парсане своеобразные «посудные шкафы» — большие закрома с кирпичными или глинобитными стенками. Такие же, но более узкие закрома использовались для хранения продуктов. Ниши по-прежнему были «не в моде». Одежду и прочие мягкие вещи складывали, по-видимому, просто на полу или вешали на стенку. Судя по сохранившимся во многих случаях остаткам камышовых циновок (обычно, как показывают этнографические данные, подстилавшихся под ковры и кошмы), ими выстилали полы жилых помещений. Комнаты освещались глиняными светильниками-чирагами, стоявшими в мелких нишках в стенах. Дневной свет должен был проникать через дверные проемы и «световые фонари» — люки в крыше.

Большой разницы во внутренней организации помещений хорезмского крестьянского жилища и жилища феодалов-дихкан в VII—VIII вв. не было, зато совершенно несравнимы уровень строительной техники, качество отделки, размер помещений. Так, площадь жилых комнат в донжонах равна 25—45 *кв. м*, в то время как в крестьянских домах — 12—15 *кв. м*. Кроме того, лишь в кёшках (древнее среднеазиатское обозначение жилой башни-донжона) типа Якке-Парсана и Тешик-калы зафиксированы двухтамбурные дверные проемы [Толстов, 1948, 141; Неразик, 1963, 9, рис. 5б] со сводчатым перекрытием в виде своеобразных порталов; суфы выкладывались там преимущественно из сырцовых кирпичей, в то время как в крестьянских домах бывали чаще глинобитными. Стены парадной комнаты в Тешик-кале украшены глиняным фризом, а «почетное место» в виде глубокой ниши, может быть, с арочным перекрытием [Толстов, 1948, 141] оформлялось полуколоннами-пилястрами. Подобные комнаты справедливо считаются «камерным вариантом» упоминавшейся выше «дворово-айванной» композиции [Негматов, Хмельницкий, 83]. Лишь в кёшках феодалов (Якке-Парсан, Адамли-кала) открыты санитарные устройства, водосливы, делавшиеся из старых, поставленных в яму горлом вниз хумчей и других крупных сосудов.

Благодаря деталям интерьера в раннесредневековых жилищах отчетливее, чем в хорезмских рядовых жилищах античной эпохи, выявляется назначение отдельных помещений. К тому же и сама их «специализация» становится гораздо определенней, особенно в донжонах феодальных замков. Функциональное назначение донжона Тешик-калы (парадная приемная, жилые комнаты, хранилище и прочие хозяйственные помещения) отчетливо определил С. П. Толстов [1948, 139—141]. Затем они были несколько уточнены в связи с накоплением нового материала в результате более широких работ в Беркут-калинском оазисе Хорезма и в других районах Средней Азии. В частности, возникло предположение, что над частью площади донжона существовал верхний этаж с летними помещениями [Нильсен, 1966, 127, 128]. Заслуживает внимания недавно выдвинутое исследователями Урта-кургана (VII—VIII вв.) в Уструшане предположение о культовом назначении квадратного помещения № 1 донжона Тешик-калы, сопоставляемое авторами гипотезы с «домашней часовней-молельней» в Урта-кургане [Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 33]. Предположение кажется вероятным, но недостаточно обоснованным прежде всего потому, что никаких следов купола в помещении № 1 нет, а эта конструкция кровли является, по мнению исследователей, одним из важных признаков культового характера помещения или постройки. Наличие купольного перекрытия, далее, еще не является доказательством сакрального назначения помещения. Например, в хорезмском замке Якке-Парсан имелось купольное помещение (не вошедшее в перечень подобных помещений, приводимый авторами), культовое назначение которого труднодоказуемо. Купольными были и оборонительные башни в крепостных укреплениях Беркут-калы [Неразик, 1958, 98]. На Аджина-тепе в Таджикистане купола возведены над жилыми кельями [Литвинский, Зеймаль, 1973, 153]. Вместе с тем не исключается, что в среднеазиатских

постройках куполами могли перекрываться культово-ритуальные помещения [или, во всяком случае, некоторые из них], придавая им торжественность и подчеркивая их особое назначение[3]. Вернемся, однако, к хорезмским замкам.

В донжонах прочих замков (Якке-Парсан, Адамли-кала, замок № 92) назначение помещений устанавливается столь же определенно, как и в Тешик-кале.

В расположении помещений наблюдаются определенные закономерности. И в донжонах, и в жилищах рядовых общинников заметна тенденция к сосредоточению жилых комнат в одной части постройки, а хозяйственных — в другой (донжоны Тешик-калы и Якке-Парсана, усадьба № 28; менее заметно эта тенденция выражена в усадьбе № 19 и замке № 92). Можно отметить далее, что жилые комнаты и парадные помещения занимают часто северную часть постройки, при этом парадная комната — михман-хана — находилась у входа (донжон Тешик-калы, усадьбы № 19, № 28, № 64).

Важное значение имело центральное помещение донжонов Якке-Парсана и Тешик-калы, являясь холлом-распределителем, высоким, вероятно, двусветным залом, поднимавшимся над крышами соседних комнат. Своеобразные двухтамбурные дверные проемы (с выступающими на фасаде порталами дверных арок в Тешик-кале) и высокий купол над центральным залом в Якке-Парсане подчеркивали особый, несколько торжественный облик этих холлов (рис. 105).

В рядовых усадьбах оазиса, несмотря на более аморфный характер планировки, различимы несколько жилых ячеек с однотипными помещениями, совмещавшими функции жилья и кухни и служившими средоточием жизни обитателей дома в зимнее время. Отличительной чертой этих помещений являлись суфы по всем стенам или по трем из них и один или два очага: кирпичная вымостка (очажное углубление или кострище) — в центре и очаг типа тандыра — на суфе. Как легко убедиться, та же схема (но часто без такой детали, как очаг) лежит в основе парадных помещений. Последние, однако, имели свои особенности, отличающие их от парадных помещений с суфами в других районах Средней Азии. Разница станет яснее, если мы обратимся к сопоставлениям хорезмских раннесредневековых построек с другими, им синхронными, и прежде всего среднеазиатскими.

[3] Об истории и происхождении купола в Иране и Средней Азии см.: Schipmann K. Die iranischen Feuerheiligtümer, Berlin — New York. 1971, 499—503.

Хорезмское жилище VII—VIII вв. в свете исследований раннесредневековых построек Средней Азии и соседних областей

С накоплением сведений о среднеазиатских постройках VII—VIII вв. появилась возможность сравнить, во-первых, городское и сельское раннесредневековое жилище, во-вторых, жилища людей из различных социальных слоев. Эти материалы легли в основу возникающих классификаций раннесредневековых среднеазиатских жилых построек [Нильсен, 185—189 и сл.; Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 95—99]. Подробный их анализ не входит в наши задачи, остановимся на них только в связи с тем, что они касаются определения места хорезмских жилищ в ряду им синхронных. Классифицируя сельские жилые сооружения Средней Азии VII—VIII вв., В. А. Нильсен выделяет три типа: крупные сельские поселения, состоявшие из замка феодала и примыкавших к нему жилых построек простых крестьян (зависимых лиц), кедиваров и рабов (Ак-тепе близ Ташкента, Мунчак-тепе на Сырдарье, Дунье-тепе и др.); замок крупного феодала, стоявший отдельно от построек крестьян (Тешик-кала в Хорезме, Аул-тепе на Кашкадарье, Балалык-тепе); отдельно стоящие поселения крестьян (Яхшибай-тепе, Чаян-тепе и Таш-тепе); к ним же причисляется «замок № 36» в Хорезме [Нильсен, 185—189].

Мы уже имели случай отметить, что В. А. Нильсен неточно ориентируется в хорезмском материале [Неразик, 1966, 6—7]. Так, Тешик-кала и Балалык-тепе, отнесенные к одной группе, типологически различны. «Замок № 36» в архитектурно-типологическом плане не сопоставим, по нашему мнению, с Яхшибай-тепе и другими постройками, отнесенными В. А. Нильсеном к третьей группе. По-видимому, при этом несколько смешиваются критерии, положенные в основу классификаций. В данном случае учтен лишь социальный аспект: и Яхшибай-тепе, и «замок № 36» являются, по мнению упомянутого автора, жилищами большесемейной общины [Нильсен, 190][4].

Переходя к намечаемой исследователями археологических памятников Уструшаны классификации местных раннесредневековых зам-

[4] Указанные неточности в классификации вызваны тем, что В. А. Нильсену остались неизвестными новые данные о застройке хорезмских замков и усадеб, изменившие, в частности, представление об облике Якке-Парсана [см.: Неразик, 1963, 17—28 и сл.]: в большинстве замков и усадеб оазиса, незастроенных или слабозастроенных, «дворов» фактически не существовало, а вся постройка являлась, по существу, единым большим домом-массивом.

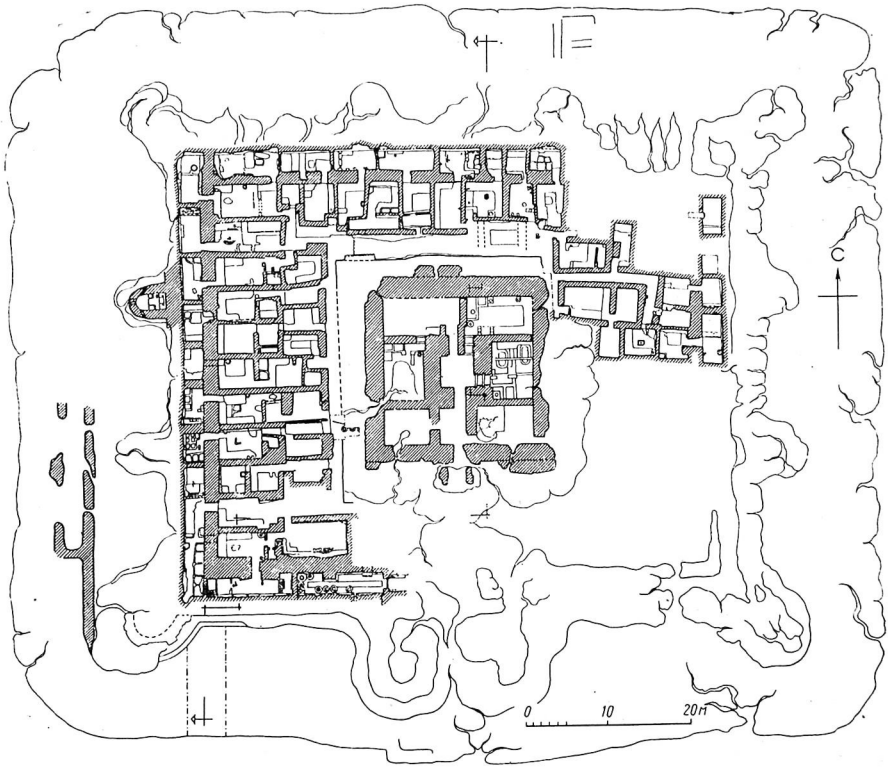


Рис. 105. Якке-Парсан

ков, можно согласиться с сопоставлениями беркут-калинских замков № 10, № 11, № 82, Тешик-калы с выделенными ими замками первого типа (Урта-курган и замок в Кахкаха II) [Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 97], но вряд ли стоит двухэтажное здание Чульхуджру сравнивать с хорезмскими усадьбами без донжона с открытым двором посредине [там же, 98]. Скорее ее следует сопоставлять с отдельно стоящими зданиями № 34, № 36 и некоторыми другими в Беркут-калинском оазисе.

В целом, как справедливо отмечают все указанные исследователи, сопоставления возможны только в общетипологическом плане. Они должны базироваться главным образом на общих чертах крепостной архитектуры, единообразие которой определялось прежде всего развитием частной фортификации, вызвавшей появление и широкое распространение таких элементов, как раннесредневековые кёшки.

Композиционно-планировочные решения этих жилых построек многообразны, лишь со временем, вероятно, выделятся локальные варианты среднеазиатских кёшков. Однако уже сейчас можно говорить об отдельных направлениях связей. В частности, становится все яснее, что архитектуре хорезмских донжонов наиболее близки мервские постройки Нагим-кала, Большая и Малая Кыз-кала [Пугаченкова, 1958, 138, рис. 141], в меньшей степени — некоторые термезские постройки (например, Кырк-кыз и здание № 5) [Бачинский, *199*; Лавров, 47, рис. *103*]. План всех этих сооружений отражает развитие единой идеи: центром композиции является квадратное или прямоугольное большое помещение, в некоторых случаях перекрытое куполом, что придавало ему особо парадный облик (Большая и Малая Кыз-кала, Якке-Парсан и др.). Г. А. Пугаченкова полагает, что в вышеуказанных южнотуркменских раннесредневековых постройках центральное квадратное помещение было высотой на два этажа [Пугаченкова, 1958, 137—141]. Двусветность этих помещений заставила нас еще раз внимательно присмотреться к архитектуре так похожего на перечисленные здания Якке-Парсана. Стены его центрального небольшого квадратного помещения гораздо толще остальных, а высота, на которой начинается кладка барабана купола, ясно показывает, что оно было много выше соседних.

В Кырк-кызе (древний Термез) центральное помещение также квадратных очертаний и перекрыто куполом. В середине каждой из его четырех стен — проем глубокого проходного айвана, с двух сторон которого тянутся коридоры, также открывающиеся в центральное помещение узкими арочными проемами. Таким образом, тройные арки на стенах этого помещения должны были напоминать оформление дворцовых зданий Хатры [Andrae, 1908, 15, t. VIII]. В. А. Лавров сравнивает фасад ханаки Кырк-кыз с фасадом сасанидского дворца в Фирузабаде, огромная входная арка которого исходит, как полагают, из традиций айванов парфянских дворцов [Лавров, 1950, 63; Porada, 196; Ghirshman, 1963a, 136, 137]. К параллели, которую провел В. А. Лавров, можно добавить ряд других: вспомним тройной айван в Каср-и-Ширин, в Дамгане, Кише. Купольный аудиенц-зал, предваряемый входным, широко открывающимся наружу айваном с огромной, торжественного характера аркой, являлся важной составной частью многих сасанидских дворцов [Reuther, 536—545; Godard, 226; Ghirshman, 1963a, 124, 125].

Может быть, та же идея, но в гораздо более скромном, видоизмененном варианте нашла воплощение в хорезмском Якке-Парсане с его донжоном, где широкий входной коридор с огромным, по-видимому, плоскоперекрытым проемом с воротами соединялся посредством узкого входа с уже неоднократно упоминавшимся квадратным купольным помещением.

Иначе организована планировка других среднеазиатских кёшков (имеются в виду жилые здания Балалык-тепе, Занг-тепе, Джумалак-тепе, Бад-Асия, Урта-курган, а не такие специфические крепости-убежища, как замок на горе Муг). Важное место в системе помещений этих кёшков занимал большой парадный, чаще всего четырехстолпный зал с суфами вдоль всех стен и характерным выступом-расширением («эстрадой») одной из них, расположенный против входа. За редким исключением (может быть, только Бад-Асии), зал смещен по отношению к центральной оси здания, располагаясь в его углу или близ середины одной из сторон [Альбаум, 1960, 41; его же, 1963, 73—83; Нильсен, 142—172, рис. 50, 58, 65; Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 13, рис. 6, 7]. Вероятно, к числу этих памятников должен быть отнесен пока не полностью вскрытый замок Минг-Урюк [Зильпер, 25, 26, рис. 3]. Среди прочих помещений, как и в хорезмских донжонах, различаются жилые и хозяйственные, подчас занимавшие разные части здания и второй этаж [Нильсен, 187, 188]. Соединение парадного, украшенного росписью и резьбой по дереву, квадратного четырехстолпного зала с несколькими большею частью узкими коридорообразными сводчатыми комнатами, в том числе прихожей, огибавшей зал с двух сторон, является определяющей чертой пенджикентского городского жилища,

принадлежавшего состоятельным людям [Беленицкий, 1973, 26, 28, рис. 5, 6]. Это сочетание, как нам кажется, находит соответствие в некоторых среднеазиатских кёшках, на что уже обратила внимание Г. В. Шишкина, исследовавшая замок Бад-Асия [1963, 92].

Легко заметить, что планировка хорезмских парадных помещений — михман-хана — при сохранении устойчивой для данной эпохи схемы плана (суфы по всем стенам) отличалась от только что описанной. Различие состояло, как уже отметила ранее В. Л. Воронина [1953, 131], прежде всего в отсутствии «эстрады». Кроме того, в парадных помещениях донжонов даже таких крупных хорезмских замков, как Тешик-кала, Беркут-кала и Якке-Парсан, не говоря уже о жилищах рядовых общинников, нет колонн, хотя некоторые из этих помещений имеют столь же крупные размеры, как и пенджикентские залы. Исключение составляет пока только одна постройка, восходящая по ряду признаков к зданиям раннеафригидского периода с остатками обходной галереи. Имеется в виду усадьба «а» в районе Аяз-калы, где таким парадным приемным помещением следует считать, по-видимому, большой зал с глубоким, открывавшимся в него айваном-нишей, занимавший центр постройки и являвшийся ядром всей композиции. Площадь зала, близкого к квадрату (10×11 *м*), позволяет допустить наличие там колонн, а глубокая ниша с высокой центральной суфой могла иметь арочное или полукупольное перекрытие. Такие ниши, как будто нехарактерные для парадных залов в упоминавшихся выше среднеазиатских постройках, составляют своеобразную черту раннесредневековой архитектуры Хорезма [Толстов, 1948, 139; Неразик, 1966, 86—87]. Зал в усадьбе «а» можно рассматривать в качестве наиболее яркого выражения идеи «дворово-айванной» схемы в архитектуре раннесредневекового Хорезма, развивающей традиции предшествовавшей эпохи и вызывающей ассоциации с теми вариантами этой схемы, которые проанализированы в первом разделе данной главы.

Упомянув об этих вариантах в Хорезме, нельзя не отметить особой важности открытого возле Аяз-калы I обширного комплекса разнородных по планировке частей, среди которых выделяется большой четырехайванный двор. Не обращаясь к вопросу о происхождении четырехайванной композиции, уже достаточно подробно и неоднократно рассматривавшейся рядом исследователей [Herzfeld, 1943, 13—30; Пугаченкова, 1958, 340—341; Литвинский, Зеймаль, 1971, 50—51], скажем лишь, что ее открытие в афригидском Хорезме расширяет ареал этой схемы в предарабской Средней Азии. После раскопок буддийского монастыря Аджина-тепе (VI—VII вв. н. э.) его исследователь Б. А. Литвинский писал: «Во вполне развитом виде это композиционно-планировочное решение существовало на юге Средней Азии, во всяком случае, в VI—VII вв., причем в культовой буддийской постройке» [Литвинский, Зеймаль, 51]. Вместе с тем раскопки Калалы-гыра I в Хорезме [Рапопорт, Ланиров-Скобло, 1963, 145] показывают, что на севере Средней Азии какие-то первоначальные варианты этой схемы были известны уже на рубеже V—VI вв. до н. э. [см. также: Litwinsky, 104—105].

После длительного перерыва в несколько столетий, когда в силу скудости наших знаний об античных памятниках Хорезма эволюция четырехайванной схемы в этих краях остается пока неизвестной, в VII—VIII вв. мы вновь сталкиваемся с воплощением этой планировочной идеи в Аяз-калинском комплексе. На этот раз она предстает в гораздо менее правильном виде, чем ее классические образцы. Что же касается истории формирования композиции, то ее исходным пунктом послужил, по мнению Э. Герцфельда, простой жилой иранский дом [Herzfeld, 1935, 98], с чем согласны и те ученые, которые выводят источники самой идеи из глубин «античной поры» [Пугаченкова, 1958, 341]. Нельзя не обратить внимания на многовековые традиции данной схемы в Иране, где она нашла отражение еще в планировочном решении ряда залов дворцов Персеполя [Бородина, 299, рис. 8]. Поразительное сходство плана дворца Шапура I в Бишапуре [Ванденберг, 1959, 54] и миниатюрных ступ из Аджина-тепе [Литвинский, Зеймаль, 45] лишний раз подтверждает мысль о многообразном использовании этой композиции в сложном процессе формирования различных типов зданий: дворцов, жилых домов, культовых построек (в том числе буддийских, зороастрийских и мусульманских) и караван-сараев [см. также: Siroux, 69, 83—86].

До сих пор речь шла преимущественно о планировке кёшков, поскольку в сельской местности эти сооружения пока наиболее исследованы. Что же касается застройки хорезмских усадеб, то следует отметить, что наиболее близкие аналогии можно найти лишь вышеупоминавшимся «секциям» крупных замков (Якке-Парсан, Тешик-кала), Застройка территории последних носит правильный, регулярный характер. Секции из двух-трех помещений, на которые делилась застройка, наиболее похожи по составу на постройки III—IV вв., раскопанные Р. Гиршманом в Беграме [Ghirshman, 1948, 31], и в меньшей мере — на секции, открытые в поселении VIII в., рас-

положенном у буддийского храма в Куве [Булатова, 1966, 86; ее же, 1972, 55—56]. В поселении хорошо различаются двух-четырехкомнатные дома. Одна из больших комнат этих построек может быть, по мнению исследовавшей их В. А. Булатовой, названа михман-ханой: «Она почти квадратная в плане, с деревянным перекрытием на двух или четырех опорах (рузан, чор-хона). Вдоль трех стен тянутся низенькие суфы, иногда в два яруса. Между суфами располагается обогреватель, представляющий собой площадку, приподнятую вровень с суфами, на которую ставили прямоугольную или круглую глиняную жаровню для раскаленных углей» [1966, 86]. Подсобные помещения были, как правило, узкими, с лежанками и хумами. Если эти комнаты предназначались и для приготовления пищи — там были и очаги. Выше неоднократно упоминалось, что в хорезмских раннесредневековых помещениях всегда было два очага [Неразик, 1966, 75]. Один из них, иногда в виде площадки, подобной упоминавшейся В. А. Булатовой, но с бортиком, использовался для приготовления пищи. Обилие предметов хозяйственного обихода, находимых на суфах и вокруг очагов, также говорит о хозяйственно-бытовом использовании такого помещения. Здесь женщины пекли лепешки, готовили пищу, ткали и т. п. Таково же назначение аналогичных по плану помещений Ток-калы, датирующихся началом VIII в. [Гудкова, 1964, 44—52, рис. 11] и значительно более поздних, но близких по облику «mür» припамирских таджиков [Кондауров, 1940, 22; Кисляков, 1939, 160 и сл.]. В раннесредневековом селении Гардани Хисор [VII—VIII вв.] в Таджикистане открыты жилища, по планировке и функциональному составу близкие секциям хорезмских замков, Ток-калы, Кувы [Якубов, 519].

Большие дома-массивы Хорезма, являвшиеся жилищами крестьян, можно сближать с раскапывающимися на остальной территории Средней Азии жилыми постройками рядовых общинников (Чаян-тепе, Таш-тепе, Яхшибай-тепе) [Нильсен, 173—174] и жилищами горожан скромного достатка (Пенджикент) пока лишь в связи с отдельными деталями интерьера. В этих последних строениях отсутствуют парадные залы, но встречаются в жилых ячейках помещения с суфами, имеющие сходство с жилыми комнатами хорезмских построек. Однако их общая схема иная.

Возможно, по мере расширения раскопок сельских усадеб и поселений (как в Средней Азии, так и в соседних областях Востока) возникнет больше возможностей для сопоставлений. Пока же можно отметить лишь немного параллелей. Напомним прежде всего, что, судя по некоторым материалам, относящимся к началу века, в Иране существовали «qal'a» — поселения с обширным двором посредине и жилищами из двух-трех помещений, узкими торцами примыкавшими к внешней ограде [Розенфельд, 24; Planhol, 1958, 257—258; его же, 1968, 425—426], очень напоминающие по плану такие крупные усадьбы в Беркут-калинском оазисе, как усадьба № 32. Планхоль показал, что «qal'eh» в Иране имеют глубокие традиции [1968, 426].

В то же время дом с центральным коридором, очень характерный для жилого строительства Хорезма в VII—VIII вв. и еще более — в последующие эпохи, не находит себе подобия в соседних областях. Если усадьбу № 19 еще в известной мере можно сравнить с Чаян-тепе на Сурхандарье [Нильсен, 176], то жилища с центральным коридором в усадьбах № 136, № 128, «b» близ Аяз-калы отличаются очень правильной, сложившейся схемой, не имеющей аналогий среди известных нам построек.

Это жилище, выше выделенное нами в первый тип, иногда сравнивают с такими среднеазиатскими постройками, как Тирмизак-тепе или Урта-курган в Уструшане, Калаи-боло и замок Карабулак в Фергане, замок на горе Муг, и некоторыми другими [Брыкина, 121—122]. Мы считаем такое сопоставление неправомерным. Бо́льшая часть перечисленных строений относится к сооружениям с «коридорно-гребенчатой» планировкой. Как совершенно правильно показано Н. Н. Негматовым и С. Г. Хмельницким, в Средней Азии повсеместно и в разные периоды строились здания с центральным коридором и симметрично расположенными относительно него узкими коридорообразными, однозначными по виду и назначению комнатами, где размещались воины [Негматов, Хмельницкий, 106—115]. Добавим, что точно так же выглядели в глубокой древности отдельные части дворцов на Переднем Востоке, на Крите. Там располагались склады [Флиттнер, Ходжаш, 116, рис. 115].

В описанных нами хорезмских домах отсутствовала эта полная симметрия; коридор, как правило, не являлся сквозным, так как в торце дома всегда находился двор или одно из помещений. Таким образом, сопоставления только на основе наличия в постройках центрального коридора мы считаем сугубо формалистическими.

Из вышеперечисленных сооружений, относящихся к постройкам «коридорно-гребенчатого» типа, выпадает замок в Карабулаке как постройка явно жилого значения, не имевшая характерных для упомянутых соружений черт.

По ряду признаков его скорее можно сравнить с пенджикентскими пригородными домами [см.: Воронина, 1958, 204].

Итак, в V—VIII вв. в Хорезме вырабатывается новый тип жилища, в котором все несходно с местными постройками предшествовавшей — античной — эпохи. Оно гораздо больше размерами. В VIII в. большинство жилищ укрепляются, помещения в планировочном отношении и функционально становятся разнообразнее, основой композиции дома часто служит коридор, соединенный с внутренним двором или большой комнатой. Какие-то черты преемственности сказываются лишь в деталях интерьера.

В начале VIII в. появляется новая архитектурная форма — кёшк, которую можно назвать общесреднеазиатской, поскольку на обширной территории она имеет много сходных черт. В то же время в архитектуре хорезмских кёшков-донжонов выявляются определенные, только им присущие особенности, в частности отсутствие четырехколонного зала, а в суфах, огибающих стены парадных комнат,— своеобразного уширения-выступа против входа.

Приведенные в тексте сопоставления свидетельствуют о культурных контактах, вызвавших к жизни сходные явления в архитектуре отдаленных областей раннесредневекового мира. Пока можно лишь догадываться о причинах, вызвавших к жизни сходные черты центрической схемы кёшков Хорезма, Южной Туркмении и сасанидского Ирана, как будто нехарактерные для остальной Средней Азии. Возможно также, что в VII—VIII вв. возрождаются (или продолжают существовать?) древние традиции возведения зданий центрической планировки, еще в Хорезме с достоверностью не выявленные для первых веков нашей эры. Но определяющей чертой сельского жилища становится его многонаселенность, «многоквартирность» с повторяющейся сходной жилой ячейкой в планировке.

В чем же причины отмеченных больших перемен в жилом строительстве Хорезма? Они кроются, как нам кажется, во внутренней ситуации, сложившейся в стране, и определяются двумя обстоятельствами.

Прежде всего, это становление феодальных отношений, выдвинувшее новые социальные категории населения и отразившееся в появлении и распространении на территории Хорезма феодальных замков с кёшками. Феодальные междоусобицы и смуты, обострявшиеся, по-видимому, внешними нашествиями, привели к укреплению и укрупнению жилищ рядовых общинников, вызванному увеличением семьи, стремившейся обезопасить себя в столь тяжелые времена.

Вторым обстоятельством, сыгравшим важную роль в изменении облика жилищ, могли явиться новые этнические традиции, привнесенные пришлым населением. Проникновение таких групп (происходившее неоднократно за многовековую историю хорезмского государства, существовавшего в тесном окружении степняков) отмечается во II—IV вв. и продолжается на протяжении всего рассматриваемого периода. Общеполитические события, разворачивавшиеся в III—VIII вв. на территории Средней Азии: падение Кушанской и Парфянской империй, движение гуннов, хионитов, эфталитов, создание тюркского государства, походы арабов — безусловно, способствовали перемещению населения, в частности, в Приаралье [Неразик, 1968, 197—207]. Однако самым важным для нас среди всех этих событий следует признать определенно наметившееся в VII—VIII вв. перемещение племен из низовой Сырдарьи в дельту Амударьи и далее на территорию Хорезма [Гудкова, Ягодин, 265; Неразик, 1968, 205; Ягодин, 1970, 58; Л. М. Левина, 1971, 242]. Но даже если бы этот факт и не был засвидетельствован археологически, все равно симбиозный характер афригидской культуры Хорезма, многие черты которой, как неоднократно отмечалось, не имеют местных корней, неминуемо должен был привести к предположению о смене этнических традиций. Данное предположение, конечно, требует дальнейшей разработки, равно как и связанный с ним вопрос о проявлении этнических традиций в материальной культуре.

В этой связи необходимо привлечь внимание ученых к следующим особенностям раннесредневековых хорезмских жилищ:

1. Близость — типологическая и функциональная — однокомнатных донжонов-башенок жилищ Беркут-калинского оазиса и позднейших туркменских дингов, а также появление таких башен в оазисе.

2. Сходство хорезмских жилищ с жилыми массивами некоторых архитектурных памятников в низовьях Амударьи, состоявшими из слитно поставленных ячеек с жилыми помещениями, характеризующимися П-образными суфами и несколькими очагами. Планировка этих комнат широко и как бы внезапно распространяется в Средней Азии в VII—VIII вв. Сделана попытка связать происхождение П-образных суф с канами — лежанками с отопительными каналами внутри [Егоров, 185], известными как полагают, в Центральной Азии еще со времен гуннов. Эту версию пока нельзя считать доказанной, так как история

канов, их распространения и взаимосвязи с П-образными суфами не выяснена. К тому же суфы-лавки по всем или трем стенам устраивались в помещениях жилищ на Переднем Востоке задолго до рассматриваемого времени. По-видимому, не следует сводить происхождение этого обыкновения к одному центру.

В то же время несомненно, как это уже отметила А. В. Гудкова [1964, 52], что эти новые черты планировки жилых комнат свидетельствуют о новых привычках населения и, в конечном счете, о новых этнических элементах населения страны. В пользу такого предположения можно привести и другой факт: изменение ассортимента посуды в VII—VIII вв. в Хорезме, когда совсем вышли из употребления многие виды античной керамики — кубки, бокалы, чаши на дисковидном поддоне, мелкие блюда, зато самым распространенным видом посуды наряду с водоносными кувшинами сделались кружки, гончарные и лепные.

Исследуя раннесредневековую согдийскую керамику, Б. И. Маршак также сделал заключение о глубоком различии между местной посудой VII—VIII вв. и более ранней. Он отметил широкое распространение в раннесредневековом Согде сосудов, подражавших металлическим, в том числе кружек. Выделив три вида последних, Б. И. Маршак пришел к выводу, что один из них явно воспроизводит тюркский прототип [Маршак, 1961, 180—185]. В. А. Литвинский, не отрицая возможности тюркского воздействия, полагает, что процесс сложения этого типа кружек был много сложней. Формирование данного вида посуды происходило, по его мнению, на территории Чача — Ферганы, может быть Уструшаны, и затем эти кружки, не ранее VII в., появились в Согде [Литвинский, 1973, 111—114]. Хорезмские кружки VII—VIII вв. также подражают этой форме, широко известной и в керамике населения Джеты-асаров в низовьях Сырдарьи [см.: Л. М. Левина, 1971, рис. 3]. Заимствование данного вида кружек в Хорезме могло произойти не прямо от тюрок, а опосредованно, через эти области, с населением которых Хорезм тесно соприкасался. Как только что отмечено, параллели в планировке раннесредневековых хорезмских жилищ уводят именно туда. Вместе с тем на территории поселений Джеты-асарского урочища и «болотных городищ» (Куюк-Кескен-калы, Куюккалы) пока не зафиксированы башни, о которых говорилось выше. Затронув вопрос о происхождении этих башен, необходимо сделать небольшое отступление в область этнической истории. Напомним, что на территории Приаралья китайские хроники Ши-цзы, Цянь-Хань-шу и Хоу-Хань-шу локализуют владение Яньцай [Бичурин, т. II, 150—186], которое в начале нашей эры, по данным Хоу-Хань-шу, переименовалось в Аланья [Бичурин, т. II, 229] в связи с широким расселением в этих местах аланов [см. также: Мацулевич, 1947, 136—137]. Такие сведения китайских хроник подтверждаются анализом материальной культуры населения Джеты-асаров. Многочисленные параллели ее элементам (керамике, украшениям, изделиям из бронзы) уводят не только на Восток — в Семиречье, Восточный Туркестан, но и на северо-запад — на Кавказ, к аланам. Такой вывод можно сделать из той совокупности сведений, которые собраны в книге Л. М. Левиной [1971, 52, 54, 70, 72, 77, 280 и др.].

Область Яньцай-Аланья специалисты считают исходной территорией восточной группы алан, откуда они в конце IV в. после гуннского нашествия огромной волной передвинулись в Предкавказье. В качестве подтверждения их восточной локализации обычно рассматривают сообщение Бируни о совместном обитании алан и асов в пределах Средней Азии вплоть до X в. [Волин, 193—194]. Аланы и асы представляли собой два крупных племенных союза. Один из них (асы) занимал западную часть Алании, другой — восточную [Кузнецов, 1271. Период раннего средневековья был эпохой бурного подъема аланской культуры и значительного военного могущества кавказских аланов [там же, 128]. На территории Северного Кавказа, занятой в прошлом аланскими племенами, находят и остатки башен, сходных с позднейшими осетинскими [Минаева, 79, 152]. Полагают, впрочем, что часть последних восходит еще к аланской эпохе. Облик этих башен, стройных, суживающихся кверху, с плоским завершением и несколькими ярусами [Миллер, 1888, 95; Калоев, 149], обнаруживает много общего с раннесредневековыми хорезмскими и позднейшими туркменскими дингами.

Однако стоит ли искать корни типологического сходства и сводится ли оно к одной причине, в данном случае — к этническому родству населения? Окраинное положение Хорезма, тесно соприкасавшегося с воинственными полукочевыми племенами, угрожавшими его границам, могло вызвать необходимость строительства таких башен, как и суровые условия горного Кавказа, где существовала постоянная угроза внезапного нападения. В то же время в Фергане, не менее Хорезма близко соседствовавшей с полукочевниками, башни неизвестны. Более того, случайно ли, что они существовали на среднеазиатской территории лишь у туркмен? Аланы же и огузы — средневековое население нижней Сырдарьи,

как известно, сыграли важную роль в этногенезе туркмен. По-видимому, отмеченная особенность локализации башен-дингов в Средней Азии позволяет искать в числе причин появления этих построек этническое родство их создателей, а в числе причин распространения — этнические перемещения.

Разумеется, мы не считаем, что доказали прямую причинную связь между этническими контактами населения низовий Сырдарьи, Северного Кавказа и Хорезма и строительством в последнем однокомнатных башен типа позднейших туркменских дингов. Пока можно только поставить вопрос об этнических влияниях и перемещениях как возможной основе возникновения отдельных элементов жилища и поселения. Потребуется еще большая работа, чтобы установить, может ли предложенная выше гипотеза иметь право на существование. Вместе с тем большое воздействие окружавшего Хорезм населения на формирование его культуры в V—VIII вв. несомненно [Толстов, 1958а, 125 и сл.; Неразик, 1966, 121—129], как и этническая неоднородность этого населения.

Из исследования планировки жилых построек афригидского Хорезма и сопоставления ее с планировкой домов предшествовавшего античного периода в истории Хорезма можно сделать и другой вывод — об изменении внутреннего строя семьи. Но подробнее на этом вопросе мы остановимся в следующей главе.

ЖИЛИЩЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХОРЕЗМА. ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЮЖНОУЗБЕКСКОГО И ТУРКМЕНСКОГО ХОРЕЗМСКОГО ЖИЛИЩА

Поселения и жилые постройки в Хорезме IX—XI вв. почти совсем неизвестны. Лишь в последние несколько лет в связи с раскопками Садвара и Джигербента (в районе строительства Тюя-Муюнского водохранилища) [см.: Вактурская, 1973, 498—500] появляются первые сведения о городских жилищах этого времени, но данные о сельском расселении и постройках пока отсутствуют. В то же время они представляют тем больший интерес, что приходятся на период походов сельджуков в Хорезм, распространения там мусульманства, укрепления феодальной системы и расцвета городов. Эти события должны были привести к большим переменам в облике жилища, о которых частично можно судить, сопоставляя имеющиеся в нашем распоряжении звенья этой пока разорванной цепи развития — жилища VII—VIII и XII—XIII вв.

Приведенные в первой части книги материалы ясно показывают, что к XII—XIII вв. в Хорезме был уже выработан план домов, оказавшийся удобным и прочно вошедший в народное строительство. В это время для оазисов центральных районов такое жилище (дом с центральным коридором или центральным залом) становится универсальным. Наиболее полное и совершенное воплощение данная схема нашла в постройках Кават-калинского оазиса. Дома Левобережья хорезмшахского и золотоордынского периодов выглядят ее провинциальными вариантами, и чем дальше от центральных приамударьинских оазисов, тем более искаженным и трудноузнаваемым становится первоначальный образец, приобретая новые черты и видоизменяясь сообразно местным особенностям и надобностям населения.

Перейдем к подробному рассмотрению типов сельских жилищ хорезмшахского периода.

Типы жилищ XII — начала XIII в.

1. Дом с центральным коридором (Кават-калинский оазис, Айгельды, поселение близ Замахшара и в районе Дарьялыка). Небольшие дома этого типа состояли, как правило, из 4—5 помещений, расположенных попарно-симметрично относительно центральной оси. В более крупных, многокомнатных домах нет такой строгой симметрии. Над входом, выделенным в виде вестибюля с одного или двух противоположных концов коридора, существовал второй этаж, который, вероятно, выглядел небольшой башенкой, возвышавшейся над плоской кровлей дома. Двухэтажной была и каптар-хана, включенная часто в общую систему комнат. Площадь небольших домов равна 120—130 *кв. м*, самых крупных — от 450 до 550 *кв. м*.

В усадьбах состоятельных земледельцев подобный дом с центральным коридором являлся частью большого комплекса жилых и хозяйственных помещений (дом № 43 в Кават-калинском оазисе, рис. 106).

2. Дома центрического плана (№ 1, № 20, № 21 в поселении близ Замахшара, № 41 и ряд других в Кават-калинском оазисе). Основой композиции был центральный зал (квадратный или прямоугольный), в некоторых случаях богато украшенный. Над входным вестибюлем с утолщенными стенами помещался второй этаж. Иногда делалось два входа в противоположных концах жилища, и тогда

Рис. 106. Дом № 43 в Кават-калинском оазисе. Аэрофото

дома центрического плана были подобны домам первого типа, с центральным коридором (особенно кават-калинские). Существовало и много переходных вариантов от первого ко второму типу жилых построек (площадь домов второго типа — 250—280 *кв. м*).

В других случаях (крупные постройки в районе Даудан-калы) центральный зал или двор окружался целой системой разнообразных по очертаниям помещений, уже ничем не напоминая самые популярные в средневековом Хорезме дома с центральным коридором.

Жилища, отнесенные к этим двум типам, как правило, были ориентированы углами по странам света. Вход (если он был один) находился в юго-восточной (южной) стене. Среди помещений различаются парадные и жилые, хозяйственные, вестибюли-прихожие, а в кават-калинских постройках — и своеобразные лестничные клетки при них. Жилые комнаты в кават-калинских домах располагались чаще всего при входе в дом, а если их было два, то при северо-западном (или северном). В жилищах Левобережья подобной закономерности не замечено. Там в некоторых случаях (дома № 20 и № 21 в поселении близ Замахшара) жилые комнаты сосредоточивались в одной из половин дома, не связанной непосредственно со входом. Нельзя не упомянуть, что в кават-калинских постройках перед одним из вестибюлей иногда встречалось небольшое помещение, выделенное из коридора сравнительно тонкой перегородкой с дверью посредине, причем перегородка продолжала линию стен соседних комнат, расположенных по обе стороны коридора. Получалось, что эта часть дома как бы отделялась от остальной его площади, несколько напоминая выделение жилых комнат в позднейших хаули узбеков Южного Хорезма (дома № 5 и № 41 в Кават-калинском оазисе).

Кухня редко выделялась в специальное помещение. Кухонный очаг часто устраивали в центральном коридоре или комнате, если она не была парадной, как, например, в доме № 1 поселения близ Замахшара.

3. Замки феодалов — самые крупные сельские жилища, как выяснилось, отличались от первых двух типов построек только размерами и отделкой. Установлено (см. первую часть книги), что замки Кават-калинского оазиса представляли собой все тот же дом с центральным коридором, что и жилища рядовых общинников, но многокомнатный, с несколькими каптар-ханами, включенными в общую систему двухэтажной застройки. Наряду с ними в Левобережном Хорезме существовали замки с периметральной застройкой, оставляющей внутри обширный двор (Каз-кала, замок в точке 734). Однако поскольку эти постройки не раскапывались, назначение каждой из них окончательно не установлено. Возможно, что среди них были небольшие караван-сараи, существование которых вдоль трассы шахристанского торгового пути вполне закономерно.

4. Дома, вытянутые вширь, по поперечной оси, двухрядные, из многих помещений (дом № 2 близ Замахшара, Айгельды). Внутри дома проходила стена, делившая его на две половины. Как можно судить по раскопкам дома № 2, жилые и хозяйственные помещения выделялись в разные половины. Эти весьма своеобразные постройки не встречались в Кават-калинском оазисе, зато, как мы увидим ниже, стали одной из характерных форм домостроительства в последующую эпоху в Хорезме. Не исключено, что и в XII — начале XIII в. они могли быть распространенным типом жилищ на западных и северо-западных окраинах Хорезма, там, где в эпоху Золотой Орды уже вполне определилась область, отличавшаяся своеобразием материальной культуры. Площадь дома № 2 — 567 *кв. м*.

5. Жилища в виде помещений, поставленных в один ряд или менее правильной планировки (помещения сдвинуты с одной оси, соприкасаются углами и др.). Они широко распространились на территории Левобережного Хорезма, но встречались и в Кават-калинском оазисе. Как правило, это были жилища беднейшего слоя населения, например челяди в крупных усадьбах Кават-калинского оазиса (площадь таких домов обычно составляла 100 *кв. м*, резко колеблясь от 100 до 150 *кв. м*).

Внутренний облик жилищ и некоторые черты строительной техники

Сельские жилища XII — начала XIII в. строились преимущественно из пахсы. Кирпичные постройки даже среди жилищ аристократического слоя хорезмского населения были исключением. В таких случаях их основание делалось из нескольких рядов обожженных кирпичей, что можно считать достаточно распространенным строительным приемом и в других областях Средней Азии. Например, в северной части Старого Мерва в средневековой Султан-кале не полностью вскрыто большое здание, сырцовые стены которого поставлены на фундамент из обожженных кирпичей [Лунина, 1969, 429]. Тем же способом выкладывались стены помещений на городищах Чугундор и Шехр-Ислам в XII—XIII вв. [Атагаррыев, 1970, 129 и сл.; его же, 1971, 167], причем Е. Атагаррыев также отмечает, что

фундаменты делались только в домах состоятельных горожан. В них же могли быть и подвалы, построенные из обожженных кирпичей [Атагаррыев, 1971, 169; Шишкин, 1969, 82—83; Крашенинникова, 1970, 42].

Целиком из обожженных кирпичей в сельских поселениях средневекового Хорезма строились преимущественно сооружения общественного назначения, например мечети и караван-сараи, жилые же дома — крайне редко. Зато при отделке интерьера богатых домов обожженные кирпичи использовались в изобилии: ими облицовывали поверхности суф, из них делали очажные выкладки, настилали полы в некоторых помещениях, в частности в вестибюлях. В самых аристократических жилищах из них целиком выкладывали высокие суфы. Так же широко применялся обожженный кирпич и при отделке вышеупоминавшихся других среднеазиатских зданий, синхронных описываемым хорезмским [Лунина, 1969, 119—122; Атагаррыев, 1968, 46; его же, 1972, 96—98]. Особенно нарядными в хорезмских богатых сельских домах были центральные парадные залы и входные вестибюли: их стены покрывали резным алебастром, расписанным многоцветными узорами с преобладанием синего цвета, в парадных залах сложными орнаментами из резного алебастра украшали потолок. Роспись по алебастру, роспись по глине, сложные резные алебастровые панели открыты во многих помещениях уже упоминавшегося здания XII—XIII вв. в Султан-кале, возможно дворцового [Лунина, 1969, 119; ее же, 1970, 44—45]. Археологические работы в Киргизии, в местности Отуз-Адыр, где изучается в настоящее время резиденция крупного феодала [Кожемяко, 1970, 40—41], в Афрасиабе и на других развалинах построек XII—XIII вв. показывают большую общность способов декорировки жилых построек и выбора материала для нее. Широкое использование резьбы по ганчу в XII—XIII вв., особенно для декорировки дворцов или общественных сооружений — мечетей и мавзолеев,— общеизвестно [Пугаченкова, 1958, 261; Гулямова, 1956, 258; Pope, 1965, 940—945 и сл.].

Камень в отличие от обожженных кирпичей в строительстве и отделке средневековых хорезмских жилищ применялся очень мало. Можно упомянуть только базы колонн из песчаника или разновидности султан-уиздагского мрамора в некоторых домах Кават-калинского оазиса, в том числе в парадном зале самой Кават-калы [Вактурская, Вишневская, 1959, 152], подпятники для дверной конструкции, каменные плиты, которыми закрывался водосток-ташша, и плиты в вымостках пола (в проходах из вестибюля таких богатых домов, как, например, № 43 в том же Кават-калинском оазисе). В Левобережном Хорезме из-за отсутствия сколько-нибудь значительных горных хребтов камень в жилом строительстве применялся еще реже.

Фасады внешних стен рядовых сельских жилищ, по-видимому, совсем не декорировались в отличие от обильно украшенных разными геометризованными панно плоскостей мощных пахсовых стен замков, каптар-хан центральных хорезмских оазисов (например, в Кават-калинском поселении). Мелкие фрагменты оконного стекла позволяют утверждать, что даже в небольших хорезмских домах в XII—XIII вв. были застекленные окна. Это обстоятельство также не было новостью для домостроительства в Средней Азии в то время: оконное стекло является частой находкой на развалинах среднеазиатских построек [Давидович, 1949; ее же, 1953].

Как и в описанных выше постройках античного периода, останцы стен исследованных нами средневековых жилищ не превышают 0,3—0,4 *м*, лишь изредка они достигают 1 *м*. Лучше сохранившиеся развалины Кават-калинского оазиса неоднократно использовались после запустения оазиса пастухами, случайными путниками и другими людьми. Поэтому перекрытие жилищ и даже завал внутри них не уцелели. Следы гнезд от балок на стенах многих построек оазиса служат доказательством того, что оно было плоским. Конструкция его восстанавливается предположительно — на основании материалов хорошо изученного исследователями народного жилища населения Средней Азии и соседних областей [Иванин, 1843, 112; Курылев, 239; Сазонова, 1952, 292].

Расположение гнезд перекрытия на фасаде стен кават-калинских построек позволяет определить высоту помещений. В доме № 43 и в замке II она равнялась 3,7—4 *м* (примерно такой же была высота хивинских жилищ, по М. И. Иванину [1843, 112]); вторые этажи были ниже.

Касаясь деталей внутренней планировки дома, следует отметить, что черты, оставшиеся от прошлых эпох, единичны. Наиболее интересен факт реминисценции в некоторых домах состоятельных землевладельцев основной идеи дворово-айванной композиции, столь излюбленной в строительстве в более раннее время. Так, «почетное место» в виде ниши, открывавшейся в пространство большого зала, потолок которого поддерживался колонной, мы видели в доме № 2 поселения близ Замахшара.

Это помещение с колонной посредине, поддерживавшей возвышавшуюся над домом его

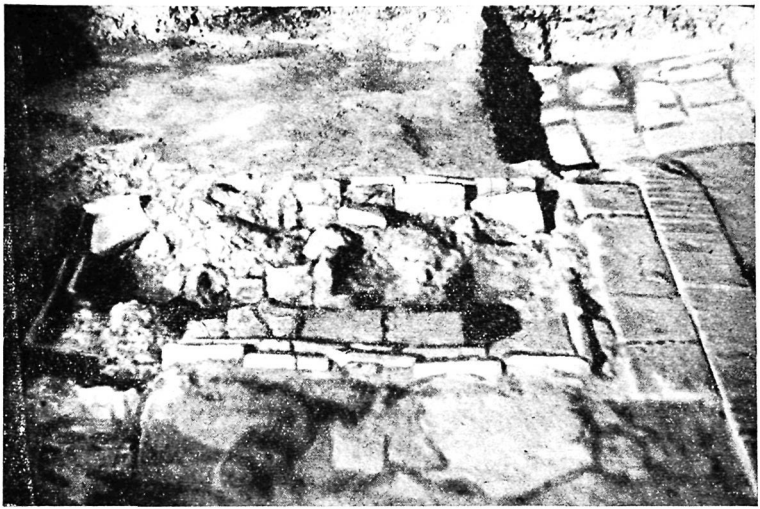


Рис. 107. Очаг в одном из помещений дома (поселение в урочище Дарьялык-куль)

кровлю, уже подобно высоким зимним айванам в позднейших хаули узбеков Южного Хорезма, продолжая сложившуюся в Хорезме в древности традицию возведения таких высоких двусветных залов.

В XII—XIII вв. в Хорезме не прослеживается отчетливо обыкновение располагать жилые комнаты в северной части дома, в глубине его по отношению к основному входу, ориентированному на юг. Наблюдается, как и в предшествующее время, деление дома на жилую и хозяйственную части, но обе традиции по-разному выражаются в Правобережье и Левобережье. Площадь жилых помещений в рядовом крестьянском доме с VII—VIII в. не изменилась, в домах состоятельной части населения она несколько больше (20 *кв. м*).

Кладовые во втором этаже, столь характерные для жилищ хорезмшахского периода, существовали, безусловно, и в усадьбах VII—VIII вв. в Беркут-калинском оазисе [Неразик, 1966, 78]. Через века прошел без изменений обычай устраивать в помещениях закрома с глиняными стенками, ямы для хранения продуктов, сохранялись и некоторые другие особенности интерьера сельских домов. Однако в *целом интерьер дома сильно изменился*, прежде всего облик жилых комнат. Исчезли суфы по периметру помещения, в то время как в других среднеазиатских жилых постройках этого времени они встречаются, например, в Султан-кале, в Мерве, в домах X—XII вв. на Красноречинском городище [Лунина, 1970, 44; Кожемяко, 1967, 77, рис. 11]. В жилых комнатах стали иногда устраивать низкую суфу, занимавшую $^3/_4$ площади пола; иногда часть комнаты вымащивали обожженными или — реже — сырцовыми кирпичами (рис. 107).

Посреди помещения располагался открытый очаг в виде вмазанного в пол тандыровидного сосуда с четырехугольным углублением перед топкой. Как мы видели в первой части книги, этот очаг может быть сопоставлен с отопительными хивинскими тандырча и является, несомненно, видоизменением традиционных хорезмских кирпичных очагов-площадок, прошедших через всю историю хорезмского жилища (рис. 108). В XII — начале XIII в. появились, как указывалось при описании раскопок рассматриваемых жилищ, очаги в специальных возвышениях, подобные кухонным очагам среднеазиатского населения.

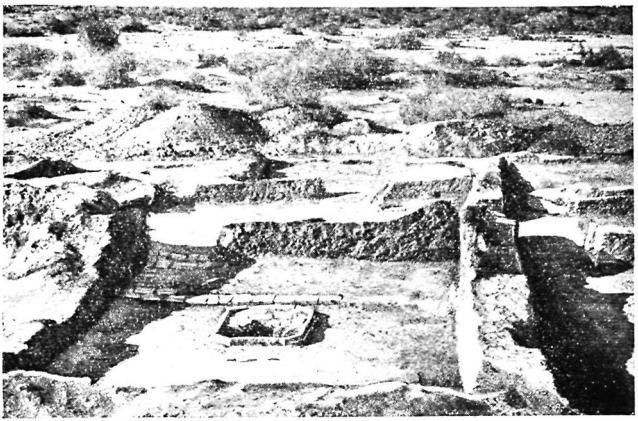


Рис. 108. Очаг в одном из помещений дома № 43 в Кават-калинском поселении

И наконец, нельзя не упомянуть весьма своеобразные и интересные, богато орнаментированные переносные (на трех или четырех ножках), круглые керамические очаги, вместо которых иногда использовались столь же пышно украшенные старые хумчи.

Очаги и хумчи, служившие очагами, так обильно украшались наленным и прочерченным орнаментом, что этим своим убранством выделялись среди остальной массы неполивных керамических изделий Хорезма XII—XIII вв., также нодчас пышно орнаментированных. Такое внимание к их виду, вероятно, объясняется особым назначением данных очагов, может быть служивших ритуальным целям населения, сохранявшего и в мусульманский период реликты древних языческих верований, в частности почитание огня. По сведениям этнографов [Снесарев, 1969, 191], в Хорезме особо почитался огонь домашнего очага как центра домашних и семейных культов. Может быть, он был связан также с поклонением духам предков, распространенным *среди местного населения с древности* [Рапопорт, 1971, 81, 88]. У таджиков очаг также играл роль домашнего святилища, считаясь местом пребывания духов предков [Хамиджанова, 54]. Может быть, описываемые очаги стоят в том же ряду находок, что и орнаментированные керамические средневековые очажки, встречаемые на среднеазиатских городищах, в том числе и более всего в Самарканде, откуда происходят многочисленные, наиболее пышно украшенные экземпляры. Ученые связывают их с почитанием огня, домашнего очага — символа благополучия семьи [Ремпель, 1953, 27—28; Ташходжаев, 54; Сенигова, 1968, 162; Пугаченкова, Ремпель, 1972, 23]. Однако имеются случаи, когда они использовались и в производственных целях [Шишкина, 1973, 154]. Нельзя не отметить также сходства этих очагов с очагами (преимущественно отопительными) в хорезмских сельских жилищах. Вместе с тем связь самаркандских очажков с культом огня представляется несомненной.

Другой весьма распространенной деталью интерьера являются светильники — бронзовые плошки на трех лапках-подставках. Эти светильники были, по-видимому, обычным предметом обихода в жилищах состоятельных людей; к таким можно отнести основную массу построек Кават-калинского оазиса, где эти предметы найдены. Впрочем, некоторые исследователи *также склонны связывать светильники* с культом огня [Сенигова, 1968, 225].

Новая отделка, применение таких строительных материалов, как обожженные кирпичи, ганч, стекло, более широкое использование камня и каменных плит совершенно изменили облик домов сравнительно с жилищами афригидской эпохи. Если учесть отсутствие сведе-

ний о постройках IX—XI вв., то контраст между жилищами VII—VIII и XII—XIII вв. становится тем более разительным. Вместо монументального жилища-крепости афригидской эпохи с его, как правило, неукрашенными поверхностями глиняных могучих стен в XII—XIII вв. в центральных оазисах страны появился дом со стеклянными окнами, белеными стенами, с расписным бордюром, ганчевой резной отделкой панелей и потолков, мраморными плитами, имитировавшими коврики, фигурной вымосткой полов из обожженных кирпичей, керамическими очагами в выкладках из кирпича. Металлические светильники на изогнутых ножках-лапках, резные плиты водостоков-ташна, разноцветная поливная посуда и стеклянные сосудики дополняли интерьер многих хорезмских домов блестящей эпохи Хорезмшахов.

Рассмотрим теперь перечисленные типы домов средневекового Хорезма в сопоставлении с более ранними хорезмскими и синхронными жилыми постройками сопредельных областей. Прежде всего, несмотря на вышеперечисленные нововведения, вызванные во многом развитием культуры, общим экономическим подъемом в стране в XII — начале XIII в., введением новых строительных материалов и уменьшением размеров жилищ, ставших неукрепленными, совершенно очевидна преемственность традиций жилого строительства афригидского периода истории Хорезма. Даже беглого взгляда достаточно, чтоб увидеть сходство раннесредневековых жилищ VII—VIII вв., обследованных в окрестностях Аяз-калы и в Беркут-калинском оазисе, например № 138, и выделенных в первый тип домов XII—XIII вв. с центральным коридором. Дома второго типа с центральным залом продолжают развивать планировочную схему, положенную в основу строительства кёшков VII—VIII вв. в крупных замках. Эту преемственность традиций в свое время правильно отметил В. А. Лавров, однако он полагал, что схема кёшка нашла отражение в плане мелких жилищ хорезмшахского периода. При этом «отпадает нужда в строгой симметричной планировке с выделением центрального помещения. Общей осью служит соединительный коридор»,— писал он [Лавров, 91]. Но мы уже видели, что это не так, и центрическая композиция кёшков, продолжая использоваться в XII—XIII вв. без особых изменений, явилась образцом для жилищ главным образом состоятельных поселян, а не рядовых земледельцев.

Обращаясь к аналогиям хорезмийскому сельскому жилищу XII — начала XIII в., следует прежде всего сказать, что приходится пользоваться данными преимущественно о среднеазиатских городских жилищах, так как сельские изучены в меньшей степени. Тем не менее в нашем распоряжении имеются очень интересные сведения, касающиеся жилых построек Мерва и Яс-тепе в Южной Туркмении. Их композиция характеризуется, как отметила изучавшая их Г. А. Пугаченкова, «наличием центральной прямоугольной или крестообразной михман-ханы, связующей все остальные комнаты» [1958, 215]. Михман-хана часто перекрыта куполом. Эта особенность продолжала традиции раннесредневековой архитектуры Хорасана, о которых шла речь в предшествовавшем разделе. Продолжение контактов между Хорезмом и Южной Туркменией в области жилого строительства, выражавшихся в явном сходстве таких построек, как жилой дом к востоку от Султан-калы в Мерве, Яккипер у поселения Гиркоу-тепе и дома № 1 в поселении близ Замахшара, в урочище Дарьялыккуль, развивавших центрическую схему планировки, несомненно, заслуживает внимания. Совершенно отчетлива близость общих черт плана и более мелких домов рядовых горожан Яс-тепе и общинников Кават-калинского оазиса. В обоих случаях наблюдаются входные айваны, лестничные подъемы и центральный коридор (или прямоугольная продолговатая комната) с двумя противоположными выходами. Совпадает и такая деталь, как выделение в коридоре предвходного тамбура-вестибюля. Наличие столь сходных вариантов легко объяснить близким соседством и культурными контактами, общностью экономических процессов в эпоху развитых феодальных отношений. Раскопки на городищах Шехр-Ислам, Чугундор, Султан-кала в Мерве постепенно расширяют представление о городских домах XII — начала XIII в. в Южной Туркмении, показывая, что в основе их планировки могут лежать различные схемы. В Шехр-Исламе вскрыто несколько построек, которые их исследователь Е. Атагаррыев [1971, 147—149, 169] сравнивает с трехкамерными жилищами малоазийских туркмен, включающими спальню-гостиную, кухню и кладовую [см.: Еремеев, 1963, 175]. Действительно, по функциональному составу и убранству отдельных помещений сопоставляемые жилища обнаруживают известное сходство. Однако сама композиционная схема шехр-исламских жилищ как будто отступает от трехкамерных малоазийских домов. Впрочем, с выводами следует подождать до расширения объема раскопок Шехр-Ислама и подробной их публикации. В Мерве раскапывается дом богатого горожанина, в котором есть ряд элементов сходства с некоторыми хорезмскими жилыми постройками, прежде всего центричность плана. Мервский дом

обильно украшен резными ганчевыми панелями, росписью. Отдельные помещения вымощены обожженными кирпичами [Лунина, 1968, 27; ее же, 1970, 44].

Все прочие известные нам дома, развивавшие центрическую схему и по-прежнему популярные в жилом строительстве Средней Азии, уже гораздо менее близки хорезмским. Например, постройки, открытые в Красноречен-ском поселении в Киргизии [Кожемяко, 1967, 56—90], хотя и обнаруживают известное сходство с хорезмскими как общими чертами планировки, так и наличием сходных деталей (входной айван, тандыровидные очаги), все же представляют собой гораздо более далекий вариант этой схемы, нежели южнотуркменские дома XI—XII вв.[5].

Насколько можно судить по предварительным публикациям, в усадьбах Садыр-кургана в Киргизии также можно заметить отдельные совпадения в убранстве жилых помещений сравнительно с хорезмскими жилищами, но их меньше, чем в красноречен-ских постройках.

Жилые дома значительно менее отдаленной, нежели красноречен-ское городище, Вараxши (правда, несколько более раннего времени — IX—X вв.) уже не показывают близких хорезмским постройкам параллелей, однако при скудости имеющихся в нашем распоряжении материалов представляют определенный интерес [Шишкин, 1963, 97—106]. Дома были пристроены к городской стене так, что она являлась одной из их стен. Каждый дом состоял примерно из пяти-шести комнат. Общая площадь жилищ колебалась в пределах от 160 до 180 *м*; их планировка, в общем, была единообразной.

Центром дома служил открытый дворик, возможно вымощенный кирпичами. Располагавшиеся вокруг комнаты легко различаются по назначению: имелась кухня с одним или двумя очагами, в отдельном помещении устанавливался танур (или тандыр), выделялась комната с ташной, были кладовые. В. А. Шишкин справедливо сравнивает эти дома с бухарскими конца XIX — начала XX в. [1967, 97 и сл.]. Действительно, в сопоставляемых постройках наблюдаются известные черты сходства: двор посредине дома, специально выделенное помещение для умывания, заставляющее вспомнить бухарский мадон (комнату для умывания), обширное помещение в южной части одного из варахшинских домов (параллель летней, самой большой комнате бухарского дома?). В то же время не все варахшинские жилища единообразны. С. К. Кабанов указал также на отсутствие признаков деления на мужскую и женскую половины, столь обычного для позднейших бухарских домов [1958, 95—125].

В связи с этим стоит отметить, что в домах малосостоятельных горожан, которым, по мнению В. А. Шишкина, принадлежали рассматриваемые постройки, такое деление вряд ли могло быть резко выражено. Так, по данным этнографии, в домах рядового населения Южного Хорезма существовала только одна комната — михман-хана; она и была предназначена для приема гостей, к ней сводилась вся мужская «половина». То же самое мы можем сказать о жилищах более ранних, выявленных разведками и раскопками.

Совсем другое наблюдается в домах хивинской знати: там всюду было два двора — внешний, где хранился хозяйственный инвентарь и принимали гостей, и внутренний, где распоряжались женщины [Сазонова, 1952, 285]. Таким образом, варахшинские дома отличались от средневековых хорезмских; очень важно то, что в X—XI вв. уже начинал складываться тип домов, который впоследствии был назван бухарским.

О средневековых жилищах на городище Афрасиаб судить пока трудно, несмотря на большие масштабы работ. Вскрывающиеся там крупные, многокомнатные постройку относятся преимущественно к несколько более раннему, чем интересующее нас, времени — IX—X вв. Существенной чертой одного из исследованных жилищ является разделение его на две части — хозяйственную (кладовые, кухня) и гостиную с большой михман-ханой [Ташходжаев, 1970, 53—54]. Раскопанный же на городище квартал IX—X вв. может не дать типичной картины в силу его специфики: здесь в какой-то период находились бани [Шишкина, 1973, 117—157]. Большая площадь жилой застройки XII в. вскрыта на городище Карабулак [Брыкина, 1974, 11—41], но частые перестройки, к сожалению, лишают целостности общую систему взаимосвязи помещений. Нельзя заметить и каких-то стабильных черт композиции жилья, в целом несходного с хорезмским.

В свете намеченных в предшествовавшей главе параллелей интересно отметить, каким было иранское жилище XI—XII вв. К сожалению, судить о нем можно лишь в какой-то

[5] Объясняя причины сходства типов жилых построек, следует, вероятно, принимать во внимание не только общность социально-экономических процессов, порождающих сходные явления в области культуры, природные условия и культурные контакты, но и этнические взаимосвязи. Иначе трудно объяснить, почему, например, в Бухаре и Хорезме, где указанные условия заметно не различались, жилые постройки совершенно различны.

мере по данным, относящимся к позднесредневековому периоду. Как показывают эти материалы, часть существовавших в то время вариантов жилищ, безусловно, восходила к древним прототипам. Возникновение локальных вариантов домов во многом объясняется разнообразием географических, климатических и этнических особенностей каждого района, хотя эта взаимосвязь, к сожалению, еще не изучена должным образом. Фасад дома, выходивший в сад, мог иметь три типа: открытый большой айван — реминисценция парфянских и сасанидских времен; айван наподобие колонного портика, расположенного либо во всю ширину фасада, либо только в центре, в виде углубленной ниши с двумя колоннами — в областях, где был лес (Азербайджан, Шираз, Исфахан); центральный портик на всю высоту дома или начинавшийся только во втором этаже [Pope, 1939, 1222; Wulff, 106—107].

В больших домах мог быть андарун — двор с собственными строениями. Во дворцах и прочих богатых зданиях бывало несколько таких дворов. В Мазандаране андаруна не было, а ставился отдельный дом во внутреннем дворе поблизости от главных строений. В Кашане все дома строились вокруг четырехугольного двора, причем южную его часть занимал летний дом с очень толстыми стенами. Одна из его комнат могла быть перекрыта куполом [там же]. Наконец, были загородные многоэтажные дома-башни с центральной комнатой, идущей на всю высоту дома, с кольцевой галереей наверху [Reuther, 549].

Мы считаем, что часть этих зданий, безусловно, восходит к глубокой древности, в первую очередь, по нашему мнению, дома с центральным портиком или айваном, расположенным на одной стороне окруженного стенами двора [см. также: Planhol, 1968, 436].

Из этого краткого обзора следует, как нам кажется, что рядовое хорезмское сельское жилище рассматриваемого периода не находит прямых параллелей среди жилых построек Ирана, представляя собой совсем иные типы.

СЕЛЬСКИЕ ЖИЛЫЕ ДОМА ХОРЕЗМА В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В середине XIV в., как видно из первой части книги, кое-где прослеживаются традиции жилого строительства предшествовавшей эпохи, но в вариантах, несколько отличавшихся от него и гораздо более примитивных. Основная же масса обследованных нами жилищ принадлежала к совсем иным формам, незнакомым или малознакомым по поселениям XII—XIII вв. Это легко объясняется в первую очередь тем, что они находились на далеких окраинах страны, отличавшихся от центральных областей физико-географическими особенностями, несколько иным складом хозяйства и, по-видимому, другой социально-экономической структурой. Могли сыграть роль и этнические моменты, о чем подробнее речь пойдет ниже.

Изученные материалы позволяют выделить следующие типы жилищ, существовавшие в середине XIV в.

1. Численно преобладали дома из одного или двух-трех (редко более) помещений, поставленных в один ряд. Как правило, к одной или нескольким сторонам жилища примыкали неправильных очертаний ограды, вероятно скотные дворы. Помещения могли быть равновеликими и разновеликими, с выходами в одну или разные стороны (поселения у Ак-калы, Шахрлика, Акча-Гелина). Поселения у Ак-калы, как показано в первой части книги, сплошь состояли из подобных жилищ, их много и в окрестностях Шахрлика; в Акча-Гелинском поселении такие дома составляли меньшинство. В поселениях Шахрлика встречались трехкомнатные постройки, где среднее помещение служило, видимо, коридором, будучи много у́же двух соседних. Вариантами описываемых жилищ являлись постройки менее правильного плана: помещения в них были смещены по оси; они соприкасались углами, поставлены под углом и т. д. Большинство домов этого типа ориентировалось углами по странам света, входы располагались преимущественно по южной стороне. Комнаты во вскрытых нами домах совмещали в себе функции жилых и хозяйственных (раскопки в поселениях у Ак-калы и Шахрлика). Размеры этих построек в редких случаях превышали 100 *кв. м*. Как показано в первой части книги, столь простые по плану постройки встречались в Хорезме уже в эпоху ранней античности, например у Дингильдже (хотя назначение их пока не установлено раскопками), и продолжали строиться в дальнейшем, используясь и как хозяйственные (Акча-Гелин), и как жилье (у Замахшара). Такие же постройки, датируемые XVI в., мы исследовали в районе Дэв-Кескен-калы и Ак-калы. Совершенно однотипные жилые постройки Машрык-Сенгира относятся к XIX в. Последнее сопоставление могло бы привести к мысли об этническом родстве обитателей этих жилищ, исключая, конечно,

как в данном случае, постройки, датирующиеся первыми веками нашей эры. Однако дома узбеков-дурменов Кафирнигана и Бабатага, переходивших к оседлости, мало чем от них отличаются [Борозна, 1966, 105].

2. Продолжали строиться дома с центральным коридором (Акча-Гелинское поселение, район Шахрлика), хотя столь совершенных в своем роде построек с правильными пропорциями и соотношением сторон, какие существовали в Кават-калинском оазисе, в указанных поселениях нет. Дома растягивались вширь за счет несимметричности обеих половин относительно продольной оси и введения обширных помещений для скота. О наличии вторых этажей можно догадаться только по утолщению стен коридора в некоторых постройках; специальные лестничные клетки отсутствуют. Стыки стен сделаны не под прямым углом.

Найдено много домов и со сквозным центральным коридором, в котором выделены входной айван и предвходной тамбур, как это делалось ранее в домах с центральным коридором (поселение близ Замахшара, Айгельды, Кават-калинское поселение). Но в целом первоначальная схема предстает в упрощенном и искаженном виде. В постройках, как и раньше ориентированных углами преимущественно по странам света, со входом в южной стороне, различались жилые и хозяйственные помещения, причем в акча-гелинском доме жилые комнаты выделены в одну половину. Нельзя сказать того же о шахрликском доме, где они занимали обе половины, каждая из коих являла собой хаотическое скопление маленьких комнатушек с обилием очагов (размеры жилищ — от 100 до 200 *кв. м*, чаще — 150 *кв. м*).

3. Самые крупные постройки включали различной величины жилые ячейки описанных выше типов, как бы нарацивавшиеся уступами. В некоторых случаях дом с центральным коридором обрастал с обеих сторон группами сообщавшихся с ним или изолированных помещений. В отдельных домах составные части могли соединяться крытыми проходами-коридорами. С противоположных сторон к описываемому жилищу были пристроены поставленные в один ряд хозяйственные помещения, часто больших размеров, которые можно считать скотными дворами. Дома постепенно растягивались вширь, по поперечной оси и приобретали неправильные, асимметричные очертания. Длина таких построек достигала 45 *м*, площадь — 350 до 450 *кв. м* и более (дома № 1, № 34, № 40, № 41 и другие в шахрликских поселениях, № 1 в поселении Куня-Уаз II).

Есть основания полагать, что дома подобной планировки были характерны и для застройки городских предместий, судя по тому, что они, как указывалось, открыты в ближайших окрестностях Ярбекира, а также в кварталах золотоордынского Миздахкана. Последнее особенно важно, так как Миздахкан был расположен в столичном районе Хорезма (XIV в.).

4. Совершенно своеобразные жилые постройки открыты в поселении Куня-Уаз II. Раскопанный дом состоял из двух ячеек; одна из них, более крупная, кажется основной, вторая, меньшая,— возникшей позднее, «дочерней», отпочковавшейся от главного «семейного ствола». Основная ячейка, однокамерная постройка неправильных очертаний, была разделена перегородкой на две неравные части. Одна из них совмещала жилые и хозяйственные функции, другая служила, вероятно, «чистой половиной», где в нишах хранились утварь и прочие вещи (поселение Куня-Уаз II). «Чистая половина» заглублялась по отношению к уровню такыра, являясь полуземлянкой. В поселении эти двухкамерные ячейки примыкали друг к другу по две, по три, образуя сложные комплексы.

В каждой из ячеек располагался очаг одного и того же типа. Пространство между обеими камерами получало вид небольшого, близкого к квадрату, помещения с пахсовой угловой очажной вымосткой и закромом. Перед выходом из дома устраивался навес с суфой под ним (размеры домов в поселении Куня-Уаз — 50—60 *кв. м*).

Все сельские жилые постройки середины XIV в. возведены из пахсы. Строительные конструкции и строительные материалы не изменились сравнительно с предшествующим периодом. В какой-то степени новшеством (может быть, только потому, что более ранние постройки на данных территориях остались неизвестными) являются пахсовые цоколи, на которые ставило свои жилища население западных и северо-западных окраин Хорезма.

Обожженные кирпичи в рядовых домах использовались редко даже для отделки интерьера. Значительно шире они применялись для этой цели в описанных выше крупных жилищах, где такими кирпичами облицовывалась поверхность суф и вымащивались полы в некоторых помещениях. Дома, принадлежавшие состоятельным людям, отделывались к тому же поливными плитками и украшались резным алебастром. По-прежнему делались застекленные окна. Как и раньше, в числе помещений встречались ванные комнаты с несколькими резервуарами для воды. Очаги в рассматриваемых жилищах мало отличались

от более ранних, устроенных в специальных кирпичных или пахсовых вымостках и вмазанных в пол тандыровидных (типа тандырча). Однако в домах поселения у Ак-калы очаг — это уже (за редким исключением) не специально сделанный керамический, а его подобие: вырезанное в земле и обмазанное глиной углубление. Шире распространились подковообразные очажки из глины или обожженных кирпичей, уже появившиеся в конце хорезмшахского периода. Но в целом, несмотря на сохранение старых традиций в убранстве помещений, рядовые дома этой эпохи сильно уступали более ранним (особенно строившимся в центральных районах страны) в отделке и качестве строительных материалов, не говоря уже о планировочной композиции.

Комнаты, в которых суфа занимала значительную или даже бóльшую часть их площади, становятся одним из самых важных элементов планировки жилища. Нам кажется весьма существенным, что в большинстве случаев в отличие от прошлой эпохи суфа занимала уже бóльшую часть площади, причем очаг располагался на ней, а не посредине комнаты на полу, как это было ранее. Планировку таких помещений можно сравнить с внутренней организацией домов таджиков верховьев Зеравшана [Воронина, 1953, 176; А. С. Давыдов, 1973, 60—64 и сл.; Писарчик, 1970, 70—82].

Еще большее, несомненное сходство с ними обнаруживают помещения, раскрытые в верхних слоях городища Отрар и датируемые XVI—XVIII вв. [Ерзакович, 1972, 504; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1973, 446—447; Ерзакович, 1973, 188, 189; Акишев, Ерзакович, 1974, 462]. Исследователи отмечают, что в состав каждого дома кварталов Отрара входило жилое помещение площадью до 45 *кв. м*, бóльшую часть которого занимала суфа, она использовалась для различных хозяйственных нужд, на ней были очаги, причем один из них, тандыровидный, вмазывался в ее край. Возле суфы всегда находился водослив-ташна. Указанные авторы сравнивают с этими комнатами упоминавшиеся помещения таджиков верховьев Зеравшана и позднейшие казахские дома, опубликованные В. В. Востровым [см.: Востров, 186, 187], с которыми, по нашему мнению, некоторое сходство имеют жилища куня-уазского поселения. Вместе с тем суфы отрарских комнат обогревались канами, в то время как в описываемых жилищах Хорезма канов не было. Они появились здесь несколькими столетиями позднее в домах городища Куня-Ургенч [Федоров-Давыдов, 1958, 508], т. е. тогда же, когда существовали отрарские жилища, о которых идет речь. Вероятно, это нововведение было связано с переменами в этническом составе населения Хорезма.

В отрарских жилищах зафиксирована еще одна весьма интересная бытовая подробность. Там впервые, как отмечают исследователи, открыты полностью сохранившиеся стенки закромов, достигавших высоты 1,5 *м*; в основаниях закромов на высоте около 0,5 *м* от поверхности пола были проделаны овальные отверстия [Акишев, Ерзакович, 462]. Последнее заставляет вспомнить зернохранилища в туркменских усадьбах Пештака [Левина, Овезов, Пугаченкова, 23] с отверстиями для проветривания, а также очень высокие закрома в некоторых постройках поселения Акча-Гелин I и кладовую с овальным сквозным отверстием в доме № 17. Эти параллели с туркменским жилищем можно продолжить. Так, все варианты жилищ, выделенных нами в I тип (состоят из нескольких, поставленных в один ряд помещений), находят полнейшие аналогии среди жилых построек хорезмских туркмен, исследованных Б. И. Вайнберг в урочище Куня-Уаз, а также в поселениях по Дарьялыку (см. типы I—IV в работе [Вайнберг, 1959, 36—39]).

Жилища, датируемые XVI в., в виде поставленных в один ряд помещений открыты нами в ближайших окрестностях Ак-калы и Дэв-Кескен-калы [Неразик, 1973, 118—120]. Совершенно однотипны им жилые постройки туркменского поселения Машрык-Сенгир, относящиеся к XIX в. Мало чем отличаются от них дома в поселении Анау на юге Туркмении [Левина, Овезов, Пугаченкова, 1953, 15]. Исследователи туркменской народной архитектуры обнаружили любопытное обыкновение анаулинцев сооружать на окраинах садов и огородов глинобитные тумбообразные возвышения высотой 1,5—2 *м*, на которых стояли сторожа, отгонявшие птиц [Дмитриев-Кавказский, 1894, 88, 100].

Аналогичные «тумбы», которые можно принять также за развалины дингов, обнаружены нами в некоторых поселениях эпохи Золотой Орды (Акча-Гелин I, поселение в точке 845). Вряд ли случайно, что их нет ни в других поселениях этого времени, ни в более ранних, например в Кават-калинском. Если наличие этих «тумб» рассматривать на фоне необычного для Хорезма проживания людей компактными большими поселениями, то станет понятным своеобразие золотоордынского этапа, вызванное и нарушением старых традиций (хотя и не исчезнувших вовсе, особенно в центральных районах) монгольским нашествием, и разрушением страны с последующим возрождением некоторых районов, но уже на новой этнической основе.

Таким образом, вместе с исследованием хорезмских поселений золотоордынского времени мы вступаем в мир иных связей, чем те, которые возникли при знакомстве с поселениями более ранними, например с жилищами только что упомянутого Кават-калинского оазиса. Следует рассмотреть подробнее эти связи.

ЮЖНОУЗБЕКСКОЕ ХОРЕЗМСКОЕ НАРОДНОЕ СЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩЕ И ЕГО ПРОТОТИПЫ

Мы проследили, сколько позволяли имевшиеся в нашем распоряжении материалы, историю развития хорезмского сельского жилища. Несмотря на то что последние наиболее полные сведения о нем относятся к XIV в., а последующие столетия представлены выборочно, мы вплотную подошли к вопросу об истоках формирования сельского жилища современного населения, живущего на территории бывшего Хорезмского государства. Собственно говоря, мы проследили эту историю, рассматривая этапы развития жилища по данным наших раскопок и разведок. Недаром мы много раз обращались выше к сопоставлениям с южноузбекскими и туркменскими хорезмскими жилищами конца XIX — начала XX в. Это значит, что складывание основного облика таких построек уходит в древность.

Наш вывод не нов: все современные исследователи указанных жилищ неминуемо сопоставляли их с древними постройками и констатировали сходство. Однако сами эти древние постройки до последнего времени, как мы обстоятельно показали, были известны чрезвычайно мало; отсутствовали многочисленные промежуточные звенья, вернее, целостная картина многовековой истории интересующих нас построек. Поэтому сравнения проводились главным образом по линии внешнего сходства, а выводам не хватало достоверности и доказательности. Еще в 1949 г. В. Л. Воронина считала, что «особый, весьма любопытный в архитектурном отношении тип жилья представляют укрепленные усадьбы Хорезма, сохранившие почти нетронутыми черты глубокой архаики и раннего средневековья» [Воронина, 1949, 81—82]. В другой работе она же называла хивинские хаули «сколком раннесредневекового укрепленного жилища усадебного типа» [1960, 510], подразумевая под последним усадьбы XII в. в Кават-калинском оазисе, сопоставленные в свое время М. В. Сазоновой с южнохорезмским узбекским жилищем [Сазонова, 1952, 285 и сл.].

Однако эти сравнения носили самый общий характер. Как показано выше, лишь В. А. Лавров попытался проследить эволюцию хорезмского жилища, но материала для этого тогда (1950 г.) еще явно не хватало.

Что же такое хаули узбеков Южного Хорезма? Отсылая к названным выше подробным публикациям [см. также: Жилина, 1969, 31—43; ее же, 1970], приведем краткое описание одного из характерных жилищ данного типа, исследованных в окрестностях Хивы в 1966 г., когда автор этих строк работал в составе этнографического отряда, возглавляемого Г. П. Снесаревым.

Строения, о которых пойдет речь, возведены 50—60 лет назад. В доме Рузмата Машарипова (размер постройки — 30×15 *м*) проживало 16 человек: отец и два его женатых сына с детьми. По оси дома проходил широкий коридор (далан), продолжением которого служил более узкий проход (дализ), чуть смещенный в сторону по отношению к центральной оси постройки. У входа в далан находилась михман-хана, напротив нее — дукан-хана (мастерская): хозяин занимался изготовлением ароб, как и многие в этом селении. Далан открывался в широкий крытый дворик, где стояли арбы, лошади, хранились продукты, запасы сена и соломы для скота. Через дверь в перегородке, отгораживавшей далан от дализа, можно было попасть в жилую часть дома: здесь по обе стороны коридора находились комнаты сыновей и отца. Выход из дализа вел на айван, куда открывались окна крайних жилых комнат. Над дализом был второй этаж — телек (кладовая для продуктов). Очаги для приготовления пищи помещались в дализе (зимний) и на айване (летний).

Сходный, но несколько более сложный план имел дом М. Рузматова в том же селении, превышавший описанный размерами (31,8×22,4 *м*).

Обычно исследователи приводят описание именно этого типа жилища с его характерным членением на хозяйственную половину — дечан-хаули и жилую — ичан-хаули. Но был ли это единственный тип дома в Хивинском оазисе? Уже материалы Н. Муравьева позволяют догадываться, что помимо описанных хаули существовали и какие-то другие [Муравьев, 129]. Гиршфельд и Галкин отметили, что «бедняки... без различия пола живут в одном помещении» [1903, 123] в отличие от хаули зажиточных хивинцев, с разделением мужской и женской половин. Описание хивинских хаули, приводимое М. Иванины м [1843, 111] и Н. Даниловским [1851, 105], также вряд ли можно считать тождественным: один упоминает о раз-

делении дома на две части стеной, другой — крытым коридором, по обе стороны которого лежали четырехугольные, обстроенные по периметру дворы. По-видимому, различие можно объяснить тем, что исследователи описали жилища людей разной зажиточности. В этом предположении нас укрепляет публикация М. В. Сазоновой, которая приводит фактически три, хотя и близких, типа хаули. К одному можно отнести дома зажиточных семейств Максумляр и Матраим-бая, к другому — описанные выше крупные большесемейные хаули, третий, как нам кажется, представлен сравнительно небольшим домом Якуббая Джуманиязова из Турткуля.

Последний можно сравнить с жилищами также неразделенной, но уже сравнительно небольшой семьи, состоящей из брачных пар двух поколений (например, родители и женатый сын). Исследователи считают, что такая семья — переходной этап от большой патриархальной семьи к малой [Сухарева, Бикжанова, 1955, 173—177]. Современные варианты этих построек, обследованные в Хивинском районе [Жилина, 1969, 37, рис. 4], сохраняют некоторые старинные черты: центральный коридор — далан, высокий зимний айван.

Даже беглого взгляда на планы большесемейных крупных хаули и жилищ типа дома Якуббая Джуманиязова достаточно, чтобы увидеть множество признаков сходства. Оба типа жилищ представляют собой близкие варианты, отличающиеся лишь усложнением *плана по мере увеличения состоятельности* и численности семьи. Жилая ячейка, основой композиции которой является центральный коридор и высокое помещение — айван, почти без изменения повторяется в обоих случаях, только в небольшом доме она взята как бы в «чистом» виде. План большесемейного хаули усложнялся добавлением хозяйственной ячейки, подводившейся под общую кровлю с жилой. В небольшом доме в связи с отсутствием такого деления по обе стороны коридора находились и жилые и хозяйственные комнаты, и помещения для скота. Одну или несколько тех же жилых ячеек с центральным коридором, только зачастую в более сложном виде, с двух- или трехкомнатными жилыми секциями для жен хозяина дома и других членов его семьи, можно увидеть в планировке хаули [Сазонова, 1952, 286, рис. 18] зажиточных семейств типа семьи Максумляр или Матраимбая, о которых писала М. В. Сазонова. Однако план этих хаули имеет иной вид: они выглядят подчас громоздкой системой дворов с периметральной застройкой.

Нет надобности пространно доказывать сходство этих южноузбекских хаули и их «археологических предшественников» VII—XIV вв. Сделанные выше сопоставления, как нам кажется, достаточно убеждают в этом. В самом деле, уже в VII в. в обширном оазисе на правом берегу Амударьи существовали усадьбы, которые можно рассматривать как далекие прототипы сельских хаули XIX—XX вв. Предыстория этих раннесредневековых построек не выявляется; кажется, что они в уже сложившемся, законченном виде появились в V—VII вв., настолько они отличаются от хорезмских жилищ первых веков нашей эры.

Последовавшие за VIII в. столетия внесли свои добавления в существовавшую схему. Сельское жилище XII — начала XIII в. уже мало чем отличалось от хаули узбеков Южного Хорезма (если иметь в виду только жилую часть дома). Появление кладовых во втором этаже над входом, этих прообразов южноузбекских телеков, формировало архитектурный облик жилой ячейки с центральным коридором (рис. 109). Что же касается другого ее основного компонента — высокого зимнего айвана, то отличить такое помещение от других при большой степени разрушения и при равной толщине стен всех комнат дома крайне сложно. Но в средневековых хорезмских постройках высокие залы, как мы видели, выделялись утолщением стен. Высокий двусветный зал широко известен в архитектуре Востока, в том числе и Средней Азии, с глубокой древности. Выше упоминалось центральное, *перекрытое куполом высокое квадратное помещение* в донжоне Якке-Парсана. Такие высокие центральные купольные помещения продолжали строиться в жилищах Южной Туркмении и в последующие времена, а мы уже отмечали, что некоторые направления архитектуры Южной Туркмении и Хорезма развивались (во всяком случае, с раннего средневековья) сходными путями. Ряд признаков позволяет предположить наличие высокого двухсветного зала в доме № 21 в поселении XII — начала XIII в. близ Замахшара. Еще большее сходство с зимними айванами хорезмских хаули имеет большое помещение с центральной колонной в доме № 2 того же поселения, уже сближающееся с ними не только двусветностью, но и чертами внутреннего облика.

Выше речь шла о формировании жилой ячейки: большинство раскопанных и обследованных нами жилых домов представляет собой именно такую жилую ячейку, чаще всего стоящую отдельно. Лишь иногда к ней примыкали хозяйственные постройки. Это сравнительно мелкие жилища.

Крупные средневековые дома являют собой сложный организм, составленный из ряда

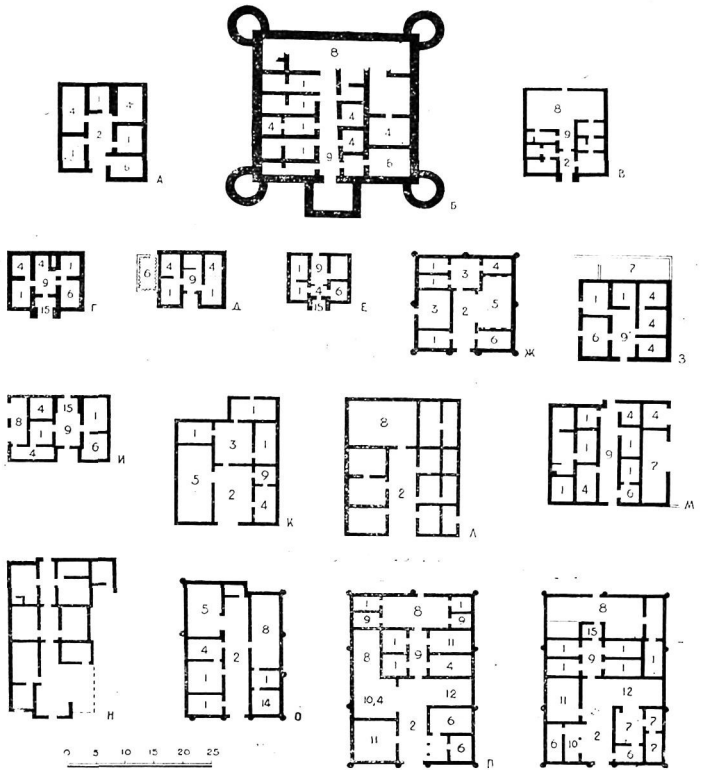


Рис. 109. Сельские жилища Хорезма
Таблица планов:

А — нижний этаж донжона замка № 92 в Беркут-калинском оазисе (VII—VIII вв.); Б — усадьба № 28 (VII—VIII вв.) в Беркут-калинском оазисе; В — усадьба № 136 (VII в.) в Беркут-Калинском оазисе; Г, Д — дома № 60 и № 1 в Кават-калинском оазисе (XII — начало XIII в.); Е — дом № 2 в Айгельды (XII — начало XIII в.); Ж — дом Якуббая Джуманиязова в Турткуле (XX в.); З — дом № 20 в поселении в урочище Дарвазак-кузь (XII — начало XIII в.); И — дом № 18 в Акча-Гелинском поселении (середина XIV в.); Л — дом на Чермен-ябе (XII — начало XIII в.); М — дом № 4 в поселении I близ Шахрлика (XII—XIV вв.); Н — дом на Чермен-ябе (XII — начало XIII в.); *К, О;* П — дома начала XX в. на территории современной Хорезмской области (УзССР):
1 — жилое помещение; *2* — широкий коридор (далан); *3* — высокий закрытый айван; *4* — кладовая; *5* — конюшня; *6* — михман-хана; *7* — помещение для скота и кормов; *8* — открытый дворик с летними айванами; *9* — коридор в жилой части дома (далан); *10* — помещение для сбруи; *11* — помещение с маслобойкой, с мельницей; *12* — скотный двор; *13* — мастерская; *14* — кухня; *15* — телек кладовая в верхнем этаже

элементов. Сочетаясь в различных композиционных вариантах, они приближались к тому образованию, которое известно как южноузбекские хорезмские большесемейные хаули. Пожалуй, ближе всего к ним некоторые крупные жилища в Кават-калинском оазисе, прежде всего безымянный дом на юго-восточной окраине оазиса. Жилая ячейка с несколькими подъемами наверх и обширным прямоугольным центральным помещением входила здесь в единую систему с другой частью дома, где значительную площадь занимали дворы. Можно предположить (дом не раскопан), что в этой части жилья, располагавшейся на первом плане, сосредоточивались хозяйственные помещения.

В доме № 43 также прослеживается членение на жилую ячейку — дом с центральным коридором — и примыкавшее к ней строение с большим (в числе других комнат) помещением длиной 16 *м*, возможно, крытым двором. Обилие в нем таких бытовых деталей, как очаги, выкладка под жернов, складские ямы, не оставляет сомнения в том, что эта часть дома соответствовала позднейшей дечан-хаули — внутренней, женской части дома. Однако описанные две постройки — редкое явление в Кават-калинском оазисе, где чаще всего хозяйственные постройки (а до раскопок об их назначении можно судить только предположительно) стояли отдельно от жилья, в черте усадьбы, или примыкали к дому, не составляя с ним в планировочно-композиционном отношении единого целого.

Нельзя не упомянуть также о доме № 2 в поселении близ Замахшара. Самая яркая особенность его планировки — отчетливо выраженное членение на две половины проходящей посредине стеной. Южную половину дома можно считать жилой. Она состояла из стандартной ячейки с центральным коридором и двухкомнатных секций.

Северная половина дома была разграничена параллельными стенами на двух-трехкомнатные секции, но занята преимущественно обширными помещениями, в которых можно предположить зимний айван, внутренние дворики и комнаты для хранения какой-либо хозяйственной утвари. В находившейся здесь же трехкомнатной, богаче прочих отделанной секции узнается михман-хана. Планировка этого дома заставляет вспомнить описание домов хивинцев, данное М. И. Ивариным, посетившим Хивинское ханство в середине прошлого столетия. По его словам, «каждый хозяин дома вокруг двора своего делает глиняную стену или вал толщиной 1 саж., а вышиной 1,2 саж. и более. Двор бывает разгорожен надвое; в передней части, т. е. в примыкающей к дороге или к каналу, устраивается дом для гостей, конюшня, сарай, помещаются скот и повозки. В задней строится дом для хозяина и жен его, кладовые, или, если место высоко, то роются ямы для складки зернового хлеба» [Иванин, 1843, 111]. В последней фразе перечислены все те элементы, которые имеются в южной половине дома № 2 в поселении близ Замахшара (точки 707—709). Кстати, она также является «задней»: к каналу, русло которого зафиксировано рядом с домом, обращена его северная половина.

Наличие разноплановых жилых ячеек, жилых секций, поставленных в один ряд, позволяет сближать замахшарский дом, с одной стороны, с хаули состоятельных хивинских больших семей типа Максумляр или Матрим-бая, о которых упоминалось выше, а с другой стороны — с жилищем хорезмского феодала VII—VIII вв., замком Якке-Парсан, хотя, конечно, замахшарский дом гораздо скромнее.

В самом деле, уже в Якке-Парсане мы наблюдаем те же основные элементы композиции, что и в перечисленных постройках: трехкомнатные жилые секции из жилого, складского помещений и, может быть, айвана; жилой дом с центральным коридором, только многокомнатный, в отличие от четырехкомнатного замахшарского, но также органически входящий в общую застройку; обширные залы или внутренние дворики общего пользования. Однако расположение всех этих компонентов планировки во всех случаях различно. В Якке-Парсане застройка огромного дома-массива, которым являлся замок, была лимитирована его крепостными сооружениями — мощными стенами с оборонительными башнями и жилой башней-донжоном; узкое пространство между ними и отводилось под застройку.

Упомянув донжон, мощно высившийся на огромном пахсовом цоколе над жилыми и хозяйственными комплексами, следует провести еще одну параллель: с башнями, строившимися в загородных хивинских крупных усадьбах или дворцах, например во дворце Мадамин-хана[6]. Эти башни внешне очень похожи на раннесредневековые донжоны своими очертаниями и расположением в системе планировки всей постройки. Наличие многочисленных мелких ниш в стенах одной или даже нескольких комнат вызывает ассоциации уже с другими постройками — каптар-ханами в сельских усадьбах XII — XIII вв. Полагают, впрочем, что в архитектурном отношении каптар-хана — прямое продолжение донжонов VII—

[6] На эти своеобразные сооружения наше внимание обратил Г. П. Снесарев, за что мы, пользуясь случаем, приносим ему свою благодарность.

VIII вв., и, следовательно, нет ничего удивительного в появлении такого гибрида в XIX—XX вв. Часть прочих компонентов плана крупных хивинских загородных усадеб тоже восходит к древности, например такой композиционный момент, как большой, обстроенный помещениями двор в парадной части с открывающимся в его пространство глубоким айваном. Выше показано, что такие дворы стали важной деталью плана дворцов или просто богатых домов уже с парфянского времени.

Внутренние комплексы рассматриваемых зданий состояли из множества жилых ячеек центрической схемы или с центральным коридором, соединенных в разнообразных вариациях.

Было бы, однако, ошибкой считать, основываясь на всем сказанном, что в XII — начале XIII в. складывались все типы сельских жилищ, известные впоследствии под названием хорезмских южноузбекских.

Если можно утверждать, что в эту эпоху формируется в общих чертах сама жилая ячейка с центральным коридором, то иначе обстоит дело с большесемейным хаули в целом. Как мы только что показывали, замахшарский дом и особенно кават-калинские усадьбы являются близкими к ним вариантами, в которых уже наблюдается характерное деление на жилую и хозяйственную части. Заметим при этом, что замахшарский дом вытянут по поперечной оси, тогда как для южноузбекских хаули типично сочленение по продольной оси далан — дализ. В этом отношении к ним ближе усадьбы Кават-калинского оазиса.

Для всех «археологических прототипов» рассматриваемых хаули типична и слитная застройка хозяйственной части вместо свободного расположения помещений в дечан-хаули. Здесь почти нет обширных незастроенных участков, больших дворов, крытых или тем более открытых проходов типа широкого далана. До сих пор не обнаружены здесь скотные дворы, хотя пребывание небольшого количества скота в некоторых помещениях зимой вполне допустимо. В то же время скотный двор, конюшня и прочие хозяйственные помещения, соединенные одной крышей с жильем, занимали в южноузбекских усадьбах большую площадь. Даже в небольших жилищах узбеков *конюшня и помещения для скота включались* в общую систему, объединяясь с другими комнатами общим коридором.

Лишь в некоторых из исследованных нами домов XII—XIV вв., например в окрестностях Шахрлика, можно предположить наличие помещения для скота, которое располагалось сбоку, изолированное от жилья и с отдельным выходом. Следует при этом учесть, что район Шахрлика находился в совершенно иных географических условиях, чем ядро Хорезмского оазиса, на далекой его западной окраине, где в хозяйстве большую роль играло скотоводство. Возможно также, что население там состояло из полуоседлых в прошлом групп. В средневековых же оазисах, расположенных ближе к берегам Амударьи, скотные дворы были отделены от жилья; по-видимому, они находились неподалеку. Надо полагать, что при доме едва ли содержалось много голов скота, как это практикуется и теперь, когда основная часть стада выпасается на далеких пастбищах.

Хорошо известно, что в истории земледельческого населения (и полуоседлых скотоводческих племен по мере их оседания) вне зависимости от его местожительства прослеживается тенденция изолировать помещения для скота от жилья. Если на ранних стадиях развития жилища скот помещался там же, где и хозяева дома, то позднее, с усовершенствованием жилья в результате развития экономики и культуры, место для скота уже отделялось перегородкой. На следующем этапе для скота делалась пристройка сначала с общим входом, а затем и с отдельным. Наконец, у наиболее состоятельных хозяев появлялись отдельные постройки для скота [Гроздова, 307—308; 315; Листова, 198, 207; Кашуба, 83].

В истории хорезмского жилища мы не наблюдаем такого прямого развития. Если в XII—XIV вв. в ряде селений зафиксированы пристройки к дому или отдельно стоявшие постройки для скота, а в других их можно предположить, то в XIX—XX вв. они объединены с жильем общей кровлей, составляя единый организм. Не в необходимости ли такого объединения кроется одна из причин появления жилищ типа южноузбекских большесемейных хаули? Другой причиной было укрупнение семей, которое должно было, как мы предположили, произойти позже XII—XIV вв. (см. часть вторую гл. 2 настоящей книги), поскольку в указанный период, судя по размерам жилищ, произошло распадение большесемейных коллективов, существовавших в VII—VIII вв. Напрашивается вывод, что оба эти явления возникли в условиях, *сложившихся в XV—XIX вв. в Хорезме в результате* нашествия дешткипчакских племен, разорения прежде цветущих земледельческих оазисов, бесконечных междоусобиц внутри страны, оседания кочевников, усиления скотоводческого направления хозяйства и т. п. [Неразик, 1972, 53].

Исследователи, занимавшиеся жилищем хорезмских туркмен, полагают, что оно сформировалось на основе глубоких местных традиций. Так, Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева, обследовав постройки туркмен в урочище Уаз, отметили: «Внешний облик усадеб — маленьких крепостей с высокими стенами, иногда с ложными башенками — кунгре и большими воротами, а также планировка и внутренний облик в целом характерны для Хорезма и сохраняют древнехорезмийские архитектурные традиции» [Андрианов, Васильева, 1958, 41]. И далее: «В туркменских усадьбах Уаза можно проследить преемственность архитектурных традиций (в планировке, во внешнем и внутреннем облике) от раннесредневековой архитектуры Хорезма к современному туркменскому жилищу» [там же, 46]. К сожалению, авторы ограничились приведенной справкой, не исследовав подробно отмеченную ими преемственность архитектурных традиций.

Б. И. Вайнберг, обследовавшая хорезмские туркменские поселения и собравшая большой материал, пишет: «Несомненны связи туркменской и узбекской народной архитектуры Хорезма (сходство отмечается во внешнем облике усадеб, иногда в планировке), но меньше всего здесь можно говорить о заимствовании туркменами у узбеков опыта строительства, так как связи эти имеют древнюю основу» [Вайнберг, 1959, 44]. Однако эта древняя основа, к сожалению, мало показана, автор подразумевает общие моменты этногенеза современного населения Хорезмского оазиса, также еще далеко не достаточно исследованные. Упомянутые связи, по мнению автора, выражаются в общих приемах и методах строительства (причем эти связи также подробно не исследуются), в общих традициях строительства усадеб, напоминающих маленькие крепости с ложными башенками [Вайнберг, 1962, 195].

Г. Е. Марков также считает, что «на развитие современных типов жилищ туркмен оказали влияние два фактора: древние строительные традиции туркмен и влияние узбекского народного зодчества» [Марков, 57]. Тем не менее из текста самой цитируемой статьи становится ясно, что первоначальным жилищем оседающих туркмен как на левом, так и на правом берегах Хорезма были землянки, а также загоны для скота, внутри которых помещалась юрта, небольшая глинобитная постройка, либо же кепне — строение из жердей, обмазанных глиной, повторяющее форму летнего жилья. Эти сведения не дают возможности судить ни о глубоких строительных традициях хорезмских туркмен, описанных Г. Е. Марковым, ни о распространении среди узбекского и туркменского населения Хорезма общих строительных приемов и планировочных схем.

Обратимся теперь к типам жилищ хорезмских туркмен, обследованных и опубликованных Б. И. Вайнберг, наиболее подробно их изучавшей. Она посетила многие покинутые поселения в урочище Уаз, в окрестностях Куня-Ургенча и далее по берегам Дарьялыка, побывала на Машрык-Сенгире и Теке-Сенгире, открыла и исследовала Кызылча-калу — небольшой торгово-ремесленный городок. Все эти постройки относятся к XIX в.

В итоге Б. И. Вайнберг выделила пять типов туркменских жилищ. Основными их элементами были, как она установила, одно или несколько жилых помещений, поставленных в ряд, и помещения для скота, часто примыкавшие к жилым. Жильем иногда служили землянки, надстроенные одним или двумя рядами пахсы. В некоторых случаях (у салаков) глинобитных жилых построек совсем не было, их заменяла юрта. Рядом стояли вытянутые в одну линию помещения для скота; основное место среди них занимала конюшня с нишами в стенах. Иногда описываемые ячейки, будь то жилые или хозяйственные, ставились под углом или располагались хаотически. Легко убедиться, что основные черты трех из выделенных Б. И. Вайнберг [Вайнберг, 1959, 36—39] пяти типов жилищ (первый, третий и четвертый) удивительно совпадают с данными Г. Е. Маркова о хорезмском туркменском жилище, повторяющими описания этого последнего, сделанные в XIX в. различными русскими путешественниками. Согласно этим описаниям, жилище туркмен — юрты и одна-две глинобитные мазанки, окруженные скотными дворами.

Остальные два типа, по Б. И. Вайнберг (второй и пятый), отличались от вышеупомянутых. Жилища второго типа являлись многокамерными домами, зачастую с коридором посредине. Важно отметить, что его стены в некоторых случаях возвышались над соседними, образуя помещение со сквозной вентиляцией. Автор сравнивает их с закрытыми высокими айванами современного туркменского дома [1959, 38]. Ниже мы еще вернемся к этим айванам.

Что же касается жилищ пятого типа, то они представляли собой крупные постройки в виде каре высоких глухих пахсовых стен, внутри которых по периметру были располо-

жены жилые и хозяйственные помещения; застройка чаще всего не сплошная. Встречались двухэтажные кладовые — телеки или учеки,— поставленные в углу усадьбы или у ее входа. Посредине оставался незастроенный двор, где ставили юрты или легкие загоны для скота. Эти ховлы (хаули) во многом сходны с южнотуркменскими, исследованными В. А. Левиной, Д. М. Овезовым и Г. А. Пугаченковой [Левина, Овезов, Пугаченкова, 29]. Г. П. Васильева отмечает, что наряду с подобными ховлами, распространенными у иомутов, среди туркменского населения, чаще всего у емрели, карадашлы и у всех обузбеченных групп туркмен, встречались также крупные ховлы другого типа: с узким центральным коридором (дализ), шедшим от ворот [Васильева, 1969, 159].

Крупные усадьбы, безусловно, принадлежали людям зажиточным, составляя, *по подсчетам* Б. И. Вайнберг, не более 10—30% общего числа жилых построек [Вайнберг, 1961, 194]. Г. П. Васильева также указывает, что одно-двухкамерные жилища с пристроенными к ним хозяйственными постройками — конюшней, кладовой — численно значительно преобладали в Хорезмском оазисе [Васильева, 1963, 68].

Эта исследовательница считает возможным свести все многообразие вариантов жилищ туркмен Хорезмского оазиса к трем основным типам: крупные хаули с центральным коридором; крупные хаули с периметральной застройкой; простые жилища из двух-трех помещений с хозяйственными пристройками [Васильева, 1969, 159—161]. Она же приводит описание современных жилищ туркмен Хорезмского оазиса [там же, 118—172], которого мы касаться не будем. Тем не менее для лучшей ориентации в некоторых наших дальнейших сопоставлениях отмечаем вместе с Г. П. Васильевой, что в большинстве районов сейчас распространено жилище, сходное с домами узбеков Южного Хорезма и «исторически связанное с жилищем Уаза, Ханабада и других земледельческих областей западной части оазиса» [Васильева, 1969, 174]. В послевоенное время возник дом с центральным высоким айваном, куда выходят двери группирующихся вокруг комнат. По-прежнему строятся чоудорские жилища, отличающиеся своеобразными чертами и нас прямо не интересующие. Наконец, значительное место все еще занимают простые одно-трехкамерные жилища [Васильева, 1969, 180]. Последние наиболее распространены в зоне Дарьялыка.

Даже эта краткая характеристика традиционного и современного туркменского жилища поднимает ряд проблем и требует их рассмотрения в нескольких аспектах. Обратимся прежде всего к чисто типологической стороне дела.

Первый из трех выделенных Г. П. Васильевой типов традиционных жилищ хорезмских туркмен, как правильно констатирует исследовательница, представляет собой вариант южноузбекских хаули с центральным коридором. Как само это жилище, так и современные его разновидности обладают некоторыми особенностями (меньшая, чем в южноузбекском, правильность плана, разные выходы в жилую и хозяйственную части дома), сближающими их с их «археологическими предшественниками» на территории Северной Туркмении, например с крупными домами в поселениях близ Шахрлика. Важно указание Г. П. Васильевой, что такие жилища имеют традиционную планировку и развиваются уже длительное время.

Большие ховлы с периметральной застройкой кажутся нам более оригинальными. Облик их существенно дополняется силуэтом телека, давно уже сопоставленного с раннесредневековыми кёшками. Так, Г. А. Пугаченкова видит в этих кёшках «провозвестие дингов туркменской жилой архитектуры» и констатирует: «Вообще строительные традиции позднего туркменского жилища уходят своими корнями в раннесредневековую жилую архитектуру» [1958, 184]. Однако многокомнатный кёшк южнотуркменского замка VII—VIII вв. походит на динги лишь своеобразием силуэта. Гораздо более близкими ему и архитектурно, и функционально нам кажутся небольшие однокомнатные башенки, существовавшие в Беркут-калинском оазисе в начале VIII в. [Неразик, 1966, 6] и при домах в южнотуркменских городищах Мунон-тепе (X—XIII вв.) [Пугаченкова, 1958, 158—160].

Еще более интересны в этом отношении башни XII—XIII вв., открытые на Чермен-ябе и уже, по существу, ничем не отличающиеся от южнотуркменских дингов XIX — начала XX в. [Неразик, 1970б, 7—8]. Помимо того интереса, который они вызывают в типологическом отношении, их открытие ставит и другие вопросы, связанные с некоторыми различиями в путях развития жилой архитектуры левого и правого берегов Амударьи и особенностями этнокультурных процессов, протекавших там. Самое массовое из традиционных жилье (первые типы — из нескольких помещений с хозяйственными пристройками Б. И. Вайнберг и третий — Г. П. Васильевой) — очень распространенный тип жилых построек, возникающий при сходных условиях на широкой территории в разное время. Мы видели, что однорядные одно-двухкамерные домики строились в Хорезме уже в глубокой древности. В то же время отличительным признаком рассматриваемых

туркменских жилищ являются хозяйственные помещения и помещения для скота, отсутствующие в аналогичных древних хорезмских постройках. Это — жилища оседавших скотоводов, сходные с домами переходивших к оседлости полукочевых узбеков-дурменов, кунгратов, локайцев, карлуков, казахов, каракалпаков, киргизов [Борозна, 104]. Различные варианты туркменских хорезмских жилищ этого типа демонстрируют те же этапы совершенствования, что и дома узбеков-дурменов: вначале однокамерный дом, затем двухкамерный и, наконец, трехкамерный. Следует обратить внимание также на существовавшие у тех же дурменов длинные многокамерные дома, к которым, по мере разрастания семьи, пристраивалось одно или два жилых помещения каждой женатой пары с отдельными выходами [там же, 107].

Примерно такая же последовательность прослеживается в развитии казахского зимнего жилища. Однокамерная четырехугольная постройка постепенно сменялась двухкамерной, дом приобретал вытянутые очертания. Скотные дворы стали строить под одной крышей с домом [Востров, 188]. В дальнейшем появились многокамерные дома с вытянутыми в одну линию жилыми помещениями. Вход вел в среднюю комнату. В некоторых домах жилые комнаты разделялись коридором. Правда, автор связывает такое жилище с влиянием русского домостроительства [там же, 194].

Нельзя не вспомнить при этом древнеиранское жилище, просуществовавшее в Иране с некоторыми изменениями до настоящего времени, когда, в общем, повторяется та же схема.

Такова же, как мельком уже упоминалось, и примитивная ячейка каракалпакского дома, но дополняемая обширным, вытянутым во всю ширину торца дома помещением для скота, ясно свидетельствующим о направлении хозяйства его обитателей [Жданко, 1952, 539]. Мало отличаются от них мелкие дома северных хорезмских узбеков: это также два жилых помещения, между которыми располагается коридор [Задыхина, 1952, 362—363].

ДРЕВНИЕ ТРАДИЦИИ ИЛИ ВЛИЯНИЕ?

Приведенные данные показывают, что многие элементы перечисленных типов туркменских жилищ Хорезма уходят корнями в древность. Мы имеем в виду и внешнее оформление ховлы в виде небольших крепостей, и высокий центральный двусветный коридор в некоторых домах, и форму двухэтажных кладовых-телеков, и саму схему с центральным коридором, и, наконец, периметральную планировку ховлы, типологически близкую к части описанных нами усадеб средневекового Хорезма. Основываясь на этом, можно было бы предположить глубокие местные традиции, легшие в основу сложения жилищ туркмен Хорезмского оазиса.

Однако может ли в данном случае только типологическое сходство явиться основанием выводить истоки туркменских хорезмских жилищ из древних прототипов? Известно, например, что в XIX—XX вв. основная масса хорезмских туркмен жила в описанных выше однорядных примитивных жилищах и только состоятельные люди имели большие хаули с центральным коридором, которые им строили узбекские мастера [Вайнберг, 1959, 39; Марков, 48]. Примерно так же было у узбеков-дурменов: «Первые глинобитные дома на Кафирнигане были построены таджиками, которых нанимали богатые скотоводы» [Борозна, 1966, 104]. У казахов «дома баев строили обычно русские плотники и каменщики по русским же образцам» [Востров, 187].

Казалось бы, можно сделать вывод, что хаули с центральным коридором возникают у туркмен под влиянием узбекского домостроительства. Как будто бы этот вывод подкрепляют и наблюдения Г. П. Васильевой, согласно которым такие хаули характерны для «обузбеченных групп» туркмен [Васильева, 1969, 159, 174]. Другой тип туркменских ховлы с периметральной застройкой весьма близок жилищам эрсари на средней Амударье, и это сходство, пока не прослеженное в становлении, может предполагать еще один из путей формирования данных ховлы — вне хорезмской территории. Что же касается самых распространенных туркменских жилищ, состоявших из поставленных в ряд нескольких помещений, то, как мы видели, они так просты, столь распространены территориально и во времени, что необязательно должны были следовать каким-либо древним прототипам.

Эти данные, казалось бы, приводят к другому выводу, противоположному высказанному выше. Они позволяют предположить большое влияние жилой архитектуры узбеков Южного Хорезма и соседнего населения на формирование жилища туркмен Хорезма, во всяком случае, в конце XIX — начале XX в. И если бы мы располагали только материа-

лами этого позднего периода, то, вероятно, пришлось бы ограничиться этим выводом. Тем не менее оба предположения вполне согласуются, если учесть сложность этногенетических процессов, протекавших на территории Хорезма, многократность появления там туркмен, огузов и другого населения, участвовавшего в этих процессах, и пестрый этнический состав туркмен. Поэтому следует, как нам кажется, иметь в виду и возможность влияний в отдельные периоды, когда в Хорезме появлялись племена, в прошлом мало связанные или не связанные с его территорией, и общность путей этногенеза населения данной области, уже с эпохи раннего средневековья тесно соприкасавшегося с печенежско-огузско-кипчакским миром — основным субстратом формирования туркмен [Толстов, 1947, 75—102; Агаджанов, 1969, 76—77 и др.; Якубовский, 1947, 48—52].

Общность этногенетических процессов вела, естественно, к формированию общности культуры населения, но пока еще недостает сведений об этих процессах, и если уже можно, кажется, проследить хотя бы в общих чертах историю сложения хаули узбеков Южного Хорезма, то генезис туркменского хорезмского жилища представляется пока цепью со многими отсутствующими звеньями. Большой интерес представило бы исследование конкретных путей этногенеза хорезмских туркмен, которое, конечно, способствовало бы складыванию представления об истоках их материальной культуры, в том числе жилища. Поэтому мы позволим себе обратиться к некоторым фактам этой истории в связи с теми сведениями, которые получены нами в результате изучения хорезмских поселений и жилищ.

В свете этих материалов вырисовывается целая обширная средневековая область к западу от линии Туз-гыр — Ярбекир, простиравшаяся до подножия Бутен-тау на западе и берегов Дарьялыка на севере и сыгравшая важную роль в этнической истории хорезмских туркмен. Есть основания полагать, что этот район (особенно его северная часть) значительно вырос и был плотно заселен после сильного обводнения, вызванного разрушением монголами ирригационной сети и прорывом вод в Сарыкамышскую котловину. Следующее обводнение произошло после походов Тимура, когда был разгромлен Ургенч и разрушена ургенчская плотина. Сарыкамышская котловина в то время была затоплена водой, поднявшейся до самых высоких из наблюдавшихся здесь отметок. Она превратилась в большое озеро, из которого туркменские племена вывели сложнейшую ирригационную сеть [«Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», 286—312].

Запустение этих мест связано с перемещением вод Амударьи в Аральскую впадину и усыханием Дарьялыка. Лишь в XIX в. заброшенные земли были вновь освоены туркменами, построившими на Дарьялыке плотины для поднятия в нем уровня воды. Самой грандиозной из них была плотина Еген-Клыч. Тогда же здесь возникает ряд туркменских поселений, в том числе Машрык-Сенгир. Есть сведения, что на описываемой территории и ее окраинах в позднесредневековый период расселялись туркменские племена. Согласно Абульгази, они занимали Балханы, Мангышлак, берега Сарыкамышской котловины, Устюрт [Абульгази, 35, 74].

Многочисленные туркменские племена жили в Северо-Западном Хорезме, возле Ургенча, в районе Дарьялыка, где стояли города Булдумсаз, Вазир (нынешние развалины Дэв-Кескен-калы), Адак. Обитателями западных окраин Хорезма в то время были, как считает В. В. Бартольд, адаклы-хызыр, расселявшиеся по верхнему Узбою и Сарыкамышу до Туз-гыра на востоке [Бартольд, 1963, 595; см. также: Васильева, 1963, 13].

По его мнению, адаклы-хызыр составляли часть племени хызыр-эли и получили свое название по имени крепости Адак, находившейся на территории их расселения.

Согласно рассказу Абульгази о племенах али-эли, хызыр-али и тиведжах [Абульгази, 76—78], они расселялись следующим образом: от Пиштака до Кара-кичит — адаклы-хызыр; от Кара-кичит до западной стороны Балханских гор — али-эли, отсюда до устья — тиведжи (Пиштак — около развалин Зенги-баба, Кара-кичит — средний Узбой, между колодцами Якидже и Давали) [Бартольд, 1963, 595; Мошкова, 1954, 183].

Возле Ак-калы и Дэв-Кескен-калы мы обследовали поселения, состоявшие из землянок, полуземлянок и наземных жилищ, вероятно оставленные этими племенами [Неразик, 1972б, 115—120]. На поселениях обнаружены бронзовые монеты XVI в. и керамика так называемого актамского типа, характерная также для туркменских племен — строителей Сарыкамышской ирригационной системы. В раскопанном близ Дэв-Кескен-калы наземном жилище (в виде трех поставленных в один ряд комнат с примыкающим к ним загоном) открыт врубленный в стену очаг типа камина [Неразик, 1972б, 119, 120]. Крепость Ак-кала, отождествляемая с упоминающимся позднесредневековыми авторами Адаком, была застроена подобными же домами: в них легко узнается тот тип построек, который, как мы

видели, являлся массовым жилищем туркмен Хорезма вплоть до XIX — начала XX в. и уже существовал на описываемой территории в более раннее время, в середине XIV в. Однако тогда сам этот район выглядел иначе. К сожалению, сведений о туркменах монгольского периода очень мало, в основном они почерпнуты из труда Абульгази. Предполагается, что в северотуркменских степях руководящую роль в этот период играли салоры, поскольку позднее они считались «старшим» из туркменских племен [Росляков, 1957, 318]. А. Б. Якубовский считал, что в «монгольскую эпоху в стране появились новые площади орошаемой земли, новые места для земледельческой культуры, во всяком случае, для ведения полускотоводческого, полуземледельческого хозяйства... В районе Дарьялыка, Сарыкамыша и в некоторых местах Узбоя создаются центры, которые притягивали в XIV—XVI вв. к себе туркменские племена и содействовали их оседанию и переходу к земледелию» [Якубовский, 1954, 166—167].

Однако о взаимоотношениях туркмен и Хорезма в ту эпоху мы ничего не знаем. Предполагают, что это объясняется их подвластностью монголам, от которой они освободились к самому концу XIV в. [Росляков, 1957, 321]. Согласно археологическим данным, население этих мест в XIV в. было, несомненно, гораздо теснее связано с Хорезмом, чем в XVI в. В материальной культуре его значительно больше чисто хорезмских черт, и вместе с тем в ней, как мы показывали в разделе о поселениях и жилищах Хорезма в эпоху Золотой Орды, много точек соприкосновения с культурой туркмен XIX — начала XX в.

Этническая принадлежность жителей исследованных нами поселений еще недостаточно ясна, но не подлежит сомнению, что это население должно было участвовать в процессах формирования туркменских племен, активно развивавшихся в эпоху монгольского господства в Средней Азии. Исследование антропологических остатков из средневековых могил, раскопанных нами возле поселений близ крепостей Акча-Гелин и Ак-кала, привело к выводу, что погребенные принадлежали к тому же типу населения, что и обитатели Куня-Ургенча в XIV в. Все эти черепа брахикранны, с легкой деформацией затылочно-теменного типа, европеоидные, с легкой монголоидной примесью, констатируемой на одном женском черепе [Гинзбург, Трофимова, 204]. Т. А. Трофимова допускает, что захороненные могли быть туркменами [там же, 204].

Касаясь вопроса об этнических контактах населения Северо-Западного Хорезма в эпоху средневековья, нельзя упускать из виду отчетливо проявляющееся в местной материальной культуре направление связей, а именно с областями средней Сырдарьи. Как мы упоминали выше, на обеих сопоставляемых территориях наблюдается распространение однотипных компактных крупных поселений, одинаковых керамики и украшений, среди которых следует особо выделить вопросовидные серьги, часто связываемые исследователями с кипчаками. Именно это население, по мнению ученых, жило в тех компактных поселениях сырдарьинских областей, которые мы сравниваем с хорезмскими [Толстов, 1962, 283—294; Вактурская, рукопись]. Кипчакский этнический пласт ясно прослеживается в топонимике, а также в материалах по родо-племенной структуре обитателей Хорезмского оазиса, говорах населения [Жданко, 1964, 132, 133; Снесарев, 1975, 81, 84 и др.]. В некоторой степени это было результатом появления на территории Хорезма дештикипчакских узбеков, в формировании которых большую роль сыграли кипчаки. Не ставя перед собой задачу подробно исследовать взаимоотношения кипчаков и Хорезма, особенно в эту позднюю эпоху, мы хотим привлечь внимание к более ранним периодам их истории, причем постольку, поскольку они запечатлены археологией. Основываясь на исторических данных, можно полагать, что эти тесные контакты Хорезма и кипчаков существовали значительно раньше и нашествие дештикипчакских племен попало на подготовленную почву.

Известно, что в эпоху Хорезмшахов, династии тюркского происхождения, опорой двора являлись выходцы из сырдарьинских районов (по одной версии — из огузского племени бекдили, по другой — родственные канглы и кипчакам) [Агаджанов, 1969, 227, 252].

Крепнущим связям с этими районами способствовало их объединение с Хорезмским оазисом в рамках единой империи Хорезмшахов. Усиливавшееся влияние тюркских вкусов и неослабевавшие контакты с огузско-кипчакской степью нашли отражение в создании своеобразной материальной культуры хорезмшахского периода в Хорезме. Исследователи отмечают, в частности, происшедшую в Хорезме около XII в. смену форм сосудов, появление и широкое распространение посуды нового, серого, обжига, пышной орнаментации на неполивной керамике, повторяющей орнаментацию посуды при сырдарьинских поселениях, относящихся к интересующему нас времени [Вактурская, 1964, 109].

Выше, при описании предметов, найденных на поселении в урочище Дарьялык-куль, был бегло очерчен круг культурных связей Хорезма с соседним населением, среди которого не

последнее место занимали кочевники степей Северного Казахстана и Восточной Европы. Обращаясь к X—XII вв., мы не можем не соприкоснуться с этим миром, в котором археологически пока все еще трудно разграничить определенные этнические элементы и отличить кипчаков от огузов и последних — от печенегов. Однако благодаря археологическим изысканиям накапливается все больше и больше данных о роли и месте огузов в этнической истории хорезмского населения. Не описывая события огузско-сельджукских походов, прослеженные в ряде работ [Бартольд, 1963, 569—579; Агаджанов, 1972, 163—210 и сл.], остановимся только на сообщениях Бейхаки и Марвази, вводящих в атмосферу той эпохи.

Марвази (XII в.) пишет о гузах: «Когда они соприкоснулись с исламскими государствами, некоторые из них приняли ислам. Они стали называться туркменами. Между ними и теми, кто не принял эту веру, началась борьба, но поскольку мусульмане были многочисленнее, они победили неверных и выгнали их. Эти последние покинули Хорезм и мигрировали в области печенегов. Туркмены распространились в исламских странах и проявили прекрасный характер, на большей части этой территории они управлялись королями и султанами» [цит. по: Минорский, 1942, 29 и сл.]. Судя по этому отрывку, гузы-туркмены жили в Хорезме и раньше XI—XII вв. А. Ю. Якубовский считает возможным относить события, о которых рассказывает Марвази, к IX в., поскольку он указывает, что огузы-язычники потеснили печенегов [Якубовский, 1947, 52]. Однако если такая датировка рассказа и может вызвать некоторые сомнения, то приурочение сведений Бейхаки к XI в. совершенно достоверно. Бейхаки же сообщает следующее: «Тогрул, Дауд, йиналовцы и сельджуковцы с большим войском, с юртами, верблюдами, лошадьми и бесчисленными овцами пришли на подмогу Харуну, и он отвел им пастбища и хорошие места в Рабате Маше, Шурах-хане и Гавхоре»[7] [Бейхаки, 600]. Считается, что Рабат-и-Маш находился в четырех переходах от г. Кята, вверх по правому берегу Амударьи [Бартольд, 1965, 166]. О Гавхорэ, орошавшем Кават-калинский оазис, много говорилось в первой части книги. По сведениям Бейхаки, Харун распорядился, чтобы потомки Сельджука пребывали в Даргане, на границе Хорезма [Бейхаки, 602]. Однако последние, боясь правителя Дженда Шахмелика, решили уйти из Хорезма в Хорасан. Харун, наместник Газневидов в Хорезме, правил в начале XI в. Его предшественник Алтун-таш (умер в 1032 г.) также дружественно относился к гузам: по сведениям того же Бейхаки, «каждый год они ходили зимовать в Хорезм, где Алтунташ отвел места для них самих и для их стад» [цит. по: Бартольд, 1963, 571]. Если из этих отрывков из труда Бейхаки можно заключить, что огузы являлись временными обитателями Хорезма, то из других следует, что они жили там постоянно. Так, Бейхаки пишет: «Когда внуки Сельджука в 1035 году обратились к султану Мас'уду, сыну Махмуда, с просьбой уступить им области городов Неса и Феравы, то, между прочим, обещали не допускать появления мятежников со стороны Балхана, Дахистана, пределов Хорезма и берегов Аму-Дарьи и прогнать туркмен иранских и хорезмийских» [цит. по: Бартольд, 1963, 570].

Сторожевые башни и военные форпосты Устюрта и других пограничных областей Хорезма [см. о них: Бижанов, 11, 15; Манылов, 1969, 65] были построены Хорезмшахами, озабоченными тесным соседством с далеко не всегда мирными огузами, о которых писали в средние века Ибн-Фадлан, безымянный составитель «Худуд-ал-алем», ибн-Хаукаль и др. [см.: Агаджанов, 1969, 76—77; Гудкова, 1964, 140—144].

С накоплением археологического материала все больше выявляется связь Хорезма с областью в низовьях Амударьи, которая сопоставляется с Кердером [Толстов, 1958, 132; Неразик, Рапопорт, 1959, 361; Гудкова, Ягодин, 1962, 267; Ягодин, 1963].

Эта культура, безусловно сырдарьинского происхождения, вероятно, имела отношение к огузам, хотя можно, как нам кажется, различить в ней смешанные черты [Неразик, 1968, 206; Л. М. Левина, 1971, 242; Ягодин, 1971, 69—71]. В плане этнического определения данной культуры кажется весьма существенным, что в низовьях Амударьи в IX—X вв., а для этой эпохи уже есть больше сведений о возможном участии населения Кердера в этногенезе огузов [Гудкова, 1964, 141—142; Ягодин, 1971, 71], материальная культура этой области, в частности такой яркий в этногенетическом плане материал, как керамика, тождественна более ранней, датированной VII—VIII вв. [Гудкова, 1964, 130; Неразик, 1968, 206] и имеющей много точек соприкосновения с керамикой Хорезма эпохи Афригидов [Неразик, 1959, 258; Гудкова, 1964, 73—74].

Этнографические и лингвистические исследования последних лет все отчетливее выявляют большой вклад огузов в формирование

[7] С. Г. Агаджанов, ссылаясь на Фахр-ад-дин-Рази, пишет о расселении в пределах Хорезма и в деревнях по берегам канала Гавхорэ туркмен, изгнанных из Мавераннахра в начале XI в. Аин-Тегином [стр. 198].

населения Хорезмского оазиса и его культуры. Благодаря работе Г. П. Снесарева стали известны факты, на которые нельзя не обратить самое серьезное внимание. Занимаясь расселением хорезмских узбеков в конце XIX — начале XX в., он сопоставил созданную им карту с диалектологической картой Ф. Абдуллаева и получил очень интересную и несколько неожиданную картину. Согласно Ф. Абдуллаеву, Южный Хорезм, занятый, как принято было считать, сартами, потомками местного населения, соответствовал территории распространения огузского наречия (в отличие от северной части страны, где преобладало кипчакское). Г. П. Снесарев, установив большую этническую пестроту расселения в Южном Хорезме, обнаружил полное совпадение зон преобладания одного из говоров огузского наречия (янги-арыкского) и концентрации населения, которое называют туркменским: саятов, баятов, авшаров, алилинцев и др. В результате он сделал очень важный для нас вывод: перечисленные группы жителей Южного Хорезма, «восходящие генетически к огузскому пласту, представляются нам потомками тех племен, которые в разной степени и на разных этапах принимали участие в тюркизации старого аборигенного населения оазиса» [Снесарев, 1975, 92]. Одни вошли составным элементом в группу сарт раньше, другие — значительно позже.

Учитывая пестроту и сложность этнического состава туркмен, существенные различия в материальной культуре различных их групп, объясняющиеся как особенностями этногенеза, так и различием исторических и хозяйственно-географических условий существования, можно полагать, что жилище той части туркмен, которая издавна наиболее тесно соприкасалась с оседлым аборигенным населением, имеет столь много сходного с жилищем последних, что они вряд ли различимы при раскопках. В этом случае археологии требуются какие-нибудь другие материальные остатки, будь то украшения или посуда, чтобы жилище приобрело «этническую окраску».

При этом нельзя упускать из виду многократность появления в разные эпохи на территории самого оазиса и оседания там и на его окраинах туркменского населения, подчас не имевшего никаких общих традиций с местными жителями. Тогда по мере длительности сосуществования должны быть зафиксированы взаимосвязи и влияние более развитого экономически и высоко стоявшего в культурном отношении местного оседлого населения с древними традициями в области домостроительства.

Глава 2

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА В СВЯЗИ С НЕКОТОРЫМИ ВОПРОСАМИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ХОРЕЗМЕ

Исследования, посвященные семье и семейно-родственным группам населения Средней Азии, обычно ограничиваются рамками XIX—XX вв., лишь бегло касаясь предшествовавших периодов.

История этих институтов в Средней Азии пока почти не разработана, что объясняется в первую очередь недостатком соответствующих источников. Однако уже накопились материалы, позволяющие значительно расширить существующее представление об указанных проблемах; сейчас можно опереться не на аналогии в соседних странах, например в Иране (как обычно делалось), а на факты, добытые отечественной наукой. С открытием в 1949 г. архива на Топрак-кале (конец III в.) [Толстов, 1962, 215—221; Лившиц, 1971, 193], а в 1962 г. надписей на оссуариях из некрополя Ток-калы (VII—VIII вв.) [Толстов, Лившиц, 1964; Гудкова, Лившиц, 1967], с расшифровкой и опубликованием муг-калинских документов [Лившиц, 1962] появились чрезвычайно важные первые прямые данные по рассматриваемому вопросу. Ценность их для исследования семьи уже отметил В. А. Лившиц, работавший над расшифровкой этих документов и сделавший ряд весьма существенных выводов.

Тем не менее количество письменных свидетельств по интересующей нас проблеме еще очень невелико; жилища и поселения продолжают оставаться важным, а для некоторых исторических периодов — основным источником изучения социальной структуры общества. Как ясно из первой части книги, наше исследование опирается на значительный материал: обмерено более 350 разновременных жилищ, составлены подробные планы нескольких десятков поселений.

Большое значение в свете поставленной проблемы имеет широкий хронологический диапазон предлагаемой монографии (первые века нашей эры — XIV в.), позволивший, правда с некоторыми лакунами, проследить эволюцию жилищ. Это обстоятельство очень важно, поскольку изменение размеров жилых домов от эпохи к эпохе может отражать развитие семьи, показывая увеличение или, наоборот, уменьшение ее численности. Гораздо сложнее, основываясь на измерениях жилищ, определить абсолютную численность семьи в каждом случае. Ниже мы остановимся на подобных расчетах подробнее. При этом совершенно необходимо учитывать особенности внутренней планировки жилищ с возможно точным определением назначения каждого из помещений. Изменение планировки может свидетельствовать о переменах во внутреннем строе семьи.

Накопленные нами материалы показали, что история семьи в Хорезме много сложнее, чем это представлялось. Так в обобщающих трудах стойко удерживается мысль о стабильности большой патриархальной семьи в Хорезме в течение многих столетий вплоть до XX в. [Якубовский, 1955, 123; Толстов, 1948, 164]. В то же время есть основания считать, что в соседних среднеазиатских государствах, например в Согде, большесемейная община разрушилась в I тысячелетии н. э. На этом фоне общественные институты Хорезма, учитывая только что приведенные мнения, кажутся архаичнее. Нельзя не отметить, что даже в специальных трудах, посвященных истории

семьи в Средней Азии [Кисляков, 1963, 15], остаются в стороне многие из собранных археологами материалов и высказанных ими суждений о тех или иных формах семьи в древних и средневековых среднеазиатских владениях, обобщение которых могло бы дать, как нам кажется, интересные результаты [Воронина, 1957, 121; Неразик, 1966, 112—120; Негматов, 1968, 377; Воробьева, 1970, 79—80, и др.].

Прежде чем перейти к изложению конкретных сведений о Хорезме в первые века нашей эры, необходимо сделать несколько предварительных замечаний о формах семьи, существовавшей там в раннеантичное время.

Высказанные о них суждения крайне противоречивы.

Подытоживая десятилетний цикл работ в Хорезме, С. П. Толстов предположил, что в VII—IV вв. до н. э. и вплоть до первых веков нашей эры там преобладали крупные родовые коллективы, расселявшиеся в IV—III вв. до н. э. в больших сельских (типа Кюнерли-калы, площадью 0,4035 *га*) и городских (Джанбас-кала, площадь 3,5 *га*) домах-массивах [Толстов, 1948, 91—94, 100; его же, 1949, 114—115]. Анализ планировки и материалов городища Кюзели-гыр (VI—V вв. до н. э.) позволил ему сделать заключение о ранних формах родовой структуры хорезмского общества [Толстов, 1948, 82]. В то время С. П. Толстов не увидел в раннекангюйскую эпоху истории Хорезма (IV—III вв. до н. э.) «резкого обособления домов аристократии от домов рядовых свободных общинников» [Толстов, 1949, 154]. Он полагал, что дифференциация в пределах свободной общины, конечно, происходила, но ввиду очень сильных традиций первобытной демократии она слабоуловима в памятниках материальной культуры [там же]. Спустя более чем десятилетие, вернувшись к вопросу о городских и сельских поселениях античного Хорезма, С. П. Толстов высказал мысль, что большинство населения в этот период жило в укрепленных поселениях городского типа; постройки в городской округе он считал летними жилищами горожан. Лишь в позднеантичный период, в эпоху кушан в Средней Азии, в Хорезме распространяются большие сельские поселения открытого типа [Толстов, 1962, 249].

В то же время М. Г. Воробьева пишет о небольших одно-двухкомнатных домиках архаического периода (V в. до н. э.), отстоявших друг от друга на 60—150 *м* и обнаруженных ею как на левом берегу Амударьи (окрестности Кюзели-гыра), так и на правом, вокруг Базар-калы, Джанбас-калы, Дингильдже и др. Площадь домов не превышала 60—150 *кв. м*. Наряду с ними отмечаются крупные усадьбы, где площадь дома равнялась 370—665 *кв. м*. Одна из них (Дингильдже) ею раскопана [Воробьева, 1973]. Та же картина прослеживается указанным автором и в более позднее время — IV—III вв. до н. э.— первые века нашей эры [Воробьева, 1970, 78]. В итоге М. Г. Воробьева делает вывод о «вероятном выделении малой семьи как основной ячейки становящегося классового общества уже в конце первой четверти I тысячелетия до н. э.» [Воробьева, 1970, 79—80].

Рассмотрим обе версии. Исследования последних десяти лет уточнили и изменили представление о расселении и жилых постройках населения античного Хорезма. Уже для VI—V вв. до н. э. «уловимы» признаки социальной дифференциации общества в памятниках материальной культуры, что не может не внести поправку в концепцию С. П. Толстова, которой мы касались выше и которую подробнее проанализируем далее. Имеются в виду только что упомянутые крупные усадьбы архаического Хорезма и мелкие постройки, зафиксированные М. Г. Воробьевой. Нельзя не упомянуть также постройки Кюзели-гыра, где в ходе раскопок наряду с убогими жилищами у крепостной стены постепенно раскрывается обширный жилой комплекс, построенный из сырцовых кирпичей в центре городища. Противопоставление этих жилищ как нельзя более ярко свидетельствует о выделении различных социальных категорий населения [Толстов, 1959, 150—152; Вишневская, 1971, 533—534].

В связи с рассматриваемым вопросом привлекают внимание те четырехугольные укрепления на архаическом канале близ Турпакалы, о которых говорилось в первой части книги. Происхождение их недостаточно ясно, хотя скорее всего они имели отношение к системе ахеменидской администрации и возникли как ее опорные пункты. Роль ахеменидского завоевания не может не учитываться при исследовании вопросов, связанных с социально-экономическим развитием Хорезма в архаическую эпоху, так как оно, безусловно, стимулировало там дифференциацию раннеклассового общества [В. М. Массон, 1971, 65—66; Дандамаев, 1971, 94—104]. Не останавливаясь подробно на истории этой эпохи, следует лишь отметить, что при всех толкованиях проблемы происхождения хорезмийцев и сложения хорезмийского государства [И. М. Дьяконов, 1971, 133, 139—142] неоднородность населения страны в VII—V вв. до н. э. в этническом отношении нам кажется несомненной (см. ниже). Это обстоятельство не может не приниматься во внимание при изучении структуры общества, так как позволяет предположить одновре-

менное существование населения с различными формами семьи, что должно было найти отражение в облике жилищ и поселений. Пока приходится ограничиться только постановкой вопроса, так как открытые поселения архаической поры, в которых обитала основная масса рядовых общинников, сохранились плохо и мало изучены. Можно лишь констатировать, что наряду с упоминаемыми М. Г. Воробьевой наземными одно-, двух- и трехкомнатными домиками существовали и полуземлянки.

В последующий период (IV—III вв. до н. э.) разнообразие построек как по площади, так и по типологическим особенностям планировки позволяет предположить углубление социальной дифференциации общества. Наряду с такими жилыми массивами, как Кюнерли-кала, существовали жилища (в районе Кургашин-калы) площадью менее 282 *кв. м*, 144 *кв. м* и т. п., что позволяет говорить о существовании в раннеантичном Хорезме относительно небольших семей. Но можно ли присоединиться к выводу М. Г. Воробьевой о выделении в конце первой четверти I тысячелетия до н. э. малой семьи как основной ячейки развивающегося классового общества?

Это трудно сделать уже потому, что исследовательница не приводит данных о степени распространения небольших жилых построек, чтобы обосновать тезис об их преобладании в период ранней античности. Необходимо также отчетливо представлять себе взаимосвязь различных по площади и назначению построек в общей системе поселения. Наши исследования античных оазисов Хорезма показали, что некоторые (часто однокомнатные) дома играли служебную, подсобно-хозяйственную роль, не являясь жилищами. Известные нам большие открытия поселения Кюзели-гырского типа (район Турпак-калы и Замахшара в Левобережье, Джанбас-калы — в Правобережье), состоящие из полуземлянок или каких-то непрочных, скорее всего каркасных наземных жилищ, демонстрируют, как нам кажется, еще очень тесно связанный с эпохой поздней бронзы (временем Якке-Парсана II) этап развития. К тому же открытый на самом Кюзели-гыре многокомнатный комплекс с большими помещениями и огромными залами, где одновременно функционировало несколько очагов (*своего рода «коммунальные» кухни*), мог возникнуть только при наличии обширных коллективов с еще крепкими родовыми связями. Поэтому их существование в Хорезме в VI—V вв. до н. э. нам кажется несомненным.

Сохранились ли они в дальнейшем, в IV—III вв. до н. э.? По-видимому, да, поскольку существовали такие дома-массивы, как Кюнерли-кала и крупные по размерам жилища, открытые рядом с ним (см. начальный раздел в первой части книги), хотя без их раскопок соображения относительно структуры семьи в IV—III вв. до н. э. остаются в большей или меньшей степени гипотетическими.

Без сомнения, только раскопки могут выяснить, что представляли собой небольшие дома архаического периода, пока еще не вскрытые.

Если признать вслед за М. Г. Воробьевой, что в них жили малые семьи, то следует говорить об огромном скачке в развитии хорезмского общества в конце первой четверти I тысячелетия до н. э., когда совершился переход от родовых поселков амирабадской культуры типа Якке-Парсана II (IX—VIII вв. до н. э.) [Итина, 1963] к поселениям хозяйственно-самостоятельных малых семей. Поскольку существует много важных признаков в области экономической истории страны, свидетельствующих о становлении государства, ярко выраженной имущественной дифференциации населения, проведении крупных каналов и т. п., постольку можно было бы предположить, что произошли значительные перемены в социальной структуре общества. Однако вряд ли стоит преувеличивать степень распространения малых семей в раннеантичном Хорезме, особенно в архаический период, хотя сам по себе факт их выделения внутри свободной земледельческой общины и не исключается, если в Хорезме в рассматриваемую эпоху могли сложиться соответствующие социально-экономические условия, какие, например, сложились в Южной Месопотамии во второй половине II тысячелетия до н. э. или в Нововавилонскую эпоху [И. М. Дьяконов, 1966, 53—57; Авдиев, 1953, 86].

Дело в том, что признание малой семьи основной экономической ячейкой Хорезма в первой четверти I тысячелетия до н. э. с необходимостью влечет за собой вывод, что Хорезм в социально-экономическом отношении опередил в те времена наиболее развитые в экономическом отношении области Индии эпохи Маурьев [Бонгард-Левин, 121], Ирана времени парфян, не говоря уже об Ахеменидском царстве. В этой стране, как установлено исследователями, малые семьи только к VI в. н. э. приобрели известную хозяйственную самостоятельность. Однако и тогда, как и в последующую эпоху, по-прежнему важную роль играли широкие агнатические группы (патронимии) и другие пережитки общинно-родовых связей [Периханян, 1968, 7 и сл.]. Известно также, что в государствах Месопотамии в первой половине II тысячелетия до н. э. основной производственной силой, осуществлявшей общин-

ную собственность на землю, были «дома», и, как бы ни интерпретировать их сущность (в качестве большемейных общин или же патронимий), малую семью нельзя рассматривать как основную экономическую ячейку общества [И. М. Дьяконов, 1968].

Малые семьи в Южном Двуречье начинают распространяться, как выше сказано, только во второй половине II тысячелетия до н. э., во всяком случае, в городе. В сельской местности сохранялись большесемейные общины. Отсылая читателей к специальной литературе [Дьяконов, 1966, 53; его же, 1973, 53, 62], скажем лишь, что это было время быстрого развития ремесла и торговли, частновладельческих хозяйств, основанных на использовании труда наемных работников и рабов. Наблюдались высокая товарность хозяйства и большое развитие ростовщичества.

Изучение экономического развития стран Двуречья ценно для нашего исследования тем, что показывает, при каких условиях там стало возможным распадение патриархальных домовых общин. При этом нелишне вспомнить сделанный на основе такого анализа И. М. Дьяконовым вывод, что малая семья «становится правилом в товаропроизводящих рабовладельческих обществах» [1963, 29].

Существовали ли в архаическом Хорезме подобные условия? Отвечать на такой вопрос сейчас, до накопления новых сведений об этом и несколько более поздних периодах хорезмской истории — значит пытаться решить уравнение со многими неизвестными. Можно лишь рассмотреть некоторые факты, приняв во внимание, что социально-экономическое развитие государств, основанных на речной ирригации, должно иметь общие закономерности. При этом полезно рассмотреть их, сопоставив со значительно лучше известными раннеклассовыми обществами Южной Туркмении, особенно в связи с тем, что социальная структура последних восстанавливается во многом на материалах жилищ и поселений.

Раскопками В. М. Массона установлена глубокая древность земледельческих цивилизаций юга Туркмении. Уже с конца III — начала II тысячелетия до н. э. можно говорить о развитых «протогородских центрах» с выделяющимися культовыми сооружениями — зиккуратами, домами различных в социальном отношении групп населения, «кварталами ремесленников» [В. М. Массон, 1967, 187—189; его же, 1972, 527]. В X—VII вв. имелась развитая ирригационная сеть, существовали храмы и дворцы. Исследователи полагают, что имеют дело со слагавшимся классовым обществом, которое вполне оформилось к VI—V вв. до н. э. [В. М. Массон, 1959, 160—162]. Центрами оазисов в ту пору являлись большие укрепленные поселения с мощной, воздвигнутой на платформе из сырцовых кирпичей цитаделью (Гяур-кала, Елькен-тепе). Изготовление посуды в то время приобрело черты товарного производства. Как полагает В. М. Массон, «с ним (товарным производством.— *Е. И.*) было связано и начало денежных отношений на территории Средней Азии» [1959, 125 и сл.]. Основа формирования классового общества и государства в тот период — создание развитой ирригационной системы, основанной на использовании воды уже не мелких ручьев и речек, как в предшествовавшее время, а крупных рек [В. М. Массон, 1959, 57 и сл.].

Формы семьи в VI—V вв. на этой территории пока не исследованы, но во время существования «протогородских центров», таких, как Алтын-тепе, население жило в многокомнатных домах-массивах, внутри которых выделялись жилища индивидуальных семей, становившихся главной ячейкой общества. Вместе с тем они еще были объединены общими стенами многокомнатного общинного жилища. Сохранились в эту эпоху и коллективные погребения [В. М. Массон, 1972, 9]. Казалось бы, большая патриархальная семья находилась в этом обществе уже на стадии разложения, и, коль скоро известно, что последующий период характеризуется, как мы только что видели, дальнейшим экономическим подъемом, можно было бы ожидать выделения малых семей в VI—V вв. до н. э. в районах Южной Туркмении. В то же время культура Яз-тепе I (X—VII вв. до н. э.) стадиально соответствует, как справедливо полагает В. М. Массон, периодам частично позднего Урука и Джемдет-Наср в Южной Месопотамии (IV—III тысячелетия до н. э.) [1959, 130], где впоследствии еще на протяжении, по крайней мере, тысячелетия основной производственной единицей общества являлись домовые общины больших патриархальных семей. Это обстоятельство могло бы стать основанием для предположения, что области Южной Туркмении, в частности древней Маргианы, должны были развиваться более высокими темпами, нежели древний Шумер. Однако если обратиться к позднейшему периоду на территории Южной Туркмении, например III—II вв. до н. э., то здесь в областях Северной Парфии исследователи связывают наиболее распространенный тип поселений — рассредоточенный — с поселениями больших семей [Пилипко, 1970, 86; его же, 1971, 14].

Очень существенно замечание В. Н. Пилипко, обследовавшего эти сельские поселения раннепарфянского времени: он установил, что

рассредоточенные поселения того же типа, что и раннепарфянские, существовали в Южной Туркмении и в ахеменидский период. Они найдены в Тедженском оазисе (Яшгуч-тепе), в окрестностях Елькен-тепе [Пилипко, 1970, 86]. Раскопки и обследование домов в рассредоточенном поселении III—I вв. до н. э. в местности Гарры-Кяриз близ Ашхабада не оставили сомнений в том, что в них жили большие патриархальные семьи [там же, 85]. Таким образом, можно думать, что разложение большесемейных домовых общин, наметившееся еще в «протогородской период», затянулось на века, как это было и в Месопотамии. Впрочем, без сплошного обследования и массовых раскопок (учитывая к тому же хронологические и территориальные лакуны в исследованиях) нельзя с уверенностью сказать, захватил ли этот процесс всю Южную Туркмению и не было ли периодов регресса и подъема. Остается добавить, что раскопками Р. Гиршмана в Сузиане вскрыта, как он полагает, часть деревни, представляющая собой многокомнатный дом-массив размерами 24×7,5 *м*, датирующийся VII—IV вв. до н. э. [Ghirshman, 1954, 16]. По мнению исследователя, это было жилище не индивидуальной семьи, а большой, или «клана», под которым подразумевается, видимо, семейно-родственный коллектив, тождественный патронимии [там же, 16—18].

Обратимся теперь к тому, что на этом фоне представлял собой Хорезм в рассматриваемом аспекте.

В середине II тысячелетия до н. э., когда в предгорной полосе Южной Туркмении существовали поселения типа Алтын-тепе с монументальной сырцовой архитектурой, домами вождя, жреца и многокомнатными жилыми массивами из сырца, в Хорезме скотоводческо-земледельческие племена обитали в полуземлянках или наземных каркасных постройках (тазабагъябская культура). В IX—VIII вв. до н. э. эта строительная традиция, как показали раскопки Якке-Парсана II (относящегося к так называемой амирабской культуре поздней бронзы), продолжалась. В полуземлянках площадью в среднем 100 *кв. м* жили, по мнению исследовавшей их М. А. Итиной, большие патриархальные семьи, члены сильно разросшихся домовых общин, связанные в единый родовой коллектив [1963, 129].

В поселении Кую-сай (VII—V вв. до н. э.), раскопки которого проведены Б. И. Вайнбергом, также открыты полуземлянки и каркасные жилища, изучение которых еще только начинается [1972, 530, 531]. Открытие в районе горы Кокча сравнительно развитой разветвленной оросительной сети, выведенной из протоков Акчадарьи, свидетельствует о значительной роли ирригационного земледелия в жизни населения позднебронзового века в низовьях Амударьи, стоявшего на стадии первобытнообщинного строя. Легко увидеть, что это значительно менее развитое общество сравнительно с населением Алтын-тепе. Совсем другой уровень общественного развития можно представить себе благодаря фактам, относящимся к архаической культуре Хорезма VI—V вв. до н. э. Появляется сырцовая архитектура, жилая и монументальная (оборонительные сооружения Кюзели-гыра), разветвленная ирригационная сеть с крупными каналами, тянувшимися на много километров. Как мы видели, имеются сведения о выделении ремесла, имущественной дифференциации населения (Кюзели-гыр), в сельской местности появляются крупные усадьбы (Дингильдже).

Все эти факты позволяют, по-видимому, считать, что в архаическом Хорезме сложилось раннеклассовое общество. Однако пути его формирования неясны, и пока оно не кажется результатом прямого развития общества эпохи Якке-Парсана II. Лишь в какой-то степени этот разрыв заполняется сведениями о развитой ирригации, открытой в районе горы Кокча [Итина, 1968, 78—86], и существовании населения предскифского времени, оставившего богатые мавзолеи на Тагискене [Толстов, Жданко, Итина, 36—47]. Если бы последнее твердо связывалось с Хорезмским оазисом, разрыв между уровнем развития общества позднебронзового века и архаической эпохи значительно сократился бы. Многие неясности в существующем представлении о путях развития хорезмского общества проистекают из того, что сейчас наука располагает, по существу, лишь разрозненными фактами. Структура хорезмского общества в VII в. до н. э. пока полностью неизвестна. Его история еще только открывается благодаря раскопкам Кую-сая. Картина общества VI—V вв. тоже по ряду обстоятельств не выглядит так целостно, как можно было бы думать по перечню вышеприведенных фактов.

Обратимся к этим обстоятельствам. Известно, что прогресс ирригации, создание крупной разветвленной оросительной сети может служить признаком утверждения единой центральной власти, государства. Существование в Хорезме в VI—V вв. крупных каналов неоспоримо. Вместе с тем на левом берегу Амударьи преобладали мелкие локальные системы, основанные на небольших естественных руслах, не объединенные в общую сеть. Создание их было под силу отдельным общинам. Среди этих систем, как мы видели, выделяется очень большой архаический канал, тянув-

шийся из Южного Даудана на север на десятки километров. Особенности фортификационных сооружений, стоявших в его верховьях, и сооружение в его истоках крепости Қалалыгыр, являвшейся скорее всего резиденцией Ахеменидов, построенной в противовес местному центру — Кюзели-гыру, позволяют поставить вопрос: не было ли строительство упомянутого крупного канала делом ахеменидской администрации?

Другая ситуация наблюдается на правом берегу Амударьи. Там действительно прослеживается разветвленная сеть, основанная на нескольких крупных, судя по датировкам, единовременно построенных и функционировавших каналах. Таким образом, исследования по ирригации архаического Хорезма пока не дали стройной картины, позволяя лишь догадываться о разных этапах процесса создания единой крупной разветвленной оросительной сети. К тому же нельзя не учитывать важную роль использования естественных русел в рассматриваемую эпоху.

Наличие укрепленных поселений можно не без основания считать признаком существенных перемен в структуре общества. Такие поселения с цитаделью возникали, например, в Южной Туркмении в эпоху становления классовых отношений. Во II тысячелетии до н. э., как полагает В. М. Массон, «оазисное расселение группами поселков создавало предпосылки к формированию крупных центров. Этот тип поселения в виде квадратных крепостей с башнями определялся структурой и размером общественных единиц» [1973, 5].

В Южной Бактрии в эпоху поздней бронзы — раннего железа существовали поселения городского типа в виде крепости с прилегавшим к ним неукрепленным поселением; наряду с ними существовали неукрепленные открытые сельские поселения.

Намечалась социальная дифференциация, выделялась верхушка общества, обособлялось ремесло [Сариниди, 1973, 9].

Однако в Бактрах помимо сильно укрепленного акрополя город со стороны равнины был также окружен «нижними стенами». [Пьянков, 1973, 128].

Кюзели-гыр — первое укрепленное поселение в Хорезме — возникает в VI—V вв. до н. э., и некоторые ученые допускают, что он мог быть поселением городского типа [В. М. Массон, 1959, 154] или же административно-культовым центром [Воробьева, 1970, 79]. В самом деле, упоминавшиеся выше элементы структуры городища позволяют видеть в нем первичное городское образование, хотя характер центрального сырцового жилого массива еще не выяснен полностью; пока нет окончательной уверенности в том, что на этом городище существовала цитадель. Нелишне заметить, что цитадели вообще не типичны для хорезмских городов (даже и в позднеантичное время, когда они получили некоторое распространение).

Появление в Кюзели-гыре наземных сырцовых построек и использование прямоугольного сырцового кирпича в стране, где длительно существовала иная традиция каркасных жилищ и полуземлянок, требовали объяснения. Возникла гипотеза о заимствовании хорезмийцами строительных навыков от их южных соседей [В. М. Массон, 1959, 54], так как на том же, левом берегу Амударьи, что и Кюзели-гыр, в областях Южной Туркмении, сырцовое строительство насчитывало тысячелетия. К тому же в южнотуркменских и хорезмских постройках использован одинаковый формат прямоугольных кирпичей. Оттуда же, из областей Южной Туркмении, по мере развития гончарства хорезмийцы якобы получили и ряд керамических форм, чем объясняется однотипность керамики, распространенной на указанных территориях в VI—V вв. до н. э. [там же].

Возможны, по-видимому, и другие толкования причин возникновения перечисленных явлений в области материальной культуры архаического Хорезма. Нельзя не принять во внимание существующие гипотезы о происхождении хорезмийцев и их передвижении в нынешний Хорезмский оазис с юга, из области, включавшей северные предгорья Копет-дага, долину Теджена и соседние районы [Пьянков, 17, 18]. Если вспомнить при этом большое сходство планировки Кюзели-гыра и Чирикрабата — предполагаемой столицы апасиаков, а также существование в Хорезме в VI—V вв. до н. э. поселков из полуземлянок, напоминающих поселения бронзового века, то можно предположить скрещение на территории архаического Хорезма нескольких культурно-этнических традиций и этническую неоднородность населения. Приведенные соображения позволяют говорить о сложных путях формирования государства и классового общества в Хорезме, не давая пока полного представления об уровне его социально-экономического развития.

Возможные неоднородность населения и его массовые перемещения, социальные сдвиги и политические события, связанные с завоевательной политикой Ахеменидов и их хозяйственной деятельностью, должны были нарушить родовые связи, способствовать распадению родовых коллективов эпохи бронзы. В то же время пока нет уверенности, что архаический Хорезм достиг того экономического подъема,

при котором возможно существование малых семей в качестве основной единицы общества. Уровень развития хорезмского общества представляется нам более низким, чем достигнутый в эпоху становления классов и государства в Южной Месопотамии, Южной Туркмении или в Южной Бактрии. Следует к тому же учесть, что области Южной Месопотамии к середине II тысячелетия до н. э., когда малая семья там начала завоевывать «место под солнцем», прошли более чем тысячелетний путь развития государственности, в то время как архаический Хорезм еще только недавно «переступил порог» бронзового века.

Можно, как нам кажется, с большой долей уверенности полагать, что архаический Хорезм еще недалеко ушел от общества, рисуемого Авестой. Нелишне напомнить, что древнейшие ее части создавались в близкое к рассматриваемому время — во всяком случае в VIII—VII, но не позднее VI в. до н. э. [И. М. Дьяконов, 1956, 390 и сл.], возможно, на территории Средней Азии. Некоторые ученые полагают, что местом их образования мог быть Хорезм [И. М. Дьяконов, 1956, 390]. Тем более интересно, что низшей ступенью авестийского общества являлась «имана» — большая патриархальная семья, входившая в состав более крупных агнатических объединений, называвшихся «нафа». Предполагается, что в общем владении нафа находились имущество, пастбища, луга и пахотные земли [Периханян, 1963, 36]. Нафа, в свою очередь, входили в состав «вис» — общины, первоначально родовой, а затем — сельской.

Все вышесказанное дает, как нам кажется, право предположить, что, хотя выделение малых семей из крупных родственных коллективов в архаическом Хорезме и не исключается, вряд ли они могли стать основной единицей общества и роль родовых групп типа авестийских нафа и имана, больших патриархальных семей, вероятно, была в это время очень велика.

Чем же тогда объяснить существование зафиксированных М. Г. Воробьевой и неоднократно упоминавшихся архаических поселений из небольших однорядных одно-трехкомнатных домиков, которые действительно могут показаться жилищами малых семей?

Прежде всего возможно, что из-за слабой в целом изученности архаического Хорезма еще не известны факты, которые решительно изменят изложенное выше представление о нем. Но существует и другая версия. Следует вспомнить, что С. П. Толстов, констатируя резкую разницу между архаическим и позднейшими периодами истории античного Хорезма и касаясь рода занятий жителей, отметил, что в первый из этих периодов в стаде преобладал крупный рогатый скот, и сделал вывод о сохранении в то время «древнего, восходящего еще к бронзовому веку типа полукочевого скотоводства» [Толстов, 1962, 104]. Рассматриваемые жилища больше всего напоминают жилые постройки оседающих скотоводов и другого населения без устойчивых навыков сырцового домостроительства [Борозна, 104—105]. Подобное расселение не предполагает обязательного выделения самостоятельных в хозяйственном отношении малых семей, хотя и следует заметить, что формы семьи у скотоводов древней Средней Азии еще мало изучены.

По-видимому, большие патриархальные семьи и более крупные родственные группы сохранялись и в дальнейшем, в IV—III вв. до н. э., в раннекангюйский период истории Хорезма. С. П. Толстов считал, например, Кюнерли-калу родовым домом-массивом, а в планировке Джанбас-калы видел отражение пережитков дуальной организации общества [Толстов, 1948, 93—94]. На данной стадии накопления знаний об обществе раннекангюйского Хорезма трудно судить, в какой степени в нем сохранились родовые связи,— в нашем распоряжении нет ни одного сколько-нибудь изученного и раскопанного жилого комплекса, не считая специфической в ряде отношений застройки «нижнего кольца» Кой-Крылган-калы.

Между тем имеются бесспорные свидетельства несомненного и значительного прогресса в области экономики и культуры в рассматриваемую эпоху. К ним относятся расширение и усложнение ирригационной сети, явно перешедшей на новый и более высокий этап развития, появление больших храмов (Кой-Крылган-кала) и крупных по площади укрепленных городских поселений (Базар-кала, Гульдурсун, Куня-Уаз, Хазарасп и др.), прекрасное качество ремесленной керамики. О существовании сильного хорезмского государства говорит и рассказ Арриана о посольстве царя Фарасмана [1837, 473].

Значительно большее, чем в архаический период, разнообразие сельских построек отражает углубившуюся социальную дифференциацию населения. Уже можно выделить (полностью, однако, сознавая отрывочность имеющихся у нас сведений) несколько категорий построек и типов поселений.

Укрепленные усадьбы-замки типа Тузгыр II, большие укрепленные дома-массивы, вероятно, должно связать с землевладельческой аристократией. Кстати, первые из них можно сопоставить с близкими к ним по времени постройками в Южной Туркмении, имею-

щими вид укрепленных усадеб с мощными пахсовыми стенами и башнями, помещениями вдоль стен и незастроенным обширным двором посредине, либо с большим многокомнатным зданием внутри укрепления или же менее правильной планировки. Такие постройки рассматриваются пока как имения землевладельческой знати [Пилипко, 1970, 87].

Помимо этих зданий в кангюйском Хорезме существовали неукрепленные крупные усадьбы с несколькими постройками, одна из которых представляла собой обширный дом (близ Гяур-калы на Чермен-ябе). М. Г. Воробьева зафиксировала усадьбы с жилыми постройками площадью 300—800 *кв. м* [1970, 78].

Поселений, подобных архаическим, о которых много говорилось выше, для этого периода мы не зафиксировали. Согласно нашим материалам, можно говорить о двух типах поселений: состоявших из крупных (15×20 *м*, 25×30 м) жилищ, отстоявших на 30—60 *м* друг от друга (район Кюнерли-кала), и отличавшихся от них рассредоточенных поселений с компактными группами усадеб, соприкасавшихся оградами. В каждой из таких усадеб было несколько преимущественно небольших (140—180 *кв. м*) жилых и, возможно, хозяйственных построек (поселение возле Кургашин-калы). Небольшие размеры домов как будто дают основание считать их жилищами малых семей, а расположение усадеб, сходное с расселением в средневековом Хорезме, позволяет поставить вопрос: не были ли они, как и там, жилищами агнатических групп?

Впрочем, пока не проведены обстоятельные исследования данных поселений, все наши построения остаются гипотетическими. И более того — пока не будет выяснена социальная природа таких укрепленных поселений, как Акча-Гелин, Бурлы-кала, Джанбас-кала, многие вопросы социально-экономических отношений данной эпохи останутся открытыми. Видимо, эти укрепленные пункты имел в виду С. П. Толстов, говоря о том, что для периода ранней античности он не видит разницы между городскими и сельскими поселениями, и что все население раннеантичного Хорезма жило в укрепленных городах, располагавшихся близ хвостовых частей каналов на границе оазиса и пустыни [1962, 251]. Вместе с тем нельзя не отметить, что если одни из этих укреплений уже изначально были плотно застроены, то другие есть основания рассматривать в качестве военных форпостов. Кажется очень вероятным, что, во всяком случае, некоторые из этих укреплений на окраинах оазисов строились как военные крепости или убежища на время опасности. Их можно сравнить с крепостями, воздвигавшимися на границах оазисов Согдианы и Бактрианы времени Ахеменидов [Пьянков, 1974, 130—131], а также в древней Месопотамии [Oppenheim, 116]. Построенные на возвышенностях, эти хорезмские укрепления уже одним своим местоположением заставляют вспомнить также и о тех многочисленных «скалах», которые встретили греков в Средней Азии [Тревер, 67, 68]. Возле упомянутых хорезмских укреплений со временем возникали открытые сельские поселения. Это было типично для периферии страны с очень раннего периода (вспомним укрепления архаического времени близ Турпак-калы) и в течение длительного времени. С ростом экономико-административного значения отдельных крепостей они превращались в небольшой город. Именно так, по мнению Я. Г. Гулямова, выросла в город Джанбас-кала, где возник культурный центр [Гулямов, 1957, 80].

Исследование планировки Джанбас-калы привело С. П. Толстова к серии важных выводов о происхождении и роли раннеантичного города в Хорезме. Его средоточием он считал общинный дом огня, храм и лишь позднее — в первых веках нашей эры — цитадель, а не храм [Толстов, 1948, 275; его же, 1949, 157—159]. Роль храмов в истории стран Древнего Востока, особенно на заре классового общества, широко известна. Отсутствие в большинстве известных нам античных городов Хорезма цитаделей заставляет, во-первых, считать, что указанный выше путь развития, построенный на обобщении данных по двум городам — Джанбас-кале и Топрак-кале,— не типичен для всей страны, и, во-вторых, предполагать сохранение архаичных черт в общественной структуре и большую роль общинных отношений.

Но можно ли считать вслед за С. П. Толстовым, что в укрепленных городских пунктах типа только что упоминавшихся жило все население раннеантичного Хорезма? Нам кажется, что это представление навеяно сведениями об урбанизации и городах-государствах Южной Месопотамии и предполагает сходные пути развития Хорезма. Действительно, в топографическом отношении осевая система оазисов, вытянутых вдоль отдельных каналов, сближается с хозяйственно-структурными единицами Месопотамии, но на данном этапе наших знаний мы не располагаем более подробными сведениями об этих оазисах. Вместе с тем имеющиеся данные о рассредоточенных сельских поселениях раннекангюйского периода в районе позднейшей Аяз-калы III, Джанбас-калы и в других местах вносят известные коррективы в версию С. П. Толстова, так как постройки в упомянутых поселениях вряд ли можно рассматривать в качестве летних жи-

лищ горожан. С другой стороны, округа таких крупных городов, как Куня-Уаз и Базар-кала, не кажется густонаселенной, и значительная часть жителей данных районов, вероятно, действительно концентрировалась именно в этих укрепленных городах.

Таким образом, сейчас еще нельзя составить правильного представления о численном соотношении населения, жившего в Хорезме в IV—III вв. до н. э. в рассредоточенных поселениях и в укреплениях городского типа.

Пока еще нет и твердых оснований для суждения о формах семьи того времени, хотя имеются вполне определенные факты, свидетельствующие об имущественной дифференциации населения, разных в типологическом и функциональном отношении постройках и т. п.

Тем не менее на основании изложенного мы все еще склоняемся к мысли о широком распространении в архаическом Хорезме крупных семейно-родовых коллективов, оставляя открытым вопрос о формах семьи в кангюйском Хорезме, когда могли существовать и малые семьи. Вероятно, многое в этом отношении должно проясниться с накоплением сведений о яркой и самобытной культуре Хорезма в IV—III вв. до н. э. с его великолепными памятниками архитектуры и высокоразвитыми ремеслами, корни которой еще недостаточно выяснены. Гораздо больше сведений о семье в Хорезме в первые века нашей эры, к изложению которых мы и переходим.

ХОРЕЗМСКИЙ «BYT'»

С расшифровкой документов из Топракалы появились первые сведения о хорезмском «BYT'»-доме. Этот термин, означающий определенную социальную организацию, часто встречается в документах, открытых в Месопотамии, Египте, Малой Азии (bity в странах, пользовавшихся аккадским языком, в Аррапхе также dimty, у хеттов pir//parru) [И. М. Дьяконов, 1952, 232 и сл.; его же, 1968, 7—8 и сл.; Янковская, 1959, 36, 42—48; ее же, 1963, 51—52; ее же, 1968, 7; Постовская, 1967, 5—35; ее же, 1968, 5—6].

Как полагают исследователи, этим термином обозначалась домовая община на разных этапах ее существования. Наиболее развернутую характеристику «дома» дал И. М. Дьяконов, основывавшийся на обобщении большого материала. Согласно его определению, «домашняя община или дом — это хозяйство, которое объединяет агнатов — в простейшем случае отца с матерью, их неженатых сыновей и незамужних дочерей, а также женатых сыновей с их женами и детьми» [1968, 8].

Н. М. Постовская, характеризуя египетский «дом» Древнего Царства, считает, что ряд присущих ему черт свойствен также «домам» Ассирии среднего периода, Аррапхи, Элама, Угарита, Сабейского царства, римской familia времен XII таблиц и критской войкее [1968, 6].

В клинописных документах имеются сведения о хозяйственной организации «дома». Так, в Ассирии в середине II тысячелетия до н. э. общинная земля была обнесена «большими межами товарищей» [Средне-ассирийские законы (далее САЗ), § 8, 1] и разделена на жребии — «puru» (САЗ, § 9, 1), каждый из которых, вероятно, являлся наделом одного «дома» [И. М. Дьяконов, 1952, 230]. Однако и внутри одного дома на «неподеленной земле» каждый брат имеет свой особый надел (САЗ, § 2, 3, 1) [там же, 247]. То же самое можно сказать и о домовой общине хеттов. Члены «дома» не обязательно, как отмечают исследователи, жили под одной кровлей и вели общее хозяйство [там же, 287].

И. М. Дьяконов показал, что структура общества стран Ближнего Востока до середины II тысячелетия до н. э. представляла собой сложную иерархическую систему. Домовая община являлась низшей ступенью более широких родственных коллективов и, распадаясь, превращалась в агнатические объединения II и III порядка [И. М. Дьяконов, 1963, 26; его же, 1964, 78; его же, 1968, 3]. Данные о хозяйственной организации «домов» позволяют предположить, что в некоторых случаях этот термин обозначает не большесемейную общину, а скорее патронимию, если пользоваться этим широко принятым в литературе названием. Нам кажется совершенно справедливым мнение М. В. Крюкова: «То, что И. М. Дьяконов, основываясь на материалах Аккада (III тысячелетие до н. э.) и хурритском — II тысячелетие до н. э., называл „патриархальным родом“ или „патриархальной родовой общиной“, на самом деле является кланом (патронимией.— *Е. Н.*). Эти материалы показывают, что клан является основной производственно-экономической единицей в этих обществах» [Крюков, 90].

В «Артхашастре» содержатся сведения о более близкой к топрак-калинскому «BYT'» по времени индийском vastū — домохозяйстве дельной семьи. Последняя часто состо

из представителей трех поколений родственников по отцовской линии и могла иметь большие размеры. Из текста указанного источника выясняется хозяйственная структура vastu: это поле, роща, дом, оросительное устройство. Помимо участков каждой vastu существовали угодья, принадлежавшие всей сельской общине деревни, насчитывавшей от 100 до 500 семей [Ritschl, Schetelich, 31—34].

Обратившись к хорезмскому «BYT'», мы увидим, что этот семейный коллектив сохранял многие черты древневосточного «дома», несмотря на разделявший их большой промежуток времени. Что же представлял собой хорезмский «дом» согласно топрак-калинским документам? Эти последние, как полагают, имели отношение к «военному ведомству», так как в них перечисляются только мужчины, входящие в «BYT'».

С. П. Толстов опубликовал два таких списка (документы № 8 и № 11) [Толстов, 1962, 219—221], о переводе двух других стало известно из доклада В. А. Лившица в 1968 г.[1]. В указанных документах приведены имена главы «дома», его сыновей, зятьев, а также имена рабов и указание на их принадлежность — «рабы домовладыки», «рабы матери» и т. д. [Толстов, 1962, 217—220].

Суммируя все сведения, которые нам удалось извлечь из данных документов, хорезмский «BYT'» III в. н. э. определялся следующими признаками. Носил имя домовладыки — главы «BYT'», например «дом» Вахшумана. Распределение рабов внутри «BYT'» говорит о большой роли власти домовладыки. Так, по документу № 8, в «доме» было 17 рабов, из них 12 — рабы домовладыки. По документу № 10, в «доме» 12 рабов, из них 10 принадлежали домовладыке. Это же распределение рабов между членами «дома» показывает, что все они могли иметь личную собственность. Четко различались полноправные члены «дома» и неполноправные, причем последние, например дети наложниц, также могли иметь рабов.

Примерная численность обитателей «дома» могла сводиться к 20—40 взрослым, считая свободных и несвободных. Число рабов равнялось 12 в трех из пяти случаев, а также 17.

Известны выделы из «BYT'»: в документе № 1 содержится формула «из нового выдела» [Лившиц, 1968], причем выделялась, судя по числу человек, малая семья.

Даже такие, конечно, далеко не полные сведения показывают, что хорезмский «BYT'» обнаруживает многие черты сходства с ассирийским, хеттским и египетским. Так, по документам из Арраншн (XV в. до н. э.) известно, что «BYT'» носил иногда название родоначальника — представителя самого первого поколения из зафиксированных архивами [Янковская, 1959, 44].

Ассирийские и египетские источники подчеркивают большую власть отца «дома», которому было дано право распоряжаться собственностью семьи и даже судьбой ее членов [И. М. Дьяконов, 1952, 242, 287, 300; его же, 1968, 8, 9; Постовская, 1967, 4; ее же, 1968, 5; Вулли, 1967, 133].

В древнеиндийской семье также большую роль играл ее глава, являвшийся распорядителем дел и представлявший ее во внешних сношениях [Auboyer, 244, 245].

В древнеегипетском доме отчетливо прослеживается деление на свободных и несвободных членов. Кроме того, очень велико различие общественного положения прямых потомков главы «дома» и его братьев и сестер [И. М. Дьяконов, 1968, 10, 11].

Как можно заключить по документам из Передней Азии и Египта, все полноправные члены «дома» могли иметь личную собственность, право на долю доходов «дома», а также на приобретения вне его [Постовская, 1968, 5].

Весьма интересен факт вхождения в состав хорезмского «дома» не только женатых сыновей, но и замужних дочерей с их семьями, поскольку в топрак-калинских документах, согласно переводу В. А. Лившица, упоминается термин «ZMK» («зять») [1971, 103; Толстов, 1962, 220]. По имеющимся сведениям, это крайне редкое явление на Востоке, встречавшееся лишь в исключительных случаях [И. М. Дьяконов, 1968, 8].

Таким образом, в топрак-калинских документах перечисляются большие и явно состоятельные семьи, но вряд ли, по мнению В. А. Лившица, это были семьи знатные, так как отсутствуют какие-либо титулы и звания [1971, 103]. В. А. Лившиц именует эти «дома-семьи» патронимиями [там же]. Б. Г. Гафуров назвал их агнатическими группами [1972, 187]. По некоторым признакам (наличие рабов у отдельных членов семьи, выделы) действительно можно предполагать поздний этап развития больших семей из топрак-калинских документов. Но приходится признать, что при отсутствии каких-либо данных о хозяйственной основе хорезмских «BYT'» сами по себе эти признаки не являются определяющими.

Дополнительные сведения о хорезмской семье позднеантичного периода можно извлечь в результате исследования поселений и жилищ. Если же исключить, что списки-фамилии

[1] Доклад на отчетно-экспедиционной сессии. Автор пользуется случаем выразить свою благодарность А. В. Лившицу за предоставленную возможность ознакомиться с его переводами топрак-калинских документов.

топрак-калинских документов обязательно перечисляют горожан Топрак-калы, то в этом случае археологические материалы послужат в какой-то мере иллюстрацией приведенных соображений.

В отличие от раннеантичных поселений, от которых до наших дней дошли лишь отдельные развалины, некоторые поселения III—V вв. сохранились целиком. Это Турпак-калинский оазис IV — начала V в. и Туз-гырский III в. в Левобережье и синхронные ему Аяз-калинский и Джанбас-калинский на правом берегу. В каждом из них насчитано не более двух десятков жилищ, хотя площадь поселений из-за разбросанности домов велика и достигает 50—70 *га* и более. В основном это крупные постройки: площадь 80% жилищ в оазисе близ Аяз-калы составляет 400—500 *кв. м*, основной массы построек Туз-гырского поселения — 300—700, домов возле Турпак-калы — 500—700 *кв. м* и более. Исключением является только Джанбас-калинское поселение — площадь большинства зафиксированных там жилищ колеблется в пределах 100—160 *кв. м*. Следует отметить, что обследование остатков других оазисов не оставляет сомнения в том, что наиболее крупные дома характерны для поздней античности.

Нам представляется, что в крупных домах античных оазисов Хорезма жили большие семьи. Как уже говорилось выше, важное значение для решения этого вопроса имеют размер и планировка жилищ. Однако отчетливых критериев в рассматриваемом аспекте нет. Например, теоретически легко предположить, что небольшой дом может быть густо населен и, напротив, обширный — слабо. Большую роль играет также состоятельность хозяев. Обычно, определяя численность жителей того или иного древнего населенного пункта, исследователи исходят из возможной плотности населения (учитывая особенности застройки). При этом привлекаются позднейшие демографические данные, определенные, например, для экономически отсталых районов Востока начала XX в., сохраняющих во многих отношениях старые традиции. В основу подсчетов кладется количество домохозяйств и предполагается, что на каждое из них приходится 5—7 человек. Эта цифра взята в качестве средней многими исследователями западноевропейских и восточных городов, но твердо установлена только применительно к концу XIX — началу XX в., например, для Бухары, Алеппо, Дамаска [см.: Сухарева, 73; Большаков, 1974, 257, 258]. Использование этих поздних данных о численности семьи при подсчетах населения древневосточных городов приводит подчас к большому разнобою — например, плотность населения в древнем Уре, следуя разным авторам, колебалась от 200 до 600 человек на 1 *га* [Badawy, 84; Hammond, 38; Woolley, 195; 1957, 247; Frankfort, 103].

Данный метод, еще очень несовершенный, можно рассматривать лишь как один из путей в поисках надежных критериев, демографических исследований. Более точное определение числа членов домохозяйств сделало бы такие вычисления надежнее. В качестве одного из вариантов подобных подсчетов можно предложить попытку найти эту цифру, исходя из числа жилых комнат в доме и опираясь на этнографические параллели. Поскольку мы располагаем еще очень немногочисленным сравнительным этнографическим материалом, наши вычисления являются лишь сугубо ориентировочными. По мере накопления сравнительных данных, если будут найдены закономерности в соотношении между числом жилых помещений и взрослых членов семьи, такие подсчеты могут получить твердую основу. Следует сразу же оговорить, что пользоваться этим способом оказалось возможным на хорезмском материале только для эпохи средневековья (XII—XIV вв.), когда жилища приобретают большое сходство с постройками Хорезмского оазиса, изученными этнографически, и поэтому могут быть легко сопоставимы. Кроме того, этот способ применим только к таким хорошо исследованным поселениям, как Кават-калинское и Акча-Гелин I, где отчетливо выявлена планировка построек и наблюдается повторяемость однотипных жилищ. Изложение результатов этих подсчетов будет приведено ниже. Что же касается античного периода, то мы попробуем (сугубо ориентировочно) подойти к подсчетам населения в античных хорезмских оазисах, опираясь пока лишь на данные, извлеченные из топрак-калинских документов. Как выше уже сказано, в состоятельную, но незнатную хорезмскую семью начала нашей эры входило 20—40 человек. Если считать, что в документах перечисляются «BYT» самой Топрак-калы, то жилищами этих семей могли быть большие 10—15-комнатные дома, вскрываемые сейчас на городище. В сельской местности им могли соответствовать такие постройки, как дом № 1 в Аяз-калинском поселении (площадь — 1200 *кв. м*) или дома № 5 и № 9 в несколько более позднем Турпак-калинском поселении. Площадь жилой части в этих домах равна 675 и 920 *кв. м* при общей площади 1135 и 1265 *кв. м*. Дом № 1 в Аяз-калинском поселении не вскрыт целиком, но по размерам и типологически близок к дому № 5 в Турпак-калинском оазисе, что позволяет предполагать примерно равное соотношение общей и жилой

площади в том и другом случае. Таким образом, мы можем допустить, что в домах с жилой частью в 700—900 *кв. м* жило 20—40 человек. Тогда в таких жилищах, как дом № 3 того же Аяз-калинского оазиса, где жилая часть составляет примерно $^2/_3$ общей площади, т. е. около 200 *кв. м*, могло жить 10 человек. Продолжая эти подсчеты, можно было бы прийти к выводу, что в джанбас-калинских жилищах общей площадью от 160 до 250 *кв. м* должна была обитать еще меньшая численно семья. Однако мы не считаем себя вправе распространять данные построения на Джанбас-калинский оазис, постройки которого представляют совершенно иную типологическую схему, где население могло отличаться иными семейно-бытовыми традициями. В целом это сугубо ориентировочные подсчеты; воздерживаясь от абсолютных цифр, можно лишь предполагать, что если среди состоятельного и знатного населения в первые века нашей эры были распространены большие семьи, то наряду с ними среди этих и других категорий населения существовали и малые.

Но если анализ планировки жилища эпохи античности и его размеры не являются пока достаточным основанием для суждения о численности обитавшей там семьи, то они дают некоторые возможности для рассмотрения ее структуры. Что представляли собой жилища в первые века нашей эры, мы надеемся, ясно из описаний, приведенных в первой части книги. Кратко перечислим их черты.

В крупных многокомнатных домах Турпак-калинского и Аяз-калинского поселений выделялись: парадная часть, связанная с приемами и включавшая обширный «колонный» зал или несколько больших комнат, в некоторых случаях украшенных многокрасочной росписью; хозяйственно-бытовые покои с очагами для приготовления пищи и прочими атрибутами соответствующего плана; кладовые со многими ямами для хранения продуктов и вкопанными в пол хумами. В наиболее крупных домах существовала и летняя неотапливаемая часть. Во всех случаях совершенно отчетливо распознается назначение комнат, связь хозяйственно-бытовых покоев с помещением для слуг и с ясно угадываемой женской половиной дома. Эта связь не столь отчетлива в жилищах менее состоятельных хозяев, где прежде всего отсутствовали парадные залы, наблюдалось совмещение нескольких функций в одном помещении и, естественно, отсутствовали комнаты для слуг.

Небольшие дома Джанбас-калинского поселения представляют несколько иной тип. Они состояли, как правило, из трех комнат, одна из которых равнялась по площади двум другим. Концентрация здесь очагов и закромов позволяет видеть в ней основную хозяйственную, женскую половину дома. Подробности обоснования назначения каждого помещения мы здесь опускаем, поскольку о них обстоятельно говорилось в первой части книги.

В целом, как бы ни различались большие и малые дома в рассматриваемый период, их характеризует одна очень важная общая черта: это — жилище единой в экономическом отношении семьи. Общие для всех кладовые, общая система взаимосвязанных комнат не оставляют в этом сомнения.

О чертах земледельческой общины, в которую входили подобные семьи, без письменных источников судить невозможно. Лишь кое-какие сведения о ее внутренней структуре можно получить из анализа планировки поселений.

Все изученные нами поселения, отличаясь друг от друга некоторыми, только им присущими особенностями, в целом представляли собой сходные варианты. Все они, за исключением несколько специфичного поселения у Аяз-калы III, относятся к категории рассредоточенных, когда жилища или, реже, их группы из двух-трех домов располагались изолированно среди полей, разделяясь расстоянием от нескольких десятков до нескольких сотен метров. В Джанбас-калинском поселении часть домов составляли группы из двух-трех домов, стоявших рядом, но каждый — на отдельном отводе бокового канала со своей усадьбой. В Туз-гырском поселении преобладали отдельно стоящие дома, среди которых один выделялся более крупными размерами. Групп домов почти нет. В Аяз-калинском поселении различалась компактная часть, тяготевшая к огромному укрепленному комплексу Аяз-кала III, и рассредоточенно стоявшие на периферии усадьбы. Наконец, Турпак-калинское поселение состояло из изолированных, свободно расположенных среди полей жилищ без заметных признаков усадеб. Этим, а также крупными размерами оно напоминало позднейший Беркут-калинский оазис.

Можно предположить, опираясь на многочисленные этнографические параллели, о которых подробно говорится в разделе настоящей главы о средневековых поселениях, что отмеченные особенности поселений отражали разные этапы хозяйственного выделения семьи внутри общины. В группах близжащих домов селились обычно, как свидетельствует этнография, родственники, однако степень их хозяйственной самостоятельности могла быть различна. Наличие собственной усадьбы с виноградником и садом при каждом из домов данных групп в античном Джанбас-калинском

поселении (в отличие от ряда средневековых поселений, где, как мы увидим ниже, внутри и возле одной усадьбы стояло несколько жилых построек) позволяет заподозрить бо́льшую экономическую свободу таких соседей. Следовательно, речь, по-видимому, может идти о небольших агнатических (патронимических) [2] группах, структура которых отразилась в планировке поселений, и об уже отделившихся от них малых семьях, живших изолированно. Бо́льшая компактность жилищ в центре Аяз-калинского поселения могла бы быть объяснена большей архаичностью коллектива, сохранившего в значительной степени родовые связи. В то же время возможно, что специфика данного поселения вызвана особыми условиями его формирования вокруг Аязкалы III, которая, как уже говорилось в первой части книги, была, по-видимому, каким-то общественным центром или крупным поместьем. Нельзя не отметить также другую его особенность — скопления в этом районе, главным образом на его периферии, больших по площади, явно богатых домов с остатками винодельческих хозяйств на усадьбах. Большие масштабы этих хозяйств позволяют думать об их товарной направленности. Таким образом, можно прийти к заключению, что возле Аязкалы сосредоточилось богатое, сильно дифференцированное в имущественном отношении население.

Жители Джанбас-калинского поселения, вероятно, были рядовыми земледельцами, довольно однородными в социальном отношении: бросается в глаза отсутствие какого-либо центра в виде более крупной постройки. Широкое обследование периферии Джанбас-калы в радиусе 3—7 *км* показало, что расположенные там поселения, крайне редкие и небольшие, были однотипны и тяготели к Джанбас-кале как единственному центру всей округи. При обследовании Беркут-калинского оазиса, напротив, удалось установить, что центрами следовавших полосой вдоль канала античных поселений первых веков нашей эры являлись укрепленные, разные по площади усадьбы. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что хотя бы часть таких укрепленных усадеб являлась резиденциями земельной знати. Вероятно, их можно сопоставить с дасткартами — хозяйствами, основанными, как предполагается, на использовании труда рабов и получившими распространение в Иране и в соседних восточных странах в эллинистический период [Периханян, 1952, 19 и сл.]. Основанием для таких предположений в какой-то мере могут служить топрак-калинские документы: если 10—15 рабов было у незнатных состоятельных семейств, то значительно большее число рабов должно было обслуживать хозяйства знати.

Все это косвенно свидетельствует о глубоком расслоении общества. Появление больших специализированных хозяйств типа аяз-калинского, несомненно, связано с общим экономическим оживлением, развитием товарных отношений; живой показатель этих процессов — появление в III в. н. э. (и распространение в некоторых районах) мелкой хорезмской медной монеты.

Говоря о специализации хозяйств, нельзя не упомянуть весьма интересные в этом отношении поселения у возвышенности Туз-гыр в Левобережном Хорезме. Обилие там гончарных печей, датируемых первыми веками нашей эры, позволяет говорить о существовании специализированных ремесленных поселений и даже целых районов. Туз-гырское поселение — несомненно, поселение гончаров, сочетавших, судя по топографическим особенностям местности, ремесло с земледелием. В этом поселении на 12—13 построек приходится более 30 гончарных печей. Еще больше печей работало возле укрепления Гяур-кала II, несколькими десятками километров северо-западнее.

Нам кажется существенным, что само поселение гончаров имело в этом районе совсем другой облик и состояло всего из трех-четырех глинобитных домиков, своими размерами явно не соответствуя масштабам производства. Пока трудно объяснить, чем вызвана эта разница и как был связан указанный поселок с укреплением Гяур-кала II. Может быть, дело в разной организации ремесла в обоих поселениях и поселок у Гяур-калы II возник так, как бывало много позднее, по наблюдениям А. Шишова, у сартов Ташкентского оазиса. Он отмечал, что «каждый из городов и некоторые большие селения в крае имеют своих гончаров, которые выделывают глиняную посуду для потребности местных жителей. В более отдаленные селения, не имеющие своих гончаров, глиняная посуда не перевозится, а туда, обыкновенно в летнее время, приезжают мастера из ближайшего центра, выделывают там, на месте, глиняную посуду, обжигают ее и распродают местным жителям» [Шишов, 289].

В Правобережном Хорезме отмечены ремесленные гончарные производства, состоявшие из 30—40 разного размера печей. Печи расположены изолированно, вдалеке от каких-либо населенных мест. Так, остатки подобных производств обнаружены в радиусе 4—5 *км* от Топрак-калы. По-видимому, выбор места

[2] В дальнейшем эти определения считаются синонимами.

зависел от изобилия нужного технологического сырья и воды. В других случаях гончарные мастерских находились в черте сельских поселений и были несравненно меньше по размеру (Турпак-калинское, Джанбас-калинское поселения). Такое размещение производственных гончарных остатков может свидетельствовать, по-видимому, о сосуществовании ремесленников, работавших на рынок, иногда в широких масштабах, с общинным ремеслом. С другой стороны, рассмотренная топография гончарных мастерских возвращает нас к вопросу, поставленному С. П. Толстовым, о роли античных хорезмских городов и степени отделения там ремесла от земледелия. С. П. Толстов отметил, что и в хорезмских городах нет признаков ремесленных кварталов, а следы ремесел, в частности керамического, встречаются на их территории разрозненно. Он объяснял это обстоятельство тем, что ремесленники были рабами и работали в домах-массивах горожан [1948, 274]. Между тем в среднеазиатских античных городах (Мерве, Термезе, Афрасиабе, Саксан-Охуре) существовали ремесленные кварталы, в том числе и гончарные [Филанович, 1973, 75; его же, 1974, 18—19; Шишкина, 1973, 96—98; Литвинский, Мухитдинов, 161—163].

Выше было показано, что зачатки такого выделения ремесленной части поселений наблюдались уже в «протогородских» центрах бронзового века (Алтын-тепе) [Масимов, 1973, 12, 13]. Круг этих сведений с открытием новых памятников поздней бронзы на территории Бактрии постепенно расширяется [Сариани, 1973, 8].

Указанная специфика античного Хорезма в какой-то мере объясняется, вероятно, меньшим числом крупных городов, чем, например, в Бактрии, и отсутствием сведений о самых крупных городах Хорезма, в частности о Кяте. Размеры последнего в античный период не установлены достоверно, площадь же средневекового Кята, как допускает О. Г. Большаков, достигала 500 *га* [Большаков, 1973, 171].

Однако лицо страны определяли все же такие города, как Куня-Уаз, Базар-кала и Гульдурсун и гораздо меньшие, типа Джанбас-калы. Социальная природа античных городов Хорезма и их роль в жизни страны охарактеризованы С. П. Толстовым так: «Зачатки, из которых вырастает среднеазиатский город, это, с одной стороны, refugium, с другой — базар, притом и то и другое очень рано освещается божественным авторитетом» [1948, 275]. Это высказывание вполне согласуется с существующим мнением, что древневосточный город — прежде всего город дворцов и храмов, опорный пункт военной власти [Бочкарев, Распопова, 1971, 302, также Kraeling, Adams, 135, 136, 183], а при дворцах и храмах концентрируются основные виды профессионального ремесленного производства. В то же время мы видели выше, что крупнейшие античные города Средней Азии были, безусловно, ремесленными центрами и потому приведенные соображения верны постольку, поскольку отражают древнейший исторический этап формирования городов.

Социальная природа небольших городов античного Хорезма, о которых шла речь выше, пока недостаточно ясна. Скорее всего они представляли собой то нерасчленение единство города и деревни, о котором говорил Маркс, имея в виду азиатскую древность [Маркс, 15]. Представляется несомненным, что большую роль в их развитии сыграло кочевое и полукочевое окружение страны. По словам С. П. Толстова, «было бы величайшей ошибкой видеть в городской цивилизации оазисов Средней Азии продукт развития только земледельческих оазисов. Лишь исходя из „первого значительного разделения труда" между кочевниками и земледельцами можно объяснить ранний расцвет среднеазиатских городов, возникших и развивавшихся как связующее звено между главными отраслями экономики древней Средней Азии — скотоводческим хозяйством степей и земледельческим хозяйством оазисов» [1948, 275].

Кочевое и полукочевое окружение Хорезма, стимулируя торговлю, всегда играло очень большую роль в развитии его экономики. Может быть, следует признать справедливым предположение Б. И. Вайнберг о том, что гончарные мастерские Туз-тыра, расположенные на краю древних земледельческих оазисов на границе полупустынной скотоводческой зоны, обслуживали именно эту периферию [Вайнберг, в печати].

Суммируя вышеизложенное, можно увидеть, что рассмотренные нами поселения и жилища рисуют довольно пеструю картину жизни земледельческих оазисов с расслаивающимися земледельческими общинами, где уже выделялись малые семьи, и общиной с еще сохранившимися большесемейными коллективами. Такие факторы, как дальнейшее усовершенствование ирригационной сети (образование из локальных каналов единой системы Чермен-яба в Левобережье, перенос ряда головных сооружений на основное русло Амударьи), появление городов с мощными цитаделями (Топрак-кала, Думан-кала), развитие товарно-денежных отношений и в целом подъем экономики, приведший к расцвету искусства и культуры в городских центрах (Топрак-кала), должны были создать условия для раз-

ложения больших семей и выделения экономически самостоятельных малых семей; но степень их распространения остается невыясненной.

* * *

Теперь обратимся к VII—VIII вв., минуя лакуну почти в два столетия. Есть основания полагать, что в IV—VI вв. в стране происходил кризис, на причинах которого мы здесь останавливаться не будем. Поселения того времени, за исключением Турпак-калинского, относящегося скорее всего к началу этого «смутного периода», полностью неизвестны.

VII—VIII вв. н. э.— время становления феодального строя, когда в стране почти совершенно изменился облик материальной культуры. Типичными становились, по-видимому, поселения, подобные Беркут-калинскому. Некоторыми чертами сближаясь с Турпак-калинским, оно сильно отличалось от него и всех более ранних поселений прежде всего появлением крупных замков, их специфическим расположением у истоков каналов, а также укрепленностью большинства усадеб в VII—VIII вв. н. э.

Внутренняя динамика, прослеженная в Беркут-калинском оазисе,— выдвижение новых центров и упадок старых, изменение их облика. Кое-где выявленная разница в площади угодий различных усадеб дополняет эту выразительную картину, запечатлевшую нерархическое, сильно дифференцированное общество с двумя полярными фигурами — знатного человека (дихкана) и крестьянина-общинника. Разной величины замки оазиса нельзя не сопоставить с тем многочисленным слоем мелких, средних и крупных земельных собственников, которые играли важнейшую роль в становлении нового строя. Теперь, после расшифровки документов с горы Муг, раскопок среднеазиатских раннесредневековых замков и Пенджикента с его сюжетно разнообразными росписями, дихканство обрело вполне зримые черты вплоть до материальных подробностей его быта. Не повторяя проведенный исследователями [Мандельштам, 1963, 53—73; Гафуров, 1972, 295—300] анализ сведений, характеризующих эту эпоху, скажем лишь, что установленные ими ее черты сходны с рядом признаков западноевропейского феодального общества. К ним относятся: иерархия строя, роль дружин (чакиров), раздробленность и децентрализация власти в среднеазиатских государствах и др.

Остановимся лишь на тех фактах, которые имеют отношение к земледельческой общине и ее структуре. Скажем сразу, что исследования последних лет и имеющиеся в распоряжении науки сведения показывают большую роль широких агнатических связей в иранском, согдийском и хорезмском обществах, структура которых была, вероятно, во многом сходна. Поэтому очень важны появившиеся после расшифровки документов с горы Муг данные о большой роли общины в раннесредневековом Согде. Это ясно уже из того, как отметил В. А. Лившиц, что народ (как и страна) обозначается термином «пβ, пʾβw» — «община» [Лившиц, 1962, 69, док. А-13]. От лица пенджикентской общины отдаются распоряжения тархану [там же]. Согласно В. А. Лившицу, народ-община делится на три группы: знать (ʾztkʾr), торговый люд (γwʾkrγ) и работники (kʾrγkr). Под последними следует понимать, как думает исследователь, крестьян-общинников и ремесленников [там же, 37, док. А-9]. Земельная знать — дихканы, или азаты,— «свободные», «благородные» (о них и об их многоступенчатой титулатуре см.: [Смирнова, 53—65, 69—85]) — сосредоточивала в своих руках большие земельные угодья. Согдийские дихканы владели поместьями (зйā') и селениями (дйха) (стр. 91).

По Наршахи большинство земель в Бухарском оазисе принадлежало древнему роду бухар-худатов [Наршахи, 1897, 13]. О частной земельной собственности в Иране в рассматриваемый период есть сведения в сасанидском судебнике Матикан-и-хазар-Датастан [Пигулевская, 1956, 179; Периханян, 1973, 53, 417 и др.]. Есть предположения, что кроме старой родовой знати в результате земельных пожалований создавалась новая служилая знать [Лившиц, 1971, 108; Мандельштам, 1964, 59].

Матикан-и-хазар-Датастан знает уже «все основные формы распоряжения, связанные с частной собственностью на землю: владение, распоряжение, продажа, залог и дарение» [Лившиц, 1971, 93]. Отсюда ясно, что концентрация земель в руках дихкан вела к расслоению общины и появлению зависимых лиц, к которым относились кедивары, клиенты и рабы. Из документов с горы Муг, упоминающих долговое рабство, известно, что в рабов могли быть обращены не только военнопленные, но и соотечественники.

Облик хорезмских поселений этого времени дает основание полагать, как говорилось выше, что подобные процессы происходили и в Хорезме. Археологические материалы и письменные источники свидетельствуют о существовании в это время в Хорезме крупных семейных коллективов. В связи с их изучением большой интерес представляют надписи (из некрополя Ток-калы, VII—VIII вв.), обнару-

женные примерно на ста оссуариях, причем некоторые тексты сохранились целиком. По данным их исследователя В. А. Лившица, в ряде надписей упоминаются члены одной и той же семьи или рода. Так, имя Вахунт (Wxwnt) читается как имя отца покойного в надписях № 7 [Лившиц, 1962, 69] и № 12. В надписи № 1, отличающейся от других известных сейчас надписей из Ток-калы своими размерами (40 слов) и структурой, упоминается Азрумат ('zrwm'y) — дед покойного [Гудкова, Лившиц, 13, 14]. Это же имя выступает в надписи № 52 как имя отца. В надписи № 1 прочитано также имя Ахшумбанда ('xŠwmβnt), сына Шахина (Šxyn'n), как имя главы рода, которому (самому главе или его потомкам) принадлежал, по-видимому, весь наус-фравартик (prwtyk). Тот же Ахшумбанд упоминается в надписи № 7. Тирикан (tyryk'n) выступает в нескольких надписях, обнаруженных в 1964 г.,— № 11, № 2 (в этих оссуариях похоронены братья), № 24, № 28, № 30 [там же, 14]. Предполагается, что Тирикан был главой рода — владельцем науса [там же].

Таким образом, в надписях на оссуариях из Ток-калы выступает широкий родственный коллектив, который их исследователи именуют «родом». В то же время А. В. Гудкова, изучавшая некрополь, полагает, что наус на Ток-кале был, по-видимому, усыпальницей большой семьи. Причем, если в наусах Пенджикента в среднем хоронили по 15—20 человек, то в ток-калинских — до сотни. Создается впечатление, что наусы на Ток-кале объединялись в отдельные группы, одна из которых и вскрыта полностью [Гудкова, 1968, 223]. С другой стороны, патрилинейный счет родства в надписях на оссуариях, упоминание не только отца, но и деда покойного, передача имени, как совершенно определенно пишет В. А. Лившиц, не в смысле отчества покойного, но как имени главы рода позволяют думать, что речь идет о широкой агнатической группе типа патронимии. На данном этапе развития наших знаний можно лишь ставить вопрос, не были ли они сходны с теми агнатическими группами, которые выявляются А. Г. Периханян при анализе судебника Матикан-и-хазар-Датастан и разнообразных источников, например надписей армянского царя Арташеса или среднеиранских — Шапура I. Списки лиц в надписи Шапура I перечисляют предков и родичей-агнатов царя, двор царей Папака, Арташира I и Шапура I. А. Г. Периханян выделила два варианта построения списков. Согласно одному из них, личное имя сопровождается родовым, образованным с помощью определенного суффикса. Это звучит так: «Ервандид из рода Ервандидов» или «Язат-Вишаси, сын Арштата, Михрандид (букв. „из дома-рода Михран")» [Периханян, 1968, 40, 41].

Раскопки позволили несколько конкретизировать эти сведения письменных источников. Обследование Беркут-калинского оазиса показало, что в VII—VIII вв. происходит укрупнение семьи. Прежде всего заметно увеличились размеры жилищ: 72% домов-массивов оазиса составляют постройки площадью 5000—1000 *кв. м*, 24% — свыше 1000 *кв. м* и только несколько процентов — площадью 100—200 *кв. м*. По-видимому (судя по исследованию упоминавшегося выше Турпак-калинского поселения IV — начала V в. и др.), этот процесс начался в конце III или в IV в.

В жилищах Беркут-калинского оазиса имелось несколько сходных по назначению и виду помещений или жилых секций со своими закромами и очагами для приготовления пищи. Это дало основание заподозрить, что там обитали внутренне дифференцированные большесемейные общины и произошло выделение малых семей, во всяком случае, в области потребления (см. подробнее: [Неразик, 1966, 112—120]).

В крупных по площади усадьбах («замки» № 32 и № 60 размерами 100×100 *кв. м* и 88×88 кв. м) [там же, 76, 84, 152], которые скорее можно назвать небольшими поселениями типа поздних иранских общинных деревень (qal'a) [Розенфельд, 24, 25 и сл.], могло обитать несколько таких больших семей, объединенных в крупную агнатическую группу.

Говоря о беркут-калинских постройках, нельзя обойти молчанием вопрос о кедах, с которыми С. П. Толстов сопоставил усадьбы Беркут-калинского оазиса и о которых мы уже имели случай писать [Неразик, 1966, 112—113]. Напомним, что понятие «кед» употреблялось в арабо-персидских источниках в качестве обозначения дома в несколько более широком смысле, чем арабское «хане» или «бейт», и, по В. В. Бартольду, «в это понятие кроме собственного жилища главы дома входили жилища его отделенных сыновей и других родственников, хозяйственные постройки и т. п., причем все эти постройки находились внутри общей ограды» [Бартольд, 1963а, 209].

Во главе дома стоял kedchuda — «господин дома», причем и «с понятием kedchuda первоначально связывалось понятие о власти над семьями и потомством» [там же].

В состав хорезмских кедов, по мнению С. П. Толстова, входили кедивары — зависимые люди — и рабы [1948, 151]. Как мы видели выше, рабы были в состоятельных семьях — «BYT» времени Топрак-калы. В ток-ка-

линских надписях упоминаются рабы («хӯннāник»; сопоставляется с «хӯнзāдик» поздних хорезмских текстов, букв. «сын хунна») [Гудкова, Лившиц, 14]. Это, во-первых, позволяет считать реальным наличие рабов в дихканских семьях афригидского Хорезма, и, во-вторых, такая этническая окраска термина «сын хунна» не только указывает на один из источников рабства, но и косвенно затрагивает этнические отношения, очень острые на этой окраине Средней Азии в VII—VIII вв.

Сейчас единодушно признано, что кедивары — люди зависимые, и рассказ Нишабури об Абруе не оставляет в этом сомнения, хотя В. В. Бартольд в свое время и полагал, что они — просто члены кеда. Статус этих зависимых лиц толкуется предположительно и поразному. С. П. Толстов, считал, что кедивары были адаптированы в кед на правах неполноправных членов [1948, 272]. Согласно другой версии, они — зависимые крестьяне-общинники вообще [Якубовский, 1955, 171] или просто земледельцы. По мнению О. И. Смирновой кедивары мало отличались от представителей низшего слоя дихкан [Смирнова, 108].

В связи с разбираемым вопросом очень интересен документ XIV в., опубликованный и прокомментированный О. Д. Чехович (вакуфная грамота Яхьи Бохарзи Шейха) [1959, 54—156], который позволяет скорее склониться к мнению С. П. Толстова. Хотя этот источник и не содержит конкретных сведений о взаимоотношениях между феодалами и кедиварами, он показывает, что последние как-то отличались от основной массы земледельцев-общинников (некоторое основание думать так дает уже рассказ Нишабури об Абруе). Анализируя вакуфную грамоту, О. Д. Чехович отметила, что кедивары упоминаются в связи с частновладельческими имениями, но не с государственными и вакуфными землями, что, во всяком случае, в XIV в. они не имели собственной земли и, что для нас особенно важно, кедивары жили при замках феодалов [там же, 156].

Последнее замечание было бы заманчиво поставить в связь с особенностями планировки некоторых раннесредневековых замков в областях Средней Азии. Так, исследователи южнотуркменского замка Ак-тепе (VI—VIII вв.) заметили различное расположение крестьянских жилищ: если одни находились в соседнем поселении, отделенном от замка рвом, то другие размещались непосредственно возле его стен [Губаев, Кошеленко, 1970, 104]. Исследователи сделали закономерный вывод о различных формах зависимости живших в Ак-тепе крестьян.

Планировка Якке-Парсана, крупнейшего хорезмского замка, также отражает сложную структуру населявшего его коллектива [Неразик, 1963; ее же, 1972, 50—51]. В нем различаются: донжон с обширными, высокими, функционально различающимися помещениями; многочисленные жилые трехкомнатные секции, занимавшие западную часть замка, менее «комфортабельные» двухкомнатные жилые секции в северной части; многокомнатный дом с коридором посредине — в восточной; маленькие скромные помещения за стеной замка, между нею и окружавшим его рвом. В последних явно обитала наименее привилегированная часть обитателей замка, среди которых, учитывая сведения вакуфного документа, можно увидеть наряду с другими зависимыми лицами и кедиваров.

Для истолкования сущности термина «кедивар», еще остающейся гипотетичной (С. П. Толстов полагал наиболее точным перевод его словом «клиент» [1948, 272]), важно, что документы с горы Муг показывают реально существовавшие в Согде в VI—VIII вв. или несколько раньше очень сходные с реконструируемыми С. П. Толстовым формы зависимости. Речь идет о категории лиц, обозначенных в «Брачном контракте» термином «γγrδ» («pty») — «отдавшийся под покровительство» В. А. Лившиц сравнивает этих «γγrδ» не с «клиентами» («mawālī») арабов, а с «усыновленными» ассирийских источников — людьми, входящими в дом «усыновителя», обязанными работать на усыновителя и нести его повинность [Лившиц, 1962, 36].

Таким образом, структура семьи в этот период отражала структуру того общества, ячейкой которого являлась. В дополнение к сказанному следует отметить, что упоминание в ток-калинских надписях термина «паник» («pnyk») — «сомужница» [Гудкова, Лившиц, 14] — предполагает полигамность, видимо, состоятельных семей. Косвенным образом наличие аристократических гаремов установил еще раньше С. П. Толстов путем анализа событий 712 г., связанных с именем Хурразада [1946а, 94—95]. Существование полигамии в раннесредневековом Согде твердо доказывается мугскими документами, причем kedchuda мог продать не только неполноправных жен (подопечную и побочную), но и полноправную свою жену [Лившиц, 1962, 30]. Сильную власть домовладыки можно предположить и в Хорезме в VII—VIII вв., если вспомнить топрак-калинские «BYT'». Однако в согдийских документах этот термин «kedchuda» («кедхуда») встречается и в другом значении (на последнем мы остановимся подробнее, исходя из предположения о наличии сходных момен-

тов в развитии семьи и общины раннесредневековых Хорезма и Согда).

Согдийские документы с горы Муг, как и хорезмские, также свидетельствуют о существовании в Согде крупных семейных коллективов. Например, в документах об аренде мельницы (В-4), брачном контракте (Nov. 3, Nov. 4), о купле-продаже земли (В-3) упоминается термин «рδ» — «род». В первом случае перевод звучит так: «И если Мāхйāн это условие не соблюдает, эту муку полностью не отдаст, то несоблюдение („ложь") и нарушение закона да будет на Мāхйāне. И также, если царь Дēвāштīч поручит чиновнику государя, в соответствии с законом, чтоб он для царя („им") ту муку полностью взыскал, то тогда за всю (муку) Мāхйāн с сыновьями и со (всем) родом пусть будет в ответе („понесет") и выплатит» [Лившиц, 1962, 57].

В. А. Лившиц интерпретирует термин «рδ» как «потомство», «род», соответствующий осетинскому «faedg», «faedk» — «потомство» (к развитию семантики древнеиранского «pada» — «шаг», «след», «потомство», «место», «дом»; среднеиранского «gāh» — «место», «дом», «род»; например, в «Та'рīх-и Табарī-Бал'амī»: «Айӯб происходил из рода пророка Йа'кӯба») [1962, 41].

А. Г. Периханян пришла к выводу, что согдийская община была общиной агнатов, включавшей несколько десятков, а то и сотню больших трехпоколенных семей [1968, 50]. Мы увидим ниже, что археологические материалы позволяют уточнить это представление.

Благодаря мугским документам появились первые сведения о персонале общинного управления и самоуправления. Среди государственных чиновников и представителей штата, обслуживавшего дворцовое хозяйство Диваштича (фрамандар — управляющий хозяйством, главный виночерпий, начальник парка, главный жрец, главный лекарь, начальник канцелярии, сборщик налогов), встречаются такие, как глава (γwyšt), кедхуда (kedchuda), (kty'βš'yws), наряду с которым действует арспан (rspn).

«Kedchuda» — термин, прошедший длительную эволюцию, отражавшую изменение самого содержания; первоначально он обозначал, как указывалось, главу семьи, семейной общины, домовладыку [М. М. Дьяконов, 1961, 282, Петрушевский, 1959, 306]. Из сопоставления различных мугских документов видно, что kedchuda уже не объединял в своем лице функций жреца, судьи и сборщика налогов, как это было в более древних земледельческих общинах (см. также: [Переломов, 1961, 56]). Наряду с ним упоминались такие лица, как «глава» — может быть, духовный чин, перед которым в Месте законоположений совершались бракосочетания, сборщик налогов и, наконец, арспан — какой-то представитель сельской администрации. Следовательно, речь идет о территориальной общине, внутри которой функции, исполнявшиеся на более ранних этапах ее развития kedchuda, теперь осуществляются государственными чиновниками, а сам термин «kedchuda» закономерно переведен В. А. Лившицем как «сельский староста».

Итак, перед нами сельская община с сохранившимися агнатическими связями. Нечто подобное, видимо, было и в соседнем Бухарском оазисе. В неоднократно цитировавшемся различными исследователями отрывке текста из Наршахи (о правлении царицы-регентши, матери Тахшады) использован термин «кэум»: каждый день 200 молодых представителей одного каума приходили к ее трону, и она отдавала распоряжения. На следующий день их сменяли 200 человек (дихкан?) из другого каума [Наршахи, 15—16]. А. Ю. Якубовский пришел к выводу, что «каум» в этом тексте означает «сельскую общину» [1955, 180]. Термин «каум» в свете этнографических данных [Неменова, 66—67] раскрывается как широкая агнатическая группа с тесными экономическими связями на ранних этапах. На более поздней стадии развития экономическая общность теряется, но сохраняются родственные связи, общность отправления культа, некоторых видов недвижимости (лугов, пастбищ и т. п.).

Использование этого термина Наршахи (учитывая раскрытие смысла термина согласно данным этнографии), большая роль агнатических групп в Согде и Иране и, как мы пытались показать, в Хорезме позволяют предположить сходную ситуацию и в Бухаре. Однако степень экономической общности агнатов остается неясной. Как мы отмечали, А. Г. Периханян полагает, что согдийская п'β (община) состояла из трехпоколенных больших семей. Вместе с тем археологические материалы рисуют несколько иную картину. Раскопанные в пригороде Пенджикента сельские дома, судя по их размерам, были жилищами небольших семей [Большаков, Негматов, 155—192].

Один из исследователей пенджикентского некрополя, Б. Я. Ставиский, полагал, что его наусы — усыпальницы малых семей, особенности же топографии некрополя и планировки кварталов Пенджикента запечатлели, по его мнению, следы пережитков патронимии [Ставиский, 14—15].

А. М. Беленицкий пришел к выводу, что жилища Пенджикента (вне зависимости от социальных традиций населения) следует рассматривать как односемейные [1973, 47]. Не говоря уже о том, что сам использованный им

термин неясен (ведь односемейным жилищем может быть жилище большой семьи), для подтверждения этого вывода требуются какие-то другие аргументы, не приведенные автором. О. Г. Большаков, разбив жилые постройки Пенджикента на четыре категории по площади и приняв, что на одно домовладение приходилось 6 человек, пришел к выводу, что в доме дихкана могло жить 25—30 человек, богатого горожанина — 12, состоятельного горожанина — 9, и бедного — 6 человек [1973, 260].

Все эти расчеты предполагают одно и то же число членов семьи в социально различных группах населения; общее число обитателей дома увеличивается лишь за счет прибавления того или иного числа слуг и прочих зависимых лиц. В таких расчетах прежде всего неясно, следует ли в их основу положить все ту же «сакраментальную» цифру 6. Она, возможно, отражала, как полагают, среднее число членов семьи в мусульманских городах позднего средневековья. Однако ее произвольно берут за основу вычислений исследователи и древнемесопотамских городов III—I тысячелетий до н. э., и средневековых городов и поселений, забывая об огромном промежутке времени, отделявшем эти эпохи, и не принимая во внимание специфику социально-экономического строя различных стран, возможность различных семейно-бытовых и этнических традиций. Поэтому вопрос о структуре и численности семьи жителей Пенджикента требует дальнейших исследований. Несомненными пока нам кажутся только выводы о том, что в большинстве своем постройки пригорода являлись жилищами малых семей.

В тесно связанной с Согдом Уструшане семьи замковладельцев представляли собой небольшие, уже полностью индивидуализировавшиеся социальные ячейки, характерные, как полагает их исследователь, для развитого этапа сельской жизни феодальной эпохи [Негматов, 1968, 37]. В связи с тем что это наблюдение находится в явном противоречии с другим, установленным на широких в хронологическом и территориальном отношении материалах и свидетельствующим о наиболее длительном сохранении больших семей в среде людей состоятельных, оно привлекает особое внимание, предполагая, быть может, какую-то специфику данных районов. Однако ввиду отсутствия подробных публикаций какие-либо выводы пока преждевременны.

С. К. Кабанов, изучая в оазисе V—VI вв. в долине Кашкадарьи, выявил жилища и больших и малых семей [Кабанов, 1966, 60—63].

Продолжая наш перечень, напомним, что в сасанидском Иране существовали и большие и малые семьи [Лившиц, 1971, 100—101], а некоторые исследователи даже настаивают на преобладании малых семей в качестве основной экономической единицы общества [Mazaheri, 1938, 33, 35 и сл.].

На этом фоне Хорезм выделяется полным отсутствием каких-либо сведений о хозяйственно-самостоятельном существовании малых семей. Напротив, имеющиеся материалы позволяют утверждать, что размеры семьи явно выросли. Большая площадь жилищ, а также раскопки многих усадеб оазиса не оставляют в этом никаких сомнений. В то же время, если дома эпохи поздней античности, будь то большие или малые, являлись, как мы видели, жилищами единой в производственном и потребительском отношении семьи, то крупные большесемейные общины предстают перед нами внутренне дифференцированными, во всяком случае, в потребительском отношении. В свое время эта разница была нами только намечена [Неразик, 1966, 120], теперь же о ней в связи с более подробными исследованиями и раскопками позднеантичных жилищ можно говорить с уверенностью.

Причин этого явления может быть несколько. Так, можно предположить, что укрупнение семей может быть вызвано социально-экономической и политической обстановкой в стране: внутренними распрями и междоусобицами (вспомним мятеж Хурразада), возможными социальными движениями в период становления феодальных отношений, опасностью набегов кочевых и полукочевых обитателей периферии. Эта обстановка достаточно ярко изображена в книгах С. П. Толстова, и поэтому нет надобности подробно ее описывать. Есть множество примеров, когда тяжелая внутренняя и внешняя обстановка, складывавшаяся в стране, приводила к временному восстановлению больших патриархальных семей, иногда являвшихся искусственным образованием [там же, 119].

Пытаясь найти причину существования в афригидском Хорезме жилищ со многими внутренними жилыми ячейками, свидетельствующими о дифференциации семьи, мы в свое время пытались увидеть ее в появлении на территории страны в то время чужеродных этнических групп, пришедших из низовий Амударьи. О доказательствах возможности такого проникновения (или, быть может, завоевания?) нам приходилось подробно говорить в другом месте [там же, 125—127]; вряд ли есть необходимость повторять эти доводы. Хотелось бы только привлечь внимание к следующему обстоятельству. Уже отмечалось сходство планировки хорезмских раннесредневековых домов-массивов Беркут-калинского

оазиса и поселений в низовьях Амударьи (кердерская культура) с урочищем Джеты-асар на Сырдарье [там же, 119]. Планировка верхних слоев Джеты-асара № 3 выглядит как сочетание сходных жилых ячеек; то же наблюдается и на Куюк-кале. Такие ячейки, представлявшие собой жилища отдельных небольших семей, могли возникнуть под влиянием кочевого быта, когда люди, составлявшие зачастую единый производственный и родственный коллектив, селились в нескольких рядом поставленных юртах [см. Абрамзон, 1957, 31—32].

При оседании кочевников эти принципы поселения могли быть перенесены в сырцовую архитектуру. Существование же в дельте Амударьи в условиях натурального комплексного (скотоводческо-охотничье-земледельческого) хозяйства [Гудкова, 1962, 123] способствовало длительному сохранению родовых пережитков в быту и социальной структуре общества.

ПОМЕСТЬЯ И ОБЩИННИКИ В XII—XIV вв.

Большой и разнообразный материал, полученный путем обследования сельских поселений и жилищ XII—XIV вв., гораздо легче поддается интерпретации, чем предшествовавший, ввиду подчас близкого соответствия в первую очередь с данными этнографии, хорошо определяемыми в социологическом аспекте.

Поселения XII—XIV вв. распадаются типологически на две группы: рассредоточенные; замки с примыкающим поселком или без него. Внутри каждой из этих групп имеются варианты, иногда важные для понимания социальной сущности поселений. Живое многообразие вариантов, несомненно, отражало какие-то градации структуры сложного общества средневекового Хорезма.

В XIV в. замки исчезли. В Северо-Западном Хорезме распространились большие поселения со сплошной застройкой в центре, без какого бы то ни было монументального композиционного центра. Рассредоточенные поселения в некоторых случаях приобрели вид очень далеко, иногда на километры, отстоящих друг от друга «гнезд» усадеб. Эти изменения должны быть связаны с переменами в социально-экономической обстановке в стране. Как мы увидим ниже, они могли зависеть и от причин этнического порядка.

Остановимся на указанных моментах подробнее.

Рассредоточенные поселения, несомненно, следует рассматривать как основную форму расселения крестьян. Замок с тяготевшей к нему округой встречался, как показывают наши исследования, в XII — начале XIII в. и на отдаленных западных окраинах государства, и на севере, в зоне Дарьялыка, и в оазисах канала Чермен-яб, почему, следовательно, и является характерным для своего времени.

Разделенные подчас сотнями километров, некоторые из этих сооружений поражают сходством основных архитектурных пропорций. Разница заключается лишь в обилии декоративного убранства или отсутствии такового. В этом отношении Кават-калинские замки несоизмеримо превосходят значительно более скромные левобережные постройки.

Часть замков была окружена целой системой угодий, занятых в прошлом, судя по ряду признаков, садами и разнообразными культурами. В черте этих угодий сохранились остатки немногочисленных жилищ, поселения же крестьян находились в отдалении. Может быть, перед нами, как и в раннесредневековых замках, жилища различных категорий зависимого крестьянства? Среди хорезмских слов, дошедших до нас в сочинении хорезмского языковеда XIII в. ал-Газмйнй, встречается термин «кедивар» [Фрейман, 106]. Уместно напомнить, что кедивары, согласно вакуфной грамоте XIV в., жили при замках феодалов [Чехович, 155]. Наличие этой категории в какой-то мере дает основание думать, что строй семьи земельной аристократии сохранял старинные черты и включал зависимых лиц различного статуса. Косвенным образом доказательством этому служит сама планировка замков, как она представляется теперь в свете последних раскопок в Кават-калинском оазисе. Было показано (см. первую часть книги), что, по существу, это — вариант крестьянских состоятельных домов, но усложненный, многокомнатный, с несколькими каптар-ханами, вторыми этажами и т. п.

В свое время мы уже отмечали сходство планировки крупных и мелких жилищ Беркутказлинского оазиса, объясняя его близостью строя семьи и распорядка ее жизни в обоих случаях, ссылаясь на аналогичные наблюдения, сделанные исследователями у таджиков бассейна р. Хингоу, у туркмен — эрсари [Неразик, 1966, 82]. К этому можно добавить замечание Поля Стирлинга, согласно которому все домохозяйства в турецкой деревне недавнего прошлого живут по единому образцу, а разная степень состоятельности сказывается в большей или меньшей комфортабельности жилищ [Stirling, 27, 28]. Зато эта «разная сте-

пень» определяла ту роль, которую играли главы состоятельных семей в жизни земледельческой общины [там же]. Мы увидим ниже, в какой мере ее структуру пронизывали агнатические, родственные связи. В системе этих связей, сочетавшихся с различными формами феодальной эксплуатации и зависимости, могли, как и в прежнее время, оказаться представители феодальной знати. В связи с этим важно, что именно с такой родовой знатью, сохранявшей наследственные земли, и можно сопоставлять владельцев замков.

Средневековые историки (Самани, Абу-л-Фазл Бейхаки, Ибн ал-Балхи) упоминают термин «дайа», под которым, по мнению ряда исследователей, следует понимать поместье, а некоторые данные Самани позволяют предполагать, что это были наследственные земли [Агаджанов, 1971, 173]. Крупные поместья были укреплены, окружены рвом, в них имелись дворцы, мечети. О таких поместьях хорасанской знати времен нашествия монголов сообщает Несеви [Nesevi, 91].

Как показал И. П. Петрушевский, иранское поместье XIII—XIV вв. обозначается в источниках термином «мазраэ». Оно, как правило, принадлежало государству или феодалу (во втором случае на правах милька или вакфа) [Петрушевский, 295—297]. А. Лемптон понимает mazra'eh как небольшое частновладельческое хозяйство («ферму»), освобожденное от налогов за воду, землю и др. [Lambton, 4].

Однако в XII в., на что обратил внимание еще В. В. Бартольд [1963, 249], дихканы утрачивают свое прежнее значение, по-видимому, в связи с повышением роли икта — земельного вознаграждения за службу. Не касаясь здесь истории этого института и характеристики разных его категорий [Lambton, 13, 14, 29 и сл.], следует учесть существующее в литературе мнение о том, что степень распространения икта повышалась там, где государство не могло организовать сбор налогов для обеспечения армии и чиновничества [Давидович, 1964, 251, 252].

Первые сведения об икта в Хорезме относятся к X в.

В 918 г., по Ибн-Фадлану, для организации экспедиции в Болгары и строительства там крепости было решено конфисковать хорезмские поместья Ибн-Фурата, везира халифа Джафара ал-Мукатадира. Поместье называлось Артахушмитан. Я. Г. Гулямов отождествляет его с Раитом (Ваянганом) близ Амбар-Манака [1957, 144]. Можно предполагать, что в дальнейшем, в XI в., с захватом страны сельджуками, пожалование земель за военную службу в Хорезме получило большое распространение. Известно, что в эту эпоху стало обычным передавать различные части государства членам семьи правящего дома. Например, Алп-Арслан правил Гиляном и Хорезмом, которые рассматривал как свою собственность. Ануштегину в икта была пожалована область Хорезм, оставшаяся в руках его потомков до 1221 г. и разросшаяся в государство Хорезмшахов [Петрушевский, 261]. В. В. Бартольд, основываясь на книге Низам ал-Мулька, полагал, что «в эту эпоху на интересах населения должна была вредно отразиться система военных ленов, т. е. земельных наделов, раздававшихся войску взамен уплаты жалованья или части его» [1963, 369]. В дальнейшем той же тактики придерживались и Хорезмшахи. Находясь в открытой вражде с халифом, принимая на службу степняков-кипчаков, огузов и прочих, Хорезмшахи должны были содержать эти войска. По данным Багдади, военачальник, назначенный при Текеше наместником Барчынлыгкента, получил в качестве пожалования через дйван-и 'арз (военное ведомство) одну из главных деревень этой местности — Рабат-Туганин. В ту же эпоху Яган-Догду получил в качестве милька селение Нухас, которое к тому времени было признано выморочным имуществом [там же, 443]. Наконец, султан Мухаммед в последние дни своей жизни, как пишет Несеви, щедро наградил почетными должностями и земельными наделами лиц, оказывавших ему услуги [там же].

Несеви упоминает, что, когда Зияульмульк стал везиром в Нисе, он получил в икта целую область [Nesewi, 248]. Многие должности передавались по наследству. Право икта тоже стремились сделать наследственным, получив право не только на сбор ренты, но и на самую землю с сидевшими там крестьянами. Некоторые исследователи считают, что в XIII в. существовала даже крепостная зависимость [Якубовский, 1955, 283].

Перечисляя эти сведения, мы упоминали не только икта, но и мильки, земли, являвшиеся собственностью, не связанные с несением какой-либо службы. Мильки, как известно, были не только у светских, но и у духовных лиц. Есть сведения о большом количестве частновладельческих земель в районе Миздахкана. Там существовал крупный религиозный центр и было много вакфных владений. Ханако и учреждения вакфа строились не только там, но и близ Хивы в XIV в. У Кутлуг-Тимура в Хорезме было много мильков, он подарил их шейху Сулейману Хаддади-ибн-Мусевию в вакф [Гулямов, 169].

Падение роли родовой знати, переход ее земель к новым владельцам не могли не от-

разиться на взаимосвязях внутри общины, ускоряли ее распад, усиливая процессы превращения свободных общинников в зависимых арендаторов-издольщиков, музарнев.

Однако какая-то часть этой знати, по-видимому, сохранялась в Хорезме на протяжении XII — начала XIII в., и только в XIV в., после монгольского нашествия, происходят коренные изменения, приведшие к окончательному исчезновению замков и их владельцев. В период же могущественных Хорезмшахов возле крупных замков, оказавшихся в выгодных хозяйственно-экономических условиях, стали вырастать торгово-ремесленные поселки и даже большие города (Пулжай). Таковы, например, замки, стоявшие в зоне канала Чермен-яб, вдоль которого в рассматриваемую эпоху проходил Хорасанский торговый путь (Кызылча). Касаясь вопроса о концентрации ремесел у стен хорезмских замков, следует отметить одну важную черту, отличавшую средневековые поселения от античных: отсутствие в большинстве из них остатков каких-либо производственных мастерских. Они теперь сосредоточились в городах и у стен феодальных замков, и, таким образом, города действительно становились ремесленными центрами страны. Мы не будем здесь останавливаться на их происхождении и развитии, хотя наши материалы, в частности наблюдения о наличии ремесленного производства у стен феодальных замков, представляют такие возможности. Эти наблюдения нужны нам только для того, чтобы показать происшедшее в этот период более полное отделение ремесла от земледелия и соответственно на этой основе — оживление внутренней торговли, что должно было сказаться на строе и жизни земледельческих общин, нарушив их консервативность и замкнутость. Далекие международные торговые связи империи Хорезмшахов, общий подъем экономики и культуры, прогресс в области ирригации (использование начиная с IX в. чигирей, усовершенствование ирригационной сети), повышение общего благосостояния, запечатлевшееся в памятниках материальной культуры, также должны были нарушить ту структуру земледельческих общин, о которой говорилось выше — в разделе об афригидском Хорезме.

Что же известно о строе земледельческих общин XII—XIV вв.? Некоторое представление о них дают рассредоточенные поселения, являвшиеся, как говорилось, поселениями рядовых земледельцев. Наиболее типичными для этой эпохи были поселения из небольших групп в два-четыре дома, разбросанных среди полей через 200—700 *м* и более (районы Замахшара, Шахрлика в Левобережье); наряду с ними встречались и отдельно стоявшие дома. Можно заметить, что ближе к центральным районам страны, занимавшим земли в верховьях каналов, поселения этого типа становились более компактными. Вариантами рассредоточенных поселений являлись поселения, в которых выделялся центр в виде более крупной усадьбы или замка. К последним следует отнести Кават-калинское поселение и Айгельды. Усадьбы в ближайших окрестностях Кават-калы местами почти смыкались оградами, образуя компактные «гнезда», а на периферии располагались свободнее. Айгельды представлял собой как бы отдельно взятую ячейку такого сложного организма. Другой вариант поселений рассматриваемого типа зафиксирован, как показано в первой части книги, в районе Дарьялыка в 10 *км* юго-восточнее поселения в точке 845. Жилища без земельных угодий располагались цепочками в 4—5 домов вдоль русел каналов, разделяясь промежутками в 200—500 *м*, но эта система прослеживается не на всей площади поселения.

Сравнивая рассредоточенные поселения поздней античности и средневековья, можно заметить, что первые в основном характеризовались домами, стоявшими на самостоятельных отводах каналов, внутри усадеб, которые редко образовывали группы; большинство же средневековых поселений отличались «кустовым», «гнездовым» расположением домов, причем иногда в черте одной усадьбы могло быть несколько жилищ. Последняя топографическая особенность наиболее выражена в поселениях середины XIV в. (поселения в окрестностях Акча-Гелина, Шахрлика).

Около 73% построек в каждом из поселений XII — начала XIII в. составляли дома, площадь которых колебалась в пределах 200 *кв. м*, причем 75% из них имело площадь до 100 *кв. м*, за исключением Кават-калинского поселения, где крупных домов площадью от 250 до 400 *кв. м* было около 50%. В эпоху Золотой Орды наблюдалось то же соотношение с небольшим уклоном в сторону дальнейшего уменьшения размеров жилых построек. Из сопоставления этих данных с цифрами, характеризующими площадь домов афригидского Хорезма, неминуемо следует вывод о сокращении численности семьи в эпоху Хорезмшахов. К тем же выводам приводит и анализ планировки сельских жилищ Хорезма. Каждая из построек, площадью до 200 *кв. м* включала одну или две жилые комнаты и ряд подсобных помещений (подробнее о возможной численности семьи см. ниже). Следует заметить, что в свое время мы допускали эту возможность, но не располагали тогда большим материалом [Неразик, 1966, 119]. Однако нужно воздержаться от окончательных заклю-

чений, так как пока не сказано, что представляли собой те группы построек, которые являлись столь примечательной чертой средневековых хорезмских поселений.

Благодаря раскопкам в поселениях Акча-Гелин близ Шахрлика и в урочище Дарьялык-куль стало известно, что в большинстве построек каждой такой группы имелись жилые комнаты с очагами для приготовления пищи, закрома и сосуды для хранения продуктов, т. е., следовательно, они были жилищами. Лишь небольшая часть построек может считаться хозяйственными.

Важно заметить, что в каждой из этих групп одна постройка, как правило, превышала другие размерами и, видимо, была главной. Планировка такого большого дома (№ 2) поселения в урочище Дарьялык-куль (точки 707—709) очень сложна: в ней различаются несколько однотипных жилых секций, большой зал с «почетным местом», кухня, кладовые, михман-хана и четырехкомнатная секция с коридором посредине. Трудно не увидеть, что подобные ячейки или часть из них, но в другой композиции, входили в планировку замка Якке-Парсан (VII—VIII вв.), дома № 43 Кават-калинского оазиса, позднейших хивинских хаули. Этот факт, по-видимому, объясняется сохранением общих черт структуры крупной семьи состоятельных земледельцев Хорезмского оазиса на протяжении веков.

Особенно интересна жилая секция с коридором посредине. Взятая отдельно, она не отличается от небольших домов той же эпохи (см. раскопки в Кават-калинском оазисе, Айгельды и др.). В то же время она включена как органическая часть в сложные комплексы — в дом № 2 поселения в урочище Дарьялык-куль, дом № 43 Кават-калинского оазиса, Якке-Парсан. Вероятно, в первых двух это были покои самого хозяина дома; в Якке-Парсане, учитывая наличие донжона, назначение ее менее ясно. В двух-трехкомнатных секциях дома № 2, вероятно, жили жены хозяина дома и его ближайшие родственники, например еще не отделившиеся сыновья. Соседние два дома выбранной нами группы поселения в урочище Дарьялык-куль могли быть жилищами отделившихся сыновей и других родственников. Часть хозяйственных комнат примыкала к дому № 2 в виде самостоятельной постройки.

В более простой планировке домов в группах-«гнездах» Акча-Гелина запечатлелась, вероятно, структура менее многочисленной и состоятельной семьи, однако общая ситуация — объединение в таком хуторе нескольких жилищ — повторяется. Мы покажем ниже, что поселение Акча-Гелин могло принадлежать и не исконно хорезмскому населению, однако сам тип расселения и планировки жилищ, сходный с хорезмским и отражавший, видимо, аналогичную структуру семьи, дает как будто основание привлекать здесь эти материалы.

Все вместе взятое выявляет, как нам кажется, группу очень связанных условиями существования людей, безусловно родственников, разделившихся в области потребления и, по-видимому, в какой-то мере — в хозяйственном отношении. Меньшие по площади дома появились, несомненно, по мере «отпочкования» от отцовской большой семьи малых. При этом мы имеем дело со сравнительно поздним этапом разложения большой семьи, так как на более ранних, как это зафиксировано у разных народов, для брачных пар строились отдельные помещения, но сохранялся общий котел и общие запасы продуктов, которыми распоряжалась старшая женщина [Косвен, 1963, 15, 63].

Описываемые группы построек вызывают самые ближайшие ассоциации с тем, что видел М. И. Иванин, посетивший Хивинский оазис в середине XIX в. Он писал: «Заселение Хивы состоит из бесчисленного множества недалеко один от другого отстоящих хуторов или заимок, в которых живет по одному, по два, по три хозяина, большею частью родственники. Только в окрестностях Хозараспа, Хивы, Куня-Ургенча, Шавата, Ходжейли есть несколько селений, в которых находятся по 20 и по 30 дворов вместе. Люди селятся там большей частью поблизости канав и водопроводов» [1843, 110].

Очень важные для нас сведения можно почерпнуть из книги исследователя афганской деревни А. Д. Давыдова о поселениях горных таджиков Северо-Восточного Бадахшана. Он пишет: «После смерти главы семьи братья выделяются в самостоятельные хозяйства, строя себе дворы предпочтительно рядом с отцовской усадьбой. Так возникают обособленные хуторки или группы тесно примыкающих друг к другу домов в деревенском квартале. Они называются „канда“. Каждая „канда“ носит общее патронимическое название по имени своего родоначальника: деда, прадеда, реже прапрадеда» [1969, 70].

Таким образом, обособившийся хуторок в афганской деревне до недавнего времени занимала, по мнению исследователя, патронимическая группа или, как он ее называет, «патронимия низшего порядка». «Патронимия второго порядка» («ухель»), охватывавшая целый деревенский квартал, объединяла несколько «патронимий низшего порядка», признававших общего родоначальника. Выше их стоял каум — крупное патронимическое объ-

единение, уже скорее, как полагает А. Д. Давыдов, территориальное объединение, совпадавшее с большой деревней, с несколькими деревнями или занимавшее несколько кварталов соседних деревень [там же, 72].

Нечто подобное существовало еще недавно и у таджиков Каратегина и Дарваза. Исследователи зафиксировали там общинно-родовую организацию — каум [Неменова, 67]. Она состояла из нескольких родственных семей, происходивших от общего предка. В большинстве случаев возникновение каума определяется за 4—5 поколений. Его название часто происходит от имени основателя, а иногда от его профессии. «Члены одного каума и до настоящего времени связаны участием в радостных и печальных событиях семейной жизни, обязаны взаимопомощью друг другу. Кладбища во всех кишлаках Дарваза и в ряде мест Каратегина до сих пор делятся на родовые участки, где каждый каум хоронит своих родственников» [там же].

Селения в этих районах разбиты на три типа. Два из них, приводимые ниже, сходны с некоторыми из средневековых хорезмских поселений.

Поселения (равнинные) из домов, свободно расположенных среди полей и садов, имеющих приусадебные участки, разделенные промежутками не менее 150—200 *м*. Эти поселения разительно напоминают хорезмские типа Турпак-калинского или Беркут-калинского.

Поселения так называемой скученной мелкокишлачной планировки в виде групп домов или хуторов, образующих компактные гнезда из трех-четырех домов [Неменова, Писарчик, 16].

Весьма интересно, что установленная исследователями эволюция типов поселений позволила проследить и эволюцию большой семьи. По Н. А. Кислякову, намечены следующие этапы развития.

Кишлак-дом или кишлак-хутор, заселенный большой патриархальной семьей.

Кишлак-квартал, заселенный несколькими семьями, обычно относившимися к одному кауму.

Многоквартальный кишлак, в каждом из кварталов которого прослеживаются родственные связи.

Кишлак, где проследить родственные связи уже нет возможности [Кисляков, 1936, 100—102].

Описанное расположение домов «гнездами»-группами можно сопоставить с коше каракалпаков — кровнородственными группами из 8—10 семей, проживавших в небольших группах усадеб, близко расположенных друг к другу [Кисляков, 1969, 30]. Иногда несколько коше объединялись в более крупные поселения, выделяясь в них, однако, компактными группами [там же, 29—31]. Все главы семей были потомками одного предка, и, таким образом, мужчины коше являлись кровными родственниками по мужской линии. Помимо родственных связей членов коше объединяли общие экономические интересы и общность религиозных отправлений.

Сходные типы поселений зафиксированы у казахов, туркмен [там же, 31], киргизов [Абрамзон, 1971, 191, 192], великороссов, южных славян и других народностей [Косвен, 1963, 107, 109, 169] — всюду, где прослеживаются признаки семейно-родственных (агнатических) групп, или патронимий.

Исходя из сказанного, есть, как мы полагаем, все основания считать, что хорезмские рассредоточенные поселения XII—XIV вв. запечатлели следы существования в земледельческих общинах вышеназванных групп.

Можно полагать, что в той мере, в какой топография средневековых сельских поселений служит источником для реконструкции общественных отношений и отражает структуру общины и семьи, эти поселения запечатлели разные этапы развития патронимий. Существуют предположения, что на архаическом этапе этого института все угодья, в том числе и пахотная земля, составляли коллективную собственность всей патронимии. С течением времени все земли, в первую очередь пахотные, делятся по семьям [Косвен, 1963, 113].

Мы предполагаем, что группу жилищ в черте одной усадьбы, подобно встречающимся близ Шахрлика (XIV в.) или в Акча-Гелине, следует рассматривать как хутор, образованный молодой, только что возникшей патронимией «низшего порядка», или «младшей», составлявшей часть более крупного патронимического образования. В области землепользования ее скорее всего можно сопоставить со старинными формами патронимий, например у адыгов, когда пахотные земли находились в неразделенном владении патронимии в целом, а урожай поступал в общие закрома и затем делился по семьям [там же, 195—196]. В топографии Акча-Гелинского поселения можно увидеть следы более сложного образования, отразившего и «младшие патронимии», и более крупные группы, объединившие их, и общие для всех групп сады. Как известно, фруктовые сады, мельницы, луг дольше всех оставались в общем владении патронимий — даже тогда, когда отдельные семьи уже сделались хозяйственно-самостоятельными [там же, 114]. Наконец, в Кават-калинском оазисе, в поселениях близ Замахшара

(точки 707—709), где несколько домов в черте одной усадьбы встречаются редко, а при каждом жилище, расположенном отдельно или в группе, имеется свой участок, отразилась структура тех патронимий, которые широко зафиксированы источниками и которые можно считать классическими.

Несколько слов о том, как в свете нашей темы можно понимать изменение расселения, вернее, новые особенности расселения сельских жителей Хорезма в XIV в.

Распространение в это время больших компактных поселений с плотно застроенным центром (точки 822, 845 и др.), не имевших никакого сходства ни с рассредоточенными средневековыми поселениями XII—XIV вв., ни с более ранними типами расселения хорезмийцев, безусловно, требует объяснений.

Существует предположение, согласно которому возникновение этих поселений связывается с монгольским нашествием, нарушившим традиционные формы жизни местных жителей [Вишневская, 1963, 68]. Однако есть основания полагать, что компактные поселения, подобные интересующим нас, существовали в зоне Дарьялыка уже в хорезмшахский период. Тем не менее само направление поисков кажется нам правильным. Ряд фактов указывает, что именно в политической истории страны и связанных с ней событиях этнической истории следует искать причины указанных изменений в строе материальной культуры населения. Перечислим эти факты.

Установлено, что область распространения компактных поселений совпадает с регионом, где преобладал и иной тип жилых построек, нежели традиционные для жителей средневекового Хорезма дома с центральным коридором. Это довольно примитивные однорядные или, реже, двухрядные дома, сходные, как показано выше, с жилищами оседающих кочевников и полуоседлого населения отсутствием развитых навыков в области домостроительства.

Далее, рассматриваемые нами поселения обнаруживают близкое типологическое сходство с поселениями XII—XIV вв. в районе Жанидарьи. Специфические приемы ирригации, известные населению сопоставляемых районов, сходные формы материальной культуры позволяют предполагать и этническую близость населения междуречья Северного Даудана и Дарьялыка, с одной стороны, и поселений на Жанидарье — с другой. Этническое определение жителей жанидарьинских поселений в эту эпоху еще не установлено окончательно, но нет сомнения, что какую-то, и, вероятно, значительную, его часть должны были составлять кипчакские племена.

В связи со всем сказанным необходимо привлечь внимание к тому, что в поселениях XIV в. в Левобережном Хорезме сохранялись традиции кочевого быта. Имеются в виду следы юрт, обнаруженные возле поселений Куня-Уаз и Акча-Гелин I. Первое особенно интересно своими, по существу, однокомнатными, а иногда заглубленными в землю домиками типа полуземлянок, соединенными общим двором со многими ямами и очагами в одно хозяйство. Однако следы юрт замечены и в поселении Акча-Гелин I, близком к традиционному типу расселения хорезмийцев. Все это, вместе взятое, в какой-то мере показывает этническую пестроту населения, расселившегося в XIV в. в окраинных районах Хорезмского государства, разрушенного нашествием монголов. Оно в разной мере сохраняло родовые пережитки и родо-племенное деление, и эти различия должны были запечатлеть их поселения, дошедшие до наших дней.

Понять происхождение описанных поселений помогают и этнографические данные, относящиеся к более позднему времени. По сведениям исследователей, «оседлые и полукочевые туркмены, кара-калпаки, киргизы большею частию селились целыми родами, причем в отдельные аулы собирались... члены мелких родовых подразделений, связанных между собой узами большего или меньшего родства» [Гиршфельд и Галкин, 99].

С другой стороны, Б. Х. Кармышева сообщает: «Те группы, которые в прошлом вели кочевую жизнь, в долине, как и в богарной зоне, оседали небольшими, порой родственными группами. Селились они, как правило, разбросанно... Таким образом, кишлак состоял из крестьянских усадеб, расположенных на расстоянии 50—100 и более метров друг от друга. Каждая усадьба была окружена пашнями ее хозяина» [Кармышева, 132]. Нам кажется, что эти два сообщения дополняют друг друга: если у населения были живы родовые связи, полукочевники оседали компактными поселениями, если же связи были порваны, вместо них появлялись хутора. Не так ли возникли в Левобережном Хорезме компактные поселения (в точках 845, 822, Куня-Уаз) и некоторые из рассредоточенных типа Акча-Гелинского? Близость семейной структуры хорезмского и некоторых групп пришлого населения объясняет сходство разных рассредоточенных поселений, которые могли создаваться этнически различным населением.

* * *

Подведем итоги.

В XII—XIII вв. вместо крупных домов-массивов раннесредневекового Хорезма широко

распространялись сравнительно небольшие дома патронимических поселков, по-видимому, кое-где малая семья получила относительную хозяйственную самостоятельность.

Однако в дальнейшем, минуя лакуну, приходящуюся на смутное время XV—XVIII вв., когда основной массив обследованных нами земель древнего орошения был заброшен и стал достоянием скотоводов, а на месте прежде цветущих земледельческих поселений среди развалин древних домов оставили следы только юрты или землянки, в середине XIX в. мы вновь сталкиваемся с большой патриархальной семьей как основной хозяйственной единицей численностью в 20—40 человек [Сазонова, 1952, 301]. Типичным жильем для этого времени считаются большие хаули со многими жилыми и хозяйственными помещениями [там же].

Ясно, однако, что сохранение среди узбеков Южного Хорезма большой недифференцированной патриархальной семьи в XIX — начале XX в. не означает ее стабильности на всем протяжении истории Хорезма. Возможность непрямого, с отклонениями, пути развития семьи в Хорезме можно было предположить и раньше [Неразик, 1966, 118], но сейчас у нас больше оснований говорить о его неравномерности.

Подобные явления зафиксированы и на других территориях. Так, в Вавилонии во II тысячелетии до н. э. из-за падения урожайности в результате засоления земель товарность хозяйства резко упала и мелкие семьи древневавилонского периода уступили место общинам касситского периода [И. М. Дьяконов, 1963, 29; его же, 1968, 26]. Примеры можно было бы умножить, но все они сводятся к выявлению одной закономерности, сформулированной И. М. Дьяконовым: «Характер и самое наличие общинных образований зависели от реальной хозяйственно-политической расстановки сил в данном обществе и, в частности, от степени нужды земледельцев в разных видах кооперации» [там же, 26].

Колебания в численности и структуре семьи в Хорезме происходили неоднократно. Уже говорилось об укрупнении семьи в VII—VIII вв. (по сравнению с началом нашей эры). Вместе с тем вопрос о степени распространения малой семьи в античном Хорезме пока неясен, хотя можно допустить преобладание этой семьи в каких-то районах и в какие-то периоды той сложной эпохи.

В XII — начале XIII в. малая семья получила бóльшую самостоятельность, однако реликты большой патриархальной семьи в виде патронимии сохранились. Затем, видимо в XVI—XIX вв., вновь произошла реставрация крупных большесемейных коллективов[3]. Рассмотренная нами эволюция во многом объясняется изменением социально-экономической обстановки в стране. Например, вместо бурной, насыщенной внутренними междоусобицами и вторжениями извне эпохи раннего средневековья (VII—VIII вв.) в XII — начале XIII в. наступил период подъема благосостояния в Хорезме, сделавшемся центром обширной империи могущественных Хорезмшахов. Мирная обстановка в государстве, процветание экономики, подъем культуры должны были способствовать распадению больших патриархальных семей, распространившихся в VII—VIII вв., хотя в каком-то числе, у определенного населения в отдельных районах страны они продолжали сохраняться и в дальнейшем. Большую роль должны были сыграть этнические процессы, не во всех случаях еще достаточно ясные. Кроме того, нельзя предполагать полную преемственность традиций во всех областях экономики и культуры на всем протяжении истории страны, учитывая возможность их нарушения в определенные периоды. В частности, есть основания полагать, что VII—VIII столетия в истории Хорезма не являлись прямым продолжением развития страны в начале нашей эры. То же самое можно предположить, имея в виду середину XIV в. и отдельные более поздние периоды. Однако эти вопросы должны составить предмет самостоятельного исследования.

В целом же нам кажется, что устойчивое сохранение агнатических групп-патронимий характерно для социально-экономической истории Хорезма на всем ее протяжении. Вряд ли это объясняется только экономической отсталостью и географической изолированностью Хорезма; причина кроется скорее в особенностях водного режима, системы землевладения и землепользования, требовавших больших трудовых усилий, кооперации.

На последнем следует остановиться специально.

---

[3] В. Н. Ягодин полагает, что реставрация большесемейных общин типа зафиксированных в архиве хивинских ханов происходит в XIII—XIV вв. Сам по себе такой факт и не исключается для определенных территорий Хорезма, но рассмотренными нами материалами он не подтверждается. К тому же нельзя не отметить, что сведения о погребениях, использованные В. Н. Ягодиным в качестве единственного источника, свидетельствуют только о существовании обширных коллективов, скорее всего родственных, но не дают оснований для более конкретного их определения [Ягодин, 1970, 156—162].

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ХОРЕЗМЕ

Усадебный характер расселения хорезмийцев может явиться основой для постановки еще нескольких вопросов, связанных с землепользованием и землевладением. По этнографическим данным, внутри патронимий через определенные промежутки времени происходили переделы земли, вызванные в первую очередь изменением численности семей. У нас нет сведений о переделах общинной земли в древней Средней Азии [Большаков, 1971, 130]. К тому же нам кажется, что рассредоточенное расселение предполагает единоличное владение землей семьи, жившей в отдельной усадьбе.

Так, по крайней мере, практиковалось в 1912—1913 гг. в Амударьинском отделе (правый берег Амударьи). Согласно С. К. Кондрашеву, «общественных переделов земли совершенно не существует. В некоторых местах зарегистрировано общинное владение поливных земель „с типичными русскими переделами", но такое землепользование, во-первых, невелико (6,9%), а, во-вторых, мотивами переделов орошаемых земель служит не уравнение земельных участков главным образом, а уравнение водопользования. В годы же с достаточным количеством воды в оросительных каналах переделов этих совсем не бывает» [Кондрашев, 28].

Полагают, что единоличная форма владения землей является неизбежной там, где хозяйственное освоение последней связано с приложением огромного количества труда на приведение ее в годный для земледелия вид [Дембо, 58]. Так бывает в зонах подсечно-огневого земледелия, а также в областях искусственного орошения. Условия земледелия в последнем случае — необходимость вымачивания и тщательной обработки поля, его удобрения — способствуют выработке взгляда на землю как на частную собственность [Шкапский, 97]. В развитие этой мысли приведем мнение С. К. Кондрашева. Он отмечает, что, по данным изысканий, в Хивинском оазисе в XIX в. 61,5% хозяйств имело посевные участки от 2,1 до 5 десятин. Семья в 6—8 человек, часто с наемными рабочими, годовыми или временными, могла существовать на такой незначительной площади только при интенсивном способе ведения хозяйства, при тщательном уходе за землей из года в год. Естественно, поэтому, считал С. К. Кондрашев, что землепользование в низовьях Амударьи (на землях орошаемых) носило характер частновладельческий [Кондрашев, 27, 28].

Одним из признаков подворного владения землей являлось ее огораживание. Наиболее ценные поливные земли огораживались и закреплялись за их хозяевами на правах наследственного владения. Считается, что огораживание являлось одним из главнейших факторов, способствовавших распадению общин [Егиазаров, 1951]. Н. А. Кисляков замечает, что общинная земля переходила в собственность того, кто имел возможность благоустроить участок, развести на нем сад, выстроить дом, засеять поле люцерной и обнести его глинобитной стеной [1962, 127]. В Бухарском оазисе такие частнособственнические земли назывались «хаят». Они обносились глинобитными стенами, на них разводили огородные бахчевые культуры, реже устраивали сады или виноградники. Н. А. Кисляков пишет, что хаяты принадлежали главным образом зажиточным хозяйствам [там же, 130].

Сопоставим эти сведения с замечаниями русских исследователей Хивинского оазиса: «Садов в Хиве мало, быть владетелем сада считается большой роскошью, а потому хозяевами садов являются только люди богатые» [Краузе, 44]; «большинство земледельцев в ханстве не имеет настоящих огороженных садов, настоящие огороженные сады существовали только у богатых людей, размеры этих садов достигают до 5 десятин» [Костенко, 384].

Небезынтересно сравнить приведенные данные с теми сведениями, которые мы получили при исследовании сельских поселений. Мы видели огороженные участки; есть основания считать их садами или виноградниками при каждом хуторе или усадьбе в поселениях античного периода. В таком случае напрашивается вывод об относительной состоятельности жителей этих оазисов. В средневековых поселениях, судя по их топографии, одним садом владела группа домов — патронимия, но в целом хозяйственные взаимоотношения отдельной семьи и патронимической группы внутри общины в средневековом Хорезме совершенно неясны.

Очень важно было бы выяснить, что являлось единицей налогообложения в средневековом Хорезме? Удивительная устойчивость многих проявлений материальной культуры и духовной жизни хорезмийцев дает нам право при этом прибегать к сведениям более позднего времени, в частности эпохи Хивинского ханства. Вместе с тем нельзя не учитывать, что прямой преемственности новых земельных институтов и древних могло и не быть, как это справедливо отметил Н. А. Кисляков

[1962, 87]. Существующие сведения о землевладении и землепользовании в средневековой Средней Азии (включая и налоговую систему) так отрывочны, что их нельзя свести в стройную картину. Отдельные исследования (в частности, по Индии) показывают, сколь сложна история этих институтов, связанная с новыми переделами земли, введением новых фискальных систем и т. п. (см.: [Алаев, 148]). Поэтому можно только догадываться о том, что принималось за единицу налогообложения в средневековом Хорезме. Являлся ли ею «дом», «котел», как это было в середине XIX в. в отдельных районах Хивинского ханства? При этом кажется весьма существенным, что подворно платили подать владельцы наследственных частновладельческих земель атаи-мульков [Гиршфельд и Галкин, 53; Данилевский, 1851, 155; Кун, 54; Шкапский, 109]. Эти земли располагались в области наиболее старой культуры и были населены, как полагают, прямыми потомками древних обитателей страны. Но если принять в качестве гипотезы, что единицей налогообложения был «двор», то встает следующий вопрос — что же считать «двором»? Была ли это вся патронимическая группа в хорезмских средневековых поселениях или отдельное хозяйство внутри нее? Например, в афганских общинах, расселение и патронимическая структура которых, как показано выше, близки средневековым хорезмским (особенно на окраинных землях Западного Хорезма в XII—XIV вв.), единицей налогообложения была вся патронимическая группа. Так, земли афганского племени бхитани были первоначально разделены на доли, называвшиеся «нала»; каждая из них находилась во владении патронимии. «При этом вплоть до конца XIX века каждая нала одновременно числилась в налоговых ведомостях как основная податная единица» [А. Д. Давыдов, 1969, 159].

Другой факт, на который в этой связи нельзя не обратить внимания, сообщает П. П. Иванов. Согласно его сведениям в списках налогоплательщиков из архива хивинских ханов в качестве владельцев одного и того же двора (хозяйства) часто вместо одного лица указывали двоих. Иногда оказывалось, что один и тот же двор имел до четырех хозяйств [1940, 33]. К сожалению, эти разрозненные факты пока не позволяют выйти за пределы догадок и предположений. Ясно лишь одно: сохранение общинных родственных коллективов диктовалось бо́льшим удобством обработки земли и облегчением в уплате налогов. Правительство также было заинтересовано в сохранении этих коллективов, являвшихся более надежными налогоплательщиками.

В связи с этим приведем вычисления О. Шкапского, занимавшегося изучением баланса рядового крестьянского хозяйства в Амударьинском отделе в конце XIX в. О. Шкапский исходил из численности семьи в 4—5 человек при двух взрослых мужчинах-работниках. Именно то обстоятельство, что за единицу исчисления была принята такая небольшая семья, оказалось очень выразительной иллюстрацией ко всему сказанному. Проделанный исследователем анализ баланса такой семьи привел его к заключению, что она могла влачить жалкое существование с совершенно недостаточным прожиточным минимумом: «Семья в 4—5 человек,— пишет О. Шкапский,— может обработать только 5—6 танапов земли, а это не обеспечивает прожиточный минимум при существующей примитивной сельскохозяйственной технике». Основной его вывод: «В Хивинском оазисе вести хозяйство личным трудом могут только семьи, обладающие большим числом рабочих сил и землею в размере 2,5 танапа на одного рабочего. Там же, где рук не хватает, землевладелец должен при малоземелье влачить жалкое существование или же, при большом земельном наделе, прибегать к наемному труду» [Шкапский, 194]. Важно и следующее его добавление: «А садоводство, виноградарство и пр. находятся в зачаточном состоянии при таком образе жизни и сельскохозяйственном труде» [там же, 201].

Любопытно, что О. Шкапский считал наилучшей формой организации хозяйства переход от существовавшего тогда мелкого подворно-участкового владения землей при общинном водопользовании и водовладении к организации земледельческих артелей. Последние, по его мысли, обеспечили бы возможность вести более интенсивное хозяйство на большой площади земли и служили бы препятствием развитию карликового хозяйства [там же, 204].

Если наложить выводы О. Шкапского на ту картину сельскохозяйственной жизни, которая предстает перед нами в результате исследований сельских поселений Хорезма, то можно прийти к выводу, что сохранение родственных групп, расселявшихся в хуторах-«гнездах», которые мы констатировали выше, являлось наиболее целесообразной формой ведения хозяйства в условиях довольно примитивной сельскохозяйственной техники и искусственного орошения, также способствовавшего сохранению обширных сельскохозяйственных единиц. Этот способ хозяйствования позволял разводить сады и виноградники, отсутствовавшие, как мы только что видели, в рядовом хозяйстве Хивинского оазиса.

Итак, не крестьянское хозяйство малой семьи, а хозяйство патронимических групп или больших семей было, по нашим предположениям, основной экономической единицей в Хорезме начиная, во всяком случае, с раннесредневекового периода. И хотя фактически внутри этих групп большую самостоятельность приобрела малая семья, имевшая свои запасы продовольствия, свое имущество, свой пахотный участок, часто свой огороженный приусадебный участок — сад, виноградник или бахчу, свой дом и хранилища — в производстве, в обработке земли и уходе за ирригационными сооружениями она выступала в кооперации с остальными семьями патронимической группы, вероятно, считаясь «одним котлом» или «одним двором» при раскладке налогов, как ими были, например, пайкалы — искусственные товарищества по обработке земли в западной части Бухарского оазиса [Кисляков, 1962, 126—127; Шаниязов, 1960] или арагашества в Армении [Егиазаров, 135].

Основываясь на позднейших данных (XIX — начало XX в.), можно предположить, что рассмотренные нами патронимические группы в средневековом Хорезме были и единицами наделения водой — владельцами «водной доли», распределение которой было одной из главных функций сельской общины Хорезма и любого другого земледельческого общества, основанного на искусственном орошении.

Такая организация водоснабжения определялась, как нам кажется, уже самим расположением усадеб родственников одной группы или хутором, базировавшимся на одном и том же источнике воды. Так, по сведениям, собранным Р. Рассудовой, в Самаркандской области даже неродственные кишлаки, расположенные на одном канале, объединялись в одну «водяную долю» (обычно 4 кишлака составляли «казаншерик») [Рассудова, 1969, 66, 67]. В Армении родственная группа семей-убани (патронимия), селившихся, как правило, рядом, составляла водяную единицу, внутри которой вода распределялась обычно по часам [Егиазаров, 135].

По М. В. Сазоновой, единица измерения воды — «су» — в Хивинском оазисе в XIX в. равнялась количеству воды, необходимой для орошения 10 танапов земли [1947, 152]. Если учесть, что большинство семейств в то время владело участками менее 10 танапов [Юлдашев 70], то легко предположить, что «су» объединяла несколько хозяйств [4].

[4] Может быть, население групп жилищ вдоль одного канала в рассмотренных нами средневековых хорезмских поселениях можно в какой-то мере сравнивать с джабди — мелкой общиной водопользователей, известной в низовьях Амударьи в конце XIX — начале XX в. (см.: [Рассудова, 1971, 278—279]).

Исследование ирригационных систем, расчеты труда, затраченного на их сооружение и поддержание, привели к выводу о высоком уровне сельскохозяйственной жизни в хорезмских оазисах эпохи Великих Хорезмшахов [Толстов, 1962, 248; Андрианов, 143—145].

Одним из важнейших показателей экономического развития сельских районов является численность их населения. Мы, к сожалению, пока не можем составить такой же баланс хозяйства средневекового крестьянства, как это сделал О. Шкапский, так как для этого нет многих данных. Однако, исходя из численности населения, можно попытаться определить размеры возделываемой площади в каком-то из рассмотренных в книге поселений. Попробуем сделать это (сугубо ориентировочно) на примере лучше всего исследованного Кават-калинского поселения.

В основу вычислений, как уже говорилось, кладется возможное соответствие между числом жилых комнат и взрослых членов семьи. Согласно этнографическим исследованиям известно, что во многих случаях для каждой брачной пары, если она не отделялась от семьи отца, по возможности старались выделить отдельное помещение [Косвен, 62, 63]. Для сопоставлений нами привлечены материалы А. Н. Жилиной, собранные ею в Хорезмской области (речь идет о старом народном жилище). Необходимо напомнить, что планировка этих жилищ очень близка к изученной нами в домах указанных оазисов. Пользуясь материалами А. Н. Жилиной, можно установить, что число жилых комнат в общем соответствует числу брачных пар (с поправкой в том случае, если в помещении живет один из неженатых сыновей или только один из старшей пары). С накоплением материалов (а мы пока располагаем только двумя десятками жилищ), демонстрирующих распределение жилых комнат в зависимости от состава обитателей дома, эти расчеты будут уточняться.

Обратимся к нашим расчетам. В центральной части Кават-калинского оазиса обмеряно 32 дома и тщательно изучена их планировка. Установлены следующие группы жилищ по размерам: I—4 дома площадью до 100 *кв. м*; II — 13 домов — от 100 до 200 *кв. м*; III — 7 — от 200 до 300 *кв. м*; IV — 8 — от 300 до 500 *кв. м*. Выяснено также, что планировка жилищ внутри каждой группы однотипна.

За единицу вычислений по отношению ко II группе принят раскопанный дом № 60, где было 2 жилые комнаты (одна, вероятно, служила михман-ханой). Следовательно, в нем могло жить двое-трое взрослых, а всего, как можно предположить с известной долей вероятности, 5—7 человек. Тогда число жителей

13 домов этой группы составит не менее 65—91 человека. За эталон для III группы построек взят раскопанный дом № 41 с тремя жилыми комнатами (в их числе — михман-хана). Рассуждая аналогично, получим, что в нем жило 10—12 человек, а в 7 домах — от 91 до 105 человек (всюду принимается в среднем двое-трое детей на брачную пару). Если взять за основу вычислений для IV группы вскрытый целиком дом № 43, то соответственно получится, что в нем обитало 17—20 человек, а в 8 домах этой группы — 136—160. Дома площадью менее 100 *кв. м* (I группа) не раскапывались, однако планировка их оказалась вполне различимой. Считая в среднем по 4 человека на каждое жилище, получим 16 человек на 4 дома. В целом на 32 дома приходится от 287 до 351 человека.

Если допустить, что соотношение выделенных групп построек остается правильным для остальной площади центральной части оазиса (что кажется нам отвечающим действительности), то на площади 8 *кв. км*, где располагалось 90 жилищ, могло жить от 800 до 1 тыс. человек. Учитывая также, что при некоторых усадьбах типа № 43, № 76, № 79 помимо основного жилого дома были и другие жилые постройки, где могли обитать слуги, родственники хозяина дома и другие люди, следует эту цифру увеличить еще на 100—200 человек (численность обитателей этих жилых построек может быть ориентировочно определена на примере жилого комплекса в усадьбе № 43). Таким образом, на 8 *кв. км* (800 *га*) придется не менее 1 тыс.— 1,3 тыс. человек, что дает в среднем от 1,3 до 1,6 человека на 1 *га*. К близким результатам (0,8—1,5 человек на 1 *га*) пришел и Б. В. Андрианов, положивший в основу своих вычислений совсем другой метод — определение объема земляных работ при рытье каналов [Андрианов, 144]. С. П. Толстов [1962, 248] полагал даже, что плотность населения в Кават-калинском оазисе была выше, чем в современном Хорезмском оазисе (имеются в виду, по-видимому, 30-е годы), достигая 200 человек на 1 *кв. км*.

Трудно сказать, приблизились бы наши расчеты к данной цифре, если бы можно было учесть население самой Кават-калы и замков (определить его размеры даже приблизительно мешает отсутствие каких-либо конкретных данных об их планировке), так как окраины оазиса были заселены менее плотно, чем его центральная часть, о которой говорилось выше. Какую же площадь могли возделать те 1 тыс.— 1,3 тыс. человек, которые жили на указанной территории Кават-калинского оазиса? Согласно существующим сведениям, в Амударьинском отделе в конце XIX — начале XX в. при помощи одной упряжки быков можно обработать 6—7 танапов земли в сезон [Иванин, 1873, 124; Гиршфельд и Галкин, 145]. Если учесть разную величину танапа, эта площадь составит от 1,8 до 2,6 *га*. Опираясь на указанные данные, 1 тыс.— 1,3 тыс. человек (из них примерно 250—325 взрослых мужчин) могли бы освоить 287—372 *га*.

Разумеется, это сугубо предварительные вычисления, намечающие лишь один из возможных путей определения численности населения в средневековых хорезмских оазисах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Широкий хронологический диапазон исследования позволил проследить эволюцию сельских жилищ Хорезма на протяжении почти тысячи лет и выявить специфические черты выделенных нами этапов его истории.

Хорезмское сельское жилище в целом во все периоды своей истории отличалось глубокой самобытностью и не находит прямых аналогий в соседних государствах Востока. Вместе с тем это не означает, что оно развивалось вне контактов с традициями жилого строительства соседнего населения. Такие контакты, безусловно, существовали, причем элементы сходства выявляются прежде всего в архитектуре крупных сооружений, городского жилья. Сельские постройки, особенно жилища рядовой семьи, были менее подвержены влияниям извне.

Прослеживая пути развития хорезмского сельского жилища, мы стремились выявить преемственность архитектурно-планировочных традиций в народном зодчестве и обнаружить древние прототипы современных народных построек Хорезмского оазиса. Истоки основных композиционных идей, положенных в основу сельского строительства в Хорезмском оазисе, уходят в эпоху раннего средневековья. Уже к XII в. складывается и становится самой распространенной жилая ячейка, которая в несколько видоизмененном виде вошла в качестве составного элемента в структуру южноузбекских хорезмских хаули (сельских жилищ) и дожила до наших дней.

Таким образом, наше исследование вплотную подошло к проблемам формирования сельского жилища хорезмских туркмен и узбеков. Мы выяснили, что в его истории можно выделить несколько этапов. Переломные этапы соответствовали временам больших перемен в жизни страны, сопровождавшихся изменением факторов, способствовавших формированию жилища. К последним относятся, как известно, особенности социально-экономической структуры общества и его основной ячейки — семьи, хозяйственно-географические условия, этнические традиции населения и политические события (в том случае, если они влияли на указанные факторы).

Далеко не во всех случаях удается проследить действие этих факторов на сложение жилища одной какой-то страны. Гораздо удобнее это делать на примерах различных регионов Старого и Нового Света, где перечисленные формирующие факторы были бы различны [см.: A. Rapoport]. Хозяйственно-географические и климатические условия окраин Хорезма и его центральных приамударьинских районов не различались так заметно, чтобы это послужило причиной появления различных типов поселений и жилищ. Поэтому, если нам и приходилось отмечать какие-то особенности жилищ в зоне Дарьялыка в эпоху средневековья сравнительно с жилищами, распространенными в таких оазисах, как Замахшарский или Кават-калинский, то это скорее следует объяснять разным уровнем культуры домостроительства. Тем не менее нельзя отрицать и известной роли господствовавшего там направления хозяйства — может быть, более связанного со скотоводством, чем в центральных районах с их исконно земледельческой высокоразвитой культурой. Известную роль должен был сыграть и этнос, появление на периферии страны и в какой-то мере в ее центральных районах новых этнических групп, приток которых зафиксирован археологически для VII—VIII вв. путем анализа керамики.

Вопрос о роли этнических традиций и проявлении их в области жилого строительства кажется нам весьма интересным и наименее изученным в специальной литературе. В самом деле, уже ставился, но с достаточной определенностью не разработан вопрос о типах домов или деталях их планировки как этнических признаках. Так, одни типы домов (например, однорядный) в Средней Азии широко распространены территориально и во времени, другие же (например, дом с центральным ко-

ридором и совмещенными под одной кровлей жилыми и хозяйственными помещениями, в частности помещениями для скота) этнографы зафиксировали пока только в Хорезмском оазисе и у уйгуров. И. В. Захарова, констатируя это сходство, объясняет сохранение форм старинных элементов дома в удаленных друг от друга районах Средней Азии тем, что именно в них уцелели местные традиции в строительстве жилищ, с более стойкими здесь пережитками большесемейной общины [1959, 291, 292]. Хаули нужно связывать именно с большой семьей, и И. В. Захарова права в том, что придает большое значение роли семейной структуры в формировании облика жилищ.

Вместе с тем нельзя не вспомнить, что хаули узбеков Южного Хорезма совершенно не похожи на большесемейные дома горных таджиков, исследованные А. Н. Кондауровым и другими учеными. Столь же различны хорезмские сельские дома XII — начала XIII в. и синхронные им жилища на других территориях Средней Азии, обнаруживая черты сходства лишь со средневековыми жилищами Южной Туркмении и Семиречья.

Последнее позволяет поставить вопрос, не лежат ли причины отмеченного сходства в этническом родстве населения, сложные пути этногенеза которого остаются далеко не до конца ясными. В другом месте нам уже приходилось, вслед за рядом ученых, рассматривать общие моменты в этногенезе населения Хорезмского оазиса и уйгуров и выделять роль центральноазиатского элемента в сложении населения Хорезмского оазиса [Неразик, 1969]. Доказательством того, что форма жилища (и его планировка, в частности) может служить одним из этнических признаков, могла бы явиться ее устойчивость при перемене внешних условий существования населения. Этнографами такая устойчивость прослеживается, но не повсеместно [Ганцкая, Грацианская, Листова, Токарев, 369—370; см. также: Маркова, 53]. Рассматриваемый вопрос о жилище и его элементах в качестве этнических признаков тесно связан с общей проблемой соотношения археологической культуры и этнической общности. Нельзя не согласиться с выводом, сделанным при обсуждении данной проблемы несколько лет назад [Монгайт, 1967]: этническими могут явиться в первую очередь те элементы археологической культуры, которые не связаны непосредственно с производством, с географическими условиями, влияющими на хозяйство и быт, т. е. главным образом относящиеся к духовной стороне жизни — к искусству, религии. Поэтому нам кажется правильным, что этническая специфика проявляется в тех элементах жилища, которые опосредствованы народным бытом, выражают привычки населения [Маркова, 58].

Яркие материалы для разработки этой темы могло бы дать, как нам кажется, изучение истории и картографирование ареалов различных типов очагов в среднеазиатских жилищах. Известно, что камины или отопительные очаги, называвшиеся «каны», были распространены на территории Средней Азии отнюдь не повсеместно. Так, камины не встречаются в хорезмских жилищах на всем протяжении истории последних, хотя для жилищ Ферганы и сопредельных районов они были очень характерны. Еще более узок ареал использования канов, тяготевший в основном к зоне Сырдарьи, однако не во все исторические эпохи и не для всей ее территории. Если предположить, что в предпочтении того или иного типа жилища (или очагов, отопительных систем) большую роль играли климатические и вообще природные условия, то и тогда остается пока необъясненным, почему в Ургенче в XVI в. появились каны, в то время как ранее в жилищах той же климатической полосы население пользовалось другими очагами. Только этническими моментами, как нам кажется, можно объяснить, почему в нижних и верхних горизонтах одного и того же дома-массива (Джеты-асар № 3) были различные очаги, а каны выявлены только в верхнем горизонте. Примеры можно было бы умножить.

Не разбирая специально этот увлекательный вопрос в своей работе, мы коснулись этнических проблем лишь в связи с поисками причин, породивших упоминавшиеся выше переломные периоды в истории хорезмского жилища. Однако роль этнических влияний в ряду этих причин нам, к сожалению, остается недостаточно ясной. Можно лишь предположить, что в VII—VIII вв. крупные по площади укрепленные жилища с донжонами создавались под воздействием перемены структуры семьи, обитавшей в таком жилье; возникли они вследствие сложения раннесредневекового феодального общества, во многом впитавшего вкусы и традиции пришлого населения и обитателей соседних степных приамударьинских и присырдарьинских районов. Конкретные пути проникновения в раннесредневековый Хорезм новых вкусов и традиций пока хорошо выяснены только на основе изучения керамики, а мы попытались проследить этот процесс и при анализе планировки жилищ. Однако пока еще нельзя ответить на вопрос, почему именно дом с центральным коридором оказался наиболее предпочитаемым в средневековом сельском Хорезме.

Касаясь второго переломного периода в ис-

тории хорезмского сельского жилища (XVI—XVIII вв.), мы можем только заподозрить, что помимо внутренней обстановки в стране, переживавшей экономический упадок, разорявшейся внутренними распрями туркмен и узбеков и внешними вторжениями, отдельные черты материальной культуры населения и вообще весь ее облик определялись, по-видимому, и некоторым влиянием новых этнических групп, появившихся вместе с узбеками Шейбани-хана в Хорезмском оазисе в XVI в. Возможно, именно с их приходом и появились в домах Ургенча очаги-каны.

Исследованные нами материалы позволяют говорить о существовании уже в XII—XIV вв. целой большой области близ столицы государства — Ургенча, занятой населением, среди которого было много выходцев из сырдарьинских районов. Эти данные подтверждают письменные свидетельства, в свое время проанализированные В. В. Бартольдом, а позже С. П. Толстовым и другими исследователями, о большой роли огузов, кипчаков и других присырдарьинских племен во времена сельджукских завоеваний, при дворе Хорезмшахов и позднее. Более того, эти материалы показывают, что в XII—XIV вв. история Северо-Западного Хорезма была неотделима от истории огузско-кипчакских районов Сырдарьи. Без учета роли степной периферии трудно понять историю средневекового Хорезма как новой эпохи не только благодаря становлению в это время нового общественно-экономического строя, новой религии — ислама, новым формам материальной культуры, но и благодаря той роли, которую играли в его истории периферийные племена.

Таковы некоторые аспекты исследования одного из факторов, влиявших на формирование жилища. Они имеют непосредственное отношение к другому из этих факторов (структура семьи и земледельческой общины), ставшему основным объектом нашего внимания, потому что прежде всего позволяют предположить возможность непрямого развития общественных структур, заставляют помнить, что не обязательно ожидать преемственности культуры разных исторических эпох.

Рассматривая жилище как источник реконструкции форм семьи, мы исходили из того, что структура последней, ее уклад должны были запечатлеться в планировке и внутренней организации жилища. Поэтому для анализа этой последней нельзя обойтись без этнографических сведений о среднеазиатском жилище (прежде всего в Хорезмском оазисе) с максимально возможным углублением в древность. В первую очередь важны данные о соотношении жилых и хозяйственных помещений в доме, расположении их в общей системе его планировки, числе обитателей дома и количестве жилых комнат, планировке последних и т. п. К сожалению, такие материалы весьма немногочисленны, а это затрудняет возможность реконструкций, прежде всего численных.

Существующие способы определения числа жителей в древних постройках, исходящие из плотности населения, реконструируемой с помощью различных данных, не кажутся пока достаточно надежными. Следует признать, что размеры постройки не всегда прямо соответствовали размерам обитавшей там семьи. В то же время констатируемые автором массовые изменения размеров жилища рядовой семьи на протяжении многих столетий в сочетании с выразительными данными о чертах внутренней организации жилища (все помещения в общем пользовании семьи или выделение внутри дома отдельных, иногда изолированных жилых секций; число жилых комнат; распределение отопительных и кухонных очагов) и их эволюции, безусловно, отражают динамику развития семьи. Весьма важно также установить соотношение дома и поселения (в планировочном и социальном смысле), выявить основные черты планировки последнего.

Все эти направления исследования с привлечением письменных источников, пока немногочисленных, но содержащих очень ценные сведения, позволили прийти к выводу о сложном пути развития семьи в Хорезме, структура и размеры которой не были стабильны — с периодами реставрации крупных большесемейных общин и их распадения на меньшие ячейки. Эти колебания во многом объяснялись переменами в политической и социально-экономической обстановке в стране. Например, вместо бурной, насыщенной внутренними междоусобицами и вторжениями извне эпохи раннего средневековья (VII—VIII вв.) в XII — начале XIII в. наступил период подъема благосостояния населения в стране, сделавшейся центром обширной империи Хорезмшахов. Мир, процветание экономики и культуры должны были способствовать распаденью больших патриархальных семей, преобладавших в Хорезме в VII—VIII вв., хотя в периферийных районах они продолжали сохраняться. Мы считаем совершенно несомненной и доказанной рассмотренным в книге материалом большую роль в общественной структуре страны на протяжении всего изучаемого периода семейно-родственных, или агнатических групп, широко известных в советской этнографической литературе под именем патронимий. Можно предполагать существование патрономических связей уже в первые века на-

шей эры, но совершенно отчетливо они выражены в топографии средневековых поселений. В большинстве из них дома располагались группами (две-три или более жилые постройки и несколько хозяйственных). Одно из жилищ всегда превышало другие размерами. Раскопки показали, что в каждом жилище имелись свои кладовые и кухонные очаги, но земельные угодья были общими для всей группы. Таким образом, есть основания считать, что эти группы построек могли быть населены членами одной патронимии.

В монографии сделана попытка обосновать предположение, что причины устойчивого сохранения семейно-родственных групп в Хорезме коренятся в особенностях водного режима местной ирригации и основанной на ней системе землепользования при отсталой сельскохозяйственной технике, требовавшей больших трудовых усилий и их кооперации. Высказано также предположение, что отличительной чертой землевладения в Хорезме было широкое распространение частного владения землей.

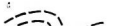
В книге, как отмечено выше, оказалось возможным проследить главным образом динамику развития семьи, но не удалось в большинстве случаев определить ее абсолютные размеры в ту или другую эпоху. Особенно сложным оказался вопрос о малой семье. Есть некоторые основания предполагать ее относительную экономическую свободу в отдельных местностях (и в рамках патронимических групп) в первые века нашей эры и в эпоху *Хорезмшахов. Однако эти основания еще в* немалой мере гипотетичны — в первую очередь из-за нехватки материалов. Для более ясного представления о структуре и размерах семьи нужно располагать более определенными сведениями об общих чертах общественно-экономического строя, что, естественно, в гораздо большей мере относится к первым векам нашей эры, чем к XII — началу XIII в.

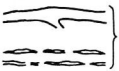
Для выяснения социальной структуры общества представляется перспективным привлечение соответствующих данных из истории государств, возникших и развивавшихся в сходных природно-географических условиях при большой роли искусственного орошения из крупных рек (Южная Месопотамия, Египет), поскольку развитие таких обществ и государств определяется некоторыми общими закономерностями, а важное значение природных условий для жизни человека в эпоху становления классовых обществ не требует специальных обоснований.

Конкретные пути сложения классового общества и государства в Хорезме и его древняя история остаются пока неизвестными, но такие факты, как натуральный характер хозяйства, слабость внутреннего обмена, наличие крупных землевладельческих хозяйств и рабов в семействах землевладельцев и даже земледельцев среднего достатка, в античном Хорезме несомненны. В то же время недостаток сведений о поселениях античного Хорезма (городских или сравнительно небольших укрепленных, которые принято считать городскими) затрудняет проведение этого сопоставительного исследования. Только раскопки помогут установить назначение таких важных в нашем представлении для понимания общественной структуры и экономики страны укреплений, как Ангка-кала и ей подобные сооружения. Что это — замки-жилища аристократов или государственные крепости? В зависимости от того или иного ответа совершенно меняется наше представление о лице общества. На данном этапе развития наших знаний представляется, *что именно крупные семейные коллективы* наиболее характерны для общественно-экономического строя древнего и средневекового Хорезма на протяжении его многовековой истории, хотя и не кажутся нам незыблемыми и неизменными. По-видимому, это явление (сохранение больших семей и патронимических групп) надо расценивать не как признак экономической отсталости страны, не как отклонение от нормы, а, напротив, как естественно вытекающее из создавшихся условий и им соответствующее.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

а) К ПЛАНАМ ПОСЕЛЕНИЙ


РУСЛА


КРУПНЫЕ КАНАЛЫ

АРЫКИ

ВОДОЕМЫ

ПЕСКИ

ОБРЫВЫ

ГРУППЫ КУСТОВ

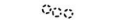
ПОРОСШИЕ МЕСТА

КУСТАРНИКИ

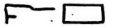
НИЗКИЕ, ГУСТОПОРОСШИЕ МЕСТА

ГОНЧАРНЫЕ ПЕЧИ

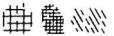
РАЗВ. ДОМОВ


СЛЕДЫ ЮРТ

ХУМЫ


ГЛИНОБИТНЫЕ ОГРАДЫ, ОГОРОЖ. УЧАСТКИ.

ВИНОГРАДНИКИ, БАХЧИ


ПОЛЯ

ЧИГИРИ

КЛАДБИЩА

РАЗРУШ. МОГИЛЬН. СООРУЖ.

б) К ПЛАНАМ ДОМОВ

ЯМЫ

ОБОЖЖ. УЧАСТКИ ПОЛЯ

ЗОЛА

ВЫЕМКИ ОТ БАЗ. КОЛОНН

ЯМКИ ДЛЯ ДЕРЕВ. СТОЕК

ОЧАГИ

ПЕЧИ-ТАНДЫРЫ

ПОДСТАВКИ ПОД ЖЕРНОВ

ХУМЫ

ЗЕРНОТЕРКИ

КАМИН

ОБЛОМКИ КАМНЕЙ

КЕРАМИКА

ЖЕРНОВА

ТАШНЫ

КАПТАР-ХАНЫ

Рис. 110. Таблица условных обозначений

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ — Вестник древней истории
ВИА — Всеобщая история архитектуры
ВКФ — Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ИАН ТаджССР — Известия АН Таджикской ССР
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИРГО — Известия Русского географического общества
ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)
ЗРГО — Записки Русского географического общества
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции АН СССР
РАНИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТашГУ — Ташкентский государственный университет
ТДСПАИ — Тезисы докладов сессии, посвященной полевым археологическим исследованиям
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР
ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции АН СССР
ЮТАКЭ — Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AA — Arts Asiatiques
AI — Ars Islamica
AM — Asia Mayor
AO — Archiv Orientální
CAn — Current Anthropology
CRAIBL — Comptes Rendus d'Académie des Inscriptions et Belles Lettres
JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan
MMAI — Mémoires de la Mission archéologique en Iran
SPA — A Survey of Persian Art

На русском языке

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— ВДИ, 1 (10), 1940.

Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии,— КСИЭ, вып. XXVIII, М., 1958.

Абрамзон С. М. Киргизы и их этнические и историко-культурные связи, Л., 1971.

Абульгази. Родословная туркмен. Пер. А. Н. Кононова, М., 1958.

Авдиев В. И. История Древнего Востока, М., 1953.

Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969.

Агаджанов С. Г. Земледелие и аграрные отношения в Туркмении в XI — начале XIII в.,— «Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане», Ашхабад, 1971.

Агзамходжаев Т. Р. Бронзовые украшения из Тюя Бугуза,— ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964.

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Работы Южно-Казахстанской экспедиции на городище Отрар,— АО 1972 года, М., 1973.

Акишев К. А., Ерзакович Л. Б. Работы на городище древнего Отрара,— АО 1973 года, М., 1974.

Алаев Л. М. Тенденции развития сельской общины в Южной Индии,— «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966.

Альбаум Л. И. Балалык-тепе, Ташкент, 1960.

Альбаум Л. И. Заит-тепе,— ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963.

Альбаум Л. И. Городище Дальверзин-тепе — ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966.

Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи), II, Сталинабад, 1958.

Андрианов Б. В., Васильева Г. П. Покинутые туркменские поселения XIX в. в Хорезмском оазисе,— КСИЭ, вып. XXVIII, М., 1958.

Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья, М., 1969.

Арриан. Походы Александра, СПб., 1837.

Арсланова Р. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.),— «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968.

Арсланова Р. Х. Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области,— «По следам древних культур Казахстана»,— Алма-Ата, 1970.

Арсланова Р. Х. Курганы с трупосожжением в верхнем Прииртышье,— «Поиски и раскопки в Казахстане», Алма-Ата, 1972.

Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа,— МИА, вып. 62, М.—Л., 1958.

Археологические исследования на северных склонах Каратау, Алма-Ата, 1962.

Асилов Т., Лунина С. Б. К вопросу о назначении средневековых зданий типа «каптар-хона»,— «Труды ЮТАКЭ», т. XVI, Ашхабад, 1969.

Атагарриев Е. О некоторых средневековых украшениях из Шехр-Ислама,— «Известия АН ТССР», серия общественных наук, Ашхабад, 1965.

Атагарриев Е. Раскопки на городище Чугундор,— «Каракумские древности», вып. II, Ашхабад, 1968.

Атагарриев Е. Результаты раскопок на городище Чугундор (1967—1969),— «Каракумские древности», вып. III, Ашхабад, 1970.

Атагарриев Е. Средневековое городище Шехр-Ислам (Результаты работ 1961—1964 гг.),— «Материальная культура Туркменистана», Ашхабад, 1971.

Атагарриев Е. Раскопки на городище Мисриан,— «Каракумские древности», вып. IV, Ашхабад, 1972.

Атагарриев Е., Лисицына Г. Н. Работы над составлением археологической карты Мешед-Мисрианской долины Чатского массива,— «Каракумские древности», вып. IV, Ашхабад, 1970.

Афанасьева В. К., Дьяконов И. М. Архитектура Двуречья,— ВИА, т. I, М., 1970.

Ахинджанов С., Ерзакович Л. Б. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье,— «Известия АН КазССР», серия общественных наук, вып. 2, Алма-Ата, 1972.

Байпаков К. М. О численности оседлого населения Илийской долины в средневековье,— «В глубь веков», Алма-Ата, 1974.

Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Раскопки на городище Жаксылык (Илийская долина),— АО 1967 года, М., 1968.

Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Раскопки на городище Жаксылык,— АО 1973 года, М., 1974.

Бачинский Н. М. Сырцовые здания старого Термеза,— «Труды АН УзССР, серия I. История, археология. Термезская археологическая экспедиция», т. II, Ташкент, 1945.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия,— Сочинения, т. I, М., 1963.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана,— Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963.

Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа,— Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963.

Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана,— Сочинения, т. III, М., 1965.

Баялиева Г. Пережитки магических представлений и их изживание у киргизов,— «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана», Фрунзе, 1967.

Бейхаки. История Мас'уда, Ташкент, 1962.

Беленицкий А. М. Средняя Азия в монгольскую эпоху. Империя Тимура,— «История таджикского народа», гл. 5, М., 1964.

Беленицкий А. М. Город в VI — середине VIII в.,— главы в кн.: «Средневековый город Средней Азии», М., 1973.

Бентович И. В. Разделы в главе «Городские ремесла и торговля»,— в кн.: «Средневековый город Средней Азии», М., 1973.
Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941.
Бернштам А. Н. Древняя Фергана, Ташкент, 1951.
Бернштам А. Н. Некоторые данные к этногенезу туркмен,— СЭ, № 4, 1951.
Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая,— МИА, вып. 26, М.—Л., 1952.
Бижанов Е. Археологические памятники Юго-Восточного Устюрта. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата истор. наук, Нукус, 1967.
Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950.
Большаков О. Г. Земледелие и аграрные отношения в Туркменистане в VIII—X вв.,— «Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане», Ашхабад, 1968.
Большаков О. Г. Город в конце VIII — начале XIII в.,— «Средневековый город Средней Азии», Л., 1973.
Бородина И. Д. Архитектура ахеменидского периода Ирана,— ВИА, т. I, 1970.
Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана,— «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966.
Бочкарев В. С., Распопова В. И. Дискуссия о характере ремесленного производства,— СА, 1971, № 4.
Брагинский И. С. Из истории таджикской поэзии, М., 1956.
Брыкина Г. А. Раскопки замка в Карабулаке в 1964 г.,— КСИА, вып. 108, М., 1966.
Брыкина Г. А. Карабулак, М., 1974.
Булатова В. А. Жилой комплекс VII века в Куве,— ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966.
Булатова В. А. Кува, Ташкент, 1972.
Бусятская Н. Н. Стеклянные бусы Селитренного городища,— СА, 1973, № 1.
Бусятская Н. Н. Стеклянные изделия золотоордынских городов Поволжья. Диссертация на соискание ученой степени кандидата истор. наук (рукопись), М., 1973а.
Вайнберг Б. И. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме,— СЭ, 1959, № 5.
Вайнберг Б. И. Поздние туркменские поселения и жилища «земель древнего орошения» левобережного Хорезма. Диссертация на соискание ученой степени кандидата истор. наук (рукопись), М., 1961.
Вайнберг Б. И. Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме,— АО 1971 года, М., 1972.
Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма (в печати).
Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве,— «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. 1959—1960 гг.», II, М.—Л., 1966.
Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.),— ТХЭ, т. IV, М., 1959.
Вактурская Н. Н. О средневековых городах Хорезма,— МХЭ, вып. 7, М., 1963.
Вактурская Н. Н. Хорезм в XI—XVI вв.,— «Очерки истории Каракалпакской АССР», Ташкент, 1964.
Вактурская Н. Н. О серьгах со средневекового городища Шахрлик,— «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
Вактурская Н. Н. Раскопки средневекового города Садвар,—АО 1973 года, М., 1974.
Вактурская Н. Н., Вишневская О. А. Памятники Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов (XII — начало XIII в.),— МХЭ, вып. I, М., 1959.
Васильева Г. П. Туркмены-нохурли,— «Среднеазиатский этнографический сборник», М., 1954.
Васильева Г. П. Туркмены,— «Народы мира», т. II. «Народы Средней Азии и Казахстана», М., 1963.
Васильева Г. П. Из истории туркменского населения западных районов Ташаузской области,— ТИИАЭ, т. VII, серия этнографическая, Ашхабад, 1963а.
Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, М., 1969.
Витов М. В. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение,— СЭ, 1955, № 2.
Вишневская О. А. Археологические разведки на средневековых поселениях Хорезма,— МХЭ, вып. 7, М., 1963.
Вишневская О. А. Раскопки на городище Кюзелигыр,— АО 1970 года, М., 1971.
Волин С. К истории древнего Хорезма,— ВДИ, I, 1941.
Воробьева М. Г. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи,— ТХЭ, т. II, М., 1959.
Воробьева М. Г. Керамика,— в кн.: «Кой-Крылган-кала», М., 1967.
Воробьева М. Г. Археологические памятники античного Хорезма как источник для реконструкции социально-экономических процессов,— КСИА, вып. 122, М., 1970.
Воробьева М. Г. Дингильдже, М., 1973.
Воронина В. Л. Узбекское народное жилище,— СЭ, 1949, № 2.
Воронина В. Л. Изучение архитектуры древнего Пянджикента,— МИА, вып. 15, М.—Л., 1950.
Воронина В. Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951.
Воронина В. Л. Архитектурные памятники древнего Пянджикента,— МИА, вып. 37, М.—Л., 1953.
Воронина В. Л. Заметки по народному творчеству таджиков бассейна Зеравшана,— СЭ, 1953, № 3.
Воронина В. Л. Дома таджиков верхнего Зеравшана,— СЭ, 1957, № 3.
Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента,— МИА, вып. 66, М.—Л., 1958.
Воронина В. Л. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества,— «Архитектурное наследство», 1957а, № 8.
Воронина В. Л. Некоторые проблемы раннесредневекового согдийского города. Диссертация на соискание ученой степени доктора истор. наук (рукопись), 1960.
Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента,— МИА, вып. 124, М.—Л., 1964.
Востров В. В. К истории развития оседлого жилища у казахов,— «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана», М.—Л., 1961.
Вулли Л. Глава из «Истории научного и культурного развития человечества»,— «Вестник истории мировой культуры», № 7, 1957.
Вязьмитина М. И. Керамика Айртама времени Кушанов,— Труды АН УзССР, серия I. История, археология. Термезская археологическая экспедиция», т. II, Ташкент, 1945.
Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
Гаврюшенко П. П. Городище Шаим-кала старого

Мерва (Лагерь сельджукских войск), — «Труды ЮТАКЭ», т. XIV, Ашхабад, 1969.
Геннинг В. Ф., Захарук Ю. Н., Каменецкий И. С., Клейн Я. С., Массон В. М., Федоров-Давыдов Г. А. О состоянии и задачах археологических исследований по археологии в СССР,— «ТДСПАИ 1972 года в СССР», Ташкент, 1973.
Геродот, История, М., 1972.
Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии, М., 1972.
Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского ханства, СПб., 1903.
Горбунова Н. Г. Некоторые итоги исследования поселений Ферганы Кушанского времени,— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР», Ташкент, 1973.
Гроздова И. Н. Сельское жилище венгров,— «Типы сельского жилища зарубежной Европы», М., 1968.
Губаев А., Кошеленко Г. А. Исследование парфянского святилища Мансур-депе и раннесредневекового замка Ак-депе,— «Каракумские древности», вып. III, Ашхабад, 1970.
Гудкова А. В. Ток-кала, Ташкент, 1964.
Гудкова А. В. Новые материалы по погребальному обряду VII—VIII вв. в Кердере (Северный Хорезм),— «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
Гудкова А. В. К изучению раннекердерских бус (VII—VIII вв.),— «Антропология и культура Кердера», Ташкент, 1973.
Гудкова А. В., Ягодин В. Н. Археологические исследования в правобережной части дельты Аму-Дарьи в 1958—1959 гг.,— МХЭ, вып. 6, М., 1963.
Гудкова А. В., Лившиц В. А. Хорезмские надписи из некрополя Ток-калы и проблема «хорезмийской эры»,— «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», № 1, 1967.
Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957.
Гулямова Э. О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1959 г.,— «Археологические работы в Таджикистане», вып. VII (1959 г.), Душанбе, 1961.
Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. н. э.,— ВДИ, 1959, № 1.
Давидович Е. А. Стекло из Нисы — «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949.
Давидович Е. А. Средневековое оконное стекло из Таджикистана,— «Доклады АН ТаджССР», вып. 7, Сталинабад, 1953.
Давидович Е. А. Узбекское завоевание. Государство Шейбонидов,— в кн.: «История таджикского народа», т. II, М., 1964.
Давыдов А. С. Жилище,— в кн.: «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана», Душанбе, 1973.
Давыдов А. Д. Афганская деревня, М., 1969.
Даидамаев М. А. Ахеменидское государство и его значение в истории древнего Востока,— «История Иранского государства и культуры», М., 1971.
Даидамаев М. А. Рабство в Вавилонии, М., 1974.
Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства,— ЗРГО, кн. IV, 1851.
Дембо Л. Земельный строй Востока, Л., 1927.
Дмитриев-Кавказский Л. Е. По Средней Азии, СПб., 1894.
Дресвянская Г. Л. Бусы с городищ старого Мерва,— «Труды ЮТАКЭ», т. XIV, Ашхабад, 1969.
Дьяконов И. М. Законы Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства,— ВДИ, 1952, № 3—4.
Дьяконов И. М. История Мидии, М.—Л., 1956.
Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии, М., 1958.
Дьяконов И. М. Рабовладельческие имения персидских вельмож,— ВДИ, 1959.
Дьяконов И. М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей,— ВДИ, 1963, № 1.
Дьяконов И. М. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.,— ВДИ, 1968, № 3.
Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира,— «История Иранского государства и культуры», М., 1971.
Дьяконов И. М. Основные черты экономики и культуры в монархиях древней Западной Азии,— «Народы Азии и Африки», 1966, № 1.
Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тысячелетия до н. э.,— «Древний Восток. Города и торговля (III—I тысячелетия до н. э.)», Ереван, 1973.
Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Документы из Нисы I в. до н. э., М., 1960.
Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Парфянское царство в Нисе I в. до н. э.,— ВДИ, 1960а, № 2.
Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана, М., 1961.
Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирингана (Кобадиан) (1950—1951 гг.),— МИА, вып. 37, М.—Л., 1953.
Егиазаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I, «Сельская община»,— «Ученые записки Императорского Казанского университета, Юридический факультет», Казань, 1889.
Егоров В. Л. Жилище Нового Сарая,— МИА, вып. 164, М., 1970.
Еремеев Д. Е. К этнографии малоазиатских туркмен,— «ТИИАЭ АН ТССР», т. VII (серия этнографическая), Ашхабад, 1963.
Ерзакович Л. Б. О позднесредневековом городище Отрар,— «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968.
Ерзакович Л. Б. О южноказахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды,— «По следам древних культур Казахстана», Алма-Ата, 1970.
Ерзакович Л. Б. Городище древнего Отрара,— АО 1971 года, М., 1972.
Ерзакович Л. Б. Жилище позднесредневекового Отрара (по материалам 1971—1972 гг.),— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года», Ташкент, 1973.
Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса,— ТХЭ, т. I, М., 1952.
Жданко Т. А. Быт колхозников-переселенцев на вновь освоенных землях древнего орошения Каракалпакии,— ТХЭ, т. II, М., 1958.
Жданко Т. А. Проблема этногенеза каракалпаков,— «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1960, № 1.
Жданко Т. А. Степные племена Приаралья в XI—XIII вв.,— «Очерки истории Каракалпакской АССР», т. I, Ташкент, 1964.
Жилина А. Н. Традиционные черты в современном жилище Хорезма,— СЭ, 1969, № 3.
Жилина А. Н. К истории формирования современного узбекского жилища (северные районы Узбекистана). Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата истор. наук, 1970.
Жуков В. Д. Стратиграфический разрез части крепостной ограды калы древнего Термеза,— «Труды АН УзССР, серия I. История, археология. Термезская археологическая экспедиция, т. II», Ташкент, 1945.

Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи.— ТХЭ, т. I, М., 1952.
Заурова Е. З. Дворцовое здание XIV—XV вв. на городище Акчий в Киргизии.— «Средневековые города Средней Азии и Казахстана», Л., 1970.
Захарова И. Н. Материальная культура уйгуров Советского Союза.— «Труды Института этнографии», т. 47, М., 1959.
Захарук Ю. Н. Проблемные ситуации в археологии.— СА, № 4, 1973.
Займаль Е. В. Кушанская хронология. Душанбе, 1968.
Зильнер Д. Г. Минг-Урюк — древнейшее городское образование.— «Древний Ташкент». Ташкент, 1973.
Иванин М. И. Сведения о Хивинском ханстве.— «Журнал мануфактуры и торговли», 1843, № 4.
Иванин М. И. Хива и река Аму-Дарья, СПб., 1873.
Иванов П. П. Архив хивинских ханов, Л., 1940.
Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов, М.— Л., 1954.
Игонин Н. П. Применение аэрофотосъемки при изучении археологических памятников.— «Археология и естественные науки», М., 1965.
История Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1955.
Итина М. А. Поселение Якке-Парсан II (раскопки 1958—1959 гг.),— МХЭ, вып. 6, М., 1963.
Итина М. А. Древние земледельцы Хорезма.— «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
Кабанов С. К. Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша.— «Труды Института истории и археологии АН УзССР», вып. VIII, Ташкент, 1958.
Кабанов С. К. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе.— ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962.
Кабанов С. К. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв.,— СА, 1966, № 3.
Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб.— «Афрасиаб», Ташкент, 1969.
Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З. Погребение кипчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола.— «По следам древних культур Казахстана», Алма-Ата, 1970.
Калоев Б. А. Осетины, М., 1971.
Каррыев А., Мошкова В. Г., Насонов А. Н., Якубовский А. Ю. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., Ашхабад, 1954.
Кауфман С. А. Архитектура эгейского мира,— ВИА, т. I, М., 1970.
Кашуба М. С. Типы народного жилища Югославии в XIX веке.— «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», М., 1968.
Киселев С. В. Поселение. Социологический очерк. РАНИОН. Институт археологии и искусствознания,— «Труды секции теории и методологии (социологической)», вып. II, М., 1928.
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, М., 1949.
Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М.—Л., 1936.
Кисляков Н. А. Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу,— СЭ, 1939, II.
Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., М.—Л., 1962.
Кисляков Н. А. Очерк истории семьи и брака у населения Средней Азии и Казахстана, М., 1963.
Клейн Л. С. Рецензия на книгу «New Perspectives in Archaeology» (Чикаго, 1968),— СА, 1973, № 2.
Ковалевская В. Д. Башкирия и евразийские степи в IV—IX вв. (по материалам поясных наборов),— «Проблемы археологии и древней истории угров», М., 1972.
Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище.— «Древняя и средневековая культура Киргизстана», Фрунзе, 1967.
Кожемяко П. Н. Изучение памятников средневековой Киргизии.— «Средневековые города Средней Азии и Казахстана», Л., 1970.
Кой-Крылган-кала, М., 1967.
Кондауров А. Н. Некоторые материалы по этнографии ягнобцев.— СЭ, 1935, № 6.
Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, М.—Л., 1940.
Кондрашев С. К. Орошаемое хозяйство и водопользование Хивинского оазиса, М., 1916.
Косвен М. О. Очерки по этнографии Кавказа.— СЭ, 1936, № 2.
Косвен М. О. Сельская община и патронимия, М., 1963.
Костенко Л. Ф. Хивинское ханство в сельскохозяйственном отношении.— «Военный сборник», № 3—4, СПб., 1874.
Кошеленко Г. А. Культура Парфии, М., 1966.
Краузе И. О Хивинском ханстве.— ИРГО, т. X, кн. I, 1874.
Крашенинникова Н. И. Археологические работы в восточной части Афрасиаба.— «Средневековые города Средней Азии и Казахстана», Л., 1970.
Крюков М. В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации.— СЭ, 1967, № 6.
Курылев В. И. Поселения, жилища и хозяйственные постройки современной Турции.— «Страны и народы Востока», вып. VIII, М., 1969.
Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.,— «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II, М., 1959.
Кун А. Поездка по Хивинскому ханству в 1873 году,— ИРГО, X, кн. 8, 1874.
Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии, М., 1950.
Левина В. А. Жилище Анау.— «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1951.
Левина В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А. Архитектура туркменского народного жилища,— «Труды ЮТАКЭ», т. III, М., 1953.
Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников джетысаарской культуры,— сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966.
Левина Л. М. Керамика поселений Нижней и Средней Сырдарьи в начале I тысячелетия н. э., М., 1971.
Лившиц В. А. Юридические документы и письма. Согдийские документы с горы Муг, вып. II, М., 1962.
Лившиц В. А. Хорезмийские документы из Топракалы.— «Научная конференция по иранской филологии. Тезисы докладов», Л., 1962а.
Лившиц В. А. Земледелие и аграрные отношения в Туркмении в период раннего средневековья в IV—VII вв.,— «Очерки земледелия и аграрных отношений в Туркмении», Ашхабад, 1971.
Листова Н. М. Крестьянское жилище Германии, Австрии и Швейцарии в XIX в.,— «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», М., 1968.
Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе),— КСИИМК, вып. 64, 1956.

Литвинский Б. А. Археологические работы Института истории АН ТаджССР,— АО 1966 года, М., 1967.

Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы, М., 1973.

Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепе, М., 1971.

Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Раскопки городища Саксан-Охур (Южный Таджикистан),— СА, 1969, № 2.

Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы, М., 1973а.

Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки на Аджина-тепе и Кафыр-кале в 1970 г.,— «Археологические работы в Таджикистане», М., 1973.

Лунина С. Б. Зооморфные сюжеты в керамике со штампованной орнаментацией из гончарной мастерской XII — начала XIII в. в квартале керамистов старого Мерва,— «Труды ТашГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии», вып. V, Ташкент, 1960.

Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начале XIII в.,— «Труды ЮТАКЭ», т. XI, Ашхабад, 1962.

Лунина С. Б. Средневековый дом,— «Памятники Туркменистана», 1(5), Ашхабад, 1958.

Лунина С. Б. Раскопки на городище Султан-кала и в его пригороде,— АО 1968 года, М., 1969.

Лунина С. Б. Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-кала, его обводов и западной части пригорода,— «Труды ЮТАКЭ», т. XIV, Ашхабад, 1969а.

Лунина С. Б. Жилой дом XII — начала XIII в. на городище Султан-кала, — «Средневековые города Средней Азии и Казахстана», Л., 1970.

Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи (Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. II),— МИА, вып. 75, М.—Л., 1959.

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры,— МИА, вып. 62, М.—Л., 1958.

Макарова Т. И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв.,— АСГЭ, вып. 4, Л., 1962.

Максимова А. Г. Погребение воина XIV века,— «Вестник АН КазССР», 1965, № 6.

Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары, Алма-Ата, 1968.

Мандельштам А. М. Средняя Азия в VI—VII вв.,— в кн.: «История таджикского народа», т. II, М., 1964.

Манылов Ю. П. Сигнальные башни Султан-Уиздага,— «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1969, № 3.

Манылов Ю. П. Работы на городище Аяз-кала № 2 в 1971 г.,— АО 1971 года, М., 1972.

Манылов Ю. П. Археологические памятники Султан-Уиздага эпохи античности и средневековья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата истор. наук, Ташкент, 1972а.

Маргулан А. Х. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нури,— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. VII, Алма-Ата, 1959.

Марков Г. Е. Типы оседлого жилища туркмен Хорезмского оазиса,— КСИЭ, вып. 23, М., 1955.

Маркова Л. В. О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар,— СЭ, № 1, 1974.

Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв., — ТОВЭ, т. V, Л., 1961.

Маршак Б. И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в.,— «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971.

Масанов Э. А. Условия труда и бытовой уклад казахских ремесленников,— «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», вып. I, Алма-Ата, 1961.

Масимов И. С. Гончарное производство раннегородского центра эпохи бронзы (по материалам раскопок Алтын-депе),— «Древний город Средней Азии», Л., 1973.

Массон В. И. Восточно-парфянский правитель Санабар,— «Труды ГИМ», вып. 73, М.—Л., 1957.

Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы,— МИА, вып. 73, М.—Л., 1959.

Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964.

Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии,— СА, 1967, № 3.

Массон В. М. Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтын-депе,— АО 1971 года, М., 1972.

Массон В. М. Эволюция первобытных поселений Средней Азии,— «Успехи среднеазиатской археологии», вып. 1, Л., 1972.

Массон В. М. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии,— «Древний город Средней Азии. Краткие тезисы докладов к заседанию на конференции, посвященной полевым исследованиям в области археологии и этнографии в 1972 г.», Л., 1973.

Массон М. Е. К вопросу об изучении языческих курганных погребений,— «Вестник АН КазССР», № 1.

Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана, Душанбе, 1973.

Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М.—Л., 1938.

Манулевич Л. Л. Аланская проблема и этногенез Средней Азии,— СЭ, VI—VII, 1947.

Миллер В. Ф. Археологические экскурсии в Терской области,— МАК, вып. I, М., 1888.

Минаева Т. М. Очерки по археологии Ставрополья, Ставрополь, 1965.

Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности,— «Народы Азии и Африки», № 1, 1967.

Монгайт А. Л. Археология Западной Европы, М., 1973.

Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934.

Наршахи М. История Бухары, пер. Н. Лыкошина, Ташкент, 1897.

Негматов Н. Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора истор. наук, 1968.

Негматов Н. Н., Зеймаль Т. И. Раскопки в Тирмизак-тепе,— «Известия АН ТаджССР», вып. 1 (34), Сталинабад, 1961.

Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Раннесредневековый Шахристан, Душанбе, 1966.

Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Тирмизактепа, Душанбе, 1973.

Неменова Р. Л. Население,— в кн.: «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. I, Душанбе, 1966.

Неменова Р. Л., Пичугина А. К. Селение,— в кн.: «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 2, Душанбе, 1970.

Неразик Е. Е. Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г.,— ТХЭ, т. II, М., 1958.

Неразик Е. Е. Керамика Хорезма аффигидского периода,— ТХЭ, т. IV, М., 1959.

Неразик Е. Е. Раскопки Якке-Парсана,— МХЭ, вып. 7, М., 1963.

Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма, М., 1966.
Неразик Е. Е. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV—VIII вв.,— «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
Неразик Е. Е. Новые материалы по гончарному ремеслу древнего Хорезма,— «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», № 2, Нукус, 1968а.
Неразик Е. Е. Работы Левобережного разведочного отряда Хорезмской экспедиции,— АО 1968 года, М., 1969.
Неразик Е. Е. Работы Левобережного разведочного отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции,— АО 1969 года, М., 1970.
Неразик Е. Е. Археологическое обследование хорезмских средневековых поселений в 1969 г.,— «Средневековые города Средней Азии и Казахстана», Л., 1970а.
Неразик Е. Е. Архитектурный комплекс XII — начала XIII в. в Северной Туркмении,— «Памятники Туркменистана», 2(10), Ашхабад, 1970б.
Неразик Е. Е. Работы Левобережного разведочного отряда Хорезмской экспедиции,— АО 1969 года, М., 1971.
Неразик Е. Е. Раскопки городища Топрак-кала,— КСИА, вып. 132, М., 1972.
Неразик Е. Е. Из истории Хорезмского сельского жилища,— СЭ, 1972а, № 3.
Неразик Е. Е. Средневековые поселения в окрестностях Ак-калы в Северной Туркмении,— «Каракумские древности», вып. IV, Ашхабад, 1972б.
Неразик Е. Е., Рапопорт Ю. А. Куюк-кала в 1956 году,— МХЭ, вып. I, М., 1958.
Неразик Е. Е., Савицкий И. В., Манылов Ю. П. Раскопки в зоне средневекового канала Гавхорэ в 1970 году,— ВКФ, № 2, Нукус, 1974.
Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения,— МХЭ, вып. 3, М., 1960.
Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии VII—VIII вв., Ташкент, 1966.
Никольская З. А. Из истории аварского жилища,— СЭ, 1947, № 2.
Переломов Л. С. Об органах общинного самоуправления в Китае V—III вв. до н. э.,— «Китай, Япония», М., 1961.
Периханян А. Г. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени,— ВДИ, 1952, № 4.
Периханян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране,— ВДИ, № 3, 1968.
Периханян А. Г. Сасанидский Судебник. «Книга тысячи судебных решений», Ереван, 1973.
Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М., 1960.
Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии, М., 1959.
Пилипко В. Н. Раскопки парфянского сельского поселения в местности Гарры-Кяриз (Парфиена),— «Каракумские древности», вып. III, Ашхабад, 1970.
Пилипко В. Н. Поселения Северной Парфии (III в. до н. э.— IV в. н. э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата истор. наук, Л., 1971.
Пилипко В. Н. Исследование античных памятников в Северной Парфиене в 1970 году,— «Каракумские древности», вып. IV, Ашхабад, 1972.
Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1956.
Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв.,—«Среднеазиатский этнографический сборник», М., 1954.
Писарчик А. К. Жилище,— «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 2, Душанбе, 1970.
Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях (Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. 1),— МИА, вып. 62, М.—Л., 1958.
Плетнева С. А. От кочевий к городам, М., 1967.
Постовская Н. М. Familia в Египте Древнего Царства,— ВДИ, 1967, № 1.
Постовская Н. М. К вопросу о понятии «дом»,— «Тезисы IV сессии по Древнему Востоку, 5—10 февраля 1968 г.», М., 1968.
Пьянков И. В. Хорасмии Гекатея Милетского,— ВДИ, 1972, № 2.
Пьянков И. В. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов,— «Древний Восток. Города и торговля», Ереван, 1973.
Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958.
Пугаченкова Г. А. К изучению бактрийско-кушанских памятников на правобережье Сурхан-Дарьи,— АО 1969 года, М., 1970.
Пугаченкова Г. А. Архитектура Средней Азии,— ВИА, т. I, М., 1970а.
Пугаченкова Г. А. Зодчество Средней Азии и Ирана в исторических связях,— «История Иранского государства и культуры», М., 1971.
Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии,— ВДИ, 1973, № 1.
Пугаченкова Г. А., Тургуев Б. А. Исследование Дальверзин-тепе в 1972 г.,— «Древняя Бактрия», Л., 1974.
Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Самаркандские очажки,— «Из истории искусства великого города», Ташкент, 1972.
Рапопорт Ю. А. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г.,— ТХЭ, т. II, М., 1958.
Рапопорт Ю. А. Хорезмийские астоданы,— СЭ, 1962, № 4.
Рапопорт Ю. А. Кой-Крылган-кала как памятник погребального обряда,— в кн.: «Кой-Крылган-кала», М., 1967.
Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма, М., 1971.
Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Раскопки Гяур-калы,— ТХЭ, т. II, М., 1958.
Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скоблo М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 году,— МХЭ, вып. 6, М., 1963.
Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скоблo М. С. Башнеобразные хорезмийские оссуарии (К вопросу о домусульманских погребениях в Средней Азии),— «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
Распопова В. И. Поясной набор Согда VII—VIII вв.,— СА, 1965, № 4.
Распопова В. И. Типы строений и социальная дифференциация горожан Пенджикента (к постановке вопроса),— «Древний город Средней Азии», Л., 1973.
Рассудова Р. Я. Сельское хозяйство в Среднезеравшанской долине в конце XIX — начале XX в.,— в кн.: «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969.
Рассудова Р. Я. Формы организации труда в общинах некоторых районов поливного земледелия Средней Азии (конец XIX — начало XX в.),— «Занятия и быт народов Средней Азии», Л., 1971.
Ремпель Л. И. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афраспиаба,— «ИАН ТаджССР», вып. X, Сталинабад, 1953.
Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Краткие тезисы докладов на объединенном симпо-

зируме методологического семинара и сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, Л., 1974.
Рикман Э. А. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа,— СЭ, № 3, 1962.
Робакидзе А. И. Поселение как источник для изучения общественного быта,— «Труды VII Всемирного конгресса антропологических и этнографических наук», т. V, М., 1964.
Розенфельд А. З. Kala (qal'a) — тип укрепленного сельского поселения,— СЭ, 1951, № 1.
Росляков А. А. Туркмены и огузы,— «Ученые записки Туркменского Государственного Университета», вып. 73, Ашхабад, 1955.
Росляков А. А. Краткий очерк истории Туркменистана, Ашхабад, 1956.
Росляков А. А. Народы Туркменистана в период монгольского владычества,— «История Туркменской ССР», ч. I, Ашхабад, 1957.
Ростовцев О. М. Изучение сельских поселений Самаркандского Согда,— «ТДСПАИ 1972 г. в СССР», Ташкент, 1973.
Сазонова М. В. Земельные отношения в Хивинском ханстве в XIX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата истор. наук, 1949.
Сазонова М. В. К этнографии узбеков Южного Хорезма,— ТХЭ, т. I, М., 1952.
Сариниди В. И. Становление городской жизни в Южной Бактрии,— «Древний город Средней Азии», Л., 1973.
Семенов А. А. К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи Хорезмшахов в XII в.,— «Известия АН ТаджССР, отделение обществ. наук», № 2, Сталинабад, 1952.
Сенигова Т. Н. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня,— СА, 1968, № 1.
Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз, Алма-Ата, 1970.
Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья,— МИА, вып. 28, М.—Л., 1952.
Смирнова А. П. Волжские Булгары,— «Поволжье в средние века», М., 1970.
Смирнова О. И. Очерки из истории Согда, М., 1970.
Снесарев Г. П. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма,— СЭ, 1957, № 2.
Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969.
Снесарев Г. П. Объяснительная записка к карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX — начало XX в.),— в кн.: «Хозяйство и культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана», М., 1975.
Сорокин С. С. Железные изделия Саркела — Белой Вежи (Труды Волго-Донской экспедиции, т. II),— МИА, вып. 75, М.—Л., 1959.
Ставиский Б. Я. Пенджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII—VIII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата историч. наук, Л., 1954.
Ставиский Б. Я., Мончадская Е., Большаков О. Г. Раскопки пенджикентского некрополя,— МИА, вып. 66, М.—Л., 1958.
Студенецкая Е. Н. Современное кабардинское жилище (по материалам экспедиций 1936, 1939, 1947 гг.),— СЭ, 1948, № 4.
Сулейманов Р. Х. К вопросу культуры древнебухарского оазиса первых веков до нашей эры. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР, Ташкент, 1973.
Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в., М., 1966.
Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыраи, Ташкент, 1955.
Ташходжаев Ш. Самаркандский жилой дом X века,— «Средневековые города Средней Азии и Казахстана», Л., 1970.
Череножкин А. И. Жилые постройки Каракалпакской АССР в XI—XII вв.,— «Известия УзФАН», вып. 7, 1940.
Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы, М., 1968.
Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры,— СЭ, 1970, № 4.
Толстов С. П. Древнехорезмийские памятники Каракалпакии,— ВДИ, 1939, № 3.
Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма,— ВДИ, 1941, № 1.
Толстов С. П. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма,— ВДИ, 1946, № 1.
Толстов С. П. Новогодний праздник «каландас» у хорезмских христиан XI в.,— СЭ, № 2, 1946а.
Толстов С. П. Древнехорезмские памятники Каракалпакии,— ВДИ, 1947, № 3.
Толстов С. П. Города гузов,— СЭ, № 3, 1947а.
Толстов С. П. Древний Хорезм, М., 1948.
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1949.
Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.),— ТХЭ, т. II, М., 1958.
Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг.,— СА, № 1, 1958а.
Толстов С. П., Андрианов Б. В., Шонин М. И. Использование аэрометодов в археологических исследованиях,— СА, 1962, № 1.
Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг.,— МХЭ, вып. 6, М., 1963.
Толстов С. П., Лившиц В. А. Датированные надписи на хорезмских оссуариях с городища Ток-кала,— СЭ, № 2, 1964.
Тревер К. В. Рабовладельческий строй,— в кн.: «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1955.
Федоров-Давыдов Г. М. Из истории политической жизни Хорезма XIV века,— КСИЭ, вып. XXX, М., 1958.
Федоров-Давыдов Г. М. Раскопки квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала,— ТХЭ, т. II, М., 1958а.
Федоров-Давыдов Г. М. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, М., 1966.
Филановичм М. И. Застройка, социальная группировка городского населения, динамика развития античного и раннесредневекового Мерва,— «ТДСПАИ 1972 г. в СССР», Ташкент, 1973.
Филановичм М. И. Средневековые памятники на территории Ташкента,— «Древний Ташкент», Ташкент, 1973.
Филановичм М. И. Древний Мерв в свете изучения стратиграфии городища Гяур-кала. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата истор. наук, Ташкент, 1974.
Флиттнер Н. Д., Ходжаш С. И. Архитектура Египта. Архитектура Нового царства,— ВИА, т. I, М., 1970.
Фрейман А. А. Хорезмийский язык, М.—Л., 1951.
Хамиджанова М. А. Материальная культура матинчиев до и после переселения на вновь орошенные земли, Душанбе, 1974.
Чехович О. Д. Новый источник по истории Бухары начала XIV в.,— ИВ, 1959, № 5.
Чуйская долина,— «Труды Семиреченской археологиче-

ской экспедиции», сост. А. Н. Бернштам,— МИА, вып. 14, М.—Л., 1950.
Шишкин В. А. Из археологических работ на Афрасиабе,— «Известия УзФАН», № 12, Ташкент, 1940.
Шишкин В. А. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза,— «Труды АН УзССР, серия I. История, археология. Термезская археологическая экспедиция», т. II, Ташкент, 1945.
Шишкин В. А. Варахша, Ташкент, 1968.
Шишкина Г. В. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкенда,— ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963.
Шишкина Г. В. Город на Афрасиабе VI в. до н. э.— IV в. н. э.,— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР», Ташкент, 1973.
Шишкина А. Г. Городской квартал VIII — начала XI в. на северо-западе Афрасиаба, — «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1973.
Шишов А. Сарты. Сборник для статистики Сыр-Дарьинской области, вып. XI, Ташкент, 1904.
Шкапский О. Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900.
Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода,— МИА, вып. 55, М.—Л., 1956.
Этнографические очерки узбекского сельского населения, М., 1969.
Юлдашев Ю. К вопросу о земельных отношениях в Хиве в XIX в.,— «Труды XXV конгресса востоковедов», М., 1963.
Ягодин В. Н. К вопросу о локализации Кердера,— «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 2 (12), 1963.
Ягодин В. Н. Некрополь древнего Миздахкана, Ташкент, 1969.
Ягодин В. Н. Археологическое изучение городища Курганча,— «Средневековые города Средней Азии и Казахстана», Л., 1970.
Ягодин В. Н. Об этническом определении кердерской культуры и ее роли в этногенезе каракалпаков,— ВКФ, 1971, № 3.
Якубовский А. Ю. Туркмены в XIV—XV вв.,— в кн.: «Очерки по истории туркменского народа и Туркмении», Ашхабад, 1954.
Якубовский А. Ю. Городище Миздахкан,— ЗКВ, вып. V, Л., 1930.
Якубовский А. Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке,— «Известия ГАИМК», т. VIII, вып. 2—3, Л., 1931.
Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв., СЭ, 1947, № 3.
Якубовский А. Ю. Мавераннахр в борьбе против власти арабов в VIII—IX вв.,— в кн.: «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1955.
Якубов Ю., Раскопки поселения Гардани Хисар,— АО 1973 года, М., 1974.
Яковская Н. Б. Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках,— ВДИ, 1959, № 1.
Яковская Н. Б. Общинное самоуправление в Угарите,— ВДИ, 1963, № 3.
Яковская Н. Б. Община и царь в Аррапхе XV в. до н. э.,— «Тезисы доклада на совещании по древнему Востоку, 5—10 февраля», Л., 1968.

На западноевропейских языках

Adams R. Land behind Baghdad, Chicago—London, 1975.
Aldous J. International Bibliography of Research in Marriage and the Family (1904—1964), Minneapolis, 1967.
Andrae W. Hatra, t. I—II, Leipzig, 1908—1912.
Andrae W., Lenzen H. Die Partherstadt Assur, Leipzig, 1933.
Auboyer J. La vie quotidienne dans l'Inde ancienne (environ II s. av. J. C.—VII s. e. s.), Paris, 1961.
Badawy A. Architecture in Ancient Egypt and the Near East, Cambridge (Mass.) and London, 1966.
Berghe Vanden L. Archéologie de l'Iran ancient, Leiden—Brill, 1959.
Bernard A. Troisième campagne de fouilles à Ai-Khanoum en Bactriane, CRAIBL, 1968.
Bernard A. Quatrième campagne de fouilles à Ai-Khanoum (Bactriane), CRAIBL, 1969.
Bernard A. Campagne de fouilles 1969 à Ai-Khanoum en Afghanistan, CRAIBL, 1970.
Binford L. Archaeology as Anthropology, — «American Antiquity», vol. 28, 1962, № 2.
Binford L. Archaeological Perspectives,— «New Perspectives in Archaeology», Chicago, 1968.
Brown F. E. The Agora and Bazaar. The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of 9th Season of Work (1935—1936), New Haven, 1944.
Chang K. Ch. A Typology of Settlement and Community Patterns in some circumpolar Societies,— «Arctic Anthropology», vol. 1, 1962, № 1.
Chang K. Ch. Rethinking Archaeology, New York, 1966.
Chang K. Ch. Major Aspects of the Interrelationship of Archaeology and Ethnology.— CAn 1967, June.
Chang K. Ch. Archaeology of Ancient China, New Haven—London, 1968.
Contenau G. La vie quotidienne à Babylone et en Assyrie, Paris, 1950.
Cumont F. Fouilles de Doura-Europos, Paris, 1926.
Cook F., Heizer R. F. Relationships among Houses, Settlement Areas and Populations in Aboriginal California,— «Settlement Archaeology», Palo Alto, 1968.
Dawn of Civilization. London, 1961.
Delugaz P. The Temple Oval at Khafājyah,— «Oriental Institute Publications», vol. VIII, Chicago, 1939.
Frankfort H. Town Planning in Ancient Mesopotamia,— «The Town Planning Review», vol. XXI, 1950, № 2.
Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient, London, 1954.
Garden J. Céramiques de Bactres,— MDAFA, 1957, t. XI.
Ghirshman R. Village Perse-Achéménide,— MMAI, t. XXVI, Paris, 1954.
Ghirshman R. Begram, Le Caire, 1948.
Ghirshman R. Perse, Protoiraniens. Mèdès. Achéménides, Paris, 1963.
Ghirshman R. Perse. Parthe et Sasanides, Paris, 1963.
Godard A. L'art de l'Iran, Paris, 1962.
Hammond M. The City in the Ancient World, Cambridge (Mass.), 1972.
Henning W. B. Chorasmian Documents, AM, n. s., vol. XI, p. 2, 1965.
Herzfeld E. Archaeological History of Iran, London, 1935.
Herzfeld E. Damascus: Studies in Architecture. II,— AI, vol. X, Ann Arbor, 1943.
Hill J. N., Broken K. Pueblo: Pattern of Form and Function,— «Settlement Archaeology», Palo Alto, 1968.
Hopkins C. The Private Houses. The Excavations at Dura-Europos. Preliminary report of 5th season of work, New Haven, 1934.
Johnson G. A Test of the Utility of Central Place Theory in Archaeology,— «Man, Settlement and Urbanism», London, 1972.
Koldewey R. The Excavations at Babylon, London, 1935.

Kraeling C., Adams R. Mc (ed.). City Invincible, Chicago, 1960.
Lambton A. Landlord and Peasant in Persia, London, 1953.
Lampl P. Cities and Planning in the Ancient Near East, New York, 1968.
Litvinsky B. A. Outline History of Buddhism in Central Asia, Moscow, 1968.
Lloyd S. The Art of the Ancient New East, London, 1961.
Majumdar G. P. Hearth and Home,— «Indian Culture», vol. 3, pt 3, 1937.
Man, Settlement and Urbanism, London, 1972.
Marshall J. Archaeological Explorations in India. 1909—1910, JRAS, London, 1911.
Marshall J. Taxila, vol. I, Cambridge, 1951.
Mazaheri A. Famille iranienne aux temps antéislamiques, Paris, 1938.
Mallowan M. Civilized Life Begins: Mesopotamia and Iran,— «The Dawn of Civilization», London, 1961.
Mellaart J. Excavations at Çatal Hüyük,— AS, vol. VII, 1962.
Minorsky J. Sharaf al-Zamān Tahir Marvazi. London, 1942.
Naroll R. Floor Area and Settlement Population,— «American Antiquity», vol. XXVII, 1962, № 4.
Nesewi Muhammed. Histoire du Sultan Djelal ad-din Mancoubirti, publ. par O. Hundas, Paris, 1891—1895.
New Perspectives in Archaeology, Chicago, 1968.
Oelmann G., Hilani und Liwanhaus,— «Bonner Jahrbücher», 1922, H. 127.
Olmstead A. The History of the Persian Empire, Chicago, 1948.
Oppenheim A. Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization, Chicago, 1964.
Pope A. The Safavid Period,— SPA, vol. III, Tokyo, 1964—1965.
Porada E. The Art of Ancient Iran. New York, 1965.
Planhol X. de. Les villages fortifiés en Iran et en Asie Central,— «Annales geographie», 1958, № 67.
Planhol X. de. Geography of Settlement. The Cambridge History of Iran, vol. I, Cambridge, 1968.
Rapoport A. House Form and Culture. London, 1968.
Rau A. Villages, Towns and Secular Buildings, Calcutta, 1965
Reuther O. Sasanian Architecture,— SPA, vol. I, London—Chicago, 1938.
Ritschl E., Schetelich M. Studien zum Kautiliya Arthaśāstra, Berlin, 1973.
Rouse J. Settlement Pattern in Archaeology,— «Man, Settlement and Urbanism», London, 1972.
Rostovzeff M. Dura and the Problem of Parthians,— «Jall classical Studies», t. V, Oxford, 1938.
Sharma G. R. Excavations at Kauśāmbi, 1949—1955,— «Annual Bibliography of Indian archaeology», vol. XVI, Leiden, 1958.
Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligtümer, Berlin — New York, 1971.
Schlingloff D. Die altindische Stadt, Mainz, 1970.
Schmidt E. The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians, Chicago, 1939.
Schmidt E. Flight over Iran, Chicago—London, 1940.
Schmidt E. Persepolis, Chicago, 1953.
Settlement Archaeology, ed. K. Chang, New York, 1968.
Siroux M. L'évolution des antiques mosquées rurales d'Ispahan,— «Arts asiatiques», t. XXVI, 1973.
Stirling P. Turkish Village, London, 1965.
Trigger B. G. History and Settlement in Lower Nubia, New Haven, 1965.
Trigger B. G. Settlement Archaeology — its Goals and Promise,— «American Antiquity», vol. 32, 1967, No. 2.
Trigger B. G. Determinants of Settlement Pattern,— «Settlement archaeology», New Haven, 1968.
Trigger B. G. Beyond Prehistory, New York — Chicago — London, 1968a.
Tringham R. Settlement Pattern and Urbanism,— «Man, Settlement and Urbanism», London, 1972.
Tolstov S. P., Livshitz V. A. Decipherment and Interpretation of the Khwarezmian Inscriptions from Tok-kala,— AO, t. XII, 1964.
Willey G. Prehistoric Settlement Patterns in Viru Valley, Peru,— «Bulletin Bureau of American Ethnology», 1953, № 155.
Willey G. An Appraisal,— «Settlement Archaeology», New York, 1968.
Woolley L. Excavation at Ur. 1930—1931,— «The Antiquaries Journal», vol. XI, 1931, № 4.
Woolley L. Ur of the Chaldees, London, 1938.
Woolley L. The Urbanization of Society,— «Cahiers d'histoire mondiale», IV, 1957, pt. 1.
Woolley L. Excavations at Ur. A Record of Twelve Year Work, New York — Crowell, 1955.
Wulff H. E. The Traditional Crafts of Persia, Cambridge (Mass.) and London, 1966.

SUMMARY

In recent decades the development of archeology in the Soviet Union and abroad has been marked by a growing interest in the theoretical problems of this branch of knowledge, by the elaboration of its empirical and conceptual background and by a systemic approach to the methods of analysing source material. Increasing attention is thus attached by archeologists to the study of settlements and dwellings as a major source for archeological investigations, enabling scholars to re-create the socio-economic pattern of a given society and its history on the highest, interpretative level of research. Today, the following tasks are posed: to study settlements as entities (this necessitates the uncovering of large areas); to establish their interrelation (or their macrostructure, if one settlement is to be regarded as a microstructure); to trace their hierarchy, which was the outcome of their development. The concepts of the main archeological criteria in defining the structure of settlements and houses are being elaborated, as well as the methods of functional analysis of premises and their classification by type. The author of the present book, which deals with rural settlements and houses in Khorezm in the 1st-14th centuries, has tackled the above-listed theoretical and methodological problems. The book was conceived as a sequence to the same author's previous monograph "Selskiye poseleniya afrigidskogo Khorezma" ("Rural Settlements of Khorezm under the Afrigids", Moscow, 1966); in the process of working on that book, many questions arose pertaining to the way of evolution of Khorezm's rural houses, the specific features of the rural community and the structure of the family. It finally transpired that their solution called for the collection of data that lay outside the chronological boundaries of the first monograph (7th-8th centuries). It was necessary to delve into the past and also to examine the medieval settlements of Khorezm. This suggested the "continuity" of the subject matter and, accordingly, the investigation of Khorezmian settlements from the 1st to the 14th centuries. It should be stressed that Khorezm provides the optimal conditions for studying the subject in question, since the desert has kept intact the remains of settlements dating back to different periods, as well as of entire farming oases, sometimes covering a hundred hectares; these remains convey in detail the mode of life of ancient and medival farmers. And this, in its turn, has made it possible to investigate each settlement not as a mere cluster of buildings but as an entity with its own farming grounds, specific features, remains of artisans' workshops and distinctive irrigation system (if an oasis had been cultivated over a long period, a brief reconstruction of its history was made). The investigation of settlements was facilitated by the fact that by 1964, when work pertaining to the subject was started, the Khorezmian Archeological and Ethnographical Expedition had accumulated considerable experience in special archeological aerial photography and the deciphering of aerial photographs; this was of great help for the author of the book and has been extensively used by her in compiling the plans of the large farming oases that had been abandoned.

It is also essential that, when the author started her research, she was able to draw on interesting though rather scant data on rural settlements in Khorezm. S. P. Tolstov's ideas on the development of social and economic relations in Khorezm had been largely based on the investigations of Khorezmian settlements. These general ideas were vested in concrete shape following detailed studies of individual estates (Dingildzhe) and entire oases (Berkut-Kala). Surveying work was conducted on medieval Khorezmian settlements on the left and right banks of the Amu Darya (the Oxus).

But, of course, the subject chosen by the author called for far more extensive material, and this was collected between 1964 and 1972,

when a large area of left-bank and right-bank Khorezm was surveyed on foot and in motor-car. In point of fact, not a single important settlement was left out. As a result, detailed plans of 24 settlements (some of them taking up as much as a hundred hectares) were drawn up; more than 350 houses were measured, of which 27 were uncovered in full. It should be pointed out, however, that this data is rather unevenly distributed chronologically. It is quite ample for the medieval epoch—7th to 12th century. Numerous clay, glass, bronze and iron articles give a full-scale idea of Khorezmian culture in the 12th and early 13th century. Dating from that period are the largest (as regards their area) settlements in Daryalyk-Kul (left-bank Khorezm; fig. 1, points 707-709) and Kavat-Kala regions (right-bank Khorezm). The investigation of big compact settlements in the Daryalyk zone (fig. 1, points 822 and 845) has augmented and modified our previous image of Khorezm under the Golden Khorde.

This profuse data, naturally, could not be covered in this book in all its aspects since the author limited herself in this instance of the two following basic tasks: 1) establishing the evolution of the types of Khorezmian rural houses from the beginning of the new era to the late medieval period—that is, tracing the formation of folk houses in the Khorezm Oasis; 2) trying to ascertain, on this basis, the character of the primary social cell, the family, in different periods of the epoch under examination.

It would be impossible to resolve, or even to properly pose, many of the questions linked with the first task undertaken by the author if she were to confine herself to Khorezmian data alone. The latter had to be collated with archeological data amassed so far by investigators in the Soviet Union and abroad.

The author has drawn, in addition to publications of factual data, on summarising works dealing with general problems in the history of architecture, with the emergence of the main principles of house-planning and settlement-patterns. The latter are founded, for the most past, on data obtained in the course of excavations of ancient cities, big buildings and monumental architectural relics. But since their authors deal with the general features of the architecture of a definite period, pertaining to extensive regions in Central Asia and other countries of the East, these works come in handy in studying concrete rural settlements in these regions.

The uncovering of extensive Central Asian town-sites dated in the period of classical antiquity (Khalchayan, Dalverzin-Tepe and Zar-Tepe in ancient Bactria; Gyaur-Kala in Merv; Toprak-Kala in Khorezm), of early-medieval Pianjikent and medieval Taraz, Otrar, Shekhr-Islam and Chugundor made it possible to ascertain with increasing clarity the features of Central Asian urban houses belonging to people from different social strata. Simultaneously, it became possible to compare rural and urban houses, to single out planning features common to large areas; local versions of houses were established, and cultural exchanges traced.

In writing this book, wide recourse was taken to the method of ethnographic analogies, which is particularly rewarding when applied to regions like Khorezm: the continuity of cultural traditions and of the way of life can be followed there from antiquity to our own time.

On the whole, large-scale archeological investigations in Central Asia, specifically those carried out by the Khorezmian Archeological and Ethnographical Expedition of the USSR Academy of Sciences, made it possible—so far, only in the case of Khorezm and in the most general outline—to reconstruct the history of rural houses. This history makes up the subject of the present book.

The subject can be treated on a varying scale. A detailed history of houses must incorporate problems of the influence exerted on the formation of houses by the natural and economic conditions, building materials, socio-economic environment, family structure, political situation and ethnic milieu. The author, however, did not aspire to producing a monograph like A. Rapoport's "House Form and Culture" (London, 1969), in which the above-listed problems are analysed against a background of material which is extensive both chronologically and territorially. The present author set herself the task of following the evolution of the composition-and-planning pattern, the "architectural idea" proper; factors which actually shape the house were only dealt with inasmuch as they affected the solution of some specific problems with which the author became involved.

The second trend of research stems from the recognition of the fact that houses and settlements are an excellent source for reproducing the structure of the family and the community, and also the social system. It is therefore closely related to demographic problems.

The first part of the book, entitled "Excavation and Survey of the Settlements", presents all the data collected by the author. It falls into five chapters. In keeping with the chronological boundaries of the periods in Khorezm's history, every chapter has an introduction describing the political and economic situation in the country and the specific features of its

population's culture, as well as the environmental conditions in which the settlements lay. The planning and architecture of houses are analysed, the finds made in the course of investigations are listed, and grounds are given for the concrete dating of settlements and houses.

The second part of the book, "Archeological-Ethographical Essays", summarises the material presented. It has two chapters. The first, "Basic Stages in the Formation of Khorezmian Rural Houses", contains sections describing houses in the first centuries of the new era, in the 7th and 8th centuries, in the 12th and early-13th centuries and in the 14th century. The sections follow the same order: they describe the types of houses established by the author, which are then extensively compared with data from regions in Central Asia, the Near and Middle East; they give brief information on the building techniques and the interiors of houses and describe the specific features of their plan. The extensive chronological scale of research has enabled the author to trace the evolution of Khorezm's rural houses for nearly a millennium and to ascertain the specific features of the historical stages which she has singled out. The chapter shows that Khorezmian rural houses in all periods of their history were noted for their deep-rooted originality. This, of course, does not mean that they developed out of touch with the house-building traditions of the neighbouring populations. Such contacts undoubtedly existed, and touches of affinity are seen primarily in the architecture of large structures, of urban and rural houses of the well-to-do, who were the first to pick up the trends of the time. Moreover, as has been rightly noted, the processes of borrowings in architecture mainly affected the decor and only rarely the types of buildings and their architectural composition. The strength of mutual contacts, however, is usually gauged from the reverse principle: from architectural type to decor. Rural buildings, especially the houses of ordinary families, were subjected to external influences (of foreign architectural ideas and the planning principles of urban buildings in the given country) to a smaller degree.

In tracing the evolution of the Khorezmian rural houses the author sought to bring out the continuity of the architectural and planning traditions in folk architecture and to find the ancient prototypes of contemporary folk buildings of the Khorezm Oasis.

The author arrives at the conclusion that in the first centuries of the new era house-building in Khorezm's rural settlements was characterised by individual compositional patterns of houses, whose appearance differed in neighbouring settlements and in settlements built in the same period. This diversity was probably due to the lack, in that epoch, of any established and predominant pattern of the rural house. The average rural house in Khorezm in the first centuries of the new era did not possess a central hall or courtyard, so typical of ancient houses in contiguous Oriental countries. Khorezmian rural houses dated in the 7th and 8th centuries display only some touches of affinity with the houses of the preceding epoch; this affinity is to be found mostly in details of the interior, and not in the general plan. The buildings stand out for their large size and "apartment-house" pattern. Most of them were fortified. Particularly widespread was the house with a central corridor. This type has no roots in Antique Khorezm, with the exception of the house in Dingildzhe dated in the 5th century B. C.; the latter tradition seems to be discontinued in the following centuries of the Antique period.

In the early medieval period, a new architectural form emerged: the *kyoshk*, which may be regarded as an all-Asia form, since it has many similar features throughout the territory of Central Asia. The author shows that the sources of the main compositional ideas which underlay rural house-building in the Khorezm Oasis stem precisely from the early medieval period (7th and 8th centuries). By the 12th century the house with a central corridor had assumed its final shape and was widespread in Khorezm; it became, in a somewhat modified form, a structural component of the South Uzbek rural house—*khauli*—and has survived to this day. Yet no direct analogues of the *khauli* have been found displaynig the same location—under one roof—of living quarters and economic premises (including the wide *dalan* passage, cattle sheds, etc.). The author suggests that the *khauli* of Khorezm's Southern Uzbeks took shape in the 16th-18th centuries under the influence of the political and economic situation which obtained in that period. Ethnic factors, too (the influx of new settlers with their own house-building traditions) may have played a certain part in this process.

The author thus comes to the problems of the formation of the rural house of Khorezmian Uzbeks and Turkmenians. She has singled out several stages in the history of Khorezmian rural houses over the period under examination. The turning-points, in her opinion, coincide with the periods of major socio-economic changes, which were also attended by changes in some of the above-named factors contributing to the formation of houses.

The impact of these factors on the formation

of houses cannot be traced in every country. It is far more convenient to trace this impact for some regions of the Old and the New World where the above-listed determining factors were different. The economic-geographical and climatic conditions of the outskirts of Khorezm and in its central Amu Darya districts did not differ to such an extent as to cause the appearance of different types of settlements and houses. If the present book does mention some specific features of houses in the Daryalyk area in the medieval period as compared with the houses in the Amu Darya districts—Zamakhshar (Daryalyk-Kul) and Kavat-Kala—these are mostly due to different levels in the house-building art. Yet one cannot deny that a certain part was played by the economy prevailing in these districts: in the Daryalk area it may have been more closely connected with cattle-breeding than in the central districts with their indigenous, advanced farming culture and ancient building traditions. A certain part, too, must have been played by the ethnos: by the appearance in the country's outskirts and, to a certain extent, also in its central part, of new ethnic groups, whose influx in the 7th and 8th centuries has been archeologically corroborated by the appearance of new pottery forms.

The part played by ethnic traditions and their manifestation in house-building are among the most interesting and less studied problems. In fact, the problem of the types of houses and the details of their planning as ethnic indicators has not been posed with sufficient clarity so far. This problem is closely linked with the general problem of the correlation of archeological culture and ethnic community, which was discussed in several Soviet journals a few years ago. One has to agree with the conclusion reached at that time by a number of researchers, that one should regard as ethnic indicators primarily those elements of archeological culture which are not linked directly with production and the natural conditions affecting the economy and way of life: i. e., mainly the elements that pertain to the non-material sphere, to art and religion. Houses and house-building techniques, as has been pointed out above, largely depend on the natural conditions, on the availability of one or another kind of building material, etc. At the same time there are quite a few instances when these conditions in themselves do not explain why roughly identical environments produced different details of the interior and plan. For example, an important component of the problem of houses and their elements as ethnic indicators is the type of hearth. It is well known that fire-places and heating hearths called *kans* did not occur throughout the territory of Soviet Central Asia. Khorezmian houses never had fire-places, although these were typical for houses in Ferghana and the adjacent areas. Still more confined is the area where *kans* were in use; it was oriented (in Central Asia) mostly to the Syr Darya (Jaxartes) zone and to Semirechye, but not in all historical periods and not for the entire zone. Assuming that climatic and, in general, natural conditions played a prominent part in the choice of the type of hearth, it is still hard to understand why *kans* appeared in Urgench in the 16th century whereas before that different kinds of hearths occurred in the same climatic belt.

The reasons are obviously to be sought in ethnic migrations. It seems to us that only the influx of new ethnic elements can account for the fact that the lower and upper layers of the same house-block (Dzhety-Asar No. 3) have yielded different hearths, with *kans* occurring only in the upper layer. The author of the book could not take up this fascinating problem in its entirety; she touched on ethnic history only while searching for the reasons that account for the above-mentioned turning-points in the evolution of the Khorezmian rural house. Concrete indications of the penetration of new traditions and trends to Khorezm are fully revealed only for the period covering the 7th and 8th centuries.

As regards the second turning-point in the history of Khorezmian rural houses (it occurred in the 16th-18th centuries, and so a detailed analysis of the evolution of Khorezmian houses in these centuries is outside the scope of the book), one can only guess that individual features of the people's material culture and its overall image were probably determined apart from the internal situation in the country, which was then gripped by an economic decline and ravaged by Turkmenian-Uzbek internal strife, also by a certain influence exerted by the new ethnic groups which reached the Khorezm Oasis in the 16th century together with the Uzbeks of Sheibani Khan. Their arrival may have accounted for the appearance of *kans* in Urgench houses.

The data studied by the author warrants the assertion that as early as the 12th-14th centuries there was a large area around Urgench, the capital of the state, whose population contained many people from the Syr Darya area. This data confirms the testimony found in written sources, which was analysed by V. V. Barthold and later by S. P. Tolstov and other researchers, concerning the important role played by the Oghuz, the Kypchak and other Syr Darya tribes at the time of the Seljuk conquest, at the court

of the Khorezmian Shahs, and later. What is more this data shows that in the 12th-14th centuries the history of North-Western Khorezm was inseparable from the history of the Oghuz-Kypchak regions of the Syr Darya. Unless the part played by the outlying steppe regions is taken into account, it is hard to see the history of medieval Khorezm as a new epoch. It was new not only because at that time a new socio-economic system, a new religion (Islam) and new forms of material culture were taking shape, but also because the tribes of the outlying regions were exerting a real influence.

Such are some of the aspects of studying one factor that influenced the formation of houses. They have a direct bearing on another factor, the structure of the family and the rural community, that engaged the author's attention (Chapter II of Part Two—"Settlements and Houses in Connection with Certain Questions of Socio-Economic Relations in Khorezm"), inasmuch as these aspects, above all, make it possible to surmise a non-direct evolution of social structures and remind us that the cultural continuity of different historical epochs is not unavoidable.

In regarding houses as primary data for establishing the type of family, the author proceeded from the fact that the family's structure and way of life had to be reflected in the planning and interior arrangement of houses. In analysing the latter, one cannot bypass ethnographical data on Central Asian houses, above all of the Khorezm Oasis; their roots, moreover, should be traced as far back as possible. Especially pertinent is the data on the correlation of the living and economic quarters within one house, on their location in the house, on the number of inhabitants, the number and plan of living rooms, etc. Unfortunately, such data is quite scant, and this impedes reconstruction—above all, demographic reconstruction.

The existing means of establishing the number of inhabitants of ancient houses, based on the density of population which, in turn, is reconstructed with the help of various data, do not seem fully credible as yet. It should be acknowledged that the size of the house does not always directly correspond to the size of the family. At the same time the mass-scale changes in the size of an average family's house in the course of centuries, which have been established by the author, as well as the pertinent data on the interior arrangement of houses (all the premises used by the whole family—or separate, sometimes isolated living sections within the house; the number of living rooms; the location of heating hearth and kitchen hearths) and their evolution undoubtedy reflect the dynamics of the family's evolution. It is also essential to establish the relationship between the house and the settlement in the context of planning and also in the social context, and to single out the basic features of the plan of the settlement.

All these trends of investigation, wherein use was made of written sources—so far small in number but containing most valuable information—warrant the conclusion on the intricate evolution of the family in Khorezm, whose structure and size were not stable: the extended family now revived, now disintegrated into nuclear ones. These fluctuations were largely due to changes in the country's political and socio-economic position. Thus, there was the tempestuous early-medieval period (7th and 8th centuries) marked by internal strife and foreign invasion; and in the 12th-13th centuries the prosperity of the population rose as the country became the centre of the vast empire of the Shahs of Khorezm. Peace and the economic and cultural upsurge naturally promoted the disintegration of the extended patriarchal family which had predominated in Khorezm in the 7th and 8th centuries, although it persisted in the outskirts of the country. The author believes that the significant part played by agnatic groups (these are widely known in Soviet special literature as "patronymic") in the country's social structure throughout the entire period under examination, has been fully proved by the material examined in this book. Agnatic ties may have existed as early as the first centuries of the new era, but they are clearly seen in the topography of settlements dating from the medieval period. In most of them there were groups of buildings (two, three or more houses and several economic buildings). One of the houses was invariably bigger than the others. Excavations have shown that every house had its own storerooms and kitchen hearths, but the farmland was in the common use of the whole group. Thus there is reason to believe that these groups of buildings belonged to members of one patronymic group.

The author tries to confirm her hypothesis that the stability of the agnatic groups in Khorezm is rooted in the specific local irrigation system, which determined the system of land tenure: the primitive, labour-consuming farming techniques called for intensive cooperation in the process of work. Another hypothesis is advanced, that widespread private land ownership was characteristic of Khorezm.

The author did not set herself the task of shedding light on the entire history of the Khorezmian family from the 1st to the 14th centu-

ries. She did not have at her disposal sufficient material to accomplish this task. But she has attempted to collect in one book all the data she commanded on the Khorezmian family based on the examination of houses and settlements, to draw a picture covering many centuries, different social and political systems.

As noted above, the author was able to trace largely the dynamics of the family's evolution but could not, in most instances, determine its size in specific epochs. Especially complex is the problem of the nuclear family. There are some grounds to believe that in certain districts it enjoyed relative economic independence, within the framework of patronymic groups, in the first centuries of the new era and under the Shahs of Khorezm. These grounds, however, are still to a large extent hypothetical—above all, because of the lack of data. To obtain a clearer idea of the structure and size of the family, more definite information on the general character of the socio-economic system is needed, especially as regards the first centuries of the new era.

To ascertain the social structure of society, it seems worth-while to draw on relevant data from the history of other states that arose and developed in similar natural conditions, with artificial irrigation from big rivers being of crucial importance (e. g. Southern Mesopotamia, Egypt); the development of such societies and states is guided by some common regularities, and the importance of the natural setting for man's life at the time of the crystallisation of class society is self-evident.

The concrete pattern of the formation of class society and state in Khorezm and also its ancient history are so far obscure, but certain facts are beyond doubt—e. g., the self-sufficient character of the economy, poor internal exchange, the existence of big farming estates and slaves owned by the big landlords and even by average well-to-do farmers in antique Khorezm. At the same time, the lack of information on the settlements of antique Khorezm—urban settlements and small fortified ones, which are generally regarded as urban—hampers a comparative investigation. Further excavations alone will help to find out about the functions of Angka-Kala and similar fortresses; we hold this to be most important for understanding the country's social structure and economy. What were these? Castles housing the nobility or state strongholds? Our idea of the society in question depends heavily on the answer. At the present stage of our knowledge it appears that the extended family was more typical of the socio-economic system of ancient and medieval Khorezm throughout its long history; although this type of family, too, does not appear to us immutable. This phenomenon (the survival of extended families and patronymic groups) should be assesed not as an indication of the country's economic backwardness, not as a deviation from the normal, but on the contrary as a natural development predicated on the existing conditions and fully corresponding to them.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Часть первая

РАЗВЕДКИ И РАСКОПКИ
НА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ХОРЕЗМА

Глава 1. Поселения в первые века нашей эры 13
Глава 2. Раннесредневековые поселения (VII—VIII вв.) . . . 58
Глава 3. Поселения времени Великих Хорезмшахов (XII — начало XIII в.) 67
Глава 4. Поселения эпохи Золотой Орды 123

Часть вторая

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Глава 1. Основные этапы формирования хорезмского сельского жилища 158
Глава 2. Поселения и жилища в связи с некоторыми вопросами социально-экономических отношений в Хорезме 205

Заключение 235
Таблица условных обозначений 239
Список сокращений 240
Библиография 241
Summary 250

Елена Евдокимовна Неразик

СЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩЕ В ХОРЕЗМЕ (I—XIV ВВ.)

ИЗ ИСТОРИИ ЖИЛИЩА И СЕМЬИ. АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Утверждено к печати
Институтом этнографии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая

*

Редактор *Б. Л. Модель*
Младший редактор *С. П. Какачикашвили*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *И. Б. Осипова*

Сдано в набор 2/X 1975 г. Подписано к печати 18/VI 1976 г. А-06627. Формат 84×108$^{1}/_{16}$
Бум. № 1. Печ. л. 16. Усл. п. л. 26,88. Уч.-изд. л. 29,5. Тираж 1900 экз. Изд. № 3630
Зак. 768. Цена 3 р. 36 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
5	левая	13 сн.	Хорезмской экспедиции под руководством ав-	дование хорезмских поселений в I — XV вв.
162	правая	21 св.	Хафайе	Хафадже
239	правая	5 св.	обожж. участок поля	обожж. участок пола
239	правая	6 сн.	камин	камень
248	правая	35 сн.	vol. VIII	vol. LIII
248	правая	36 сн.	Khafāyah	Khafājah

Зак. 658